



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильинных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан



■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецко, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

кандидат исторических наук А.И. Савин
кандидат исторических наук В.В. Журавлев
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев





СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

■ Адаптация к мирной жизни

Д.О. Никулин. Адаптация комбатантов Первой мировой войны к тыловой жизни в Омском военном округе в 1915–1922 годах 11–21

Н.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова. Военнопленные Первой мировой на новой родине: адаптационные практики 22–35

Н.С. Склярченко. Социальное обеспечение инвалидов войны на территории Томской губернии и Томского округа в годы нэпа 36–49

Д.И. Петин. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) 50–65

М.А. Семенов. Комплексная реабилитация раненных на фронте воинов в госпиталях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 66–80

А.Д. Дерендяева. Специфика послевоенной адаптации населения Казахской ССР (1945–1950-е годы) 81–89

Н.М. Маркдорф. Дети войны: заболеваемость, медицинская помощь, кадровая обеспеченность в детских социальных, воспитательных и лечебных учреждениях Кузбасса в 1940–1950-е годы 90–106

■ Биография: жизненные траектории

А.В. Дмитриев. Комбатанты в рядах Сибирского корпуса: девиантное поведение на фоне пережитого опыта войны (вторая половина XVIII века) 107–118

М.Н. Супрун. Германский плен Первой мировой в воспоминаниях историка М.И. Романова 119–136

А.Е. Гончаро. Белые просторы Советской Арктики: участники белого движения в организации судоходства по Карскому морю 137–149

Д.А. Астафьев. Судьба комбатанта в эпоху войн и революций: к биографии Павла Ивановича Астафьева (1892–1937 годы) 150–161

К.В. Сак, Н.Ю. Пивоваров. Из комбатанта вермахта в советские агенты: протокол допроса князя Н.М. Гагарина как источник по истории участия русских эмигрантов в Великой Отечественной войне 162–187



■ Герои войны в мирное время

А.В. Юров. Землячество женщин-фронтовичек:
из истории социальной адаптации героинь Гражданской войны в 1920-е годы 188–200

А.Г. Тепляков. Революционные лжегерои:
практики самозванчества среди номенклатуры Сибири и Дальнего Востока в 1920–1930-х годах 201–214

А.Д. Попов. Празднование 50-летия восстания на броненосце «Потемкин» в 1955 году:
мероприятия официальной коммеморации и их противоречивость 215–227

■ Комбатанты: опыт участия в общественно-политической деятельности

К.Л. Захарова. Военнослужащие тыловых гарнизонов в Сибири в марте – октябре 1917 г.:
опыт политического участия 228–249

М.А. Кокорев. «Пароль один – Афган»: общественное движение
воинов-интернационалистов и его роль в судьбе ветеранов войны в Афганистане 250–266

■ Пространства мира на грани войны

Т.Ю. Толстиков. Конструирование образов осажденного и возрождающегося города:
особенности организации визитов иностранных корреспондентов
в Ленинград в 1943–1944 годах 267–274

А.А. Хорошев. Репатриация советских перемещенных лиц
из Финляндии в СССР 1944–1953 годах 275–287



CONTENTS

From the Editor (*in Rus.*) 7–8

From the Editor 9–10

■ Adapting to a Peaceful Life

D.O. Nikulin. Adaptation of Combatants of the First World War to the Rear Life in the Omsk Military District in 1915–1922 11–21

N.N., Ablazhey A.S. Zhanbossinova. Prisoners of the First World War in a New Homeland: The Practices of Adaptation 22–35

N.S. Sklyarenko. Social Security for War Invalids in the Tomsk Province and Tomsk District during the NEP Years 36–49

D.I. Petin. Ex-Officers in the Social Space of the West Siberian Province in the 1920s: The Example of Tara and its District 50–65

M.A. Semenov. Comprehensive Rehabilitation of Soldiers Wounded at the Front in Hospitals in Western Siberia during the Great Patriotic War 66–80

A.D. Derendyaeva. The Specifics of Adaptation after the Great Patriotic War of the Population of the Kazakh SSR (1945–1950s) 81–89

N.M. Markdorf. Children of War: Morbidity, Medical Care, Staffing in Children's Social, Educational, and Medical Institutions of Kuzbass in the 1940s–1950s 90–106

■ Biographies: Life Trajectories

A.V. Dmitriev. Combatants in the Ranks of the Siberian Corps: Deviant Behavior Against the Background of the War Experience (The 2nd Half of the 18th Century) 107–118

M.N. Suprun. German Captivity of the First World War in the Memoirs of the Historian M.I. Romanov 119–136

A.E. Goncharov. The White Soviet Arctic. The role of the White Movement in Establishing Shipping on the Kara Sea Route 137–149

D.A. Astafyev. The Fate of a Combatant in the Era of Wars and Revolutions: To the Biography of Pavel Ivanovich Astafiev (1892–1937) 150–161

K.V. Sak, N.Yu. Pivovarov. From Wehrmacht Combatant to Soviet Agent: Interrogation Protocol of Prince N.M. Gagarin as a Source on the History of Participation of Russian Emigrants in the Great Patriotic War 162–187



■ **Peacetime War Heroes**

- A.V. Yurov.* Society of Women War Veterans:
From the History of Social Adaptation of Civil War Heroines in the 1920s 188–200
- A.G. Teplyakov.* Revolutionary False Heroes:
Impostor Practices Among the Nomenclature of Siberia and the Far East in 1920–1930s 201–214
- A.D. Popov.* Celebration of the 50th Anniversary of the Mutiny on the Battleship “Potemkin” in 1955:
Official Commemoration Events and Their Inconsistency 215–227
-

■ **Combatants: Experience in Social and Political Activities**

- K.L. Zakharova.* Military Personnel of Rear Garrisons of Siberia in March – October 1917:
Experience of Political Participation 228–249
- M.A. Kokorev.* “The Password is One – Afghanistan”:
The Social Movement of Internationalist Soldiers and Its Role
in the Fate of Veterans of the War in Afghanistan 250–266
-

■ **Spaces of Peace on the Brink of War**

- T.Yu. Tolstikov.* Constructing Images of a Besieged and Resurgent City:
Features of the Organization of Visits of Foreign Correspondents to Leningrad in 1943–1944 267–274
- A.A. Khoroshev.* Repatriation of Soviet Displaced Persons from Finland to the USSR 1944–1953 275–287
-



2024 · № 6 (38)

Тема номера:

ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ НА ПУТИ К МИРУ: КОМБАТАНТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

ОТ РЕДАКТОРОВ

«Человек войны на пути к миру...». Для очень многих в наши дни древнейшая дихотомия войны и мира почти внезапно обрела очевидную актуальность. Осознание того, что мы живем в «военное время», побуждает историков задавать новые вопросы к внешне неизменному материалу минувшего. XX век навсегда вошел в историю России как век двух мировых войн, революций и вооруженных конфликтов, в которых приняли участие с оружием в руках миллионы людей. Как победители и побежденные, активные творцы и пассивные жертвы событий, комбатанты, военнопленные, гражданское население, раненые и инвалиды, дети и сироты, а также целый ряд других категорий и групп, порожденных военным временем, преодолевали подвижную и порой зыбкую грань между войной и миром? С какими трудностями они столкнулись и какими решениями руководствовались? Как государство участвовало в процессе перехода? Как этот транзит сказывался на стране и обществе? Какой опыт мы можем извлечь из прошлого, «подсвечивая» им ситуации сегодняшнего дня и вероятного будущего?

Нам, выпускающим редакторам данного выпуска «Исторического курьера», удалось собрать команду квалифицированных авторов, готовых со своих оригинальных исследовательских позиций осветить разные аспекты этого окутанного пороховым дымом проблемного поля.

Первой и самой очевидной исследовательской оптикой, проявившейся в представляемых читательскому вниманию статьях, стал ракурс адаптации участников боевых действий к мирной жизни. В открывающей номер статье Д.О. Никулина предпринят анализ вхождения участников боевых действий в тыловую жизнь в 1915–1918 гг. В трех следующих публикациях рассматриваются проблемы адаптации бывших комбатантов в 1920–1930-е гг. Социальное обеспечение инвалидов войны в период нэпа стало предметом внимания Н.С. Скляренко. Н.Н. Аблажей и А.С. Жанбосинова рассмотрели натурализацию в Советской России бывших военнопленных – граждан Центральных держав. Д.И. Петин рассмотрел место бывших белых офицеров в постреволюционном социуме на примере сибирской провинции.

Три другие статьи приурочены к периоду Великой Отечественной войны. Исследование М.А. Семенова анализирует комплексный характер советской практики медицинской реабилитации и социальной адаптации раненых военнослужащих. Н.М. Маркдорф пишет о медицинской помощи «детям войны» и кадровой обеспеченности детских социальных, воспитательных и лечебных учреждений Кузбасса в военные и первые послевоенные годы. А.Д. Дерендяева рассматривает послевоенные адаптационные процессы населения Казахской ССР.

Вторым ракурсом рассмотрения проблем послевоенного перехода стала группа исследований, решенных в биографическом и просопографическом жанрах. Статья А.В. Дмитриева представляет собой хронологически уникальное для данного выпуска исследование девиантного поведения участников боевых действий русской армии XVIII в. на фоне пережитого опыта войны. М.Н. Супрун представил отражение опыта германского плена Первой мировой войны в воспоминаниях историка М.И. Романова. А.Е. Гончаров реконструировал судьбы Д.Ф. Котельникова, К.К. Неупокоева и других полярников – бывших офицеров, принимавших участие в 1920-е гг. в становлении судоходства по Карскому морю. Д.А. Астафьев описал в своей статье биографию П.И. Астафьева, типичного участника событий Первой мировой и гражданской войн.



К.В. Сак и Н.Ю. Пивоваров вводят в научный оборот яркий и интересный источник – протокол допроса князя Н.М. Гагарина, эмигранта, военнослужащего вермахта и агента советских спецслужб.

Следующий блок публикаций рассматривает проблемы, связанные с «ветеранским феноменом» в отечественной истории. Статья А.В. Юрова посвящена судьбам героинь Гражданской войны, членов «Землячества женщин – участниц Гражданской войны», созданного в 1929 г. А.Г. Тепляков анализирует практики самозванчества 1920–1930-х гг. среди участников революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. А.Д. Попов рассматривает конкретный кейс – празднование в 1955 г. полувекового юбилея восстания на броненосце «Потемкин» и коммеморативную активность, обусловленную этой датой.

Опыт участия комбатантов в публичной политике подвергнут анализу в исследованиях К.В. Захаровой о политическом участии военнослужащих тыловых гарнизонов в Сибири в период Февральской революции и М.А. Кокорева об общественном движении участников «афганской войны» в период перестройки и в постсоветское время.

Завершают выпуск две статьи, в которых реконструируется специфика пространств мира, балансирующих на грани войны. Статья Т.Ю. Толстикова посвящена имагологии Ленинграда в публикациях иностранных корреспондентов конца войны. А.А. Хорошев анализирует процесс репатриации советских граждан из Финляндии в СССР с 1944 по 1953 г.

Очевидно, что многие из масштабных проблем, представленных в данном выпуске журнала «Исторический курьер» конкретными исследованиями, локализованными с территориальной и хронологической точек зрения, достойны изучения на более широком, в том числе монографическом уровне. Мы надеемся, что выпуск этого номера послужит существенным шагом к созданию более детальной и многоцветной картины *новой истории комбатантов*.

Выпускающие редакторы:
кандидат исторических наук
Андрей Иванович Савин,
кандидат исторических наук
Вадим Викторович Журавлев

<i>Выпускающие редакторы</i>	кандидат исторических наук А.И. Савин кандидат исторических наук В.В. Журавлев
<i>Ответственный секретарь</i>	В.В. Введенский
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев



2024 · No. 6 (38)

The Theme of the Issue:

MAN OF WAR ON THE WAY TO PEACE:
COMBATANTS IN THE HISTORY OF RUSSIA OF THE 20TH CENTURY

FROM THE EDITORS

A man of war on the way to peace...". For many people these days, the ancient dichotomy of war and peace has suddenly acquired obvious relevance. The realization that we live in a "time of war" prompts historians to pose new questions to the seemingly unchanging material of the past. The 20th century went down in the history of Russia as the century of two world wars, revolutions, and armed conflicts, in which millions of people took part. Winners and losers, active creators and passive victims of events, combatants, prisoners of war, civilians, the wounded and disabled, children and orphans, and a lot of other categories and groups generated by wartime: how did they overcome the shifting and sometimes blurry line between war and peace? What difficulties did they face and what decisions guided them? How did the state participate in the transition process? How did this transit affect the country and society? What lessons can we learn from the past to highlight the situations of today and the likely future?

We, the editors of this issue of the "Historical Courier", have managed to gather a team of qualified authors, who are ready to cover different aspects of this controversial field, shrouded in powder smoke, from their original research positions.

The first and the most obvious research focus in the articles introduced to the public is the issue of adaptation of combatants to civilian life. The opening article by D.O. Nikulin analyzes the return of war veterans to the homefront in 1915–1918. The next three publications address the problems of adaptation of former combatants in the 1920–1930s.

The social support of war invalids during the New Economic Policy period is the subject of research carried out by N.S. Sklyarenko. N.N. Ablazhey and A.S. Zhanbosinova analyze the naturalization of former prisoners of war (citizens of the Central Powers) in Soviet Russia. D.I. Petin focuses on the place of former white officers in post-revolutionary society, using the example of the Siberian province.

Three other articles are devoted to the period of the Great Patriotic War. M.A. Semenov's study analyzes the comprehensive Soviet practice of medical rehabilitation and social adaptation of wounded servicemen. N.M. Markdorf writes about medical aid to "children of war" and about the staffing support of children's social, educational, and medical institutions in Kuzbass in the war and first post-war years. A.D. Derendyaeva focuses on the postwar adaptation of the Kazakh SSR population.

Another area of research on the problems of post-war transition is represented by a group of studies focused on biographical and prosopographical issues. A.V. Dmitriev's article is a chronologically unique study of deviant behavior of the Russian army soldiers of the 18th century after surviving the war. M.N. Suprun presents the experience of German captivity of World War I in the memoirs by historian M.I. Romanov.

A.E. Goncharov reconstructs the life histories of D.F. Kotelnikov, K.K. Neupokoev, and other polar explorers—former officers who took part in the establishment of navigation on the Kara Sea in the 1920s. D.A. Astafiev describes the biography of P.I. Astafiev, a typical participant of the events of the World War I and the Civil War. K.V. Sak and N.Y. Pivovarov introduce a bright and interesting source—the record of interrogation of Prince N.M. Gagarin, an emigrant, a Wehrmacht soldier, and an agent of the Soviet secret services.

The next block of publications addresses the issues of "veteran phenomenon" in the Russian history. The article by A.V. Yurov is devoted to the destinies of heroines



of the Civil War, members of the “Community of Women—Participants of the Civil War”, created in 1929. A.G. Teplyakov analyzes the practices of imposture in the 1920–1930s among the participants of the Revolution and the Civil War in Siberia and the Far East. A.D. Popov examines a specific case: the celebration in 1955 of the half-century anniversary of the mutiny on the battleship Potemkin and the commemorative activity associated with this date.

The experience of participation of combatants in public politics is analyzed in the studies by K.V. Zakharova on the political activities of military servants of rear garrisons in Siberia during the February Revolution, and by M.A. Kokorev on the social movement of the Afghan War participants during the period of “Perestroika” and the post-Soviet period.

The issue is completed by two articles reconstructing the specifics of the world spaces balancing on the brink of war. T.Y. Tolstikov’s article is devoted to the imagology of Leningrad in the publications of foreign correspondents at the end of the war. A.A. Khoroshev analyzes the process of repatriation of Soviet citizens from Finland to the USSR from 1944 to 1953.

Many of the large-scale issues presented in this issue of the journal “Historical Courier” by specific studies, which are localized in terms of territory and chronology, are worthy of study at a broader, including monographic, level. We hope that the publication of this issue will be a significant step towards the creation of a more detailed and multicolored picture of the *new history of combatants*.

Executive editors:
Candidate of Historical Sciences
Andrey Ivanovich Savin,
Candidate of Historical Sciences
Vadim Viktorovich Zhuravlev

Executive editors

Candidate of Historical Sciences A.I. Savin
Candidate of Historical Sciences V.V. Zhuravlev

Executive secretary

V.V. Vvedenskiy

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil’ev

Д.О. Никулин*

**АДАПТАЦИЯ КОМБАТАНТОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К ТЫЛОВОЙ ЖИЗНИ
В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В 1915–1922 ГОДАХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-1
УДК 94(57)“1915/22”:355.018*Выходные данные для цитирования:
Никулин Д.О. Адаптация комбатантов Первой мировой войны к тыловой жизни в Омском военном округе в 1915–1922 годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-01.pdf>*

D.O. Nikulin*

**ADAPTATION OF COMBATANTS
OF THE FIRST WORLD WAR TO THE REAR LIFE
IN THE OMSK MILITARY DISTRICT IN 1915–1922****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-1

*How to cite:
Nikulin D.O. Adaptation of Combatants of the First World War to the Rear Life in the Omsk Military District in 1915–1922 // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 11–21. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-01.pdf>]*

Abstract. On the 110th anniversary of the First World War, the topic of the return of its veterans to the rear regions of the country is especially relevant – both during the war and after. In the course of recent geopolitical challenges, Russia resorted to limited mobilization, which happened in combination with capitalism for the first time since the First World War. The article identifies a number of situations that combatants faced upon returning from the front, as well as several variations of the attitude they faced from civilians and officials. The author concludes that combatants could find themselves in two different situations: having returned during the war and remaining in the ranks of the army, they entered service in depot regiments, where their advanced military experience was included into the program for training reinforcements. If a combatant returned after the February Revolution however, then he most likely entered service in the newly formed militia or went to work at fields in the countryside, for which evacuated veterans had preference. Some veterans took part in the political struggle. After both the First World War and the Russian Civil War, former combatants gained greater freedom of action, but they had to re-adapt to civilian life. The attitudes towards veterans were ambivalent. On the one hand, while the war was going on, the current government and entrepreneurs provided assistance to those who suffered most from the war, among whom, along with refugees, were the wounded and disabled veterans. On the other hand, the stories the veterans shared with their neighbors were inconvenient for the government, since they contradicted the official propaganda. At the same time, ordinary people listened to veterans and respected their opinion. After the war, due to its outcome and the peculiarities of the Civil War, veterans lost the appreciation of their fellows, which particularly affected the Cossacks. The Soviet government, which came to power after the Civil War, paid little attention to the veterans' participation in the First World War, preferring to judge them according to their role in the Civil War.

Keywords: combatants, World War I, Omsk Military District, rear, adaptation to peacetime, rehabilitation.

* **Даниил Олегович Никулин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikdanya@mail.ru

Daniil Olegovich Nikulin, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikdanya@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment “Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 19.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В 110-летнюю годовщину Первой мировой войны особенно актуальна тема возвращения ее ветеранов в тыл – как еще во время, так и после нее и Гражданской войны. В ходе последних геополитических вызовов Россия прибегла к ограниченной мобилизации, и вкуче с капиталистическим строем в нашей стране это произошло впервые со времен Первой мировой войны. В статье выявляется ряд ситуаций, с которыми комбатанты сталкивались по возвращении с фронта, а также несколько вариаций отношения, с которым их встречали обыватели и официальные лица. Автор приходит к выводу, что комбатанты могли оказаться в двух различных ситуациях: если они возвращались во время войны и оставались в рядах армии, то поступали на службу в запасные полки, где их передовой военный опыт внедрялся в программу подготовки пополнения; если возвращение комбатанта имело место после Февральской революции, то он с большой вероятностью поступал на службу в новообразованную милицию либо на полевые работы, при отправлении на которые эвакуированные ветераны имели преференции. Часть ветеранов принимала участие в политической борьбе. После обеих войн бывшие комбатанты получали большую свободу действий, но им приходилось заново приспосабливаться к мирной жизни. Отношение к ветеранам было двойственным. С одной стороны, пока война продолжалась, действующая власть и предприниматели оказывали помощь наиболее пострадавшим от войны лицам, среди которых наряду с беженцами были раненые и инвалиды. С другой стороны, для нее неудобны были рассказы фронтовиков, которыми они делились с односельчанами, так как они противоречили официальной пропаганде. В то же время простые обыватели прислушивались к ветеранам. После войны, в связи с ее итогом и особенностями Гражданской войны, ветераны потеряли понимание односельчан, что в особенности коснулось казаков, в то время как советская власть намного большее внимание обращала на роль ветеранов в Гражданской войне.

Ключевые слова: комбатанты, Первая мировая война, Омский военный округ, тыл, адаптация к мирному времени, реабилитация.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024 г.

Изучение проблематики истории Первой мировой войны переживает сегодня своего рода ренессанс. Новый толчок получило изучение целого ряда различных ее аспектов, таких как региональная история, вопросы дезертирства, экономики и внутренней политики, процессов Февральской революции. Сегодня среди тем, привлекающих внимание, стоит и вопрос социального положения комбатантов, возвращавшихся в тыл. В условиях современных геополитических вызовов нашей стране пришлось вновь прибегнуть к мобилизации, хотя и ограниченной. Мобилизация, как правило, создает численно значительную социальную группу ветеранов, которые после окончания конфликта вынуждены будут вновь адаптироваться к мирной жизни. Исторический опыт показывает, что это может привести к возникновению феномена «потерянного поколения», комбатантов, испытывающих разнообразные психологические и другие сложности. В этой связи опыт Первой мировой войны как одного из ярких примеров военного конфликта, создавшего «потерянное поколение», представляет значительный интерес. Социально-политические механизмы, применявшиеся в то время по отношению к возвращавшимся с фронта комбатантам, как демобилизовавшимся, так и остававшимся в армии, могут стать показательным примером как позитивного, так и негативного опыта работы с бывшими участниками боевых действий.

Судьба фронтовиков Первой мировой войны ранее неоднократно становилась предметом исторического исследования. Непосредственно «поколенческий» подход к проблеме представлен в работах Д.А. Сафонова и О.В. Заславской. Д.А. Сафонов, рассматривая послевоенное социальное положение фронтовиков, отмечал, что «фронтовики Первой мировой войны действительно являются поколением (субпоколением “поколения революционного перелома”) с особой судьбой и особым, только ими полученным социальным опытом. Определяющим в их представлениях было... желание как-то компенсировать потерянные годы»¹. О.В. Заславская вслед за цитируемым ею К. Маннгеймом указывает, что каждое поколение имеет некий определенный отпечаток – реакцию на социально-политические события своего времени, подчеркивает социальную составляющую поколения. Классическими являются труды Е.С. Сеньявской о психологии комбатантов, в которых она затрагивает, в том числе, и проблематику «потерянного поколения»². Хотя эта проблема рассматривается в контексте главным образом Великой Отечественной войны, она признает, что данный феномен характерен для любой войны.

Тому же вопросу, хотя и применительно лишь к фронтовой ситуации, посвящена статья М.Е. Разинькова³. В статье, касающейся кейса семьи Добрыниных, содержатся свидетельства послевоенного восприятия ветеранов войны членами их семей, особенностей поведения членов «потерянного поколения»⁴. В статье А.Н. Егорова, посвященной общественным настроениям в Вологодской губернии, отмечаются наблюдения властей за тем, как прибывшие с фронта комбатанты распространяли среди крестьян свой нарратив, не совпадающий с позицией официальной пропаганды⁵. С точки зрения компаративистики представляют интерес и работы, написанные о ветеранах боевых действий других стран-участниц – Австро-Венгрии⁶, Германии⁷, Великобритании⁸. Мерам властей по поддержке населения, пострадавшего от войны, принятым в год войны, посвящены работы К.В. Фроловой и Ю.О. Хоршевой⁹. Вопросы заработка ветеранов войны коснулся в своей статье В.В. Канищев¹⁰.

Таким образом, в историографии в определенной мере изучена поддержка комбатантов властями по возвращении их с фронта и психологическое воздействие на них войны, но недостаточно изученным остается вопрос о тех ветеранах, кто по возвращении с фронта оставался в армии, и о том применении, которое армия для таких ветеранов находила, в особенности после Февральской революции, несмотря на то, что постановка перед ветеранами из числа «потерянного поколения» новых задач в тылу, пусть еще и в рядах армии, – то, что могло бы смягчить и упростить их реинтеграцию в социум. В настоящем исследовании будут выявлены основные роли и задачи, которые брали на себя ветераны,

¹ Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 130.

² Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

³ Разиньков М.Е. Психологические ресурсы комбатантов: по материалам «долгой войны» в России (1914–1922 гг.). Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 53–58.

⁴ Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка: атрибуция портрета и фотографий из семейного архива Добрыниных // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 198–204.

⁵ Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. № 4. С. 7–25.

⁶ Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги / Steps. 2018. № 2. С. 166–203.

⁷ Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. № 1 (23). С. 7–19.

⁸ Снигирев С.А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник НАСА. 2020. № 1 (16). С. 153–163.

⁹ Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96; Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 104–114.

¹⁰ Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 24–31.

а также различное отношение социума и государственного аппарата, с которым им приходилось сталкиваться при попытках реинтеграции. В качестве источников выступают материалы Государственных архивов Новосибирской, Омской и Томской областей, мемуары участников войны¹¹ и прочие опубликованные источники¹².

Изначально многие ветераны возвращались с фронта, когда война еще шла, а они не были демобилизованы. Если беженцы могли устроиться на гражданские профессии (рабочие предприятия, полевые работы, а также испытывавшие сложности с трудоустройством педагоги, конторщики, бухгалтеры, кассирши)¹³, то ветераны сперва не имели таких возможностей, как позже, когда некоторые из них подрабатывали учителями¹⁴. Зачастую они оставались прикрепленными к армии и должны были найти возможности для существования. Ввиду специфики армии зачастую это делалось за них командованием. Например, эвакуированные с фронта офицеры могли претендовать на занятие определенных должностей в запасных батальонах, в которых их боевой опыт был очень кстати ввиду стремительно менявшегося в Первую мировую облика войны. Так, командиром 4-го батальона 38-го Сибирского стрелкового запасного полка являлся штабс-капитан Шах-Будагов, который, впрочем, не посещал свой батальон три недели, за что получил семь суток гауптвахты¹⁵.

Пользуясь своим пребыванием в сибирском тылу, фронтовики проходили своеобразное «повышение квалификации», чтобы стать вольноопределяющимися и улучшить свое положение. К примеру, таким образом поступил П.А. Боуколовский – дворянин Томской губернии и унтер-офицер 33-го пехотного Елецкого полка. Он принадлежал к призыву 1917 г., был призван досрочно, ранен и уволен из лазарета на поправку. Написанная им 28 августа 1916 г. экзаменационная работа по русскому языку, являющаяся частью испытания на звание вольноопределяющегося 2-го разряда, была сочинением на тему «Первые дни моей службы в казарме». В этом тексте он писал, что «все это казалось прежде трудным, но вскоре все свыклось, привыкли ко всему. Через несколько времени были уже пригодные и на позицию, где долг быть каждого солдата»¹⁶. Таким образом, даже успев повоевать и получить ранение, Боуколовский не потерял своего патриотизма, по крайней мере на людях.

Но не только дворяне имели возможность продвинуться дальше по карьерной лестнице, находясь в тылу. Указанной выше возможностью воспользовался и крестьянин из Каинского уезда П.М. Некрасов, прошедший тот же путь, что и Боуколовский, и написавший сочинение на ту же тему на тех же основаниях¹⁷.

В европейской части страны для фронтовиков нашлась работа, связанная с политическими событиями. Так это описывает вольноопределяющийся Арамилев: «Был в казарме представитель Петросовета. Записывал желающих – из окончивших учебную команду – обучать военному делу организующиеся на заводах отряды Красной гвардии. Я записался. Работаю уже месяц. Занимаемся три раза в неделю по вечерам. В воскресенье – сверх программы – четыре часа. <...> Сегодня по окончании занятий на заводском дворе ко мне подошел один из моих учеников, фрезеровщик Кондрашов, и, краснея, путаясь в словах, сунул мне в руку двадцать рублей»¹⁸.

Но и в Сибири политические события дали ветеранам новые возможности реализовать себя. В ходе замены полиции на милицию в результате Февральской революции именно солдаты, многие из которых были эвакуированными ветеранами, стали наиболее активно

¹¹ Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). М., 1930; Степной Н.А. Записки ополченца. Пг., 1917; Чернышев С.В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 17–52.

¹² Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сб. док-тов и мат-лов. Томск, 2015. Т. 1.

¹³ Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 82.

¹⁴ Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 29.

¹⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 28. Л. 127.

¹⁶ Там же. Ф. Д-157. Оп. 1. Д. 61. Л. 55–55 об.

¹⁷ Там же. Д. 64. Л. 29–29 об.

¹⁸ Арамилев В. В дыму войны... С. 300.

привлекаемым контингентом (табл. 1). Так, уже 10 апреля начальник милиции Томского временного комитета общественного порядка и безопасности просил у исполкома Совета солдатских депутатов, а также командиров Сибирских стрелковых запасных полков выделить солдат для милиции¹⁹.

Таблица 1

Статус воинской обязанности старших и младших милиционеров Томской губернии

	Кузнецкий уезд	Боготольский уезд	Городская милиция Новониколаевска	Кольвань	Мариинск
Воинская обязанность старших милиционеров	Все из отставных солдат	Все они – солдаты в отпусках	Десять военнообязанных	Воинскую повинность отбыл, ему 53 года	Все в отпуске или уволенные вовсе от службы
Воинская обязанность младших милиционеров	Из воинских чинов, пользовавшихся по болезни временными отпусками	–	Военнообязанные, уволены из частей для службы в милиции, на учете воинских начальников	Десять военнообязанных с отсрочкой	Все в отпуске или уволенные вовсе от службы

Но не всегда трудоустройство происходило гладко. К примеру, в Кузнецке, согласно сведениям местного уездного исполнительного комитета от 8 июня, раненые солдаты подавали прошения на поступление в милицию, но получали отказ, так как либо были слабы физически, либо должны были скоро отправляться в войска. Таких насчитывалось пять человек, из них трое – из 22-го Сибирского стрелкового запасного полка, двое – из 50-го Сибирского стрелкового полка²⁰. 9 августа Томский губернский исполнительный комитет сообщил нижестоящим комитетам, что военное руководство готово делиться с милицией только ранеными (в случае ГУГШ), годными к нестроевой службе, а также трижды ранеными и отравленными газами²¹. 28 июля 1917 г. гарнизонный комитет настаивал на замене здоровых военных милиционеров ранеными, письмоводителей же набирать из числа гражданских²². 20 сентября 1917 г. ставший вскоре начальником Генерального штаба генерал В.В. Марушевский в телеграмме приказал отправлять в милицию лучших солдат²³, но 21 сентября губернским комитетам было разрешено командировать в городские и земские самоуправления лишь раненых, контуженых и отравленных газами военнослужащих. Бывших военнослужащих, кто плохо проявил себя на службе в милиции, следовало возвращать в части. Во время службы все они находились на учете местных уездных воинских начальников²⁴.

Значительную часть вернувшихся в тыл еще в военное время солдат представляли раненые, выписанные из госпиталей, частично ставшие инвалидами. Для того чтобы оказать им помощь, были созданы различные государственные организации. Они тем не менее не всегда оперативно предоставляли необходимую помощь из-за длительного согласования ссуд, кредитов и объема пайка²⁵. В этих условиях Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам и Всероссийским союзом городов были созданы негосударственные земские организации, которые работали более оперативно. Раненым предоставляли не только материальную помощь, но также помогали адаптироваться к мирной жизни, обучая их и устраивая на работу²⁶. Тем не менее и их усилий не хватало для того, чтобы

¹⁹ Когда рушились государства... С. 115.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 27. Л. 16, 18.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Л. 80.

²³ Там же. Д. 10. Л. 108.

²⁴ Там же. Л. 97.

²⁵ Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи... С. 109.

²⁶ Там же. С. 110.

помочь всем нуждающимся²⁷. Кроме того, появление в тылу инвалидов все же негативно сказалось на общественных настроениях, так как их рассказы о фронтовых реалиях значительно отличались от того, что говорила пропаганда²⁸.

Когда после Февральской революции постепенно начался роспуск личного состава на полевые работы, эвакуированные раненые оказались в числе отпусковавшихся в первую очередь военнослужащих. 16 марта Томский временный комитет общественного порядка рассматривал вопрос о роспуске на полевые работы нестроевых²⁹. Тогда он посчитал необходимым распустить на апрель и май нестроевых солдат, эвакуированных раненых, часть дружины и белобилетников призывов 1907, 1908 и 1909 гг.

20 апреля дважды раненый и единожды контуженный ефрейтор 2-й роты 34-го Сибирского стрелкового полка А.М. Креков подал прошение об отпуске его на полевые работы, несмотря на то, что, будучи с 26-й этапной командой, 10 марта почувствовал себя плохо в Киеве, обратился в местный передовой перевязочный пункт и отстал от команды, после чего уехал домой³⁰.

25 июля Совету солдатских и рабочих депутатов была представлена докладная от эвакуированного старшего унтер-офицера 516-го пехотного Мезенского полка А. Кускова, который также хотел на полевые работы. Он уже направлялся на работы осенью и теперь хотел вернуться, чтобы произвести уборку урожая. Кусков находился в составе 3-й роты 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, но его вывели из состава полка перед отправкой полка на фронт как 40-летнего, подлежащего отправке на полевые работы³¹. Пожелание Кускова было удовлетворено – он был отправлен на полевые работы до первого требования³².

30 июня в приказе по Омскому военному округу приводились разъяснения по откомандировке на полевые работы. Военнослужащие 40 лет и старше, предоставившие удостоверения о том, что они засеяли шесть или менее десятин земли или помогали родственникам, командировались в особые сельские комитеты, в районе которых располагались их хозяйства. Раненые, признанные негодными к строевой службе, также при наличии удостоверений командировались в свои сельские хозяйства³³.

4 июля от начальника штаба Омского военного округа начальнику гарнизона Томска был передан приказ командующего войсками и Военного окружного комитета кого оставлять на уборку полей: 40-летних, произведших посев, раненых и контуженных эвакуированных, негодных к несению строевой службы. Тех, кто совмещал вышеуказанные признаки, можно было оставлять на работах, даже если у них не было своего хозяйства. Продовольственные комитеты имели полномочия при условии возвращения отправлять на работы молодых солдат, не имеющих хозяйственной специализации в своей воинской части, а также солдат маршевых рот, закончивших курс подготовки кузнецов, монтеров и слесарей³⁴.

25 августа исполком Гарнизонного совета сообщил полковому комитету 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, что эвакуированные, прибывшие с фронта для замены кадра полка, могут быть отправлены на полевые работы на общих основаниях, если не заняты обучением белобилетников и имеют свои хозяйства в пределах Омского военного округа³⁵.

13 сентября командир 37-го Сибирского стрелкового запасного полка обращался к Омскому уездному комиссару с просьбой вернуть солдат призывов 1915–1919 гг.

²⁷ Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи... С. 109.

²⁸ Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии... С. 11–12.

²⁹ Когда рушились государства... С. 110.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-554. Оп. 1. Д. 1. Л. 1679.

³¹ Там же. Л. 1879.

³² Там же. Л. 1877.

³³ Там же. Ф. 520. Оп. 2. Д. 265. Л. 46.

³⁴ Там же. Ф. Р-554. Оп. 1. Д. 1. Л. 1403.

³⁵ Там же. Л. 2152.

(т.е. почти всех призванных) с полевых работ³⁶. Все солдаты, уволенные на полевые работы из 17-го, 21-го, 22-го и 23-го запасных полков, должны были незамедлительно вернуться. Срок – 3 октября. Исключение предоставлялось 40-летним, эвакуированным нестроевым, кузнецам, монтерам и слесарям³⁷. Еще одним фактором стала сложность сбора военнослужащих с полевых работ. В результате было решено отправлять на фронт лишь строевых солдат, занимающих нестроевые должности, а тыловые учреждения пополнять эвакуированными старше 40 лет. Среди других предложений была озвучена возможность отправлять солдат на полевые работы поодиночке, а также разрешить отпуска перед отправкой на фронт, так как солдаты в любом случае уходят самовольно. Против последнего предложения были приведены аргументы: во-первых, командование призвало отправлять маршевые роты по мере готовности; во-вторых, отпуска нарушили бы движение по железной дороге. Что касается отправки солдат на полевые работы по одному, то к августу из волостей стали поступать заявления с отказом от помощи солдат-одиночек³⁸.

В 1917 г. в связи с Февральской революцией ситуация обострилась и эвакуированные стали повинны не только в невыгодных власти разговорах о фронте. Так, в июле в г. Кургане солдаты местного гарнизона, среди которых, помимо прочих, были эвакуированные, грабили магазины, оскорбляя офицеров словом и действием. Были раненые и убитые. Были арестованы и избиты старший врач Студзинский и прапорщик Черепанов³⁹.

Некоторые прибывшие с фронта эвакуированные и дезертиры не желали признавать своей вины в каких-либо прегрешениях. Так, дезертировавший с фронта писарь, ветеран еще русско-японской войны, Ф.В. Трифонов по собственной просьбе должен был пройти службу в 4-м пехотном запасном полку и отправиться на фронт в составе маршевой роты, но по месту службы не явился, а бежал в 24-й Сибирский стрелковый запасный полк. В октябре он агитировал против комитета Томского лазарета, к которому прибилсь⁴⁰. В своей объяснительной Трифонов утверждал, что до отъезда в Сибирь был единственным действительно работавшим сотрудником в 97-й отдельной этапной роте 35-го тылового этапа Юго-Западного фронта, а уехал, так как, «ссылаясь на приказ бывшего военного министра Гучкова, сказал, что в тылу много проедается полезных для строя молодых людей, не исключая и себя, имевшего полных 36 лет»⁴¹. Коменданта этапа Семенова Трифонов обвинил в коррупции, заключающейся в производстве в писари неграмотных солдат, занявшихся мошенничеством. При этом он признал, что добился назначения в 4-й полк только для получения документов (потому что командир этого полка, по его словам, не принял «долгое время нового революционного строя»⁴²), после чего отправился сразу к Барнаульскому уездному воинскому начальнику.

На новом месте у Трифонова вновь начались затруднения. Просрочив 27 дней в отпуске на полевые работы, Трифонов обвинил руководство Томского лазарета в том, что оно ненавидит его за то, что он донес на растрату им лазаретного спирта и продажу лазаретного хлеба⁴³, а также в выдаче солдатам тухлого сала⁴⁴.

После окончательного возвращения домой ветераны сталкивались с непониманием односельчан, и непростая память осталась о них у потомков. Это стало результатом не только послевоенного «синдрома», но и разделения ветеранов на разные стороны в ходе Гражданской войны, что не способствовало их социальному единству. Став частью русской «долгой войны» 1914–1922 гг., они долго не могли выйти из состояния войны и не имели

³⁶ ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 150. Л. 41.

³⁷ Голос Сибири. 1917. 28 сент.

³⁸ ГАТО. Ф. 412. Оп. 2. Д. 9. Л. 400.

³⁹ Сибирская жизнь. 1917. 22 июля.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-554. Оп.1. Д. 4. Л. 1–3, 7.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Там же. Л. 9.

⁴³ Там же. Л. 14–14 об.

⁴⁴ Там же. Л. 16 об.

возможности осмыслить, ради чего сражались в Первой мировой⁴⁵. Не способствовала этому и советская власть, которая, по оценке Д.А. Сафонова, опиралась в большей степени на молодежь, чем на ветеранов войны⁴⁶. Вскоре после окончания Гражданской войны разразилась эпидемия тифа, ставшая новой угрозой людям, пережившим две войны. Так об этом вспоминал фронтовик, солдат 467-го пехотного Кинбурнского полка С.В. Чернышев: «в полк я уже не вернулся. Но тут подоспела другая беда: я заболел воспалением легких и одновременно сыпным тифом. Живым я остался только благодаря уходу... Страшно вспомнить, как зимой 1919–1920 года тиф косил людей. В Ново-Николаевске весь гужевой транспорт был мобилизован на вывозку трупов»⁴⁷.

Все это не могло не сказаться на моральном состоянии ветеранов. Так вспоминала своего тестя, ветерана Первой мировой войны, В.И. Дробынина: «...он был замкнутый очень человек, с ним было как-то некомфортно разговаривать и вообще... Никогда я не видела, чтобы он пошутил, где-то что-то рассмеялся громко, это вот не припомню. Он о Польше вспоминал, про Польшу, где воевал, и часто языком польским... нет-нет, да и скажет... выражения всякие»⁴⁸.

С особенными сложностями столкнулись представители такого консервативного социального слоя, как казачество. В статье Д.А. Сафонова приводятся воспоминания Д.Я. Лемясова: «Большая часть стариков и тех, кто не был на фронте, не давали житья казакам, вернувшимся с фронтов. Их называли предателями царя, отечества и больше всего предателями казачества... Эта нетерпимая обстановка вынуждала некоторых казаков-фронтовиков покинуть родные станицы и поселки и обитать на полулегальном положении, укрываясь от стариков в станицах»⁴⁹.

Фронтовики платили оставшемуся в тылу населению схожей монетой. Так воспринимал его безымянный ополченец, написавший опубликованные Н.А. Афиногеновым (Степным) записи: «И отъеденные жирные тела – лица встречающихся на станции господ и госпож, и господин-госпожа, раскатывающиеся в карете с благообразной улыбкой; о, как вдруг они мне становятся ненавистны, ведь я могу при счастливой случайности вернуться, приду без руки, или без ноги и буду сидеть, как сидит вон тот калека у забора с чашкой... а он, этот господин, до конца дней своих все так же будет разъезжать, ласково улыбаться и жиреть, жиреть, сжимая горло моих оставшихся братьев пухлой рукой и не давая им возможности мыслить, чтобы в будущем они не могли избежать точно такой же бойни»⁵⁰. Хотя подлинный автор текста не установлен и в нем можно подозревать про-революционную мистификацию, мысли, высказанные в этой части текста, хорошо согласуются с трудностями, испытываемыми ветеранами боевых действий. Хотя критике подчеркнута подвержен традиционный образ богача-буржуя, сам ее характер универсален: «ласковой» «благообразной» улыбке оставшегося в тылу противопоставляется безногий ветеран-калека, сидящий у забора и просящий милостыню. На наш взгляд, здесь выражается не только пресловутая классовая борьба, но и сравнение человека, прошедшего через смертельную опасность, и человека, который ничем не рисковал и для которого этой опасности не существовало.

С похожими затруднениями сталкивались ветераны Первой мировой войны в других странах. В Австро-Венгрии, которая, как и Россия, оказалась в числе проигравших, ветераны получили чувство родства, отличавшее их от гражданских членов общества; им заново пришлось выбрать себе профессию⁵¹.

В Великобритании, которая оказалась победительницей, возник конфликт между солдатами, которые хотели получить привилегии за свой вклад, и не желавшим выдавать такие

⁴⁵ Сенявская Е.С. Человек на войне... С. 24–25.

⁴⁶ Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков... С. 130.

⁴⁷ Чернышев С.В. В те времена... С. 51–52.

⁴⁸ Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка... С. 201.

⁴⁹ ОГАОО. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 958. Л. 294–295. Цит. по: Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков... С. 128.

⁵⁰ Степной Н.А. Записки ополченца... С. 24.

⁵¹ Заславская О.В. Между войной и революцией... С. 169, 190.

привилегии государством. В этих условиях различные отдельные политики и промышленники, желающие увеличить свое влияние, стали спонсировать ветеранские сообщества. Получившие психологическую травму ветераны поддавались этому влиянию, поскольку не верили, что могут в одиночку сражаться с новым «врагом» – государством⁵². Схожие процессы имели место в Германии, с той, однако, разницей, что там государство в достаточной мере заботилось о ветеранах, и сложности у них, как и у русских казаков, возникли со своими собственными согражданами – их, проигравших войну, рассматривали как проваливших традиционную мужскую гендерную роль, к полному соответствию которой они так и не смогли вернуться⁵³.

Таким образом, комбатанты, возвращаясь с фронта, оказывались в двух различных ситуациях в зависимости от момента возвращения: во время войны они зачастую оставались в армии и поступали на службу в запасные полки, занятые подготовкой пополнения. После Февральской революции они, как правило, поступали на службу в милицию либо имели льготы на отправку на полевые работы, а также принимали участие в политической борьбе. Важно отметить, что все эти возможные социальные роли они находили для себя не сами, а с тем или иным вовлечением в процесс армии. Именно она отпускала их на полевые работы (с обязательством вернуться), в рамках новых *армейских* структур – комитетов – они занимались общественной деятельностью и непосредственно к армии часто обращались новообразованные милицейские структуры в поисках кадров. Таким образом, во время суровых внешне- и внутривнутриполитических испытаний ветераны не оставались без дела и им находилось применение, что несколько замедляло их становление «потерянным поколением».

Отношение к ветеранам общества было различным. Во время войны действующая власть и деловые круги пытались, с одной стороны, помочь наиболее пострадавшим из них (раненым и инвалидам), а с другой – были недовольны тем, какими подробностями текущей войны фронтовики делились с односельчанами, которые, в свою очередь, уважали фронтовиков и с вниманием относились к их мнению, что давало им новую важную и ценную роль, непосредственно связанную к тому же их фронтовым опытом.

После же войны (как Первой мировой, так и Гражданской) комбатанты получили большую свободу действий, но были вынуждены заново приспособливаться к мирному времени. Если для бывших крестьян это означало возвращение к привычному труду, то вчерашние офицеры осваивали новые для себя профессии, такие как преподавание. Прежний их опыт оказался не востребован. Кроме того, ветераны столкнулись с непониманием сельчан, что в особенности коснулось казаков, и с политизированностью новой власти, по понятным причинам намного большее внимание обращавшей на их роль в Гражданской войне, а не Первой мировой.

Какое-то время для ветеранов Первой мировой войны находилось дело, часто связанное с их военным опытом, они пользовались поддержкой государства и благотворительности и уважением односельчан. Лишь специфика произошедших политических событий сделала часть из них – тех, кто не снискал для себя хорошего отношения советской власти, – «потерянным поколением». Следовательно, на примере Западной Сибири в годы Первой мировой войны мы видим, что для поддержания единства социума и предотвращения появления по итогам той или иной войны социальных изгоев необходимо, во-первых, незамедлительно находить для ветеранов новое важное дело, что гораздо проще сделать, пока они еще в рядах армии. Во-вторых, важно не сталкивать их друг с другом в рамках политической борьбы, по итогам которой проигравшие могут стать *persona non grata* даже несмотря на боевые заслуги перед страной.

⁵² Снигирев С.А. Сообщества ветеранов... С. 155, 157, 162.

⁵³ Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов... С. 9–12.

Литература

Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка: атрибуция портрета и фотографий из семейного архива Дробыниных // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 198–204.

Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). М.: Молодая гвардия, 1930. 390 с.

Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. № 4. С. 7–25.

Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги / Steps. 2018. № 2. С. 166–203.

Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 24–31.

Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сб. док-тов и мат-лов / ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 332 с.

Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. № 1 (23). С. 7–19.

Разиньков М.Е. Психологические ресурсы комбатантов: по материалам «долгой войны» в России (1914–1922 гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 53–58.

Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 117–134.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 383 с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.

Снигирев С.А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник НАСА. 2020. № 1 (16). С. 153–163.

Степной Н.А. Записки ополченца. Пг.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, 1917. 88 с.

Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96.

Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 104–114.

Чернышев С.В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 17–52.

References

Antropov, E.V., Pronin, A.O. (2013). K istorii 41-go Sibirskogo strelkovogo polka: atributsiya portreta i fotografii iz semeynogo arkhiva Drobyninykh [On the History of the 41st Siberian Rifle Regiment: Attribution of a Portrait and Photographs from the Drobynin Family Archive]. In *Balandinskie chteniya*. No. 1, pp. 198–204.

Aramilev, V. (1930). *V dymu voyny. Zapiski vol'noopredelyayushchegosya (1914–1917 gg.)* [In the Smoke of War. Notes of a Volunteer (1914–1917)]. Moscow, Molodaya gvardiya. 390 p.

Chernyshev, S.V. (2006). V te vremena... [In Those Days...]. In *Pamyat' serdtsa. Vospominaniya novonikolaevtsev*. Novosibirsk, pp. 17–52.

Egorov, A.N. (2017). Obshchestvennye nastroyeniya naseleniya Vologodskoy gubernii nakanune Fevral'skoy revolyutsii [Public Sentiments of the Population of the Vologda Province on the Eve of the February Revolution]. In *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. No. 4, pp. 7–25.

Frolova, K.V. (2017). Bezhtensy Pervoy mirovoy voyny v Samarskoy gubernii (1914 – nachalo 1920-kh gg.) [Refugees of the First World War in the Samara Province (1914 – Early 1920s)]. In *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. No. 5, pp. 75–96.

Kanishchev, V.V. (2022). Ofitsery iz Tsentral'noy Rossii – uchastniki Grazhdanskoj voyny na Vostochnom fronte: boevoy put' s zapada na vostok [Officers from Central Russia – Participants of the Civil War on the Eastern Front: The Battle Path from West to East]. In *Izvestiya AltGU*. No. 6 (128), pp. 24–31.

Khorsheva, Yu.O. (2021). Mekhanizm zashchity naseleniya Rossiyskoy imperii, postradavshego v gody Pervoy mirovoy voyny: otsenka effektivnosti [The Mechanism for Protecting the Population of the Russian Empire that Suffered during the First World War: Assessment of Effectiveness]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki*. No. 2 (42), pp. 104–114.

Löffelbein, N. (2015). O geroizme i stradaniyakh invalidov. Invalidy Pervoy mirovoy voyny v Veymarskoy respublike pri natsional-sotsializme [On the Heroism and Suffering of the Disabled. Disabled Persons of the First World War in the Weimar Republic under National Socialism]. In *Idei i idealy*. No. 1 (23), pp. 7–19.

Razin'kov, M.E. (2019). Psikhologicheskie resursy kombatanov: po materialam “dolgoj voyny” v Rossii (1914–1922 gg.) [Psychological Resources of Combatants: Based on the Materials of the “Long War” in Russia (1914–1922)]. In *Manuskript*. Vol. 12, Iss. 7, pp. 53–58.

Safonov, D.A. (2024). Sotsial'nyy portret frontovikov Pervoy mirovoy voyny: informatsionnye vozmozhnosti [Social Portrait of Front-Line Soldiers of the First World War: Information Capabilities]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 1 (38), pp. 117–134.

Senyavskaya, E.S. (2006). Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva [Russia's Opponents in the Wars of the 20th Century: Evolution of the “Image of the Enemy” in the Consciousness of the Army and Society]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 288 p.

Senyavskaya, E.S. (1999). Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii [Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 383 p.

Senyavskaya, E.S. (1997). Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki [Man at War. Historical and Psychological Essays]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 232 p.

Snigirev, S.A. (2020). Soobshchestva veteranov Pervoy mirovoy voyny v Velikobritanii: problemy institutsionalizatsii [Communities of World War I Veterans in Great Britain: Problems of Institutionalization]. In *Vestnik NASA*. No. 1 (16), pp. 153–163.

Stepnoy, N.A. (1917). Zapiski opolchentsa [Notes of a Militiaman]. Petrograd, Petrogradskiy sovet rabochikh i soldatskikh deputatov. 88 p.

Zaslavskaya, O.V. (2018). Mezhdru voynoy i revolyutsiei: transnatsional'nyy kontekst kollektivnoy biografii “poteryannogo pokoleniya” Vostochnoy Evropy [Between War and Revolution: The Transnational Context of the Collective Biography of the “Lost Generation” of Eastern Europe]. In *Shagi / Steps*. No. 2, pp. 166–203.

Zinov'ev, V.P. (Ed.), Shul'ga, T.V., Bol'shakova, A.V., Buzanova, V.A. (Comps.). (2015). *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny* [When States Collapsed: the Fate of the Siberian Province in the Context of the First World War]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Vol. 1. 332 p.

Н.Н. Аблажей
А.С. Жанбосинова*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ НА НОВОЙ РОДИНЕ: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С. Военнопленные Первой мировой на новой родине: адаптационные практики // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 22–35.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>

N.N. Ablazhey
A.S. Zhanbossinova*

PRISONERS OF THE FIRST WORLD WAR IN A NEW HOMELAND: THE PRACTICES OF ADAPTATION**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2

How to cite:
Ablazhey N.N., Zhanbossinova A.S. Prisoners of the First World War in a New Homeland: The Practices of Adaptation // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 22–35. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]

Abstract. The article examines the adaptation practices of former prisoners of war of the First World War, who remained permanently in Russia/USSR and ended up on the territory of modern Kazakhstan. The study is based on the materials of archival and investigative cases of the period of the Great Terror (1937–1938), deposited in the archives of Kazakhstan. The historical excursion introduces the problems of the history of captivity, gives an idea of the number and location of prisoners of war in Turkestan and the Steppe region, the ethnic and national composition of the contingent, the migration mobility of prisoners of war and their participation in the civil war in Russia. The Soviet repatriation and option policy of the first half of the 1920s and the specifics of the return migration of prisoners of war and refugees from the Central Asian and Ural-Siberian regions are analyzed. The problems of adaptation and integration of prisoners of war are studied through the analysis of Soviet legislation regarding foreigners in the sphere of naturalization and integration, as well as the practices of its application. The dynamics of national and civil status, migration and social mobility, and marriageability are shown. Personal documents, including materials of correspondence with foreign addressees (relatives and friends), provide personal, economic and political arguments both in support of departure and the desire to remain permanently in the USSR. It is established that captivity for former prisoners of war became not only a trauma, but also a social marker, securing for them the status of “the former”, which ultimately made them marginal in Soviet society.

Keywords: prisoners of war of the First World War, adaptation, international marriages, repression, Kazakhstan.

The article has been received by the editor on 10.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: ablazhey@academ.org

Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: ablazhey@academ.org

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Albina Sovetovna Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

** Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта AP23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.». This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (AP23485356).

Аннотация. В статье рассматриваются адаптационные практики бывших военнопленных Первой мировой войны, оставшихся на постоянное жительство в России/СССР и оказавшихся на территории современного Казахстана. Исследование построено на материалах архивно-следственных дел периода Большого террора (1937–1938 гг.), отложившихся в архивах Казахстана. Исторический экскурс вводит в проблематику истории плена, дает представление о численности и дислокации военнопленных в Туркестане и Степном крае, этническом и национальном составе контингента, миграционной мобильности военнопленных и участии их в гражданской войне в России. Анализируется советская репатриационная и оптационная политика первой половины 1920-х гг. и специфика возвратной миграции военнопленных и беженцев из центрально-азиатских и урало-сибирских регионов. Проблемы адаптации и интеграции военнопленных исследуются через анализ советского законодательства в отношении иностранцев в сфере натурализации и интеграции, а также практик его применения. Показана динамика национально-гражданского статуса, миграционной и социальной мобильности, брачности. На документах личного характера, в том числе на материалах переписки с зарубежными адресатами (родственниками и друзьями), приводятся личные, экономические и политические аргументы в поддержку как отъезда, так и желания остаться на постоянное жительство в ССР. Установлено, что плен для бывших военнопленных стал не только травмой, но и социальным маркером, закрепившим за ними статус «бывших», что в итоге сделало их маргиналами в советском обществе.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, адаптация, натурализация, брачность, репрессии, Казахстан.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Политические катаклизмы – революция и гражданская война – сделали военнопленных Первой мировой не просто наблюдателями, но и активными участниками целого ряда исторических событий в России и СССР. Иностранцы подданные, не по своей воле попавшие на территорию чужой страны, неоднократно оказывались в ситуации выбора и самоидентификации в условиях стремительно менявшейся ситуации. Например, для тех, кто решил не возвращаться, стояла задача интегрироваться. Насколько успешными оказались выбранные ими стратегии и приняло ли их общество и политический режим? Удалось ли им стать полноценными новыми гражданами или они пополнили категорию маргиналов и «бывших»?

Проблематика плена широко отражена в историографии. В плане изучения истории иностранных военнопленных Первой мировой войны, оказавшихся на территории Российской империи, отметим, что перед нами не стояла задача подробного освещения этой темы в историографии, так как это нашло отражение в работах Н.В. Суржиковой¹. Специалисты выделяют несколько этапов в истории плена, обозначая его хронологические рамки 1914–1922 гг. В рамках нашего исследования особый интерес представляют исследования, посвященные репатриации военнопленных и перемещенных лиц: работы Р. Нахтигаль², Г. Лейденгера, В. Моритц³, Ю. Фельштинского⁴, а также Б.К. Дулатова⁵, Ю.Н. Арзамаскина⁶,

¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 30–91; Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции (1914–1922). М., 2014.

² Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156; Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.

³ Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

⁴ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. М., 1991.

⁵ Дулатов Б.К. Вопросы репатриации бывших граждан Австро-Венгерской империи в 1920-е годы // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations. 2019. Vol. 24, № 5. С. 148–161.

Е.В. Кодина⁷ и др. При изучении плена доминирует этническая и социальная проблематика с четко обозначившимся трендом на антропологический анализ. Для российской историографии особенно характерна линия на «этнизацию» плена, тенденция к размежеванию узников войны на славян и неславян с последующей констатацией наличия «славянского вопроса». Активно обсуждается также проблема дефицита статистической информации о возвратной миграции по итогам Первой мировой войны. Весьма востребованы региональные аспекты изучения плена в плане изучения как размещения, трудоустройства и адаптации к принимающему обществу, так и участия в российской гражданской войне. История иностранных военнопленных в географических рамках современного Казахстана получила фрагментарное отражение в работах Т.И. Дорошенко⁸, Г.М. Мендикуловой⁹, Е.Б. Сыдыкова¹⁰.

Ввиду того, что хронологически рамки большинства исследований ограничены периодом 1914–1922 гг. (максимум первой половиной 1920-х гг.), что совпадает с классическим адаптационным периодом в условиях вынужденной миграции, темы социализации, натурализации, правового статуса, ограничительной и дискриминационной политики по отношению к бывшим военнопленным в СССР остались вне поля зрения исследователей. При наличии большого массива работ о политических репрессиях в СССР сюжет о военнопленных Первой мировой на периферии остался за рамками внимания исследователей. Отметим лишь статью В.П. Мотревича¹¹, который попытался на материалах следственных дел реконструировать судьбы оставшихся в Советской России немцев-военнопленных, в том числе показать, что они стали жертвами политических репрессий.

Цель данной статьи – выявление адаптационных практик бывших военнопленных Первой мировой войны, оставшихся на постоянное жительство в России/СССР и оказавшихся на территории Казахстана. Исследование построено преимущественно на материалах 92 архивно-следственных дел 1937–1938 гг., отложившихся в архивах Казахстана. Следственные дела военнопленных содержат учетные анкеты, а также личные документы, приобщенные к делам как вещественные доказательства, что позволяет получить информацию биографического характера. Хронологически исследование охватывает период 1914–1939 гг. В административном отношении территория современного Казахстана в поздней имперский период входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства – Сырдарьинская и Семиреченская области, Западно-Сибирского генерал-губернаторства – Акмолинская¹² и Семипалатинская губернии, а также в состав Оренбургской губернии – Уральская и Тургайская области. В августе 1920 г. была образована Киргизская (Казакская) советская автономная социалистическая республика, входившая в состав РСФСР, в июне 1925 г. переименованная в Казакскую АССР. В 1936 г. статус автономии был повышен до союзной республики.

⁶ Арзамаскин Ю. Заложники первой мировой: из истории репатриации иностранных военнопленных // Военный академический журнал. 2014. № 2. С. 59–64.

⁷ Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. № 11 (1). С. 72–88; Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // Вопросы истории. 2022. № 12 (4). С. 162–180.

⁸ Дорошенко Б.К. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой мировой войны // Вестник науки и образования. 2021. № 10-1 (113). С. 20–28.

⁹ Мендикулова Г., Надежук Г. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 996–1008.

¹⁰ Сыдыков Е.Б., Айтмагамбетов Д.Р., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е. Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России // Вульге Годи. 2022. № 17 (1). С. 503–514.

¹¹ Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел гааосо) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 3. С. 83–91.

¹² Особо отметим, что большая часть области с административным центром г. Омске в административно-географическом отношении относилась к Сибири.

Пленные и военнопленные-интернационалисты в Русском Туркестане и Сибири.

Численность военнопленных центральных держав в России составила на конец 1915 г. около 1 млн чел., а к октябрю 1917 г. выросла до 2,4 млн. Основные потоки пленных дали военные операции на территории Галиции в августе-сентябре 1914 г. и Брусилловский прорыв 1916 г. Первые пленные в Семиречье и Степном крае появились осенью 1914 г. Численность пленных резко колебалась вследствие их массовой миграции, обусловленной неоднократной переброской по территории страны. Что касается казахских земель, то часть пленных прошла через регион транзитом, оказавшись в итоге в Средней Азии, другие в 1915 г. были передислоцированы обратно в Европейскую Россию и Сибирь. Одновременно наблюдался встречный поток из Центральной и Восточной Сибири. Военнопленных размещали в лагерях Омского, Туркестанского и Закаспийского военных округов, частично располагавшихся на территории современного Казахстана. Зафиксированная численность военнопленных в местах постоянного водворения во внутренних округах России на 1 января 1916 г. составила: в Туркестанском военном округе – 80 025 чел., в Омском военном округе – 67 768 чел., из которых в интересующем нас регионе – около 12 250 чел. Структура размещения по территории Казахстана на начало 1916 г. была следующей: Форт-Александровский (совр. Актау) – 501 чел., Верный – 498 чел., Туркестан – 481, Черняев (совр. Шымкент) – 4 545 чел., Аулие-Ата (совр. Тараз) – 4 360, Кокчетав – 286, Акмолинск – 140, Атбасар – 14, Усть-Каменогорск – 1 267, г. Уральск – 167 чел.¹³ Годом раньше, в конце февраля 1915 г., только в Семипалатинской области находилось 7,5 тыс. пленных, при этом все они проживали в городах¹⁴. Для размещения использовали любые подходящие помещения барачного типа и квартиры. Наибольшая плотность размещения военнопленных зафиксирована в Семиречье и Рудном Алтае.

Военнопленные в Казахстане были заняты преимущественно в дорожном строительстве. Ими построена Риддерская горнозаводская железная дорога, а также гравийные дороги в Пишкентском и Верненском уездах Туркестана, известная Австрийская (Староавстрийская) дорога в Восточном Казахстане. Частично они были заняты в сельском хозяйстве, что позволяло обеспечивать их продовольствием.

Большую группу перемещенных лиц составляли беженцы разных национальностей, в том числе поляки, польские евреи, немцы. Массовое прибытие беженцев во внутренние губернии Российской империи началось в июле-августе 1915 г. и в целом завершилось к концу того же года. Официально зафиксированная максимальная численность беженцев в Средней Азии в 1916 г. оценивается источниками в 112 тыс., в Сибири – более 78 тыс.¹⁵ (к сожалению, привести статистические данные о численности беженцев, оказавшихся на территории собственно Казахстана, пока невозможно).

Еще до начала военных действий в Российской империи начались аресты и высылки подданных Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. Депортировали обычно мужчин призывного возраста следующих национальностей – немцев, австрийцев, венгров, поляков и евреев. Исключение делалось для чехов, сербов и русинов, с которых бралась подписка о лояльности.

В Казахстане численно абсолютно доминировали военнопленные австро-венгерской армии, за исключением трех десятков пленных из состава германских сил, оказавшихся в Уральске. В общероссийской статистике вслед за поляками по численности шли чехи, словаки и русины. Акмолинская (с учетом сибирской территории. – *Авт.*) и Семипалатинская области стали принимающими регионами для пленных славянской национальности. Согласно данным на начало 1915 г., в этих областях суммарно находилось 33,4 тыс. чел., доля славян среди военнопленных достигала соответственно в первой почти 68 % (17,6 тыс. чел.) и во второй – 90 % (6,7 тыс. чел.)¹⁶.

¹³ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции... 2015. С. 554–556.

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 115.

¹⁵ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 113.

С началом войны польские земли оказались в центре военных действий. Польши как самостоятельного государства на тот момент не существовало, однако Австро-Венгрия и Германия проводили мобилизацию подданных-поляков. Большинство попали на «польский фронт» уже в конце лета 1914 г. в ходе массовой мобилизации в польские легионы, но уже осенью многие оказались в российском плену. Их численность оценивается в 100 тыс. чел., что составляло на тот момент около 10 % пленных¹⁷. Суммарно сербы, хорваты и словенцы превышали численность пленных поляков. Среди военнопленных было немало и тех, кто идентифицировал себя как украинцы и белорусы¹⁸. Анализ этничности по материалам выявленных нами 92 архивно-следственных дел военнопленных позволяет утверждать, что поляками себя идентифицировали 17 чел., в том числе как «австрийские» поляки – половина и зних. География российского плена у поляков весьма широка. Например, австрийский поляк П. Строминский, плененный в ходе повторной осады русскими крепости Перемышль в 1915 г., прошел через лагеря под Курском, Воронежем, Тамбовом, отсюда был переведен в Петропавловск, а после ослабления режима перебрался в Усть-Каменогорск¹⁹. Среди других когорт лиц славянской национальности доминируют русины, есть также украинцы, белорусы, чехи, болгары и боснийцы. Все русины – уроженцы Восточной Галиции.

Изначально пленных немцев, венгров, евреев и турок предполагалось размещать в лагерях отдаленных военных округов – Иркутского и Приморского, однако существенная их часть оказалась в Казахстане. Согласно общероссийской статистике, австрийцы, немцы и венгры суммарно составляли примерно половину от всех пленных²⁰, что же касается Казахстана, то здесь на начало 1915 г. доля венгров составляла в Акмолинской области – 21 %, а в Семипалатинской – только 4 %. Итальянцы и уроженцы Эльзас-Лотарингии (в основном французы) – 10,7 и 13,8 % соответственно²¹. Отметим, что среди выявленных нами 92 дел военнопленных суммарно их доля даже выше: доминируют венгры, таковых оказалось 26 чел., что больше, чем немцев (15 чел.) и австрийцев (14 чел.). Почти 2/3 военнопленных венгров идентифицировали себя как «мадьяры». В целом в российском плену оказалось почти 734 тыс. венгров (19 % от призванных).

Лагерные эпопеи мадьяр, немцев и австрийцев во многом сходны. Есть немало свидетельств, что первоначально их размещали в Сибири и Средней Азии, но в 1915–1917 гг. перевели в район Рудного Алтая. Например, австрийский немец И. Гандзлик попал в плен в октябре 1914 г. и был направлен первоначально в лагерь близ Читы, а в 1915 г. с большой группой военнопленных переведен в Риддер²². Немец Г. Лиц был мобилизован в первые дни оккупации Бельгии, получил ранение и повторно отправлен на фронт в начале 1915 г. В ноябре 1915 г. под Забалином попал в плен и был направлен в лагерь под Красноярском, где, по его воспоминаниям, находилось около 20 тыс. военнопленных, преимущественно австрийцев и мадьяр, которые были заняты на строительстве железной дороги. В 1917 г. с группой военнопленных его переводят в Усть-Каменогорск²³. За счет военнопленных доля немцев в регионе, безусловно, выросла, но доминировали по-прежнему немецкие колонисты, численность которых перед войной составляла около 64 тыс. чел.²⁴ Венгр Ф. Ронай сообщил, что «попал в плен под Перемышлем... был направлен в г. Самарканд в Среднюю Азию, где пробыл четыре месяца в концентрационном лагере, далее в числе других военнопленных эшелонам был направлен в г. Харьков. В 1917 г. направлен в Омск, где пробыл около месяца,

¹⁷ *Островский Л.К.* Польские военнопленные в Сибири (1904–1920) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88.

¹⁸ *Сенявская Е.С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Сер.: История. 2009. № 4. С. 111–127.

¹⁹ Специальный Государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1329. Л. 28.

²⁰ *Сенявская Е.С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне... С. 111–127.

²¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 113.

²² СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1452. Л. 5, 12.

²³ Там ж. 1457. Л. 8.

²⁴ *Щадт В.* Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстане // Восточный архив. 2022. № 2 (46). С. 82.

оттуда в Томск, где был четыре месяца, и затем направили в Семипалатинск в принудительном порядке...»²⁵.

Что касается военнопленных еврейской национальности, то чаще всего они идентифицировали себя как польские и галицийские евреи. Мобилизовывали их чаще в польскую армию. Военнопленные евреи в основном оказались на Урале и в Сибири: так, в партии из 377 австрийских военнопленных, прибывших в Семиречье в конце июля 1915 г., оказался 141 еврей.²⁶ В условиях войны фактическое расселение евреев, как иностранных, так и российских подданных, было довольно сложно контролировать. В 1915 г. для них введена льгота по расселению в городах, а в марте 1917 г. окончательно упразднена «черта оседлости». В итоге иноподданных – евреев, особенно из числа интернированных гражданских лиц, в Казахстане оказалось достаточно много. Например, С. Кестенблат в начале войны был демобилизован по ранению, повторно призван в армию в 1915 г., а в 1916 г. попал в плен и оказался на Урале. «При занятии Екатеринбурга армией Колчака меня и ряд других военнопленных направили в лагеря, находившиеся в Каменоломнике около Екатеринбурга. За уход из лагеря подвергали взысканию – 1 месяц ареста. При отступлении армии Колчака нас, военнопленных, вывезли в Тюмень, где я ушел из эшелона, но был пойман и отправлен с остальными вглубь Сибири. Около Ялуторовска мне удалось сбежать, дождавшись прихода Красной армии, вернулся в Екатеринбург»²⁷. Анализ архивного дела показал, что после нескольких лет скитаний по стране Кестенблат оказался в Казахстане.

Военнопленные принимали участие в гражданской войне как на стороне белых, так и красных. Самым крупным иностранным формированием, оказавшим большое влияние на ход гражданской войны в России, стал 40-тысячный Чехословацкий корпус, сформированный из пленных чехов и словаков, бывших военнослужащих австро-венгерской армии, согласившихся воевать против Австрии и Германии. Антисоветские правительства рассматривали славянских военнопленных как союзников в борьбе с советской властью, тогда как для немцев и мадьяр лагерный режим содержания был сохранен. Советское правительство в попытке экспорта революции сделало ставку на немцев и австро-венгров, декларируя освобождение военнопленных от тюремно-лагерного режима и отмену всех видов принудительных работ. Кроме того, им разрешалось создавать национальные революционные организации. Идеологическое воздействие и материальные трудности заставили многих военнопленных вступить в Красную армию. По подсчетам Ю. Фельштинского, в годы гражданской войны на стороне большевиков сражалось примерно 20 тыс. иностранцев, в основном из числа бывших военнопленных²⁸.

История немца Альберта Томаша весьма показательна в плане анализа статуса пленного и выбора стороны противостояния: «...в чешской армии я не служил, она состояла из военнопленных чехов, поляков, я попал в Колчаковскую армию. Тот, кто не хотел идти добровольцем в чешскую армию, того отправляли в концлагерь обратно»²⁹. Австрийский военнопленный румын Иван Майкан оказался в Казахстане в 1918 г., его с группой военнопленных в 250 чел. перевели из пермского лагеря для работы на Сергиопольском тракте (между Верным и Семипалатинском). Вскоре его мобилизовали в отряд сибирского атамана Б.В. Анненкова, который в тот момент дислоцировался в Киргизской степи³⁰. Участие пленных в борьбе против советской власти каралось большевиками. Так, пленный Ф. Ронай по приговору коллегии Семипалатинского губернского ЧК от 23 марта 1920 г. был приговорен к «заключению в концлагерь до конца гражданской войны»³¹.

²⁵ СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2649. Л. 11.

²⁶ ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 534. Л. 439.

²⁷ СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 15.

²⁸ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. С. 80.

²⁹ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Л. 12.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 3612. Л. 8.

³¹ Там же. Д. 2649. Л. 68, 98.

В ходе мобилизации пленных в Красную армию в Туркестане весной 1919 г. удалось набрать 2 тыс. чел., в том числе 320 чел., преимущественно венгров, в форте Александровском и г. Черняев³². Интернационалисты приняли участие в боях против белых в 1919 г. за Оренбург, Тургай, Актюбинск. Например, венгерский военнопленный С. Бетлин в автобиографии сообщал: «из Ходжента был мобилизован в 1919 г. в Красную армию и отправлен на Актюбинский фронт, после этого переброшен на Копальский фронт в Семиречье и остался в Жаркенте»³³. Мадьяр Шайдур Комуни находился в Омском концлагере, где и вступил вместе с другими венграми добровольцем в Красную армию. Впоследствии он вспоминал: «В одном из боевых столкновений с солдатами в момент чехословацкого мятежа в г. Омске весь наш отряд сдался в плен. Чехи посадили нас в Омский концлагерь для военнопленных. В сентябре 1919 года военнопленные были переведены в Семипалатинский концлагерь. Бывшие военнопленные были освобождены после подавления колчаковщины»³⁴. Добровольно вступившие в Красную армию получали право на репатриацию, но только по истечении контракта³⁵.

Репатриация на родину: «за» и «против». Еще в период мировой, а затем и Гражданской войны стало очевидно, что репатриация – наиболее оптимальный путь решения вопроса пленных и беженцев. Вопросами обмена пленными и репатриацией российское правительство занималось уже с 1915 г. Окончание Первой мировой войны актуализировало вопросы возвращения. 25 января (7 февраля) 1918 г. большевики подписали соглашения с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией о возвращении на родину раненых и больных военнопленных³⁶. После заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. в течение весны-лета 1918 г. были созданы Русско-Германская и Русско-Австрийская комиссии по обмену военнопленными. В апреле 1918 г. в составе Комиссариата по военным делам была учреждена Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж/ЦКПБ), сосредоточившая в своих руках всю деятельность по проблемам пленных и беженцев Первой мировой войны. В феврале 1920 г. в составе Наркомата внутренних дел было создано Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) НКВД РСФСР.

Есть данные, что с марта по май 1918 г. из России на родину вернулось полмиллиона бывших пленных Центральных держав. Вплоть до расторжения Брестского договора в ноябре 1918 г., который привел к временному прекращению репатриации, Россию покинули еще 400 тыс. пленных³⁷. Однако покинуть Туркестан и Сибирь удалось в 1918–1919 гг. немногим военнопленным: в 1919 г. репатриация как военнопленных, так и беженцев оказалась фактически свернута. Самой массовой акцией стала эвакуация чехов и словаков через Дальний Восток зимой 1919–1920 г.

Новая волна репатриации началась в 1920–1921 гг. Советское правительство заключило серию договоров об оптациях или возвращении и обмене военнопленных, беженцев, интернированных и заложников, а также подписало серию соглашений о репатриации. Предполагалось, что большинство иностранных военнопленных покинут пределы Советской России к концу лета 1922 г. Оценить численность уехавших в 1920–1922 гг. довольно сложно, поскольку нет общей статистики. Согласно официальным данным, в целом из СССР в течение 1922–1928 гг. выехало около 240 тыс. иностранцев³⁸.

Правительства принимающих государств пытались организовать отбор выезжающих. Так, например, Германское бюро по делам пленных и гражданских лиц издало специальную

³² Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР: в 2 т. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР: сб. док. М., 1968. С. 251.

³³ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1114. Л. 6.

³⁴ Там ж. Д. 3187. Л. 7.

³⁵ С.У. РСФСР, 1919. Ст. 30.

³⁶ Арзамаскин Ю. Заложники Первой мировой... С. 60.

³⁷ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 151.

³⁸ Моисеенко В. От подданства России к гражданству СССР // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 6. С. 77.

инструкцию, разъясняя порядок регистрации и отправки германских подданных³⁹. Основанием к выезду было наличие учетных документов, подтверждающих статус пленного, для гражданских – краткосрочные виды на жительство, выданные губисполкомами регионов проживания. Вскоре стало очевидно, что воспользоваться репатриацией в массовом порядке пытаются российские граждане. Данные о военнопленных и возможном их месте пребывания формировались из разных источников, например на основании запросов конкретных организаций, но чаще информация поступала от родственников. Так, например, Бюро получило от родственников информацию о германском военнопленном Фридрихе Штальберге, который в 1916 г. проживал в деревне в 150 верстах от г. Петропавловска и не имел средств для выезда на родину. Киргизское управление эвакуации провело регистрацию военнопленных осенью-зимой 1921 г., которых после этого вывозили из Акбулака, Актюбинска и Оренбурга. Формированием эшелонов с репатриантами занимались Центроэвак и его региональные отделения.

Одновременно с регистрацией немецких и австрийских военнопленных в регионе шла массовая регистрация поляков, репатриация которых началась с марта 1921 г. и должна была завершиться уже к ноябрю. Сроки регистрации были крайне жесткими, все списочные данные о численности возможных репатриантов-поляков по восточным регионам должны были поступить в Центроэвак не позднее 5 сентября 1921 г.⁴⁰ Списочные данные на военнопленных и беженцев значительно отличались. Списки первых включали, помимо персональных данных, данные о плене, звании, состоянии здоровья. У беженцев уточнялась национальность, фактическое место проживания на родине и в России, наличие документов, обосновывающих право на репатриацию. Киргизское управление эвакуации по данным на 23 декабря 1921 г. наметило к выезду 9 тыс. поляков из числа беженцев и 200 австро-германских военнопленных (из 326 зарегистрированных)⁴¹. Советская сторона поначалу гарантировала доставку пленных до границы, но с августа 1922 г. отъезд стал осуществляться за счет самих выезжающих.

В марте 1924 г. бывшим военнопленным Германии, Австрии, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Турции и Румынии, не выехавшим своевременно на родину, была предоставлена последняя такая возможность. Немецкая сторона в этих условиях смягчила требования к формальным основаниям для возвращения, установив с мая 1924 г. новые правила для реэвакуации. Все лица, не выехавшие в срок до мая 1924 г., считались «просрочившими сроки реэвакуации», вследствие чего региональные власти в СССР полностью прекратили прием заявлений от бывших военнопленных.

«Жениться на местной» и «найти себя в этой стране». Диллему «уехать или остаться» обуславливал комплекс причин. Одна из них – семья, так как брак стал одним из основных способов интеграции пленных. Российские власти (Временное правительство Керенского, а затем Омское правительство Колчака) пошли на разрешение браков с иностранцами из числа пленных славян для улучшения положения последних. Например, Комиссия по делам военнопленных в Туркестанском военном округе своим решением от 22 июня 1917 г. разрешала военнопленным вступать в подданство России и заключать браки с российскими женщинами⁴². Первый кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, введенный в действие на территории РСФСР в октябре 1918 г., возможность заключения брака с иностранцами не предусматривал вообще, однако в новом кодексе 1923 г. возможность таких браков появилась, включая изменение гражданства мужа или жены⁴³. Иностранные консульства широко практиковали

³⁹ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 29–41.

⁴⁰ Козин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России. 1919–1922 // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4 (106). С. 31.

⁴¹ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 37, 60, 73.

⁴² Дорошенко Т.И. Положение польских военнопленных и беженцев в Туркестане в 1914–1923 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 3. С. 21.

⁴³ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. С. 106.

регистрацию национальных браков, однако на территории СССР интернациональные браки признавались действительными только в случае регистрации советскими ЗАГСами. Регистрацию в последних могло осложнить отсутствие документов советского образца.

Анализ анкет бывших военнопленных, отложившихся в архивно-следственных делах, показывает, что их дети родились в период 1916–1937 гг. Обращает на себя внимание и разница в возрасте между супругами: в среднем она составляла 10–11 лет, при этом максимальная – 22 года, что свидетельствует о послевоенном половозрастном дисбалансе. Война сократила число мужчин, увеличив количество вдов, и военнопленные были завидными женихами, готовыми воспитывать и чужих детей. Так, военнопленный Адам Левицкий женился на женщине с пятью детьми, и после ареста в 1937 г. его приемные дети просили наркома НКВД Ежова освободить отца: «когда белобандиты убили отца, Левицкий Адам воспитал нас как дочерей и сынов, преданных Советскому Союзу... в голодные годы спас нас от смерти»⁴⁴.

В повседневной жизни интернациональные пары зачастую не имели особых стимулов для регистрации своих отношений. Официальный брак был необходим лишь при выезде из страны, поскольку советское правительство разрешало эмиграцию членов семей бывших военнопленных. Соглашения РСФСР с Веймарской республикой оговаривали возможность выезда жены, в том числе самостоятельного, после реэвакуации мужа⁴⁵. Зафиксированы случаи фиктивных браков с иностранцами с целью эмиграции.

Что касается возвращения в Советский Союз после репатриации, то причины могли быть самыми разными – как личными, так и экономическими. Так, чешский военнопленный Ю. Немец воспользовался правом на репатриацию, при этом смог вывезти русскую жену, но вскоре вернулся. В анкете он объяснял: «летом 1921 г. выехал на родину вместе с семьей в Чехословакию, село Врачевце, где жил до сентября 1921 г. Вернулся в СССР по желанию своей жены Стариковой Зинаиды Леонидовны, на которой я женился в Семипалатинске в 1918 г.»⁴⁶. Вот еще одна аналогичная история: «Находясь в России в плену в 1919 г., я женился в гор. Омске на гражданке Волосенко Юлии... В начале 1920 г. в январе или в феврале я выехал на родину в Германию в город Мангейм, где работал на заводе. В начале 1922 г. в Германии было объявление: кто был в России в плену и имеет желание поехать обратно, тот может беспрепятственно выехать... Когда переехал в Германию, то жена все время сбивала меня, чтобы поехать обратно в Россию, и когда было разрешено выехать в Россию, то в апреле 1922 г. я возвратился... Прибыл я в 1922 г. по временной визе, по которой я был обязан через полгода вернуться за границу как иностранный подданный»⁴⁷.

На родине у военнопленного оставались родители, а иногда даже первая семья. Даже спустя 10–15 лет некоторые бывшие военнопленные и их русские жены были готовы отказаться от советского гражданства и уехать из страны. Например, поляк М. Камарницкий «очень ратовал за воссоединение с семьей, и его жена была готова отказаться от советского гражданства, как и он сам, ради выезда на родину»⁴⁸. Переписка существовала, но еще со времен плена практиковалась перлюстрация писем военнопленных. Разделенные войной родственники делились новостями, иногда с очень большим запозданием. Так, в одном из писем 1927 г., написанном по-немецки, родители писали в СССР своему сыну И. Рейнеру, в котором сообщали, что от ведомства канцлера имеют информацию о том, что он обращался в австрийское посольство в Москве с просьбой помочь в выезде из СССР. Родители были рады, что сын женился на русской женщине, и очень хотели бы, чтобы они приехали, потому что их жизнь очень тяжела, они не могут уже работать в силу возраста и болезни.

Помимо обстоятельств семейного характера, многие военнопленные оставались в СССР по экономическим причинам. Для многих возвращение стало слишком дорогим, да и в России они уже прожили много лет, пропустив сроки репатриации. Новая экономиче-

⁴⁴ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2843. Л. 29–30.

⁴⁵ ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 302. Л. 29–41.

⁴⁶ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 419. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 2428. Л. 12.

ская политика открыла широкие возможности для предпринимательства, а последовавшая индустриализация стимулировала занятость. Многие военнопленные смогли интегрироваться и найти для себя экономические ниши. В этой связи показательна судьба С. Кестенблата, до войны работавшего развозным посредником крупной австрийской фирмы, который уже с 1916 г., находясь в плену на Урале, имел оплачиваемую работу (рабочий, мелкослужащий, чаще счетовод). В 1920-е гг. он жил и работал в Екатеринбурге, Одессе, Ростове. На «Ростсельмаше» служил торговым представителем, а также переводчиком. В 1928 г. в качестве последнего был прикреплен к германскому специалисту М. Гоферу, в 1931 г. – к инженеру Карют. В своей анкете он пишет: «В 1933 из Ростсельмаша я перешел работать в управление Северо-Кавказской железной дороги, где по рекомендации иностранного специалиста Бира получил назначение в качестве бухгалтера на строительство санатория в местечке Хоста около Сочи. Затем вместе с Биром получил назначение на Турксиб, где после отъезда инженера работал бухгалтером. В 1935 г. завербовался на начинающуюся стройку Балхашстрой, а оттуда в 1937 г. выехал в Караганду, где работал на шахте плановиком. В этом же году переехал в Семипалатинск, где работал в качестве педагога немецкого языка, потом работал бухгалтером Гордорстроя, а по совместительству преподавал немецкий язык в школе»⁴⁹. Данный пример весьма красноречиво иллюстрирует профессиональную и территориальную мобильность таких людей, зависимость их карьеры и возможностей от политической и экономической конъюнктуры в стране.

Остаться иностранцем или стать советским. Советская власть очень быстро сформировала институт национального гражданства. Декларируя равенство граждан и иностранцев, делались настойчивые попытки интегрировать и натурализовать последних. Первые Конституции – РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. – давали широкие возможности для натурализации иностранцев, в частности, власти гарантировали получение советского гражданства бывшим военнопленным, особенно служившим в Красной армии. Однако многие иностранцы предпочли сохранить национальное гражданство, технически возможность подтверждения и пролонгации иностранного гражданства существовала в силу деятельности в СССР консульских учреждений. Наличие действующего национального паспорта позволяло, согласно советскому закону о гражданстве 1924 г., получить либо вид на жительство иностранца, либо вид на жительство лица, заявляющего о принадлежности к иностранному гражданству. Иностранцы, не подтвердившие иногражданство и не заявившие о таковом, автоматически признавались советскими гражданами. В личном деле И. Рейнера сохранилось заявление от мая 1928 г. в Семипалатинский губернский административный отдел: «Прилагаю при сем национальный паспорт, выданный Австрийским консульством в Москве 19 ноября 1927 г. № 21 4859/690 и сообщая о себе на обороте требующиеся сведения, прошу Вас выдать мне установленный вид на жительство в пределах СССР». Бывший австрийский военнопленный В. Лобяк, оценивая свой национально-гражданский статус, указал, что гражданство СССР получил согласно постановлению от 1927 г. как не оформивший польское гражданство⁵⁰.

Принцип признания иностранца, не имеющего вида на жительство, гражданином СССР сохранялся до начала 1930-х гг. Уже упоминавшийся выше бывший военнопленный венгерской армии С. Кестенблат указывал, что до 1918 г. был Шимоном, но по совету жены взял немецкое имя Сигизмунд (Зигмунт). «До 1928 г. считал себя германским подданным, хотя никаких документов не имел. С 1918 по 1928 г. пытался получить немецкое гражданство. В 1918 г. как уроженец Львова и военнопленный, я обращался в польское консульство в гор. Екатеринбурге с просьбой признать за мной польское гражданство. Но мне отказали в выдаче польского паспорта. В 1923 г. ввиду того, что я не имел документов, обратился в губисполком о признании за мной советского гражданства, но получил отказ и предложение получить вид на жительство как иностранец или покинуть пределы СССР. Я решил получить вид на жительство. В 1927 году, имея на руках вид на жительство,

⁴⁹ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 10–17.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1166. Л. 1.

я обратился в немецкое консульство в Москве как германский подданный, меня выслушали, но гражданство не признали. Я вновь обратился в немецкое консульство, обращался дважды в Одессе, но получил отказ. И тогда в 1928 г. подал заявление в Вятский губисполком о признании за мной подданства СССР»⁵¹.

В 1920–1930-е гг. в стране периодически проходили кампании по регистрации иностранцев и лиц без гражданства, в значительной степени с целью стимулировать процесс натурализации. Начавшаяся в 1932–1933 гг. в СССР паспортизация стала первым шагом, направленным на формирование системы учета населения, в том числе тотального учета проживающих в стране иностранцев. В 1934 г. в структуре НКВД создается Отдел виз и регистрации (ОВИР). В режимных зонах – индустриальных регионах и зоне границы, а также в крупных городах, затронутых паспортизацией, действовала норма, согласно которой «бывшие военнопленные, не оформившие вид на жительство, рассматривались наравне с гражданами СССР», что требовало от них оформления советского гражданства⁵². Например, А. Томаш, не подававший ранее документов на советское гражданство, в ходе паспортизации в г. Омске смог получить советский паспорт, при этом якобы скрыв факт наличия иностранного паспорта⁵³.

В условиях начавшейся перерегистрации иностранцы массово обращались в консульства, однако советские власти запретили последним осуществлять выдачу национальных паспортов и пролонгацию гражданства. Запрет был снят только осенью 1936 г., но вскоре последовала новая кампания, сопровождавшаяся массовым закрытием консульств. В ходе паспортизации некоторые иностранцы стремились получить советские документы, что давало право на проживание. Так, П. Стромицкий, проживая в 1933 г. в Усть-Каменогорске, оформил гражданство СССР, так и не получив разрешения на выезд из СССР⁵⁴. Уроженец Галиции М. Камарницкий в период паспортизации пытался получить разрешение на выезд, воодушевленный «примером других военнопленных, проживавших до 1933 г. в СССР и все-таки уехавших в Польшу»⁵⁵. Показательна история австрийского военнопленного С. Маркевича: «До 1934 г. проживал в СССР по справке Семипалатинского ГубЭвака от 1921 г. Польский паспорт получил в 1934 г. в польском консульстве в Москве. Пытался три раза выехать в Польшу, но не удавалось потому, что два раза опоздал с талоном, а в третий раз в 1934 г. меня вернули, т.е. не пропустили на ст. Юго-Западной желдороги, т.к. у меня не было разрешения на выезд из СССР и на въезд в Польшу. Я полагал, что метрическая выписка, имевшаяся у меня, как документ достаточна. Вернувшись с погранполосы, я вновь поехал в консульство в Москву на третью улицу Мещанская дом 32–34. В консульстве пытался возбудить ходатайство о выезде из СССР. В консульстве мне ответили, что когда они дадут паспорт, как польскому подданному, тогда разрешат выезд. А чтобы получить паспорт, я должен был получить справку от РИКа по месту жительства о том, что я советского гражданства не принимал и ходатайство не возбуждал, такую справку я получил в 1934 г., заполнил анкеты и отправил в польское консульство, оттуда почтой мне выслали паспорт. После получения паспорта, я ходатайствовал перед польским консульством и НКВД о возврате мне конфискованного у меня имущества в Усть-Каменогорске, как у кулака. У меня не было средств выехать»⁵⁶.

Жертвы Большого террора. Положение иностранцев СССР резко начало меняться с середины 1930-х гг. Накануне массовых операций НКВД в СССР практиковалось аннулирование советских видов на жительство. Летом 1937 г. НКВД принял особый циркуляр «Об иностранцах», предписывающий начать общесоюзную кампанию по массовому отказу в продлении советских видов на жительство для иностранцев. СССР превращался в закрытую страну, где иностранцы и бывшие иноподданные стали объектом пристального

⁵¹ СГА ДП ВКО. Ф.19. Оп. 2. Д. 2896. Л. 15.

⁵² Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных... С. 83–91.

⁵³ СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 419.

⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1329.

⁵⁵ Там же. Д. 2428. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Д. 3339. Л. 34–35.

внимания, а потом и репрессий. Одной из характерных черт советского общества второй половины 1930-х гг. стала тотальная и где-то даже истеричная шпиономания. В конце лета 1937 г. в стране начались массовые репрессии, которые прошли в рамках реализации НКВД «кулацкой» и серии «национальных» операций, санкционированных высшей партийной властью, целью которых стали не только собственно иностранцы, но и бывшие иноподданные, получившие советское гражданство. Этничность не была прямым основанием для преследований, но репрессии не обошли национальные меньшинства и диаспоры. По всей стране прошли аресты иностранцев, лиц с двойным гражданством и апатридов. Они коснулись не только бывших иностранных военнопленных, но также иностранных специалистов, рабочих и аграрных переселенцев, перебежчиков, политэмигрантов, реэмигрантов и административно-ссылных.

Статус «бывший военнопленный» стал репрессивным маркером. В вину военнопленным чаще всего ставили якобы имевший место шпионаж в пользу западноевропейских государств и так называемые «консульские связи». На северо-востоке Казахстана почти половину военнопленных репрессировали в рамках «польской» операции, а четверть – по «немецкой». В остальных смогли «распознать» английских и даже китайских и японских шпионов. Несколько бывших военнопленных, проживавших в г. Риддер, оказались фигурантами сфабрикованного в марте 1938 г. УНКВД Семипалатинской области дела о шпионско-диверсионной организации на предприятии «Алтайполиметалл». Подавляющее большинство бывших военнопленных, осужденных в годы Большого террора, были расстреляны. Для этих людей, прошедших войну и плен, приложивших большие усилия, чтобы встроиться в советское общество, выбор в пользу проживания в СССР оказался в итоге роковой ошибкой. «Бывшие военнопленные» стали жертвами советских политических репрессий на основании того, что являлись подучетной и стигматизированной группой, которая рассматривалась властью как потенциально нелояльная.

Заключение. Для большинства военнопленных адаптационный период совпал с переходом Советской России/СССР от войны к миру. Выбор жизненной стратегии определялся решением уехать на историческую родину или остаться в России. Затянувшиеся миграционные ожидания, в том числе и неудачный опыт репатриации, повлияли на решение многих бывших военнопленных остаться на новой родине навсегда. Но спустя еще десятилетие такое решение стало восприниматься многими из них как ошибка, вследствие чего были предприняты отчаянные попытки уехать из СССР. Но в какой-то момент пришло осознание, что «уехать уже нельзя». Распространенной жизненной стратегией стало стремление сохранить иностранное гражданство, но при этом попытаться затеряться в большой стране, что привело к высокой мобильности и частой смене места жительства.

Истории иностранцев в Советской России – это и разочарование, и надежды. Интернационализм и социалистические идеи вкупе с востребованностью квалифицированных и образованных людей порождали иллюзии и ожидания, но иностранцы, в частности бывшие военнопленные, вскоре стали удобной мишенью, по отношению к которым очень легко было сформировать образ врага.

Литература

Арзамаскин Ю. Заложники Первой мировой: из истории репатриации иностранных военнопленных // Военный академический журнал. 2014. № 2. С. 59–64.

Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР: в 2 т. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР: сб. док. / сост. А.А. Ходак, Л.М. Чижова, А. Йожа и др. М.: Политиздат, 1968. 515 с.

Дорошенко Б.К. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой Мировой войны // Вестник науки и образования. 2021. № 10-1 (113). С. 20–28.

Дулатов Б.К. Вопросы репатриации бывших граждан Австро-Венгерской империи в 1920-е годы // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24, № 5. С. 148–161.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // *Вопросы истории*. 2022. № 12 (4). С. 162–180.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // *Новейшая история России*. 2021. № 11 (1). С. 72–88.

Мендикулова Г., Надежук Г. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // *Вестник архивиста*. 2018. № 4. С. 996–1008.

Моисеенко В. От подданства России к гражданству СССР // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14, № 6. С. 77.

Мотревич В.П. Судьбы оставшихся в СССР военнопленных Первой мировой войны (по материалам архивно-следственных дел ГААСО) // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019. № 3. С. 83–91.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.

Островский Л.К. Польские военнопленные в Сибири (1904–1920) // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 316. С. 88.

Сенявская Е.С. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // *Вестник РУДН. Сер.: История*. 2009. № 4. С. 111–127.

Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 550 с.

Сыдыков Е.Б., Айтмагамбетов Д.Р., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е. Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России // *Bulye Gody*. 2022. № 17 (1). С. 503–514.

Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. 184 с.

Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. М.: Терра, 1991. 184 с.

Leidinger H., Moritz V. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920*. Wien: Böhlau Verlag/Wien, 2003. 754 s.

References

Arzamaskin, Yu. (2014). *Zalozhniki Pervoy mirovoy: iz istorii repatriatsii inostrannykh voyennoplennykh* [Hostages of the First World War: From the History of the Repatriation of Foreign Prisoners of War]. In *Voennyi akademicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 59–64.

Doroshenko, B.K. (2021). *Polozheniye voennoplennykh v Turkestane v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Situation of Prisoners of War in Turkestan during the First World War]. In *Vestnik nauki i obrazovaniya*. No. 10-1 (113), pp. 20–28.

Dulatov, B.K. (2019). *Voprosy repatriatsii byvshikh grazhdan Avstro-Vengerskoy imperii v 1920-e gody* [Issues of Repatriation of Former Citizens of the Austro-Hungarian Empire in the 1920s]. In *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 24, No. 5, pp. 148–161.

Felshtinskiy, Yu. (1988). *K istorii nashey zakrytosti. Zakonodatel'nye osnovy sovetskoy immigratsionnoy i emigratsionnoy politiki* [On the History of Our Closedness. Legislative Bases of the Soviet Immigration and Emigration Policy]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 184 p.

Felshtinskiy, Yu. (1991). *K istorii nashey zakrytosti* [On the History of Our Closedness]. Moscow, Terra. 184 p.

Khodak, A.A., Chizheva, L.M., Yozha, A. et al. (Comp.). (1968). *Vengerskie internatsionalisty v Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v SSSR. V 2 t. T. 2. Uchastie vengerskikh internatsionalistov v zashchite sovetskoy vlasti na frontakh Grazhdanskoy voyny v SSSR: Sb. dok.* [Hungarian Internationalists in the October Revolution and the Civil War in the USSR. In 2 vols. Vol. 2. Participation of Hungarian Internationalists in the Defense of Soviet Power on the Fronts of the Civil War in the USSR: Collection of documents]. Moscow, Politizdat. 515 p.

Kodin, Ye.V., Rodionov, I.I. (2021). Repatriatsiya pol'skikh voyennoplennykh iz lagerey Tsentral'noy Rossii (1921–1922) [Repatriation of Polish Prisoners of War from the Camps of Central Russia (1921–1922)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 11 (1), pp. 72–88.

Kodin, Ye.V., Rodionov, I.I. (2022). Pol'skie voennoplennye v lageryakh Tsentral'noy Rossii, 1919–1921 gg. [Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1921]. In *Voprosy istorii*. No. 12 (4), pp. 162–180.

Leidinger, H., Moritz, V. (2003). *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920*. Wien, Böhlau Verlag/Wien. 754 s.

Mendikulova, G., Nadezhuk, G. (2018). Arkhivnye dokumenty o evropeyskikh voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v Semirechenskoy oblasti Turkestanskogo general-gubernatorstva (Case study) [Archival Documents on European Prisoners of War of the First World War in the Semirechye Region of the Turkestan Governorate-General (Case Study)]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 996–1008.

Moiseenko, V. (2019). Ot poddanstva Rossii k grazhdanstvu SSSR [From Russian Citizenship to USSR Citizenship]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. Vol. 14, No. 6, pp. 58–92.

Motrevich, V.P. (2019). Sud'by ostavshikhsya v sssr voyennoplennykh pervoy mirovoy voyny (po materialam arkhivno-sledstvennykh del gaaoso) [the fates of prisoners of war of the first world war who remained in the ussr (based on materials from archival and investigative cases of the GAAOSO)]. In *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*. No. 3, pp. 83–91.

Nakhtigal, R. (2014). *Murmanskaya zheleznaya doroga (1915–1919 gody): voennaya neobkhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniya* [Murmansk Railway (1915–1919): Military Necessity and Economic Considerations]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 320 p.

Nakhtigal, R. (2014). Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of War in Russia during the First World War]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 142–156.

Ostrovskiy, L.K. (2008). Pol'skie voennoplennye v Sibiri (1904–1920) [Polish Prisoners of War in Siberia (1904–1920)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 316, pp. 88–92.

Shchadt, V. (2022). Pereselencheskoe dvizhenie nemetskogo krest'yanstva v Kazakhstane [Resettlement Movement of the German Peasantry in Kazakhstan]. In *Vostochnyy arkhiv*. No. 2 (46), pp. 77–84.

Sinyavskaya, Ye.S. (2009). Narody Avstro-Vengrii v Pervoy mirovoy voyne glazami russkogo protivnika [The Peoples of Austria-Hungary in the First World War Through the Eyes of the Russian Enemy]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya*. No. 4, pp. 111–127.

Surzhikova, N.V. (2014). Voenny plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.) [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Surzhikova, N.V. (2015). Voenny plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.) [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Yekaterinburg. 550 p.

Sydykov, Ye.B., Aytmagambetov, D.R., Zhanbosinova, A.S., Saylaubay, E.E. (2022). Povsednevnost' voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny v usloviyakh Aziatskoy Rossii [Everyday life of Prisoners of War of the First World War in the Conditions of Asian Russia]. In *Bylye Gody*. No. 17 (1), pp. 503–514.

Н.С. Склярченко*

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ТОМСКОГО
ОКРУГА В ГОДЫ НЭПА**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-3
УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:
Склярченко Н.С. Социальное обеспечение инвалидов войны на территории
Томской губернии и Томского округа в годы нэпа // Исторический курьер. 2024.
№ 6 (38). С. 36–49. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-03.pdf>

N.S. Sklyarenko*

**SOCIAL SECURITY FOR WAR INVALIDS IN
THE TOMSK PROVINCE AND TOMSK DISTRICT
DURING THE NEP YEARS**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-3

How to cite:
Sklyarenko N.S. Social Security for War Invalids in the Tomsk Province and Tomsk
District during the NEP Years // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 36–49.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-03.pdf>]

Abstract. The article analyzes the process of forming a system of social and medical support for war invalids on the territory of the Tomsk province (since 1925, Tomsk district) during the period of the New Economic Policy (NEP), as one of the most important periods in the history of the USSR. Despite the difficult socio-economic situation in the country, in the territories of the Tomsk province and Tomsk district it was possible to create a powerful system for providing socio-economic and medical assistance to war disabled people. The main activities for organizing this system were entrusted to local state-public associations – Gubkompom, Gubsobes and the Peasant Committee for Public Mutual Assistance (KKOV). It is also necessary to note the importance of Tomsk for the Soviet state, since it was in this city that it was planned to organize a specialized educational institution of a regional (part of Western and Eastern Siberia) scale. However, at the moment it is difficult to definitively establish the reason for the curtailment of these undertakings due to the lack of research material. After the end of the NEP and the beginning of industrialization, there is transition of all charitable structures under the direct leadership of the state.

Keywords: Tomsk province, Tomsk district, war invalid, social security.

The article has been received by the editor on 22.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования системы социального и медицинского обеспечения инвалидов войны, выявление ее особенностей, проблем и достижений на территории Томской губернии (с 1925 г. Томский округ) в период новой экономической политики (нэпа) как одного из важнейших периодов в истории СССР. Основным источником исследования являются материалы Государственного архива Томской области (ГАТО). Анализ представленных материалов позволяет отметить основные направления социально-экономической, образовательной и медицинской помощи. Несмотря на сложную социально-экономическую обстановку в стране, на территориях Томской губернии и Томского округа удалось создать систему оказания социально-

* **Никита Сергеевич Склярченко**, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: nik_sklyarenko@mail.ru
Nikita Sergeevich Sklyarenko, Master's student, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: nik_sklyarenko@mail.ru

экономической и медицинской помощи инвалидам войны. Основная деятельность по организации данной системы была возложена на местные государственные и общественные объединения: Томский Губернский Комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Губкомпом), Томский губернский отдел социального обеспечения (Губсобес) и Крестьянский комитет общественной взаимопомощи (ККОВ). Необходимо также отметить важность г. Томска для советского государства, так как именно в данном городе планировалось организовать специализированное учебное заведение для инвалидов регионального (часть Западной и Восточной Сибири) масштаба. В целом систему социального обеспечения инвалидов войны на территории Томской губернии и Томского округа в годы нэпа можно охарактеризовать как недостаточно эффективную. Она не смогла в полной мере удовлетворить потребности данной категории граждан, многие из которых находились в трудном положении. Причины были разного свойства: нехватка ресурсов, бюрократические препоны, недостаточная развитость инфраструктуры, отсутствие единого подхода к оказанию помощи. Все это негативно сказывалось на жизни инвалидов войны. После окончания нэпа и начала индустриализации происходит переход всех социальных структур в непосредственное ведение государства.

Ключевые слова: Томская губерния, Томский округ, инвалиды войны, социальное обеспечение.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024 г.

Первая мировая и Гражданская войны, а также вызванные ими социально-экономические бедствия привели к резкому увеличению числа людей, не способных обеспечить себе минимальные условия существования по причине отсутствия материальных средств или в силу приобретенной инвалидности. Инвалидизация особенно затронула комбатантов (солдат императорской, красной и белой армий, партизан), поскольку они непосредственно находились в условиях повышенного риска причинения вреда жизни и здоровью.

Характеризуя советскую социальную политику в отношении инвалидов войны, можно говорить о том, что в годы нэпа в СССР началось формирование системы социального обеспечения. Главным отличием от подобной системы, существовавшей в Российской империи, было то, что советское государство, кроме желания оказать помощь наименее защищенному слою населения, придавало своим действиям идеологическую окраску, поскольку инвалиды «империалистической войны» большевиками трактовались как «жертвы царского режима», которые заслуживали социальной поддержки от государства. Еще большего внимания со стороны государства и общества были достойны «красные» инвалиды гражданской войны, так как они являлись защитниками «социалистического отечества»¹.

При анализе степени изученности системы социальной поддержки инвалидов в Советской России/СССР следует подчеркнуть, что современных исследователей в большей степени привлекает вопрос оказания помощи инвалидам войны в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период². Несмотря на значительное внимание, уделяемое в исследованиях вопросам нормативно-правовой базы, связанной с интеграцией демобилизованных воинов-инвалидов в общество, социальной и медицинской помощи, а также трудового обучения, авторы недостаточно акцентируют внимание на истоках организации помощи

¹ Ковалев А.С. Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 1. С. 77–94.

² Польшинский А.С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 190–199; Абузярова Д.А. Социальная защита инвалидов войны в 1941–1945 гг. // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17, № 2. С. 146–150; Гиниатуллина Л.М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6 (86). С. 94–102.

инвалидам войны. Те же работы, которые непосредственно затрагивают тему оказания помощи инвалидам войны в период нэпа, останавливаются на изучении общесибирской проблематики, не уделяя большого внимания региональному аспекту³. Приоритет в изучении темы принадлежит А.С. Ковалеву, который на солидном общесибирском архивном материале проанализировал особенности становления, финансирования и практической помощи инвалидам войны в Сибири в годы нэпа⁴.

Изучение регионального аспекта в вопросах социального обеспечения инвалидов войны в годы нэпа позволяет проанализировать эффективность местных органов власти, дает возможность оценить реальное положение дел на местах. Например, в Томском округе фактическая ставка пособия инвалидам войны могла отличаться в меньшую сторону от ставки, установленной государством. Это касалось как инвалидов «империалистической», так и гражданской войны⁵. Основной причиной невозможности выплаты полного размера пособия являлась нехватка средств в условиях ликвидации последствий Гражданской войны.

Тем не менее, несмотря на проблемы с финансовым обеспечением инвалидов, на территории Томского округа была создана целая сеть социальных и протезно-медицинских учреждений. В исследованный период на территории г. Томска имелось два протезных предприятия, которые помогали пациентам уже с момента их нахождения в больнице на излечении⁶. Активную помощь также оказывал Томский Губернский Комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Губкомпом) и Губернский отдел социального обеспечения (Губсобес), которые организовывали не только «недели помощи инвалидам войны», но и создавали специализированные учреждения (инвалидные дома), где, помимо оказания социальной помощи, обучали инвалидов посильным для них профессиям (сапожник, портной и т.д.), таким образом давая им возможность в будущем вести самостоятельную жизнь⁷. Кроме того, производились попытки организовывать дополнительные рабочие места для инвалидов. Так, на территории Томского уезда существовала сельскохозяйственная инвалидная колония «Надежда», в которой располагались пасека, молочная ферма и мельница. Также планировалось организовать сеть трудовых артелей и кооперативов с целью улучшения материального положения инвалидов посредством организации для них кустарных рабочих мест, но в силу слабого финансирования реализация данного проекта проводилась со значительными затруднениями⁸.

Особенностью советской модели социального обеспечения было то, что она существовала исключительно благодаря инициативе государства и полностью им контролировалась. Формально запретив благотворительность, советская власть тем не менее не смогла обойтись без общественной поддержки. При этом необходимо отметить, что дело социального обеспечения в 1920-е гг. полностью легло на плечи местных бюджетов, которые осуществляли финансирование этого направления по остаточному принципу и напрямую зависели от экономического развития региона.

Началом развития системы социального обеспечения в РСФСР можно считать постановление СНК № 19 от 30 мая 1919 г., касающегося социального обеспечения инвалидов красноармейцев, а также их семей. Согласно положению, к «солдатам инвалидам» относились «военно-увеченные» следующих категорий⁹: солдаты Рабоче-крестьянской красной армии (РККА); моряки РККА; военнослужащие судоходной охраны Главного управления водных сообщений; военнослужащие пограничной охраны; военнослужащие

³ Орлова И.В. Реализация социального обеспечения инвалидов войны в годы НЭПА // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-3 (29). С. 186–188.

⁴ Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20–30-х гг. XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013; Ковалев А.С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск, 2018.

⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1373. Л. 158.

⁶ Там же. Д. 373. Л. 491–493.

⁷ Там же. Д. 722. Л. 12–13.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 94. Л. 80.

продовольственных отрядов; военнослужащие железнодорожной охраны; военно-медицинские работники и военно-политические комиссары; бывшие красноармейцы; командный состав Красной армии; члены рабочих и крестьянских боевых дружин и все лица, привлеченные надлежащими властями к обслуживанию воинских частей.

По размерам назначенных пенсий изначально существовало разделение на четыре разряда в зависимости от процента утраты трудоспособности: 1-й разряд – утрата трудоспособности свыше 60 %; 2-й разряд – утрата трудоспособности от 60 до 45 %; 3-й разряд – утрата трудоспособности от 44 до 30 %; 4-й разряд – утрата трудоспособности от 29 до 15 %. Данная классификация основывалась на материалах довоенных консультационных бюро врачей Российской империи, в которых вместо разрядов использовалась степень утраты трудоспособности: полная (100 %), сильнопониженная (70–100 %), среднепониженная (40–70 %), слабопониженная (5–40 %) ¹⁰.

Со временем оказалось, что данное деление не способно верно определять потребности и возможности инвалидов, поэтому началась разработка новой системы. В 1921 г. разрядная система была заменена «групповой», которая разделялась на шесть групп в зависимости от трудоспособности ¹¹: 1) «Инвалиды не только не способные к труду для заработка, но нуждающиеся еще в постоянной помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей; 2) Инвалиды, не способные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постоянном уходе; 3) Инвалиды, не только вынужденные отказаться от своей обычной профессии, но вообще не способные ни к какой регулярной профессиональной работе и могущие добывать средства к существованию лишь случайной временно и при том легкой работой; 4) Лица, вынужденные перейти к другой профессии более низкой квалификации; 5) Лица, вынужденные отказаться от своей обычной профессии и перейти к другой профессии такой же квалификации, если они нуждаются для такого перехода в услугах Наркомсобеса; 6) Лица, могущие продолжать прежнюю профессиональную деятельность, но с пониженной производительностью».

Можно заметить, что, несмотря на формирование «групп инвалидности», происходит деление на две составные части: I–III гр. считались «инвалидами», а IV–VI гр. – «вынужденными лицами». Кроме того, пенсиями обеспечивались только первые три группы. Однако в случае отсутствия собственного «доходного хозяйства» инвалиды IV–VI гр. могли рассчитывать на предоставление работы в ускоренном порядке либо на включение их в инвалидные производственные и производственно-потребительские объединения Собеса. Пенсионное обеспечение инвалидам войны финансировалось из двух источников – 25 % приходилось на государственный бюджет, остальная сумма бралась из бюджетов местных органов социального обеспечения в лице Губсобеса ¹².

Однако состав «клиентуры», рассчитывающих на пособия в городах от Губсобеса, а в деревнях и поселках – от ККОВ, был достаточно широким. Туда входили не только инвалиды красной и «старой» ¹³ армии, но еще и инвалиды по труду, старости или болезни, семьи красноармейцев, призванных на службу или убитых на войнах, а также вдовы и сироты ¹⁴. Это приводило к тому, что средств в губернском бюджете не хватало на покрытие полной установленной ставки пенсии. Об этом говорят данные о фактической ставке пособий инвалидам войны в г. Томске за 1925 г.

¹⁰ См.: Ковалев А.С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск. 2018.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 109. Л. 11.

¹² Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 1056. Л. 2.

¹³ В 1920-х гг. не существовало устойчивого термина, обозначающего инвалида, получившего увечье на фронтах Первой мировой войны. Встречаются разные формулировки данной социальной группы: «инвалид империалистической войны», «инвалид старой армии», «староармейцы». В некоторых документах фигурирует общий термин «инвалиды войны», который отделялся от «инвалидов красной армии».

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

Таблица 1

Пособия инвалидам войны за 1925 г.

Категория	Группа	Размер ставки инвалиду войны	Фактическая ставка пособий инвалидам войны в г. Томске
Инвалид «Империалистической войны»	1	15 руб.	12 руб.
	2	10 руб.	8 руб.
	3	7 руб. 50 коп.	6 руб.
Инвалид Гражданской войны	1	15 руб.	12 руб.
	2	10 руб.	8 руб.
	3	7 руб. 50 коп.	6 руб.

Составлено по: ГАТО. Ф. Р.-173 Оп. 1 Д. 1373. Л. 158.

Кроме того, инвалиды войны получали пособие не только на себя, но также и на содержание своей семьи. Таким образом, местные органы власти предоставляли им минимальную возможность содержать семью¹⁵.

Таблица 2

Пособия инвалидам войны с детьми за 1925 г.

Категория пенсионеров	Количество детей	Размер ставки семье инвалида войны	Фактическая ставка пособий семьям инвалидов войны в г. Томске
Инвалид «Империалистической войны»	1	5 руб.	4 руб. 25 коп.
	2	7 руб. 50 коп.	6 руб. 50 коп.
	3 и более	10 руб.	8 руб. 50 коп.
Инвалид Гражданской войны	1	5 руб.	4 руб. 25 к.
	2	7 руб. 50 коп.	6 руб. 50 коп.
	3 и более	10 руб.	8 руб. 50 коп.

Составлено по: ГАТО. Ф. Р.-173. Оп. 1. Д. 1373. Л. 158.

Большое влияние на помощь и реабилитацию военных инвалидов оказывал Томский Губернский Комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Губкомпом). Само образование организации произошло в феврале 1921 г. при активном содействии председателя ВЦИК М.И. Калинина, который информировал местные власти о необходимости создания подобного органа¹⁶. В первый год своего существования Губкомпом занимался организацией материальной и денежной помощи красноармейцам – участникам Советско-польской войны 1919–1921 гг. Переход к прямым обязанностям Комитета произошел 11 января 1922 г., когда было опубликовано постановление Революционного

¹⁵ В 1925–1926 гг. средняя заработная плата в промышленности в Сибири составляла: рабочих – около 45 руб., служащих – около 78 руб., младшего обслуживающего персонала – около 27 руб. См.: Владимирова В.Н. Соотношение зарплат рабочих и служащих в ценовой промышленности Сибирского края во второй половине 1920-х гг. // Историческая информатика. 2023. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44054 (дата обращения: 14.05.2024).

¹⁶ ГАТО. Ф. Р.-252. Оп. 1. Д. 722. Л. 12.

военного совета Республики (РВСР) за № 246, в котором говорилось в первую очередь об организации помощи по улучшению быта инвалидов войны в Томской губернии, а затем их семей¹⁷. Для решения этой цели Губкомпом сформулировал следующие задачи: «Увеличение средств Комитета всеми возможными способами (не исключалась также и коммерческая деятельность для решения данного вопроса. – С. Н.); Создание Гарнизонного Инвалидного дома в случае благоприятных условий эксплуатации фонда Комитета; Улучшение положение инвалидов войны в домах Губсобеса; Учет инвалидов всей губернии (не указывается точно, каких именно “инвалидов” предполагалось учитывать, возможно также учитывались инвалиды труда. – С. Н.); Развитие широкой и планомерной работы в отношении и протезирования *инвалидов войны* (здесь и ниже курсив наш. – С. Н.); Организация трудового устройства и кооперативов в трудовые артели инвалидов; Постановка лечебного дела через осуществления контроля за деятельностью учреждений Здравдела и Собеса по обслуживанию больраненых красноармейцев и инвалидов войны со стороны Губкомпома»¹⁸.

Однако более четко направления работы Томского Губкомпома были сформированы только к 1924 г.:

1) медицинское: организация курортного и специализированного лечения (в том числе организация лечебной помощи по преодолению посттравматического стрессового расстройства («поствоенного синдрома») при содействии Томской университетской психиатрической клиники); участие медицинских работников в междуведомственных совещаниях по инвалидно-медицинскому вопросу;

2) протезное: субсидирование Томского Протезного Института для расширения производства необходимой продукции; «выявление и обеспечение нуждающихся *инвалидов войны* необходимыми протезами не только городского, но сельского населения» (снабжение проживающих в селах и деревнях инвалидов ставилось в приоритет);

3) трудоустройство: «проведение принципа самообслуживания в инвалидных учреждениях Компома»; «укомплектования штата предприятий Компома, по мере возможности, *инвалидами войны*», «обучение и переобучение инвалидов войны ремеслами и определенным специальностям в имеющихся мастерских и предприятиях Компома»;

4) политико-культурно-просветительское: организация общегородского инвалидного клуба; проведение культурно-просветительской работы среди инвалидов, занятых на предприятиях Компома; учреждений стипендий для инвалидов войны для обучения в вузах, рабфаках и прочих учебных заведениях¹⁹.

Для проведения данных мероприятий предполагалось изыскивать средства из различных источников: из сумм от проведения недели помощи инвалидам войны, а также через членские взносы Всерокомпома²⁰, с отчислений биржевых сделок (0,5 %) и со всевозможных газетных, уличных объявлений, плакатов и афиш (2 %). Кроме того, планировалась широкая организация лотерей, вечеров, спектаклей, концертов и киносеансов в пользу инвалидов войны, а также проведение культурных мероприятий губернского масштаба. В частности, предполагалось организовать выставку картин, которая бы курсировала по городам Сибири, уездным городам и районам Томской губернии. Также проводилась интенсивная работа по распространению благотворительных марок и изданий Всерокомпома благодаря привлечению к их распространению уездных и районных организаций. Помимо внешних доходов, предполагалось использовать внутренние ресурсы. С этой целью организовывались «инвалидные» кустарные точки, которые не только зарабатывали деньги, но и занимались обучением инвалидов войны ремеслам. Кроме того, предлагались весьма смелые идеи по изыс-

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 722. Л. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 113. Л. 27–27 об.

²⁰ Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Всерокомпом) при ВЦИК (1922–1924); Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне (Всерокомпом) при ВЦИК (1924–1926); Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне (Всерокомпом) при ВЦИК (1926–1930).

канию средств, такие как организация отчислений средств с частей гарнизонов, расположенных в г. Томске и уездах, или организация передвижного кинотеатра.

Для осуществления коммерческой деятельности предполагалось создавать сельскохозяйственные производственные предприятия, на которых рассчитывали трудоустроить инвалидов войны. Таким коммерческим предприятием была сельскохозяйственная инвалидная колония «Надежда» с заимкой «Отрадное», располагавшие пасекой, молочной фермой и мельницей. На очереди стояла организация сети трудовых артелей и кооперативов с целью улучшения материального положения инвалидов посредством организации для них кустарных рабочих мест²¹.

В целях оказания финансовой помощи инвалидам войны проводились мероприятия по организации сборов денежных средств. Помимо традиционной «недели помощи инвалидам», осуществлялись сборы с общественных мероприятий, госучреждений. Например, такие виды пожертвований были собраны с 14 апреля по 1 июня 1923 г. от следующих общественных объединений: от домкомов г. Томска – 32 643 руб. 25 коп., от частных торговых предприятий, ресторанов и буфетов – 11 725 руб. 62 коп., по подписным листам – 20 458 руб. 27 коп., от кино, театральных постановок, вечеров, собраний и клубов – 32 783 руб. 75 коп., от госучреждений, воинских частей, хозяйственных и кооперативных предприятий – 39 523 руб. 45 коп., от уездных комиссий по проведению недели помощи инвалидам войны – 19 671 руб., от волостных комиссий – 819 руб. 44 коп., прочие поступления – 1 842 руб. 92 коп.

Деньги, собранные в ходе «недели помощи», были потрачены на следующие цели: поддержка «протезного института» на протезирование инвалидов войны – 12 088 руб. 56 коп.; поддержка протезной мастерской военного госпиталя III класса – 3 850 руб.; на нужды сельскохозяйственной инвалидной колонии «Надежда» для оборудования мельничного производства и инвентарного имущества – 15 347 руб.; на текущие расходы гарнизонного дома инвалидов по содержанию инвалидов и ремонту нового помещения – 20 853 руб. 50 коп., для технического проведения недели помощи инвалидам войны (расходы почтовые, телеграфные, типографские, канцелярские и пр.) – 1 949 руб. 75 коп., а также для текущих расходов по Комитету: удовлетворения приходящих инвалидов пособием и путевыми, содержание служащих Инвалидной Колонии и Комитета и пр. – 12 911 руб. 19 коп.²²

Необходимо отметить, что подобные «недели» были традиционным мероприятием по сбору пожертвований в Российской империи, которое советское правительство позаимствовало, видоизменив его под свои нужды. Основные задачи проведения «недели» в Томске: проведение компании по засеву пахотных земель красноармейцев и инвалидов войны; оказание трудовой и материальной помощи нуждающимся в сельской местности и их нетрудоспособным семьям; усиление продуктивности работ протезных мастерских и снабжение протезами инвалидов войны путем отпуска необходимых средств протезному институту и мастерской при госпитале в Томске; организация работы по вовлечению инвалидов войны в трудовой процесс и оказание помощи в организации инвалидной кооперации; проведение политической и культурно-просветительской работы среди инвалидов войны. Особый упор делался на инвалидах, проживающих в закрытых учреждениях и объединениях Собеса²³.

Для организации и проведения «недели» создавались специальные комиссии, в которые в зависимости от места проведения входили разные руководители. Так, за организацией и проведением по г. Томску и всей губернии создавалась Губернская комиссия, состоящая из председателя Губернского комитета помощи больным и раненым красноармейцам, РВСР, представителей губсобеса, губздраотдела, губпрофсовета, губпоследгола, губполитпросвета, РКСМ и женотдела. В уездных городах комиссии составлялись структуры аналогичного характера такого же состава, только место представителя РВСР и Губкомитета помощи

²¹ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1 Д. 722. Л. 12–13.

²² Там же. Д. 373. Л. 588–578 об.

²³ Там же. Д. 781. Л. 16.

больным и раненым красноармейцам» занимал представитель Увоенкома. При этом расплывчатость формулировок допускала менее представительный состав уездных комиссий. Однако в некоторых уездных городах в силу их важного экономического положения и многочисленности населения состав комиссии прописывался более четко. Так, в городах Боготоле, Тайге и Ленино организовались городские комиссии в составе председателя исполкома, представителей здравотдела, комитета общественной взаимопомощи, военотдела и профсоюза. В волостях создавались волостные комиссии в составе председателя комитета общественной взаимопомощи, представителя ВИКа и военотдела ВИКа. В деревнях и селах комиссии не создавались, а их функции возлагались на сельские крестьянские комитеты общественной взаимопомощи²⁴.

Деятельность участников «недели помощи инвалидов войны» в г. Томске и уездных городах носила следующий характер. Участие профсоюзов выражалось в проведении отчислений от заработка членов профсоюзов по всем месткомам и коллективам и отчисление из своих центральных фондов. В профсоюзе и на местах производился сбор вещей и одежды по подписным листам. Гарнизоны городов передавали однодневный продовольственный паек, а также отчисляли 2 % от своего жалования в течение одного месяца. Войсковые части по возможности выделяли из цейхгаузов старое обмундирование для передачи его нуждающимся инвалидам. Школьники вносили пожертвования материальными средствами при содействии родителей и педагогической администрации. Члены РКСМ в своих клубах и на собраниях производили сборы денежного и вещевого характера, губкомы РКП(б) производили отчисления в размере 50 % членского взноса коммунистов. Студенты вузов и техникумов проводили сборы по подписным листам через коммунистические ячейки. Профессорско-преподавательский состав читал платные лекции в пользу инвалидов войны, которые организовывались при содействии коммунистических вузов. Различные кооперативные организации (Губсоюз, Томторг и т.д.) отчисляли 1 % с торговых оборотов за неделю. Сотрудники милиции выделяли 2 % от своего месячного жалования. Горожане через свои домкомы по особому постановлению Губисполкома приглашались к самообложению в размере 3 руб. с квартиры²⁵.

В волостях и селах «неделя помощи» инвалидам проводилась несколько иначе. После получения распоряжения из уездной комиссии каждая волость под руководством ВИКа создавала волостную комиссию и призывала сельские комитеты к проведению агитаций среди населения. Затем села устраивали сходы через крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Кроме того, на каждый сход возлагалась обязанность проверки наличия инвалидов войны, а также выяснения их материального положения (достаточное наличие протезов, одежды, запашки)²⁶. При этом стоит отметить, что на местах случались перегибы. Так, Кресткомы созывали внезапные собрания в рабочее время, тем самым бесцельно отвлекали крестьян от работы, а на собраниях заставляли исполнять общественные повинности в принудительном порядке. Все это вело к массовым возмущениям среди населения или отказу выполнять поставленные задачи²⁷.

Обучением, социализацией и приранием инвалидов войны в Томском Губкомпоме занимался Гарнизонный инвалидный дом имени Красной армии. Помимо организации санитарно-курортного лечения, инвалидный дом также предоставлял возможность, получить минимальное образование и пройти профессиональное обучение (сапожник и портной). Кроме того, после перехода на окружное административное устройство существовали образовательные курсы инвалидов при предприятиях, где можно было научиться следующим профессиям (ремеслам): портновскому, шапочно-фуражечному, сапожному и шорному. Обучение длилось до года. После успешного окончания курса и установления квалификации инвалиду помощь в трудоустройстве оказывали губернский или окружной Собес и Компом²⁸.

²⁴ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 781. Л. 16–17.

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.

²⁸ Там же. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 13а. Л. 18–19.

О масштабах социальной работы свидетельствуют статистические данные о количестве инвалидов домов и самих инвалидов войны в Томской губернии и округе. Так, согласно отчету за 22 ноября 1922 г. Губсобеса о количестве инвалидов домов, располагающихся на территории Томской губернии, ситуация по губернии была следующей²⁹: два инвалидных дома в г. Томске (рассчитанных на 160 и 30 чел.); инвалидный дом в г. Мариинске (на 30 чел.); инвалидный дом г. Щегловске (на 20 чел.); инвалидный дом в г. Кузнецке (на 20 чел.); инвалидные дома на территории Томского уезда (рассчитаны на 50 чел.). В сумме система инвалидов домов была рассчитана в Томской губернии на 310 чел.

В то же время общая численность инвалидов (войны, труда) по районам на ноябрь 1922 г. была следующей:

Таблица 3

Численность инвалидов в Томской губернии в 1922 г.

Район	Зарегистрированные		Состоят на учете в собесе	
	инвалиды труда	инвалиды войны	инвалиды труда	инвалиды войны
Томский уезд	1 478	810	833	85
Мариинской уезд	200	553	65	47
Щегловский уезд	120	220	43	32
Кузнецкий уезд	300	356	106	37
Суджененский район	596	134	28	1
Всего по губернии	2 694	2 073	1 075	202

Составлено по: ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 373. Л. 296.

Необходимо учитывать, что в силу сложной социально-экономической обстановки начала 1920-х гг. не было возможности провести качественный учет как всех инвалидов, так и инвалидов войны. Кроме того, до 1923 г. правом на назначение пенсии пользовались уездные филиалы Собесов, что могло приводить к злоупотреблению полномочий ради получения государственных льгот. В 1923 г. произошло изменение порядка назначения пенсий. Уездным Собесам было приказано отправить все имеющиеся дела о назначении пенсии с «самой тщательной их подготовкой и снабжением всеми необходимыми документами»³⁰. Помимо этого, для уменьшения злоупотреблений на местах было принято решение сосредоточить полномочия по назначению пенсий в ведении Губернской при Губсобесе комиссии по назначению пенсий. Такие преобразования привели к уменьшению количества зарегистрированных инвалидов войны. Так, если в ноябре 1922 г. в губернии насчитывалось 2 073 инвалида войны, то в июне 1923 г. их численность сократилась до 663 чел. (70 инвалидов-красноармейцев и 593 инвалида-староармейца)³¹.

В ноябре 1927 г. Сибирский крайисполком открыл в г. Томске Краевой инвалидный дом на 100 чел. для помещения в него «инвалидов Красной армии, гражданской войны, партизан, пострадавших от контрреволюции и семей этих категорий»³². Декларировалось предоставление более благоприятных условий жизни лицам, потерявшим свое здоровье «в борьбе за дело Революции». Однако реализация проекта не принесла предполагаемых результатов, что отмечалось еще современниками. Во-первых, за первые восемь месяцев

²⁹ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 373. Л. 295.

³⁰ Там же. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 109. Л. 34.

³¹ Там же. Л. 26 об.

³² Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 540. Л. 5.

деятельности данного заведения наблюдался большой недокомплект «постояльцев». Так, в период с ноября 1927 по июнь 1928 г. в среднем в инвалидном доме находилось:

Таблица 4

Численность инвалидов в Краевом доме инвалидов (Томск, ноябрь 1927 – июнь 1928 г.), чел

Ноябрь 1927	Декабрь 1927	Январь 1928	Февраль 1928	Март 1928	Апрель 1928	Май 1928	Июнь 1928
28	43	33	33	28	32	41	41

Сделано по: ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 540. Л. 5–5 об.

Во-вторых, из 48 поступивших за данный период инвалидов 17 (35,42 %) были исключены за различные нарушения общественного порядка: пьянство, дебош, продажа казенных вещей и употребление вырученных за них денег на водку. Часть инвалидов покинула дом добровольно, показав себя «с самой неблагоприятной стороны, как «гастролеры»³³. В-третьих, существовала растрата ассигнованных из Крайисполкома средств. В отчете говорилось, что на содержание 100 чел. Краевому инвалидному дому было ассигновано 30 000 руб. Предполагалось, что данной суммы будет более чем достаточно, так как рассчитывалось, что содержание одного инвалида будет составлять 25 руб. в месяц. Между тем выяснилось, что за восемь месяцев было израсходовано порядка 20 000 руб., что при неполном комплекте призреваемых означало почти трехкратное превышение установленной нормы (на одного инвалида выделялся 71 руб. в мес.).

Основной причиной такого превышения лимита содержания являлось содержание полного штата служащих (рассчитанного на 100 мест), тогда как среднее количество призреваемых составляло в среднем 30–35 чел. Еще одной причиной (а точнее двух взаимосвязанных причин) высокого содержания также являлись чрезмерные траты на поддержание в приличном состоянии как самого инвалидного дома, так и его подопечных. Дело в том, что не все инвалиды бережно относились к месту своего пребывания. Распространенным явлением была порча и продажа имущества ради водки. Дополнительные расходы были также связаны с выдачей казенного «обмундирования», так как, прибывая в инвалидный дом, часть инвалидов продавала собственные вещи, поэтому при их выходе им приходилось оставлять казенные вещи.

В результате власти склонялись к решению о закрытии краевого инвалидного дома в силу дороговизны его содержания. Вместо помещения в данное заведение инвалидам предполагалось выплачивать местные персональные пенсии в размере 25–30 руб. в месяц. Однако до таких крайних мер дело не дошло. Ситуацию предполагали выправить за счет ужесточения мер отбора и содержания инвалидов. В частности, предполагалось «упорядочить отбор направляемых инвалидов, не допуская помещения в краевом доме инвалидов заразных (различными инфекционными заболеваниями. – С. Н.) и психических больных, алкоголиков и замеченных в хулиганстве и дебоширстве»; изолировать стационарное отделение от временно проживающих инвалидов, обеспечив за ними больничный уход; «усилить культурно-просветительное обслуживание призреваемых инвалидов». Кроме того, Крайисполбесу было предложено осуществлять отбор в Краевой дом инвалидов на постоянной основе исключительно инвалидов I и II групп Красной армии и красных партизан³⁴.

Возможность проанализировать реальную ситуацию в инвалидном доме дает отчет комиссии Томской окружной Страховой комиссии, которая посетила данное учреждение с проверкой в 1929 г. Так, комиссией были выявлены следующие нелицеприятные, а в некоторых случаях даже жуткие детали внутреннего быта: кухня была в грязном состоянии («на полу обувь, на столе и скамье верхнее платье. На кухарке одет сомнительной чистоты халат, на голове платка не было, столы также не особенно чисты»). Налицо были проблемы с питанием.

³³ ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 540. Л. 5–5 об.

³⁴ Там же. Д. 214. Л. 3–4.

От инвалидов поступали жалобы, что пищу они получали очень скудную. Бывали дни, что мясо совсем не выдавали, в каше или картофельном пюре, как правило, отсутствовали жиры. На вопрос комиссии об увеличении порции мяса отвечали, «что такого никогда не было, и указали на такой случай, что мясо на леднике совсем протухло, завело и его пришлось выкинуть, а взамен его не дали ни в тот день, ни в другой день порцию не увеличили». Горячую пищу инвалиды получали один раз в день, при этом ужина не было. Помещения, где находились инвалиды, были в плачевном состоянии: матрацы были грязными, по свидетельствам инвалидов, они не менялись и не стирались не менее года, в матрацах ползали клопы. Из-за того что постельное белье менялось крайне редко, наволочки и простыни также были грязными. Проблемы были и с носильным бельем, так как в силу плохой стирки вши появлялись в тот же день. Уборные содержались в плохом состоянии, из-за чего запах мочи сохранялся. При осмотре цейхгауза оказалось, что в нем хранится грязное белье, сваленное грудой в полном беспорядке, где тут же висела старая зимняя одежда. Кроме того, комиссия обнаружила в помещении цейхгауза два трупа³⁵.

После проведенного обследования дома инвалидов ситуация в нем улучшилась. В частности, была изготовлена часть новой мебели (столы и табуретки), а часть старой мебели отремонтирована. Помещения инвалидов стали содержаться в чистоте на приемлемом уровне, появились плевательницы и баки для кипячения воды. Это же касалось и кухни, где кухарки стали работать в халатах и косынках. Был увеличен обслуживающий персонал с 3 до 10 нянек, а также фельдшер был заменен врачом³⁶.

Важной составляющей оказания социальной и медицинской помощи инвалидам в Томской губернии стало формирование системы протезирующих учреждений. С 1921 г. при Томском военном госпитале была создана протезная мастерская, производящая костыли, колодки и механические протезы. Преимуществом такого нахождения являлась возможность обслуживать находящихся на излечении красноармейцев и комсостав (создание и контроль функционирования протеза на больном с возможностью корректирования конструкции в самый важный период восстановления). Существовая, как правило, на средства военного госпиталя и частично за счет помощи Комитета помощи больным и раненым, мастерской трудно было удовлетворять потребности всех нуждающихся инвалидов войны, не говоря уже об инвалидах труда, которых было значительно больше. Об этом могут говорить, например, результаты работы мастерской за февраль 1922 – апрель 1923 гг., когда было выпущено бедренных протезов – 7 шт., полубедренных протезов – 21 шт., ступок – 7 шт., костылей – 9 пар, так называемых «шепаровских ботинок» – одна пара³⁷.

При этом деятельность Протезного института и мастерской не ограничивалась только Томской губернии. Протезной продукцией снабжались также организации, расположенные в Енисейской и Иркутской губерниях, а также в Якутской Республике и Бурят-Монгольской автономной области (с 1923 г. Бурят-Монгольская АССР)³⁸. Такое расширение географии, безусловно, позволяло помочь регионам, в которых деятельность по протезированию инвалидов только зарождалась. Однако вместе с тем происходило распыление имеющихся ресурсов, что иногда приводило к тому, что далеко не все инвалиды Томской губернии имели возможность получить необходимые протезы.

В результате реформы административно-территориального деления Сибири в 1925 г. был создан Сибирский край. На фоне этих преобразований создано учреждение, призванное удовлетворять потребности всего края в деле протезирования – Сибирский краевой протезный институт. Деятельность данного учреждения охватывала большую часть округов Сибирского края: Ачинский, Барнаульский, Бийский, Иркутский, Каменский, Канский, Киренский, Красноярский, Кузнецкий, Минусинский, Новосибирский, Рубцовский, Ойратский, Томский, Тулуновский, Хакасский, Барабинский. Омский, Славгородский и Тарский

³⁵ ГАТО. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 72. Л. 53–54.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 373. Л. 491–493.

³⁸ Там же. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 113. Л. 29.

округа обслуживала Омская протезная мастерская. В основном данные протезные заведения обеспечивали потребности инвалидов войны, причем не более 20 % продукции могли быть перераспределены для протезирования инвалидов из числа крестьян, а получение протеза было возможно только с согласия Собеса и предоставления ходатайства от ККОВ³⁹.

Важным элементом социальной системы должна была стать сеть областных учебных учреждений для инвалидов по типу «техникумов». С этой идеей выступил в 1923 г. Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР (НКСО). Предполагалось организовать сеть специализированных учреждений, которые планировалось располагать преимущественно в университетских центрах, так как там имелось достаточно ресурсов и средств для осуществления задуманной цели. Среднее количество обучающихся должно было составлять от 1 000 до 1 500 чел., которые обучались бы на одном из трех отделений – ремесленном, сельскохозяйственном или техническо-коммерческом⁴⁰. В техникуме имели право обучаться инвалиды войны и труда обоих полов. Само обучение и содержание были бесплатными. Что касается Сибирского края, то за образец брался Центральный техникум НКСО для инвалидов в Москве «с учетом общих условий Сибири». Схема расположения техникумов и их прикрепление по областям была следующей.

Таблица 5

Распределение техникумов НКСО для инвалидов по РСФСР

Местонахождение техникума	Губернии и области, прикрепленные к техникуму
Москва	Московская, Калужская, Тульская, Орловская, Рязанская, Рыбинская, Костромская, Тверская, Иваново-Вознесенская, Курская, Брянская, Смоленская, Гомельская, а также Беларусь
Петроград	Петроградская, Псковская, Новгородская, Карельская, Вологодская, Архангельская, Мурманская, Вятская, Северо-Двинская и Витебская
Екатеринбург	Екатеринбургская, Тобольская, Пермская, Челябинская, Тюменская и Башкирская Республика
Казань	Татарская Республика, Нижегородская, Вятская, Симбирская, Вотская, Коми, Чувашская и Марийская
Саратов	Саратовская, Тамбовская, Астраханская, Царицынская, Немцев Поволжья, Кирреспублика, Самарская
Ростов-на-Дону	Донская область, Северокавказ, Воронежская, Калмыцкая
Томск	Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская, Омская, Новониколаевская
Ташкент	Туркестан

Составлено по: ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

Как можно отметить, в сферу Томского техникума входила большая часть Западной и вся Восточная Сибирь. По всей видимости, здесь также предполагалось обучать инвалидов с Дальнего Востока. Изначально планировалось открыть инвалидный техникум в г. Томске на 1000 чел., однако впоследствии было принято решение уменьшить численность до 300 чел., поскольку предполагалось, что нельзя ожидать «такого притока вполне пригодных для поступления в Техникум инвалидов»⁴¹. Техникум должны были открыть 15 ноября 1923 г., однако в силу неизвестных причин замысел так и остался на бумаге⁴².

³⁹ ГАТО. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 29. Л. 31–31 об.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 40.

⁴² Там же. Л. 64.

Вместо этого организовали отбор и отправку кандидатов из числа инвалидов в профессиональные школы Москвы⁴³ и Ленинграда⁴⁴.

Картина положения инвалидов будет неполной, если не упомянуть о нарушениях инвалидами закона и общественного порядка. Как правило, речь шла о мелких хищениях при самовольном уходе из инвалидного дома (кража казенного белья и небольшой суммы денег). В источниках сохранились сведения также о крупных кражах и вымогательствах посредством использования инвалидами «своей немощности». Иногда случаи правонарушений были до абсурда комичны. Так, в 1924 г. Гомельский Губсобес сообщал об инвалиде Красной армии С.С. Павловском, который настойчиво требовал в грубой форме выдачи себе обмундирования, проездных документов, выходного пособия (75 руб.) для отправки в г. Киев. Однако спустя непродолжительное время Павловский вернулся обратно в Гомель совершенно голым, ворвался в инвалидный дом, где, похитив часть вещей и документов у находившихся там инвалидов, окончательно скрылся в неизвестном направлении⁴⁵.

К концу 1920-х гг. происходит упадок Всерокомпома, связанный с изменением законодательной базы, в результате которого инвалиды войны стали единственной категорией, которой оказывалась помощь в полном объеме со стороны органов социального обеспечения. К 1930 г. Всерокомпом вошел в систему НКСО и был преобразован во Всероссийское общество помощи инвалидам, больным, раненым, демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне. Это привело к тому, что государство окончательно ликвидировало благотворительность общественных организаций в деле социальной помощи инвалидам⁴⁶.

Таким образом, несмотря на тяжелое положение в стране после Первой мировой и гражданской войн, на территории Томской губернии, а затем Томского округа происходит становление и развитие системы социально-медицинской поддержки инвалидов войны. Данная система занималась организацией и проведением «недель помощи инвалидам войны», средства которых шли на пенсии и пособия, а также созданием социальной инфраструктуры – кооперативов инвалидов, инвалидных домов, медицинских и образовательных учреждений. Финансирование социальной деятельности происходило, как правило, из бюджета местных социальных организаций (Губсобес и Губкомпом), которые в условиях нэпа могли получать необходимые средства не только из государственного бюджета, но и за счет благотворительности («неделя помощи инвалидам войны»), а также от «инвалидных кустарных точек». Последние не только были источником средств, но и позволяли обучать инвалидов необходимым ремеслам. Основной проблемой формирования эффективной системы социальной защиты, как правило, являлась плохо поставленная работа на местах, которая не позволяла адекватно учесть точное количество инвалидов войны, что приводило к ситуациям, когда люди, не имевшие инвалидности, получали пособия. Еще одной причиной являлись злоупотребления как административных работников (кража казенного имущества), так и самих инвалидов войны, которые могли уворовывать и пропивать предоставленные им социальные блага. После окончания нэпа произошла унификация структур социального обеспечения инвалидов войны под эгидой государства.

Литература

Абузярова Д.А. Социальная защита инвалидов войны в 1941–1945 гг. // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17, № 2. С. 146–150.

Владимиров В.Н. Соотношение зарплат рабочих и служащих в ценовой промышленности Сибирского края во второй половине 1920-х гг. // Историческая информатика. 2023. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44054 (дата обращения: 17.05.2024).

⁴³ ГАТО. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 29. Л. 298.

⁴⁴ Там же. Л. 320.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 30. Л. 110, 111, 133.

⁴⁶ Ковалев А.С. Благотворительность «по-советски»... С. 77–94.

Гиниатуллина Л.М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6 (86). С. 94–102.

Ковалев А.С. Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 1. С. 77–94.

Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20–30-х гг. XX в. (на материалах Сибири). Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013. 476 с.

Ковалев А.С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева; Сиб. федер. ун-т, 2018. 352 с.

Орлова И.В. Реализация социального обеспечения инвалидов войны в годы НЭПА // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-3 (29). С. 186–188.

Польнский А.С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 190–199.

References

Abuzyarova, D.A. (2007). Sotsial'naya zashchita invalidov voyny v 1941–1945 gg. [Social Protection of War Invalids in 1941–1945]. In *Vestnik Mordovskogo universiteta*. Vol. 17, No. 2, pp. 146–150.

Giniyatullina, L.M. (2021). Doma-internaty dlya invalidov voyny Bashkirskoy ASSR (1942–1951 gg.) [Boarding Houses for War Invalids of the Bashkir ASSR (1942–1951)]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 6 (86), pp. 94–102.

Kovalev, A.S. (2013). *Invalidnyy dom kak institut sotsial'noy pomoshchi pozhilym lyudyam i invalidam v 20-30-kh gg. XX v. (na materialakh Sibiri)*. [Nursing Home as an Institution of Social Assistance to the Elderly and Disabled in the 1920s and 1930s (Based on Materials from Siberia)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V.P. Astaf'eva. 476 p.

Kovalev, A.S. (2014). Blagotvoritel'nost' "po-sovetski": komitety pomoshchi invalidam voyny v 20-kh gg. XX v. (na materyalakh Sibiri) [Charity "Soviet-Style": Committees for Assistance to War Invalids in the 1920s (Based on Materials from Siberia)]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. Vol. 12, No. 1, pp. 77–94.

Kovalev, A.S. (2018). *Mezhdú isklyucheniem i integratsiyey: netrudospobnoe naselenie Sibiri v fókuse sotsial'noy politiki Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-kh gg.* [Between Exclusion and Integration: The Disabled Population of Siberia in the Focus of Social Policy of the Soviet State in the 1920s and 1930s]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V.P. Astaf'eva, Sibirskiy federal'nyy universitet. 352 p.

Orlova, I.V. (2007). Realizatsiya sotsial'nogo obespecheniya invalidov voyny v gody NEPA [Implementation of Social Security for War Invalids during the NEP Years]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 1–3 (29), pp. 186–188.

Polynsky, A.S. (2015). Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsial'nogo obespecheniya i trudoustroystva invalidov voyny v predvoennyi period i gody Velikoy Otechestvennoy voyny [State Policy in the Field of Social Security and Employment of War Invalids in the Pre-War Period and during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. No. 2 (42), pp. 190–199.

Vladimirov, V.N. (2023) Sootnoshenie zarplat rabochikh i sluzhashchikh v tsenzovoy promyshlennosti Sibirskogo kraya vo vtoroy polovine 1920-kh gg. [The Proportion of the Salaries of Workers and Employees in the Censored Industry of the Siberian Region in the Second Half of the 1920s]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 3. Available at: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44054 (date of access 17.05.2024).

Д.И. Петин*

**БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1920-Е ГОДЫ:
ПРИМЕР ТАРЫ И ТАРСКОГО УЕЗДА (ОКРУГА)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-4
УДК 94(47)*Выходные данные для цитирования:**Петин Д.И. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 50–65. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-04.pdf>*

D.I. Petin*

**EX-OFFICERS IN THE SOCIAL SPACE
OF THE WEST SIBERIAN PROVINCE IN THE 1920S:
THE EXAMPLE OF TARA AND ITS DISTRICT**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-4

*How to cite:**Petin D.I. Ex-Officers in the Social Space of the West Siberian Province in the 1920s: The Example of Tara and its District // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 50–65. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-04.pdf>]*

Abstract. In the current quarter of a century, domestic scientists in their works have increasingly begun to turn to understanding, using the example of social history, the various military-political consequences of the Revolution and Civil War that took place in early Soviet society. In the Siberian province in the 1920s. The key players in those social processes were often representatives of the former officers, who formed the intellectual part of society and the core of the bureaucracy due to their educational qualifications being quite good for that time. Ex-officers in the USSR, despite being in demand and sometimes irreplaceable in the profession, continued to remain an “alien element”, falling (regardless of their ideological views) under oppression for political reasons. The article reconstructs the collective social portrait of those who lived in the Tara Irtysh region in the 1920s from the methodological position of military anthropological knowledge based on typical characteristics ex-officers. The study is based on a complex of unpublished sources from the funds of the Historical Archive of the Omsk Region and its branch in the city of Tara. Based on the results of the study, it is concluded that in the 1920s. The average Tara combatant from among the white officers is a native of other territories with peasant roots and primary education, a middle-aged employee, who previously held the rank of no higher than lieutenant (received during the First World War), and often had wounds and front-line awards. The article is addressed to a wide range of specialists studying the early Soviet society, including the practices of social adaptation of “former people” (the situation of former participants in the white movement), the organization of intellectual work (using the example of provincial Soviet institutions), the problem of small towns in Siberia, as well as the Siberian local history.

Keywords: social history, small towns, historical anthropology, Civil War, officers, former people, Soviet society.

The article has been received by the editor on 11.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В текущую четверть века отечественные ученые в своих трудах все чаще стали обращаться к осмыслению на примере социальной истории разнообразных военно-политических последствий революции и Гражданской войны, имевших место в раннем советском обществе. В сибирской провинции в 1920-е гг. ключевыми

* **Дмитрий Игоревич Петин**, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, Омск, Россия, e-mail: dimario86@rambler.ru

Dmitry Igorevich Petin, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dimario86@rambler.ru

фигурантами тех общественных процессов часто становились представители бывшего офицерства, составлявшие интеллектуальную часть социума и стержень бюрократии в силу достаточно неплохого для того времени образовательного ценза. Бывшие офицеры в СССР, невзирая на востребованность и подчас незаменимость в профессии, продолжали оставаться «чуждым элементом», попадая (независимо от своих идеологических воззрений) под притеснение по политическим мотивам. В статье с методологических позиций военно-антропологического знания на основе типовых характеристик реконструируется коллективный социальный портрет живших в Тарском Прииртышье в 1920-е гг. бывших офицеров. В основу исследования положен комплекс неопубликованных источников из фондов Исторического архива Омской области и его филиала в городе Таре. По итогам исследования делается вывод о том, что в 1920-е гг. среднестатистический тарский комбатант из числа белых офицеров – это уроженец иных территорий с крестьянскими корнями и начальным образованием, служащий средних лет, состоявший ранее в чине не выше поручика (полученном в годы Первой мировой войны), нередко имевший ранения и фронтовые награды. Статья адресована широкому кругу специалистов, изучающих ранний советский социум, в том числе практики социальной адаптации «бывших людей» (положение экс-участников белого движения), организацию интеллектуального труда (на примере провинциальных советских учреждений), проблему малых городов в Сибири, а также сибирское краеведение.

Ключевые слова: социальная история, малые города, историческая антропология, Гражданская война, офицерство, бывшие люди, советское общество.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024 г.

Постановка проблемы. В число самоценных проблем современной российской историографии входит социальная история и повседневность малых городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. с акцентом на дореволюционном периоде¹. События активной фазы противостояния Гражданской войны, последовавшие на востоке России с лета 1918 г., подчас значительно меняли социальный уклад городской жизни². Логично, что окончание братоубийственного противостояния также внесло перемены в характеристики населения городов Сибири.

Восток страны в целом стал своего рода самым мощным в территориальном смысле плацдармом, где в период Гражданской войны развернулась наиболее масштабная альтернатива политического развития по отношению к большевистской России. Пик апогея антибольшевизма как идеологии неразрывно связан с пребыванием на посту верховного правителя А.В. Колчака. Здешние события, на первый взгляд локального характера, иногда могли по итогу обретать всероссийское значение³. Белая государственность с центром в Омске сформировала достаточно сильную армию. Ее общая численность, варьируемая в разных источниках, но, по максимальной оценке, приводимой А.П. Будбергом по данным Ставки Верховного главнокомандующего на май 1919 г., достигала 800 000 чел.⁴ По подсчетам

¹ См., напр.: Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск, 2014; Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск, 2017; Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008; Кискидосова Т.А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск, 2023.

² См., напр.: Гребенкин А.Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск, 2023. С. 59–65.

³ Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

⁴ Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск; М., 2001. С. 55.

Е.В. Волкова количество офицеров в строю колчаковской армии на фронте на июль 1919 г. составляло около 30 000 чел.⁵

Поражение антибольшевистских сил в Гражданской войне привело к тому, что часть бывших белогвардейцев покинула рубежи родины в 1920–1922 гг. организованно и самостоятельно. Заметное число белых комбатантов востока России ушло в Китай: по условным совокупным оценкам С.В. Смирнова – не менее 50 000 чел.⁶

Но гораздо большее количество этих людей осталось в РСФСР. Сдавшись на милость победителей, экс-белогвардейцы начали встраивание в революционное общество, нередко возвращаясь в уже так или иначе знакомые места, где им ранее довелось родиться, учиться, работать или служить. В значительном количестве плененные офицеры и военные чиновники колчаковской армии оседали в советской Сибири, пополняя ряды «бывших людей» – особую категорию советского социума, включавшую в себя представителей некогда привилегированных слоев дореволюционного общества⁷. Ситуацию подтверждает обращение к социальной истории через осмысление коллективного портрета представителей данной категории населения. Согласимся, наработки историографии здесь пока правомочно охарактеризовать как находящиеся в начальной стадии. Но известные примеры, связанные с населением Омска 1920-х гг., достаточно наглядны⁸. Учитывая численность горожан в 1926 г. 158 000 чел., позволительно утверждать, что тогда условно каждый 150-й житель Омска служил в царской и (или) белой армии в качестве генерала, офицера, военного чиновника или юнкера⁹. Здесь поясним: массово употребляемый тогда в советском делопроизводстве социальный маркер «бывший (белый) офицер» включал в себя все перечисленные армейские категории, подразумевавшие выполнение командно-административного служебного функционала¹⁰. Ситуация в регионе, связанная с обилием среди населения «исторической контрреволюции», привела к тому, что в оперативных мероприятиях местных чекистов работа в отношении бывших офицеров оформилась отдельным направлением деятельности¹¹.

В недавнем интервью один из ведущих российских академических специалистов по Гражданской войне Р.Г. Гагкуев указал на важность взвешенного осмысления феномена российского офицерства в военно-революционную эпоху¹². Отсюда видится актуальным дальнейшее изучение бытования указанной категории комбатантов в советском обществе, в чьих судьбах, как подтверждают наработки, события братоубийственного противостояния сыграли определяющую и подчас драматическую роль. Эти годы стали и временем резко возросшей социальной мобильности населения, что обрело глубинные последствия для

⁵ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 51.

⁶ См. подробнее: Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М., 2019.

⁷ См. подробнее: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003.

⁸ Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392; Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

⁹ Подсчет по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. М., 2007. С. 64; Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1130.

¹⁰ Алексева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–48.

¹¹ См. подробнее: Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуляряна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

¹² См. подробнее: Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

страны¹³. В обращении к характеристикам общественного облика данной категории комбатантов и осмыслении их места в СССР видится возможность полновесной и многомерной оценки раннего советского общества и бытовании в нем части тех граждан, кого новая власть именovala «бывшими людьми».

Изучение неопубликованных источников показало, что аспект, связанный с бывшими офицерами, может представлять интерес и для расширения представлений о социальной истории малых городов Сибири. В подобном ключе обращений в историографии к этой тематике применительно к региону не было. Но попытки схожих осмыслений есть на примере Орловской губернии¹⁴.

В значительной части, обретая себя в новом обществе, бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, как люди с высоким образовательным цензом, стремились осваиваться в крупных населенных пунктах – губернских (окружных) или хотя бы уездных центрах. Среди таковых в Омском Прииртышье в 1920-е гг. выделяется Тара – центр одноименного уезда Омской губернии, а в 1925–1929 гг. – одноименного округа Сибирского края. Эту достаточно обширную территорию (урманная, лесная, лесостепная полосы) в те годы населяло порядка 240 000 чел. По этническому составу здесь преобладали «великороссы» (91 %), значительна была и доля татар (6 %). Основным видом занятий населения было сельское хозяйство с доминантой земледелия. Половину жителей уезда составляли крестьяне-середняки¹⁵. В этом смысле данная территория была типичной западносибирской глубинкой.

Все перечисленное определило цель исследования – реконструировать коллективный социальный портрет живших в Тарском Прииртышье в 1920-е гг. бывших офицеров, соотнося анализируемые типичные социальные характеристики этих людей с наработками по Омску.

Основа источниковой базы исследования – анкеты бывших офицеров белых армий, проживавших в 1920-е гг. в Таре и Тарском уезде (округе). Такие документы собственноручно заполняли экс-белогвардейцы, с 1921 г. увольняемые в массу из РККА при постановке на учет в военкоматах по месту проживания. Типовой опросник включал в себя основную информацию о биографии комбатанта, логично уделяя внимание событиям военно-революционных лет.

В Историческом архиве Омской области необходимые анкеты, датируемые 1922–1924 гг. (время массовой (пере-)регистрации бывших белогвардейцев в СССР), были вычленены из общего массива документов, насчитывающего более 1 200 таковых опросников. Искомые источники по персоналиям, связанным в указанные годы с Тарой и Тарским уездом (округом), выявлены в фондах Омского губернского военкомата (8 персоналий)¹⁶ и Тарского окружного военкомата (30 персоналий)¹⁷.

Согласимся, в отдельных случаях степень подробности сведений, сообщаемых в анкете, индивидуально отличалась. Тому могли быть разные причины, связанные с личностью комбатанта: от укрывательства конкретных эпизодов биографии по политическим мотивам до банального нежелания вспоминать тяжелые моменты судьбы. Но в целом избранный источник дает содержательный пласт сведений, что ранее подтвердил опыт изучения темы применительно к Омску. Как и в том случае, в силу разных причин не на всех проживавших в Тарском уезде (округе) бывших офицеров и армейских чиновников сохрани-

¹³ Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 92–93.

¹⁴ Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65; Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

¹⁵ Филиал Исторического архива Омской области в городе Таре (ТФ ГИАОО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 700. Л. 3.

¹⁶ Исторический архив Омской области. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 255, 440; Д. 938Г. Л. 4–11; Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 639; Д. 32. Л. 183–184 об.; Д. 36. Л. 70–71 об.; Д. 33. Л. 46–48 об.; Д. 43. Л. 136–137 об.

¹⁷ ТФ ГИАОО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–60; Д. 95. Л. 123–132.

лись заполненные ими анкеты. Судя по дошедшим опросникам, в Таре и Тарском уезде (округе) в первой половине 1920-х гг. проживали: 1 полковник, 1 капитан, 1 зауряд-капитан, 6 поручиков, 5 подпоручиков, 9 прапорщиков, 3 юнкера, 1 зауряд-прапорщик, 11 чиновников военного времени. Реальное количество этих людей на обозначенной территории колебалось и было больше заявляемого.

Есть отрывочные сведения о службе и проживании здесь, как минимум в 1921–1924 гг., еще 9 лиц. Это О.П. Явшиц 1847 г.р.¹⁸, А.В. Бронников 1893 г.р., А.А. Аудзе 1888 г.р., В.Н. Никоноров 1888 г.р., В.П. Сенкевич 1900 г.р., Г.П. Никольский, А.Н. Тихоненко 1892 г.р.¹⁹, В.В. Коноплин-Курский 1900 г.р., С.М. Андриевский²⁰. Отсутствие должного объема данных в отношении этих комбатантов не позволяет полностью включить их в исследование, учитывая в отдельных случаях и лишь отчасти. Как видно, имело место естественное передвижение этих лиц, связанное, в том числе, с получением новых должностей, что приводило к выезду за пределы Тары и прилегающего уезда (округа). По выявленной статистике на 1 октября 1925 г. в Тарском окружном военкомате на особом учете состоял 41 бывший офицер и военный чиновник, на 1 марта 1926 г. значилось 37 таковых лиц, на 1 октября того же года – 32²¹. Отсюда можно считать репрезентативной рассматриваемую выборку анкет. Сведения в отношении персоналий, неучтенных полностью, отчасти дополнены материалами ведомственного делопроизводства, имеющимися в указанных выше архивных фондах. Важным отличием от проведенного ранее исследования по Омску стало то, что меньший объем анализируемых источников позволил выделить частности применительно к социальному портрету бывшего офицерства в советской Сибири.

Основная часть. Сведения, полученные по итогам изучения источников, для удобства восприятия сгруппированы (табл. 1–8), что позволяет вести анализ вопроса в проблемном ключе военной антропологии²². При этом за основу взяты типовые социальные характеристики, так или иначе игравшие роль в судьбах представителей офицерства как в эпоху войн и революций, так и в последующие годы.

В ходе Первой мировой войны одним из существенных изменений в Русской армии стала демократизация социального облика командно-административного состава. В силу мобилизации и чинопроизводств военного времени (по итогам ускоренной подготовки в военных училищах и школах прапорщиков, за боевые заслуги), исходя из кадровых потребностей, служебный статус офицера или военного чиновника в массе приобретали представители всех сословий российского общества. Тенденция потом хотя и отчасти шла на спад, но имела место в годы Гражданской войны в белых армиях. Эти тезисы подтверждает анализ документов (см. табл. 1–2). Кадровыми офицерами из группы анализируемых комбатантов были (судя по высокому чину) лишь полковники П.И. Лепко и О.П. Явшиц. Из офицеров военного времени 11 чел. окончили школы прапорщиков в Душети, Иркутске, Киеве, Омске (шестеро), Пскове, Ташкенте, Чистополе. Ускоренный курс подготовки 8 чел. прошли в военных училищах – Александровском, Алексеевском, Виленском, Владимирском, Иркутском (трое). Два офицера в условиях Первой мировой войны получили чин, пройдя в довоенный период полковые учебные команды и выдержав экзамен на чин прапорщика запаса. Причисление в командно-административный состав армии в годы Гражданской войны коснулось 8 чел. (21 %). Обращает внимание, что четверо из них были чиновниками военного времени, а трое – юнкерами. Здесь важно помнить, что назначение на должности эрзац-специалистов в силу дефицита кадров было общим явлением военно-революционной эпохи. Но представители этой категории экс-белогвардейцев выделяются в изучаемой выборке (см. табл. 2, 4).

¹⁸ ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 709. Л. 11 об.; Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.

¹⁹ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2, 20–21 об., 32 об., 39 об., 42 об., 47 об. – 49 об., 52 об. – 53 об.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-6. Оп. 2А. Д. 17. Л. 35.

²¹ ТФ ГИАОО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 95. Л. 23, 84.

²² *Сенявская Е.С.* Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Таблица 1

Сословное происхождение бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Сословие	Крестьяне	Мещане	Чиновники	Духовенство	Почетные граждане	Всего
ИТОГО, чел.	24	9	2	2	1	38

Таблица 2

Период производства в первый чин бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Период присвоения первого чина			
	до 1914 г.	1914–1917 гг.	после 1917 г.	ВСЕГО
	Количество, чел.			
Штаб-офицеры	2	1	–	3
Обер-офицеры	–	19	1	20
Юнкеры	–	–	3	3
Зауряд-прапорщики	–	1	–	1
Чиновники военного времени	1	6	4	11
ИТОГО	3	26	8	38

Как и в Омске, среди бывших офицеров в Тарском уезде (округе) преобладали обер-офицеры пехоты, получившие первый чин в военное время. На фоне общей массы заметны армейские чиновники и юнкеры, также замещавшие командно-административные должности. В числе отличий можно назвать лишь единичные факты наличия в Тарском уезде (округе) бывших штаб-офицеров, отсутствие генералов и равных им по рангу военных чиновников, а также казачьих и морских офицеров.

В отношении сословного происхождения из анкетированных бывших офицеров 24 чел. (63 %) сообщили о своих крестьянских корнях, 9 – о мещанских (23,6 %). Ситуация в Омске и в Тарском уезде в этом смысле идентична. Данную социальную тенденцию в Русской армии на примере Омска проанализировал А.Ю. Саблин, изучающий подготовку офицерских кадров в Сибири период Первой мировой войны²³. Но биографическая детализация показывает, что в истинном смысле «бывшими людьми» из рассматриваемых комбатантов будет правильным считать лишь П.И. Лепко – сына надворного советника, кадрового офицера, полковника (1912), В.В. Гурина – сына почетного гражданина, банковского чиновника, зауряд-капитана (1916), И.А. Шабалина – полицейского чиновника, коллежского секретаря (1909), О.П. Явщица – дворянина, полковника.

В те годы важным условием для обретения служебного статуса офицера или военного чиновника был образовательный ценз. Наличие его, хотя бы в объеме низшего или домашнего образования, с учетом пройденной военной подготовки и опыта армейской службы давало возможность соответствующего чинопроизводства²⁴. Как видно из табл. 3, из 38 чел. начальное (низшее, домашнее) образование имели 24 бывших офицера и военных чинов-

²³ Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 130.

²⁴ См. подробнее: Курдюк А.А. «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 159–168.

ника, живших в Тарском уезде (округе) в 1920-е гг. (63 %). Здесь показательно, что трое юнкеров, исполнявших в белой армии офицерские должности, имели среднее образование (весьма неплохое по меркам эпохи). Но в сравнении с Омском доля бывших офицеров со средним образованием в Тарском уезде (округе) ниже, а лиц, окончивших вузы, не было вовсе.

Таблица 3

Образовательный ценз бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Тип образования				
	низшее	домашнее	среднее	военное	ВСЕГО
	Количество, чел.				
Штаб-офицеры	–	–	2	1	3
Обер-офицеры	12	1	6	1	20
Юнкеры	–	–	3	–	3
Зауряд- прапорщики	–	1	–	–	1
Чиновники военного времени	9	1	1	–	11
ИТОГО	21	3	12	2	38

Ключевая составляющая профессии военного – боевой опыт. Данные, полученные по бывшим офицерам, проживавшим в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе) (см. табл. 4), коррелируют со статистикой Омска. Так, шестеро (15,7 %) получили боевое крещение до 1914 г., двое – участвуя в походе в Китай (1900–1901), остальные – в период Русско-японской войны (1904–1905) (четверо – нижними чинами, двое – офицерами). Большая часть изучаемых лиц (30 чел. – 79 %) участвовали в Первой мировой войне, а значительная часть – в Гражданской. Но собственно «белыми» – служившими в антибольшевистских вооруженных формированиях – были 33 чел. (87 %), все они – колчаковцы. Небольшое количество комбатантов (5 чел. – 13 %) в годы братоубийственного противостояния не оказались в рядах белой армии, вдвое большее количество этих людей не служило и в РККА (10 чел. – 26 %).

Показательно, что 10 чел. (26 %) имели награды (ордена), причем 8 чел. награждались повторно. В большей части ордена были получены за боевые заслуги, о чем указывает статут и порядок получения наград. Пять комбатантов были Георгиевскими кавалерами, получившими эти награды, очевидно, за службу еще нижними чинами: прапорщики Н.Д. Анисимов («полный бант»), М.П. Балашенко (ордена 2, 3 и 4-й ст.), зауряд-прапорщик С.А. Волков (ордена 3 и 4-й ст.), подпоручик Г.С. Фатюгов и поручик А.О. Жирнов (орден 4-й ст.). Ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами за Первую мировую войну имели полковник П.И. Лепко и поручик А.А. Кондрашов.

По анализируемым формализованным источникам не всегда ясно, почему в годы Гражданской войны при острой востребованности командно-административных кадров во всех противоборствовавших армиях комбатанты несли службу на нестроевых должностях или вовсе не продолжали ее. Можно лишь полагать причины сознательного укрывательства от мобилизации: психологическая «усталость» от войны, аполитичность, состояние здоровья. Последнее вероятно в отношении обер-офицеров А.А. Кондрашова и Н.Д. Анисимова – инвалидов «Великой» войны.

Любопытны и иные характеристики комбатантов. Как и в случае с анализом омских данных, обращение к тарским документам показывает, что большая часть бывших офицеров на первую половину 1920-х гг. были людьми зрелых лет (19 чел., или 50 %), армейская служба и участие в войнах пришлись в их судьбах на еще более ранний возраст. За годы военной службы 11 комбатантов (29 %) получили ранения. А уже в первые послевоенные

годы 20 чел. (53 %) отмечали проблемы со здоровьем (см. табл. 5), что усложняло трудовую адаптацию, ухудшая качество жизни. К социальным причинам, усугублявшим ситуацию со здоровьем этих лиц вдобавок к фронтовым ранам и болезням, можно указать негативные приметы времени – продолжавшиеся эпидемии, отсутствие своевременной медицинской помощи и должного лечения, плохое питание, скудный провинциальный быт.

Поиски себя в условиях большевистского государства и общества стало ключевой задачей комбатантов, массово увольняемых из РККА в период окончания в стране полномасштабной Гражданской войны. События 1914–1922 гг. в значительной степени изменили социальный облик тех, кого в Советской России обозначали маркером «бывший (белый) офицер». Анализируя ситуацию в Омске, в 1920-е гг. мы наблюдаем среди бывших офицеров снижение доли занятых в крестьянском труде и заметный прирост служащих, рабочих и преподавателей (см. табл. 6). В Тарском уезде (округе) комбатантов, занимавшихся крестьянским трудом, стало в два раза больше (хотя количественно эта цифра была весьма мала – 4 чел. – 10,5 %). Доля служащих выросла незначительно. Условно каждый пятый из 38 чел. на 1924 г. не имел работы; при этом в Таре логично нет лиц, получавших тогда образование (в отличие от Омска, где имелся ряд учебных заведений различного профиля). Показатель незанятых (включая экс-белогвардейцев из числа студентов) в Омске был выше, доходя до 37 %. Такая тенденция объяснялась общими кризисными явлениями нэпа, порождавшими безработицу. Стимулом к ускоренной адаптации в новом обществе логично могло выступать и то, что значительная часть рассматриваемых комбатантов – 33 чел. (87 %) – были людьми молодого или зрелого возраста (см. табл. 5), главами семейств; из всего количества на 1924 г. не был женат лишь один.

Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть бывших офицеров, живших на 1924 г. в Тарском уезде (24 чел. – 62 %), – уроженцы иных территорий, в результате событий военно-революционного периода оказавшиеся в Западной Сибири. Родившимися в Таре были лишь 6 чел. (16 %) (табл. 7). Лишь 10 чел. (27 %) стали на 1914 г. тарчанами, а четверо (10 %) являлись сельскими жителями прилегающего уезда. Из 37 чел. значительная часть исследуемых лиц (25 чел. – 66 %) выбрали местом своего послевоенного проживания Тару. Согласимся, что в уездном (окружном) центре было меньше возможностей для профессиональной реализации, чем в губернском центре. Но малый город обладал в этом смысле большим потенциалом, чем даже крупное село. Соотнося это с данными о сословном происхождении комбатантов (см. табл. 1), можно сделать вывод о переходе в 1920-е гг. части бывших крестьян (и по происхождению, и по роду деятельности), служивших офицерами в годы Первой мировой и Гражданской войн, в категорию городских жителей, занятых конторским трудом. Это коррелирует с аналогичными сведениями в отношении таких же комбатантов-омичей.

Таблица 4

Боевой опыт, наличие ранений и наград бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Армейская служебная категория	Боевой опыт								Наличие		ВСЕГО
	Поход в Китай	Русско-японская война	Первая мировая война	Гражданская война в России		Неслужили		ранений	наград		
				в белой армии	в РККА	в белой армии	в РККА				
Количество, чел.											
Штаб-офицеры	–	2	3	2	2	1	–	2	3	3	
Обер-офицеры	1	1	19	18	10	2	10	8	6	20	

Окончание табл. 4

Армейская служебная категория	Боевой опыт								Наличие		ВСЕГО
	Поход в Китай	Русско-японская война	Первая мировая война	Гражданская война в России		Неслужили		ранений			
				в белой армии	в РККА	в белой армии	в РККА				
	Количество, чел.										
Юнкеры	–	–	–	3	3	–	–	1	–	3	
Зауряд-прапорщики	1	1	1	–	1	–	–	–	1	1	
Чиновники военного времени	–	2	7	10	9	2	1	–	–	11	
ИТОГО	2	6	30	33	25	5	11	11	10	38	

Таблица 5

Возрастные группы и состояние здоровья бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Возраст, лет	Всего	Имели ранения	Отмечали проблемы со здоровьем
	Количество, чел.		
21–30	7	3	3
31–40	19	7	11
41–50	7	1	2
51–60	5	–	4
ИТОГО	38	11	20

Таблица 6

Трудовая занятость бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Место проживания	Род занятий												ВСЕГО, чел.	
	крестьяне		служащие		учителя		военные		учащиеся		безработные			
	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924	1914	1924
Тара	–	1	9	16	–	3	–	–	1	–	–	5	10	25
Тарский уезд	1	3	2	6	–	2	–	–	–	–	–	2	3	13
Иные территории	1	–	9	–	5	–	6	–	4	–	–	–	25	–
ИТОГО, чел.	2	4	20	22	5	5	6	–	5	–	–	7	38	38

К 1922 г. бывшие офицеры были в административном составе практически всех ключевых советских учреждений Тары и прилегавшего уезда; одна из сводок уездного военкомата приводит сведения о 25 подобных персоналиях. Здесь обращает на себя внимание Тарский уездный земельный отдел. При численности штата 50 чел. (мужчин 43, женщин 6, подросток 1) на весну 1922 г. должности квалифицированных сотрудников (агрономов) здесь занимали 6 бывших офицеров, заведовал учреждением А.В. Бронников (в прошлом поручик

белой армии)²⁵. Шестеро таких комбатантов работали в Тарском уездном отделе народного образования, четверо – в уездном военкомате²⁶.

Таблица 7

Национальная самоидентификация бывших офицеров,
живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Уроженцы	Национальность	ВСЕГО, чел.
Тары	Русские	5
	Поляки	1
Тарского уезда	Русские	7
Иных территорий	Русские	22
	Украинцы	2
	Латыши	1
ИТОГО, чел.		38

Прапорщик Ф.И. Дзенс на 1925 г., состоявший Тарским уездным агрономом, отметился как лектор открывшихся тогда в Таре учительских курсов²⁷. Но среди знаменитых комбатантов, носивших в эпоху революции погону офицера, а в 1920-е гг. связанных с Тарским уездом (округом), особо выделяется дезертировавший из белой армии близ Тары бывший подпоручик А.В. Ваганов (1892–1978)²⁸. Он начал свой трудовой путь в Советской России по довоенной профессии педагога, став видным деятелем музейного дела, активным участником сохранения культурного наследия и организатором краеведческого движения. Его имя получила научно-практическая конференция, проводящаяся в Таре с 2002 г.²⁹ Хотя жизненный путь этого деятеля обстоятельно изучен, но именно в части его биографии периода 1916–1919 гг. есть очевидная лакуна.

Русская революция обнажила национальный вопрос. Коммунистическое государство с первых лет своего существования взяло курс на создание новой нации³⁰, венцом которой стал «человек советский»³¹. Но весь период РСФСР–СССР неотъемлемой частью анкет был вопрос о национальной принадлежности. В изученных источниках в отношении комбатантов-офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе), видится, что в абсолютном большинстве (см. табл. 7) они идентифицировали себя как русские (33 чел., 87 %; из них двое указали себя как «великорус»). Присутствие тех, кто, согласно анкетам, позиционировал себя как представителей иных народов, было единично: два украинца (один из них указал себя как «малоросс»), поляк и латыш. Это соотносится и с приведенной нами ранее характеристикой национального состава населения, и с данными подобного рода по Омску³². В начале 1920-х гг. большевистская власть предоставила возможность возвращения на этническую родину комбатантам с несоветским гражданством. Такие экс-белогвардейцы не подлежали особому учету как прочие бывшие офицеры и чиновники армии, часть их возбуждала ходатайства об оптации. Из тарских комбатантов прошения летом 1921 г. подали А.А. Аудзе

²⁵ ТФ ГИАОО. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2, 22, 44.

²⁶ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 298.

²⁷ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 6. Д. 33. Л. 81.

²⁸ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 938Г. Л. 9 об.

²⁹ Энциклопедия омского краеведения. Омск, 2023. С. 65–68.

³⁰ Нехаев А.В. Революция 1917 года в России: поражение «нации» или победа «народа»? // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 6–8.

³¹ См. подробнее: Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra. Екатеринбург, 2021.

³² См. подробнее: Петин Д.И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64.

и Ф.И. Дзенс (этнические латыши)³³. Первый, очевидно, выехал; последний возможностью выезда, видимо, не воспользовался.

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР произошло окончательное оформление политической культуры нового государства. Следствием ужесточения общественно-политической жизни стали массовые кампании по лишению «бывших людей» избирательных прав и политизированные кадровые чистки, проводившиеся с опорой на ОГПУ и партийные структуры³⁴. В Сибири, как и повсеместно, одной из категорий лишенцев становились бывшие белые³⁵. Еще летом 1921 г., увольняясь из РККА, бывший капитан А.Е. Бурдуков – один из живших в начале 1920-х гг. Таре комбатантов – показательно подчеркнул в автобиографии: «звание офицера хуже клейма каторги»³⁶.

Любопытно, что участниками общественно-политической жизни отдельные рассматриваемые комбатанты стали в период Гражданской войны – 13 чел. (35 %) (см. табл. 8). По политическим мотивам некоторые из них даже подвергались преследованиям со стороны белых властей, но смогли миновать трагической участи. Так, чиновник военного времени Ф.В. Верещагин был социал-демократом до 1917 г., за что арестовывался в 1918 г. в белой Сибири. Георгиевский кавалер С.А. Волков был выпорот колчаковцами (деяние вопиющее: обладатели данных наград еще с 1808 г. не подлежали телесным наказаниям). Под военно-полевым судом белых состояли: упомянутый Верещагин, подпоручик С.С. Иванов (отпущен из тюрьмы под ручательство), чиновник военного времени Ф.С. Палкин (приговорен к расстрелу, бежал) и подпоручик Г.И. Шукшин.

В ином политическом лагере на завершающем этапе Гражданской войны в 1920 г. с формулировкой «за службу белым» задержанию подверглись юнкер П.И. Зенчак, полковник П.И. Лепко и поручик Н.Н. Разумов (вскоре амнистированы).

В 1925–1931 гг. 12 из 38 комбатантов стали лишенцами, подверглись кадровым чисткам. Интересна картина на 1925 г.: лишенными избирательных прав по Таре оказались четыре бывших офицера – Н.Д. Анисимов, С.Г. Суханов, И.А. Шабалин, О.П. Явщиц. Только последний из них не смог восстановить статус, остальные в том же году вновь обрели права. Причем Явщиц был единственным бывшим офицером в списке 199 лишенцев-тарчан, кому отказали в ходатайстве³⁷.

Таблица 8

Сведения о политическом преследовании бывших офицеров, живших в Таре и Тарском уезде (округе) в 1920-е гг.

Мера преследования		ВСЕГО, чел.
Арестовывались, осуждались в период Гражданской войны		13
Лишались избирательных прав		12
Осуждены после Гражданской войны	к высылке	2
	к заключению	3
	к ВМН	13
	дело прекращено	2

Дальнейшая судьба этих людей (в том числе преследования по политическим мотивам) выходит за хронологию исследования. Очертим ситуацию лишь в общем плане. Но обращение к беглому обзору дает понимание политики советского государства

³³ ТФ ГИАОО. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 37А. Л. 2.

³⁴ См. подробнее: *Анфертьев И.А.* Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

³⁵ *Саламатова М.С.* «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

³⁶ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 2. Д. 938В. Т. 2. Л. 344 об.

³⁷ ТФ ГИАОО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 47. Л. 116.

в отношении данной категории «бывших людей» (см. табл. 8). В 1930–1938 гг. из рассматриваемой группы лиц жертвами массовых политических репрессий стали 19 чел. Причем часть из них тогда уже проживала на других территориях Сибири. Расстреляли из них 13 чел.: в 1933 г. – Ф.И. Дзенса и П.И. Зенчака; в 1937 г. – А.В. Бронникова, А.А. Кондрашова, И.Г. Ханова, Н.Д. Анисимова, А.Д. Вознесенского, Р.Я. Салангина, Е.Д. Теплякова, Н.А. Волохова, И.А. Конькова, М.К. Чумакина; в 1938 г. – В.С. Глебова и М.И. Носкова. Список репрессированных бывших офицеров может быть дополнен теми именами, данные о ком неполны: М.Т. Горшенин (расстрелян в 1937 г.), В.В. Коноплин-Курский (арестован в 1930 г., дело прекращено в 1931 г.), Г.П. Никольский (осужден в 1931 г. к 10 годам ИТЛ), А.В. Ваганов (арестован в 1937 г., дело прекращено в 1939 г.)³⁸.

В видении советских спецслужб Тара и прилегавший к нему уезд (округ, а затем район) априорно оценивались как «насыщенные контрреволюционным элементом» после окончания Гражданской войны³⁹. Известно, что на 1 июня 1949 г. в Тарском районе жили как минимум два бывших чиновника военного времени белой армии, состоявшие на учете в органах МГБ (Г.Ф. Зенченко и Г.К. Меньшенин)⁴⁰.

Выводы и дискуссия. Обращение к ситуации в провинции показывает, что поствоенное офицерство, по своему социальному происхождению далеко не всегда имевшее отношение к привилегированным до революции слоям, в меньшей степени соотносилось с теми, кого советская власть называла «бывшими людьми». По происхождению и характеру довоенных занятий это были крестьяне или мелкие служащие, реже учителя. Формальное обретение в военно-революционную эпоху статуса офицера превращало в СССР этих комбатантов в «полновесных» потенциальных контрреволюционеров, несмотря на их честную службу коммунистическому государству.

Исследование позволяет судить о том, что относительно представителей бывшего офицерства уездный (окружной) город Тара напоминал Омск, но в сильном уменьшении. Жившие в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе) бывшие офицеры и военные чиновники, имея в большей степени низшее или домашнее образование, получили чин в условиях Первой мировой войны, их производство в следующие ранги (в том числе в белой армии) не было значительным либо не имело места вовсе. Заметная доля комбатантов получила фронтовые ранения, была отмечена боевыми наградами. Отличительная особенность награждений, связанная со служебным статусом награждаемых, – вручение им преимущественно орденов. Получение нижними чинами георгиевских наград могло открыть путь к производству в офицеры (о чем говорит статут награды и невысокие последние чины комбатантов). Опыт военной службы и участие в боевых действиях в судьбах комбатантов-тарчан во много связаны с «Великой» войной. Но значительная их часть стала участниками братоубийственного противостояния, уклонились от военной службы тогда весьма немногие.

Обстоятельства эпохи привели к массовым перемещениям населения (осозанным, случайным), особо это коснулось лиц, связанных с военной службой. Так, большая часть бывших офицеров, живших в 1920-е гг. в Тарском уезде (округе), были уроженцами иных территорий. Стабилизация политической обстановки в 1920-е гг. заставила бывших офицеров обретать себя в реалиях нового общества. Как и в крупных административных центрах, востребованной формулой, обеспечивавшей социальную стабильность, было возвращение к квалифицированному труду и довоенной профессии. Опора на образовательный ценз и опыт службы, стремление доказать новой власти свою полезность превращали этих людей в условиях дефицита образованных кадров в заметных участников профессиональной и общественной жизни. Условно две трети комбатантов стремились найти себя в условиях Тары – пусть малого, но города; это закономерно связывалось с большим числом возможностей для трудоустройства и служебного роста. Но соразмерно этим

³⁸ См. подробнее: Открытый список [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 21.05.2024).

³⁹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 562. Л. 41 об.

⁴⁰ Там же. Д. 296. Л. 25, 27.

потенциалам количество общественно значимых, ярких фигур в условиях малого города сводится к отдельным примерам. Это можно отчасти увязать и с отсутствием среди анализируемой группы лиц с высшим образованием.

Но бывших офицеров всюду «сопровождала» их принадлежность к «старому миру», подавая обществу «упредительный сигнал». Изучаемые комбатанты в заметной части своей стали в 1930-е гг. жертвами массовых политических репрессий.

Обращение к формализованным источникам дает возможность пусть иногда и в общих чертах, но обоснованно выделять ключевые характеристики, которые позволяют судить о социальных процессах в масштабе макрорегиона и страны, влиянии на эти явления условий государственно-политической нестабильности.

Литература

Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3, Ч. 1. С. 57–65.

Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. 279 с.

Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». – Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.

Анфертьев И.А. Политический и административный ресурс правящей РКП(б)–ВКП(б): поиск модели социального государства в 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 197–224.

Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.

Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. 336 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. М.: РОССПЭН, 2007. 328 с.

Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

Гребенкин А.Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 59–65.

Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 734 с.

Кискидосова Т.А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск: Офсет, 2023. 432 с.

Курдюк А.А. «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 159–168.

Нехаев А.В. Революция 1917 года в России: поражение «нации» или победа «народа»? // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 6–8.

Петин Д.И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64.

Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392.

Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134.

Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.

Сенявская Е.С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М.: Литрес, 2019. 712 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137.

Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуляряна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В.М. Амиров, А.В. Антошин, В.И. Бортников и др.; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: УрФУ, 2021. 412 с.

Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 92–93.

Энциклопедия омского краеведения / гл. ред. П.П. Вибге; отв. ред. О.Г. Беляева и др.; редкол. Ю.В. Трофимов и др. Омск: ОГИКМ, 2023. 352 с.

References

Abinyakin, R.M. (2010). Byvshie ofitsery v voennykh komissariatakh Orlovskoy gubernii v 1919–1923 gg. [The Former Officers in Recruitment Offices of the Province of Oryol in 1919–1923]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 1, No. 3, pp. 57–65.

Aksenova, A.V., Gonina, N.V. (2017). Yeniseysk v posledney treti XIX – nachala XX veka. Ocherki sotsiokul'turnogo razvitiya provintsial'nogo goroda [Yeniseisk in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries. Essays on the Sociocultural Development of a Provincial Town]. Krasnoyarsk, KSAU. 279 p.

Alekseeva, O.A., Zhuravlev, Ye.N., Sushko, A.V. (2018). Retsenziya: “Belye ofitsery – krasnaya vlast’”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. – 1920-e gg.)” – Omsk, “Amfora”, 2017 [Review: “White Officers – Red Power”: A Name Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919 – 1920s) – Omsk, Amphora, 2017]. In *Severnaya Arkhiv i Ekspeditsii*. Vol. 2, No. 3, pp. 44–55.

Alisov, D.A., Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R., Matveev, A.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhonov, S.S., Tikhomirov, K.N., Tikhomirova, M.N. (2014). *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th–19th Centuries – a Russian Aortress on the Banks of the Irtysh]. Omsk, Amphora. 332 p.

Anfert'ev, I.A. (2016). Politicheskiy i administrativnyy resurs pravyashchey RKP(b)–VKP(b): poisk modeli sotsial'nogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg. [Political and Administrative Resource of the Ruling RCP(b)–VKP(b): Search for a Model of the Welfare State in the 1920s–1930s]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 197–224.

Budberg, A.P. (2001). *Dnevnik belogvardeytsa: Vospominaniya*. Memuary [Diary of a White Guard: Memoirs. Memoirs]. Minsk, Harvest, Moscow, AST. 336 p.

Matveeva, Yu.V., Rusina, Yu.A. (Eds.). (2021). *Chelovek sovetskiy: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* [Soviet Man: Pros and Cons = Homo Sovieticus: Pro et Contra]. Yekaterinburg, UrSU. 412 p.

Chenskaya T.V. (2016). Byvshie belye ofitsery, sostoyashchie na osobom uchete v Orlovskom gubernskom otdelenii OGPU [The Former White Officers Being on the Special Account in the Orel Provincial Office of OGPU]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nyye nauki*. No. 2, pp. 58–61.

Vibe, P.P., Belyaeva, O.G., Trofimov, Yu.V. (Eds.). (2023). *Entsiklopediya omskogo krayevedeniya* [Encyclopedia of Omsk Local History]. Omsk. 352 p.

Gagkuev, R.G. (2024). “Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoj vojne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonu...” [“Today We Need to Talk about the Civil War With Restraint, Without the Desire to Take Anyone's Side...”]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 6–12.

Grebenkin, A.N. (2023). Osveshchenie zhizni Tyumeni v gody Grazhdanskoj vojny v memuarakh pedagoga i bibliotekarya N.N. Polyanskoy [Coverage of the Life of Tyumen during the Civil War in the Memoirs of Teacher and Librarian N.N. Polyanskaya]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoce Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie*. Omsk, OmGTU, pp. 59–65.

Kiskidosova, T.A. (2023). Goroda Yeniseyskoj gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v (po materialam sibirskikh gazet) [Cities of the Yenisei Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from Siberian Newspapers)]. Krasnoyarsk, Ofset. 432 p.

Kurdyuk, A.A. (2008). “Leitenanty” Pervoy mirovoj, ili o putyakh proizvodstva v ofitsery, primenyavshikhsya v russkoj armii s sentyabrya 1914 g. po noyabr' 1917 g. [“Lieutenants” of the First World War, or on the Ways of Commissioning as Officers Used in the Russian Army from September 1914 to November 1917]. In *Vestnik Voennogo universiteta*. No. 3, pp. 159–168.

Nekhaev, A.V. (2017). Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: porazhenie “natsii” ili pobeda “naroda”? [The Revolution of 1917 in Russia: The Defeat of the “Nation” or the Victory of the “People”?]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 2, pp. 6–8.

Petin, D.I. (2024). Kollektivnyy portret byvshikh belogvardeyitsev, repressirovannykh v Omske po delu “organizatsii Artamonova” v 1937 g. [A Collective Portrait of the Ex-White Guards Repressed in Omsk in the Case of the “Artamonov's Organization” in 1937]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 54–64.

Petin, D.I., Stel'mak, M.M. (2020). Kadrovyy sostav Omskogo okruzhnogo finansovogo otdela: istochnikovedcheskiy analiz i statistika. Avgust 1927 g. [Personnel of the Omsk District Financial Department: Source Analysis and Statistics. August 1927]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 380–392.

Petin, D.I., Stelmak, M.M., Sushko, A.V. (2020). “Zolotopogonniki” v sovetskoj Rossii: kollektivnyy sotsial'nyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska) [“Gold chasers” in Soviet Russia: A Collective Social Portrait of Former White Officers in the 1920s (On the Example of Omsk)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 467, pp. 165–175.

Puchenkov, A.S. (2023). Omskie Forsaity i “Dom Kolchaka” [Omsk Foresights and Kolchak’s House]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 205–208.

Sablin, A.Yu. (2022). Adaptatsiya yunkerov-krest’yan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (po tipu Omska) [Adaptation of Cadets-Peasants to Conditions of Urban Environment during the First World War (On the Example of Omsk)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 7, No. 3, pp. 128–134.

Salamatova, M.S. (2015). “Luchshe by rasstrelyali menya srazu...”: sud’by ofitserov belykh armiy v Sibirskom kraye (1921–1929 gg.) [“It Would Have Been Better if They Shot Me Right Away...”: The Fate of the Officers of White Armies in Siberian Region (1921–1929)]. In *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. No. XVII, pp. 214–228.

Senyavskaya, E.S. (2018). Chelovek na voynе, ili ternisty put’ ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at War. The Thorny Path from Military History to Military Anthropology]. In *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 24, pp. 10–43.

Shishkin, V.I., Savin, A.I. (2014). Sotsial’naya mobil’nost’ v Rossii v epokhu voyn, revolyutsiy i radikal’nykh transformatsiy pervoy poloviny XX v.: osnovnye napravleniya i rezul’taty izucheniya [Social Mobility in Russia during the Wars, Revolutions, and Radical Transformations of the First Half of the 20th Century: Discourses and Research Results]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 92–93.

Smirnov, S.V. (2019). *Dal’nevostochnyy tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940–kh gg.)* [Far Eastern Impasse: Russian Military Emigration in China (1920 – Late 1940s)]. Moscow, Litres. 712 p.

Smirnova, T.M. (2003). “Byvshye lyudi” Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg. [“Former People” of Soviet Russia. Survival Strategies and Ways to Integrate, 1917–1936]. Moscow. 296 p.

Sushko, A.V. (2023). Regional’noe izmerenie istorii organami GPU–OGPU: k analizu monografii A.B. Gularyana i A.Yu. Sarana [Regional Dimension of History of Organs of GPU–OGPU: To the Analysis of Monograph by A.B. Gularyan and A.Yu. Saran]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 8, No. 1, pp. 83–89.

Sushko, A.V. (2022). Antisovetskie organizatsii i gruppy v Omskom okruge v 1927 g.: soobshchenie Omskogo okruzhnogo otdela OGPU mestnomu partiynomu rukovodstvu [Anti-Soviet Organizations and Groups in the Omsk Region in 1927: Report of the Omsk Regional OGPU Department to Local Party Leadership]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 1125–1137.

Volkov, Ye.V. (2001). *Kolchakovskie ofitsery: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Kolchak Officers: Experience of Historical Research]. Chelyabinsk, SUSU. 336 p.

Zhiromskaya, V.B., Polyakov, Yu.A. (Comp.). (2007). *Vsesoyuznaya perepis’ naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Dokumenty i materialy* [All-Union Population Census of 1937: General Results. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 320 p.

Yermolaev, A.N. (2008). *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [District Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 734 p.

М.А. Семенов*

**КОМПЛЕКСНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ РАНЕННЫХ
НА ФРОНТЕ ВОИНОВ В ГОСПИТАЛЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-5
УДК 94(47)“1941/1945”*Выходные данные для цитирования:**Семенов М.А. Комплексная реабилитация раненных на фронте воинов в госпиталях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 66–80.**URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-05.pdf>*

M.A. Semenov*

**COMPREHENSIVE REHABILITATION OF SOLDIERS
WOUNDED AT THE FRONT IN HOSPITALS IN WESTERN
SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-5

*How to cite:**Semenov M.A. Comprehensive Rehabilitation of Soldiers Wounded at the Front in Hospitals in Western Siberia during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 66–80. [Available online:**<http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-05.pdf>]*

Abstract. During the Great Patriotic War, our country gained unique experience in the medical and social rehabilitation of soldiers wounded at the front. This activity had a significant impact on the historical processes of the war and post-war period. From the very beginning of the war, health care institutions engaged in the healing of wounded soldiers at the front focused not only on saving lives, but also on restoring the health of the wounded to the maximum possible extent. According to the accepted doctrine of complex treatment, a wide range of auxiliary methods and techniques were actively used, largely aimed at restoring the patient's functional health. Much attention was paid in hospitals to methods of raising the general tone of the body: blood transfusion was widely practiced, serious efforts were made to organize medical nutrition, it was common to send the wounded for further treatment to hospitals deployed on the basis of sanatoriums. Serious efforts were made to resolve issues with prosthetics of the wounded. Political, educational, and cultural work carried out in evacuation hospitals played a significant role in social adaptation. This work lifted the spirits of the wounded, helped them feel cared for, survive the injuries they received in battle, and contributed to their recovery and adaptation in society. The issues of job training and employment occupied an important place in the social adaptation of the wounded. If at the beginning of the war labor training was practically not carried out, then by the end of 1943 the problem of labor training for the disabled was largely solved. In general, during the war years, a highly effective system of comprehensive rehabilitation of soldiers wounded at the front was developed, which included work on medical rehabilitation and social adaptation. This work often faced difficulties: the novelty of the tasks set, lack of resources, negligence of the performers, but the progressive movement continued throughout the war.

* **Михаил Александрович Семенов**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pihterek@yandex.ru

Mikhail Alexandrovich Semenov, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pihterek@yandex.ru

** Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article is on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th–21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: Rehabilitation, adaptation, prosthetics, the wounded, the disabled, employment, hospitals, healthcare, the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 04.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны в нашей стране был накоплен уникальный опыт по медико-социальной реабилитации раненных на фронте воинов. Данная деятельность оказывала значительное влияние на исторические процессы военного и послевоенного времени. С самого начала войны учреждения здравоохранения, занимающиеся исцелением раненных на фронте воинов, ориентировались не только на спасение жизни, но и на максимально возможное восстановление здоровья раненных. Согласно принятой доктрине комплексного лечения, активно применялся широкий арсенал вспомогательных методов и приемов, в значительной степени направленных на восстановление функционального здоровья пациента. Большое внимание в госпиталях уделяли методам поднятия общего тонуса организма: широко практиковалось переливание крови, организовывалось лечебное питание, распространенным явлением было направление раненных для долечивания в госпитали, развернутые на базе санаториев. Серьезные усилия прикладывались для решения вопросов с протезированием раненных. Значительную роль в социальной адаптации играла осуществлявшаяся в эвакогоспиталях политико-воспитательная и культурно-массовая работа. Эта работа поднимала дух раненных, помогала почувствовать заботу, пережить полученные в боях увечья, способствовала их выздоровлению и адаптации в обществе. Важное место в социальной адаптации раненных занимали вопросы трудоустройства и трудоустройства. Если в начале войны трудовое обучение практически не осуществлялось, то к концу 1943 г. проблема трудоустройства инвалидов во многом была решена. В целом в годы войны сложилась высокоэффективная система комплексной реабилитации раненных на фронте воинов, включавшая в себя работу по медицинской реабилитации и социальной адаптации. Эта работа зачастую сталкивалась со сложностями: новизной поставленных задач, нехваткой ресурсов, халатностью исполнителей, но поступательное движение продолжалось в течение всей войны.

Ключевые слова: реабилитация, адаптация, протезирование, раненные, инвалиды, трудоустройство, госпитали, здравоохранение, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024 г.

В годы Великой Отечественной войны в нашей стране был накоплен уникальный опыт по комплексной медико-социальной реабилитации раненных на фронте воинов. В условиях нехватки трудовых ресурсов во время войны от эффективности реабилитации инвалидов войны во многом зависели успехи промышленности, в том числе оборонной, сельского хозяйства и т.д. Еще более важным было социальное значение этой деятельности – инвалиды войны получали шанс начать новую плодотворную жизнь, добиться устойчивого положения в обществе. Это имело значение не только для инвалидов, но и во многом определяло морально-психологическую устойчивость общества к военным потерям. Таким образом, деятельность по комплексной реабилитации раненных оказывала значительное влияние на исторические процессы военного и послевоенного времени.

К сожалению, накопленный в годы войны бесценный исторический опыт востребован и в современных условиях, когда существует необходимость комплексной реабилитации раненных в боях с возрожденным на Украине неонацизмом.

Под комплексной реабилитацией раненых в статье понимается цельная система преемственных мероприятий, включающая в себя как меры по медицинской реабилитации, т.е. восстановлению утраченного ранеными здоровья, так и социальной адаптации, т.е. приспособлению инвалидов к изменившемуся в результате травмы положению в обществе. Тема восстановления здоровья и реинтеграции раненых в общество имеет множество аспектов. Цель статьи – анализ данной деятельности, осуществлявшейся в госпитальных учреждениях Западной Сибири в 1941–1945 гг.

Указанная тема нашла отражение в трудах исследователей. Отдельные ее элементы рассматривались в трудах по истории социальной сферы военных лет¹, различных направлений социальной политики². Определенное место отводится ей в исследованиях деятельности тыловых госпиталей³. Имеется несколько крупных работ, специально посвященных вопросам социальной политики государства в отношении инвалидов⁴. Однако в исследованиях истории военного здравоохранения мероприятия по комплексной реабилитации раненых рассматриваются как отдельные невзаимосвязанные виды деятельности, а в работах, посвященных мерам социальной поддержки инвалидов, мерам медицинской реабилитации уделяется лишь незначительное внимание.

Источниковую базу статьи составляет прежде всего документация партийных и советских органов, отвечавших за деятельность госпитальных учреждений, извлеченная из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Государственного архива Алтайского края (ГААК), Исторического архива Омской области (ИсАОО), Государственного архива Кемеровской области (ГАКО), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) и т.д. Значительная часть этих материалов была опубликована в научном справочно-документальном издании «Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны»⁵.

Медицинская реабилитация. С самого начала войны учреждения здравоохранения, занимающиеся исцелением раненных на фронте воинов, ориентировались не только на спасение жизни, но и на максимально возможное восстановление здоровья раненых, предполагающее их дальнейшую активную деятельность. Так, в докладе о состоянии здравоохранения и работе эвакуационных госпиталей Новосибирской области в 1941–1942 гг. в качестве задач

¹ *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 2. М., 1994; *Палецких Н.П.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007; *Красноженова Е.Е.* Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Астрахань, 2013.

² *Хаяров Д.Г.* Фронтвики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни: 1945–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003; *Любецкий А.Е.* Государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; *Семенова Е.Н.* Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2021.

³ *Горелов Ю.П.* Госпитали Западной Сибири и деятельность их персонала по спасению раненых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991; *Дегтярева Н.А.* Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007; *Орлова Е.А.* Эвакогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; *Кусков С.А.* Эвакогоспитали в Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны: 1939–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

⁴ *Мануйлова Ю.Н.* Социальная реабилитация инвалидов войны на Южном Урале: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002; *Хорохорина Г.А.* Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941–1945 гг.: На материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Гришина О.А.* Организация социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.: на материалах Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2015; *Ковалев А.С.* Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Краснодарского края в 1941–1945 гг. Красноярск, 2023.

⁵ *Семенов М.А., Семенова Е.Н.* Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: справочно-документальное издание. Новосибирск, 2021.

госпитальной деятельности обозначалась эффективная постановка лечебного дела, «чтобы быстро возвратить раненых бойцов в Красную Армию и на трудовой фронт»⁶.

Для реализации подобных установок в госпиталях осуществлялся широкий спектр работ.

В первую очередь стоит отметить непосредственное лечение раненого. Согласно принятой доктрине комплексного лечения, предполагалось не только осуществление специфического вмешательства (хирургического или медикаментозного), но и применение широкого арсенала вспомогательных методов и приемов, в значительной степени направленных на восстановление функционального здоровья пациента. К числу таких методов относились физиотерапия, трудотерапия, механотерапия, аэротерапия, грязелечение, лечебное питание, лечебная физкультура и т.д.

Применение вспомогательных методов осуществлялось в значительных масштабах. Так, за июль-декабрь 1941 г. в госпиталях Новосибирской области было отпущено 16 266 процедур гелиотерапии, 98 727 – электротерапии, 141 881 – светотерапии, 151 860 – механотерапии, 77 036 – гидротерапии, 16 102 – лечебной гимнастики, а всего 501 872 различных процедур⁷. При этом в госпиталях указанной области находилось на излечении или было выписано около 32 тыс. раненых. То есть на каждого раненого приходилось 15,7 вспомогательной процедуры. Во втором полугодии 1942 г. на каждого раненого приходилось уже 17,9 только физиопроцедур и еще 11,4 процедуры лечебной физкультуры, в первом полугодии 1943 г. – 21,2 физиопроцедуры и 24,6 процедуры лечебной физкультуры⁸. Высокий уровень лечебной физкультуры отмечался в госпиталях № 1247, 1250, 1503, 1504, 2482, 2493, 3329, 3348, 3629 и др.⁹ В госпиталях Алтайского края за время войны применение физиопроцедур выросло с 8,6 процедуры на одного больного в 1941 г. до 20,1 процедуры в 1945 г. Охват лечебной физкультурой вырос с 26,3 % от общего количества раненых в 1941 г. до 66 % в 1945 г.¹⁰ В госпиталях Омской области в среднем за весь период войны было отпущено 23,2 физиопроцедуры на больного. Охват гигиенической гимнастикой достиг 80 % раненых, специальной лечебной гимнастикой для восстановления функций пострадавшего органа достиг 60 % от всех находящихся на излечении¹¹.

Значительное внимание уделялось внедрению методов лечения, позволяющих повысить функциональные возможности раненого. Так, активно практиковалось создание культы Крукенберга для больных, потерявших кисти. В госпитале № 2480 Омской области доктор Ройзман разработала и активно применяла методы лечения контрактур при челюстных повреждениях¹². Широко применялась для борьбы с тугоподвижностью механотерапия. При этом значительную часть импровизированного оборудования госпитали собирали сами из подручных средств: блоков, блокодержателей, подставок Барденгейера, балканских рам. В Новосибирской области широкое распространение получили деревянные аппараты по механотерапии, предложенные доктором Фрайфельд из госпиталя № 3348¹³.

Другим методом лечебного воздействия при тугоподвижности была трудотерапия. Труд раненых широко применялся в работе госпиталя (на кухне, в перевязочной, в плетении корзин). Особенно большой лечебный эффект отмечался у работы раненых в подсобных хозяйствах, по рубке и пилке леса, вывозу овощей и т.п.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–31 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 145.

⁷ Филиал Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов) (Филиал ЦАМО). Ф. 305. Оп. 29646. Д. 1. Л. 57–59. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 85.

⁸ Рассчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 202. Л. 125 об.

⁹ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–31 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 158.

¹⁰ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 879. Л. 8.

¹¹ Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 104.

¹² ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3086. Л. 64.

¹³ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–31 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 158.

При этом органы управления госпиталями проявляли активную заинтересованность в максимально широком внедрении подобных методов. Например, в апреле 1942 г. начальник Управления РЭП-62 И.Н. Курганников обратился с просьбой о расширении эвакогоспиталя № 3366 к первому секретарю новосибирского обкома М.В. Кулагину, мотивируя это так: «Особенно серьезным является вопрос о лечении контуженных глухонемых функционального происхождения <...> В отношении этой категории больных существующая практика явно не соответствует интересам Армии и больных, так как подавляющее большинство этих больных либо комиссуются как инвалиды и совершенно удаляются из Армии, либо ведутся педагогами, которые обучают их речи со слов, но оставляют у них глухоту, в результате чего люди комиссуются и увольняются с военной службы. <...> Если такие больные интернируются, то они обычно направляются в гражданскую психиатрическую больницу, где они распыляются в общей массе психических больных, не получая надлежащего лечения имеющихся у них ранений, а также рассматриваются, как больные с необратимыми реакциями, ввиду недостаточного знакомства гражданских лечебных заведений с психозами военного времени. Между тем, как установлено в последнее время (проф. Чистович в Новосибирске¹⁴), среди раненых с психическим заболеванием имеется значительная часть психоза, который является обратимым ввиду того, что он связан с интоксикацией или инфекцией, исходящей из очага ранения, а потому такая категория больных должна находиться в специализированных эвакогоспиталях»¹⁵.

Большое внимание в госпиталях уделяли методам поднятия общего тонуса организма.

Широко практиковалось переливание крови при интоксикациях и острых или хронических гнойных воспалениях. Например, в госпиталях, непосредственно подчиняющихся РЭП-62¹⁶, за июль-декабрь 1941 г. было проделано 1 097 переливаний крови¹⁷. В госпиталях Алтайского края только за 4-й квартал 1943 г. осуществлено 557 переливаний¹⁸. В госпиталях Томска только за 1944 г. осуществлено 2 423 переливания¹⁹. А в госпиталях Омской области за время войны осуществлено 5 326 случаев переливания крови²⁰.

Серьезные усилия прикладывались для организации лечебного питания, назначения соответствующей диеты в зависимости от показаний.

В качестве примера можно привести фрагмент доклада начальника одного из лучших госпиталей Новосибирской области (№ 1504) Л.И. Юдкиной в феврале 1942 г.: «Согласно правил внутреннего распорядка питание раненых проводится три раза в день. В 8.15 завтрак, в 2 часа обед, в 8 – ужин. Все выздоравливающие питаются в общей столовой, тяжелобольные питаются в постелях.

Раздача питания проходит быстро. Так, например во втором отделении 140 чел. лежащих получают обед в течение 45 минут. Жалоб на питание, как (на. – М. С.) вкусовые качества, так и объем – мы не имеем. Калорийность питания в среднем 3 600 калорий. Прибавка в весе 8 кг. – обычное явление. В области лечебного питания ведется большая работа. Целый ряд диет (ахлоридная и др.) нашли свое прочное применение при ранениях,

¹⁴ Имеется в виду заведующий кафедрой психиатрии Новосибирского медицинского института в 1938–1946 гг. Андрей Сергеевич Чистович, в дальнейшем один из крупнейших психиатров СССР. Сам он вспоминал об этом открытии так: «В Новосибирске я пробыл с начала 1938 г. до осени 1946 г. Во время Великой Отечественной войны я безвозмездно консультировал в ряде эвакогоспиталей, причем в одном из них, главным врачом которого был Вельвовский (эвакогоспиталь № 3366. – М. С.), было даже организовано специальное отделение для раненых и контуженных солдат Советской Армии. Именно благодаря опыту концептуальной работы мне удалось создать понятие “послераневых” психозов в “pendant” к понятию психозов “послеродовых”, которые первыми привлекли мое внимание из числа заболеваний, обязанных своим возникновением преимущественно стрепто- и стафилококковой инфекциям». Цит. по: Чистович А.С. Лечение сном. Из записок старого психиатра. М., 2023. С. 5.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 35. Л. 209, 209 об.

¹⁶ Основную их часть составляли госпитали, находившиеся на территории Алтайского края и Новосибирской области в современных границах.

¹⁷ Филиал ЦАМО. Ф. 305. Оп. 29646. Д. 1. Л. 52–54.

¹⁸ ГААК Ф. П-1. Оп. 18. Д. 502. Л. 37.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 504. Л. 73.

²⁰ ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 104.

осложненных воспалительными процессами, при остеомиелитах и др. Для витаминизации питания широко используются отходы шиповника и др. В госпитале ведутся специальные исследования по обнаружению содержания витамина С в моче и крови при целом ряде ранений и заболеваний, кроме того, ведется работа по насыщению витаминами при таких заболеваниях, как остеомиелиты, циститы и др.»²¹.

В то же время следует отметить, что в снабжении продуктами питания были сложности в течение всей войны. Например, в конце 1941 г. отмечались проблемы с поставками продуктов питания в госпиталя Томска и Кузбасса²². В госпиталях Кемеровской области в декабре 1943 г. отмечались перебои с поставками сахара, отсутствовавшего в течение двух месяцев, перебои с мясом и маслом, заменяемых салом²³. Улучшить ситуацию помогало активное развитие госпиталями подсобных хозяйств.

Распространенным явлением было направление раненых в госпитали, развернутые на базе санаториев, для долечивания. Например, по территории современной Новосибирской области насчитывалось четыре таких госпиталя: № 2485 на базе Бердского физиотерапевтического санатория ВЦСПС, № 2486 на курорте Карачи, № 4096 на базе Дома отдыха ВЦСПС в селе Мочище и № 4099 на базе Бердского туберкулезного санатория. В отличие от множества других госпиталей, расформированных или отправленных на Запад, большинство санаторных госпиталей проработали в течение всей войны, а, например, госпиталь № 2486 был реорганизован в госпиталь для инвалидов Отечественной войны и продолжил свою работу и в послевоенное время.

Проводилась в госпиталях работа и в рамках косметической и пластической хирургии. К сожалению, отчетная документация уделяла сравнительно мало внимания этому направлению деятельности. Однако, по сведениям из других источников, можно сделать вывод о достаточно широком ее осуществлении. Так, в ответе на жалобу раненого К.Г. Титяева командование госпиталя № 1503, помимо прочего, отмечает, что за время пребывания в госпитале старшему лейтенанту К.Г. Титяеву было восстановлено нижнее веко с одновременным закрытием свища в гайморову полость. На восстановленное веко пересажены ресницы с брови. Сделан каучуковый протез челюсти и протезирован левый глаз²⁴. В справке о работе госпиталей г. Томска в 1944 г. отмечалось: «Широко проводятся пластические операции на груди, при дефектах лица и челюстей, при реставрации культей и на коже, восстановительные операции на брюшной полости и т.д. Число пластических операций возросло в 3–4 раза против 1943 г.»²⁵.

Значительное количество тяжелораненых, направляемых в западносибирские госпитали, делало крайне важной проблему протезирования. Так, в декабре 1941 г. среди инвалидов, прошедших ВТЭК в Новосибирской области, 25 % имели дефекты и ампутации нижних конечностей, 49 % – дефекты и ампутации верхних конечностей²⁶.

За изготовление протезов в Западной Сибири отвечало несколько предприятий. Прежде всего, это крупный Томский протезный завод, обеспечивавший протезами госпитали на значительной территории страны. Только за 1941 г. им было выпущено свыше 3 400 протезов²⁷. Кроме того, изготовлением протезов занимались протезные мастерские в Новосибирске и Омске. В ходе войны заработали протезные мастерские в Барнауле и Сталинске (ныне Новокузнецк). Выпуск продукции этими предприятиями был существенно скромнее. Так, за 1941 г. Новосибирская протезная мастерская изготовила 108 протезов²⁸. Однако

²¹ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 24. Л. 163–173. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 113–114.

²² ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 22. Л. 32–42. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 72–73.

²³ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 99. Л. 102.

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 229. Л. 112.

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 504. Л. 72.

²⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 3. Л. 68.

²⁷ Рассчитано по: Там же. Л. 68, 102–106 об.

²⁸ Там же. Л. 102–106 об.

в течение войны производство в них нарастало. К примеру, Омская протезная мастерская выпустила за время войны 15 542 протеза²⁹.

Протезная промышленность испытывала серьезные проблемы с организацией производства, снабжением сырьем и т.д. Регулярно в течение войны встречались жалобы на недостаточную номенклатуру и качество изделий, перебои в поставках протезов. Так, в 1942 г. протезная мастерская в Барнауле долгое время не могла открыться в связи с отсутствием ремонта и непригодностью предоставленного помещения³⁰. Новосибирская протезная мастерская в начале 1942 г. не могла наладить выпуск протезов верхних конечностей из-за отсутствия заготовок кистей рук, для получения которых из запасов Томского протезного завода пришлось задействовать руководство заинтересованных госпиталей и Новосибирский обком³¹. Мастерская в г. Сталинске в конце 1943 г., наоборот, несмотря на наличие полугодового запаса полуфабрикатов, не могла наладить производство постоянных протезов³². Омской протезной мастерской указывали на долгие сроки изготовления протезов: «Если Томский протезный завод после снятия мерки для протезирования изготавливает такой (протез. – М. С.) через 8–10 дней, то у нас (в Омске. – М. С.) изготовление протеза затягивается на срок до 1-го месяца и больше»³³. Томскому протезному заводу, в свою очередь, указывали на низкое качество продукции и неосвоенность в производстве сложных протезов для раненых с высокой ампутацией³⁴.

Порядок протезирования предусматривал установку в госпиталях только протезов нижних конечностей. Протезирование верхних конечностей должно было производиться по выписке из эвакуогоспиталя по месту жительства раненых через местные органы Комиссариата социального обеспечения³⁵.

Для протезирования выделялись специализированные эвакуогоспитали. Например, в Новосибирске для протезирования нижних конечностей был выделен госпиталь № 1239, протезирование глаз производилось в госпиталях № 2492 и № 2493, челюстно-лицевое протезирование – в госпитале № 2493. Затем с 1943 г. челюстно-лицевое и глазное протезирование проводилось также в госпиталях № 1503 и № 1249.

Социальная адаптация. Большую роль, помимо медицинской реабилитации, играла и другая работа, проводимая в госпиталях. Люди, ставшие инвалидами, тяжело переживали свое новое положение. Жизненные планы и мечты этих людей претерпели крушение. Найти для них новый смысл жизни, помочь преодолеть душевный кризис было важной задачей, стоящей перед госпитальными работниками. Значительную роль в этом играла осуществлявшаяся в эвакуогоспиталях политико-воспитательная и культурно-массовая работа.

За ее организацию в эвакуогоспиталях в начале войны отвечал военный комиссар, а с конца 1942 г. – заместитель по политической части. Они организовывали чтение лекций и докладов, проводили беседы с ранеными. В этом им помогали лекторы, выделяемые партийными органами, комсомольцы, партийные активисты. Ежедневно в палатах проводились читки газет, сводок Информбюро.

Данная работа проводилась в значительных масштабах. Так, по 15 госпиталям Новосибирского гарнизона за 20 дней мая 1942 г. была прочитана 201 лекция и проведено 2 400 бесед³⁶. По данным восьми госпиталей Алтайского края в 1943 г. была прочитана 241 лекция,

²⁹ ИСАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 106.

³⁰ ГААК. Ф. П-10. Оп. 26. Д. 216. Л. 23.

³¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 35. Л. 17. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 102–103.

³² ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 13. Л. 216.

³³ ИСАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3434. Л. 171.

³⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 257.

³⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 3. Л. 102–106 об.

³⁶ Там же. Д. 141. Л. 43–44 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 130.

проведено 3 094 беседы с ранеными³⁷. В госпиталях Омской области за время войны проведено 3 118 лекций и докладов, охвативших свыше 100 тыс. раненых³⁸.

Эта работа находила отклик у раненых. В госпитале № 1504 по инициативе раненых был организован «университет культуры» для повышения теоретического и культурного уровня офицерского состава. В его программу были включены циклы лекций по книге т. Сталина «О Великой Отечественной войне», по истории СССР, философии, истории военного искусства, литературе³⁹.

Часть госпиталей, в особенности те, которые были расположены в крупных городах, имели свои библиотеки. Почти во всех госпиталях проходили регулярные киносеансы.

При госпиталях организовывались клубы для культурно-массовых мероприятий, организованных как внутригоспитальной самодеятельностью, так и различными учреждениями культуры, шефскими организациями, школьниками. В 1943 г. в Новосибирской области из 19 госпиталей в 14 имелись кружки самодеятельности⁴⁰. В них работали музыкальные группы, группы хорового пения и художественного чтения. В ряде госпиталей (№ 1237, 1504, 2483 и др.) проходили шахматно-шашечные турниры (см. рисунок).

Для проведения культурно-массового обслуживания привлекались и известные учреждения культуры, многие из которых находились в Западной Сибири по эвакуации. Например, в Новосибирске культурно-массовым обслуживанием раненых занимался Театр им. Пушкина, Еврейский театр, театр «Красный Факел», Новый ТЮЗ, Белорусский театр, Ленинградская филармония. С 1 мая по 1 декабря 1943 г. в госпиталях Новосибирской области было дано 618 шефских концертов. В среднем на госпиталь приходилось 5–6 концертов в месяц⁴¹.

Подобная работа проводилась и в других регионах. В Алтайском крае различными учреждениями культуры только за период с 1 июля 1941 г. по 12 января 1942 г. в госпиталях был дан 671 концерт⁴², а всего за период Великой Отечественной войны в госпиталях края дано 3 910 концертов, организовано 7 600 киносеансов⁴³. В госпиталях Омской области за время войны проведено 9 360 концертов, 10 570 киносеансов, 950 литературных вечеров, 220 шахматно-шашечных турниров⁴⁴.

Активное участие в социальной адаптации раненых принимали представители шефских организаций, общественности, школьники и студенты. Например, активисты Красного Креста учащиеся школы № 10 г. Новосибирска ухаживали за слепыми



Рис. 1. Раненые эвакогоспиталя № 3609 (г. Новосибирск) за игрой в шахматы. Фото из фондов Новосибирского городского краеведческого музея

³⁷ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 502. Л. 15.

³⁸ ИСАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 108.

³⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 141. Л. 43–44 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 130.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 263–264.

⁴¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 262.

⁴² ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 204. Л. 11.

⁴³ Там же. Д. 678. Л. 20.

⁴⁴ ИСАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 108.

бойцами, помогали писать им письма, читали, беседовали с ними⁴⁵. В г. Киселевске в 1941 г. были организованы встречи раненых госпиталя № 2496/2383 со стахановцами⁴⁶.

Эта работа поднимала дух раненых, а главное – помогала почувствовать заботу о них, пережить полученные в боях увечья. Так, после прочтения чтецом палаты № 72 эвакогоспиталя № 1503 П.П. Селявской повести Короленко «Слепой музыкант» военноослепший Крючков заявил: «Что ж книга? Она призывает жить!»⁴⁷.

Значительную роль в социальной адаптации раненых играли вопросы трудоустройства и трудоустройства. Многие раненые, потеряв свое здоровье в боях за Родину, не могли работать по прежней профессии. В то же время невозможность трудиться серьезно влияла на мироощущение раненого. При этом экономике СССР военных лет требовалось все больше трудовых ресурсов, и выписываемые из госпиталей инвалиды расценивались государством как ценный трудовой ресурс.

Центральные органы власти приняли в годы войны ряд нормативно-правовых документов, посвященных решению этого вопроса. Уже 16 июля 1941 г. выходит Инструкция Наркомсобеса РСФСР и ГВСУ РККА «О порядке трудоустройства и направления на обучение инвалидов Отечественной войны». 6 мая 1942 г. выходит Постановление Совнаркома СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны», 20 января 1943 г. – Постановление Совнаркома СССР «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» и т.д.

Однако работа в этом направлении разворачивалась постепенно. Рассмотрим ее развитие на примере Новосибирской области. Здесь в ноябре 1941 г. заведующий отделом эвакогоспиталей новосибирского облздрава А.В. Мелик, фактически расписываясь в отсутствии в госпиталях подобной работы, писал: «трудно что-нибудь сказать о трудоустройстве инвалидов Отечественной войны, ибо эта работа ведется органами Собеса, тем более что мало времени истекло со дня организации госпиталей в области»⁴⁸.

Однако уже к началу 1942 г. ситуация постепенно стала меняться. В отдельных госпиталях появились курсы по трудовому обучению раненых. Например, в госпитале № 1239 был организован кружок с швейным профилем, в котором обучалось 30 чел., а еще 32 чел. уже закончили обучение. В госпитале № 1238 на курсах счетоводов обучалось 60 чел. Отмечалось, что после выписки из госпиталей области было трудоустроено 285 чел.⁴⁹ Разумеется, учитывая масштабы госпитальной сети области в этот период и численность раненых в них, эти достижения были лишь первыми шагами в организации полноценной работы.

К ноябрю 1942 г. из 61 госпиталя, размещавшегося в Новосибирской области, трудоустройство было организовано в 51 госпитале в 96 группах. К этому времени было обучено около 1 500 чел., а проходило обучение еще 1 800 чел. Обучение в основном велось по конторско-хозяйственному профилю: готовились счетоводы, бухгалтера, бригадиры сельского хозяйства. Из производственных профессий обучение велось по сапожному и швейному делу. В госпитале № 3609 была установлена связь с заводом «Труд», для которого раненые выполняли некоторые производственные процессы. При этом некоторые из раненых в госпитале выполняли по 150, 170 % заводской нормы⁵⁰.

К декабрю 1943 г. почти во всех госпиталях Новосибирской области работали курсы счетоводов, бухгалтеров. Во многих госпиталях – курсы механиков, сапожников, портных, в госпитале № 1503 – школа баянистов.

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 683. Л. 72–74. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 206.

⁴⁶ ГАКО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 661. Л. 50.

⁴⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 192. Л. 251.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 22. Л. 24–26. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 65.

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 3. Л. 102–106 об.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–31 об. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 173.

В госпитале № 1239 раненые обучались на курсах механиков, сапожников, портных. Кроме того, завод № 667 открыл в этом госпитале механический цех, где раненые обучались слесарному, токарному делу.

Из недостатков трудоустройства в этот период отмечали недостаточный учет интересов раненых и профилей госпиталя при организации курсов. Так, в госпитале № 1249 лежали раненые, имеющие челюстно-лицевые ранения, которые вполне могли выучиться на водителей, токарей, слесарей и т.д. В то же время там, как и везде, работали только курсы счетоводов и портных⁵¹. Таким образом, в этот период речь шла уже не о наличии трудоустройства как такового, а о его качестве и соответствии интересам раненых.

Всего за 9 месяцев 1943 г. в Новосибирской области было обучено 1 721 чел., а обучалось еще 416 чел.⁵² При этом стоит учитывать, что госпитальная сеть области за год сократилась втрое и на ноябрь 1943 г. в госпиталях Новосибирской области насчитывалось всего 13 350 раненых⁵³.

Всего же в Новосибирской области в конце 1943 г. числилось на учете 19 543 чел. инвалидов войны, из которых работали или обучались новой профессии 14 938 чел.⁵⁴ Таким образом, можно констатировать, что к концу 1943 г. проблема трудоустройства инвалидов во многом была решена.

В других областях общие тенденции развития трудоустройства были такими же, как в Новосибирской области. В Алтайском крае по состоянию на 1 июня 1942 г. трудоустройство велось только в трех госпиталях (№ 1508, 1509, 4094), в которых проходили обучение всего несколько десятков человек⁵⁵. Однако уже в июле 1942 г. за организацию трудоустройства в госпиталях Алтайского края принялись всерьез. К октябрю 1942 г. в госпиталях края было подготовлено 15 киномехаников, 97 счетоводов, 17 юристов, 5 часовщиков, 54 сапожника, 21 портной, всего 209 человек⁵⁶. В дальнейшем масштабы трудоустройства продолжили расти. Только за 10 месяцев 1943 г. в госпиталях Алтайского края 1 100 чел. обучились новым профессиям⁵⁷.

О масштабах и итогах проводимой работы в других сибирских областях свидетельствуют следующие данные. В госпиталях города Томска только за первый квартал 1943 г. было трудоустроено 232 чел., находилось на обучении еще 170 чел.⁵⁸ В Омской области на 1 июля 1942 г. в госпиталях был обучен 721 чел., еще 550 продолжали обучение⁵⁹. На 1 января 1945 г. в Омской области насчитывалось 14 440 инвалидов, из них было трудоустроено 12 188. Только за 1944 г. было обучено новым профессиям 3 035 чел., из них 2 257 в госпиталях⁶⁰. На 15 октября 1945 г. по Омской области числилось 18 192 инвалида, из них было трудоустроено 16 347. Всего за время войны в Омской области было обучено, главным образом в госпиталях, новым профессиям 21 989 чел.⁶¹

Однако стоит отметить, что переобучение в основном велось с инвалидами II группы. И если инвалиды III группы в значительной степени сохраняли свою прежнюю профессию, то с наиболее тяжелыми – инвалидами I группы – работа по трудоустройству велась лишь в

⁵¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 255–257.

⁵² Там же. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 257.

⁵³ Там же. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 248.

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 255–256.

⁵⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 204. Л. 42 об.

⁵⁶ Там же. Л. 39.

⁵⁷ Там же. Д. 295. Л. 19.

⁵⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 614. Л. 33–35. Цит. по: Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Томск, 1962. С. 235–236.

⁵⁹ ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3434. Л. 191.

⁶⁰ Там же. Оп. 20. Д. 95. Л. 152–156. Цит. по: Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Омск, 1961. Т. 2. С. 237.

⁶¹ ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 111.

незначительной степени, что, безусловно, было серьезным недостатком в адаптации этой группы инвалидов к жизни в обществе.

Меры дальнейшей поддержки. Хотя это и выходит за заявленные рамки, все же стоит сказать несколько слов о мерах дальнейшей поддержки инвалидов после выписки из госпиталя, в особенности об их медицинском обслуживании.

Значительная работа проводилась органами социального обеспечения. Инвалидам войны назначалась пенсия, выплачивавшаяся вне зависимости от трудоустройства. Помимо этого, органами Наркомата социального обеспечения РСФСР велась дальнейшая работа по трудоустройству инвалидов и их трудоустройству. Создавались специальные производства, рассчитанные на применение труда инвалидов (например, в системе Всероссийского общества слепых), создавались специальные артели и кооперации инвалидов, имевшие серьезные государственные льготы. Активную помощь в трудоустройстве инвалидов оказывали партийные и советские органы разного уровня.

Согласно архивным материалам, инвалиды Отечественной войны, проживающие в городах, преимущественно работали на промышленных предприятиях, в учреждениях и артелях. В сельской местности значительная часть инвалидов Отечественной войны работала на руководящей административно-хозяйственной работе (председателями колхозов, селсоветов, бригад и т.д.)⁶².

Для обслуживания инвалидов, не имеющих, в силу разных причин, возможности получить требуемый уход в домашних условиях, была организована сеть интернатов и домов инвалидов. Так, уже в мае 1942 г. по территории Новосибирской области насчитывалось 8 таких учреждений общей вместимостью свыше 2 тыс. коек⁶³. В Омской области уже к ноябрю 1941 г. были открыты дома инвалидов в Тобольске и Пушкино на 300 мест⁶⁴. К 1 января 1944 г. количество домов инвалидов здесь выросло до пяти, при этом из-за большого количества свободных мест было принято решение два из них расформировать⁶⁵.

Необходимость в дальнейшем получении медицинской помощи привела к организации еще во время войны больниц восстановительной хирургии для инвалидов Отечественной войны. Так, в середине 1943 г. на базе эвакогоспиталя № 2493 была организована такая больница на 500 коек в Новосибирске, на базе госпиталя № 2482 – больница на 400 коек в Томске⁶⁶.

После войны сеть медицинских учреждений для инвалидов Великой Отечественной войны была существенно расширена за счет преобразования сети госпитальных учреждений. Так, в Новосибирской области госпиталями инвалидов Великой Отечественной войны стали госпитали № 1239, 1249, 1503, 2486, 3895.

История одного Человека. Анализ статистических данных и отчетных материалов имеет значительную познавательную ценность, но в тени цифр и канцелярских штампов легко потерять из виду главную цель этой деятельности – возрождение человека, потерявшего здоровье, для новой жизни. В качестве примера хотелось бы привести одну из бесчисленных историй людей, отдавших свое здоровье за счастье и жизнь других. Удивительным образом один из архивных документов совпал со сведениями совсем из другого источника, описывающего начало и конец этой истории⁶⁷.

9 сентября 1923 г. в городе Житомир родился мальчик по имени Мортко Мусман. В голодные 1930-е гг. его родители погибли. Мортко было всего 10 лет.

⁶² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 201. Л. 5–38. Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 256.

⁶³ ГАНО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.

⁶⁴ ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3100. Л. 165.

⁶⁵ Там же. Д. 4044. Л. 132.

⁶⁶ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 351. Л. 25.

⁶⁷ Биография М. Мусмана написана на основе сведений, собранных в рамках проекта «История в лицах» Ивановской областной специальной библиотеки для слепых: Виртуальная акция «История в лицах»: «Стрелок 191 краснознаменной дивизии» // Государственное бюджетное учреждение Ивановской области «Ивановская областная специальная библиотека для слепых» [Электронный ресурс]. URL: <https://iosbs.ru/novosti/virtualnaya-aksiya-istoriya-v-litsakh-strelok-191-krasnoznamyennyoy-divizii/> (дата обращения: 31.10.2024).

Мортко и его младшую сестру отправили в Житомирский детский дом им. Щорса. Здесь Мортко окончил семь классов, потом закончил механический техникум, выучившись на слесаря-инструментальщика.

После получения профессии Мортко с 1937 году работает на мотороремонтном заводе им. Сталина и мечтает выучиться на шофера.

В 1940 году его мечта сбывается и он трудится на автобазе фарфорового завода в городе Городница.

В 1941 году он уезжает в районный город Коростень, где живет его родной дядя, и работает на узловой железнодорожной станции. Вскоре к ним переезжает и младшая сестра.

В июле 1941 года Мусманов эвакуируют в г. Муром Владимирской области. Затем Мортко отправляют на Урал для участия в строительстве разъездов на станции Кама.

В мае 1942 года Мортко был призван в армию и направлен в Смоленское пехотное училище. После обучения Мортко Мусман был направлен на фронт, где участвовал в тяжелых боях на Волховском фронте.

11 декабря 1942 года в районе деревни Синявино Мортко был тяжело ранен в глаза и спину и эвакуирован для излечения в госпиталь № 351 (г. Казань), а затем в госпиталь № 1503 в г. Новосибирск.

Выписка из дневника пропагандиста эвакогоспиталя № 1503 о работе с военноослепшими:

В 27 палате нашего госпиталя лежал военноослепший Мотя Мусман. Это был хрупкий, болезненный с виду, очень нервный 22-х летний юноша. Очень вспыльчивый, грубый, матерщинник. Его боялись сестры, няни – когда он проходил, ругаясь и постукивая палкой по коридору, все разлеталось в разные стороны. Он очень плохо ел, ни с кем не разговаривал, ни с кем не дружил <...> но у него была одна особенность – он аккуратно посещал все политические мероприятия, лекции, политинформации. Когда я подошла к нему во время одного дебоша в столовой, он прогнал меня. Когда я пришла к нему в палату, он не стал со мной разговаривать, отвернулся к стенке. Но вот однажды я пригласила на лекцию – и Мусман встал и пошел <...> Вечером я зашла в палату. Он лежал на койке. Принесла газету, стала читать интересную статью. С ним не разговаривала. Когда он повернулся лицом к нам и стал слушать, я сказала: «Мы Вам не мешаем, Мусман, Вы ведь опять нервничали». «О нет, пожалуйста, – улыбнулся болезненно он. – Я очень люблю политинформации, лекции, газеты. Почитайте мне из “Комсомолки” – в жизни молодежи». – «Сейчас. А кем вы были до войны, Мусман?» – «А я слесарь вагонных ремонтных мастерских, монтажник-автогонщик. И вот, а сейчас [что] делать буду без глаз», – вскрикнул он. И точно не замечая этого вскрикивания, [я] читала статью, побеседовала еще с больными, и потом, обращаясь к нему, сказала: – «Об этом надо еще поговорить и подумать, Мусман». «И что мне делать. Сети плести – я освоил за три дня – надоело, щетки делать я научился делать в неделю, да у Вас нет щетины. Дайте мне материал, я Вам щеток наделаю на год. Читать по Брайлю я научился за месяц и уже арифметику начал, но бросил – не к чему».

«А вот это напрасно. Если Вы научитесь читать, это будет началом многого. Ведь все равно Вам нужно приобретать специальность. А вот, Мусман, а на баяне Вы не пробовали?». Он: – «Ну, – рассмеялся он, – еще не хватало – это легкий труд. Я работать хочу, понимаете – работать. Я и злой потому, что не работаю. Я привык тяжелую работу работать. Я ведь с детских лет по чужим людям, пока в детдом не попал».

«Ну нет, Мусман, Вы займитесь музыкой, у Вас большие музыкальные уши. Честное слово, Вы будете музыкантом». Он рассмеялся и стал совсем ребенком. «Гов. политрук, милая – это не интересно. Вот скажите мне, если я изучу грамоту Брайля, меня могут

принять в институт, я ведь 8-мь классов окончил?». «Конечно, надо только упорно работать».

<...> Я пришла на второй день, потом еще прикрепил к палате двух рабочих паренков Витю и Колю – комсомольцев. Веселые, забавные, они таскали «Мотечку» за собой везде и всюду. Он ругался с ними, но без них жить не мог. Он заставлял их ходить на лекции, политинформации. Он перестал материться. Когда оба они метеором пронеслись по коридору, таская его за собой, он не успевал даже злиться. <...>

Он подал заявление в Молотовский педагогический институт. Он уехал в институт, пишет письма. Он даже стал учиться на баяне, но мечтает быть лектором по окончании Молотовского института. Веселый и жизнерадостный, он не теряет надежды на хорошую жизнь.

ГАО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 192. Л. 255–255 об.

Цит. по: Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны... С. 190–192. Авторство не установлено.

Мортко Мусман учился в Новосибирске в музыкальной школе для военноослепших до ее закрытия в 1947 году. После этого курсантов школы, в том числе и Мортко Мусмана, перевели в аналогичную школу г. Иваново. Здесь он окончил музыкальную школу по классу баяна.

Устроился на работу в Ивановское УПП-2 ВОС, где проработал наборщиком щеток более 40 лет. Женился на ивановской девушке, неразлучно сопровождавшей его всю жизнь.

С большим желанием посещал занятия мужского хора и ансамбля баянистов Дома культуры ВОС. Был активным читателем Ивановской библиотеки для слепых. Работникам библиотеки он запомнился как очень скромный, умный и выдержанный человек.

Заключение. В целом в годы войны сложилась высокоэффективная система комплексной реабилитации раненных на фронте воинов.

Несмотря на отсутствие нормативно закреплённой единой программы деятельности по комплексной реабилитации раненных, в реальности осуществлялась системная работа, связывающая воедино самые разные элементы: от внедрения новых методов лечения до научно-популярных лекций. Преемственность, взаимосвязанность, разносторонность – основные черты комплексной системы реабилитации раненных в годы Великой Отечественной войны. Успех реализации этой системы строился на основе единого понимания общей цели – необходимости минимизировать последствия потери здоровья для человека.

В то же время данная система мероприятий сформировалась далеко не сразу. Меры медицинской реабилитации активно применялись с самого начала военных действий, и в ходе войны их развитие носило прежде всего количественный характер. Важность же мер по социальной адаптации была понята далеко не сразу и ее формы складывались непосредственно в ходе войны.

Реализация мероприятий по комплексной реабилитации раненных зачастую сталкивалась со сложностями: новизной поставленных задач, нехваткой ресурсов, формальным отношением и халатностью исполнителей, однако поступательное движение продолжалось в течение всей войны.

Системный характер работы по медицинской реабилитации и социальной адаптации позволил сотням тысяч инвалидов занять достойное место в обществе и прожить насыщенную жизнь.

Литература

Горелов Ю.П. Госпитали Западной Сибири и деятельность их персонала по спасению раненных в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. Кемерово, 1991. 25 с.

Гришина О.А. Организация социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.: на материалах Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2015. 27 с.

Дегтярева Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 23 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945: в 2 вып. М.: ИРИ РАН, 1994. Вып. 2. 143 с.

Ковалев А.С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 300 с.

Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Астрахань: Астраханский ун-т, 2013. 231 с.

Кусков С.А. Эвакогоспитали в Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны: 1939–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 29 с.

Любецкий А.Е. Государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 23 с.

Мануйлова Ю.Н. Социальная реабилитация инвалидов войны на Южном Урале: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 23 с.

Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / сост. И.Д. Клеткин, Т.Т. Маркова, В.Ф. Садовская, Г.М. Шлевко. Омск: Кн. изд-во, 1961. Т. 2. 304 с.

Орлова Е.А. Эвакогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 22 с.

Палецких Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.

Семенова Е.Н. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2021. 27 с.

Семенов М.А., Семенова Е.Н. Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: справочно-документальное издание. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 438 с.

Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / сост. М.И. Чугунов, А. П.Акаченко. Томск: Томское книжное издательство, 1962. 488 с.

Хаяров Д.Г. Фронтвики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни: 1945–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 27 с.

Хорохорина Г.А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941–1945 гг.: на материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 40 с.

Чистович А.С. Лечение сном. Из записок старого психиатра. М.: Родина, 2023. 240 с.

References

Chistovich, A.S. (2023). *Lechenie snom. Iz zapisok starogo psikhiatra* [Sleep Treatment. From the Notes of an Old Psychiatrist]. Moscow, Rodina. 240 p.

Chugunov, M.I., Akachenok, A.P. (Comp.). (1962). *Tomskaya gorodskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Tomsk City Party Organization during the Great Patriotic War]. Tomsk, Tomskoe knizhnoe izdatelstvo. 488 p.

Degtyareva, N.A. (2007). *Gospitali na Yuzhnom Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 gg.* [Hospitals in the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941–1945.], Cand. hist. sci. diss. abstract. Orenburg. 23 p.

Gorelov, Yu.P. (1991). *Gospitali Zapadnoy Sibiri i deyatelnost ikh personala po spaseniyu ranenyykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Hospitals of Western Siberia and

the Activities of Their Personnel to Rescue the Wounded during the Great Patriotic War (1941–1945)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 25 p.

Grishina, O.A. (2015). *Organizatsiya sotsialnogo obespecheniya invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny v 1941–1945 gg.: na materialakh Krasnodarskogo kraya* [Organization of Social Security for the Disabled of the Great Patriotic War in 1941–1945: Based on the Materials of the Krasnodar Territory], Cand. hist. sci. diss. abstract. Armavir. 27 p.

Khayarov, D.G. (2003). *Frontoviki v Zapadnoy Sibiri: adaptatsiya k mirnoy zhizni: 1945–1950 gg.* [Front-Line Soldiers in Western Siberia: Adaptation to Peaceful Life: 1945–1950], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 27 p.

Khorokhorina, G.A. (2005). *Politika gosudarstva v oblasti sotsialnogo obespecheniya i reabilitatsii invalidov voyny i truda v period 1941–1945 gg.: na materialakh RSFSR* [State Policy in the Field of Social Security and Rehabilitation of War and Labor Invalids in the Period 1941–1945: On the Materials of the RSFSR], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 40 p.

Kletkin, I.D., Markova, T.T., Sadovskaya, V.F., Shlevko, G.M. (Comp.). (1961). *Omskaya partiynaya organizatsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. V 2-kh chastyakh* [Omsk Party Organization during the Great Patriotic War of 1941–1945. In 2 Vol.]. Omsk, Omskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. 304 p.

Kovalev, A.S. (2023). *Gosudarstvennaya sotsialnaya politika i povsednevnyaya zhizn invalidov Krasnoyarskogo kraya v 1941–1945 gg.* [State Social Policy and Daily Life of Disabled People of the Krasnoyarsk Territory in 1941–1945]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 300 p.

Krasnozhenova, E.E. (2013). *Sotsialnaya politika sovetskogo gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [The Social Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet. 231 p.

Kuskov, S.A. (2010). *Evakogospitali v Chelyabinskoy oblasti nakanune i v period Velikoy Otechestvennoy voyny: 1939–1945* [Hospitals in the Chelyabinsk Region on the Eve and during the Great Patriotic War: 1939–1945], Cand. hist. sci. diss. abstract. Chelyabinsk. 29 p.

Lyubetsky, A.E. (2006). *Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k semyam voennosluzhashchikh na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [State Policy Towards Military Families in the Urals during the Great Patriotic War], Cand. hist. sci. diss. abstract. Chelyabinsk. 23 p.

Manuilova, Yu. N. (2002). *Sotsialnaya reabilitatsiya invalidov voyny na Yuzhnom Urale: 1941–1945 gg.* [Social Rehabilitation of War Invalids in the Southern Urals: 1941–1945], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kurgan. 23 p.

Orlova, E.A. (2007). *Evakogospitali Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945* [Hospitals of Kuzbass during the Great Patriotic War: 1941–1945], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 22 p.

Paletskikh, N.P. (2007). *Sotsialnye resursy i sotsialnaya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social Resources and Social Policy in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy agroinzhenernyy universitet. 167 p.

Semenov, M.A., Semenova, E.N. (2021). *Gospitali Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: spravochno-dokumentalnoe izdanie* [Hospitals of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War: A Reference and Documentary Publication]. Novosibirsk, IPTs NGU. 438 p.

Semenova, E.N. (2021). *Realizatsiya gosudarstvennoy politiki po otnosheniyu k semyam voennosluzhashchikh v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 gg.* [Implementation of State Policy in Relation to Military Families in Western Siberia during the Great Patriotic War: 1941–1945], Cand. hist. sci. diss. abstract. Omsk. 27 p.

Zinich, M.S. (1994). *Budni voennogo likholetya, 1941–1945. V 2-kh chastyakh* [The Everyday Life of the War Years, 1941–1945. In 2 Vol.]. Moscow, IRI RAN. Vol. 2. 143 p.

А.Д. Дерендяева*

СПЕЦИФИКА ПОСЛЕВОЕННОЙ АДАПТАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ССР (1945–1950-Е ГОДЫ)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-6
УДК 94(100)“1939/45”

Выходные данные для цитирования:
Дерендяева А.Д. Специфика послевоенной адаптации населения Казахской ССР (1945–1950-е годы) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 81–89.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-06.pdf>

A.D. Derendyaeva*

THE SPECIFICS OF ADAPTATION AFTER
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF THE POPULATION
OF THE KAZAKH SSR (1945–1950S)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-6

How to cite:
Derendyaeva A.D. The Specifics of Adaptation after the Great Patriotic War of the Population of the Kazakh SSR (1945–1950s) // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 81–89. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-06.pdf>]

Abstract. The article examines the processes of adaptation of individual local communities to the conditions of civilian life after the end of the Great Patriotic War. Using the example of the Kazakh people, it is shown that the rehabilitation processes in the Kazakh SSR took place with their own characteristics: on the one hand, the republic was in a rather difficult socio-economic situation, on the other hand, various peoples from all over the state were massively resettled to these territories. This situation not only led to interethnic and interfaith contradictions, but also complicated the processes of adaptation to a peaceful society. Despite the fact that the Kazakhs were provided with various forms of socio-economic (pensions, benefits, medical care, assistance with employment and education, etc.) and socio-psychological support (support from society, the creation of various organizations, obtaining titles, etc.), returning to a state of “normal life” turned out to be quite difficult. Such categories of citizens as war invalids, women and children turned out to be especially vulnerable. Many found themselves in a dichotomous position, since the end of the war, which they had been waiting for, did not bring satisfaction, but on the contrary led to the loss of their previous statuses (“victorious heroes”, “women soldiers”, “children waiting for their parents to return from the front”, etc.).

Keywords: socio-economic adaptation, socio-psychological adaptation, local communities, Kazakh people, Great Patriotic War, Kazakh SSR.

The article has been received by the editor on 30.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Анна Дмитриевна Дерендяева, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Anna Dmitrievna Derendyaeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках реализации Программы развития Алтайского государственного университета на 2021–2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Процессы конструирования идентичности в локальных сообществах макрорегиона «Большой Алтай»: роль историко-культурного наследия (на примере казахов Алтайского края и Республики Алтай)».

The article was prepared as part of the implementation of the Development Program of Altai State University for 2021–2030 as part of the implementation of the strategic academic leadership program “Priority 2030”, the project “Processes of Identity Construction in Local Communities of the Macro-Region “Great Altai”: The Role of Historical and Cultural Heritage (Using the Example of the Kazakhs Altai Territory and the Altai Republic)”.

Аннотация. В статье рассматриваются процессы адаптации отдельных социальных групп Казахской ССР к условиям гражданской жизни после окончания Великой Отечественной войны. На их примере показано, что процессы реабилитации проходили в Казахской ССР со своими особенностями: с одной стороны, республика находилась в довольно тяжелом социально-экономическом положении, с другой – на ее территории массово переселяли в принудительном порядке целые народы. Такая ситуация не только приводила к межнациональным и межконфессиональным противоречиям, но и затрудняла процессы адаптации к мирной жизни. Несмотря на то, что казахам оказывались различные формы социально-экономической (пенсии, льготы, медицинское обслуживание, помощь с трудоустройством и обучением и др.) и социально-психологической поддержки (поддержка обществом, создание различных организаций, получение почетных званий и т.д.), вернуться в состояние «нормальной жизни» оказалось довольно непросто. Особенно уязвимыми оказались такие категории граждан, как инвалиды, «дети войны» и женщины. Многие переживали тяжелый социальный и психологический кризис, поскольку долгожданное окончание войны принесло не только удовлетворение, но и привело к утрате прежних статусов, таких как «герои-победители», «женщины-военные», «дети, ждавшие родителей с фронта» и т.д.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация, социально-психологическая адаптация, локальные сообщества, казахский народ, Великая Отечественная война, Казахская ССР.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Великая Отечественная война придала новое измерение и понимание смыслу и содержанию человеческой жизни. Однако окончание военных действий не означало, что все вернется на свои места, особенно для тех, кто лично оказался на фронте. Абсолютно для всего общества война стала масштабным социальным потрясением, а пребывание человека в экстраординарных условиях фронтовой, оккупационной и тыловой повседневности наложило отпечаток не только на физическое состояние, но и на духовные установки. Еще во время боевых действий многие бойцы писали, что «...мы сильно изменились, все надоело...», «...Память стирала детали быта, путались даты...»¹. Безусловно, сформированные за годы войны навыки, черты характера и особенности поведения, такие как склонность к риску, принятие самостоятельных решений, а порой и высокий уровень жестокости, далеко не всегда являлись востребованными в мирное время. Люди, вернувшиеся с фронта, испытывали глубокие внутренние противоречия между «героизацией народа-победителя» и своим реальным статусом – статусом вчерашних фронтовиков.

Кроме объективных трудностей адаптации (нехватка образования, отсутствие профессиональных навыков, а порой и отсутствие жилья и т.д.), свою роль играло психологическое состояние комбатантов. В целом военное поколение столкнулось с довольно большим количеством психических девиаций, которые в современной психологии обозначают категорией «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР)². При этом статистики, в которой бы велся учет тех, чье психическое здоровье пострадало от войны, не велось.

В советское время историография военного периода в основном затрагивала общие вопросы, а исследования, касающиеся отдельных территорий, порой носили характер «лакировки» действительности³. Постсоветский период ознаменовался попытками отечественных историков изучить особенности участия отдельных республик и проживающих в них

¹ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Время войны: особенности восприятия и переживания (на материалах писем и воспоминаний фронтовиков) // Былые годы. 2010. № 2 (16). С. 42.

² Чуркин М.К. «Помнить нельзя забыть»: Великая Отечественная война 1941–1945 годов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 57.

народов в Великой Отечественной войне (Л.М. Гиниатуллина⁴, А.Ш. Кабирова⁵, Е.Л. Стрельченко⁶ и др.). Тем не менее проблемы, касающиеся адаптации демобилизованных, освещались довольно редко. В результате актуальным становится изучение процессов перехода отдельных народов к условиям мирной жизни после Великой Отечественной войны. Особый интерес вызывает население Казахской ССР, которое внесло свой значительный вклад в победу.

Особенности участия казахов в боевых действиях довольно часто рассматриваются в трудах как российских, так и зарубежных исследователей (К.С. Алдажуманов⁷, Т.Б. Балакаев⁸, П.С. Белан и М.К. Козыбаев⁹ и др.). Вместе с тем вопросы, касающиеся адаптации казахов к мирной жизни, изучены недостаточно. Специфика адаптационных процессов в Казахской ССР задается тем, что в это же время на территорию республики осуществлялась массовая депортация различных народов («спецпереселенцы»)¹⁰. В результате в послевоенный период демобилизованные и спецпереселенцы оказались наиболее уязвимыми социальными группами: они не только должны были интегрироваться в «мирное общество», но и адаптироваться к новым статусам. Проблемы адаптации и процессы интеграции казахов с другими народами изучались в работах Л.Н. Игнатъевой¹¹, З.С. Исакиевой¹², Л.К. Шотбаковой¹³ и др.

Казахская ССР была одной из важных тыловых баз СССР, обладавшая значительным людским потенциалом. Уже в первый год военных действий около пятидесяти тысяч коммунистов вступили в ряды Советской Армии¹⁴, в целом же в рядах Красной армии оказалось почти два миллиона казахов. Уже в 1941 г. в городах Казахстана были сформированы первые воинские соединения, такие как 316-я и 991-я стрелковая дивизия, чуть позже – 100-я стрелковая бригада и др. Всего за годы войны было сформировано 12 стрелковых, 4 кавалерийские дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов¹⁵. Кроме того, казахи активно участвовали в партизанском движении. Около 500 казахов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе М. Маметова, А. Молдагулова, Т. Тохтаров, К. Спатаев и др.

³ Асанова С.А. Специфика поведенческой мотивации воинов казахских национальных формирований в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 16. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-02.pdf> (дата обращения: 24.08.2024).

⁴ Гиниатуллина Л.М. Адаптация демобилизованных воинов и проблема их трудоустройства в БАССР в первые послевоенные годы // Общество: философия, история, культура. История и археология. 2020. № 9 (77). С. 113–117.

⁵ Кабирова А.Ш. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник: научный журнал. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 173–177.

⁶ Стрельченко Е.Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943–1956 гг.) // Научные публикации исторического факультета. 2012. Вып. 7. С. 108–121.

⁷ Алдажуманов К.С., Шилдебай С.К., Асанова С.А. Из истории Казахстана военного времени (1941–1945) // Edu.e-history.kz. 2020. № 4 (24). С. 17–31.

⁸ Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 113–114.

⁹ Козыбаев М.К., Белан П.С. Казахстанская историография Великой Победы: аналитический обзор. Алма-Ата, 1991. С. 4.

¹⁰ Калыбекова М.Ч. Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 99.

¹¹ Игнатъева Л.Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. С. 38–40.

¹² Исакиева З.С. К вопросу о депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный научно-исследовательский журнал. История и археология. 2021. № 7 (109). Часть 4. Июль. С. 172–176.

¹³ Шотбакова Л.К. Депортация народов Кавказа и Казахстан: история и проблемы реабилитации // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. 2022. № 1. С. 170–180.

¹⁴ Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: сб. док-тов и мат-лов в 2 т. Алма-Ата, 1964. Т. 1: Июнь 1941–1943 гг. С. 5.

¹⁵ «Одна на всех победа»: вклад казахского народа в Великую победу // Информационный портал о дружбе народов «Все мы – Россия!». 05.05.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/odna-na-vsekh-pobeda-vklad-kazakhskogo-naroda-v-velikuyu-pobedu/> (дата обращения: 21.08.2024).

Социально-экономическая адаптация комбатантов в Казахской ССР: от нехватки протезов до проблем с трудоустройством и обучением. Послевоенные годы в социально-экономическом плане оказались для Казахской ССР, так же как и для других союзных республик, довольно сложными. Вместе с тем документы свидетельствуют, что помощь семьям фронтовиков была одним из приоритетных направлений деятельности органов власти. Так, в 1944 г. руководство колхоза «Передовик» Осокаровского района Карагандинской области передало из артельного фонда семьям фронтовиков муку, мясо, спирт, ткань и другие товары. Такие случаи оказания помощи не были разовыми, они проходили на постоянной основе. Кроме того, с момента начала военных действий оказывалась поддержка детям фронтовиков, которая была продолжена и после завершения войны¹⁶. Начиная с 1944–1945 гг. на территории Казахской ССР была обеспечена выплата стипендии для детей, которые хорошо обучались. Также был открыт детский оздоровительный центр, предоставлялись учебные материалы и даже одежда с обувью. Кроме того, во многих эго-источниках фронтовиков отмечалась благодарность за заботу о семьях. Примером может послужить письмо казахского солдата в 1944 г. в газету «Прииртышская правда»: «...спокоен за свою семью»¹⁷.

В ходе демобилизации за 1945 г. на территорию Казахской ССР вернулось свыше 100 тыс. чел., а к январю 1947 г. количество демобилизованных солдат и офицеров увеличилось почти вдвое. Безусловно, победа в войне принесла огромную радость, уже 9 мая состоялись многолюдные митинги, наполненные аплодисментами и «...слезами радости на глазах...». Над аулами были вывешены красные флаги¹⁸.

В конце мая 1945 г. было опубликовано выступление Наркома обороны СССР, в котором говорилось о необходимости всевозможной заботы об инвалидах войны¹⁹. При этом расходы государственного бюджета Казахской ССР на дело социального обеспечения выросли в 1945 г. по сравнению с предыдущими годами в четыре раза. Органы Наркомсобеса республики занимались вопросами трудоустройства, обучения и обеспечения пенсиями фронтовиков. Особого отношения требовали инвалиды войны, многие из них были трудоустроены в различные отрасли народного хозяйства.

Также оказывались и другие виды социальной помощи: для фронтовиков были созданы специальные магазины и даже гостиницы, многие из демобилизованных были отправлены на курортное лечение. Народный комиссар социального обеспечения Казахской ССР О. Елюбаев отмечал, что своевременная доставка пенсии инвалидам Отечественной войны является для органов собеса «делом чести». Социальную заботу о демобилизованных проявляли также городские Советы, дома фронтовиков должны были быть отремонтированы и полностью обеспечены электроосвещением.

Несмотря на то, что государством была предусмотрена определенная социально-экономическая помощь бывшим фронтовикам, реальные условия часто не соответствовали декларациям. Особенно это проявлялось в сельских районах Казахской ССР, где демобилизованных проживало гораздо больше. Так, например, в архивных документах так описана работа Актюбинского горсобеса: «из-за нечеткой работы <...> имели место случаи недоплаты пенсии и пособия фронтовикам... со стороны работников допускается грубость в обращении с инвалидами войны»²⁰. Кроме того, отмечается слабая организация трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны, в то время как «массовые разъяснительные работы с горсобесами проводились крайне редко»²¹. Действительно, многие районные отделения социального обеспечения Казахской ССР не выполняли планы по трудоустройству и производственному обучению инвалидов. Так, например, имеются

¹⁶ Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Сб. документов и материалов в 2 т. Алма-Ата, 1967. Т. 2: 1944–1945 гг. С. 350.

¹⁷ Там же. С. 402.

¹⁸ Там же. С. 443.

¹⁹ Там же. С. 444.

²⁰ Государственный архив Актюбинской области (ГААО) Ф. 14. Оп. 1. Д. 1433.

²¹ ГААО. Ф. 13. Оп. 16. Д. 34.

данные, что по Джунусскому району план был выполнен лишь наполовину, по Мартукскому – на 70 %, Родниковскому – на 60 %, Темирскому – на 78 %, Челкарскому – на 65 %²². Помимо этого, в архивных документах упоминаются случаи незаконного увольнения инвалидов войны.

Медицинское облуживание участников боевых действий также оставляло желать лучшего: отмечается, что в Казахской ССР не хватало врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК), ортопедических изделий, вопросы протезирования инвалидов войны также решались с трудом или вовсе не решались²³. В целом, несмотря на оказание различных форм социально-экономической поддержки, существовали довольно серьезные проблемы, мешавшие участникам войны адаптироваться к мирному обществу.

Социально-психологическая адаптация демобилизованных, «детей войны» и женщин в Казахской ССР. Проблема послевоенной социально-психологической адаптации оказалась гораздо сложнее, чем решение бытовых проблем. Советская система здравоохранения не уделяла должного внимания таким явлениям, как посттравматическое стрессовое расстройство, от которого страдали многие демобилизованные. Во многом такая ситуация была связана с тем, что участники боевых действий представляли преимущественно в образе героев-победителей, в то время как военные травмы часто интерпретировались как проявление личной слабости. Многие комбатанты не понимали, что им нужна психологическая помощь. Впрочем, во многих союзных республиках, не только в Казахской ССР, такая помощь учреждениями здравоохранения не оказывалась. В результате большую роль в деле психологической адаптации играло окружение демобилизованных. Однако далеко не все фронтовики после возвращения нашли свои семьи, поскольку место имели демографические потери, связанные как с голодом во время войны, так и непосредственно с самими военными действиями. Так, за период Великой Отечественной войны произошло существенное сокращение населения в Западном Казахстане²⁴. Стоит отметить, что даже спустя годы многие бывшие фронтовики не любили вспоминать военное время и скупой делились своими воспоминаниями. Так, по словам детей фронтовика З. Байжасарова, «отец с трудом мог рассказать о своей службе... все это давалось ему очень нелегко»²⁵.

Кроме комбатантов, особой социальной категорией, перед которой остро стоял вопрос адаптации, оказались «дети войны», которые также испытали немало проблем как в военный, так и в послевоенный периоды. Помимо того, что у детей фактически не было нормального детства, с самых ранних лет многие из них должны были становиться рабочей силой, учиться получалось далеко не всегда. Так, М. Дуйсенулы к началу войны был школьником. В своих воспоминаниях он отмечал, что это были «тяжелые времена... родители погибли и мы со старшим братом попали в детдом». У. Бекмухамбетов подчеркивал, что «за весь день давали только воду... новорожденные оставались без материнского вскармливания, женщины оставляли детей ради спасения раненых». А. Сарбаева пишет о том, что «все мы выжившие остались без отцов, стали сиротами». При этом мечта у «детей войны» была одна: поскорей бы все закончилось²⁶. Однако с окончанием войны ситуация для детей, особенно сирот, оставалась тяжелой, многие из них тяжело болели дизентерией, дифтерией, коклюшем, чесоткой и т.д. Сироты порой поступали в детские учреждения без документов,

²² ГААО. Ф. 13. Оп. 16. Д. 34.

²³ Мухамбетгалиева А.К. Проблемы адаптации фронтовиков к мирной жизни в Казахстане в послевоенные годы (по материалам Актюбинской области) // Обмен знаниями как ключевое условие научного прогресса: сб. науч. тр. Казань, 2021. С. 105.

²⁴ Сарсенов А.С., Кайргалиева Г.К., Алипова Д.Ж. Западный Казахстан в годы Великой Отечественной войны: население, миграция, эвакуация // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. 2022. № 4 (67). С. 28–29.

²⁵ Коньров Б., Миржекеева А. Назло смерти или Невероятная история солдата из Казахстана // Информационный портал Sputnik. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://vid1.ria.ru/ig/infografika/kafidov/Sputnik/kaz/veteranru_1/page780005.html (дата обращения: 28.07.2024).

²⁶ Дети войны. Истории из жизни казахстанцев // Tengrinews.kz. 9 мая 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrinews.kz/mixnews/deti-voynyi-istorii-iz-jizni-kazahstantsev-343845/> (дата обращения: 27.08.2024).

никто не знал их имен²⁷. Таким образом, многие дети Казахской ССР, впрочем, как и по всей стране, рано повзрослели и были вынуждены учиться выживать в новых условиях.

Другая социально незащищенная категория граждан – женщины, также оказалась не готова к переходу из военного в послевоенное устройство. Многие женщины Казахской ССР оставались без своих мужей, сыновей, братьев²⁸. К слову, были и те, кто участвовал в боевых действиях: Х.К. Доспанова, Х.Е. Маманова, М.Ж. Маметова, Г.М. Рахметова и др. Положение женщин-фронтовиков в мирное время было особенно уязвимым, в отличие от мужчин их не всегда награждали орденами и медалями, не давали почетных званий, а иногда и вовсе не оказывали никакой поддержки²⁹.

Помимо перечисленных проблем, свое влияние на социально-психологическую адаптацию к послевоенному обществу оказывали межэтнические отношения, в первую очередь отношения между народами, депортированными на территорию Казахской ССР и казахским населением. В воспоминаниях казахов отмечается, что «жили плохо не только те, что приехали, жили и местные плохо»³⁰. Тем не менее казахи, как правило, с уважением относились к переселенцам, старались помогать им обустроиться на новом месте.

Заключение. Процессы адаптации как участников Великой Отечественной войны, так и гражданского населения к условиям мирной жизни проходили довольно непросто во всем советском государстве. При этом адаптация казахского населения имела свои особенности. Во-первых, население Казахской ССР находилось в довольно тяжелом социально-экономическом положении, которое было обусловлено не только войной, но и голодом 1930-х гг. Кроме того, территория республики стала местом для расселения депортированных народов, также являвшихся потребителем материальных ресурсов. Однако данных ресурсов порой не хватало даже для социально уязвимых категорий, таких как инвалиды войны, женщины-вдовы, дети-сироты. Несмотря на различные формы поддержки со стороны государства – пенсии, медицинскую помощь, льготы семьям фронтовиков, трудоустройство, обучение инвалидов и т.д. – существовали довольно серьезные проблемы с тем, что данная помощь оказывалась далеко не повсеместно или задерживалась на долгое время. Наиболее проблемной оказалась социально-психологическая адаптация бывших фронтовиков к гражданской жизни. Особенно остро проблема стояла для инвалидов, которые зачастую оказывались в статусе маргиналов и не чувствовали себя нужными для общества. Аналогичные проблемы испытывала также часть женщин-комбатантов и «детей войны». История адаптации казахского населения к мирной жизни является важной частью памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане.

Литература

Алдажуманов К.С., Шилдебай С.К., Асанова С.А. Из истории Казахстана военного времени (1941–1945) // Edu.e-history.kz. 2020. № 4 (24). С. 17–31.

Асанова С.А. Специфика поведенческой мотивации воинов казахских национальных формирований в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 12–27. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-02.pdf> (дата обращения: 24.08.2024).

²⁷ «Я буду оберегать его как самое дорогое». Как растили осиротевших в ВОВ детей в Советском Казахстане // Tengrinews.kz. 01.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrinews.kz/mixnews/ya-budu-oberegat-kak-samoe-dorogoe-rastili-osirotevshih-vov-400747/> (дата обращения: 27.08.2024).

²⁸ Сактаганова З.Г. К вопросу об участии женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 32–40. [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-04.pdf> (дата обращения: 26.07.2024).

²⁹ Сулейменов А. Женщины-воины Казахстана // Qazaqstan Tarihi порталы. 26.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/5319> (дата обращения: 27.08.2024).

³⁰ Сактаганова З.Г. Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане // Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2019. № 5 (2). С. 240.

Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана: сборник статей. Алма-Ата, 1989. С. 113–141.

Гиниатуллина Л.М. Адаптация демобилизованных воинов и проблема их трудоустройства в БАСССР в первые послевоенные годы // Общество: философия, история, культура. История и археология. 2020. № 9 (77). С. 113–117.

Игнатьева Л.Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. С. 38–40.

Исакиева З.С. К вопросу о депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный научно-исследовательский журнал. История и археология. 2021. № 7 (109). Ч. 4. Июль. С. 172–176.

Кабилова А.Ш. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник: научный журнал. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 173–177.

Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: сб. док-тов и мат-лов в 2 т. Т. 2: 1944–1945 гг. / под общ. ред. М. Габдуллина, М. Джангалина. Алма-Ата, 1967. 530 с.

Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: сб. док-тов и мат-лов в 2 т.: Т. 1: Июнь 1941–1943 гг. / под общ. ред. М. Габдуллина, М. Джангалина. Алма-Ата, 1964. 600 с.

Калыбекова М.Ч. Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 98–101.

Козыбаев М.К., Белан П.С. Казахстанская историография Великой Победы: научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1991. 55 с.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Время войны: особенности восприятия и переживания (на материалах писем и воспоминаний фронтовиков) // Былые годы. 2010. № 2 (16). С. 38–48.

Мухамбетгалиева А.К. Проблемы адаптации фронтовиков к мирной жизни в Казахстане в послевоенные годы (по материалам Актюбинской области) // Обмен знаниями как ключевое условие научного прогресса: сб. науч. тр. Казань, 2021. С. 101–106.

Сактаганова З.Г. Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане // Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2019. № 5 (2). С. 233–247.

Сактаганова З.Г. К вопросу об участии женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 32–40. [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-04.pdf> (дата обращения: 26.07.2024).

Сарсенов А.С., Кайргалиева Г.К., Алипова Д.Ж. Западный Казахстан в годы Великой Отечественной войны: население, миграция, эвакуация // Вестник Атырауского университета им. Х. Досмухамедова. 2022. № 4 (67). С. 26–38.

Стрельченко Е.Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943–1956 гг.) // Научные публикации исторического факультета. 2012. Вып. 7. С. 108–121.

Чуркин М.К. «Помнить нельзя забыть»: Великая Отечественная война 1941–1945 годов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 55–61.

Шотбакова Л.К. Депортация народов Кавказа и Казахстан: история и проблемы реабилитации // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. 2022. № 1. С. 170–180.

References

Aldazhumanov, K.S., Shildebay, S.K., Asanova, S.A. (2020). Iz istorii Kazakhstana voennogo vremeni (1941–1945) [From the History of Kazakhstan during Wartime (1941–1945)]. In *Edu.e-history.kz*. No. 4 (24), pp. 17–31.

Asanova, S.A. (2020). Spetsifika povedencheskoy motivatsii voynov kazakhskikh natsional'nykh formirovaniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Specifics of Behavioral Motivation of Soldiers of Kazakh National Formations during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (11), pp. 12–27. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-02.pdf> (date of access 24.08.2024).

Balakaev, T.B., Aldazhumanov, K.S. (1989). Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Historiography of Kazakhstan during the Great Patriotic War]. In *Aktual'nye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana: sbornik statey*. Alma-Ata, pp. 113–141.

Churkin, M.K. (2020). “Pomnit nelzya zabyt’”: Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov [“Remembering Cannot be Forgotten”: The Great Patriotic War of 1941–1945]. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. No. 2 (27), pp. 55–61.

Gabdullin, M., Dzhangalin, M. (Eds.). (1964). *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz 1941–1945* [Kazakhstan during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Sbornik dokumentov i materialov v 2 tomakh: Tom 1: Iyun 1941–1943 gg. Alma-Ata. 600 p.

Gabdullin, M., Dzhangalin, M. (Eds.). (1967). *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz 1941–1945* [Kazakhstan during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Sb. dokumentov i materialov v 2 tomakh. Tom 2: 1944–1945 gg. Alma-Ata. 530 p.

Giniatullina, L.M. (2020). Adaptatsiya demobilizovannykh voynov i problema ikh trudoustroystva v BASSR v pervye poslevoennye gody [Adaptation of Demobilized Soldiers and the Problem of Their Employment in the Bashkir ASSR in the First Post-War Years]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. Istoriya i arkheologiya*. No. 9 (77), pp. 113–117.

Ignat'eva, L.N. (2005). Migratsionnye protsessy v Kazakhskoy SSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Migration Processes in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 38–40.

Isakieva, Z.S. (2021). K voprosu o deportatsii narodov SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of the Deportation of the Peoples of the USSR during the Great Patriotic War]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. Istoriya i arkheologiya*. No. 7 (109), Part. 4, Iyul, pp. 172–176.

Kabirova, A.Sh. (2017). Sotsial'naya adaptatsiya i trudoustroystvo invalidov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Tatarskoy ASSR) [Social Adaptation and Employment of Disabled People during the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Tatar ASSR)]. In *Samarskiy nauchnyy vestnik: nauchnyy zhurnal*. Vol. 6, No. 2 (19), pp. 173–177.

Kalybekova, M.Ch. (2015). Deportatsiya narodov v Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Deportation of Peoples to Kazakhstan during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 22, No. 1, pp. 98–101.

Kozybaev, M.K., Belan, P.S. (1991). *Kazakhstanskaya istoriografiya Velikoy Pobedy: nauchno-analiticheskiy obzor* [Kazakhstan Historiography of the Great Victory: Scientific and Analytical Review]. Alma-Ata. 55 p.

Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G. (2010). Vremya voyny: osobennosti vospriyatiya i perezhivaniya (na materialakh pisem i vospominaniy frontovikov) [War Time: Features of Perception and Experience (Based on Letters and Memories of Front-Line Soldiers)]. In *Bylye gody*. No. 2 (16), pp. 38–48.

Mukhambetgalieva, A.K. (2021). Problemy adaptatsii frontovikov k mirnoy zhizni v Kazakhstane v poslevoennye gody (po materialam Aktyubinskoy oblasti) [Problems of Adaptation of Front-Line Soldiers to Peaceful Life in Kazakhstan in the Post-War Years (Based on Materials from

the Aktobe Region)]. In *Obmen znaniyami kak klyuchevoe uslovie nauchnogo progressa: sbornik nauchnykh trudov*. Pp. 101–106.

Saktaganova, Z.G. (2019). Fragmenty vospominaniy deportirovannykh zhenshhin: adaptatsiya i zhizn v Kazakhstane [Fragments of Memories of Deported Women: Adaptation and Life in Kazakhstan]. In *Mir Bolshogo Altaya – World of Great Altay*. No. 5 (2), pp. 233–247.

Saktaganova, Z.G. (2021). K voprosu ob uchastii zhenshhin Kazakhstana na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of the Participation of Women of Kazakhstan on the Fronts of the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (17). pp. 32–40. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-04.pdf> (date of access 26.07.2024).

Sarsenov, A.S., Kayrgalieva, G.K., Alipova, D.Zh. (2022). Zapadnyy Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: naselenie, migratsiya, evakuatsiya [Western Kazakhstan during the Great Patriotic War: Population, Migration, Evacuation]. In *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Kh. Dosmukhamedova*. No. 4 (67), pp. 26–38.

Shotbakova, L.K. (2022). Deportatsiya narodov Kavkaza i Kazakhstan: istoriya i problemy reabilitatsii [Deportation of the Peoples of the Caucasus and Kazakhstan: History and Problems of Rehabilitation]. In *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*. No. 1, pp. 170–180.

Strelchenko, E.L. (2012). Sotsialnaya adaptatsiya invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny v BSSR (1943–1956 gg.) [Social Adaptation of Disabled Veterans of the Great Patriotic War in the BSSR (1943–1956)]. In *Nauchnye publikatsii istoricheskogo fakulteta*. Iss. 7, pp. 108–121.

Н.М. Маркдорф*

ДЕТИ ВОЙНЫ: ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ, МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ, КАДРОВАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ В ДЕТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ И ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЗБАССА В 1940–1950-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-7
УДК 94(47)*Выходные данные для цитирования:**Маркдорф Н.М. Дети войны: заболеваемость, медицинская помощь, кадровая обеспеченность в детских социальных, воспитательных и лечебных учреждениях Кузбасса в 1940–1950-е годы // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 90–106. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-07.pdf>*

N.M. Markdorf

CHILDREN OF WAR: MORBIDITY, MMEDICAL CARE, STAFFING IN CHILDREN'S SOCIAL, EDUCATIONAL, AND MEDICAL INSTITUTIONS OF KUZBASS IN THE 1940S–1950S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-7

*How to cite:**Markdorf N.M. Children of War: Morbidity, Mmedical Care, Staffing in Children's Social, Educational, and Medical Institutions of Kuzbass in the 1940s–1950s // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 90–106. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-07.pdf>]*

Abstract. The article describes the state of medical care for children during the war and post-war years. The article examines the morbidity and mortality rates of children in Kuzbass, including minors in children's social, educational (children's reception and distribution centers), social (orphanages and children's homes) institutions. The article identifies and describes the problems of providing pediatricians and shows solutions to overcome the shortage of personnel by local authorities. The author notes that during the war and throughout the post-war twenty years, the level of childhood morbidity was high and required constant and decisive measures from local party and health authorities to protect the health of children. As a result, there was a decrease in morbidity and mortality. By the end of the 1950s, many types of infectious diseases were eliminated. A system for the prevention, warning, and diagnosis of many childhood diseases was developed. However, it was not possible to completely solve the problem of the shortage of pediatricians in children's social (orphanages, children's reception centers, children's homes) and medical institutions (hospitals, clinics, children's areas) of Kuzbass by the end of the 1950s. The reasons were the outflow of doctors to other regions of the country. Medical universities could not fully provide the region with doctors. The article is based on documentary materials from the archives of the Kemerovo and Novosibirsk regions.

Keywords: development of children's healthcare, medical care for children, pediatrics, morbidity, homeless and neglected children and adolescents, orphanage, children's reception and distribution center, medical personnel, Kemerovo region, Kuzbass.

* **Наталья Михайловна Маркдорф**, доктор исторических наук, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: nmmark@mail.ru
Natalia Mikhailovna Markdorf, Doctor of Historical Sciences, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmmark@mail.ru

** Автор выражает глубокую признательность директору Л.Ю. Сапуриной и сотрудникам Государственного архива Кузбасса, оказавшим помощь в подборе материала.
The author expresses deep gratitude to the director L.Yu. Sapurina and the employees of the State Archives of Kuzbass who assisted in the selection of material.

The article has been received by the editor on 17.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дана характеристика состояния медицинской помощи детям одного из крупнейших сибирских регионов в военные и послевоенные годы. Исследованы вопросы заболеваемости и смертности детского населения Кузбасса, в том числе среди несовершеннолетних, находившихся в детских воспитательных (детских приемниках-распределителях), социальных (детских домах и домах ребенка) учреждениях. Выявлены и охарактеризованы проблемы обеспеченности врачами-педиатрами, показаны пути решения преодоления кадрового дефицита местными органами власти. Автор констатирует, что в военные годы и на протяжении послевоенного двадцатилетия уровень детской заболеваемости был высоким и требовал от местных органов власти и здравоохранения постоянных и решительных мер, направленных на охрану детского здоровья. Как результат, происходило снижение заболеваемости и смертности. К концу 1950-х гг. были изжиты многие виды инфекционных болезней, разработана система диагностики, профилактики и предупреждения многих детских болезней. Однако окончательно решить проблему дефицита врачей-педиатров в детских социальных (детских домах, детприемниках, домах-ребенка) и лечебных учреждениях (стационарах, поликлиниках, детских участках) Кузбасса до конца 1950-х гг. так и не удалось. Причиной являлся отток медиков в другие регионы страны, в то время как медицинские вузы не могли в полной мере обеспечить область врачами. Статья написана на основе документальных источников, выявленных автором в архивах Кемеровской и Новосибирской областей.

Ключевые слова: развитие детского здравоохранения, медицинская помощь детям, педиатрия, заболеваемость, беспризорные и безнадзорные дети и подростки, детский дом, детский приемник-распределитель, дом ребенка, медицинские кадры, Кемеровская область, Кузбасс.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024 г.

Дети войны – это не только те, кто родился в годы военного лихолетья, но и те, чье взросление пришлось на трудное послевоенное время. Судьба юного послевоенного поколения во многом зависела от социально-экономической ситуации, складывавшейся на протяжении 1945–1960 гг. Развитие советской педиатрии происходило в сложных условиях и было обусловлено как государственной политикой, так и теми мерами, которые предпринимались на местах в различных регионах страны, в том числе не затронутых военными действиями, таких как Кузбасс.

Призыв медиков на фронт, создание в Кемеровской области большого количества госпиталей для советских раненых бойцов, высокий уровень заболеваемости и неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка, нерешенность жилищных вопросов населения, высокий уровень беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, сокращение сети детских лечебных учреждений породили кадровый голод среди медицинских работников, а особенно среди детских врачей. Вопросы здравоохранения, в том числе санитарно-эпидемиологической обстановки в Кемеровской области, исследовала З.В. Боровикова¹. На заболеваемость тифом и туберкулезом в годы войны обратила внимание Т.И. Дунбинская. Она указала на то, что была создана широкая сеть лечебных детских учреждений, чья деятельность

¹ Боровикова З.В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 12–19; Боровикова З.В. Динамика санитарно-эпидемиологической обстановки в Кемеровской области в 1946–1950-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 9–25.

направлялась на борьбу с разного рода инфекционными заболеваниями². М.П. Дудкина в ряде статей и своем диссертационном исследовании изучила, наряду с общими проблемами западносибирского здравоохранения, кадровую обеспеченность и медицинское обслуживание городских детей в первые послевоенные годы³.

Оказанию медицинской помощи детям в военное время посвящена статья Е.Н. Семенов⁴. Автор описала мероприятия по медико-санитарному обеспечению эвакуированных детей, развитие ряда детских учреждений в западносибирских областях. Опыт советской системы охраны здоровья детского населения СССР в условиях военного времени был обобщен в трехтомном труде под редакцией А.А. Баранова, В.Ю. Альбицкого и С.А. Шер⁵. Перу авторов также принадлежит серия научных статей по социальной педиатрии и детскому здравоохранению в условиях военного времени⁶. Однако в трудах современных историков проблема состояния медицинской помощи детям в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие изучена недостаточно, что и обусловило актуальность данного исследования, предпринятого на основе документальных источников, выявленных автором в архивах Кемеровской и Новосибирской областей.

Вопросы детской заболеваемости и смертности были в числе приоритетных задач, которые решались органами государственной и партийной власти в годы Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания. Характеризуя состояние детских патологий и смертности, можно видеть, что на фоне сложной эпидемической обстановки в Кузбасском регионе уровень детской заболеваемости (особенно инфекционной) на протяжении всех военных лет и до конца 1940-х гг. был критически высоким. В 1946–1947 гг. детская заболеваемость пневмонией, скарлатиной, дифтерией, корью, туберкулезом, токсической диспепсией увеличилась в два раза, а дизентерией – в три раза. Высокий процент заболевших коклюшем и желудочно-кишечными инфекциями наблюдался среди детей раннего возраста. В 1947–1949 гг. наибольшую смертность среди детей давали дистрофия, ее осложнения, сыпной и брюшной тифы, туберкулез, дизентерия. В осенне-зимние периоды летальность повышалась вследствие воспаления легких. Сопутствующими болезнями на фоне ослабленного иммунитета у детей и подростков являлись грипп, сердечно-сосудистые заболевания, ставшие в свою очередь причинами многих летальных исходов.

В областном отделе здравоохранения Кемеровской области среди главных причин указывалась несвоевременная госпитализация ввиду недостатка мест в детских (особенно инфекционных) больницах⁷, несвоевременное обращение родителей за медицинской помощью, просчеты в организации медицинского обслуживания детского населения, низкий санитарный режим в детских учреждениях. В свою очередь, причинами низкой госпитализации и высокой летальности в 1951–1952 гг. стал дефицит коек в больницах (0,4 койки на 1 000 чел., по норме – 0,8 коек)⁸, несвоевременная госпитализация (на пятые-седьмые сутки), несвоевременное

² Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: Анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004.

³ Дудкина М.П. Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири (1946–1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008; Дудкина М.П. Медицинское образование и обеспеченность медицинскими кадрами городов Западной Сибири во второй половине 1940-х – 1950-е годы XX века // Эффективность образования в условиях его модернизации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. Новосибирск, 2005. С. 246–251; Дудкина М.П. Медицинское обслуживание детского населения дошкольного и школьного возраста в городах Западной Сибири в первые послевоенные годы // Тенденции современного образования, состояние и перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2006. С. 113–118.

⁴ Семенова Е.Н. Медицинская помощь детям в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 22–30.

⁵ Советская система охраны здоровья детей в годы Великой Отечественной войны. М., 2022. 111 с.

⁶ Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А. Социальная педиатрия и организация здравоохранения // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 1. С. 12–18; Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А. Охрана здоровья детей в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19, № 1. С. 12–19.

⁷ Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса» (ГКУ ГАК). Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 142. Л. 78–82.

⁸ Госпитализация детей, больных пневмонией, в 1951 г. составила 28,5 % и 31,6 % в 1952 г. На лечении в больницах области находились: в Гурьевском районе – 67 % больных, Мариинске – 83 %, Тайге – 51 %,

обращение за медицинской помощью родителей детей. 56 % детей умерли дома, так как не были обеспечены качественным лечением⁹. Нередки случаи, когда матери отказывались посещать детские консультации, что приводило к запоздалой диагностике заболевания.

К началу 1950-х гг. детская заболеваемость в целом сократилась. Ко второй половине 1950-х гг. удалось справиться с распространением разного рода тифов. Тем не менее вопросы, касающиеся физического состояния детей и детской смертности, не теряли своей остроты и в последующее время. Так, в начале 1950-х гг. на 17 % увеличилась доля больных дизентерией, при этом число госпитализированных детей в целом по области составило лишь 89 %, а по отдельным районам – до 90 %. Удельный вес смертности возрос до 7,3 % в 1951 г. (в 1950 г. – 6,9 %)¹⁰. В 1954 г. значительно выросла детская заболеваемость в сельской местности дифтерией, желудочно-кишечными инфекциями: если в 1950 г. имели место 323 случая дифтерии, то в 1954 г. – 508 случаев¹¹.

Благодаря комплексу противоэпидемических мероприятий, улучшению работы обслуживающих детство лечебно-профилактических учреждений, а также внедрению новых методов лечения снизилась детская заболеваемость. Пошла на убыль и детская смертность. Если в 1949 г. летальность составляла 12,9 %, то в 1952 г. – 7,5 %¹². Особое внимание стали уделять своевременной диагностике, изоляции и лечению туберкулеза. В стационарах и амбулаториях регулярно проводили анализ причин заболеваемости и смертности, разбор каждого ее случая на основе данных патологоанатомических вскрытий. Особое значение приобрели противоэпидемические мероприятия с изучением эпидемической обстановки, реальных и потенциальных источников инфекций, клинического и бактериологического анализа воды.

В середине 1950-х гг. для оказания медицинской помощи детям в Кемеровской области сложилась следующая сеть детских лечебно-профилактических учреждений. В Кузбассе действовали 18 объединенных детских (соматических) больниц на 1 040 коек, в состав которых входили 36 поликлинических отделений (консультаций, поликлиник), 3 детские инфекционные больницы на 375 коек, объединенные с 7 поликлиническими объединениями, 20 детских соматических отделений на 1 215 коек (объединенных с 19 поликлиническими отделениями) и 17 детских инфекционных отделений на 1 240 коек при больницах взрослых в городах и рабочих поселках, 106 детских коек в сельской местности, 3 детские специализированные больницы (лечебные детские дома) на 175 коек, 2 детские туберкулезные больницы на 85 коек, 21 детский туберкулезный санаторий, 2 детские необъединенные консультации. Кроме того, под постоянным медицинским контролем находились ясли, детские сады и школы, детские дома, 10 домов ребенка. Детский коечный фонд составлял 11 % к общему фонду¹³. Увеличилось число детских неврологических приемов. Тем не менее, несмотря на широкую сеть медицинских учреждений и успехи в организации лечебного дела, потребность в госпитализации нуждающихся больных по-прежнему была высокой. Сохранялась перегруженность больными стационаров, остро ощущался дефицит врачебных кадров, не в полной мере осуществлялась профилактическая, противоэпидемическая и санитарно-просветительская работа на педиатрических участках.

Заболеваемость и медицинская помощь в детских учреждениях (детских приемниках-распределителях, детских домах, домах ребенка). Анализ заболеваемости в детских учреждениях в полной мере отражает картину той эпидемической обстановки, которая сложилась в военные и послевоенные годы в Кемеровской области. В Кузбассе в годы войны

Сталинске – 43 %, Кемерово – 18 %; в районах: Тисульском – 90 %, Кузедеевском – 76 %, Итатском – 66 %, Кузнецком – 10,6 %, Кемеровском – 10,8 %, Промышленновском – 11 %, Топкинском – 10,5 %, Мысковском – 13,2 %. ГКУ ГАК. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17; Д. 6. Л. 88.

⁹ Там же. Д. 6. Л. 21–24.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 63, 64.

¹¹ Там же. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 419. Л. 1.

¹² Там же. Д. 178. Л. 28.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 142. Л. 2–4.

и в послевоенное время действовали дома ребенка¹⁴, 6 детских приемников-распределителей, были открыты 50 детских домов для детей-сирот¹⁵ и для тех, кто по различным причинам, имея родителей, оказался на улице¹⁶. Проблемы медицинской помощи этим детям решались в основном в 1940-е гг. и до конца 1950-х гг., но не потеряли своей остроты и в более поздний период.

Главными причинами заболеваемости воспитанников детских учреждений были неблагоприятная эпидемическая среда и санитарно-гигиенические проблемы городского и сельского населения, некачественное (или его полное отсутствие) медицинское обслуживание, а также дефицит медикаментов, продуктов питания, обмундирования, топлива. Например, в 1943–1950 гг. в Анжеро-Судженском № 3, Краснинском № 1, Ленинск-Кузнецком и Малопесчанском детских домах не было должного санитарного порядка и медицинского обслуживания, отмечалась неустроенность быта (скученность, антисанитария), отсутствие нормального калорийного питания, обеспечивающего необходимый суточный рацион ребенка, недостаток экипировки, в том числе зимней одежды и обуви. Детские дома, эвакуированные из Ленинграда в Кемеровский, Мариинский и Гурьевский районы, разместили в плохо приспособленных под жилье зданиях. По причине отсутствия в достаточном количестве топлива дети продолжительное время не мылись. Следствием этого стал массовый педикулез, являвшийся причиной распространения в детских учреждениях сыпного тифа. Особенно в тяжелых материально-бытовых условиях находились детприемники НКВД-МВД¹⁷. Скученность и бытовая неустроенность напрямую отражались на здоровье детей, заболеваемость воспитанников прогрессировала из года в год на фоне сложной эпидемической обстановки в области.

В докладах Кемеровского обкома партии отмечалось, что вопросы санитарии, снабжения и медицинского обслуживания всех детских учреждений решались местными властями крайне медленно и не всегда эффективно, так как отсутствовал действенный контроль над их врачебной деятельностью. Несмотря на то, что материалы проверок передавались в областную прокуратуру, администрация детприемников, детских домов, домов ребенка, в которых наблюдалась неблагоприятная санитарная среда, далеко не всегда привлекалась к ответственности.

В справках, полученных в ходе медицинского освидетельствования детей, поступающих в детские приемники-распределители и особенно в детские дома, отмечалось крайне запущенное состояние их здоровья. По итогам осмотров подавляющему числу были поставлены диагнозы: дистрофия 1–2-й степеней, туберкулез, пневмония, острые респираторные заболевания. В то же время в военные и в первые послевоенные годы не все дети и подростки сразу по прибытии в детский дом подлежали медицинскому обследованию. Как отмечали сотрудники ряда детских домов, на протяжении длительного времени медосмотр воспитанников не осуществлялся совсем, как и не было учета детей, требующих стационарного и амбулаторного, а тем более санаторного лечения.

¹⁴ На три дома ребенка в 1942–1943 гг. приходилось 225 коек, в 1944 г. – 265 коек, в 1945 г. – 310 коек. В последующие годы было открыто еще несколько домов ребенка. В 1954 г. в Кемеровской области было 10 домов ребенка на 680 мест. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Новосибирской области (ГКУ НСО ГАНО). Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 77. Л. 22; ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 21. Л. 61; Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.

¹⁵ Только за вторую пол. 1940-х гг. и первые три квартала 1950 г. детприемники-распределители приняли 5 677 детей и подростков (2 522 беспризорных и 3 095 безнадзорных). Более подробно см.: *Маркдорф Н.М.* Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // *История повседневности.* 2020. № 4 (16). С. 64–79.

¹⁶ К началу 1950-х гг. в Кемеровской области имелось 16 детских больниц с количеством 1 035 коек, включая Кемеровскую инфекционную больницу на 100 коек, 3 лечебных детских дома (детские больницы) на 180 коек, 2 детские туберкулезные больницы на 80 коек, 10 домов ребенка на 660 коек, 21 детский туберкулезный санаторий на 1 300 коек, 324 детских яслей на 9 658 коек, из них сельских – 85 на 1 960 коек, 15 необъединенных консультаций и поликлиник. В последующие годы количество медучреждений увеличилось.

¹⁷ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 22. Л. 3, 4.

В годовых отчетах о работе детской лечебно-профилактической сети, в санитарных картах домов ребенка, в протоколах заседаний бюро Кемеровского обкома ВКП(б) указывалось не просто на количество больных детей младшего возраста (в том числе до года), но и характеризовались виды болезней и их причины. В домах ребенка в качестве основной проблемы называлось неудовлетворительное выведение детей из состояния гипотрофии. Именно сюда направлялись тяжелобольные и истощенные дети, подлежащие срочной госпитализации. Эти дети нередко погибали от пневмонии, тяжелой степени алиментарной дистрофии, дизентерии, пробыв в детском учреждении менее двух недель. Так, в 1940-е – первой половине 1950-х гг. наиболее высокий уровень заболеваемости пневмонией и гриппом наблюдался в Прокопьевском и Кемеровском № 1 домах ребенка, в Ленинск-Кузнецком – дизентерией, в Киселевском около двух третей детей переболели корью, во всех учреждениях время от времени вспыхивала ветрянка. Самый высокий процент летальности наблюдался в Кемеровском № 1, Беловском, Киселевском, Ленинск-Кузнецком домах ребенка. Главными причинами смертности являлась пневмония ослабленных детей и их запоздалая госпитализация¹⁸. Тем не менее, по сравнению с военным временем, начиная со второй половины 1940-х гг. детская смертность сокращается примерно в три раза благодаря улучшению качества медицинского обслуживания.

Характеризуя виды заболеваемости на основании справок о медицинском обслуживании детского населения по результатам ревизий детских домов и статистических отчетов о деятельности медицинских учреждений Кемеровской области, можно утверждать, что на протяжении всех послевоенных лет вплоть до второй половины 1950-х гг. на первом месте были инфекционные болезни. Сводки Отделения по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Кемеровской области, детского сектора отдела здравоохранения зафиксировали перечень болезней, которыми страдали дети и подростки при поступлении в детские учреждения: инфекции дыхательной системы (воспаление легких, ангина, синусит, ринит, фарингит, бронхит, плеврит, пневмонит); болезни печени и желчевыводящих путей (холецистит, гепатит); кожные болезни (дерматиты, фолликулиты, фурункулез); инфекции мочеполовой системы (нефрит, цистит, пиелонефрит, воспаления наружных половых органов (баланит у мальчиков, вульвовагинит у девочек)); инфекции системы носоглотки и глаз (тонзиллит, стоматит, паротит, конъюнктивит, трахома)¹⁹.

В числе распространенных болезней, в том числе сезонных, были следующие воспалительные заболевания: кишечные паразиты, дизентерия, свинка. Были отмечены органические заболевания центральной нервной системы, камни почек, сахарное и несахарное мочеиспускание и иные болезни²⁰. Весной и осенью наблюдался высокий рост простудных заболеваний²¹. Наблюдался рост инфицированности туберкулезом, тифами и паратифами. Причинами распространения большинства инфекционных патологий в детских учреждениях (детских приемниках-распределителях, детских домах) было несвоевременное проведение необходимых санитарно-противоэпидемических мероприятий, перевод несовершеннолетних ранее установленного карантинного срока из детприемников в детдома, отправка в школы фабрично-заводского обучения, училища и на производство. Как следствие, из детприемников в детские дома, а из них в школы ФЗО заносился сыпной тиф²².

Следует отметить, что меры по ликвидации эпидемиологических очагов на местах предпринимали своевременно. Изучая этиологию, патогенез, особенности клинического

¹⁸ ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 36. Л. 100; Д. 78. Л. 3.

¹⁹ Колтыпин А.А. Патогенетические основы клинической классификации острых инфекционных болезней у детей. М., 1948; Колтыпин А.А., Ланговой Н.И., Власов В.А. Детские болезни: для фельдшерских школ. 8-е изд. М., 1952.

²⁰ Архив Информационного центра Главного управления России по Кемеровской области. Отдел реабилитации (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

²¹ ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 8. Д. 321. Л. 17.

²² Например, в Титовском детском доме тифом болели многие дети. Случаи тифа диагностировали в Тудальском детприемнике-распределителе в 1946 г., так как в Юргинском районе в это время распространилась эпидемия сыпного тифа, завезенного в 1945 г. немцами, прибывшими из Германии и Польши. ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 21. Л. 70.

течения, врачи определяли диагностику и лечение инфекционных болезней. Для борьбы с педикулезом, которым в основном был вызван рост заболеваемости сыпным тифом, в детских учреждениях упорядочили банные дни (три раза в месяц), производили обработку вещей воспитанников в дезокамерах. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, уровень заболеваемости воспитанников был высоким. Случаи сыпного тифа регистрировались и в первой половине 1950-х гг., что объяснялось прибытием в детские учреждения детей и подростков без надлежащей санитарной обработки, но в первую очередь несвоевременным диагностированием заболевания. В то же время случаи смертности воспитанников по причине заболеваемости тифами к этому времени были единичными²³.

Настоящим бедствием в детприемниках и детских домах оставалась чесотка. Ввиду нехватки лекарственных препаратов (чесоточной мази) для борьбы с болезнью использовали преимущественно народные средства (лист березы, торфяной мох). Широко применяли так называемый метод лечения профессора М.П. Демьяновича, известный с 1921 г. как «русский способ лечения чесотки»²⁴. Среди персонала детских учреждений распространили памятку населению «Борьба с чесоткой», изданную в апреле 1944 г.²⁵ В ней указывались признаки заболевания и как избежать заражения. Лечение чесотки у детей было сложным и не всегда эффективным²⁶.

Высокий процент заболеваемости у воспитанников детских учреждений давали трахома (инфекционное заболевание глаз), трихофития (дерматофития, стригущий лишай) и другие грибковые поражения кожи. Выявленные больные немедленно изолировались в специальные детские дома. Для лечения этих детей в области в 1950 г. были открыты Прокопьевский и Беловский трахоматозные детские дома (больницы) на 70 и 50 коек соответственно. Для больных трихофитией действовал Ленинск-Кузнецкий лечебный детский дом на 50 коек и трихофитийная больница. Данные лечебные учреждения стали покрывать потребности в медицинской помощи детям к 1952–1953 гг.²⁷

В целях предотвращения распространения инфекционных болезней два раза в год проводилась вакцинация против брюшного, сыпного тифов, паратифов. Кроме того, регулярные прививки ставились против желудочно-кишечных инфекций (дизентерии), заболеваемость которой обострялась весной, летом и осенью, а также столбняка, туляремии и оспы²⁸. Прививочные мероприятия и усиление карантинно-санитарного режима были постоянными на протяжении всего послевоенного периода.

Прививки в течение 10 дней в обязательном порядке ставились также всем сотрудникам, поступавшим на работу в детские заведения независимо от их типа. Принимаемый персонал проходил инструктаж о паратифах, тифах и мерах их профилактики²⁹. Уклонявшихся от вакцинации наказывали штрафом в 100 руб. или привлекали к исправительно-трудовым работам на срок до одного месяца³⁰. В развитие распоряжения ХОЗУ НКВД

²³ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 134.

²⁴ Принцип этого метода состоял в последовательной обработке кожного покрова больного чесоткой водными растворами тиосульфата натрия и соляной кислоты. В процессе взаимодействия этих веществ образовывалась аморфная сера (сера осажденная), которая попадала в каждую кожную складку и забивала все ходы в коже, проделанные чесоточным клещом, что вело к его скорой гибели. Обработку кожи растворами повторяли в течение четырех дней. См.: Профессор Демьянович и его метод лечения чесотки. URL: <https://retinoids.ru/pub/blog/hist/professor-mp-demyanovich-i-ego-metod-lecheniya-chesotki?print> (дата обращения: 11.10.2023); Родин А.Ю. Современные клинико-эпидемиологические, диагностические и терапевтические аспекты чесотки // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2021. № 4 (80). С. 180–183.

²⁵ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

²⁶ ГКУ ГАНО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

²⁷ Там же. Ф. П.-75. Оп. 7. Д. 178. Л. 16.

²⁸ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 35-1-2. Л. 3, 8; Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 91.

²⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 303. Л. 338–338 об.

³⁰ Там же. Д. 318. Л. 153, 368.

СССР³¹ от 26 января 1942 г. за № 38/246 «О мерах по борьбе с сыпным тифом» начальники районных и городских отделов здравоохранения, Управления НКВД-МВД Кемеровской области обязаны были обеспечивать постоянный санитарный надзор за состоянием и распространением инфекционных заболеваний, особенно в детских организациях. В этой связи весь персонал детского заведения до того, как приступал к работе, предоставлял справку о прохождении санитарной обработки. При подозрении на инфицированность детское учреждение закрывали на строгий карантин, выделяли эпидемический фонд белья, мыла и различные дезодоранты. Первично прививались те, кто напрямую контактировал с беспризорными и безнадзорными в детприемниках и детских комнатах милиции, а также все воспитатели и медработники детских учреждений³². Успех вакцинации зависел от наличия необходимых препаратов. В 1946 г. туберкулин-диагностика на туберкулез почти не проводилась, так как в Кузбассе отсутствовал препарат туберкулин³³. К середине 1950-х гг. далеко не все поступавшие в приемники-распределители и детские дома прививались своевременно, так как не хватало вакцины или она запоздало поступала в детское учреждение или в больницу³⁴.

К числу нервных патологий, наиболее часто встречающихся у содержащихся в детприемниках и детских домах, были отнесены психические пограничные состояния, острый психоз, чрезмерная психоэмоциональная возбудимость, которые проявлялись в военное и послевоенное время у воспитанников самым различным образом. В качестве последствий нервных патологий отмечали случаи девиантного поведения, неадекватных реакций на замечания воспитателей и, конечно, побеги. Часто психические («дистрофический» или «астенический» психоз) или психосоматические болезни были следствием физического или нервного истощения детей и подростков, находящихся на улице, а также оказавшихся в непривычной для них среде детского учреждения (детприемника, детского дома, трудовой воспитательной колонии). Так, в медицинских поквартальных сводках, докладных записках об оказываемой несовершеннолетним (особенно старшего возраста) стационарной и амбулаторной медицинской помощи в детских приемниках-распределителях и детских домах описано состояние «невропатозов» – детей с повышенной возбудимостью и вызванная ею психосоматика «детей улицы». В числе невротических последствий был энурез, порожденный не столько инфицированием, сколько неблагоприятными социально-бытовыми условиями (в том числе в семье), стрессами, влиянием на психику ребенка пережитыми личными психологическими травмами (например, гибель родителей), травмирующей среды, а также первичной дезадаптацией в детском коллективе³⁵.

Нетрудно догадаться, что испытывали дети и особенно подростки с подобным диагнозом, оказавшиеся в детприемнике или в детском доме. Документы доносят до нас факты насмешек, оскорблений, наказаний со стороны других воспитанников, их презрительного отношения к фигурантам «мокрых простыней» и «мокрых штанов». Это накладывало глубокий отпечаток на психику ребенка, который становился замкнутым, сумрачным, часто отставал в общем развитии и учебе. Следует отметить, что по этой причине многие подростки, не выдержав издевок, совершали побеги³⁶. Медработники неоднократно обращали внимание руководства детских учреждений и воспитателей на эту проблему, на недопустимость нака-

³¹ Хозяйственное управление НКВД-МВД СССР. Было образовано 10 июля 1934 г. 31 июля 1941 г. переименовано в Хозяйственное управление НКВД СССР (с марта 1946 г. – МВД СССР). Ликвидировано 1 мая 1960 г.

³² ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 304. Л. 150.

³³ В Кузбассе было всего 8 противотуберкулезных диспансеров, расположенных в Кемерово – три, в Сталинске (Новокузнецке), Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком и Салаире – по одному. См.: *Боровикова З.В.* Состояние здравоохранения в Кемеровской области... С. 14.

³⁴ Например, в Яшкинском детском доме в 1955 г. подлежали вакцинации 372 чел., из них были вакцинированы только 255. ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 10. Л. 7; Д. 229. Л. 65.

³⁵ На эту патологию у детей-сирот обращали внимание многие исследователи. См., например: *Быкова Л.В., Уфимцева М.А.* Воспитание детей сирот в дошкольном детском доме в условиях послевоенной реорганизации общества // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 225.

³⁶ Данные факты не обошлись без внимания Отделения по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью по Кемеровской области. Так, в 1950 г. был наказан подросток, систематически подвергавшийся преследованиям и избиениям своих товарищей, кто «писался ночью».

заний, упреков, угроз в адрес воспитанников. Особо подчеркивалось, что воспитательский персонал должен уделять таким детям больше внимания, развивать у них интерес к музыке, играм, к другим подобным увлечениям.

При реактивных состояниях различных форм психопатий применялось медикаментозное лечение (аудиокреином по методике советского врача, известного исследователя детских инфекционных болезней, профессора А.А. Колтыпина³⁷ и методике Михайлова), в том числе физиотерапевтические процедуры. Эффективность лечения зависела от индивидуального подхода к каждому ребенку, от комплекса медикаментозного лечения и воспитательных мероприятий³⁸.

В 1950-е гг. начинается снижение детской заболеваемости острыми инфекциями, чего нельзя сказать о желудочно-кишечных заболеваниях. Особое внимание стали уделять состоянию здоровья воспитанников, в том числе в лечебных детских домах. Были выполнены планы прививок по туляремии. Серию профилактических мероприятий по ее предотвращению провели в Анжеро-Судженском, Прокопьевском, Юргинском районах. Стали регулярными (два раза в год) углубленные медицинские осмотры воспитанников детских учреждений с привлечением широкого круга специалистов. Особое внимание обращали на состояние зрения у детей. Была организована ежегодная диспансеризация подростков, направляемых из детских домов в средние учебные заведения и на производство. Нуждающихся в лечении отправляли в оздоровительные санаторные учреждения.

Начиная с 1957 г. на основании постановления Совета Министров СССР за № 1099, инструкции о медобслуживании, Устава детского дома (принятого в 1954 г.) путевки в детский дом выделяли на основании справки о состоянии здоровья с приложением анализов. Во избежание занесения в детский дом разного рода инфекций все вновь поступившие воспитанники проходили карантин в изолированном помещении. Психически больные дети, с нервной патологией, умственно отсталые, инвалиды, т.е. все те, кто нуждался в специализированном уходе, определялись в специальные детские учреждения³⁹.

Несмотря на трудности, в основном к концу 1950-х гг. в детских учреждениях удалось решить санитарно-бытовые, оздоровительные, воспитательные задачи, поставленные руководством области. С 1953 г. была налажена санитарно-просветительская работа среди руководства детских домов, воспитателей и воспитанников по профилактике инфекционных заболеваний. Периодическими стали семинары со средним медицинским персоналом. С целью быстрой адаптации и социализации несовершеннолетних обращали внимание на привитие им навыков общежития, санитарно-гигиенических норм путем развития детского самоуправления. Физическому укреплению здоровья способствовали разного рода спортивные соревнования, игры на открытом воздухе, закаливание. В планы воспитателей, которые объединялись в воспитательные планы детского учреждения (детприемника, детского дома), включались мероприятия, касающиеся формирования здорового психологического климата среди воспитанников.

Медицинская помощь детскому населению и обеспеченность кадрами детских медицинских учреждений. Для нормального медицинского обслуживания детского населения области в ее бюджете предусматривалось выделение определенного количества ставок для врачей и среднего медицинского персонала (фельдшеров, медицинских сестер, санитаров). Так, потребность региона во врачах-педиатрах областным отделом здравоохранения в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. оценивалась в 600–700 чел. Этот кадровый дефицит объяснялся регулярным оттоком врачей, недостаточным пополнением амбулаторий и стационаров выпускниками медицинских вузов при увеличении числа стационаров (в том числе специализировавшихся на лечении туберкулеза и иных инфекционных заболе-

³⁷ Ранняя диагностика и семиотика детских острых инфекционных болезней и первая помощь при них. Ч. 1. Методика клинического исследования инфекционного больного и семиотика инфекционного процесса у детей: пособие для участкового врача. М.; Л., 1941; Колтыпин А.А. Методика клинического исследования инфекционного больного и семиотика инфекционного процесса у детей. М.; Л., 1941.

³⁸ ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 74–77.

³⁹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 5: 1954–1956 гг.

ваний), поликлиник, детских консультаций, детских домов, домов ребенка и оздоровительных санаторных учреждений.

В 1943–1946 гг. ввиду незначительного числа детских больниц в Кемеровской области количество штатных ставок и число занимающих их врачей разнятся незначительно. Однако уровень детской заболеваемости на протяжении всех военных и послевоенных лет оставался высоким, следовательно, потребность во врачебной квалифицированной медицинской помощи детскому населению была огромной.

Количество детских врачей в зависимости от числа больных в стационаре и штатного расписания в 1940-е гг. демонстрирует табл. 1.

Таблица 1

Обеспеченность детских лечебных учреждений Кузбасса врачебным персоналом

Год	Количество детских больниц	Коечный фонд по факту	Кол-во больных	Кол-во врачебных ставок по штату	Кол-во детских врачей по факту
1942	4	400	6 568	32–33	33
1943	9 (инфекционных – 2)	595	9 269	53,5	39
1944	8 (инфекционных – 1)	595	10 232	53	49
1945	8 (инфекционных – 2)	595	10 531	42	38
1946	11 (в том числе туберкулезных – 2, инфекционных – 2)	570	10 518	37	34
1947	13 (в том числе туберкулезных – 2, инфекционных – 2)	600	11 717	38	37
1948	14	770	9 123	600	319
1949	14	770	7 892	600	322
1950	16	1 035	6 324	600	323

Составлено по: ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 8, 11, 13, 158–160.

В 1948 г. были открыты два туберкулезных санатория для детей раннего возраста в Юрге и в Киселевске (всего на 100 коек), 6 детских поликлиник и амбулаторий, девять детских консультаций⁴⁰. Из года в год увеличивался коечный фонд медучреждений при сохранении высокого уровня детской заболеваемости и в последующие 1940–1950-е гг., поэтому проблему устранения кадрового дефицита врачей-педиатров решали на протяжении всех изучаемых лет. В 1951 г. новые детские больницы на 35–50 коек открыли в Анжеро-Судженске, Сталинске, Кемерово⁴¹. Ввиду увеличения больных скарлатиной (в 1954 г. – 212 чел., в 1955 г. – 237 чел.) в августе 1955 г. при Кемеровской инфекционной больнице стало действовать скарлатинное детское отделение на 50 коек⁴². К этому времени во всех городах области действовали детские консультации.

С целью полного охвата медицинской помощью детей и с учетом кадрового дефицита врачей-педиатров в первой половине 1952 г. были разукрупнены амбулаторные участки. Их количество увеличилось со 149 в 1951 до 195 в 1952 г. Однако численность детей, закрепленных за каждым из участков, по-прежнему оставалась значительной. Вместо положенной нормы в 800 детей у одного врача в среднем на городском участке наблюдалось от 842 до 2 914 чел. (т.е. на одного врача приходилось от 1,8 до трех и более ставок). В свою очередь, это приводило не просто к перегруженности врачей, но и к росту заболеваемости среди них, вызванной профессиональным выгоранием. Врачебный патронаж новорожденных хотя и улучшился, но был обеспечен кадрами лишь на 88 %, а непрерывное наблюдение

⁴⁰ ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 145–158.

⁴¹ Там же. Л. 18.

⁴² Там же. Д. 248. Л. 63–64.

за детьми до одного года оставалось на уровне 50 % ввиду нехватки необходимого медицинского персонала, территориальной разбросанности и отдаленности участков в сельской местности от больниц и фельдшерских пунктов, а часто и отсутствия какого-либо транспорта⁴³.

Недостаток в обеспеченности врачами испытывали все детские приемники-распределители и практически все детские дома и дома ребенка в области. Согласно штатам, в детских домах школьного типа с количеством детей до 90 чел. и выше, а в дошкольных – 75 и выше, полагалось иметь как минимум одного медика на 0,5 ставки врача. Кроме того, независимо от количества детей была предусмотрена должность среднего медицинского работника. Однако, как правило, в данных социально-воспитательных учреждениях медицинское обслуживание было возложено на фельдшеров и медсестер (а иногда и на воспитателей), работа которых слабо контролировалась отделами здравоохранения. Так, в 1950–1953 гг. медобслуживание 50 детских домов области (на 4 312 воспитанников) обеспечивали 23 врача и 41 врач по совместительству, работавшие преимущественно на 0,5 ставки, 35 фельдшеров и 15 медсестер. Восемь детских домов, располагавшихся на значительном расстоянии от райцентра, районных больниц и поликлиник, посещались только прикрепленными врачами⁴⁴. Как следствие, уровень заболеваемости в этих детских учреждениях был высоким, профилактическая работа практически не осуществлялась. Отсутствовал и постоянный график врачебного посещения по причине загруженности врачей либо несвоевременного предоставления им транспорта для выезда в подконтрольное детское учреждение. К тому же, в соответствии с новым штатным расписанием, доплата за труд по совместительству педиатрам в детдомах с численностью контингента менее 60 чел. была снята, что в свою очередь объясняло нежелание медиков брать дополнительную нагрузку. В сельской местности лечебную деятельность в основном осуществляли фельдшеры⁴⁵. Больше повезло тем детским домам, вблизи которых находились сельские больницы или фельдшерские пункты, в этом случае экстренную помощь нуждающимся сиротам оказывали местные медики.

Даже к середине 1950-х гг. в отчетах областного отдела здравоохранения неоднократно констатировалось наличие большого числа истощенных, психологически травмированных детей и подростков. Лишившиеся родителей по различным причинам, перенесшие горе и страдание «дети-подранки», особенно малыши, были слабыми, часто и подолгу болели⁴⁶. Проблема полной обеспеченности врачебными кадрами воспитанников детских домов и домов ребенка оставалась до конца нерешенной и спустя десятилетия после окончания войны. Так, по результатам проверки, проведенной выездной комиссией областного отдела здравоохранения в 1959 г., выяснилось, что в Урском туберкулезном детском доме не имелось врача-инфекциониста. Не было педиатров в Яшкинском, Тутальском, Сталинских (№ 1, 3), Мариинском им. Крупской, Краснинском детдомах⁴⁷. В них не проводился углубленный медицинский осмотр воспитанников в течение нескольких лет. Учитывая отсутствие качественного жилья, антисанитарию и отсутствие контроля со стороны органов здравоохранения, ситуация с заболеваемостью в этих учреждениях оставалась напряженной.

За 1951–1952 гг. в Кемеровскую область прибыло 1 072 врача (из них 973 молодых специалиста), что позволило заменить часть фельдшеров и укомплектовать врачами ряд амбулаторных участков в городе и в районах. Однако к концу 1951 г. только 17 районов из 28 имели необходимый минимум специалистов. За это же время область по различным причинам покинули 278 медиков, среди которых были и детские врачи. В Сталинске, Осинниках, Белово, Кемерово, Анжеро-Судженске, Прокопьевске укомплектованность детских больниц составила около 65 %. Особенно мало было детских врачей и терапевтов. На начало 1955 г. область располагала 393 педиатрами при нормативе 556 педиатрических должностей.

⁴³ ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 36. Л. 28, 33, 77, 79, 129, 130.

⁴⁴ Там же. Ф. П-75. Оп. 8. Д. 321. Л. 19–20, 23.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 36. Л. 120–121.

⁴⁶ Более подробно данные факты рассмотрены в статье: *Маркдорф Н.М.* In *Children's Institutions of Kuzbass: 1945–1950 // Сибирь гуманитарная.* 2023. № 4. С. 10–19.

⁴⁷ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 8. Д. 321. Л. 20, 31, 32.

В этом же году прибыло 52 детских врача (из них 30 молодых специалистов), а выбыло 32 педиатра⁴⁸.

Кемеровский обком КПСС неоднократно ходатайствовал перед правительством о расширении в Кузбассе сети детских лечебных учреждений, объясняя, что решение неотложных задач в детском здравоохранении возможно только тогда, когда укреплено его первичное звено – врачебный участок. В частности, в обращении в Министерство здравоохранения СССР констатировалось, что в области сложилось крайне неблагоприятное положение с госпитализацией туберкулезных больных (особенно с открытой формой) ввиду недостатка коечного фонда. В письме на имя В.М. Молотова в 1952 г. областные власти утверждали, что специализированная медицинская помощь несовершеннолетним поставлена крайне неудовлетворительно, а противотуберкулезные и инфекционные детские больницы и санатории только на 53 % укомплектованы квалифицированными медицинскими кадрами⁴⁹.

В 1950-е гг. в регулярных отчетных докладах областного отдела здравоохранения отмечались заметные сдвиги в подготовке медицинских кадров. Органы здравоохранения стали больше внимания обращать на повышение квалификации и приобретение специальных знаний медицинскими работниками. Например, в 1951 г. были направлены на усовершенствование квалификации в различные институты страны 206 врачей, 44 прошли переподготовку при областной больнице и 45 чел. – при городских больницах. В этом же году стали осуществлять увеличенный набор на курсы медицинских сестер.

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 19 октября 1950 г. и 10 апреля 1951 г., из Новосибирска в Сталинск (Новокузнецк) был переведен институт усовершенствования врачей. В область прибыли специалисты высокой квалификации, что позволило в последующие годы не просто улучшить научные исследования (в том числе касающиеся медицины детства, акушерства и перинатальной диагностики), но и более успешно осуществлять специализацию врачей-педиатров. В декабре 1951 г. состоялось расширенное заседание совета института и научная конференция с участием врачей области. В результате в Кузбассе стали более активно развиваться научная акушерская школа и школа педиатрии.

В первом полугодии 1951 г. в Кемерово состоялось областное заседание педиатров, инфекционистов и работников санэпидстанций по вопросам профилактики и лечения инфекционных болезней. В 1951–1952 гг. в Кемерово, Сталинске, Белово, Ленинске-Кузнецком, Осинниках были проведены кустовые совещания с врачами-педиатрами, на которых обсудили состояние детской заболеваемости туберкулезом, трахомой, коклюшем, пневмонией и смертности от них, в том числе детей раннего возраста. Стали лучше планировать конференции врачей, посвященные разбору неправильной диагностики, наиболее типичных ошибок в лечении больных, обмену опытом, обсуждению новых методик лечения, профилактике инфекционных и неинфекционных детских болезней. На различных конференциях в лечебных учреждениях могли участвовать и работники среднего медицинского персонала, что стало для них дополнительной формой повышения своей квалификации.

В это же время значительно повысилась роль как областного методического центра, так и областной больницы, осуществивших за 1952 г. 19 плановых выездов в различные сельские районы Кузбасса с целью оказания практической помощи местным медикам и проведения плановых операций. Начальником облздравотдела была произведена проверка состояния медицинской помощи детям в городах Осинники, Сталинске, Ленинск-Кузнецке, а также в Топкинском, Прокопьевском, Анжеро-Судженском районах⁵⁰.

За 1952 г. в центральных институтах страны усовершенствовали свое профессиональное мастерство 11 врачей, в Сталинском ГИДУВе обучались 6, без отрыва от производственной деятельности переподготовку прошли 5 педиатров⁵¹. Из десяти домов ребенка

⁴⁸ ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 142. Л. 5; Ф. П-75. Оп. 7. Д. 178. Л. 9, 10, 14.

⁴⁹ Там же. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 178. Л. 2, 7.

⁵⁰ Там же. Л. 11, 14–15, 33.

⁵¹ По плану Министерства здравоохранения РСФСР предполагалось подготовить 10 педиатров на базе Сталинского ГИДУВа. За 1955 г. было подготовлено 13 педиатров. ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 142. Л. 8.

только врачи из Киселевска и Ленинск-Кузнецка не побывали на специализации в Москве (отказались по семейным обстоятельствам)⁵². Тем не менее потребность в усовершенствовании кадров была значительной и в полной мере отделами здравоохранения не удовлетворялась во многом из-за того, что стаж ряда врачей как в городской, так и в сельской местности не превышал 10 лет.

На 1 января 1953 г. в городских и районных медицинских учреждениях Кузбасса работали 325 врачей-педиатров. Их распределение по стажу работы и возрасту выглядело следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Возраст и стаж врачей-педиатров Кузбасса по состоянию на 1 января 1953 г.

Городские медучреждения			Районные медучреждения			Всего
По стажу работы						
До 3-х лет	101 чел.	36,3 %	19 чел.	40,4 %	120 чел.	36,9 %
3–5 лет	95 чел.	34,1 %	13 чел.	27,7 %	108 чел.	33,2 %
5–10 лет	50 чел.	18 %	6 чел.	12,7 %	56 чел.	17,2 %
Свыше 10 лет	32 чел.	11,5 %	9 чел.	19,1 %	41 чел.	12,6 %
Итого	278 чел.	85,5 %	47 чел.	23,7 %	325 чел.	–
По возрасту						
До 25 лет	52 чел.	18,7 %	1 чел.	2,1 %	53 чел.	16,3 %
25–40 лет	208 чел.	74,8 %	37 чел.	78,7 %	245 чел.	75,4 %
Свыше 40 лет	18 чел.	6,5 %	9 чел.	19,1 %	27 чел.	8,3 %

Составлено по: ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–34; Д. 36. Л. 58–59.

Из приведенной таблицы следует, что более 70 % врачей имели профессиональный стаж до пяти лет, большинство из них – молодого и среднего возраста. При этом особенно высока была доля лиц до 25 лет, которая составляла более 16 % от общего числа детского врачебного персонала.

Большинство медиков старших возрастов в годы войны были мобилизованы и ушли на фронт. Значительное омоложение медицинских кадров происходило в послевоенное десятилетие и в первой половине 1950-х гг. Кадры пополнялись в основном за счет выпускников европейских вузов страны. Например, в Кузбасс по распределению прибывали врачи, окончившие Бакинский, Ленинградский, Саратовский, Смоленский, Ростовский, Харьковский, Свердловский медицинские институты. Средний медицинский персонал в регионе в основном готовили Кузнецкий, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевский, Сталинский, Анжеро-Судженский медтехникумы, Сталинский фельдшерско-акушерский техникум, Мариинское медучилище, Кемеровская, Ленинск-Кузнецкая, Сталинская, Анжеро-Судженская школы медсестер, фельдшерско-акушерские школы Ленинска-Кузнецкого, Прокопьевска, Кемерово, Сталинска и Анжерки. В годы войны и в послевоенное время была развернута широкая сеть одногодичных курсов медицинских сестер (в том числе для детских яслей) во многих городах Кемеровской области⁵³. Кроме того, можно было получить среднее медицинское образование в соседних областях.

В 1955 г. был открыт Кемеровский медицинский институт, ставший кузницей медицинских кадров для Кузбасского региона⁵⁴. В то же время сохранялся отток медиков в другие районы Советского Союза, поэтому существенной динамики в сторону увеличения количе-

⁵² ГКУ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 36. Л. 102–103.

⁵³ ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 13. Л. 67–94.

⁵⁴ К началу Великой Отечественной войны в Сибири медицинские кадры (в том числе педиатров) готовили Иркутский, Томский и Новосибирский медицинские институты. В 1942 г. был открыт Красноярский медицинский институт на базе эвакуированных из Ленинграда трех институтов, в числе которых был Ленинградский педиатрический институт. В этом вузе в 1958 г. стал действовать педиатрический факультет.

ства врачей-педиатров в области практически не наблюдалось, а вопрос с кадровым обеспечением не снимался с повестки дня областного партийного руководства до конца 1950-х – начала 1960-х гг. Причинами отъезда детских врачей в другие регионы СССР стали нерешенность их бытовых проблем, отсутствие или ветхость жилья (особенно у молодых специалистов), низкая заработная плата при необходимости выполнять большой объем работы, семейные обстоятельства.

В 1954–1955 гг. также сохранялась крайне неудовлетворительная укомплектованность детскими медицинскими кадрами в сельской местности⁵⁵. Так, по штату в районах Кузбасса имелось 715 врачебных ставок, из них были заняты только 412. Если в сельской местности в 1954 г. работали 46 педиатров, то на следующий год их число увеличилось незначительно и составило 53 чел. В результате 14 сельских врачебных участков обслуживались фельдшерами⁵⁶, а 17 фельдшерско-акушерских пунктов совершенно не имели медицинского персонала. В некоторых районах отсутствовали детские и санитарные врачи, а также врачи основных специальностей – хирурги, акушеры-гинекологи (Юргинский, Мариинский, Кемеровский, Кузедеевский районы). Специалистов по противотуберкулезной помощи имели только четыре района, невропатологов и клинических лаборантов – только два. В Яшкинском и Прокопьевском районах отсутствовали заведующие райздравотделами. В целом ежегодная текучка и постоянная сменяемость администрации районных отделов здравоохранения в 1950-е гг. составляли до 74 %. В отличие от городов, в большинстве районов области планы по специализации и усовершенствованию врачей не выполнялись из года в год. В 1954 г. из 61 чел. по плану спецподготовку прошли 53 медработника, за первую половину 1955 г. из 46 чел. – только 19.

В неблагоприятные по медицинским показателям районы областной больницей и облздравотделом направлялись специализированные бригады, в функции которых входил как медицинский контроль, так и оказание методической помощи местным врачам. Под особым вниманием находились детские ясли в деревнях. Тем не менее как в Кемеровском обкоме, так и в областном здравотделе констатировали довольно безрадостную картину. В сельской местности не было организовано ни одной конференции специалистов по разбору диагностических ошибок и обсуждению новых методик педиатрии. Главные специалисты районных здравотделов в районных и сельских больницах бывали крайне редко, консультативная помощь ими была поставлена на низком уровне⁵⁷. К началу 1960-х гг. на части педиатрических сельских участков амбулаторная помощь детскому населению по-прежнему осуществлялась исключительно фельдшерами.

Подводя итоги, можно утверждать следующее. На медико-санитарное обслуживание детей, в первую очередь воспитанников детских учреждений Кузбасса, существенное влияние оказывали трудности, которые испытывало население страны в военное и послевоенное время. Война обострила кадровый вопрос обеспеченности детских медицинских учреждений Кемеровской области. Дефицит педиатров в области был ярко выражен на протяжении военных лет и всего послевоенного двадцатилетия. Можно констатировать, что проблему снабжения врачами-педиатрами (как и средним медицинским персоналом) в полном объеме не смогли решить и к концу 1950-х гг. Аналогичные проблемы испытывал весь Урало-Сибирский регион. И все же прогресс в решении вопросов оказания медицинской помощи детям в Кузбассе в 1950-е гг. по сравнению с 1940-ми гг. был существенным. Совершенствовалась работа, направленная на профилактику детских болезней. Улучшилось снабжение, в том числе медикаментами, детских больниц, поликлиник, педиатрических участков. С 1955 г. в области приступили к реализации конкретного плана улучшения медицинского обслуживания воспитанников домов ребенка и детских домов. Под особым контролем находились все населенные пункты, в которых наблюдался высокий уровень детской заболеваемости.

⁵⁵ Кемеровская область к середине 1950-х гг. включала 28 районов, из них 14 – сельских. В восьми районах имелись сельские больницы. Всего на селе прием детей осуществляли 17 детских консультаций, 10 сельских амбулаторий. Часть из них находилась в непригодных зданиях.

⁵⁶ В них работали 4 врача-педиатра.

⁵⁷ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 419. Л. 3; Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 228. Л. 82 об.; Д. 142. Л. 5.

Литература

Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А. Социальная педиатрия и организация здравоохранения // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 1. С. 12–18.

Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А. Охрана здоровья детей в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19, № 1. С. 12–19.

Боровикова З.В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 12–19.

Боровикова З.В. Динамика санитарно-эпидемиологической обстановки в Кемеровской области в 1946–1950-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 9–25.

Быкова Л.В., Уфимцева М.А. Воспитание детей сирот в дошкольном детском доме в условиях послевоенной реорганизации общества // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 224–228.

Дудкина М.П. Медицинское образование и обеспеченность медицинскими кадрами городов Западной Сибири во второй половине 1940-х – 1950-е годы XX века // Эффективность образования в условиях его модернизации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. Новосибирск, 2005. С. 246–251.

Дудкина М.П. Медицинское обслуживание детского населения дошкольного и школьного возраста в городах Западной Сибири в первые послевоенные годы // Тенденции современного образования, состояние и перспектива: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2006. С. 113–118.

Дудкина М.П. Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири (1946–1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 28 с.

Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: Анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.

Колтыпин А.А. Методика клинического исследования инфекционного больного и семиотика инфекционного процесса у детей. М.: Л., 1941.

Колтыпин А.А. Патогенетические основы клинической классификации острых инфекционных болезней у детей. М.: Изд-во и тип. Медгиза, 1948. 96 с.

Колтыпин А.А., Ланговой Н.И., Власов В.А. Детские болезни: для фельдшерских школ / под ред. проф. В.А. Власова. 8-е изд. М.: Медгиз, 1952. 520 с.

Маркдорф Н.М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64–79.

Маркдорф Н.М. In children's institutions of Kuzbass: 1945–1950 // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 10–19.

Ранняя диагностика и семиотика детских острых инфекционных болезней и первая помощь при них. Ч. 1. Методика клинического исследования инфекционного больного и семиотика инфекционного процесса у детей: пособие для участкового врача / под ред. засл. деятеля науки, проф. А.А. Колтыпина. М., Л.: Медгиз, 1941. 88 с.

Родин А.Ю. Современные клинико-эпидемиологические, диагностические и терапевтические аспекты чесотки // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2021. № 4 (80). С. 180–183.

Семенова Е.Н. Медицинская помощь детям в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 22–30.

Советская система охраны здоровья детей в годы Великой Отечественной войны / под ред. А.А. Баранова, В.Ю. Альбицкого, С.А. Шер. М.: ПЕдиатрЪ, 2022. 111 с.

References

Albitsky, V.Yu., Baranov, A.A., Sher, S.A. (2020). Okhrana zdorov'ya detey v gody' Velikoy Otechestvennoy voyny [Children's Health Protection during the Great Patriotic War]. In *Voprosy' sovremennoy pediatrii*. Vol. 19, No. 1, pp. 12–19.

Albitsky, V.Yu., Baranov, A.A., Sher, S.A. (2020). Sotsial'naya pediatriya i organizatsiya zdravookhraneniya [Social Pediatrics and Health Care Organization]. In *Voprosy' sovremennoy pediatrii*. No. 1, pp. 12–18.

Baranov, A.A., Al'bitskiy, V.Yu., Sher, S.A. (Eds.). (2022). *Sovetskaya sistema okhrany zdorovya detey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Soviet System of Child Health Care during the Great Patriotic War]. Moscow, *Pediatr.* 111 p.

Borovikova, Z.V. (2018). Sostoyanie zdravookhraneniya v Kemerovskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940-x – 1950-e gg. [The State of Health Care in the Kemerovo Region in the Second Half of the 1940s – 1950s]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 12–19.

Borovikova, Z.V. (2020). Dinamika sanitarno-epidemiologicheskoy obstanovki v Kemerovskoy oblasti v 1946–1950-e gg. [Dynamics of the Sanitary and Epidemiological Situation in the Kemerovo Region in 1946–1950s]. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 5, pp. 9–25.

Bykova, L.V., Ufimtseva, M.A. (2014). Vospitanie detey sirot v doshkol'nom detskom dome v usloviyakh poslevoennoy reorganizatsii obshchestva [Education of Orphans in a Pre-School Children's Home in the Context of the Post-War Reorganization of Society]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 9, pp. 224–228.

Dudkina, M.P. (2005). Meditsinskoe obrazovanie i obespechennost' meditsinskimi kadrami gorodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1940-x – 1950-e gody XX veka [Medical Education and Provision of Medical Personnel in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 1940s – 1950s of the 20th Century]. In *Effektivnost' obrazovaniya v usloviyakh ego modernizatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Part. I. Novosibirsk, pp. 246–251.

Dudkina, M.P. (2006). Meditsinskoe obsluzhivanie detskogo naseleniya doshkol'nogo i shkol'nogo vozrasta v gorodakh Zapadnoy Sibiri v pervye poslevoennye gody [Medical Care for Preschool and School-Age Children in the Cities of Western Siberia in the First Post-War Years]. In *Tendentsii sovremennogo obrazovaniya, sostoyanie i perspektiva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, pp. 113–118.

Dudkina, M.P. (2008). Razvitie zdravookhraneniya v gorodakh Zapadnoy Sibiri (1946–1960 gg.) [Development of Healthcare in the Cities of Western Siberia (1946–1960)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 28 p.

Dunbinskaya, T.I. (2004). *Sotsialnaya adaptatsiya detey na territorii Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: Analiz istoricheskogo opyta* [Social Adaptation of Children in Western Siberia during the Great Patriotic War: Analysis of Historical Experience]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk, 28 p.

Koltypin, A.A. (1941). *Metodika klinicheskogo issledovaniya infektsionnogo bolnogo i semiotika infektsionnogo protsessa u detey* [Methodology of Clinical Examination of Infectious Patient and Semiotics of Infectious Process in Children]. Moscow, Leningrad. 198 p.

Koltypin, A.A. (1941). *Rannyaya diagnostika i semiotika detskikh ostrykh infektsionnykh bolezney i pervaya pomoshch pri nikh. Ch. 1. Metodika klinicheskogo issledovaniya infektsionnogo bol'nogo i semiotika infektsionnogo protsessa u detey: posobie dlya uchastkovogo vracha* [Early Diagnostics and Semiotics of Acute Infectious Diseases in Children and First aid for Them. Part. 1. Methodology of Clinical Examination of an Infectious Patient and Semiotics of the Infectious Process in Children: Manual for a Local Doctor]. Moscow, Leningrad, Medgiz. 88 p.

Koltypin, A.A. (1948). *Patogeneticheskie osnovy klinicheskoy klassifikatsii ostrykh infektsionnykh bolezney u detey* [Pathogenetic Bases of Clinical Classification of Acute Infectious Diseases in Children]. Moscow, Izdatel'stvo i tipografiya Medgiza. 96 p.

Koltypin, A.A., Langovoy, N.I., Vlasov, V.A. (1952). *Detskie bolezni: dlya fel'dsherskikh shkol* [Childhood Diseases: For Paramedic Schools]. 8-e izd. Moscow, Medgiz. 520 p.

Markdorf, N.M. (2020). Problemy likvidatsii detskoy besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944–1950) [Problems of Eliminating Child Homelessness and Neglect in Kuzbass (1944–1950)]. In *Istoriya povsednevnosti*. No. 4 (16), pp. 64–79.

Markdorf, N.M. (2023). In Children's Institutions of Kuzbass: 1945–1950. In *Sibir gumanitarnaya*. No. 4, pp. 10–19.

Rodin, A.Yu. (2021). Sovremennye kliniko-epidemiologicheskie, diagnosticheskie i terapevtycheskie aspekty chesotki [Modern Clinical, Epidemiological, Diagnostic and Therapeutic Aspects of Scabies]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. No. 4 (80), pp. 180–183.

Semenova, E.N. (2020). Meditsinskaya pomoshch detyam v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Medical Care for Children in Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 6, pp. 22–30.

А.В. Дмитриев*

**КОМБАТАНТЫ В РЯДАХ СИБИРСКОГО КОРПУСА:
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ФОНЕ ПЕРЕЖИТОГО
ОПЫТА ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-8
УДК 94(47).066+316.6

Выходные данные для цитирования:
Дмитриев А.В. Комбатанты в рядах Сибирского корпуса: девиантное поведение на фоне пережитого опыта войны (вторая половина XVIII века) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 107–118. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>

A.V. Dmitriev*

**COMBATANTS IN THE RANKS
OF THE SIBERIAN CORPS: DEVIANT BEHAVIOR
AGAINST THE BACKGROUND OF THE
WAR EXPERIENCE (THE 2ND HALF OF THE 18TH CENTURY)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-8

How to cite:
Dmitriev A.V. Combatants in the Ranks of the Siberian Corps: Deviant Behavior Against the Background of the War Experience (The 2nd Half of the 18th Century) // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 107–118.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the analysis of deviant behavior of military personnel in the Siberian corps units, who had previous experience of participation in military conflicts during the middle and 2nd half of the 18th century. The source base of the study was the data contained in the formulary lists of officers in the field and garrison units of the corps for the period of 1770s – 1780s. According to the lists, a little more than 40 men, who had combat experience and committed certain offenses while already serving in Siberia, were identified. Almost all of these officers served in garrison units, which was due either to their advanced age or to injuries and damage to health sustained during the war. Also, the vast majority of these officers belonged to unprivileged groups by social origin. It was found out that these officers were guilty of either official and disciplinary misconduct, or crimes of a material and financial nature, only one of the identified cases was related to murder. We can conclude that the experience of war did not have too serious negative impact on these people, and certain examples of the deviant behavior, which they had demonstrated, depended rather on their personal characteristics. For some of them, the offenses committed did not even prevent further successful career. We have a reason to assume that in the 2nd half of the 18th century combatants were able to adapt to after-war life and continue to serve in peaceful conditions, even in such a remote region of the Russian Empire as Siberia.

Keywords: combatants, deviant behavior, officers of the Russian army, Siberian corps, the 2nd half of the 18th century.

The article has been received by the editor on 08.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу девиантного поведения военнослужащих частей Сибирского корпуса, имевших опыт участия в военных конфликтах середины – второй половины XVIII в. Источниковой базой исследования послужили данные, содержащиеся в формулярных списках офицеров полевых и гарнизонных частей корпуса за период 1770–1780-х гг. По спискам было выявлено чуть более 40 чел.,

* **Андрей Владимирович Дмитриев**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: khaldeus@academ.org
Andrey Vladimirovich Dmitriev, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: khaldeus@academ.org

обладавших боевым опытом и совершавших те или иные правонарушения, уже находясь на службе в Сибири. Почти все эти офицеры несли службу в гарнизонных частях, что было связано или с их преклонным возрастом, или с травмами и ущербом здоровью, полученными во время войны. Также подавляющее большинство этих офицеров принадлежало по происхождению к непривилегированным социальным слоям. Установлено, что эти офицеры оказывались виновными либо в должностных и дисциплинарных проступках, либо в преступлениях материально-финансового характера, только один из выявленных случаев был связан с убийством. Из этого можно заключить, что пережитый опыт войны не оказывал на сознание этих людей слишком серьезного негативного воздействия, а те или иные варианты демонстрируемого ими девиантного поведения зависели скорее от их личностных характеристик. У некоторых из них совершенные проступки даже не препятствовали дальнейшей успешной карьере. Таким образом, есть основания предполагать, что во второй половине XVIII в. комбатанты были в состоянии адаптироваться к продолжению службы в мирных условиях даже в таком отдаленном регионе Российской империи, как Сибирь.

Ключевые слова: комбатанты, девиантное поведение, офицеры русской армии, Сибирский корпус, вторая половина XVIII в.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024 г.

Проблема «человек на войне» является вечной для всех исторических периодов, приобретающая совершенно особую актуальность в условиях текущего момента. Воздействие военных конфликтов на человеческое сознание и изучение их последствий имеют столь давнюю традицию научной разработки, что даже нет смысла приводить какие-либо примеры исследований. А вот вопросы о том, как ведут себя люди, непосредственно участвовавшие в боевых действиях с оружием в руках (т.е. комбатанты), в условиях мирной жизни, для разных хронологических отрезков российской истории изучены весьма неравномерно. Если на материалах XX столетия эта проблематика давно и успешно исследуется отечественными специалистами (достаточно назвать целый ряд работ Е.С. Сеньявской и ее коллег¹), то в отношении более ранних периодов приходится констатировать исследовательские лакуны. В первую очередь это связано с недостатком источников. По XIX в. имеется достаточно значительный набор нарративных источников, запечатлевших особенности поведения, установки сознания и жизненные стимулы комбатантов в обыденной обстановке². А вот для XVIII в. такие источники практически отсутствуют, в связи с этим на первый план выходят сохранившиеся архивные материалы.

Попытаемся дать хотя бы набросок интересующего нас сюжета на основе доступных данных о поведении тех военнослужащих в частях Сибирского корпуса, которые находились на «восточной окраине» Российской империи во второй половине XVIII в. уже после того, как им довелось принимать участие в войнах против Швеции, Пруссии, Османской империи. В свое время нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что даже в гарнизонных войсках на территории Сибири в период правления Екатерины II насчитывалась определенная доля офицеров, имевших реальный боевой опыт³; также нами были исследованы различные модели девиантного поведения военнослужащих, выражавшиеся в

¹ Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.А. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. М., 2017; Сеньявская Е.С. Фронтовая повседневность в войнах России XX в. как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.

² См., напр.: 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995; Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011; и др.

³ Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013. С. 100–107.

конкретных преступлениях и правонарушениях⁴. Теперь же мы считаем возможным объединить эти аспекты для того, чтобы показать, какие именно варианты девиаций были характерны для комбатантов, продолжавших военную службу в рядах армейских частей, дислоцированных в Сибири во второй половине XVIII столетия. Постараемся ответить на вопрос, до какой степени пережитый этими людьми опыт войны мог влиять на их поведение, в тех или иных случаях отклонявшееся от дисциплинарных норм и действующих законов.

Источниковой базой для решения поставленной задачи служат имеющиеся в нашем распоряжении формулярные (послужные) списки офицеров полевых и гарнизонных войск Сибирского корпуса за 1770–1780-е гг. Не будем касаться здесь их источниковедческой характеристики, поскольку она уже дана К.В. Татарниковым⁵, обратим внимание лишь на одно обстоятельство. Безусловно, более правильным выглядело бы обращение к материалам судебно-следственных дел военнослужащих, поскольку именно в этих делах можно найти максимум подробностей о девиантном поведении конкретных лиц. Но степень сохранности этих дел такова, что они охватывают лишь малую долю из всего массива статистики правонарушений и преступлений за более чем полувековой период начиная с 1730-х гг.⁶ Сохранилось всего около 350 судебно-следственных дел, подававшихся из канцелярий полков и батальонов Сибирского корпуса в Военную коллегию, тогда как общая цифра офицеров и рядовых, попавших под следствие и представших перед военными судами, исчислялась за это время тысячами человек. Кроме того, в эту цифру не входят лица, совершавшие дисциплинарные проступки, за которые наказания выносились во внесудебном порядке. А в формулярных списках, напротив, содержатся пусть и краткие, но все же достаточные для нашей цели сведения обо всех разновидностях поступков, подпадающих под определение «девиантных», которые позволяют нарисовать относительно полную картину интересующего нас феномена.

По спискам 1770–1780-х гг. нами выявлено всего 43 человека в штаб-офицерских (шестеро) и обер-офицерских (37) чинах, которые ранее были участниками военных конфликтов на европейском или южном (османском) направлениях, а теперь, находясь на службе в полевых (трое) и гарнизонных (40) частях Сибирского корпуса, «отметились» в глазах начальства с плохой стороны. Из них чуть более половины (23 человека) совершали должностные или дисциплинарные проступки, а еще 18 человек оказались виновными в преступлениях, связанных с финансовыми или имущественными хищениями. Постараемся показать наиболее типичные варианты этих проступков и преступлений, чтобы тем самым определить, к каким именно девиациям оказывались склонными люди, попадавшие на сибирскую службу после перенесенных тягот войны, и оказывал ли пережитый опыт влияние на их дальнейшую жизнь и стереотипы поведения. При этом, разумеется, необходимо учитывать и социальное происхождение этих лиц, т.е. из какой социальной среды они вышли, уже являясь носителями определенных установок и ценностей. Здесь можно сразу отметить, что дворян среди них насчитывалось всего девять человек, значительное большинство составляли выходцы из непривилегированных социальных групп – сыновья солдат, церковнослужителей, купцов, казаков и крестьян. Кроме того, четверо офицеров имели нерусское этническое происхождение.

Можно было бы предполагать, что столь малая доля дворян среди «нарушителей» объясняется присущими им воспитанием и самодисциплиной, однако почти все они принадлежали к мелкопоместным или даже беспоместным, фактически мало чем отличаясь по своему образу жизни от непривилегированных слоев. Единственным исключением здесь

⁴ Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 54–62.

⁵ Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

⁶ Обзор этих дел см.: Письмак Д.А. Комплекс судебно-следственных дел о преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Наука. Технологии. Инновации. Новосибирск, 2022. Ч. 8. С. 37–40.



Рис. 1. Обер-офицер пехотного полка русской армии второй половины XVIII в. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Спб.: Тип. В. С. Балашова, 1899. Ч. 4. С. 139

выглядит капитан 3-го мушкетерского полевого батальона Николай Неронов, который к 33 годам своей жизни (по данным формулярного списка за 1787 г.) успел совершить целый ряд правонарушений, происходя из очень богатой семьи. Его отец владел 2 тыс. душ крепостных, а сам Николай сразу после переворота 1762 г. поступил пажом ко двору императрицы Екатерины II. Достигнув совершеннолетия, он был выпущен в армию сразу с чином капитана в 1771 г., успел принять участие в нескольких сражениях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., потом в 1779–1780 гг. участвовал в подавлении волнений в Крыму. В дальнейшем Неронов оказался на службе в Сибири, вероятно, по причине того, что в 1782 г., получив трехмесячный отпуск, попытался вообще уйти со службы, однако через год оказался под судом «за праздное проживание» и был отправлен в Сибирский корпус. Здесь он в 1786 г. снова угодил под следствие за сожжение документов и подделку порученного ему следственного дела, когда «из представленного от невоинскому суду дела оказались великие несходства, пропуски и недополнения и перемены у подсудимых в ответах». А в 1787 г., находясь с кавалерийским эскадром

в Покровской крепости, он продавал казенный овес ямщику и крестьянину, а строевых лошадей кормил из собственных запасов, после чего, «дабы он Неронов впредь в подобных сему случаях с казной не смешивался, по ордеру корпусного командира арестован был на неделю с употреблением в пищу хлеба и воды»⁷.

Почти ровесником Неронова был «сверхкомплектный» подпоручик Томского гарнизонного пехотного батальона в 1783 г. Андрей Елчин, также успевший в ранней юности принять участие в завершающих сражениях русско-турецкой войны сначала сержантом, затем подпоручиком в 1-м фузилерном артиллерийском полку, но происходивший из мелкопоместных – он числился вместе с троими своими братьями владельцем 35 душ крестьян под г. Зарайском. Еще в конце 1770-х гг., состоя при артиллерийской команде в Ямышевской крепости, он «оказывался против звания своего в подлостях, шумстве, картежной игре и неопрятности, недостатком в мундире и прочей одежде и забирании разного звания у людей обманом в дом денег и товаров». Напиваясь пьяным, он избивал сослуживцев, подчиненных и даже больную старуху, вдову канонира, за что его неоднократно отправляли под арест на гауптвахту. Попытка привлечь его к ведению финансовой отчетности также провалилась, резолюция крепостного коменданта гласила: «По тому его слабому состоянию к определению к приходам и расходам казенного интереса подлинно безнадежен, разве за хорошим смотрением, ибо он довольно усмотрен в весе, мере и в счете слабо разумеет и прокладывать на счетах и на цифры вовсе не умеет»⁸.

Впрочем, таких молодых людей в нашей выборке немного, подавляющее большинство составляют заслуженные ветераны, начинавшие свою армейскую карьеру еще в правление Елизаветы, а кто-то даже при Анне Иоанновне. Капитан Алексей Евдокимов, обладатель 15 «ревизских душ», в годы Семилетней войны получил тяжелые травмы, когда под Цорндорфом «был ранен в правую ногу и голова разрублена», после чего его перевели из действующей армии на сибирскую службу. Однако здесь он вел себя совершенно неподобающим образом. В 1765 г. его посадили под караул за издержанье в бытность казначеем Томского

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1987. Л. 323 об., 324.

⁸ Там же. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508. Л. 790 об. – 792.

полевого пехотного полка 108 руб. казенных денег. В 1768 г. он обзывал коменданта Усть-Каменогорской крепости фон Паскау «поносительными словами» и оставил без внимания, что жившие у него в доме солдат и профос ходили воровать, запретив даже своей жене сообщать об этом начальству. А в 1781 г., находясь с командой в Тобольске, «был командирован для хождения главным рундом (обход для проверки караулов. – А. Д.), и он того не исполнил, на другой день при вечерней зоре (при сигнале отбоя. – А. Д.) усмотрен обер-комендантом фон Беклером пьяным нечувствительно, за что арестован и содержан был на гауптвахте»⁹. Видимо, Евдокимов получил на войне такой физический и психический ущерб здоровью, что периодически «срывался», отказываясь соблюдать дисциплинарные нормы, хотя отделялся за свои проступки гауптвахтами и «репримандами» (выговорами).

Вообще следует заметить, что среди прегрешений комбатантов в частях Сибирского корпуса формулировка «шумство и пьянство» встречается довольно часто. Эмоциональная неуравновешенность в сочетании с тяжелыми условиями жизни и службы в Сибири, вероятно, подталкивала довольно многих к разного рода дисциплинарным проступкам, и никакими штрафами и гауптвахтами не удавалось заставить офицеров вести себя надлежащим образом. Например, в составе 1-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона, дислоцированного в Забайкалье, мы обнаруживаем сразу нескольких лиц, в отношении которых в документах перечисляется длинный список их деяний. Поручик Алексей Алексеев, сын московского церковного причетника, участвовавший в Русско-шведской войне 1741–1743 гг., а затем, попавший в Сибирь, в 1765 г. сажал под арест по ложному обвинению своего сослуживца прапорщика Захарьина, сам будучи «в шумстве без мундира и шпаги»; в начале 1770-х гг. «за шумство и несправедливый на коменданта (Акшинской пограничной крепости. – А. Д.) Силкина донос и другие не порядочные поступки написан был из капитанов в поручики»; потом состоял под следствием «в брани коменданта секунд-майора Силкина, в кричании им на того же коменданта слова и дела государева (это после уничтожения Тайной канцелярии Петром III еще в 1762 г.! – А. Д.) и в других не порядочных поступках»; наконец, в 1779 г. и вовсе был разжалован «за пьянство и беспокойства написан был из поручиков в солдаты»¹⁰. Заметим, что к этому моменту Алексею уже исполнилось более 60 лет, но даже преклонный возраст не удерживал его от подобных поступков.

Сослуживец Алексева по батальону капитан Иван Алешин (из солдатских детей), также участник Русско-шведской войны начала 1740-х гг., занимая должность плац-майора в Селенгинске в первой половине 1770-х гг., несколько раз подвергался арестам «за шумство и пьянство и за не порядочные его чести поступки». В 1775 г. он получил от селенгинского коменданта распоряжение «о исследовании найденной надзирателем больных Паламошновым руки солдата Семенова суеверной книжки, и получа тот указ и книжку, напился пьян и зашел в казенный питейный дом», где показывал эту книжку «всякого звания людям». И в дальнейшем Алешин неоднократно оказывался пьяным при исполнении различных служебных поручений, что приводило к плачевным результатам, как в 1777 г., когда ему «велено было купленный дом купца Малкова освидетельствовать, можно ли в нем жить обер-офицеру, по которому и рапортовал исправным, а по свидетельству тот дом оказался во многом к поправлению надобным»¹¹. Ему удавалось избегать разжалования, отделяясь выговорами, внеочередными нарядами в караул, максимум арестами на несколько дней, но свою карьеру он фактически погубил собственными руками: став капитаном еще в 1767 г., он после этого за почти два десятка лет так и не получил повышения до штаб-офицерского ранга.

Впрочем, не всегда подобное поведение офицера означало конец его продвижению в чинах. Поручик Томского гарнизонного пехотного батальона Иван Завьялов (сын священника), в молодости сражавшийся со шведами под Вильманстрандом в Финляндии, а перед этим еще и с турками, в 1769 г. «за самовольные в разные деревни Томского уезда для

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 472 об., 473; Д. 508. Л. 787 об., 788.

¹⁰ Там же. Д. 325. Л. 220 об. – 222; Д. 510. Л. 246 об., 247.

¹¹ Там же. Д. 325. Л. 213 об., 214; Д. 510. Л. 234 об. – 236.



Рис. 2. Обер-офицер гарнизонного батальона русской армии второй половины XVIII в. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Спб.: Тип. В. С. Балашова, 1900. Ч. 6. С. 125

пьянства отлучки и за оболгание, якобы его отпустил комендант, и за многие невоздержные пьянства» был признан негодным к дальнейшему повышению¹², однако через полтора десятка лет, в 1784 г., мы обнаруживаем его с чином капитана в должности заседателя нижнего земского суда Кольванского уезда¹³.

Некоторых пьянство подталкивало к ложным доносам на сослуживцев, как это произошло в случае с крестьянским сыном Софроном Кикиным, капитаном 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона. Он воевал в годы правления Анны Иоанновны под началом фельдмаршала Б.-Х. Миниха, штурмовал Данциг (Гданьск) во время войны за «польское наследство» в 1734 г., а в Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. брал Перекоп и Очаков в 1736–1737 гг. В 1768 г., уже находясь в Забайкалье, он обвинял прапорщика Плескова якобы в растлении своей малолетней дочери, но в ходе расследования выяснилось, что «оныи доношение и в допросе показание чинил он от одного пьянства», за что получил выговор от начальства: «За неправильное при суде показание и чинимое пьянство в рассуждении немолодых его лет и беспорочной службы при собрании штаб- и обер-офицеров учинен реприманд»¹⁴.

А вот «сверхкомплектному» прапорщику того же Томского батальона Федору Дуркину не удалось отделаться так легко. Сын сибирского казака, он был зачислен в те полевые полки, которые в 1750-х гг. были выведены из Сибири в Европейскую Россию, участвовал в большинстве главных сражений Семилетней войны (при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г., при Пальциге и Кунерсдорфе в 1759 г., «где и ранен в левую руку ружейной картечью», в 1761 г. под Бреславлем), но в 1770 г. «написан был из сержантов в Сибирский гарнизон в солдаты без штрафа по делу Смоленского пехотного полка подпоручика Лупандина, будучи в команде его, за нерапортование на него, когда из собственных людей его, Лупандина, учинена кража в Курляндии у обывателя пожитков». В Сибири он сразу же «отличился» попыткой утаить у себя деньги, якобы «подаренные» ему колодниками, которых он конвоировал на каторгу до Нерчинских заводов, а через десяток лет, в 1782 г., «по призыву его к батальонному командиру по просьбе от прапорщика Вялова оказался весьма пьян и пришел в шубе и без шпаги, а против просьбы того Вялова нашелся виновным по выходе из питейного дома в бесчувственном пьянстве в ругательстве оногo Вялова матерной бранью и называние дочерей его бл...ми». За это ему сделали крепкий выговор, а кроме того, принимая во внимание, что он был переведен в Томск из Иркутска, дабы служить со своими родственниками, поэтому, как «сверхкомплектный», не получал денежного жалования, его квалифицировали неспособным продолжать службу: «За прежними пороками и вселившимся в него пьянством не только к повышению чина, но и в службе быть не годен, и верить ему ни в чем невозможно»¹⁵. Таким образом, даже возвращение в привычную жизненную среду не способствовало этому офицеру нормальному несению дальнейшей службы.

Желание «корытоваться» чужими деньгами или имуществом также, судя по всему, имело достаточное распространение среди ветеранов боевых кампаний на сибирской службе. Поручик Томского батальона, солдатский сын Прокофий Остафьев прошел всю Семи-

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 490 об., 491.

¹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. СПб., 1784. С. 475.

¹⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 325. Л. 211 об. – 213.

¹⁵ Там же. Д. 508. Л. 796 об., 797.

летнюю войну, а в 1778 г., будучи казначеем, оказался под следствием «за раздачу им из казначейской суммы обер-офицерам в число жалования денежной казны и за употребление из той же суммы на свои надобности немалого числа денег», так что городской комендант полковник Т. де Вильнев распорядился о взыскании с него соответствующих сумм¹⁶.

Поручик 2-го Селенгинского батальона Федор Павлов в сражениях с пруссаками получил несколько тяжелых ранений: «Будучи в 3-м кирасирском полку, в 1757 и 1758 годах на баталии и в самое сражение с неприятелем, где и ранен шпагой в голову, отчего две тяжкие раны, и при том и нос перерублен, левая нога мушкетной пулей прострелена». Незадолго до конца Семилетней войны ему даже довелось оказаться в прусском плену. В Забайкалье его, вероятно, из уважения к боевым заслугам, сделали начальником цейхгауза (вещевого склада) в одной из пограничных крепостей, но в 1772 г. выяснилось, что ему не стоило доверять распоряжение материальными активами. В списке батальона было отмечено: «Ныне состоит под следствием в неявившихся у него из приема казенных денгах и в прочих не порядках... за состоянием его под следствием достойным к повышению чина показать невозможно»¹⁷.

Не редкостью были случаи, когда гарнизонные офицеры, конвоируя арестантов или ссыльных, вымогали деньги у них или у крестьян с ямщиками. Поручик 3-го Тобольского пехотного батальона Иван Соколов (солдатский сын) имел за плечами не только Семилетнюю войну, но и схватки с отрядами Е.И. Пугачева в 1774 г.: «Против вора и злодея Пугачева и его полков в сражении теми злодеями ранен левой ноги в икру копьем и голова саблей разрублена, где и захвачен в плен, откуда отвезен ими в Челябинскую крепость, где и был в плену там 6 недель». В 1783 г., конвоируя колодников из Тобольска в Иркутскую губернию, Соколов грабил буквально всех встречавшихся ему людей, в ходе следствия был обвинен «в битье в деревне Каменской крестьянина Калинина да ямщика Дерягина, за взятки с колодника Вулихина 4 руб., из общего ящика из подаваемых в милостыню 3 руб., в Кусе-рятской подставе с ямщика 50 коп., в отборе насильно у колодников Коновалова юбки французской тафты, у женки Немцовой юбки же черной гризетовой, следуя дорогой с обывателей поросят и петухов». За все это он был на год разжалован в рядовые¹⁸.

Поручик Иркутского гарнизонного пехотного батальона Матвей Сонцов еще юношей сражался против турок под командой Миниха в походе к Днестру в 1738 г., под Хотинном и на Ставучанской баталии в 1739 г., достигнув 50-летнего возраста, в 1770 г. по распоряжениям иркутского губернатора генерал-поручика А. Бриля был арестован и содержался под караулом по двум делам: «За отлучку без дозволения из Иркутска в Смоленскую деревню к крестьянину в дом и за самовольное усильное взятие у предписанного крестьянина якобы за имеющийся на нем долг приведенной ему коровы с 2-годовалой телкой; за вступление с секретной содержавшейся на гауптвахте арестанткой в партикулярное обхождение и за взятие у нее денег 20 коп.»¹⁹. Последний эпизод наводит на мысль, что некоторые из комбатантов весьма вольно относились к женскому полу, несмотря на то, что семейная сфера в России XVIII в. продолжала регулироваться церковными канонами, предусматривавшими суровые наказания за прелюбодеяние.

В этой связи интерес представляет случай солдатского сына Василия Вяткина, дослужившегося до ранга секунд-майора и в 1786 г. состоявшего в штабе Семипалатинского полевого пехотного батальона. Он был участником двух больших военных кампаний: с 1758 по 1762 г. воевал в Пруссии, а в 1769–1771 гг. с турками, причем в одном из сражений за Дунаем «получил в левую ногу контузию» и был тогда же произведен из поручиков в капитаны «за храбрые и отличные поступки». В 1785 г., когда ему исполнилось 50 лет, жена Вяткина подала жалобу в Санкт-Петербургскую духовную консисторию «за безвинное

¹⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. 508. Л. 788 об., 789.

¹⁷ Там же. Д. 325. Л. 219 об., 220.

¹⁸ Там же. Д. 508. Л. 832 об., 833.

¹⁹ Там же. Д. 325. Л. 217 об., 218.

ее отринование от сожития с ним и за содержание при себе для прелюбодеяния молдаванской девки Катерины Христофоровой» (при этом у супругов уже была взрослая дочь Авдотья). В результате митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил вынес решение о наложении на майора епитимьи (церковного наказания) «с тем при том, ежели он объявленную девку в то место, откуда взял, не возвратит и законной жены к себе не возьмет, то епитимья не уменьшится». Исполнил это решение епископ Тобольский Варлаам, оно было объявлено Вяткину при Иоанно-Богословской церкви в Ямышевской крепости 25 августа 1785 г. О том, как складывалась его дальнейшая семейная жизнь, можно лишь догадываться, но вероятно, что Вяткин в конце концов помирился с женой, а на его дальнейшей карьере эта история не отразилась. Во всяком случае, в царствование императора Павла I на рубеже XVIII–XIX вв. он уже стал полковником и командиром Ширванского полевого мушкетерского полка²⁰.

Ряд должностных проступков комбатантов был связан с ненадлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей. Так, поручик Томского батальона Иван Панаргин, солдатский сын, участник почти всех сражений Семилетней войны, в 1771 г. конвоировал партию колодников на каторгу в Нерчинск и в пути, вопреки инструкции Сибирской губернской канцелярии, снял с них кандалы. В результате пятерым из этих колодников удалось сбежать. Военный суд в Иркутске приговорил поручика к смертной казни, однако Военная коллегия заменила ему смертный приговор разжалованием в солдаты, также оказавшимся недолгим, поскольку вскоре сибирский губернатор Д.И. Чичерин распорядился «по случаю тезоименитства ея императорского величества» вернуть ему офицерский чин²¹. Правда, этот эпизод, вероятно, закрыл Панаргину дорогу к дальнейшему продвижению в чинах, к 1783 г. он лишь перешел из «сверхкомплектных» в действительные офицеры. А воевавший с турками и шведами поручик 1-го Тобольского батальона Филипп Иванов (в 1737 г. был при взятии Очакова, где ранен из ружья дробью, в 1739 г. в битве при Ставучанах, в 1742 г. был при взятии Фридрихсгама и Гельсингфорса и с флотом на Аландских о-вах в команде фельдмаршала П. Фон Ласси) сначала оказался замешан в подделке документов, когда заменял в приходно-расходной книге листы с данными о запасах пороха и денег, считая нужным поправить ошибки писаря; впоследствии же отпустил из тюрьмы, стоя на карауле, «содержавшихся по важным делам девку Ковалеву и колодника Маслова», за что также получил от суда смертный приговор, однако был «в рассуждении долговременной его службы, а особливо для многолетнего ея императорского величества здравия от того освобожден», отделавшись только вычетом из жалования за два месяца²². Можно предполагать, что такие случаи свидетельствуют о проявлениях гарнизонными офицерами сочувствия к людям, попавшим в беду, даже если такое сочувствие было связано с нарушением законов и оборачивалось для них самих неприятными последствиями.

Пожалуй, наиболее заслуженным ветераном в составе анализируемой группы можно считать поручика 2-го Тобольского батальона Петра Нашильникова. Он родился в 1708 г.,



Рис. 3. Ober- и штаб-офицеры гарнизонного батальона русской армии второй половины XVIII в. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1900. Ч. 6. С. 120

²⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 13 об., 14. См. о нем также: Мирошкин Е.В. Социокультурный портрет офицеров полевых полков Сибирской инспекции в годы правления Павла I (1796–1801 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность. Иркутск, 2024. С. 83.

²¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 505 об., 506.

²² Там же. Л. 492 об. – 494.

вступил в армию в год смерти Петра Великого (1725), успел побывать в Иране перед выводом оттуда российских войск в начале 1730-х гг. («был в Персии в неоднократных сражениях»), затем в 1736 г. был при взятии Азова, где получил ранение в левую ногу, к концу русско-турецкой войны в 1739 г. сделался уже подпоручиком. Правда, производства в свой нынешний чин он добился только спустя почти четверть века, находясь же на службе в Сибири, постоянно попадал в разные истории за небрежное отношение к дисциплинарным нормам и служебным обязанностям. Еще в 1748 г. «за пьянство и ослушание полкового приказа» он был разжалован на год в солдаты, в 1756 г. самовольно послал двоих солдат искать «беглую женку», за что его на месяц ставили без очереди в караулы. В 1763 г. он исполнял обязанности провиантмейстера и не обратил внимания на ошибки в записях о приеме казенного овса от солдат-сборщиков, за что его на месяц понизили в чине. В 1766–1767 гг. Нашильников уклонялся от исполнения приказов начальства, не являясь в назначенный срок по вызову или сказываясь больным²³. Сказывался, конечно, и его преклонный возраст, но и сам он, судя по всему, был по натуре человеком не очень-то ответственным и несколько легкомысленным.

Наконец, обратим внимание на поведение нескольких комбатантов нерусского происхождения, которые встретились в изученных нами делах. Эпизоды, участниками которых оказывались эти лица, в основном касались опять-таки нарушений дисциплины или материально-финансовых махинаций. Курляндец Христофор Ливен был в рядах русской армии в Пруссии и Померании на завершающем этапе Семилетней войны в 1761–1762 гг.; в 1770 г., став подпоручиком, занимал вакансию прапорщика в 3-м Тобольском батальоне и не усмотрел за своим подчиненным, который, находясь вместе с ним в карауле у тюремного острога, снял оковы с неких «самоважных злодеев» и отобрал у них деньги. За это сибирским губернатором Чичериным и тобольским обер-комендантом А. фон Гиленсбергом ему был сделан выговор. Впрочем, вряд ли этот «остзеец» мог хорошо разбираться в предписанных ему служебных нормах, поскольку в его формулярном списке стояла помета: «Чин, имя и прозвание свое с нуждой подписывает, а читать по-русски не умеет»²⁴. Боевой опыт у Ливена был также весьма незначительный.

Гораздо более интересными представляются фигуры двоих уроженцев Пруссии, еще в годы царствования Анны Иоанновны поступивших на службу в российскую армию и, в конце концов, оказавшихся в Сибири. Дворянин Иоганн (Иван) Реберг приехал в Россию в 1738 г., когда ему исполнился 21 год, и сразу же вступил в армейские ряды, благодаря чему успел принять участие в завершающих сражениях Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., затем участвовал в войне со Швецией 1741–1743 гг. Вскоре после этого он был переведен на «восточную окраину» империи в составе одного из драгунских кавалерийских полков, передислоцированных сюда в 1744–1745 гг. К 1772 г. он уже получил штаб-офицерский чин секунд-майора и состоял «сверх комплекта на капитанской вакансии» при 1-м Тобольском батальоне. Несмотря на свое немецкое происхождение, вроде бы обязывавшее к точному соблюдению всех законов и дисциплинарных норм, он имел в своем послужном списке несколько инцидентов, за которыми следовали различные санкции. Так, в 1750 г. он «неосмотрительно» поставил свою подпись под документом, удостоверявшим купленных для нужд его Луцкого полевого драгунского полка лошадей как годных, на деле же эти лошади оказались негодными, за что Реберг поплатился своим месячным жалованием в тогдашнем чине прапорщика. В начале 1760-х гг. он, уже будучи поручиком, состоял под судом по жалобам обывателей Краснослободского уезда за взятки, а также «за причинение с девкой Ульяной блуда», однако отделался выговором, а в следующем году даже получил производство в капитаны. Наконец, в 1765 г. у него снова было вычтено месячное жалование «за неосторожность и неисполнение данного ему в смотре казенных дощаников повеления». Тем не менее данные эпизоды не повлияли на его продвижение в чинах, в 1769 г. ему

²³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 487 об. – 489.

²⁴ Там же. Л. 509 об., 510.

был присвоен секунд-майорский ранг²⁵. Впрочем, сколько-нибудь серьезным может считаться только одно из перечисленных дел, и то не приведшее к тяжелому наказанию.

Аналогичным выглядит служебный путь в рядах российской армии другого пруссака, Иоганна Антона (Ивана Антоновича) фон Линемана, бывшего не только дворянином, но и сыном генерала прусской службы. Благодаря этому он 19-летним юношей в 1736 г. зачислился в армейские ряды сразу с чином сержанта, также участвовал в войнах с Османской империей и Швецией, а с середины 1740-х гг. прибыл в Сибирь, где и остался до конца своих дней. В 1751 г., квартируя в дер. Комарицкой, он зачем-то устроил стрельбу в своем жилье, результатом чего явился пожар – за это он на две недели был посажен под арест и лишен жалования на полгода. А в 1763 г. его привлекли к ответственности по тому же судебному делу, что и Реберга, в Краснослободском уезде за махинации с поставками сена, в результате он был оштрафован на сумму в 25 руб. 40 коп. Однако и на его карьере эти прегрешения не оказали никакого влияния, уже во второй половине 1760-х гг. он в чине полковника командовал Якутским полевым карабинерным полком, а последние 20 лет жизни, с 1769 по 1789 г., в звании бригадира занимал в Иркутске должность обер-коменданта²⁶. Вероятно, репутация фон Линемана была достаточно высокой, если он достиг таких карьерных вершин, по крайней мере уже в 1770-х гг. ему никто не припоминал этих проступков, из его послужного списка они просто исчезли.

Крайне экзотически выглядит на этом фоне в 1786 г. фигура капитана Семипалатинского полевого пехотного батальона Йозефа (Осипа) Гейса. Сын саксонского дворянина, родившийся уже в России, он в конце 1770-х – начале 1780-х гг. служил на Северном Кавказе, участвовал в ряде сражений с кабардинцами и другими кавказскими горцами, а к середине 1780-х гг. был переведен на сибирскую службу. С 1785 г. он содержался при своем батальоне под арестом по обвинению, ни много ни мало, в заказном убийстве! Военным судом рассматривалось дело с обвинением «в смертном убийстве Семипалатинского полевого батальона солдатом Пестовским по просьбе его, Гейса, отставного драгуна Хлуева жены Варвары Матвеевой дочери», а в его послужном списке стояла резолюция корпусного генералитета, гласившая: «По такому учиненному им гнусному поступку ни в какой воинской службе быть не достоин»²⁷. О мотивах, которыми руководствовался Гейс (тогда еще достаточно молодой человек, ему было лишь 33 года), можно только гадать. Однако это единственный известный нам случай, когда находившийся на военной службе в Сибири за эти годы комбатант обвинялся в тяжком преступлении – в убийстве.

Подведем некоторые итоги. По изученным нами материалам можно заключить, что пережитый на войне опыт лишь в отдельных случаях мог оказывать такое влияние на офицеров, затем служивших в частях Сибирского корпуса, которое приводило бы к серьезным девиациям в их поведении. Скорее складывается впечатление, что те или иные девиантные вариации зависели в большей степени от склада характера и темперамента, личностных особенностей этих людей, а не от перенесенных ими ранее боевых тягот. Во всяком случае, многократно известных по примерам XX столетия и вплоть до современности эффектов, вроде полного пренебрежения человеческой жизнью, свойственных сознанию комбатантов, во второй половине XVIII в. мы не наблюдаем. Сущность же войны как феномена массового убийства во все времена остается одинаковой. Есть соблазн предположить, что появление подобных эффектов в новейшие периоды может быть связано с колоссальным технологическим совершенствованием орудий убийства, за которым перестала «успевать» психика человека.

²⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 459 об., 460.

²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 83. Л. 334 об., 335. См. о нем также: Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. М., 2019. Т. 1. С. 1170.

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 29 об., 30.

Литература

1812 год в воспоминаниях современников / отв. ред. А.Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995. 202 с.

Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина» / сост., ред., предисл. В.М. Безотосного. М.: Изд-во ГПИБ России, 2011. 461 с.

Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Справочник в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2019. Т. 1. 1396 с.

Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов III Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск: Параллель, 2013. С. 100–107.

Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов IV Регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 54–62.

Мирошкин Е.В. Социокультурный портрет офицеров полевых полков Сибирской инспекции в годы правления Павла I (1796–1801 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-теор. конф., посвящ. 110-й годовщине со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В.И. Дулова и 95-летию его ученика, д-ра ист. наук, проф. В.Г. Тюкавкина (Иркутск, 16–22 ноября 2023 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2024. С. 81–86.

Письмак Д.А. Комплекс судебно-следственных дел о преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. в 11 ч. XVI Всерос. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. Ч. 8. С. 37–40.

Сенявская Е.С. Фронтальная повседневность в войнах России XX в. как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.А. Человек и фронтальная повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. статья, оформл. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2013. Т. 1. С. 3–42.

References

Bezotosnyy, V.M. (Ed.). (2011). *Vospominaniya sovremennikov epokhi 1812 goda na stranitsakh zhurnala "Russkaya starina"* [Memoirs of Contemporaries of the 1812 Era on the Pages of the Magazine "Russian Antiquity"]. Moscow, Izdatel'stvo GPIB Rossii. 461 p.

Dmitriev, A.V. (2010). *Uroven' distsipliny i narusheniya zakona v russkoy armii serediny XVIII v.: sotsial'no-politicheskaya adaptatsiya voennosluzhashchikh v usloviyakh Sibiri* [The Level of Discipline and Violations of the Law in the Russian Army in the Middle of the 18th Century: Socio-Political Adaptation of Military Personnel in Siberia]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy*. Novosibirsk, Parallel', pp. 54–62.

Dmitriev, A.V. (2013). *Boevoy opyt ofitserov garnizoonnykh batal'onov Sibiri v nachale 1770-kh gg.: opyt analiza dannykh posluzhnykh spiskov* [Combat Experience of Officers in Garrison Battalions of Siberia in the early 1770s: Experience in Analyzing Service Records]. In *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh*. Novosibirsk, Parallel', pp. 100–107.

Miroshkin, E.V. (2024). Sotsiokul'turnyy portret ofitserov polevykh polkov Sibirskoy inspektzii v gody pravleniya Pavla I (1796–1801 gg.) [Socio-Cultural Portrait of Officers in Field Regiments of the Siberian Inspection during the Reign of Paul I (1796–1801)]. In *Rossiya i Sibir' v izmenyayushchemsya mire: istoriya i sovremennost'*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, pp. 81–86.

Pismak, D.A. (2022). Kompleks sudebno-sledstvennykh del o prestupleniyakh voennosluzhashchikh Sibirskogo korpusa (po materialam Rossiyskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva) [The Complex of Judicial and Investigative Cases on Crimes of Servicemen of the Siberian Corps (Based on the Materials of the Russian State Military Historical Archive)]. In *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii*. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGTU. Part. 8, pp. 37–40.

Senyavskaya, E.S. (2021). Frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX v. kak ob'ekt izucheniya: istoriograficheskiy itog trekh desyatiletii (1991–2021) [Frontline Everyday Life in the Wars of Russia during the 20th Century as an Object of Study: A Historiographical Summary of Three Decades (1991–2021)]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 20 (138), pp. 243–257.

Senyavskaya, E.S., Senyavskiy, A.S., Zhukova, L.A. (2017). *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX v.: ocherki po voennoy antropologii* [Man and Frontline Daily Life in the Wars of Russia of the 20th Century: Essays on Military Anthropology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 422 p.

Tartakovskiy, A.G. (Ed.). (1995). *1812 god v vospominaniyakh sovremennikov* [The Year 1812 in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Nauka. 202 p.

Tatarnikov, K.V. (2013). Predislovie [Foreword]. In *Posluzhnyye i smotrovyye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhdovyy ukazatel'*. Moscow, Staraya Basmanaya. Vol. 1, pp. 3–42.

Tatarnikov, K.V. (Comp.). (2019). *General'y i shtab-ofitsery russkoy regul'yarnoy armii 1729–1796 gg. Svedeniya o sluzhbe iz spiskov po starshinstvu* [Generals and Staff Officers of the Russian Regular Army 1729–1796. Information about the Service from the Lists by Seniority]. Moscow, Russkaya panorama. Vol. 1. 1396 p.

М.Н. Супрун*

**ГЕРМАНСКИЙ ПЛЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ИСТОРИКА М.И. РОМАНОВА**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-9
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Супрун М.Н. Германский плен Первой мировой в воспоминаниях историка М.И. Романова // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 119–136.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-09.pdf>

M.N. Suprun*

**GERMAN CAPTIVITY OF THE FIRST WORLD WAR
IN THE MEMOIRS OF THE HISTORIAN M.I. ROMANOV**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-9

How to cite:
Suprun M.N. German Captivity of the First World War in the Memoirs of the Historian M.I. Romanov // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 119–136.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-09.pdf>]

Abstract. The article deals with the stay in German captivity during the First World War of the famous northern historian, folklorist and teacher Mikhail Ivanovich Romanov. The paper is based on his diaries and post-war papers, which had been preserved in the family archives of M.I. Romanov's relatives. The diary begins with the author's description of motives for going to the war as a volunteer and the monstrous corruption that he had to face during the time of the formation of his unit and on the way of the unit to the front. When this poorly prepared and equipped regiment to which M.I. Romanov was assigned was thrown into the battle, it was almost completely captured. The article, contrary to the existing view of the First World War captivity, shows that the majority of the Germans sympathized with the captured enemy, burghers or entrepreneurs, to whose economy the prisoners were sent, did not burden them with hard work, fed them well, but they also paid them money which was enough for the POWs to visit local bars. Sick prisoners were usually sent to Russia after passing medical examination. Moreover, there were many Russian doctors in the status of POWs, who received almost the same salary as their German colleagues. Those doctors saved a lot of lives of Russian POWs. This compendium of a multi-page diaries as well as the diaries itself, allows both to take a fresh look at the detention of prisoners of war in German camps according to their social status, the exploit of POWs at various types of work, the relationship between POWs of different nationalities, their perception of the reality... as well as it also opens new pages in the history of the First World War.

Keywords: World War I, German captivity, memoirs of the former POW.

The article has been received by the editor on 21.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Данная статья посвящена пребыванию в германском плену в годы Первой мировой войны известного на Севере историка, фольклориста и педагога Михаила Ивановича Романова. В основу работы положен дневник и послевоенные записи ученого, сохранившиеся в семейных архивах родственников М.И. Романова. Дневник начинается с описания мотивации ухода на войну его автора в качестве добровольца и чудовищной коррупции, с которой пришлось столкнуться ему уже в ходе формирования подразделения и по пути на фронт. Когда плохо подготовленный и так же плохо экипиро-

* **Михаил Николаевич Супрун**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: suprun.ru@mail.ru
Mikhail Nikolaevich Suprun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: suprun.ru@mail.ru

ванный полк, к которому был приписан М.И. Романов, был брошен в бой, он почти в полном составе оказался в плену. В статье, вопреки существующему представлению о плене Первой мировой, показано, что в большинстве своем германцы сочувственно относились к пленному противнику, а бюргеры или предприниматели, в хозяйство которых направлялись пленные, не только не утруждали их работой и хорошо кормили, но и платили деньги, на которые военнопленные могли себе позволить посещать местные бары. Больных пленных после прохождения медкомиссии обычно отправляли на родину. Причем среди врачей было немало русских в статусе военнопленных, которые получали почти такое же жалование, как и их немецкие коллеги. Благодаря таким докторам были спасены жизни многих русских солдат. Данный компендий многостраничного дневника, как и сам дневник, позволяют не только по-новому взглянуть на содержание военнопленных в германских лагерях по их социальному статусу, использование военнопленных на различных видах работ, взаимоотношения пленников разных национальностей, мироощущения, но и открывают новые страницы в истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, германский плен, мемуары бывшего военнопленного.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

История Первой мировой войны в отечественной историографии на многие годы была вытеснена историей войны Гражданской, в которую «Великая война» и должна была перерасти по замыслу большевиков. Тем ценнее каждый новый исторический источник по истории Первой мировой. Данная статья – компендий дневника времен той войны известного на Севере историка и филолога Михаила Ивановича Романова (28.02.1886-19.06.1956), сына высланного на Север видного народника Ивана Михайловича Романова¹. Революционно-народнические взгляды отца не могли не отразиться на мировоззрении сына. За участие в Первой российской революции Михаил Романов был отчислен из Тотемской учительской семинарии. Был призван на службу в армию, откуда по убеждениям дезертировал в 1909 г., за что несколько месяцев провел в заточении. Дезертирство из царской армии, тем не менее, не помешало ему продолжить университетское образование, прерванное вскоре войной, на которую он ушел добровольцем в 1915 г. Уже в первом бою его полк оказался в окружении под Митавой и М.И. Романов вместе



Рис. 1. Михаил Иванович Романов (фото начала XX в.)

¹ Романов Иван Михайлович (1851–1918), сын священника Вельского уезда Вологодской губернии. Учился в Вельском духовном училище (1862–1869) и Вологодской духовной семинарии (1869–1874). В 1874 г. поступил в Петровско-Разумовскую земледельческую академию в Москве, где примкнул к кружку «петровцев», которым руководил М.Ф. Фроленко. Осенью 1875 г. арестован и отправлен в тюрьму на время подготовки «процесса 50-ти». В ходе другого крупного процесса («процесса 193-х») выяснилась его причастность к народникам, за что в 1876 г. был выслан в Олонецкую губернию, замененную вскоре по ходатайству брата Николая ссылкой в Вологодскую губернию, сначала в Сольвычегодск, потом – на родину, в с. Дмитриево Вельского уезда, где и после освобождения от надзора в 1880 г. продолжил революционную деятельность. Участник Первой российской и Февральской революций. Осудил переворот большевиков в октябре 1917 г. Умер и похоронен на родине, в с. Дмитриево (Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1931. Стлб. 1349–1350: фот.; Щупин В.И. Народник Иван Романов // Румянцевский музей [Электронный ресурс]. URL: <https://rummuseum.ru/portal/node/896?ysclid=lrpexv4y1u649729079> (дата обращения 28.03.2024)).

с товарищами – в германском плену. Четыре раза он пытается бежать: два на восток, в Россию и два на запад, в Данию. Лишь четвертая попытка оказалась удачной. Все три года пребывания в плену М.И. Романов вел дневник. За этим занятием его застала куратор лагеря для интернированных Ингеборг Стеманн, дочь губернатора датской провинции Рибе². Светлый ум, хорошие манеры, знание языков, а также царская фамилия (как ни отрицал М.И. Романов свою принадлежность к царствующей династии) сблизили молодых людей. После их помолвки Ингеборг Стеманн, будучи преподавателем Копенгагенского и Сорбонского университетов, опубликовала часть дневниковых записей М.И. Романова (до сих пор найденные) в одном из французских изданий. На полученный «гонорар» бывший пленник добрался через Скандинавию в революционную Россию, обещав Ингеборг вернуться.

Воспоминания о германском плене, состоящие из более чем 250 страниц, – лишь небольшая часть «Родовой повести семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области, XVII–XX вв.», которая в виде рукописных фрагментов была собрана и передана родственниками, включая автора этих строк, в Вельский краеведческий музей³. Другую часть рукописей сын М.И. Романова Лев Михайлович и его супруга передали профессору медицины П.В. Ипатову, который опубликовал ее на гектографе для семейного пользования⁴. Между тем большая часть работ Михаила Ивановича Романова по-прежнему хранится в семейных архивах, оставаясь недоступной для специалистов⁵. Для пересказа и комментариев многотомной «Родовой повести...» нами была выбрана та часть, которая посвящена пребыванию М.И. Романова в плену с 1915 по 1918 г. – уникальному рассказу, во многом меняющему наши представления о германском плене и восприятии Первой мировой войны ее участниками.

Повествование о войне Михаил Романов начинает с описания организации призыва: «Объявление войны пришло в бурную грозовую ночь. В доме местного священника слышны были песни, звуки гармоники. Там шла свадьба поповой дочки. Зловеще кричала сова под крышею, грозно гремели раскаты грома, и так странно врывались в эти звуки человеческого веселья. Мы с Антоном⁶ (младшим братом Михаила Ивановича, гимназистом. – М. С.) сидели у окна и наблюдали грозу. Вдруг к волостному правлению подскакал верховой вестовой, гулко и нетерпеливо начал барабанить в дверь. Я вышел на балкон и спросил его: Что стряслось?»

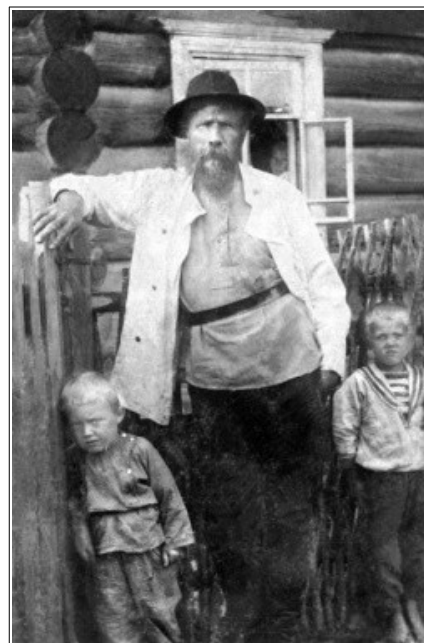


Рис. 2. Ссылный народник Иван Михайлович Романов с сыновьями Вениамином и Вячеславом (фото конца XIX в. из архива П.В. Ипатова)

² Ингеборг Хельга Фредерик Амалия фон Стеманн (Штемани), род. в г. Раннерс 10 мая 1889 г., дочь губернатора Рибе Густава фон Стеманна. Преподаватель, лингвист. Автор 5 книг по языкознанию. В 1950-е гг. – директор Летних лингвистических курсов для иностранных студентов при Копенгагенском университете. Кавалер датского ордена Даннеброга (1954 г.). Скончалась 27 мая 1973 г. в Копенгагене.

³ См. МУК Вельский районный краеведческий музей им. В.Ф. Кулакова, кп – 9204.

⁴ Романов М.И. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв. Ч. 2. Россия на рубеже веков, взгляд из северного захолустья. Детство, юность, молодые годы. Армия, казарма, крепостная тюрьма (мемуары 1886–1914 гг.). Ч. 3. Война и революция в России глазами членов семьи Романовых и их друзей. Плен, чужбина, становление Советской власти в Мурманске, ранение, возвращение домой (мемуары 1914–1920 гг.). М., 2008. (Семейный архив П.В. и А.В. Ипатовых).

⁵ Часть библиотеки и привлеченных к публикации рукописных материалов из книг М.И. Романова, включая «По ухабам жизни» и «По Полярной Звезде», была передана автору публикации М.Н. Ипатовой-Романовой – жене брата Михаила Ивановича – Вениамина в 1974 г. в п. Кизема Архангельской области.

⁶ Младший брат Михаила Ивановича Антон после окончания офицерских курсов в звании прапорщика 302-го Сурлинского полка погиб 13 сентября 1915 г. в бою у деревни Уречье в 70 км от Минска.

– Война объявлена. Немедленно нужно проводить мобилизацию! – и вновь забарабанил в дверь. Я не спросил его, с кем война, по международным событиям я уже ждал войны с Германией»⁷.

Вскоре по округе начался призыв с проводами ратников и досрочных рекрутов. «Обыкновенно призываемые служили молебен пр.(есвятой) Троице, а потом, перед отправкой, почти все соседи считали долгом зайти в дом отправляющегося и проститься с ним самым родственным способом. Приглашался на провода и священник, который благословлял будущего воина совместно с родителями...»⁸.

М. Романов, не колеблясь, принимает решение идти на фронт. Понимая, что может вернуться с войны инвалидом, он едет в г. Вельск, чтобы сдать экстерном экзамены на получение «сертификата» учителя (в случае инвалидности, – рассуждает М.И. Романов, – учительским трудом можно было бы всегда себя прокормить). Заручившись заветным сертификатом, он отправляется в Москву, мечтая поступить в авиационную школу. Но по прибытии в Первопрестольную узнает, что из-за неких бюрократических проволочек сможет стать курсантом авиашколы не ранее чем через два-три месяца. От предложения пройти 6-месячные офицерские курсы он также отказался, будучи уверенным, что за время обучения война может закончиться. Тогда М. Романов подает прошение направить его на фронт добровольцем. Причину такого решения объясняет так:

«А я-то зачем еду на фронт добровольно? Что меня гонит? Какая необходимость?... Я начинал чувствовать, что теряю собственное “Я”, свою душу, что погружаюсь в болото обывательской, мерзостной жизни со скотскими инстинктами, что человеческое начало начинает покидать меня. Чтобы встряхнуть эту одурманивающую сонливость и лень, мне нужны были сильные ощущения, черт с ним, что и убьют, так разве не лишают жизни по собственному желанию многие люди, устав сопротивляться этими мерзостями, а не хотел ли и я тоже покончить свою жизнь сам, так мне ли бояться смерти. Я хочу шторма и наплевать, что в шторме я погибну»⁹.

12 февраля 1915 г. добровольца Романова определяют в московские Спасские казармы. А уже через неделю после «бесполезной» подготовки его роту, состоящую исключительно из волонтеров, отправляют в Варшаву. За неделю «обучения» рядовой Романов увидел то, что складывалось в армии и государстве годами. «Процветало казнокрадство, – записывает он в дневнике. – Артельщики и повара продавали провизию целыми мешками... унтер-офицеры и фельдфебели тащили каждый в меру своей способности, а про высшее начальство ходили самые темные слухи, вплоть до того, что высшее начальство обворовывает солдат и казну и продает германцам солдат целыми армиями, – что тоже не могло способствовать боевому духу солдат»¹⁰.

Всю дорогу в вагоне-теплушке до Варшавы солдаты играли в «двадцать одно очко», «...издевались насколько хватало остроумия над российскими порядками и своим российским начальством за глупость и неповоротливое тугодумие, а главное – повальное казнокрадство, скарденность, что даже при посылке на фронт, на смерть не обеспечить этих солдат даже нормальным питанием, вынужденным на каждой станции “шкалить”»¹¹.



Рис. 3. Спасские казармы на Садовой-Спасской улице в Москве. Фото: П.П. Павлов, 1910-е гг.

⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. Ч. 3: Война и революции в России глазами членов семьи Романовых и их друзей... С. 257.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Там же. С. 259.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ Там же. С. 263.

По прибытии в Цеханув¹² роту, к которой был приписан Романов, зачислили в 151-й Пятигорский полк XIX корпуса, который тут же перебрасывают в Курляндию, где германские войска прорвали фронт. 22 апреля полк прибыл в Митава¹³, а спустя 4 дня состоялось первое столкновение с противником, в ходе которого германцам удалось уничтожить штаб полка вместе с командиром, захватив полковое знамя. На следующий день полк попытался контратаковать, но попал в окружение. Завязалась перестрелка. Далее М.И. Романов так описывает свое участие в бою: «...Я прицелился из винтовки в бежавшего на меня пожилого немца в очках, щелкнул курком и тут только вспомнил, что моя винтовка не стреляет, опустил дуло и ждал ответного выстрела. Немец тоже остановился и прицелился. Но тоже опустил ее и махнул мне рукой в сторону – там строились уже в колонну наши солдаты, сдавшиеся в плен. Лицо его выражало смущение и утомление. Я бросил винтовку и пошел к колонне. Тут меня схватил за рукав другой немец:

– Цукер, цукер! – Найн цукер, – сказал я ему и встал в колонну, где уже стоял мой приятель Набережный.

С этого момента, 17 часов 28 апреля 1915 года, началась моя новая фаза жизни – в немецком плену»¹⁴.



Рис. 4. Карта лагерей для военнопленных в Германии в годы Первой мировой войны

В том бою в плен попал почти весь 151-й полк. По крайней мере, в колонне пленных, которую гнали после боя на станцию Тильзит¹⁵, было не менее двух тысяч человек. На станции их погрузили в вагоны и через Кенигсберг 7 мая доставили в лагерь близ городка Черск¹⁶. Это был лагерь лазаретного типа, обнесенный по периметру рядами колючей проволоки. Внутри – 50 барачков, рассчитанных на 80 человек каждый. Первые дни пребывания были отведены на санобработку и противоэпидемиологическую вакцинацию. Пленных партиями загоняли в баню и, наскоро обмыв водой, заставляли смазывать волосатые части тела особой мазью, от которой «гибли даже зародыши вшей и блох». Оставленную на пороге бани одежду отвозили в город для дезинфекции в специальных печах. Пока обрабатывали и перевозили одежду, пленные часами сидели нагими возле бани. Благо конец апреля 1915 г.

¹² Цеханув (польск. Siechanów) – город в Мазовецком воеводстве Польши в 100 км к северо-западу от Варшавы.

¹³ Город Митава – центр Курляндской губернии. Современный латвийский город г. Елгава (Jelgava).

¹⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 277.

¹⁵ Тильзит – город в Восточной Пруссии (ныне г. Советск Калининградской области РФ).

¹⁶ Черск (польск. Czernsk, нем. Heiderode) – город в составе Поморского воеводства Польши.

в тех краях выдался очень теплым. Около месяца пленников держали на карантине, по прохождении которого стали назначать на лагерные работы по чистке картофеля, удобрению полей из ассенизационных бочек и осушению болот. Часть пленных привлекали к «казенным работам» на соседних фабриках или в поместьях.

Русских из барака для «интеллигентов», куда попал М. Романов как учитель, к работам не привлекали. Но вскоре ему наскучило сидеть без дела и он попросился направить его куда-нибудь. Куда – не важно. И как только собралась партия из нужных 10 человек, ее отправили для работ на небольшой фабрике по производству крахмала («немецкой муки») на станцию Ненварк (польское название – г. Ново-Място¹⁷). Здесь пленников встретил весьма добродушный хозяин, распределивший партию по рабочим местам. Работа, как оказалось, не была утомительной, да и кормили неплохо. «В 8 часов пили кофе с хлебом, в 12 часов шли в город на обед. Обед состоял из двух блюд. Был вкусен и обилен. Часовой крепко стоял за наши интересы, и когда однажды нам дали тухлого мяса, он пробрал хозяина ресторана. В 13 шли на фабрику и работали до 18 часов. В 18 часов отправлялись домой, умывались или купались в реке. Она протекала по садику ресторана. После этого ужинали. Чистили картофель для завтрашнего обеда. Затем начинали горланить песни или шляться по садику»¹⁸. Приставленный часовой почем зря ругал политиков, развязавших войну, и вскоре совсем перестал сопровождать пленных. Это увидел приехавший на завод офицер-инспектор. Вместо немецкого часового был поставлен солдат из поляков, который также ничего плохого не делал, лишь формально неся свою службу.

Когда работа на крахмальной фабрике закончилась, пленных передали владельцу соседней сыроварни. Здесь их также не очень утруждали работой, да и кормили неплохо. На обед водили в дом пожилой польки, которой очень нравились русские песни. За песни та угощала пивом. Впрочем, пленные часто сами бегали за пивом и шнапсом в соседнюю корчму, несмотря на то, что это было категорически запрещено под страхом отправки на фронт приставленного к ним конвоира. Денег, которые получали пленные за работу, вполне хватало на посещение питейных заведений.

По окончании работ на сыроварне пленников разделили: часть из них была направлена на стройку, другая часть, в которую попросился М. Романов, – на сельхозработы в усадьбу немецкого бюргера. «Кормили неплохо. Работали не утомительно и не от зари до зари, как в российской деревне, а с половины седьмого и до 18 часов, с перерывами на завтрак, обед и “вечер”, т.е. вечерний кофе с хлебом. Убирали хлеб с полей. Работали в саду и на сенокосе. Молотили. Разбирали старое здание»¹⁹. В воскресенье обычно не работали, проводя время либо в трактире («ресторане») за пивом, либо на гуляньях за околицей с местными «хлопаками» и с солдатами, прибывшими на побывку. И хотя на ночь хозяин запирали пленников в отдельной комнате, это не помешало одному из них (рядовому Пыхову) завести роман и обвенчаться с дочкой владелицы ресторана. При такой вольности, будучи всего в 50 верстах от линии фронта, М. Романов не мог упустить возможность бежать, а потому стал запасаться провизией.

Первый побег. Обменяв с новоиспеченным женихом Пыховым свой мундир на гражданский костюм и шляпу, подаренные жениху будущей тещей, М. Романов в ночь на 1 сентября 1915 г. выбрался через окно и, ориентируясь по Полярной звезде, двинулся на восток. Но, не пройдя и полпути, на следующий день был остановлен германским патрулем и доставлен в помещение караула. «В караульном помещении меня встретили очень гостеприимно, – записал М. Романов. – Накормили до отвала гороховым супом с мясом. Напоили кофе. Предложили курить. Я отказался. Начались расспросы:

- Что, плохо кормили, что сбежал?
- Нет, кормили хорошо.

¹⁷ Нове-Място (польск. Nowe Miasto) – название городов и гмин в Мазовецком воеводстве Польши.

¹⁸ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 284.

¹⁹ Там же. С. 286.

- Тяжело работать?
 - Нет, работать было не тяжело.
 - Жена, дети дома?
 - Нет, я еще холостой.
 - Зачем же тогда убегать? Ведь в России опять на позицию пошлют. Убить могут.
 - Но это долг солдата!
- Все смеются и пожимают в недоумении плечами.

– Дурак! – сказал один по-польски. – Я бы на твоём месте завел себе Маруську и жил бы себе спокойно. Черт бы взял эту войну и все эти долги солдатские и несолдатские! Все это – забобона!

Отвращение к войне и страх перед ней ясно сквозили из их всех слов. Я удивлялся – откуда взялась легенда о каком-то особенно шовинистическом настроении германской армии? Настроение немецких солдат было таким же, как и у русских солдат»²⁰.

На следующий день караульные доставили М. Романова в ближайшую тюрьму²¹, которую охранял один-единственный безоружный надзиратель. На следующий день в сопровождении конвоира пленника препроводили на гауптвахту в Стасбург²², где продержали несколько дней. 8 сентября М. Романова снова доставили в Черский лагерь и поместили в барак для беглецов. Таковых там насчитывалось около семидесяти. Всем им за побег полагалось три недели строгого ареста и два месяца ношения кандалов и робы с отличным большим белым крестом на спине. Работа – только в пределах лагеря либо санитарями, либо уборщиками.

Поскольку фронт по-прежнему был близок, а работа невыносимая, М. Романов вновь начинает готовить побег. Оказалось, что проще всего это было сделать через лазарет. Набравшись храбрости, М. Романов обратился к русскому врачу из пленных, полковнику Вольпе, с просьбой поместить в лазарет, что позволяло избавиться от креста на спине, а по выздоровлении – попасть на работы за пределы лагеря. Полковник, не задумываясь, написал в картах Романова и еще нескольких его товарищей «нужные» болезни, и 12 сентября бывшие беглецы оказались на больничных койках. Благодаря русским докторам, приписывавшим пленным различные «редкие» болезни, бывшие беглецы пробыли в лазарете до конца апреля 1916 г. За это время М. Романов усовершенствовал свой немецкий и «вполне сносно» научился читать по-польски. В те годы воюющие стороны еще старались соблюдать статьи 2-й Женевской конференции о военнопленных, не только оказывая всевозможную врачебную помощь, но даже практиковали отправку больных и инвалидов на родину. Для этого нужно было пройти специальную врачебную комиссию. Ближайшая от Черска комиссия находилась в лагере Альтдамме²³, куда и решил попасть М. Романов, обратившись к лагерному доктору С. Задарновскому.

Попытка второго побега. Известно, что Германия активно привлекала пленных докторов к лечению раненых и больных соплеменников. Не один десяток русских военнопленных спасли такие врачи, как С. Задарновский. Благодаря ему М. Романов оказался в числе «больных», коих по всем диагнозам, записанным в лазаретную карту, должны были отправить домой. Тем более что по заверению доктора С. Задарновского в комиссии должен был быть его знакомый русский врач, а потому прохождение комиссии становилось не более чем формальной процедурой для возвращения в Россию.

30 апреля 1916 г. почти 300 русских военнопленных, подлежащих медосмотру, доставили в Альтдамм, где разместили в палатках полевого лагеря. Через неделю начался осмотр,

²⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 293.

²¹ В районе некоего «местечка Зонденбург».

²² Страсбург или Страсбур (франц. Strasbourg), Штрасбург (нем. Strassburg) – современный город и коммуна на востоке Франции, историческая столица Эльзаса.

²³ Домбе (нем. Дамм, Альтдамм или Штеттин Альтдамм) – нынешний муниципальный район города Щецин в Польше. В годы Первой мировой войны там находились 4 лагеря для военнопленных, рассчитанных на 15 тыс. человек каждый.

но проводил его только немецкий доктор. «Среди других узловатых и изможденных с желтой морщинистой кожей, дряблыми мышцами моя фигура, – записал в дневник М. Романов, – резко выделялась в веренице очереди. Сложение фигуры в виде эллинских статуй, с нормально розовато-белой кожей, с мускулатурой молотобойца, которая не раз показывала свое превосходство в кулачных боях. Теперь же все это... погубило меня»²⁴. Кандидатура «больного» М. Романова для отправки на родину была забракована. Из палаточного лагеря его и несколько других «больных» пленных отправили в дощатый барак, называемого «туберкулезным», для прохождения дополнительного карантина. В лагере была хорошая библиотека, что дало возможность М. Романову серьезно подтянуть знание языков²⁵.

20 июня 1916 г. всю партию «туберкулезного» барака перевезли в лазарет лагеря Шпротау²⁶. Питание здесь было много лучше, чем в Черске, да и территория больше, поэтому пленные все время проводили на свежем воздухе, играя в лото или в карты. Можно предположить, что улучшенное питание, прогулки на воздухе и стремление к уединению уберегли М. Романова от инфекции в туберкулезном бараке. Уединению способствовало и наличие в лагере библиотеки, в том числе с русскими книгами, которые М. Романов «быстро перечитал... Нашлись кое-какие польские, – записывает он в дневнике, – я их тоже перечитал. Нашлись три книги немецкие, и те перечитал. Остались французские. Французы тоже лежали в нашем лагере, но отдельно от русских. Один француз посоветовал мне выписать словарь и грамматику французского языка через его знакомую, жившую в Швейцарии, дал адрес: М-Ме С. де Клоррайпд Мотель “Европа” Моптреаух Сайссе. Я написал. Вскоре появилась посылка, и в ней, кроме указанных книг, были вложены белые сухари, шоколад, чай, сахар, табак»²⁷. Словарь и учебник позволили быстро освоить французский. Через три месяца он уже читал в день по 100–120 страниц, правда, до разговорного или письменного французского было еще далеко²⁸.

К февралю 1917 г. почти всех пленных перевели из лазарета в лагерные бараки. Резко ухудшилось питание: на завтрак давали кружку эрзац-кофе («каву», как называли его солдаты) и дневную порцию хлеба – 200 г. На обед – бурду с грязными овощами. На ужин –



Рис. 1. Северин Стефанович Задарновский (1887–1961). Фото в лагере Черск, 1916 г. Из архива П.В. Ипатова

²⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 314.

²⁵ Спустя несколько лет этих знаний вполне хватило М.И. Романову, чтобы экстерном сдать экзамен в Государственном центральном институте заочного обучения и получить диплом «переводчика немецкого и английского языков высшей квалификации».

²⁶ Здесь речь идет о лагере в 3 км от городка Спротау (ныне город Шпротава на западе Польши в Любушском воеводстве).

²⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 321.

²⁸ Поздравляя с Рождеством брата Александра, Михаил Иванович сообщил ему, что в плену пишет «роман из Устьянской жизни» и просит прислать учебник «Физика», бумагу и большой русско-немецкий словарь. Однако по данным из Красного Креста, пленным разрешалось присылать напрямую из России только деньги. Посылки же должны были пересылаться только через Комитеты помощи военнопленным в Москве или представительства Красного Креста в нейтральных странах. При отправке из Москвы разрешалось вкладывать в них не более 8 фунтов (3,6 кг. – М. С.) в ящике: «белье по штучке, махорка, съестное всего 2 фунта» по 75 коп. за посылку. Через Швейцарию каждая посылка должна весить не более 2,5 фунтов (1,1 кг) и стоила 30 коп. за упаковку, а через Голландию можно было посылать бесплатно и без ограничений веса в одном ящике. (Из писем 1916 года И.М. Романова, М.И. Романовой и Е. Жаворонковой, хранящихся в семейном архиве П.В. Ипатова и Л.М. Романова). Обычно из Москвы посылка доставлялась в течение 1–2 месяцев, из нейтральных стран и Франции – до 3-х месяцев. (М. С.)

вареную морковь или брюкву. При этом заставляли работать. М. Романов определили на земляные работы, требовавшие больших физических затрат. При том что он был принципиальным противником работы на немцев, о чем не раз сообщал в переписке с родными. Узнав от соседей по бараку о том, что «фаулей» (т.е. «лодырей» или слабых здоровьем землекопов) переводят на более легкие сельскохозяйственные работы, М. Романов стал делать все, чтобы оказаться в числе «лодырей». Однако вместо перевода на более легкие работы его в числе других таких же «фаулей» отправили в лагерь Ляубан (Lauban), известный тяжелыми условиями труда и быта.

Первые пять дней пребывания в Ляубане были предоставлены для обустройства. К удивлению пленников условия размещения в лагере выгодно отличались от таковых в Шпротау. Помещения были похожи на жилые комнаты с деревянными полами и большими окнами. Не было нар. Люди спали на койках или на полу. В центре стоял длинный стол и пара скамеек по бокам. Размещением в бараке и распределением на работы ведал староста из русских пленников. К нему и обратился М. Романов с просьбой направить его на работу в лес, откуда было легче совершить побег. Его желание бежать еще более укрепилось, когда «лесную партию», в составе которой оказался М. Романов, доставили в имение некоего графа и разместили в огромном бараке с 3-этажными нарами, рассчитанном на 400 человек. Невыносимые условия существования, каторжная работа в лесу заставили пленника вновь обратиться к докторам, чтобы те помогли ему вернуться в Ляубан²⁹. Те внесли в его лазаретную карту «нужные» болезни, и вскоре М. Романов снова оказался в базовом лагере. Его возвращение совпало с доставкой в Ляубан гуманитарной помощи из России и Америки. Каждому военнопленному в тот день было выдано по 3 кг ржаных сухарей из России и по проднабору консервов с галетами из США. От неумеренной пищи у всего барака началось несварение желудка. Врачи не успевали осматривать больных. В ходе очередного осмотра М. Романов пожаловался на полипы. Лагерный доктор предложил для их удаления съездить в госпиталь соседнего городка Герлиц.

С направлением на операцию М. Романов в гражданской одежде в пассажирском вагоне и в сопровождении конвоира прибыл в военный госпиталь Герлица. «Госпиталь, – записал в дневнике М. Романов, – здание в выдержанном готическом стиле. Великолепна обстановка. Образцовая чистота. Порядок... Давали очень разнообразные блюда и очень вкусные, но всегда в слишком малых количествах. За обедом играет музыка... После каждого блюда приносили “добавки”, и на нее набрасывались как и русские пленные солдаты в армии, но не было брани, матов и взаимной неприязни и обиды, что кто-либо захватил лучший кусок. И никогда не было даже нареканий, уже не говоря об обычной в среде русских пленных драке из-за добавки. Чувствовалась большая дисциплина»³⁰. М. Романов был единственным русским в этом лазарете. Большинство немецких солдат, узнав о том, что он военнопленный, проявляли к нему особое сочувствие. Несколько надменно поначалу вел себя хирург, но и его мнение к русскому пленному изменилось после двух операций по удалению полипов. Русский попросил не приглашать санитаров, чтобы те держали его, и поразительно мужественно перенес невыносимую боль. После каждой операции начиналось обильное кровотечение, и сосед по койке, немецкий солдат, как сиделка сутками не отходил от русского пленного, помогая ему оправиться после операций. «Какое же идиотство, однако! – замечает по ходу повествования М. Романов. – Человек готов душу отдать за случайного товарища по койке, а встретились бы мы с ним в бою, в штыковой атаке, я ему или он бы мне воткнул штык в живот. Как же искажают человеческие отношения все эти гнусные государственные системы, и та система гнуснее, в которой больше имеется средств для оболванивания народа и средств подавления»³¹.

²⁹ Вряд ли М. Романов знал, что, согласно Женевской конвенции 1906 г., военнопленные офицеры освобождались от работ. Профессия учителя предполагала более высокое образование, чем у остальных пленных, и во многих лагерях к М. Романову часто относились как к пленному офицеру, чем он постоянно пользовался. Смеем предположить, что в том ему во многом помогала и царская фамилия.

³⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 338.

³¹ Там же. С. 339.

Этот же немецкий солдат при выписке М. Романова из лазарета сообщил ему о низвержении монархии в России: «...у вас в России громаднейшие события. Народ скинул вашего Николашку с престола. Эх, если бы и у нас скинули кайзера Вильгельма, то никакой бы войны не было»³². Известие было ошеломляющим. «И такая тоска по России нахлынула на меня. Хотелось в Россию, чтобы включиться в жизнь без ненавистного правительства, царя и полиции. Величественность событий, которые происходят в мое отсутствие, поразила меня и звала на Родину», – записал он в этот день в дневнике³³. С известием о революции М. Романов возвращается в Ляубан. События в России настолько возбудили пленных, что в тот же вечер они объявили забастовку, требуя улучшения питания и условий содержания. Сначала они отказались от ужина, а на утро – от завтрака и выхода на работу. В подстрекательстве к беспорядкам обвинили М. Романова как одного из самых авторитетных пленников. К вечеру в Ляубан прибыла карательная команда, которая демонстративно перед строем жестоко избила М. Романова и бросила его в карцер. Избиения продолжились ночью, когда в камеру ввалились пьяные конвойный офицер с управляющим. Несмотря на побои и угрозы расстрела, утром М. Романов снова отказался выйти на работу.

Мужество, с каким М. Романов держался в карцере, вызвали сочувствие охранявших его солдат. Один из них, социал-демократ из Бремена, принес арестанту несколько одеял и горячей пищи, что позволило пленнику продержаться в холодной яме несколько дней до перевода в арестантский барак. Спустя две недели состоялся суд, приговоривший М. Романова к бессрочным каторжным работам на «арестантских шахтах», что было равносильно смерти. Многие военнопленные настолько боялись отправки на рудники, что кончали жизнь самоубийством. Поэтому отправку арестантской команды на рудники начальство организовало как специальную операцию, для чего в лагерь прибыла дополнительно группа конвоиров с каторги.

По окончании судебных разбирательств каторжная команда ворвалась в казарму «как в окоп», выгоняя заключенных прикладами на плац. В давке и неразберихе «каторжники» смешались с остальными обитателями лагеря, чем не преминул воспользоваться арестант М. Романов. Смешавшись с толпой других заключенных, он пробрался в лазарет, где сообщил немецкому врачу, что очень плохо себя чувствует. Тот признал его вполне здоровым, но узнав, что перед ним стоит учитель, попридержал его в лазарете, написав письмо коменданту с просьбой перевести М. Романова в барак для интеллигентов. Пока М. Романов находился в лазарете, арестантская команда убыла с колонной каторжников, увозя с собою карточку «арестанта М. Романова». Поэтому для легализации в прежнем качестве важно было завести новую карточку и внести ее в общую картотеку.

В то время в канцелярии лагеря работали двое русских военнопленных из студентов, одному из которых М. Романов некогда оказал весьма полезную услугу. Тот нашел и заполнил на «арестанта» чистый бланк, указав в нем довоенную профессию пленного и новый его статус. Так М. Романов оказался в «интеллигентском бараке», где ему выделили койку с полным комплектом постельного белья, «плисовую куртку с желтыми нарукавниками и новые брюки с такими же лампасами», выдали продуктовую посылку от Красного Креста, побрили, вручив банный «ярлык», который предоставлял право мыться в бане в любое время. Обитателями барака были учителя, студенты, музыканты. Последние были собраны в профессиональный струнный оркестр. На работы не гоняли, их «...время проходило в беседах, чтении книг, гулянии по лагерю».

В конце мая 1917 г. из «интеллигентского барака» стали набирать команду для выполнения писарских обязанностей в «лагере Скальмержицы»³⁴. В эту группу записали

³² Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 339.

³³ Там же.

³⁴ Скальмержиц (нем. Skalmierschutz) – лагерь для интернированных № 5 – Шчипиорно (Skalmierzyce-Szczyrpień). Ныне небольшой городок в Великопольском воеводстве в 100 км к юго-востоку от Познани. Лагерь состоял из более чем 120 бараков 30×20 м каждый, внутри по четыре ряда четырехэтажных нар. Лагерь был разбит на блоки, блоки – на роты. В каждой роте по 20 бараков со своей канцелярией. Кроме того, канце-

и М. Романова. По прибытии в начале июня в Скальмержиц выяснилось, что ротация канцеляристов в этом лагере понадобилась, чтобы искоренить в нем «страшную коррупцию». Предыдущая команда писарей и переводчиков вместе с лагерным начальством на всем старалась делать деньги. Продавали все: пленным – их собственные посылки и места на работу, конвоирам – казенные одежду и обувь. Поскольку М. Романов научился к тому времени писать по-немецки, его назначили писарем 3-й роты, т.е. начальником «канцелярии» почти 20 барачков. Помощником приставили студента, который помог ему в Ляубане выправить документы. Многие бумаги, проходившие через канцелярию, давали возможность не только познакомиться с внутренним документооборотом лагеря, но и с некоторыми делами пленными, включая вновь прибывших русских солдат весеннего призыва 1917 г., или, как их называли в лагере, «керенских солдат». Они отличались от мобилизованных прежних призывов более выраженной политической ориентацией. В их числе были и большевики, державшиеся гордо и особняком. «Это были ратники большевизма, а почему они назывались большевиками, в чем состоит их теория большевизма, они не знали, – записал в дневнике М. Романов. – Знали лишь то, что они за мировую революцию и за диктатуру рабочего класса, а что такое “диктатура”, тоже не знали. Знали, что их позиция верная, и были этим горды. Я из их поведения и поведения других приверженцев понял, что у этих вождей была более ясная и четкая программа действий, они знали, чего хотели, и знали, что делать на данное время, тогда как другие переживали идейное и практическое шатание. А в борьбе всегда побеждает тот, кто целеустремлен, и из этого я заключил, что будущее принадлежит большевикам. Хотя я не верил ни в социализм, а тем более – коммунизм... Надо было переродить сначала человека, а уж после строить социалистическое общество. А большевики сразу замахнулись на мировую революцию и тем самым нажили врагов по всему миру, тогда как в своей стране построение социализма представляет эпохальную проблему. То, что они так решительно и смело, а главное уверенно, брались на такое дело, смахивающее на грандиозную авантюру, подкупало и создавало симпатию народа»³⁵.

Из-за войны и экономической блокады положение с продовольствием в Германии ухудшалось с каждым годом. В бóльшей степени это ощущали на себе военнопленные. Питание в лагере становилось все более скверным, поэтому изжить коррупцию на этом фоне было невозможно. М. Романов вновь задумался о побеге, а потому написал прошение о переводе его из канцелярии на сельхозработы, с которых было проще сбежать. Старший по барачку не возражал, при условии что тот подберет себе замену. Среди «керенских солдат» нашелся псаломщик, умеющий писать по-латыни. Его М. Романов быстро обучил основным навыкам работы писаря и с первой же партией 20 августа 1917 г. покинул ненавистный ему Скальмержице. Спустя сутки он прибыл в лагерь Пархим³⁶.

Огромный лагерь выглядел пустым: с началом полевых работ бóльшая часть пленными была распределена по деревням. Команду, с которой прибыл М. Романов, отправили на север, к морю, где погрузили на пароход и доставили на остров Файмар, который славился хлебоборными полями и богатством местных обывателей. М. Романова определили в поместье «дородной хозяйки», разместив в каморке, некогда служившей кладовой. Кормили хорошо, подавая каждый день на обед пиво. Неплохим по меркам плена было и жалованье – полмарки в день. Но и работать в период уборочной страды заставляли от темна до темна, что, по убеждению М. Романова, нарушало права военнопленных. Отставив свои права, он подговаривает товарищей объявить забастовку. Для погашения конфликта потребовалось вмешательство конвойной команды, после чего зачинщика возвращают на материк, где приписывают к хозяйству «помещика» фон Глейвица. Здесь уже

лярия имелась в каждом блоке. В роте по штату должен быть писарь-переводчик, умеющий писать по-русски и по-немецки. В 1920 г., когда в лагере квартировали отряды Савинкова, здесь размещалось 4 500 человек.

³⁵ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 349.

³⁶ Лагерь Пархим – один из крупнейших лагерей близ одноименного городка земли Мекленбург – Передняя Померания, построенный на месте бывшего кавалерийского полигона. Численность военнопленных стран Антанты в нем достигала 20 тыс. человек.

работало до полусотни военнопленных, половину из которых составляли русские, вторую половину – французы и бельгийцы. Кормили здесь гораздо хуже, да и платили в три раза меньше, чем на острове: 15 пфеннингов в день. Но зато работать здесь было легче – с 6 до 19 часов³⁷. Поэтому, имея свободное время, многие пленные заводили «любовные связи с немками». Правда, «в качестве любовника немки предпочитали более французов, нежели русских». В целом немцы относились к французам и бельгийцам лучше, чем к русским. К ним на работы не приставляли часовых, считая, что те всегда сами работают на совесть. Их кормили отдельно, и не только потому, что те ели жаренных в масле улиток, но и потому, что рацион французов был богаче, поскольку Франция, как считали пленные, в отличие от России, регулярно отправляла своим соотечественникам посылки с гуманитарной помощью. Впрочем, русские сами не спешили столоваться с французами. «Поразили меня французы, – пишет М.И. Романов, – я считал их народом высокой культуры, но то, как они вели себя во время принятия пищи, поразило меня. Обедая, они за столом беспрестанно портили воздух, абсолютно не стесняясь, а наоборот, еще и устраивали вроде соревнования. Такое форменное свинство возмущало русских, и мы обедали отдельно»³⁸.

Поработав неделю у фон Глейвица и почувствовав некоторые вольности, М. Романов стал снова готовить побег, на этот раз на запад, в Данию, благо граница была сравнительно недалеко. Нашелся товарищ по побегу – уроженец Пермской губернии Николай. Вместе они стали запасать провизию. Французы помогли с картой и компасом.

В назначенное воскресенье, когда все спали, беглецы пробрались за ворота и по лунной дорожке двинулись на запад. Спустя два дня они вышли на пограничные укрепления близ городка Нейстаф. Несмотря на арестантскую одежду – куртки с желтыми обшлагами и брюки с такими же лампасами, беглецы в сумерках беспрепятственно прошли через весь город, а еще через сутки пути оказались в центре какого-то городка, где были остановлены полицией. Полицейские оказались весьма добродушными: поместили в теплую камеру, дали выспаться и даже спросили, куда лучше отправить беглецов, в лагерь Пархим, где их ожидало серьезное наказание, или обратно к помещику. Через несколько дней приехал часовой и доставил беглецов в поместье. Пермский приятель свалил всю вину на М. Романова, за что был освобожден от наказания. М. Романова же посадили на три недели в холодную камеру на хлеб и воду. Причем хлеб давали раз в четыре дня или когда выгоняли на работу.

По истечении срока наказания склонного к побегам пленника отправили на чугунолитейный завод в город «Ренсбург» (Рендсбург. – М. С.)³⁹, что на берегу Кильского канала. Ожидания грязной и тяжелой работы «в саксонских каторжных шахтах» не оправдались. Завод предоставлял пленным отдельную просторную спальню, на койках – матрасы с подушками и постельным бельем. И хотя кормили здесь скудно, но лучше, чем в лагере, и пищу готовили «очень чисто и старательно, с хорошими вкусовыми качествами». Хорошим было и отношение немцев к пленным. М. Романову даже захотелось применить здесь свои изобретательские способности. Его прикрепили к старому добродушному мастеру, который принялся обучать русского приемам заливки чугуном нужных форм. Работа не клеилась, была тяжелой и небезопасной. Русский выдавал много брака, за что был вскоре переведен из литейного цеха во двор разнорабочим. Многие пленные специально допускали брак для перевода на более легкие работы и чистый воздух. Таких «фаулей» набралась целая команда, к которой был приставлен конвоир. Тот тоже оказался «фаулем» и совсем не интересовался тем, что делают пленные. А те, по словам М. Романова, работали лишь, когда «надо было согреться».

После шести недель пребывания в Рендсбурге команду «фаулей» перевезли на мармеладную фабрику в Альтдамм – пригород Гамбурга. Хозяином фабрики был русский еврей,

³⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 357.

³⁸ Там же.

³⁹ Рендсбург – город Германии в земле Шлезвиг-Гольштейн на берегу реки Эйдер и Кильского канала.

управляющим – датчанин. Оба относились к русским очень хорошо. Пленных кормили здесь даже лучше, чем немецких рабочих. Поэтому хозяин просил русских не показывать немцам, чем их кормят, во избежание нареканий. Конвоир команды предпочитал также столоваться с русскими. Кроме того, другие русские пленные с соседнего машиностроительного завода ходили на мармеладную фабрику «прикармливаться»⁴⁰.

На фабрике работало много немецких девушек, с которыми пленные быстро подружились, у многих завелись любовные связи. И управляющий фабрики, и почти все немецкие рабочие были социал-демократами. Здесь М. Романову было с кем поспорить о политике. В спорах немцы обычно ругали тактику большевиков, называя ее «татарским социализмом». М. Романов доказывал, что тактика немецких социалистов – это «тактика трусков».

На мармеладной фабрике М. Романов проработал с начала декабря 1917 и до 3 марта 1918 г., т.е. до времени заключения Брестского мира. В конце февраля он прищемил тяжелой бочкой палец и оказался в госпитале в Гамбурге, где пролежал с панарицием три недели. Здесь лечили военнопленных всех стран Антанты. И хотя представители каждой нации держались особняком, тем не менее бельгийцы тяготели к французам, сербы – к русским. Примечательно, что после пропажи продуктов с кухни лазарета немцы приходили с обысками по строго заведенному порядку: «сначала обыскивали греков (эти считались самой вороватой нацией), затем румын, а потом русских. Остальных обычно не трогали. Таким образом, все воровские нации оказывались православными», – записывает в дневнике М. Романов⁴¹. По выписке из госпиталя М. Романов рассчитывал вернуться на мармеладную фабрику, но за ним приехал незнакомый конвоир, который доставил его в поместье некоего бюргера Пасьберга близ Рендсбурга.

К этому времени все уже знали о переговорах в Бресте и живо обсуждали их ход. Осмелели и пленные. С прибытием в поместье М. Романова они вдруг стали открыто выражать свои претензии, требовать добавки к питанию, грозили невыходом на работу, что, естественно, хозяин связал с появлением в поместье М. Романова. Пасьберг поспешил избавиться от русского бунтаря, передав его своему соседу Карлу Кельму, известному своей требовательностью не только к батракам, но и к своим детям, коих у него было трое: взрослый сын и две дочери 18 и 16 лет. Вопреки ожиданиям русскому пленному здесь предоставили «чистую комнату с умывальником, пружинной кроватью с мягкой постелью и полотняным бельем». «Роман», как стали называть в доме пленного, ел и работал на равных со всеми членами семьи. С еще большим уважением семья Кельм стала относиться к Роману после того, как узнали, что в России он был учителем. Его перестали направлять на работы, которыми тот тяготел. Конечно, такое не могло продолжаться долго. Кельмам нужен был батрак. Через три недели хозяин запросил другого, более полезного в хозяйстве военнопленного. А Романова отправили в лагерь Ярлунд, что на границе с Данией. Этот лагерь также занимался сдачей военнопленных для работ в поместьях. Местные бауэры, «покупая» пленных, не только платили за них лагерью, но и должны были содержать вновь приобретенных работников, кормить и следить за их поведением. Спрос на работников в ходе подготовки к весенним полевым работам был необычайно велик.

Поначалу по запросам бауэров М. Романова отправляют в г. Фленсбург⁴², потом в Хадерслебен⁴³. За неделю он поменял несколько хозяев, которые, узнав, что из русского учителя они не получают в хозяйстве нужного работника, старались избавиться от него. Наконец, М. Романов оказался на ферме солдата-датчанина, который долго ездил по ближайшим комендатурам в поисках хоть какого-нибудь батрака из военнопленных.

⁴⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 372.

⁴¹ Там же. С. 374.

⁴² Фленсбург (нем. Flensburg) – самый северный в Германии город земельного подчинения, расположен в земле Шлезвиг-Гольштейн.

⁴³ Хадерслебен (нем. Hadersleben) – город и порт на юго-востоке Ютландского полуострова. С 1871 г. входил в состав Германской империи. В 1920 г. по итогам плебисцита был передан Дании. Современное датское название города – Хадерслев.

Истекал срок его отпуска и он должен был срочно убыть на фронт. А ферма крайне нуждалась в работниках.

К концу войны, особенно с выходом из нее России, Германия почувствовала острую нехватку рабочих рук. За пленными в комендатурах выстраивалась очередь. Изменилось и отношение к военнопленным, что тут же почувствовал на себе М. Романов, оказавшись на новом месте. «Действительно, – пишет он, – я попал здесь в очень хорошие условия. Кормили великолепно – не только хлеба, но и мяса, и молока было достаточно.... Блюда различные. Кулинария здесь наука почетная. Ели мы то же, что и хозяева, только за отдельным столом. Мы – вдвоем с Николаем и две работницы-польки, молодые девушки. Каждого блюда столько, чтобы оставалось. Котлет – грудой, яичницы с ветчиной – не одну сковородку. Молока, сыру, суп и других блюд – сколько хочешь»⁴⁴.

Помимо упомянутых двух девушек-полек, в деревне жила еще дюжина молодых польских работниц родом из Австрии, прекрасно говоривших по-русски. Они квартировали в домике на окраине деревни, куда каждый вечер заходили русские пленные. У каждой девушки был свой «кавалер сердца». М. Романов поначалу держался особняком в силу «досадной стеснительности, неумения вести непринужденный, легкий, глуповатый разговор». Одна из девушек Ядвига – любовница Николая, с которым М. Романов делил комнату, однажды сообщила, что Эмма – бывшая подруга сына хозяина, страдает по «Роману», – так звали в деревне Михаила Романова. В один день в каморку, где жили пленные, Ядвига привела Эмму. Без лишних разговоров Ядвига, раздевшись, легла в постель к Николаю, а Эмма – к «Роману». «Теперь жизнь в плену, – пишет М. Романов, – мне не стала казаться такой постылой. Эмма согревала, скрашивала эту жизнь, приходя ко мне регулярно каждый вечер»⁴⁵. И все же мысль о побеге не оставляла пленника. Ведь от деревни, где содержали пленных, до границы с Данией было всего лишь 25 км. Вскоре нашелся еще один пленный – бывший унтер-офицер Григорий Мисюлин, который искал напарника для побега⁴⁶. Вместе они разработали план побега. К его скорой реализации подтолкнул случай. С фронта на побывку в поместье прибыл сын хозяина Ганс – ухажер Эммы. Он стал выслеживать любовную парочку и однажды ранним утром застал ее в меже. За связь с немками военнопленным грозило суровое наказание. В обед прибежала Эмма и сообщила, что Ганс сделал ей предложение и что в понедельник «Романа» отправят в лагерь. При этом Эмма намекнула, что надо бежать к заливу, где «Романа» ждет сюрприз. Времени на раздумья не оставалось.

В воскресенье вечером, когда вся деревня собралась на танцы, беглецы уложили рюкзаки с провизией и двинулись по Полярной звезде к заливу, на противоположном берегу которого проходила германо-датская граница. Оставлять лодки в приграничной зоне местным жителям было категорически запрещено. А чтобы переправиться на противоположный берег залива, надо было проделать крюк в 10 км. К великому удивлению беглецы неожиданно обнаружили в кустах лодку с веслами. Именно на этот «сюрприз» намекала Эмма. Переправившись через залив и затопив лодку, беглецы продолжили путь. Однако уже при подходе к датской границе были остановлены немецкими пограничниками. Очередной побег сорвался. Состоялся военно-полевой суд. Г. Мисюлина направили на прежнее место работы, а М. Романова как зачинщика – на 3 месяца в штрафной лагерь.

Лагерь для штрафников отличался тем, что заключенные в нем сидели в отдельных конурах, где им давали только холодную воду. Правда, когда выводили на работу, добавляли 200 г хлеба. У Романова от голода начались галлюцинации. На счастье в этом лагере арестанта нашли две посылки с продуктами от тетушки Елизаветы Жаворонковой, отправленные более месяца назад из Москвы через Копенгаген и Лондон. Посылки штрафникам выдавать было запрещено. Но охранявший заключенного немецкий ефрейтор в обмен

⁴⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 384.

⁴⁵ Там же. С. 386.

⁴⁶ Унтер-офицер Григорий Варламович Мисюлин – уроженец д. Шелемишово Скопинского уезда Рязанской губернии.

на продукты из посылки пошел на риск и стал ежедневно выдавать пленному свою миску супа, в которую добавлял сухари и толокно. Благодаря этому у пленника прошли голодные галлюцинации.

По окончании срока заключения М. Романов поездом в сопровождении конвоира отправили в деревню, расположенную в 35 км от датской границы, в хозяйство одной старой бюргерши. Кормили здесь неплохо, но и заставляли работать дотемна. В неделю платили чуть более 100 пфенингов, которые пленные обычно оставляли в привокзальном буфете. В один из воскресных дней с компанией русских пленных отправился в буфет и М. Романов. После рассказа о своих побегах он, держа пари, предложил товарищам завтра же сбежать еще раз. К нему решили присоединиться сибиряк Архип Сорокин и житель Средней России некий Николай. Собрал небольшие поклажи с провизией, беглецы на следующее утро покинули поместье и двинулись к датской границе. Почти неделю плутали по лесам, еще несколько дней лежали в схронах возле пограничной полосы, высчитывая время смены часовых. А когда, двигаясь межами и огородами, вышли ночью 21 июля 1918 г. к небольшому домику, выяснилось, что это была уже датская территория.

Престарелые хозяева домика, похоже, не очень испугались, когда ночью в их спальне (дверь дома не была заперта) появились разбойного вида оборванцы. Беглецов вполне доброжелательно приняли и накормили. «Старушка-хозяйка встала с постели, – записал в дневнике М. Романов, – начала хлопотать около плиты, и вскоре для нас был приготовлен великолепный завтрак. Яичница со свиным мясом, кофе со сливками, бутерброды с яйцами, сыром и колбасой. Было такое впечатление, что мы попали в гости к близким родственникам. После завтрака нам приготовили постели, и мы с блаженством заснули»⁴⁷. После обеда дочь хозяев на двуколке отвезла пленных в полицейский участок. После опроса и заполнения анкет беглецов доставили в больницу для прохождения медосмотра. Здесь их накормили, помыли, побрили, выдали чистое белье. Вскоре беглецов посетила милостивая старушка, которая сообщила, что после больницы их поместят в лагерь интернированных, что там нормально кормят и не заставляют работать. Можно даже выходить в город по увольнительным. Если найдется работа, которая может прокормить, разрешается жить за пределами лагеря наравне со свободными гражданами Дании. В конце разговора старушка добавила, что ее муж – губернатор Риббе, а дочь – преподаватель русского языка в университете Копенгагена – заведует лагерем, в который отправят беглецов.

По завершении карантина пленным предоставили добротную гражданскую одежду (на выбор можно было взять даже шляпу и трость) и направили в лагерь, который представлял собой ряд военных брезентовых палаток на 150–200 человек. Кухня и большая столовая располагались в деревянном бараке. Никаких ограждений территория лагеря не имела, местные жители часто заходили сюда и забирали бывших пленников к себе домой, где угощали, каждый раз вспоминая о том, что русская царица – это их принцесса Догмара.

Начальница лагеря – дочь губернатора Риббе госпожа Ингеборг Стеманн, или «русская девушка», как звали ее пленные за прекрасное знание русского языка, очень старалась поддержать бывших военнопленных. Она строго следила за качеством пищи, санитарным состоянием лагеря и его обитателей. В родовом старинном замке ее семьи – баронов

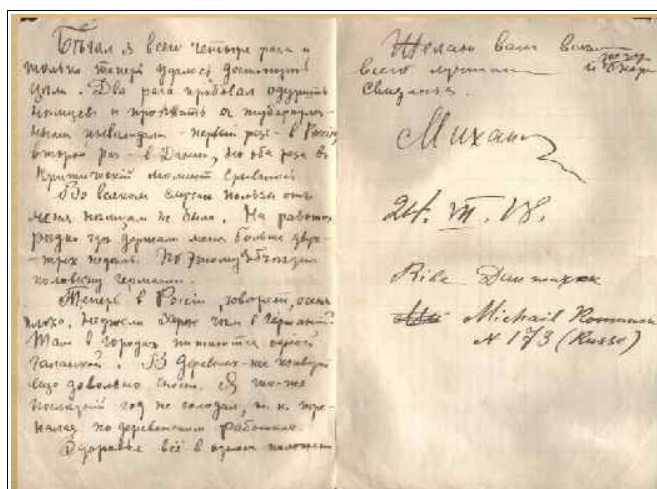


Рис. 6. Письмо М.И. Романова отцу из Риббе, датированное 24 июля 1918 г. Из архива Л.М. Романова

⁴⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 402.

Стеманн – она открыла русскую библиотеку, которой разрешала пользоваться всем желающим. Более того, часть замка была отведена для проживания русских пленных, доставленных сюда с первой партией. Она обеспечила их всем необходимым, включая письменные принадлежности. М. Романов решил воспользоваться возможностью получить бумагу и чернила, чтобы продолжить вести записи в дневнике. В парке возле замка он облюбовал скамейку со столиком, где, уединившись, почти ежедневно записывал в дневник стихи и размышления о плене. Так случилось, что Ингеборг часто проезжала на велосипеде по дорожкам парка. В один день она остановилась, чтобы поинтересоваться, что пишет один из ее подопечных. Узнав, что это стихи и размышления о плене, попросила дать ей почитать рукопись.

«Прочитав мои записки, – пишет в дневнике М. Романов, – она уже каждый день стала разговаривать со мной. Расспрашивать о России, о жизни в ней, чем я занимался. Спрашивала также, случайно не родственник ли я царствующему дому, так как моя фамилия Романов прекрасно всем известная в Дании тоже по случаю того, что их принцесса Догмар стала Романовой. И хотя я категорически заявил, что я просто однофамилец, у них в Дании это было не совсем понятно, так как Стеманы, например, все считались родственниками ввиду их мизерного по размеру государства. Они и представить не могли наши размеры, наши просторы, кажется, они мне не поверили, а продолжали верить, что какое-то да родство, раз фамилии одинаковые, да есть.

Она познакомила меня со своими родителями, с сестрами и братьями⁴⁸. Ввела в круг своих знакомых. Я даже несколько раз присутствовал на церемониальных обедах, и, поскольку я был чрезвычайно наблюдательным, не делал наобум ничего, как это делают другие, то после обеда я укрепил их во мнении, что я что-то от них скрываю, что я тоже, как и они, принадлежу к аристократическому обществу. А мои энциклопедические знания – всего понемногу в любой области, тоже укрепили их во мнении, что я получил хорошее образование. Так что если бы я захотел, то они охотно приняли меня в качестве своего зятя. Были намеки, что если я стану членом их семьи, то смогу получить даже место посланника от Дании в каком-либо государстве, так как барон Сteman, губернатор города Риббе, имел очень большие связи при дворе короля Христиана».

Молодые люди подружились и полюбили друг друга. Дальнейшее пребывание в лагере было скрашено ежедневными прогулками по окрестностям замка, разговорами и встречами с родственниками Ингеборг или Инги, как стал называть ее М. Романов. Чтобы как-то занять себя и быть полезным Инге, он предложил создать в лагере начальную школу для неграмотных русских солдат, где стал единственным учителем, несмотря на то, что в лагере находились представители дворянства и даже знатных российских родов, включая князя Святополка-Мирского или родственников А. Керенского. Кроме того, Инга поручила «Мише», как она стала его называть, заведовать русской библиотекой, что давало ему возможность ежедневно по несколько часов находиться в замке и проводить время с любимой.

Казалось бы, записывает он в дневнике «все было обеспечено для человеческой жизни: работа, любимая женщина, выбор деятельности, но тоска по родине познается только на расстоянии от родины, только тогда человек начинает это понимать во всей ее силе. Родина – это там, где люди также думают, к тому же стремятся и думают на том же языке»⁴⁹.



Рис. 7. Ингеборг Стеманн

⁴⁸ Родной брат Ингеборг был начальником королевской гвардии, а ее двоюродный брат – министром юстиции.

⁴⁹ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьганской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России ... С. 406.

Ностальгию усиливало желание включиться в новую жизнь постреволюционной России. И хотя информация с родины поступала в лагерь с опозданием и в явно искаженном виде, все обитатели лагеря разделились строго на две партии: просоветская и антисоветская. Причем в первой партии были представители двух главных течений: большевики и эсеры. М. Романов, будучи сыном народника и участником революционных событий 1905 г., более симпатизировал большевикам. Во многом это было обусловлено личностью лидеров большевистской группировки в среде интернированных. В отличие от хвастливого и не очень умного вожака эсеров, большевик Семен отличался твердостью и рассудительностью. Хотя тот и другой постоянно обращались к М. Романову с просьбой разъяснить им их же партийные программы. Симпатии к большевикам усиливались в спорах с Ингой, которая как яркий представитель европейской аристократии воспринимала большевиков так, как их изображали на обложках датских журналов: в виде злобных бородатых разбойников с ножами в зубах.

Вскоре Инга уехала на несколько недель преподавать в Копенгаген. За время ее отсутствия местные власти развели интернированных по двум лагерям. Тех, кто симпатизировал большевикам и собирался вернуться на родину, перевели в лагерь близ города Гельсинберг⁵⁰. Остальных пока оставили в Риббе. Рывшийся в Россию М. Романов оказался в Гельсинберге. Здесь хуже кормили, не снабжали одеждой, запрещали покидать лагерную территорию, огороженную колючей проволокой и охраняемую часовым.

Неожиданно пришло письмо из Копенгагена от Ингеборг, в котором она сообщала, что нашла для Миши работу, что его воспоминания о немецком плене перевел на французский язык бывший пленный Малькевич и что их опубликовал «какой-то французский журнал». Кроме того, датский Красный Крест заинтересовался проектом протеза кисти руки, который разработал М. Романов, поэтому просил предоставить дополнительную информацию для изготовления модели, проведения расчетов и т.п. После таких вестей Михаил уже не мог сидеть без дела в лагере и вместе с соплеменником из Бессарабии Иваном Михайловичем Синицей отправился в Копенгаген.

Там они встретились с Ингеборг. Она помогла найти гостиницу. Временно, за 150 крон в месяц, устроились на работу в порту. Небольшой доход поступал и от литературного труда. Переводчик Милькевич познакомил М. Романова с «послом» Ал. Конти, который посоветовал ему поступить в военно-инженерное училище в Париже, обещая до середины 1919 г. содействие, поскольку в июле его переводили на дипломатическую службу в Бразилию. Для принятия решения оставалось 4 месяца. За это время можно было успеть съездить в Россию, чтобы повидаться с родными и вернуться обратно. И Романов решился...

На пароход, отправлявшийся в Швецию, собралась группа русских из девяти человек. Билеты всем купила Ингеборг. Она же пришла проводить Мишу. На пирсе нежно простились. М. Романов обещал вернуться и поступить в военно-инженерное училище. Инга обещала ждать⁵¹.

Через Осло и Тромсе М. Романов пароходом добрался до Мурманска, где был мобилизован в Службу связи флота. Был одним из активных участников «красного переворота» 21 февраля 1920 г. в Мурманске. Спустя два дня в качестве комиссара Службы связи флота отправился на фронт. В составе партизанского отряда Ивана Позднякова («Ваньки Каина») участвовал 27 февраля в бою по отражению атаки белогвардейского бронепоезда у станции Полярный Круг, в ходе которого был ранен в ногу. Ногу пришлось ампутировать. О возвращении в Данию к Инге не могло быть и речи.

По возвращении на родину М. Романов устраивается на работу учителем, собирает материал по истории, фольклору, этнографии. Много пишет. В 1925 г. выходит в свет его

⁵⁰ Очевидно, речь идет о датском городе Хельсингёр (дат. Helsingør), расположенном на южном берегу Эресуннского пролива, с которого, как писал М. Романов, хорошо видно Швецию. Возле этого города был создан лагерь Хорсеред – временный пункт размещения бывших военнопленных, ожидавших отправки на родину.

⁵¹ В семье сестры Михаила Ивановича Манефы Ивановны Романовой-Поповой до сих пор хранят фотографию Ингеборг Стеманн с автографом, отправленную из Дании в Советскую Россию в 1920 г.

первая книга «История одного северного захолустья», высоко оцененная М. Горьким. Для получения разрешения преподавания иностранных языков в техникуме Вельска, куда он переехал с женой-учительницей и детьми, экстерном сдает экзамены в Центральном институте заочного обучения по специальности «Переводчик английского и немецкого языков» высшей квалификации. 21 декабря 1937 г. арестован по доносу коллег за ироничное высказывание в адрес местной профсоюзной организации⁵². Наказание отбывал в «шарашке» Онеглага, разрабатывая «лесопроходящий танк». После освобождения в 1947 г. работал учителем в Вельском районе Архангельской области, где и умер в с. Пежма 19 июня 1956 г.

Дневник и послевоенные записи историка, фольклориста и педагога Михаила Ивановича Романова позволяют не только по-новому взглянуть на содержание военнопленных в германских лагерях по их социальному статусу, использование военнопленных на различных видах работ, взаимоотношения пленников разных национальностей, мироощущения, но и открывают новые страницы в истории Первой мировой войны.

Литература

Романов Иван Михайлович // Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М.: Всесоюз. об-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Т. 2: Семидесятые годы; Вып. 3: М-Р / сост. А.В. Шилов, М.Г. Карнаухова. Стлб. 1349–1350.

Романов М.И. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв.: в 3 ч. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2004–2008.

Романов Михаил Иванович (1886–1956) // Поморская энциклопедия: в 5 т. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера / гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. 483 с.

References

Shilov, A.V., Karnauhova, M.G. (Eds.). (1931). Romanov Ivan Mikhailovich [Romanov Ivan Mikhailovich]. In *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskiy slovar'*. T. 2: *Semidesyatye gody; Vyp. 3* [Leaders of the Revolutionary Movement in Russia. The Bio-Bibliographic Dictionary. Vol. 2: The Seventies; Iss. 3]. Columns 1349–1350.

Romanov, M.I. (2004–2008). *Rodovaya povest' sem'i Romanovyh iz ust'yanskoy derevni Alferovskaya Arhangel'skoy oblasti XVII–XX vv.* [The Family Story of the Romanov Family from the Ustyansk Village of Alferovskaya, Arkhangelsk Region, XVII–XX Centuries]. Moscow, Burdenko Hospital.

Bulatov, V.N., Kuratov, A.A. (Eds.). (2001). Romanov Mihail Ivanovich (1886–1956) [Romanov Mihail Ivanovich (1886–1956)]. In *Pomorskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 1: Istoriya Arhangel'skogo Severa*. Arkhangelsk, Pomor State University Press. 483 p.

⁵² Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области. Архивное уголовное дело № 2191.

А.Е. Гончаров*

**БЕЛЫЕ ПРОСТОРЫ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ:
УЧАСТНИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОРГАНИЗАЦИИ СУДОХОДСТВА ПО КАРСКОМУ МОРЮ**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-10
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Гончаров А.Е. Белые просторы Советской Арктики: участники белого движения в организации судоходства по Карскому морю // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 137–149. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-10.pdf>

A.E. Goncharov*

**THE WHITE SOVIET ARCTIC.
THE ROLE OF THE WHITE MOVEMENT
IN ESTABLISHING SHIPPING ON THE KARA SEA ROUTE**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-10

How to cite:
Goncharov A.E. The White Soviet Arctic. The role of the White Movement in Establishing Shipping on the Kara Sea Route // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 137–149. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-10.pdf>]

Abstract. The article examines the role of the White movement participants in the development of the western section of the Northern Sea Route during and following the Russian Civil War. One of the issues in the historiography of the Northern Sea Route (NSR) is the problem of the continuity of this transport project between the late imperial and Soviet eras. Most historians either contrast the activities aimed at developing the sea route in these two eras, or consider this process as weakly interconnected stages. In fact, the Soviet program for developing the NSR, as well as the Arctic, as a whole, arose precisely from those initiatives that were undertaken in the last decades of the Russian Empire. Moreover, the connecting link was precisely those polar personnel who took part in Arctic expeditions and contributed to the development of shipping along the NSR. During the Civil War, many of them joined the White movement, both in the Russian North and in Siberia. Despite this, many polar explorers – participants in the White movement were able to continue their activities in the Arctic under their former enemies – the Soviet government.

Keywords: Northern Sea Route, Kara Sea, Russian Civil War, maritime history, White Movement, K.K. Neupokoev, D.F. Kotelnikov.

The article has been received by the editor on 20.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается роль участников белого движения в освоение западного участка Северного морского пути после окончания Гражданской войны. Одним из вопросов историографии Северного морского пути является проблема преемственности данного транспортного проекта между позднеимперской эпохой и советской. Большинство историков либо противопоставляют деятельность, направленную на освоение морского пути в эти две эпохи, либо рассматривают данный процесс как слабо взаимосвязанные этапы. В действительности советская программа освоения СМП, как и Арктики в целом, возникла именно из тех начинаний, которые были предприняты в последние десятилетия существования Российской империи. Важным связующим звеном

* **Александр Евгеньевич Гончаров**, кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: goncharovae@sibsau.ru
Alexander Evgenievich Goncharov, Candidate of Historical Sciences, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: goncharovae@sibsau.ru

здесь выступали именно те полярные кадры, которые принимали участия в арктических экспедициях и внесли вклад в развития судоходства по СМП. В Гражданскую войну многие из них присоединились к белому движению как на Русском Севере, так и в Сибири. Несмотря на это, многие полярники – участники белого движения смогли продолжить свою деятельность в Арктике при советской власти.

Ключевые слова: Северный морской путь, Карское море, Гражданская война, история судоходства, Белое движение, К.К. Неупокоев, Д.Ф. Котельников.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024 г.

История судоходства в Обь-Енисейском районе Карского моря в период Гражданской войны охватывает всего лишь два года и практически незаметна на фоне вековой истории освоения Северного морского пути (СМП)¹, в особенности если учесть тот факт, что первые плавания морских судов состоялись в Карском море в далеком XVI в. При этом торговые операции и научные исследования 1918 и 1919 гг. не оказали заметного влияния на развитие полярного судоходства в этом районе Арктики: аналогичные мероприятия, причем с большим размахом, осуществлялись здесь задолго до событий рассматриваемого периода. Зато через несколько лет после окончания Гражданской войны объемы полярной навигации достигнут таких масштабов, что перед ним померкнут все плавания предшествующих эпох. В связи с этим западный участок СМП пришлось даже перекалфицировать из зоны экспедиционного мореплавания в зону регулярного сезонного судоходства. К концу 1920-х-гг. карские экспедиции стали обычным событием в хозяйственного освоения территории Крайнего Севера Сибири.

Тогда чем же привлекательна история СМП периода Гражданской войны? Почему мимо него не проходили ни советские, ни современные историки? В какой степени можно говорить о преемственности данного транспортного проекта между поздней имперской и советской эпохами? Попытаемся ответить на этот и другие вопросы на страницах настоящей статьи.

Среди немногочисленных областей, где мнение большевиков сходилось с мнением их противников – руководителей белого движения в Сибири и на Русском Севере, была проблема судоходства в Карском море. О шагах, предпринятых советской властью в этом направлении с самых первых месяцев ее существования, хорошо известно из работ советских историков². Ввиду достаточной освещенности данного вопроса мы не будем на нем подробно останавливаться, ограничившись утверждением, что эти меры, несмотря на отсутствие возможности их реализации до восстановления советской власти как на Русском Севере, так и в Западной Сибири, заложили основу советской программы освоения западного сектора СМП. Эта программа, сформулированная в известной записке гидрографа и полярного исследователя Константина Константиновича Неупокоева (1884–1924 гг.) (рис. 1), обозначила основные препятствия для арктического мореплавания и определила меры их устранения как для западного, так и восточного секторов СМП. Неслучайно, что записка Неупокоева часто отмечается как стартовая точка начала советской арктической программы³.

¹ В тот период, под термином «Северный морской путь» понимался, главным образом, водный маршрут, проходящий через Карское море к устьям Оби и Енисея. Некоторые специалисты расширяли это определение, включая в него морской путь из Владивостока до устьев Колымы и Лены. Идея о сквозном пути – Северовосточном проходе – практически не рассматривалась (см.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 858. Л. 23 об.).

² См., например: *Визе С.Ю.* Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. М.; Л., 1948; *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание 1917–1933. М., 1959; *Булатов В.Н.* КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М., 1989.

³ *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание... С. 35.

Для обеспечения судоходства в Карском море Неупокоев предлагал установить наблюдение за ледовой обстановкой, в первую очередь на Ямале⁴, а также построить порты для осуществления перегрузки с морских судов на речные в устьях Оби и Енисея – эта мера должна была дать возможность осуществлять до трех морских рейсов в навигацию⁵. Однако ключ к успешному судоходству, по замыслу автора документа, лежал в возобновлении гидрографических исследований⁶. Кстати, конкуренция между гидрографическим и коммерческим освоением СМП станет одним из отличительных признаков развития СМП в 1920-е гг.

Параллельно в лагере белого движения формулировались практически идентичные соображения относительно развития Севера. Так, участник белого движения и выдающийся гидрограф и полярный исследователь Дмитрий Федорович Котельников (1876 – после 1933 г.) (рис. 2) писал: «Пересматривается программа, выработанная раньше для гидрографических экспедиций и отрядов Северного Ледовитого океана, и как только будет окончена борьба с большевизмом и несколько улучшится финансовое положение нашего государства, то будет приступлено к выполнению этой программы»⁷. Таким образом, программа развития судоходства в российских полярных морях, вынашиваемая в кабинетах белых правительств, представляла собой далеко не ту сиюминутную акцию по доставке в Сибирь военных грузов и вывозу сибирских товаров, которую изображали советские историки⁸. Она, как и советская программа, являлась преемницей той инициативы, начало реализации которой может быть отнесено как минимум к 1893 г., когда состоялась первая государственная экспедиция в устье Енисея под российским военно-морским флагом, начиная с XVIII в. И это неслучайно. В конце концов, кем были инициаторы «советского» и «белого» проектов, если не участниками одних и тех же полярных экспедиций, учеными и публицистами, политиками и предпринимателями, мечтавшими воплотить свои мечты об освоении Российской Арктике в последние десятилетия существования Российской империи? Если постараться взглянуть на рассматриваемые события с объективной точки зрения, то именно этот краткий эпизод станет тем самым звеном, связывающим в единый процесс историю освоения СМП.

На сегодняшний день в историографии СМП господствуют две диаметрально противоположенные точки зрения относительно его развития после 1917 г. Согласно первой, после



Рис. 1. К.К. Неупокоев.

Фото из фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики, о/ф 13-8920/1



Рис. 2. Д.Ф. Котельников.

Фото с сайта «Полярная почта»
(дата обращения: 12.10.2024)

⁴ Трагическая гибель экспедиции Г.Л. Брусилова на «Св. Анне» не давала покоя выдающемуся гидрографу.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 858. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 21–21 об.

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 62. Л. 118.

⁸ Интересно, что в работах, специализирующихся на деятельности белых в Арктике, наблюдается обратная тенденция: причины советского интереса к развитию СМП объясняются отсутствием полного контроля над железнодорожным сообщением (см.: например: Гагкуев Р.Г., Решетников С.В. «Немало поработавший уже над этой задачей». Воссоздание комитета Северного морского пути в РСФСР в 1920 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 118).

революции советская власть активно включилась в решение проблемы СМП и, добившись колоссальных успехов уже спустя десятилетие, превратила судоходство по Карскому морю в «нормальное» и регулярное. Причем это было самостоятельное свершение, практически без опоры на достижения царской эпохи. В рамках данной парадигмы эволюционный процесс освоения СМП, по сути, отрицался: советская власть, движимая дальновидной политикой, решила вековую задачу освоения СМП⁹, в то время как предшествующие попытки в этом направлении рисовались либо как действия, направленные на хищническую эксплуатацию природных ресурсов Севера и Сибири, либо как блестящие, но неуспешные начинания, которым не суждено было сбыться по причине некомпетентной политики царских властей.

Согласно второй, отсутствует объективная оценка решений, принятых советской властью в деле развития СМП. Типичным примером носителя данной точки зрения является непосредственный участник событий Йонас Лид, норвежский предприниматель, руководитель Сибирской компании пароходства, промышленности и торговли. Если до революции Лид рассуждал об отсутствии у русских «энергичности, основательности и эффективности» в деле освоения Арктики¹⁰, то после Гражданской войны он начал обличать советское руководство в переориентации проекта в военно-стратегическое русло. Лид принялся за критику всех начинаний советской власти (особенно досталось порту Игарка), мотивируя их милитаризацией Арктики¹¹. Милитаризация, естественно, не могла состязаться с такой «высоко гуманистической» целью, как принципы *laissez-faire*. Продолжение данной политики мы можем наблюдать и сегодня, когда любые действия в Арктике, предпринятые Россией, интерпретируются через призму геополитических амбиций.

Конечно, у Лида были все основания быть недовольным советской властью. Его начинания в деле морских грузоперевозок, а также енисейского лесоэкспорта после восстановления советской власти в Сибири были для него потерянны. Оказавшись в лагере белых во время войны в статусе нонкомбатанта, Лид выполнял различные поручения колчаковского правительства, осуществляя главным образом дипломатические функции. После поражения белых норвежец безуспешно пытался продолжить свое предприятие при новой власти и в начале 1930-х гг. покинул СССР¹².

В чем представленные выше позиции сходятся, так это в определении хронологических рамок истории СМП: 1917 г. служит признанной границей между двумя отдельными эпохами: царской и советской. Для советских историков события 1918–1919 гг. были всего лишь досадным недоразумением в истории СМП и как таковые могли рассматриваться скорее не в контексте полярной истории, а в контексте интервенции и гражданской войны¹³. У их оппонентов, начиная с белоэмигрантских историков, а затем и в отечественных работах 1990–2000-х гг., изучение этих событий предпринималось не столько в контексте полярной истории, сколько в русле историко-биографического жанра. Интерес вызывали скорее судьбы участников, нежели сами события. Причем характерной особенностью этого вида работ является асимметрично скромный интерес к полярникам, сразу же принявших сторону красных (К.К. Неупокоев, А.М. Лавров, Б.А. Сергеевский), в сравнении с их коллегами, оказавшимися в лагере белых (Б.А. Вилькицкий, Ф.А. Матисен, П.А. Новопашенный). Апогеем биографического жанра являются многочисленные публикации и книги, посвя-

⁹ Белов М.И. Советское арктическое мореплавание... С. 7–8.

¹⁰ Nielsen J.P., Goncharov A.Ye., Krasnikova O.A. The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917) // From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston, 2022. P. 268.

¹¹ Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. М., 2009. С. 262–264.

¹² Goncharov A.Ye., Bulatov V.N. The Northern Sea Route during the Soviet Epoch: From the October Revolution to the Collapse of the Soviet Union (1917–91) // From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston, 2022. P. 280–281.

¹³ Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака // Полярные чтения – 2019. Арктика: вопросы управления: мат-лы VII науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2019 г.). М., 2020. С. 177.

ценные истории Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО), причем посвященные главным образом трагической судьбе ее участников в эмиграции¹⁴.

Такой интерес к биографическому жанру в контексте истории СМП вполне оправдан. История СМП, в частности в период индустриальной эпохи, скрывается за мощным технологическим фасадом: историческое повествование зачастую сводится к армиям чисел – статистических данных (объемы импорта и экспорта, количество судов и их технические характеристики, тоннаж, несчетное множество данных естественнонаучного характера). За всем этим теряется главный объект истории – человек. Вполне предсказуемо, что работы, состоящие из сводок статистических данных, ссылок на делопроизводственные документы, отражающие канцелярским языком изменения функционала, штатных расписаний и названий организаций и их ведомственного подчинения, малопривлекательны в силу именно отсутствия в них человека. Ведь, как отметил Марк Блок, «за зримым очертанием пейзажа, орудий или машин, за самым, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет видеть людей»¹⁵. Отсюда возрождение интереса к истории, повествующей о ярких личностях, героических свершениях, а также трагических падениях. Именно изучение биографий деятелей белого движения – участников экспедиций – служит основанием для решения вопроса о преемственности в деле освоения Севера, в том числе на персональном и концептуальном уровнях.

Пожалуй, наибольший интерес как историков, так и публики привлекает личность А.В. Колчака, несмотря на то, что его конкретная роль в развитии СМП в рассматриваемый период остается предметом острой полемики. Невзирая на тот факт, что Колчак был состоявшимся полярным исследователем, он едва ли может претендовать на какое-то особое место в развитии судоходства в Карском море, за исключением научного исследования, посвященного льдам Карского моря. Однако эта работа вышла в 1909 г., задолго до рассматриваемых нами событий. Известно, что проблема морского пути была для сибиряков, особенно сибирской интеллигенции, едва ли не центральной в части транспортного развития Сибири начиная еще с 1870-х гг. К началу Гражданской войны карские экспедиции были уже регулярными событиями: достаточно взглянуть, например, на безэмоциональное повествование о предстоящем прибытии гидрографической экспедиции на Енисей в 1918 г. и сравнить его с восторженным языком газетных сообщений о карских плаваниях конца XIX в.¹⁶ Колчак, естественно, не имел никакого отношения к этой экспедиции, поскольку пришел к власти лишь в ноябре 1918 г. Экспедиция 1919 г. также готовилась без его активного участия. Таким образом, укоренившееся в современной историографии мнение о ключевой роли Колчака в развитии СМП основано на убеждении о том, бывший полярный исследователь не мог быть индифферентен к проблемам Севера в качестве Верховного правителя¹⁷. Хотя об убеждениях Колчака остается только догадываться, однозначно можно утверждать, что предыдущие достижения «верховного правителя» на поприще полярника-ученого – «В отечественную и мировую науку Александр Васильевич Колчак вошел, прежде всего, как географ исследователь широкого профиля – океанограф, гляциолог, гидрохимик, внесший заметный вклад в дело изучения природы Арктики»¹⁸ – не могут служить ширмами для отвлечения внимания от его катастрофической политической карьеры. Вполне возможно, что прошлые увлечения Колчака могли оказать некоторое положительное влияние на принимаемые в отношении СМП решения, однако необходимо помнить, что главная причина организации экспедиции 1919 г. сугубо утилитарная – военные поставки. Таким образом, несмотря на романтический ореол, Колчак едва ли оказал существенное влияние на судьбу морского пути.

¹⁴ См., например: Черкашин Н.А. Командоры полярных морей. М., 2003.

¹⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 18.

¹⁶ См., например: Северный морской путь // Сибирский судоходец. Томск, 1918. № 6. 8 сент. С. 2.

¹⁷ Соловьев А.А. Омск и хлебные экспедиции по Северному морскому пути // Национальные приоритеты России. 2015. № 3 (17). С. 39.

¹⁸ Карпов К.А., Попова А.В. А.В. Колчак – исследователь Арктики // Юридический архив. Образование и право. 2013. № 1 (41) – 2 (42). С. 210.

В целом сентиментальные нарративы об утраченных возможностях деятелей СМП, примкнувших к белому движению, а затем вынужденных эмигрировать, не могут рассматриваться как объективные. К сожалению, с подобной позицией мы сталкиваемся не только в беллетристической, но и в серьезной научной литературе. Так, например, описываются нереализованные начинания С.В. Востротина, одной из ключевых фигур проекта СМП в позднеимперский период, а также во время Гражданской войны: «В своих мечтах люди модерна далеко опережали свое время. Имея современный уровень технологий (атомные ледоколы, радиосвязь, полярная авиация, метеоспутники <...>) и добычи ресурсов, мы еще не достигли того уровня освоения Арктики о котором мечтал Востротин и его товарищи»¹⁹. Весьма сомнительным представляется подобное изречение – едва ли люди той эпохи, даже самые продвинутые, могли представить вышеупомянутые технологии. В то же самое время непонятным остается вопрос, о каком именно уровне освоения Арктики мечтал Востротин. Изучение его работ, напротив, позволяет уверенно утверждать, что самые смелые его фантазии были реализованы уже к середине 1930-х гг.

В то же самое время не менее субъективными являются утверждения советских историков, которые по очевидным причинам не могли давать положительной оценки деятельности белых правительств как на Русском Севере, так и в Сибири. Как нельзя лучше позицию советской историографии обобщил М.И. Белов: «Созидательный характер мероприятий Советской власти, предпринятых в 1918–1919 гг. для изучения Севера и подготовки работ по его освоению, особенно ясно виден при сопоставлении с преступной, антинародной деятельностью белогвардейских «правительств», опирающихся на штыки англо-американо-французских интервентов»²⁰. Не в силах предоставить объективных аргументов относительно пагубного характера «белогвардейских» экспедиций и «ощутимого» вреда мореплаванию в Карском море, нанесенного интервентами, Белов лишь указывает на сорванную хлебную экспедицию 1918 г.²¹ Вслед за С.Ю. Визе²² Белов демонстративно заявляет о некомпетентности белых в организации карских плаваний: экспедиция 1918 г. (между прочем, первоначально организованная большевиками) «позорно» провалилась, радиостанция в Дудинке установлена не была, а л/п «Вайгач» потерпел крушение²³. Первое утверждение является неверным, поскольку радиостанция в Дудинке была установлена и обеспечивала радиосвязь Енисейской губернии через Диксон, а затем сети полярных станций, с Архангельском²⁴. Интересно, что ни Визе, ни Белов не спешили обвинять в провале экспедиции ее непосредственного руководителя Б.А. Вилькицкого. Вместо этого вся полнота ответственности была возложена на плечи белогвардейцев и интервентов.

Диаметрально противоположного мнения относительно исхода экспедиции Вилькицкого придерживается Н.А. Кузнецов – несмотря на гибель парохода, задание экспедиции было выполнено²⁵. В качестве причин аварии «Вайгача» указывается, в частности, низкая степень компетентности его командира, шурина Вилькицкого, старшего лейтенанта П.В. Тихменева: из личных побуждений Вилькицкий отказался назначить на эту должность опытного полярника К.К. Неупкоева²⁶. Вполне возможно, что Вилькицкий, считавший себя наиболее авторитетным полярным исследователем²⁷, вряд ли мог с такой самооценкой

¹⁹ Гонина Н.В. С.В. Востротин и Северный морской путь: периферийные аспекты модернизации // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2018 г.). Красноярск, 2018. С. 103.

²⁰ Белов М.И. Советское арктическое мореплавание... С. 53.

²¹ Там же. С. 56.

²² Визе С.Ю. Моря Советской Арктики... С. 203.

²³ Белов М.И. Советское арктическое мореплавание... С. 58.

²⁴ О работе станции свидетельствуют, например, телеграммы, хранящиеся в РГА ВМФ. Р-129. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 28.

²⁵ Кузнецов Н.А. Белые в Арктике. Год 1918-й. Забытые страницы истории исследования и освоения Севера в годы Гражданской войны // Родина. 2018. № 7. С. 179.

²⁶ Там же.

²⁷ В частности, он заявлял: «... и по совести полагаю, что в ту пору по знаниям и опыту в этом вопросе у меня соперников не было. В этой отрасли авторитет мой признавался и начальством, и населением и советской властью». Цит. по: Кузнецов Н.А. Белые в Арктике... С. 174.

потерпеть конкуренцию со стороны своего бывшего подчиненного, к тому же развернувшего при большевиках бурную деятельность по исследованию Арктики²⁸. Тем не менее странным остается замалчивание факта перехода Вилькицкого на сторону белых с захватом Архангельска. Причем о том, что Вилькицкий и все его офицеры перешли на сторону белых, в Петрограде было известно официально уже в сентябре 1918 г.²⁹. Сам Вилькицкий без стеснения писал о том, что осознанно перешел на сторону белых и интервентов, обманув доверившиеся ему большевистские власти. Получив содействие со стороны англичан, Вилькицкий добрался до Архангельска³⁰. К его чести, полученные средства все-таки были пущены на проведение гидрографической экспедиции на «Таймыре» и «Вайгаче».

Распространенным заблуждением историков является соединение в одно событие двух отдельных экспедиций 1918 г. – гидрографической экспедиции Вилькицкого и плавания парохода «Соломбала» в Обскую губу³¹. Начальником последней экспедиции выступил вышеупомянутый полковник Корпуса гидрографов Д.Ф. Котельников, ранее осуществлявший руководство гидрографическими работами в Белом море. Прибыв в Омск, он развернул активную деятельность по налаживанию грузоперевозок по СМП. Одним из его наиболее важных шагов стало учреждение Дирекции маяков и лоций Северного морского пути в январе 1919 г. В составе данной службы учреждался Отдельный Обь-Енисейский гидрографический отряд под началом полковника корпуса гидрографов А.Ф. Машковцева, который в последующем будет реорганизован в Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях сибирских рек (Убеко-Сибирь)³². Вторым шагом стало образование в Омске весной 1919 г. Комитета Северного морского пути при Министерстве торговли и промышленности Российского правительства. Не будем подробно останавливаться на истории образования этой организации – ей посвящена отдельная статья Н.А. Кузнецова³³, однако отметим, что создание данного органа позволило консолидировать всю деятельность, направленную на организацию и обеспечение судоходства в Карском море.

Практическим воплощением начинаний Котельникова стала экспедиция 1919 г.³⁴ Представители ведомств и экономических кругов вдруг вообразили, что СМП полностью готов к использованию, и ринулись делать колоссальные заказы на вывоз и ввоз товаров. В существующих документах, описывающих совещание по использованию морского пути под председательством управляющего отделом торговли Министерства торговли и промышленности Ф.А. Томашевского, состоявшееся 22 марта 1919 г., не прослеживается ни четко скоординированных действий между сторонами, ни организационной структуры. Так, на вполне обоснованные опасения Закупсбыта по поводу порчи сливочного масла без использования рефрижераторов Й. Лид заявил, что рефрижераторы не нужны, поскольку масло не испортится (sic! – А. Г.), в то время как отказ от рефрижераторов существенно снизит тоннаж экспедиционного флота³⁵. В конечном итоге совещание свелось к трем основным вопросам: что ввозить, каким образом приобрести зарубежные товары и на какие валютные средства осуществлять закупку импортных товаров³⁶. Решение вопроса об импорте было возложено на Лида, который для этого должен был отправиться за границу. Со слов Лиды,

²⁸ В мае 1918 г. Б.А. Вилькицкий написал письмо Ю.М. Шокальскому, выдающемуся океанографу и председателю Русского географического общества, сообщая о своем назначении на должность начальника экспедиции «для всестороннего изучения бассейна Северного Ледовитого океана», причем основными задачами Вилькицкий обозначает обследование пути в устья Лены и Колымы (Российский государственный музей Арктики и Антарктики. В-9066а/б. Письмо от 22.05.1918 Б.А. Вилькицкого Ю.М. Шокальскому о задачах экспедиции и содействие РГО в ее работе).

²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 858. Л. 216.

³⁰ Кузнецов Н.А. Белые в Арктике... С. 178–179.

³¹ Там же. С. 181.

³² Там же. С. 187.

³³ Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути...

³⁴ Об этой экспедиции см.: Расколец В.В. Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117–124; Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути...

³⁵ РГА ВМФ. Р-129. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 6.

он был в состоянии заинтересовать экономические круги как в Великобритании, так и в США. Лиду так и не удалось собрать большую экспедицию, зато он смог создать подходящий информационный повод в прессе. О беспрецедентной по ожидаемому товарообороту операции (до 13 млн фунтов стерлингов) писали все ведущие газеты³⁷. Популярность экспедиции за рубежом стала причиной для выпуска специальной награды – медали, которая вручалась офицерам и матросам парохода «Байминго», парохода Компании Гудзонова залива, зафрахтованного для участия в экспедиции на Обь ливерпульской Merchant Trading Company. Нам неизвестно о существовании аналогичных наград за участие в других карских экспедициях. Несмотря на все усилия комитета, а также Лида, экспедиция 1919 г. дала весьма скромный экономический результат: было вывезено 179 тыс. пудов зерна, 5 тыс. пудов сливочного масла, 175 пудов сыра и 4 624 пар валенок³⁸. В 1915 г. только из устья Енисея было вывезено 40 тыс. пудов масла при общем объеме около 57 тыс. пудов; с Оби в том же году было вывезено более 110 тыс. пудов масла при общей сумме экспорта в 122 тыс. пудов³⁹. Однако как военно-логистическое предприятие, экспедиция не имела себе равных в тех условиях⁴⁰.

Поражение белых правительств и последующее окончание Гражданской войны поставили многих полярников перед выбором – продолжать работу на Севере, но уже под эгидой большевиков, или эмигрировать. С.В. Востротин, геолог И.П. Толмачев (уехал в США в 1922 г.), гидрограф Л.Л. Брейтфус (уехал в Норвегию, а затем в Германию в 1921 г.) выбрали жизнь за границей. В 1920 г. Россию покинул и Б.А. Вилькицкий, произведенный незадолго до этого в чин контр-адмирала. Поселившись сначала в Великобритании, а затем в Бельгии, он продолжил работы на гидрографическом поприще. Несколько раз он принимал участие уже в качестве приглашенного специалиста в проведении Карских экспедиций. Бесславной оказалась судьба видного участника ГЭСЛО – старшего лейтенанта П.А. Новопащенко. Летом 1919 г., после бегства из Петрограда, он примкнул к Северо-Западной армии, после ее разгрома эмигрировал в Германию. В годы Великой Отечественной войны Новопащенко оказался в рядах фашистских коллаборантов на должности дешифровщика. После войны был арестован советской контрразведкой, осужден и скончался на пересыльном пункте в 1950 г.⁴¹

Другие «бывшие» продолжили полярную карьеру, но уже при советской власти. Наиболее успешен здесь был еще один участник ГЭСЛО, старший штурман л/п «Таймыр» Николай Иванович Евгенов (1888–1964 гг.)⁴². Евгенов известен прежде всего как начальник проводки карских экспедиций – должность, которую он занимал с 1925 по 1931 г. Позже он продолжил работать в структурах Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), а затем на научном поприще. Интересно, что Евгенов, старавшийся переждать Гражданскую войну сначала на Дальнем Востоке, а затем в США, был отозван Колчаком и назначен исполняющим обязанностей начальника геодезического отделения гидрографического отдела Комитета Северного морского пути. Осенью 1919 г. Евгенов эвакуирован в Иркутск, где по прибытии в январе 1920 г. был арестован большевиками. Через месяц Евгенов освобожден за отсутствием состава преступления и смог продолжить гидрографиче-

³⁷ Лид Й. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск, 2019. С. 201.

³⁸ РГА ВМФ. Р-129. Оп. 1. Д. 45. Л. 116.

³⁹ Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири. Омск, 1921. С. 17.

⁴⁰ О характере груза экспедиции 1919 г. см.: Гончаров А.Е., Карелин Н.М., Медников Д.М. Карская экспедиция 1919 г.: к вопросу об экспорте и импорте // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск, 2017. С. 71–78.

⁴¹ Сычев В.И., Шилин М.Б., Новопащенко И.В. Роль капитана П.А. Новопащенко в открытиях Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1913–1915 гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2018. Т. 5. С. 94–120.

⁴² Об этом см.: Рудь И.А. Роль Н.И. Евгенова в развитии научно-оперативного обеспечения Карских товарообменных экспедиций 1925–1928 годов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 154–169. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-11.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

ские исследования сначала на Лене, а через несколько лет – в Карском море в должности начальника морского отряда Северной гидрографической экспедиции⁴³.

Что касается судьбы двух главных героев нашей статьи – Неупокоева и Котельникова, то первый продолжил успешно начатую карьеру в качестве руководителя сначала Отдельного Обь-Енисейского гидрографического отряда при Сибирской флотилии и Главном гидрографическом управлении, а после его реорганизации – начальника Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях сибирских рек. Под его руководством была проделана огромная работа по обеспечению судоходства в Обь-Енисейском районе Карского моря. С результатами этих работ можно познакомиться как в фундаментальной работе еще одного выдающегося полярника-гидрографа Б.А. Сергеевского, так и в приведенном архивном документе⁴⁴. Эта работа позволила создать не только серию точных гидрографических карт, но и первую лоцию Карского моря. Деятельность гидрографических партий выполняла не только возложенные на них прямые обязанности, но и выступала, как и ГЭСЛО до этого, кузницей полярных кадров Советского Союза. В расцвете своей творческой карьеры, в 1924 г., Неупокоев скончался. Память о нем как о выдающемся полярнике сохранилась не только на географических картах, но и в работах практически всех историков СМП. При этом в 1918–1919 гг. Неупокоев, как и Вилькицкий до него, оказался в лагере белых в Архангельске. В 1919 г. по заданию белого правительства провел из Архангельска на Обь и Енисей караван и пяти гидрографических судов, включая г/с «Иней». Здесь отряд должен был поступить в распоряжение Котельникова. Интересно, что Неупокоев за это никогда не подвергался критике в советской историографии⁴⁵.

Иначе сложилась судьба Д.Ф. Котельникова, сослуживца Неупокоева. После падения Колчака Котельников был арестован и находился в иркутской тюрьме. Благодаря активной деятельности Томского Института исследования Сибири (его сотрудники принимали участие в Обской экспедиции 1919 г.) и Комитета Северного морского пути при Сибревкоме Котельникова удалась освободить из-под стражи⁴⁶. Через некоторое время он был назначен на должность главного инспектора СМП. Уже в ноябре 1920 г. Котельников выполнял поручения в Москве по линии КСМП⁴⁷. Здесь произошел инцидент, связанный с вопросом о подчинении гидрографических партий. Главное гидрографическое управление выступало категорически против передачи данных структур и их функционала гражданской организации – Комсеверопути. Однако мы помним, что поскольку одним из архитекторов этой структуры был гидрограф, то именно эта деятельность была представлена в проекте Положения «О Комитете Северного морского пути». Однако Гидрографическое управление все же смогло взять под свой контроль гидрографические, а также иные исследовательские работы: «Исследование Северного морского пути составляет предмет ведения Главного гидрографического управления и может быть для Комсеверопути лишь предметом обсуждения»⁴⁸. Данная позиция аргументировалась военно-стратегическими задачами гидрографических исследований. До начала 1930-х гг. гидрография продолжала оставаться в сфере влияния ГГУ, однако после образования Главсевморпути вся деятельность в Арктике перешла под контроль данного ведомства. Что касается Котельникова, то он после ухода со своей должности в Арктике руководил гидрографическими работами на Черном и Каспийском морях, попутно занимаясь научной деятельностью. В 1929 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и 23 ноября 1930 г. осужден Коллегией ОГПУ на десять лет лагерей. Отбывал наказание в Беломоро-Балтийском исправительно-трудовом

⁴³ Евгенова Н.Н. Студеные вахты (воспоминания об исследователе Арктики). СПб., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=645> (дата обращения: 16.10.2024).

⁴⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 117. Л. 55–58 об.; Сергеевский Б.А. Гидрографические исследования юговосточной части Карского моря. Обь-Енисейский район. Л., 1936.

⁴⁵ См., например: Сергеевский Б.А. Гидрографические исследования юговосточной части Карского моря... С. 19.

⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 26. Л. 124 об.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.

⁴⁸ Там же. Л. 9 об.

лагере. 7 октября 1933 г. срок наказания был сокращен, 2 ноября 1933 г. Д.Ф. Котельников был освобожден, выехал в г. Пермь. В 1989 г. был реабилитирован.

Что же касается вопроса о преемственности, то ее наличие очевидно. Создание централизованного органа, координирующего деятельность по освоению СМП, стало следствием развития судоходства в Карском море и его бассейне на протяжении предшествующих пяти десятилетий. Траектория движения была известна задолго до создания вышеупомянутых организаций в Омске и, вопреки утверждению Н.А. Кузнецова, экспедиция 1919 г. не была «первой в истории Карской экспедицией»⁴⁹. Эти экспедиции начались еще в 1870-е гг., причем некоторые из них превосходили по масштабам экспедиции 1918 и 1919 гг. Однако все эти плавания были децентрализованы и организовывались множеством различных ведомств: Министерством путей сообщения, Министерством финансов, военными ведомствами, различными комитетами, частными лицами, местными властями, а также иностранными торговыми компаниями. Вполне возможно, что инициатором нового подхода к управлению судоходством и его обеспечению в Карском море являлся именно Д.Ф. Котельников. Сложно представить, что данная идея возникла у представителей сибирской буржуазии или интеллигенции вроде С.В. Востротина или восторженных дилетантов типа Й. Лида. Так или иначе, из протоколов совещаний по использованию СМП мы констатируем отсутствие понимания, каким образом должен использоваться морской путь как с коммерческой, так и с логистической точки зрения⁵⁰.

Однако можем ли мы действительно утверждать о наличии преемственности в вопросе освоения и исследования Севера между белыми и красными, о которой говорится в работе Р.Г. Гагкуева и С.В. Решетникова⁵¹? Отчасти на этот вопрос можно ответить положительно, особенно когда речь идет о сохранении Комитета Северного морского пути. Как уже было отмечено выше, очевидность преемственности между этим институтом и последующими советскими органами, осуществляющими руководство деятельностью СМП, была настолько прозрачной, что в советской историографии вопрос о деятельности комитета практически не рассматривался⁵².

Итак, советская власть продолжила деятельность по освоению СМП, начатую еще в Российской империи, а не в колчаковской Сибири. Несмотря на заимствование органа управления, в целом это была самобытная программа, ставившая перед собой целью скорейшее промышленное освоение Сибири, создание комплексной транспортно-логистической системы, урбанизацию. Необходимо помнить, что ГЭСЛО в первую очередь являлось гидрографическим и научным предприятием. В связи с этим именно гидрографические исследования обозначались краеугольным камнем программы СМП⁵³. Как было показано, в дальнейшем это обстоятельство стало причиной конфликта между военно-морским и гражданским руководством морского пути. На первом этапе ГГУ смогло действовать самостоятельно в рамках Убеко-Сибири, однако после решения основных гидрографических, картографических и обстановочных работ самостоятельность данной организации была ликвидирована, а сама она реорганизована путем включения ее в состав ГУСМП.

Главная же преемственность заключалась в кадрах. Специалистам по Арктике той эпохи было очевидно, что навигация по Карскому морю возможна, как и сезонные плавания к устьям Оби и Енисея. В условиях разрушенной транспортной инфраструктуры, замораживания железнодорожного сообщения между Сибирью и Европейской Россией, отсутствия необходимого количества подвижного состава было очевидным, что морской путь – единственное решение транспортной проблемы как для белых (в первую очередь военная логистика), так и для красных (решение продовольственного кризиса). В сложившейся ситуации ни одна из сторон не могла себе позволить разбрасываться полярными кадрами.

⁴⁹ Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути... С. 190.

⁵⁰ РГА ВМФ. Р-129. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–3.

⁵¹ Гагкуев Р.Г., Решетников С.В. «Немало поработавший уже над этой задачей» ... С. 130.

⁵² Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути... С. 177.

⁵³ См., например: ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 62. Л. 118–118 об.

Поскольку главной кузницей этих кадров накануне революции 1917 г. являлась ГЭСЛО, именно кадровый состав этой экспедиции встал у истоков арктических программ будущего.

Таким образом, несмотря на кровавые хаотичные события Революции и Гражданской войны, репрессивные меры, последовавшие за победой большевиков, ряд уникальных специалистов-полярников, являвшихся участниками белого движения, не только был прощен новой властью, но и смог продолжить работу в рамках своих профессиональных интересов в течение почти двух десятилетий.

Литература

Белов М.И. Советское арктическое мореплавание 1917–1933. М.: Морской транспорт, 1959. 510 с.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с.

Булатов В.Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М.: Изд-во МГУ, 1989. 156 с.

Визе С.Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 395 с.

Гагкуев Р.Г., Решетников С.В. «Немало поработавший уже над этой задачей». Восхождение комитета Северного морского пути в РСФСР в 1920 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 116–150.

Гонина Н.В. С.В. Востротин и Северный морской путь: периферийные аспекты модернизации // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2018 г.). Красноярск: КрасГАУ, 2018. С. 97–105.

Гончаров А.Е., Карелин Н.М., Медников Д.М. Карская экспедиция 1919 г.: к вопросу об экспорте и импорте // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск, 2017. С. 71–78.

Карпов К.А., Попова А.В. А.В. Колчак – исследователь Арктики // Юридический архив. Образование и право. 2013. № 1 (41) – 2 (42). С. 205–210.

Кузнецов Н.А. Белые в Арктике. Год 1918-й. Забытые страницы истории исследования и освоения Севера в годы Гражданской войны // Родина. 2018. Вып. 7. С. 171–193.

Кузнецов Н.А. К истории создания и деятельности Комитета Северного морского пути Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака // Полярные чтения – 2019. Арктика: вопросы управления: мат-лы VII науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2019 г.). М.: Паулсен, 2020. С. 174–198.

Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Лид Й. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании» / пер. А.С. Хромых. Красноярск: РАСТР, 2019. 320 с.

Расколец В.В. Экспедиция Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117–124.

Рудь И.А. Роль Н.И. Евгенова в развитии научно-оперативного обеспечения Карских товарообменных экспедиций 1925–1928 годов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 154–169. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-11.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири / под общ. ред. Ф.А. Шольца. Омск: Центр. тип., 1921. 69 с.

Сергеевский Б.А. Гидрографические исследования юговосточной части Карского моря. Обь-Енисейский район. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. 416 с.

Соловьев А.А. Омск и хлебные экспедиции по Северному морскому пути // Национальные приоритеты России. 2015. № 3 (17). С. 38–43.

Сычев В.И., Шилин М.Б., Новопашенный И.В. Роль капитана П.А. Новопашенного в открытиях Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1913–1915 гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин». М., 2018. Т. 5. С. 94–120.

Черкашин Н.А. Командоры полярных морей. М.: Вече, 2003. 480 с.

Goncharov A.Ye., Bulatov V.N. The Northern Sea Route during the Soviet Epoch: From the October Revolution to the Collapse of the Soviet Union (1917–91) // From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 271–376.

Nielsen J.P., Goncharov A.Ye., Krasnikova O.A. The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917) // From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 181–268.

References

Belov, M.I. (1959). *Sovetskoe arkticheskoe moreplavanie 1917–1933* [Soviet Arctic Navigations, 1917–1933]. Moscow, Morskoy transport. 510 p.

Blok, M. (1973). *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apologie pour l’histoire or The Historian’s Craft]. Moscow, Nauka. 232 p.

Bulatov, V.N. (1989). *KPSS – organizator osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (1917–1980)* [The CPSS as the Organizer of the Development of the Arctic and the Northern Sea Route, 1917–1980]. Moscow, Izdatel’stvo MGU. 156 p.

Cherkashin, N.A. (2003). *Komandory polyarnykh morey* [The Commanders of the Polar Seas]. Moscow, Veche. 480 p.

Gagkuev, R.G., Reshetnikov, S.V. (2022). “Nemalo porabotavshiy uzhe nad etoy zadachey”. Vossozdanie komiteta Severnogo morskogo puti v RSFSR v 1920 g. [“Much had Been Done on This Matter”. Reconstructing the Committee of the Northern Sea Route in the RSFSR, 1920]. In *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 3 (30), pp. 116–150.

Goncharov A.Ye., Bulatov V.N. (2022). The Northern Sea Route during the Soviet Epoch: From the October Revolution to the Collapse of the Soviet Union (1917–91). In *From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia*. J.-P. Nielsen and E. Okhuizen (Eds.). Leiden, Boston, Brill, pp. 271–376.

Goncharov, A.E., Karelin N.M., Mednikov, D.M. (2017). The Kara Sea Route Expedition of 1919: Imports and Exports. In *Grazhdanskaya voyna na востоке Rossii: vzglyad skvoz dokumentalnoe nasledie: materialy II Vsepossiyskoy naucho-prakticheskoi konferentsii*. Omsk, pp. 71–78.

Gonina, N.V. (2018). S.V. Vostrotin i Severnyy morskoy put’: pereferiynnye aspekty modernizatsii [S.V. Vostrotin and the Northern Sea Route: on the Peripheral Aspects of Modernization]. In *Arktika 2028: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost’, innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost’: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, pp. 97–105.

Karpov, K.A., Popova, A.V. (2013). Kolchak – issledovatel’ Arktiki [Kolchak as an Arctic Explorer]. In *Yuridicheskiy arkhiv*. No. 1 (41) – 2 (42), pp. 205–210.

Kuznetsov, N.A. (2018). Belye v Arktike. God 1918-y. Zabytye stranitsy istorii issledovaniya i osvoeniya Severa v gody Grazhdanskoi voyny [The Whites in the Arctic. 1918. The Forgotten Pages of the History of the Exploration and Development of the North during the Russian Civil War]. In *Zvezda*. No. 7, pp. 171–193.

Kuznetsov, N.A. (2020). K istorii sozdaniya i deyatelnosti Komiteta Severnogo morskogo puti Vserossiyskogo pravitel’stva admirala A.V. Kolchaka [Regarding the History of the Establishment and Functioning of the Committee of the Northern Sea Route in the All-Russian Government of Admiral A.V. Kolchak]. In *Polyarnye chteniya–2019. Arktika: voprosy upravleniya: materialy VII nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Paulsen, pp. 174–198.

Lid [Lied] I. (2019). *Sibirskaya Arktika. Issledovanie i razvitie Karskogo morskogo puti. Istoriya "Sibirskoy kompanii"* [The Siberian Arctic. The Exploration and Development of the Kara Sea Route. The History of the Siberian Company]. A.S. Khromykh, trans. Krasnoyarsk, RASTP. 320 p.

Lid, I. (2009). *Sibir' – strannaya nostalg'iya* [Siberia: a Strange Nostalgia]. Moscow, Ves' Mir. 304 p.

Nielsen J.P., Goncharov A.Ye., Krasnikova O.A. (2022). The Opening Up of the Northern Sea Route to Siberia (Mid Nineteenth Century until 1917). In *From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia*. J.-P. Nielsen and E. Okhuizen (Eds.). Leiden and Boston, Brill, pp. 181–268.

Raskolets, V.V. (2016). Ekspeditsiya D.F. Kotel'nikova i V.V. Sapozhnikova v Obskuyu gubu (1919 g.) [The Expedition of D.F. Kotel'nikov and V.V. Sapozhnikov to the Ob' Gulf in 1919]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 408, pp. 117–124.

Rud', I.A. (2023). Rol' N.I. Evgenova v razvitii nauchno-operativnogo obespecheniya Karskikh tovaroobmennyykh ekspeditsiy 1925–1928 godov [The Role of N.I. Evgenov in the Development of the Scientific and Operational Aspect of the Kara Sea Barter Expeditions, 1925–1928]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6 (32), pp. 154–169. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-11.pdf> (date of access 16.10.2024).

Sergeevskiy, B.A. (1936). *Gidrograficheskie issledovaniya yugovostochnoy chasti Karskogo morya. Ob'-Eniseiskiy rayon* [The Hydrography Survey of the South-Eastern Part of the Kara Sea. The Ob' and Yenisei Sector]. Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 416 p.

Shol'ts, F.A. (Ed.) (1921). *Severnyy morskoy put' i ego znachenie vo vneshnem tovaroobmene Sibiri* [The Northern Sea Route and its Place in Siberian Imports and Exports]. Omsk, Tsentral. tip. 69 p.

Solov'ev, A.A. (2015). Omsk i khlebnye ekspeditsii po Severnomu morskomu puti [Omsk and the Bread Expeditions of the Northern Sea Route]. In *Natsional'nye priority Rossii*. No. 3 (17), pp. 38–43.

Sychev, V.I., Shilin, M.B., Novopashenny, I.V. (2018). Rol' kapitana P.A. Novopashennogo v otkrytiyakh Gidrograficheskoy ekspeditsii Severnogo Ledovitogo okeana 1913–1915 gg. [Captain P.A. Novopashenny and His Role in the Discoveries of the Hydrographical Expedition of the Arctic Ocean, 1913–1915]. In *Polyarnye chteniya na ledokole "Krasin"*. Moscow. Vol. 5, pp. 94–120.

Vize, S.Yu. (1949). *Morya Sovetskoy Arktiki. Ocherki po istorii issledovaniya* [Seas of the Soviet Arctic: Notes Regarding Exploration]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 395 p.

Д.А. Астафьев*

**СУДЬБА КОМБАТАНТА В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ:
К БИОГРАФИИ ПАВЛА ИВАНОВИЧА АСТАФЬЕВА
(1892–1937 ГОДЫ)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-11
УДК 929*Выходные данные для цитирования:**Астафьев Д.А. Судьба комбатанта в эпоху войн и революций: к биографии Павла Ивановича Астафьева (1892–1937 годы) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 150–161. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-11.pdf>*

D.A. Astafyev*

**PRISONERS OF THE FIRST WORLD WAR
IN A NEW HOMETLAND: THE PRACTICES OF ADAPTATIO**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-11

*How to cite:**Astafyev D.A. The Fate of a Combatant in the Era of Wars and Revolutions: To the Biography of Pavel Ivanovich Astafiev (1892–1937) // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 150–161. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-11.pdf>]*

Abstract. The article presents the results of a historical and biographical study dedicated to the combatant Pavel Ivanovich Astafiev (1892–1937), whose fate was affected by most of the key events of the first half of the 20th century (the First World War, the Great Russian Revolution, the Civil War, political repressions of the 1930s). Now in the historiography of the Civil War in Russia there is a tendency to increase the number of scientific works devoted to ordinary participants in this conflict, which largely determines the relevance of this article. The research was carried out primarily on the basis of unpublished sources from federal, regional and departmental archives. The author relied on the following methods and approaches: analytical, biographical, microhistorical, historical and anthropological. Life path of P.I. Astafiev reflects the difficulties and vicissitudes that many of his compatriots faced during a turning point for the country. The main stages of the biography of the hero of the story are characterized, and the key events that influenced his fate are identified. The First World War was to a certain extent a social lift for Pavel Ivanovich; in the Civil War he managed to visit both sides of the front, then quite successfully integrated into Soviet society, but, unfortunately, in the end he shared the sad fate of the majority of former “white” officers and was repressed in the late 1930s. As a result, in the course of the study, the “personal history” of the hero of the story – P.I. Astafiev, was reconstructed in sufficient detail. The article is addressed to specialists in the Civil War in Russia, the social adaptation of combatants to Soviet reality, as well as researchers in the field of genealogy and family history.

Keywords: biography, microhistory, officers, First World War, Civil War, social adaptation, P.I. Astafiev.

The article has been received by the editor on 20.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены результаты историко-биографического исследования, посвященного комбатанту Павлу Ивановичу Астафьеву (1892–1937 гг.), на судьбе которого отразилось большинство ключевых событий первой половины XX в. (Первая мировая война, Великая российская революция, Гражданская война, политические репрессии 1930-х гг.). Сейчас в историографии Гражданской войны в России

* **Дмитрий Александрович Астафьев**, кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия.

Dmitriy Aleksandrovich Astafiev, Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.

наблюдается тенденция к увеличению количества научных работ, посвященных рядовым участникам данного конфликта, что во многом обуславливает актуальность настоящей статьи. Исследование выполнено на основе прежде всего неопубликованных источников из федеральных, региональных и ведомственных архивов. Автор опирался на следующие методы и подходы: аналитический, биографический, микроисторический, историко-антропологический. Жизненный путь П.И. Астафьева отражает те сложности и перипетии, с которыми столкнулись многие из его соотечественников в переломную для страны эпоху. Охарактеризованы основные этапы биографии героя повествования, а также определены ключевые события, повлиявшие на его судьбу. Первая мировая война выступила для Павла Ивановича в определенной степени социальным лифтом, в Гражданской войне он успел побывать с обеих сторон фронта, затем достаточно успешно встроился в советский социум, но, к сожалению, в итоге разделил печальную судьбу большинства бывших «белых» офицеров и был репрессирован в конце 1930-х гг. В итоге в ходе проведенного исследования достаточно подробно реконструирована «персональная история» героя повествования – П.И. Астафьева. Статья адресована специалистам по Гражданской войне в России и социальной адаптации комбатантов к советской реальности, а также исследователям в области генеалогии и семейной истории.

Ключевые слова: биография, микроистория, офицерство, Первая мировая война, Гражданская война, социальная адаптация, П.И. Астафьев.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024 г.

Изучение биографий рядовых участников в контексте значимых исторических событий – одно из актуальных направлений в современных научных изысканиях. Войны, революции, реформы, социальные катаклизмы – все это находит отражение в судьбе каждого человека. Отметим, что именно в среде отечественных исследователей Гражданской войны в России сформировалась ярко выраженная тенденция к освещению ее сложных, неоднозначных и противоречивых реалий через призму биографического, антропологического и микроисторического подходов, а также в русле проблематики истории повседневности и генеалогии. Немалую роль в исследованиях подобного рода играет сравнительно молодая научная отрасль, носящая междисциплинарный характер, – военная антропология, и, в частности, одна из ее областей, а именно военно-историческая антропология¹.

За последние годы опубликовано значительное количество историко-биографических исследований, основанных на материалах по истории Гражданской войны в России, рассматривающих как судьбы известных выдающихся деятелей данного периода, так и рядовых участников этого противостояния². Это позволяет судить о закреплении такого жанра, как

¹ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150; Разиньков М.Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken, 2012; Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). С. 14–25; Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

² Бодрова Л.А., Петин Д.И. Две России в одной судьбе: к биографии Ивана Гавриловича Галкина (1896–1937) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 55–66; Бодрова Л.А., Петин Д.И. Москва – Харбин: жизненная одиссея белоэмигранта Николая Галкина (1895–1940) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 40–55; Ганин А.В. «Мне за границей не место». Следственное дело полковника Л.В. Костанди 1920–1921 гг. // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 188–272; Ганин А.В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А.Я. Крузе // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.). Омск, 2021. С. 50–57; Ганин А.В. Командарм Александр Харченко: кто он? // Архив в социуме – социум в архиве: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 28–29 сентября 2023 г.). Челя-

тенденции современной историографии Гражданской войны. Приведем также важную мысль, высказанную известным специалистом по истории Гражданской войны Р.Г. Гагкуевым: «Рассказывать сегодня о Гражданской войне, как во время выступлений, так и в публикациях – неважно, научная статья это, популярная книга или учебник – нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону»³.

Данное исследование посвящено реконструкции «персональной истории» Павла Ивановича Астафьева (1892–1937 гг.), на чей век пришлись знаковые для российской истории события XX в. – Первая мировая война, Великая российская революция, Гражданская война, репрессии 1930-х гг. Герой нашей статьи служил в Русской императорской армии (РИА), воюя на фронтах Первой мировой войны, затем в Русской армии адмирала А.В. Колчака и, наконец, в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Впоследствии ему пришлось адаптироваться к новой советской реальности. В этом плане его судьба созвучна эпохе, в которой он жил. В основу исследования положен комплекс неопубликованных источников из фондов федеральных, региональных и ведомственных архивов. Основные методы и подходы, примененные в работе: аналитический, биографический, микроисторический, историко-антропологический.

П.И. Астафьев родился 1 ноября 1892 г. в с. Баландино Троицкой волости Бугурусланского уезда Самарской губернии в крестьянской семье. Это село на рубеже XIX–XX вв. представляло собой один из наиболее развитых и крупных населенных пунктов уезда. Юноша получил начальное образование в родном селе, а в 1905 г. был отправлен на учебу в Курганское четырехклассное городское училище. В подобный тип учебных заведений принимали детей всех сословий и вероисповеданий, прошедших курс начальной школы. В основном в них обучались выходцы из крестьянства и мещанства. Учебная программа состояла из следующих предметов: чтения, письма, счета, Закона Божьего, а также географии, истории, геометрии, черчения, естествознания, рисования, иностранных языков.

В экзаменационных и репетиционных ведомостях указанного училища выявлена информация об успеваемости Павла Ивановича за II–IV классы. В целом за годы учебы он показывал хорошую успеваемость и в итоге постановлением Педагогического совета в 1909 г. ему выдали аттестат об окончании училища⁴.

К сожалению, информация о его жизни в период с 1909 по 1915 г. почти неизвестна. В 1914 г. начинается Первая мировая война, и в результате в сентябре 1915 г. Павел Иванович по мобилизации ратников ополчения 2-го разряда Курганским уездным воинским начальником назначается на службу в 34-й Сибирский стрелковый запасный батальон⁵. Эта информация представлена в послужном списке прапорщика П.И. Астафьева,

бинск, 2023. С. 156–159; *Ганин А.В.* От работника Региструпра РККА до офицера парагвайской армии: судьба начальника советской агентурной разведки В.А. Срывалина // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 6–19; *Канищев В.В.* «Смутная биография» в «Смутное время». Боевой путь бывшего офицера Русской императорской армии В.Ф. Карпова от Мировой к Гражданской войне // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск, 2023. С. 140–144; *Петин Д.И.* Офицер поневоле: инженер Михаил Васильевич Лебедев в эпоху социальных катаклизмов // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 76–83; *Петин Д.И.* Чиновник военного времени и белогвардеец К.Е. Мурашкинский: малоизвестные страницы биографии советского биолога // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 904–915; *Петин Д.И.* Авантюрист в эпоху социальных катаклизмов: Иван Иванович Маталас (1895–1973) // Эхо веков. 2023. № 2. С. 113–126; *Стельмак М.М., Сушко А.В.* Социал-демократ, кадет, белый офицер: к биографии советского служащего Ивана Ивановича Алифанова // Северные Архивы и Экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 130–142.

³ *Гагкуев Р.Г.* «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 8–9.

⁴ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 147. Д. 27. Л. 9 об. – 10; Д. 29. Л. 20 об. – 21; Д. 31. Л. 68 об. – 70.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1696. Оп. 1. Д. 17. Л. 131–134 об.

составленном в 1916 г.⁶ Из него же мы узнаем имя супруги Павла Ивановича – Олимпиады Лаврентьевны Жулистовой, уроженки Кургана.

В феврале 1916 г. П.И. Астафьева зачисляются в качестве юнкера в только что открытую 2-ю Омскую школу прапорщиков пехоты⁷, в которой он проходит 3-месячный курс обучения согласно «Положению об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах», принятому Приказом по Военному ведомству № 647 от 30 сентября 1914 г. Отметим, что такую возможность Павел Иванович получил именно потому, поскольку, согласно Положению от 10 ноября 1914 г., имел такое право, так как окончил полный курс городского училища. Как показывают исследования социального состава школ прапорщиков, значительную часть юнкеров составляли выходцы из крестьянского сословия⁸. В период обучения он получает унтер-офицерское звание и по окончании курса приказом по войскам Омского военного округа от 27 мая 1916 г. производится в офицеры⁹. Это был первый выпуск 2-й Омской школы прапорщиков.

Затем его направили в 33-й Сибирский стрелковый запасный полк (в составе 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады), зачислив младшим офицером в 4-ю роту¹⁰, поскольку выпускники школ прапорщиков были обязаны отслужить необходимый срок в запасных частях для получения соответствующих умений и опыта командования личным составом. Указанный полк дислоцировался в Петропавловске Акмолинской области. Еще ряд его однокашников также направляются в данный полк: Д.Л. Блиновский, В.Е. Блинов, П.Г. Зуев, А.А. Кузнецов, Г.Ф. Ольхов, М.Д. Горбунов и др.¹¹ Большинство из них пройдет достаточно сходный жизненный путь, характерный для офицеров РИА, оказавшихся в водовороте исторических событий.

О дальнейших подробностях военной службы П.И. Астафьева в период Первой мировой войны мы узнаем из еще одного находящегося в нашем распоряжении послужного списка, составленного с его слов в 1920 г. и находящегося на хранении в Российском государственном военном архиве (РГВА)¹². Согласно ему, в течение 1917 г. Павел Иванович направляется в 302-й запасный полк (дислокация – г. Калуга), затем в 699-й Саровский пехотный полк в составе 175-й пехотной дивизии (июнь–октябрь 1917 г.)¹³. В боевых действиях полк участвовал у местечка Крево в районе Сморгони (территория современной Беларуси) на Западном фронте.

В этот же период в августе 1917 г. он производится в подпоручики¹⁴. За указанный период в РГВИА сохранились журналы боевых действий Саровского пехотного полка¹⁵. В октябре 1917 г. Павел Иванович переводится в 273-й Богодуховский пехотный полк в составе 69-й пехотной дивизии младшим офицером 4-й роты¹⁶. В 1917 г. данный полк находился на Западном фронте.

⁶ РГВИА. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 17. Л. 131–134 об.

⁷ См. подробнее: *Коняев Р.В.* Подготовка офицеров для фронта в Омском военном округе в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 1. С. 155–159; *Саблин А.Ю.* Учреждение и начальный этап деятельности 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты (октябрь 1915 г. – май 1916 г.) // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 2 (39). С. 170–180.

⁸ См. подробнее: *Саблин А.Ю.* Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134; *Саблин А.Ю.* Крестьяне, уроженцы европейских губерний России в 1-й и 2-й Омских школах прапорщиков (1915–1916 гг.) // Сибирская деревня: 200 лет развития Омской области – от реформ М.М. Сперанского до агропромышленного центра Сибири: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Омской области (Омск, 21–23 сентября 2022 г.). Омск, 2022. С. 233–237.

⁹ 2-я Омская школа прапорщиков [Электронный ресурс] // Сайт «Офицеры РИА». URL: <https://www.ria1914.info> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1 Д. 11257. Л. 23–24.

¹¹ Там же. Л. 23–26.

¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37976. ОП. 9. Д. 5262. Л. 1–4 об.

¹³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГВИА. Ф. 3171. Оп. 1. Д. 3; Ф. 3171. Оп. 1. Д. 4.

¹⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2.

В стране уже быстрыми темпами развивались революционные события, которые отразились, естественно, и на армии. К примеру, полковник Никанор Алексеевич Войкин неоднократно посылал наверх срочные донесения о том, что та или иная рота Богодуховского полка отказывалась укреплять позиции¹⁷. Еще одно из последствий революционных процессов, отразившихся на армии, – это отмена воинских чинов, званий и знаков различия и реализация принципа выборности командного состава и должностных лиц. П.И. Астафьев был избран командиром 4-й роты, в которой он и служил ранее младшим офицером¹⁸. Можно только предположить, что определенную роль сыграло его крестьянское происхождение, что вызывало доверие со стороны нижних чинов из того же сословия.

В марте 1918 г. П.И. Астафьев был уволен в «первобытное состояние», но только мирная жизнь продолжалась недолго¹⁹. Летом 1918 г. в стране начинает полыхать гражданская война – противостояние сторонников советской власти и антибольшевистских сил, в которое оказываются вовлеченными различные социальные слои населения. Как следствие, уже в июне 1918 г. Павел Иванович призывается Временным Сибирским правительством и назначается младшим офицером в 19-й Петропавловский Сибирский стрелковый полк²⁰, сформированный в Кургане изначально как 7-й Степной полк 2-й Степной Сибирской дивизии и скомплектованный из мобилизованных офицеров, военных чиновников и добровольцев. С августа 1918 г. полк входил в состав 5-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Степного Сибирского корпуса²¹. Командир полка – полковник Казимир Казимирович Войдылло.

В октябре этого же года полк отправляется на Семиреченский фронт²², где с конца 1917 г. шли бои красногвардейцев с вооруженными формированиями Семиреченского казачьего войска и сторонниками национальной «Алашской автономии». С октября 1918 по март 1919 г. Павел Иванович в составе полка участвует в боевых действиях. 14 марта 1919 г. в районе деревни Антоновки Лепсинского уезда Семиреченской области получил ранение в ногу (сквозное ранение левой голени) и был эвакуирован в тыл в Семипалатинск²³. В газете «Русская армия» от 16 июля 1919 г. также есть упоминание о ранении подпоручика П.И. Астафьева²⁴.

После ранения по решению врачей Семипалатинского госпиталя его отправляют в отпуск в Курган. На дальнейшем излечении П.И. Астафьев находился в Курганском военном госпитале, после чего был признан к причислению в III категорию и направлен на службу в Курганский местный караульный батальон²⁵. Буквально через месяц, в конце июля 1919 г., его откомандировывают в распоряжение дежурного генерала 3-й армии, поскольку Павла Ивановича признают непригодным к несению караульной службы. С этого времени начинается новый этап в его военной карьере – административно-хозяйственная служба в армии А.В. Колчака. Сначала он поступает в распоряжение интенданта 3-й армии и получает должность помощника делопроизводителя, затем в октябре 1919 г. назначается в распоряжение интенданта тылового района 3-й армии на должность казначея²⁶.

14 декабря 1919 г. П.И. Астафьев попал в плен к частям РККА в ходе Новониколаевской наступательной операции в районе Новониколаевска (с 1926 г. Новосибирск). В этот день красноармейские части полностью заняли город. 18 декабря под контролем больше-

¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 13. Л. 22; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1123. Л. 23.

¹⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ См. подробнее: *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

²² См. подробнее: *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооруженные формирования на Семиреченском фронте в 1919 году: II Отдельный степной сибирский корпус // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 52–60.

²³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2 об.; РГВИА. Ф. 39483. Оп.1. Д. 60. Л. 74, 76.

²⁴ Газета «Русская армия». 16 июля 1919 г. № 149 [Электронный ресурс] // Сайт «Офицеры РИА». URL: <https://www.ria1914.info> (дата обращения: 10.06.2024).

²⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2 об.

²⁶ Там же.

виков оказался Томск, а уже 20 декабря 1919 г. в город вступили части 3-й дивизии 5-й армии РККА²⁷. Судя по всему, пленных «белых» солдат и офицеров перебросили в Томск, поскольку Павел Иванович был назначен в распоряжение Карла Ивановича Грюнштейна, прибывшего в город в 20-х числах декабря 1919 г. вместе с Игнатием Леоновичем Дзевалтовским. Оба являлись членами Реввоенсовета 5-й армии, а Грюнштейн еще и помощником главнокомандующего Восточным фронтом.

Так начался новый виток в жизни героя статьи, связанный с советской властью. Аналогичный путь прошли многие бывшие белые офицеры. Сначала Павел Иванович назначается в распоряжение Томского губернского военного комиссара и занимает должность сотрудника для поручений в отделе снабжения (январь–март 1920 г.)²⁸. Затем его направляют в действующие части – войска Восточно-Сибирского сектора Внутренней охраны республики (ВОХР), непосредственно в 67-й отдельный кавалерийский эскадрон (Томск), где он приступает к обязанностям временно исполняющего делами (Врид) адъютанта эскадрона²⁹. Войска ВОХР выполняли задачи по охране внутреннего общественного порядка в стране, особо важных предприятий промышленности и объектов, железных дорог, борьбе с контрреволюционными силами и бандитизмом, выполнению продрозверстки.

В июле 1920 г. П.И. Астафьев – Врид командира эскадрона (67-й переименовывается в 69-й отдельный кавалерийский эскадрон). В части ВОХР, как и в другие вооруженные формирования, также мобилизовали бывших белогвардейцев. В сентябре 1920 г. он переходит в распоряжение командира 64-й отдельной стрелковой бригады ВОХР и назначается помощником начальника штаба по административной части³⁰.

В октябре 1920 г. П.И. Астафьев занимает должность Врид начальника штаба 64-й бригады (с октября 1920 г. после реорганизации войск правопорядка – 64-я отдельная стрелковая бригада войск внутренней службы (ВНУС) Восточно-Сибирского военного округа)³¹. Командир бригады – Степан Герасимович Пичугов. Стоит отметить, что комбриг С.Г. Пичугов – известная персона: участник Первой мировой и Гражданской войн, большевик, советский военачальник, автор мемуаров под названием «Неизвестными путями»³². В них автор останавливается и на описании своей службы в войсках ВОХР. Командуя 64-й отдельной стрелковой бригадой, участвовал в подавлении крестьянских восстаний в Сибири, например Кольванского мятежа, в ликвидации отряда Г.Ф. Рогова и др.

До 1922 г. Павел Иванович служил начальником штаба войск ВОХР и начальником штаба трудовой бригады³³. Данные о штабной работе подкрепляются служебной карточкой, составленной в 1937 г., в которой указана последняя должность в РККА – начальник штаба (срок – 1 год 2 мес)³⁴. Упомянутая трудовая бригада – это 3-я Сибирская военно-трудовая рабочая бригада, входившая в состав Сибирской трудовой армии. Штаб 3-й бригады находился в г. Томске³⁵. По распоряжению штаба армии Томскому, Омскому, Тюменскому губвоенкоматам предписывалось выделить для Сибирской трудовой армии бывших белых офицеров³⁶. Трудармейцы 3-й бригады в основном работали на лесозаготовках, добыче угля, постройке электростанции и т.д.

²⁷ Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 53.

²⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

²⁹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 9. Д. 5262. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 2 об.

³² Пичугов С.Г. Неизвестными путями. М., 1958.

³³ Архив УФСБ Российской Федерации по Томской области. Справка по архивному уголовному делу № П-2287 на П.И. Астафьева.

³⁴ РГВА. Ф. 37976. Учетная карточка состава запаса. П.И. Астафьев.

³⁵ См. подробнее: Цысь В.В. Хозяйственная деятельность трудовых частей Сибири в 1920–1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21 (99). С. 39–52.

³⁶ Цысь В.В. Трудовые армии периода Гражданской войны: монография: в 2 ч. Ч. 1: Возникновение и организация. Нижневартовск, 2009. С. 221–222.

В 1922 г. Павла Ивановича в связи с общим сокращением РККА, под которое попали и многие бывшие белые офицеры³⁷, уволили в бессрочный отпуск и поставили на воинский учет командного начальствующего состава (комначсостава)³⁸ в Томском ГВК. Тем самым для него, как для множества «бывших людей», остро стоял вопрос адаптации к гражданской жизни и новой социальной реальности³⁹. В настоящий момент в рамках исследования жизненного пути нашего героя существует определенная лакуна в биографии с 1922 г. по начало 1930-х гг.

Известно, что в данный период его, как и большинство «бывших людей», лишили избирательных прав. Есть список восстановленных в избирательных правах 1-й Районной Избирательной Комиссией г. Томска, в котором присутствует П.И. Астафьев⁴⁰. Также в период с октября 1931 по июль 1937 г. Павел Иванович работал в Томской кооперативно-производственной артели инвалидов имени тов. Милютина, переименованной в 1937 г. в Томскую кооперативно-производственную артель им. Профинтерна⁴¹. В ее состав входили две пекарни, кондитерская фабрика «Профинтерн», макаронный цех, квасный завод. Руководство артелью осуществляло правление во главе с председателем. В состав правления входил главный бухгалтер, должность которого и занимал П.И. Астафьев. Можно предположить, что опыт службы в полевом интендантстве в качестве казначея, а затем работа по снабжению в военкомате поспособствовали формированию соответствующих профессиональных навыков, необходимых для выполнения данной работы.

Немного известно о его семейной жизни в данный период – из ряда документов выявлено, что у него были дети и, судя по всему, вторая жена – Ираида Федоровна Астафьева⁴². В документах артели есть запись о том, что П.И. Астафьев уволен 22 июля 1937 г. по причине невыхода на работу⁴³. Это произошло потому, что 21 июля 1937 г. он был арестован органами сотрудниками НКВД. На основании протокола заседания тройки УНКВД Западно-Сибирского края от 7 августа 1937 г. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу по обвинению в причастности к деятельности офицерской кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России»⁴⁴.

Что же собой представляла данная организация? На самом деле ее в реальности не существовало, а дело было сфабриковано органами НКВД Западно-Сибирского края в рамках так называемого «дела РОВСа» (РОВС – Российский общевойсковой союз)⁴⁵. По этому делу проходило большое количество бывших белых офицеров, а также, к примеру, князь А.В. Голицын и княгиня В.А. Волконская, «крестьянский» поэт Н.А. Клюев, философ Г.Г. Шпет и многие другие. На территории современной Томской области по делам Союза спасения России, РОВС и кадетско-монархической организации в 1937–1938 гг. были арестованы 4 927 чел., 4 447 (90,26 %) из которых приговорены к высшей мере наказания⁴⁶.

³⁷ См. подробнее: *Абиякин Р.М.* Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103

³⁸ См. подробнее: *Абиякин Р.М.* Особый учет бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 66–75.

³⁹ См. подробнее: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003.

⁴⁰ ГАТО. Р-430. Оп. 3. Д. 5. Л. 106.

⁴¹ Там же. Р-879. Оп. 1. Д. 25; Р-879. Оп. 1. Д. 26.

⁴² Архив УФСБ Российской Федерации по Томской области. Справка по архивному уголовному делу № П-2287 на П.И. Астафьева.

⁴³ ГАТО. Р-879. Оп. 1. Д. 51. Л. 12в.

⁴⁴ Архив УФСБ Российской Федерации по Томской области. Справка по архивному уголовному делу № П-2287 на П.И. Астафьева.

⁴⁵ См. подробнее: *Аблажей Н.Н.* «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 54–58.

⁴⁶ *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012. С. 207.

Приговор приведен в исполнение в ночь с 19 на 20 августа 1937 г. 14 марта 1958 г. П.И. Астафьев полностью реабилитирован президиумом Томского областного суда⁴⁷.

Таким образом, в ходе данного исследования осуществлена реконструкция значительной части биографии Павла Ивановича Астафьева, оказавшегося в пучине сложных и противоречивых событий отечественной истории, пришедшихся на первую половину XX в. Как и многие участники Гражданской войны, он прошел путь от рядового солдата до офицера РИА, затем был призван в ряды вооруженных формирований Белого движения, а после взятия в плен частями Красной армии исправно служил на строевых командных должностях в РККА.

Социальная адаптация к условиям новой советской реальности героя нашей статьи после увольнения из РККА проходила достаточно успешно, поскольку с начала 1930-х гг. Павел Иванович занимал квалифицированные профильные должности в советских учреждениях. Но вычеркнуть и стереть антибольшевистское прошлое удавалось весьма немногим бывшим белогвардейцам, поэтому, как следствие, в 1930-е гг. они становились жертвами массовых политических репрессий. Эта участь постигла и П.И. Астафьева.

Обращение к микроистории рядового участника исторических событий позволяет лучше представить и оценить весь масштаб и размах происходившего в стране в период Гражданской войны и становления советской власти. Люди постоянно оказывались в ситуации экзистенциального выбора и тем самым стратегии выживания становились неотъемлемым элементом повседневности. В рамках данного исследования удалось достаточно подробно реконструировать биографию П.И. Астафьева, однако использованные источники – это прежде всего делопроизводственные документы, для которых характерны определенная строгость, сухость, формализованность, поэтому в рамках работы не удалось выявить субъективные особенности, характерные черты, мотивацию главного героя повествования. В целом судьба П.И. Астафьева в полной мере отражает все сложности и перипетии, выпавшие на долю нашей страны в сложную и бурную эпоху.

Применение антропологического подхода позволяет изучать и анализировать исторические события не только с точки зрения объективной диалектики происходившего, но и рассматривать их с позиции «маленького» человека, оказавшегося вовлеченным в них. Не будем забывать о том, что лишь благодаря совокупным усилиям многих тысяч рядовых участников выдающиеся исторические деятели успешно достигали поставленных целей.

Литература

Абинякин Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 66–75.

Абинякин Р.М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

Аблажей Н.Н. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 54–58.

Бодрова Л.А., Петин Д.И. Две России в одной судьбе: к биографии Ивана Гавриловича Галкина (1896–1937) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 55–66.

Бодрова Л.А., Петин Д.И. Москва – Харбин: жизненная одиссея белоэмигранта Николая Галкина (1895–1940) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 40–55.

Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.

Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.

⁴⁷ Архив УФСБ Российской Федерации по Томской области. Справка по архивному уголовному делу № П-2287 на П.И. Астафьева.

Ганин А.В. «Мне за границей не место». Следственное дело полковника Л.В. Костанди 1920–1921 гг. // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 188–272.

Ганин А.В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А.Я. Крузе // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.). Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 50–57.

Ганин А.В. Командарм Александр Харченко: кто он? // Архив в социуме – социум в архиве: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 28–29 сентября 2023 г.). Челябинск: Объединенный государственный архив Челябинской области, 2023. С. 156–159.

Ганин А.В. От работника Региструпра РККА до офицера парагвайской армии: судьба начальника советской агентурной разведки В.А. Срывалина // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 6–19.

Канищев В.В. «Смутная биография» в «Смутное время». Боевой путь бывшего офицера Русской императорской армии В.Ф. Карпова от Мировой к Гражданской войне // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Омск, 18–19 октября 2023 г.). Омск: Омский государственный технический университет, 2023. С. 140–144.

Коняев Р.В. Подготовка офицеров для фронта в Омском военном округе в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 1. С. 155–159.

Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 46–56.

Петин Д.И. Офицер поневоле: инженер Михаил Васильевич Лебедев в эпоху социальных катаклизмов // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 76–83.

Петин Д.И. Чиновник военного времени и белогвардеец К.Е. Мурашкинский: малоизвестные страницы биографии советского биолога // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 904–915.

Петин Д.И. Авантюрист в эпоху социальных катаклизмов: Иван Иванович Маталас (1895–1973) // Эхо веков. 2023. № 2. С. 113–126.

Пичугов С.Г. Неизведанными путями. М.: Воениздат, 1958. 180 с.

Разиньков М.Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 187 с.

Саблин А.Ю. Учреждение и начальный этап деятельности 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты (октябрь 1915 г. – май 1916 г.) // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 2 (39). С. 170–180.

Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134.

Саблин А.Ю. Крестьяне, уроженцы европейских губерний России в 1-й и 2-й Омских школах прапорщиков (1915–1916 гг.) // Сибирская деревня: 200 лет развития Омской области – от реформ М.М. Сперанского до агропромышленного центра Сибири: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Омской области (Омск, 21–23 сентября 2022 г.). Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2022. С. 233–237.

Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-2 (14). С. 14–25.

Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: НГУ, 2010. 610 с.

Симонов Д.Г. Антибольшевистские вооруженные формирования на Семиреченском фронте в 1919 году: II Отдельный степной сибирский корпус // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 52–60.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Стельмак М.М., Сушко А.В. Социал-демократ, кадет, белый офицер: к биографии советского служащего Ивана Ивановича Алифанова // Северные Архивы и Экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 130–142.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: Томский государственный университет, 2012. 586 с.

Цысь В.В. Хозяйственная деятельность трудовых частей Сибири в 1920–1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21 (99). С. 39–52.

Цысь В.В. Трудовые армии периода Гражданской войны: монография: в 2 ч. Ч. 1: Возникновение и организация. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 247 с.

References

Abinyakin, R.M. (2010). Osobyu uchet byvshikh belykh ofitserov v sovetskoj Rossii i SSSR v 1920-e gg. [Special Consideration of Former White Officers in Soviet Russia and the USSR in the 1920s.]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 3-1 (37), pp. 66–75.

Abinyakin, R.M. (2012). Uvol'nenie byvshikh ofitserov iz RKKA v 1921–1934 gg. [Dismissal of Former Officers from the Red Army in 1921–1934]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 66–75.

Ablazhey, N.N. (2008). “Rovsovskaya operatsiya” NKVD v Zapadnoy Sibiri v 1937–1938 gg. [“Rovsovskaya Operation” of the NKVD in Western Siberia in 1937–1938]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 311, pp. 54–58.

Bodrova, L.A., Petin, D.I. (2021). Moscow – Kharbin: zhiznennaya odisseya beloemigranta Nikolaya Galkina (1895–1940) [Moscow – Harbin: The Life Odyssey of the White Emigrant Nikolai Galkin (1895–1940)]. In *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*. Vol. 5, No. 2, pp. 40–55.

Bodrova, L.A., Petin, D.I. (2022). Dve Rossii v odnoy sud'be: k biografii Ivana Gavrilovicha Galkina (1896–1937) [Two Russians in One Destiny: To the Biography of Ivan Gavrilovich Galkin (1896–1937)]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 9, No. 1 (33), pp. 55–66.

Gagkuev, R.G. (2024). “Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoy voyne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonu...” [“Today We Need to Talk about the Civil War With Restraint, without the Desire to Take Someone’s Side...”]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 1, pp. 6–12.

Ganin, A.V. (2018). Ot rabotnika Registrupra RKKA do ofitsera paragvayskoj armii: sud'ba nachal'nika sovetskoj agenturnoy razvedki V.A. Sryvalina [From an Employee of the Red Army Register to an Officer in the Paraguayan Army: The Fate of the Head of Soviet Intelligence Intelligence V.A. Sryvalin]. In *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1 (12), pp. 6–19.

Ganin, A.V. (2021). Kolchakovskiy general s ordenom Lenina: rekonstruktsiya biografii A.Ya. Kruze [Kolchak General with the Order of Lenin: Reconstruction of the Biography of A.Ya. Kruse]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Zapadno-Sibirskogo vosstaniya i 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy vojny (Omsk, 20–21 oktyabrya 2021 goda)*. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 136–150.

Ganin, A.V. (2023). "Mne za granitse ne mesto". Sledstvennoe delo polkovnika L.V. Kostandi 1920–1921 gg. ["Today we Need to Talk About the Civil War with Restraint, Without the Desire to Take Someone's Side..."]. In *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 45, pp. 188–272.

Ganin, A.V. (2023). Komandarm Aleksandr Kharchenko: kto on? [Army Commander Alexander Kharchenko: Who is He?]. In *Arkhib v sotsiume – sotsium v arkhibe: materialy shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Chelyabinsk, 28–29 sentyabrya 2023 goda)*. Chelyabinsk, Ob'edinenny gosudarstvennyy arkhib Chelyabinskoy oblasti, pp. 156–159.

Gladyshev, A.V. (2017). Antropologicheskiy povorot v voennoy istorii [Anthropological Turn in Military History]. In *Dialog so vremenem*. No. 59, pp. 136–150.

Kanishchev, V.V. (2023). "Smutnaya biografiya" v "Smutnoe vremya". Boevoy put' byvshego ofitsera Russkoy imperatorskoy armii V.F. Karpova ot Mirovoy k Grazhdanskoy voyne ["Vague Biography" in "Time of Troubles". The Combat Path of the Former Officer of the Russian Imperial Army V.F. Karpov from World War to Civil War]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 130-y godovshchine so dnya rozhdeniya Marshala Sovetskogo Soyuzha M.N. Tuhachevskogo i 100-letiyu sobytiy antibol'shevistskogo Yakutskogo myatezha (Omsk, 18–19 oktyabrya 2023 goda)*. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, pp. 140–144.

Konyaev, R.V. (2018). Podgotovka ofitserov dlya fronta v Omskom voennom okruge v gody Pervoy mirovoy voyny [Training of Officers for the Front in the Omsk Military District during the First World War]. In *Vestnik gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 24, No. 1, pp. 155–159.

Lar'kov, N.S. (2011). Dekabr'skie sobytiya 1919 g. v Tomske [December Events of 1919 in Tomsk]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 3 (15), pp. 46–56.

Petin, D.I. (2022). Chinovnik voennogo vremeni i belogardeets K.E. Murashkinskiy: maloizvestnye stranitsy biografii sovetskogo biologa [Wartime Official and White Guard K.E. Murashkinskiy: Little-Known Pages of the Biography of the Soviet Biologist]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 904–915.

Petin, D.I. (2022). Ofitser ponevole: inzhener Mikhail Vasil'evich Lebedev v epohu sotsial'nykh kataklizmov [An Unwilling Officer: Engineer Mikhail Vasilyevich Lebedev in the Era of Social Cataclysms]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 7, No. 2, pp. 76–83.

Petin, D.I. (2023). Avantyryst v epokhu sotsial'nykh kataklizmov: Ivan Ivanovich Matalas (1895–1973) [Adventurer in an Era of Social Cataclysms: Ivan Ivanovich Matala (1895–1973)]. In *Ekho vekov*. No. 2, pp. 113–126.

Pichugov, S.G. (1958). *Neizvedannymi putyami* [In Unknown Ways]. Moscow, Voenizdat. 180 p.

Razin'kov, M.E. (2012). *Belye, krasnye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voenno-istoricheskaya antropologiya* [Whites, Reds, Interventionists: Psychology of Armed Confrontation: Military-Historical Anthropology]. Saarbrücken, Lap Lambert. 187 p.

Sablin, A.Yu. (2021). Uchrezhdenie i nachal'nyy etap deyatelnosti 1-y i 2-y Omskikh shkol podgotovki praporshchikov pekhoty (oktyabr' 1915 g. – may 1916 g.) [Establishment and Initial Stage of Activity of the 1st and 2nd Omsk Schools for Training Infantry Warrant Officers (October 1915 – May 1916)]. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 17, No. 2 (39), pp. 170–180.

Sablin, A.Yu. (2022). Adaptatsiya yunkerov-krest'yan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere Omska) [Adaptation of Cadet Peasants to the Conditions of the Urban Environment during the First World War (Using the Example of Omsk)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 7, No. 3, pp. 128–134.

Sablin, A.Yu. (2022). Krest'yane, urozhentsy evropeyskikh guberniy Rossii v 1-y i 2-y Omskikh shkolakh praporshchikov (1915–1916 gg.) [Peasants, Natives of the European Provinces of Russia in the 1st and 2nd Omsk schools of Ensigns (1915–1916)]. In *Sibirskaya derevnya: 200 let razvitiya Omskoy oblasti – ot reform M.M. Speranskogo do agropromyshlennogo tsentra Sibiri: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu*

Omskoy oblasti (Omsk, 21–3 sentyabrya 2022 goda). Omsk, Omskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni P.A. Stolypina, pp. 140–144.

Senyavskaya, E.S. (2016). Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoy nauchnoy otrasli [Military Anthropology: Experience in the Formation and Development of a New Scientific Field]. In *Vestnik Mininskogo universiteta*. No. 1-2 (14), pp. 14–25.

Senyavskaya, E.S. (2018). Chelovek na voyne, ili ternisty put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [A Man at War, or the Thorny Path from Military History to Military Anthropology]. In *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 24, pp. 10–43.

Simonov, D.G. (2010). *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk, NGU. 610 p.

Simonov, D.G. (2018). Antibol'shevistskie vooruzhennyye formirovaniya na Semirechenskom fronte v 1919 godu: II Otdel'nyy stepnoy sibirskiy korpus [Anti-Bolshevik Armed Formations on the Semirechensky Front in 1919: And the Separate Steppe Siberian Corps]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 17, No. 1, pp. 52–60.

Smirnova, T.M. (2003). "Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg. ["Former People" of Soviet Russia. Strategies of Survival and Paths of Integration, 1917–1936]. Moscow, Mir istorii. 296 p.

Stel'mak, M.M., Sushko, A.V. (2022). Sotsial-demokrat, kadet, belyy ofitser: k biografii sovetskogo sluzhashchego Ivana Ivanovicha Alifanova [Social Democrat, Cadet, White Officer: To the Biography of the Soviet Employee Ivan Ivanovich Alifanov]. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. Vol. 6, No. 3, pp. 130–142.

Tsys', V.V. (2007). Khozyaystvennaya deyatel'nost' trudovykh chastey Sibiri v 1920–1922 gg. [Economic Activity of the Working Units of Siberia in 1920–1922]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 21 (99), pp. 39–52.

Tsys', V.V. (2009). *Trudovye armii perioda Grazhdanskoy voyny: Monografiya: v 2 chastyakh. Chast' 1: Vozniknovenie i organizatsiya*. [Labor Armies of the Civil War Period: Monograph: In 2 part. Part 1: Origin and Organization]. Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta. 247 p.

Yumanov, V.N. (2012). *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: Politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Liquidation and Rehabilitation: Political Repressions in Western Siberia in the System of Bolshevik Power (Late 1919 – 1941)]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 586 p.

К.В. Сак
Н.Ю. Пивоваров*

ИЗ КОМБАТАНТА ВЕРМАХТА В СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ:
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КНЯЗЯ Н.М. ГАГАРИНА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-12
УДК 94: 335.4“1943”

Выходные данные для цитирования:
Сак К.В., Пивоваров Н.Ю. Из комбатанта вермахта в советские агенты: протокол допроса князя Н.М. Гагарина как источник по истории участия русских эмигрантов в Великой Отечественной войне // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 162–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-12.pdf>

K.V. Sak
N.Yu. Pivovarov*

FROM WEHRMACHT COMBATANT TO SOVIET AGENT:
INTERROGATION PROTOCOL OF PRINCE N.M. GAGARIN
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF PARTICIPATION
OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-12

How to cite:
Sak K.V., Pivovarov N.Yu. From Wehrmacht Combatant to Soviet Agent: Interrogation Protocol of Prince N.M. Gagarin as a Source on the History of Participation of Russian Emigrants in the Great Patriotic War // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 162–187. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-12.pdf>]

Abstract. The publication presents the interrogation protocol of N.M. Gagarin, a former Wehrmacht officer and commander of the 3rd squadron of the 600th Cossack division, who went over to the Smolensk partisans on June 9, 1943. The uniqueness of the document is that to date it is the only known story of a Russian emigrant, a representative of an old princely family, who ended up on the Eastern Front with the Nazi troops, but went over to the Soviet side, and later worked for Soviet intelligence in post-war Europe. The cognitive value of the interrogation protocols is disputed in the research community. However, to date it is the only historical source that not only helps to more fully reconstruct the facts of Gagarin's biography, but also allows one to see, through the prism of personal history, the worldview attitudes common among the Russian emigration during the Second World War. In the interrogation protocol, Gagarin gives a detailed account of his pre-war past, in particular his training and service in the Yugoslav royal troops, and later his voluntary transfer to the Wehrmacht in June 1941 to fight the Soviet regime. The document contains indicative characteristics of the leaders of the collaborationist movement, in particular A.A. Vlasov and I.N. Kononov, as well as the specifics of the training of collaborationist military formations. By order of the German command, Gagarin fought the partisan movement in the occupied Smolensk region. Close acquaintance with Soviet life changed the prince's worldview, influenced his desire for peace and became the main reason for his transfer to the Soviet side.

Keywords: The Great Patriotic War, emigration, N.M. Gagarin, collaborationism, Resistance movement, NKGB.

* **Ксения Васильевна Сак**, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: ksenia.sak@gmail.com

Kseniya Vasilevna Sak, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ksenia.sak@gmail.com

Никита Юрьевич Пивоваров, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Nikita Yurievich Pivovarov, Candidate of Historical Sciences, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

The article has been received by the editor on 01.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В публикации представлен протокол допроса Н.М. Гагарина – бывшего офицера вермахта и командира 3-го эскадрона 600-го казачьего дивизиона, перешедшего 9 июня 1943 г. на сторону смоленских партизан. Уникальность документа состоит в том, что на сегодняшний день это единственная известная история русского эмигранта, представителя старинного княжеского рода, попавшего на Восточный фронт вместе с нацистскими войсками, но перешедшего на советскую сторону, а позднее работавшего на разведку СССР в послевоенной Европе. Познавательная ценность протоколов допросов оспаривается в исследовательской среде. Однако на сегодняшний день это единственный исторический источник, который не только помогает полнее восстановить факты биографии Гагарина, но и позволяет через призму личной истории увидеть мировоззренческие установки, распространенные в среде русской эмиграции в годы Второй мировой войны. В протоколе допроса Гагарин подробно рассказывает о своем довоенном прошлом, в частности об обучении и службе в югославских королевских войсках, а позже о добровольном переходе на службу вермахта в июне 1941 г. для борьбы с советской властью. В документе фигурируют показательные характеристики руководителей коллаборационистского движения, в частности А.А. Власова и И.Н. Кононова, а также особенности подготовки коллаборационистских военных формирований. По приказу немецкого командования Гагарин боролся с партизанским движением на территории оккупированной Смоленской области. Близкое знакомство с советской жизнью изменило мировоззренческие установки князя, повлияло на его стремление к миру и стало главной причиной его перехода на советскую сторону.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эмиграция, Н.М. Гагарин, коллаборационизм, движение Сопротивления, НКГБ.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Участие белоэмигрантов во Второй мировой войне много лет привлекает внимание исследователей. Интерес связан с многоплановостью этого феномена. В нем переплетаются различные контексты военной и социальной истории, отражается многообразие судеб бывших русских подданных. Известно, что общая численность эмигрантов, воевавших в рядах вермахта и союзнических армий, составляла от 12 до 20 тыс. чел.¹ Обстоятельства их отправки на Восточный фронт и службы подробно разработаны в отечественной историографии². Менее исследован вклад эмигрантов в антифашистское движение Сопротивления³. В центре внимания историков, как правило, находятся наиболее яркие и активные

¹ Окорочков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. М., 2000. С. 59.

² Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М., 2005; Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М., 2011; Между Россией и Сталиным: Русская эмиграция и Вторая Мировая Война. М., 2004; Окорочков А.В. Русская эмиграция: Политика, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М., 2003; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; и др.

³ Живанович М. Югославская научная литература об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. № 12. С. 21–27; Горинов-мл. М.М. Русские эмигранты в движении Сопротивления во Франции: современная российская историография // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. № 12. С. 28–37; Сак К.В. Награждения участников движения Сопротивления в Бельгии в контексте публичной дипломатии СССР в годы холодной войны [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13,

на общественном поприще белоэмигранты. Вместе с тем подавляющее большинство имен и биографий русских участников Второй мировой войны остается неизвестным. Одна из причин – неполная источниковая база, введенная на сегодняшний день в научный оборот. В этом контексте уникальным документом является протокол допроса князя Николая Михайловича Гагарина (1913–?), датированный 20 августа 1943 г.

Накануне Второй мировой войны наибольшую общественную активность в эмиграции проявляли организации бывших офицеров царской армии, крупнейшей из которых был Русский общевоинский союз. Многие представители старшего поколения, участники Гражданской войны, воспринимали нападение Германии на Советский Союз как возможность взять реванш и уничтожить большевизм, вернуть утраченный мир дореволюционной России. Представители младшего поколения, детьми увезенные родителями из России, хотели увидеть Родину своими глазами. Однако германское правительство к участию русских эмигрантов в войне относилось скептически и 30 июня 1941 г. приняло решение не мобилизовать бывших подданных царя на Восток. Положение изменилось осенью, когда на фронте стала ощущаться острая нехватка переводчиков. С этого времени их специальным отбором занималось Управление делами русской эмиграции в Германии (УДРЭ), которое возглавлял В.В. Бискупский. Подготовку русских добровольцев осуществляли Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) и германская военная разведка и контрразведка.

Обстоятельства попадания князя Гагарина на Восток были в целом типичными – в июне 1941 г. он как офицер Югославской королевской армии находился в лагере для военнопленных, откуда подал прошение на направление его на Восточный фронт. Спустя некоторое время он попал в сферу интересов УДРЭ, прошел специальную диверсионную подготовку и в качестве переводчика отправился на захваченные территории СССР. Всего там находилось в качестве переводчиков около 1 200 русских эмигрантов⁴. В конце мая 1942 г. Гагарин в составе группы белоэмигрантов прибыл Смоленск, где поступил в распоряжение генерала Максимилиана фон Шенкендорфа, командующего военной областью «Митте» тылового района группы армий «Центр». Князю до некоторой степени повезло, потому что уже 27 июня 1942 г. германское руководство запретило мобилизовывать эмигрантов.

Гагарин был распределен в казачий эскадрон И.Н. Кононова. В октябре 1942 г. это боевое подразделение было переформировано в 600-й отдельный казачий дивизион, который был включен в состав немецкой 286-й охранной дивизии («Рихерт»). В качестве командира отдельного казачьего взвода Гагарин в 1942–1943 гг. принимал непосредственное участие в крупномасштабных антипартизанских операциях «Адлер», «Карлсбад», «Зимний лес» и получил в награду бронзовый крест с мечами.

Однако непосредственное знакомство с советскими людьми и возникшее ощущение Родины побудили князя дезертировать и вести борьбу за мир на стороне советских партизан. 9 июня 1943 г. он перешел на сторону советских партизан, был задержан и допрошен партизанским командованием 11 июня. Первое сообщение о переходе Гагарина поступило советскому руководству 18 июня от начальника центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко. Записка заканчивалась словами: «Полагая, что такой человек может представить интерес для НКВД или Разведупра, дал указание о доставке его в Москву». Затем он был направлен в Москву, где 20 августа 1943 г. в стенах НКГБ начальник IV управления П.А. Судоплатов, отвечавший за террор и диверсии в тылу противника, заместитель начальника следственной части по особо важным делам Л.Л. Шварцман и начальник 2-го отдела IV управления НКГБ СССР М.Б. Маклярский провели допрос задержанного. 14 сентября руководитель госбезопасности В.Н. Меркулов направил Сталину протокол

№ 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (дата обращения: 29.09.2024); Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Бэйда О.И. Русские эмигранты-переводчики вермахта на Восточном фронте. 1941–1943 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 183–190.

и сопроводительную записку. Резюмируя, он выразил мнение, что Гагарина после дополнительной проверки целесообразно использовать в тылу врага.

Дальнейшие следы бывшего белоэмигранта теряются. Позднее сведения о нем появятся в воспоминаниях П.А. Судоплатова. По его словам, Гагарин в качестве тайного агента служил в армии Власова. После войны проживал во Франции, где «в его задачу входило создание базы для диверсионных действий в морских портах и на военных аэродромах, а также группы боевиков, которые в случае войны или усиления напряженности вдоль наших границ были бы в состоянии вывести из строя систему коммуникаций и связь штаб-квартиры НАТО, находившейся в Фонтенбло»⁵. Косвенные данные дают возможность предположить, что Гагарин действительно находился в подчинении у мемуариста. В ходе чисток в госбезопасности по «делу Берии» в августе 1953 г. Судоплатов был арестован. Из ответа ФСБ на запрос о Н.М. Гагарине, полученного авторами публикации, следует, что 19 ноября 1954 г. он также подвергся аресту КГБ и 18 мая 1955 г. осужден по статье 58-4 УК РСФСР за участие в «буржуазных организациях» против СССР. Николай Михайлович Гагарин был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет. По данным Готского альманаха⁶, в 1960-х годах он вышел на свободу, о чем косвенно свидетельствует рождение у него дочери Ирины в Москве в 1965 г. Затем Гагарин эмигрировал в США, где скончался в 2011 г.⁷

На сегодняшний день использование протоколов допросов сталинского периода в качестве исторических источников вызывает в исследовательской среде обоснованные дискуссии⁸. Ряд авторов считают, что пытки, применявшиеся к допрашиваемым, а также повсеместная фальсификация данных служат компрометирующим основанием для такого рода документов. Единственный сохранившийся протокол допроса Н.М. Гагарина не дает информации о том, подвергался ли князь пыткам или какому-либо давлению со стороны следствия. Однако отсутствие данных об уголовном деле в отношении Гагарина и позднейшие свидетельства о его сотрудничестве со спецслужбами позволяют выдвинуть предположение о подлинности данных, представленных в протоколе допроса.

Протокол допроса Н.М. Гагарина представляет собой второй машинописный экземпляр, заверенный только достоверительной подписью заместителя начальника следственной части по особо важным делам НГКБ СССР, полковника госбезопасности Л.Л. Шварцмана. При этом в протоколе отсутствуют подписи самого Гагарина как на каждом листе, так и в конце протокола, как это полагалось в подобных документах. Каких-либо правок в протоколе нет, однако в некоторых местах присутствуют пометы красным карандашом на полях, сделанные, вероятно, И.В. Сталиным при чтении. На первом листе протокола допроса была вклеена черно-белая фотография князя.

Этот документ был недавно рассекречен. Он сохранился в архивном деле Политбюро ЦК в тематической группе «Госбезопасность», в подразделе, посвященном русской эмиграции. Протокол ранее не публиковался. Однако с сопроводительной записки наркома госбезопасности В.Н. Меркулова от 14 сентября 1943 г. № 2014/м на имя И.В. Сталина, а также с первого листа протокола допроса Д.А. Волкогоновым, вероятно, в 1993–1994 гг., была изготовлена ксерокопия для личного архива. После смерти Волкогонова его архив был продан семьей представителям американского правительства, а позднее отсканированные документы, включая протокол допроса Н.М. Гагарина, были выложены на сайте Архива национальной безопасности США⁹.

При публикации документа все подчеркивания передаются графически. Содержание опущенных в тексте фрагментов передавалось через квадратные скобки [...]. Авторские

⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: воспоминания опасного свидетеля. М., 2019. С. 283.

⁶ URL: <https://www.angelfire.com/realm/gotha/gotha/gagarin.html> (дата обращения: 1.09.2024).

⁷ Благодарим канд. филос. наук Д.А. Аникина за предоставленные сведения.

⁸ Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 376–399.

⁹ The National Security Archive [Электронный ресурс]. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/1941-45/1943.09.14%20Memorandum%20on%20N.M.%20Gagarin,%20Volkogonov%20Papers.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

примечания отмечены в подстрочных комментариях курсивом. В ряде случаев составители прибегали к необходимой эмендации без оговорок. Ряд упомянутых в протоколе имен не удалось идентифицировать. Отчасти это связано с тем, что фамилии могли быть непреднамеренно искажены.

* * *

Протокол допроса Н.М. Гагарина

20 августа 1943 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГАГАРИН А Николая Михайловича

От 20-го августа 1943 года

Гагарин Н.М., 1913 года рождения, уроженец г. Петергоф, сын бывш[его] князя, белоэмигрант, до вступления в германскую армию проживал в Югославии, лейтенант немецкой службы, бывш[его] командир взвода 600-го белоказачьего полка¹, 9-го июня т.г. перешел на сторону Красной Армии.

Вопрос: 9-го июня 1943 года в деревне Осередок² Осиповического района Могилевской области, близ расположения партизанского отряда, вы появились в форме офицера германской армии и с вами еще пять вооруженных солдат, при задержании назвавших себя рядовыми 600-го белоказачьего полка.

Чем было вызвано ваше появление в районе расположения партизан?

Ответ: Будучи командиром взвода 600-го белоказачьего полка, входившего в состав немецкой дивизии «Рихард»³, я давно помышлял о переходе с оружием в руках на сторону Красной Армии и, зная по роду своей службы, что возле деревни Осередок располагаются партизаны, 9-го июня т.г. в сопровождении пяти заранее подготовленных мною казаков свое намерение осуществил.

До этого 1 июня т.г. на сторону Красной Армии, в результате проведенной мною работы, перешло девять казаков нашего взвода, а после меня, к исходу дня 9-го июня, ^аеще двое, всего же 16 человек. Перед побегом мы захватили с собой 5 ручных пулеметов, 16 винтовок, автомат, ротный миномет, 2 пистолета, 8 гранат, 2 000 шт. патрон[ов] и все это вручили партизанам^а.

Вопрос: Прежде чем подробно изложить мотивы, побудившие вас к переходу на советскую сторону, и обстоятельства побега из германской армии, расскажите свою биографию?

Ответ: Я родился 20-го июля 1913 года в Петергофе. Мой отец – бывш[ий] князь Гагарин Михаил Сергеевич⁴ служил в кавалергардском полку в последнем чине – полковника и владел имениями в Рязанской и Тульской губерниях. Из рассказов матери мне известно, что после февральской революции отец участвовал в заговоре против Керенского⁵, а позже – в создании на Дону добровольческой армии⁶. В 1918 году в г. Краснодаре отец арестовывался как активный белогвардеец, бежал из тюрьмы, был ранен и умер в пути.

Моя мать – бывш[ая] княгиня Гагарина Мария Александровна⁷, урожденная графиня Мусина-Пушкина состояла при царском ^бдворе городской фрейлиной, с 1919 года находится в эмиграции в г. Нью-Йорк (США), живет на средства от уроков французского ^бязыка и музыки, которые она дает детям богатых американцев, располагает значительным кругом знакомств среди русских белоэмигрантов, поселившихся в Америке.

Вопрос: Кто еще из ваших родственников проживает за границей?

Ответ: Мой дядя (брат отца) – бывш[ий] князь Гагарин Александр Сергеевич⁸, 65-ти лет, в царской армии служил ротмистром кавалергардского полка, после войны

^{а-а} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{б-б} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

1914–1918 гг. эмигрировал за границу, во Францию и женился на ^вбогатой англичанке, проживает в собственной вилле в г. Канны, поддерживает близкие связи с французскими аристократическими кругами и представителями дома Романовых^в.

Мой дядя (по матери) – бывш[ий] граф Мусин-Пушкин Николай Александрович⁹, 50-ти лет, в прошлом офицер кавалергардского полка, в настоящее время – германский подданный, после революции из России эмигрировал в Австрию, с началом военных действий Германии против СССР направился на фронт переводчиком, но вскоре возвратился, и, судя по письмам ко мне, датированным концом 1941 года, остался чем-то недоволен, так как советовал мне хорошенько подумать, прежде чем принять решение о поездке в состав действующей германской армии на Восточный фронт.

Муж моей тетки (по матери), урожденной Мусин[ой]-Пушкиной И.А.¹⁰ – Кочубей Николай¹¹, 48-ти лет, на Украине сотрудничал с гетманом Скоропадским¹² и, опасаясь репрессий, эмигрировал в г. Брюссель (Бельгия), где продолжал работать в т.н. «Украинской Громаде»¹³.

Николай Кочубей в 1928 году, когда я находился в Брюсселе (где обучался в бухгалтерской школе), неоднократно ездил с гетманом Скоропадским в Берлин для переговоров с германским правительством от имени ^г«Украинской Громады», которая, кстати, по словам того же Кочубея, пользовалась постоянными денежными субсидиями от немцев^г.

Вопрос: Где в настоящее время находится Николай Кочубей?

Ответ: В Брюсселе. Судя по письмам ко мне Кочубея, в начале войны СССР с Германией он собирался выехать в действующую германскую армию переводчиком, но вскоре от мысли о поездке на восточный фронт, по неизвестным мне причинам, отказался.

В Брюсселе также проживает вторая сестра матери – Кочубей Любовь Александровна¹⁴, лет 56-ти, была замужем за Кочубеем Петром¹⁵, расстрелянным в Киеве в 1917 или 1918 гг., имеет сына Василия¹⁶ (шофер) и дочь Ольгу (замужем за ^абельгийским инженером), находится в близких отношениях с семьей генерала Врангеля¹⁷, поддерживает знакомство с брюссельской^а аристократией, враждебно настроена к СССР.

Сестра отца – бывш[ая] баронесса Кноринг Лидия Сергеевна, урожденная Гагарина, 75-ти лет, проживала в Белграде, в 1942 году переехала в Вену, а сейчас находится в Познани (Польша), у родственника своего мужа, некоего Шульман (имени-отчества не знаю), который, по моим впечатлениям, связан с национал-социалистами.

В 1935 году, во время моего приезда в отпуск в ^еБелград, Кноринг мне рассказывала, что еще до революции она была знакома с бароном Маннергейм[ом]¹⁸, судя по ее постоянным высказываниям, настроена враждебно к Советскому Союзу^е.

Вопрос: Братья и сестры у вас есть?

Ответ: У меня имеются два младших брата: Алексей и Дмитрий.

Алексей, 27-ми лет, во Франции окончил колониальную агрономическую школу¹⁹, в 1931 или 1932 гг. выехал к матери в Америку, окончил военное училище и в настоящее время служит офицером в американской армии, женился на русской ^еэмигрантке, завел ферму, в свое время, по его письмам, датированным 1939 годом, являлся чемпионом г. Вирджиния по фехтованию^е.

Вопрос: С братом вы переписывались?

Ответ: До середины 1941 года. Когда же я написал брату в Америку о своем намерении, в связи с войной вступить добровольцем в германскую армию, Алексей, как я полагаю, осудив меня, переписку вовсе прекратил.

Второй брат – Дмитрий, 26-ти лет, также является офицером американской армии, как и Алексей, со мной переписку прервал, по-видимому руководствуясь высказанной

^{в-в} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{г-г} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{а-а} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{е-е} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{е-е} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

им однажды, в письме ко мне в конце декабря 1941 года, неприязнью ко всем, кто, вопреки совести, дерется против своей родины.

Иначе настроен был мой двоюродный брат (по отцу) – Раевский Сергей Михайлович²⁰, 34-х лет.

Вопрос: Как это понимать?

Ответ: Сергей Раевский с начала войны Германии против СССР поступил переводчиком в германскую армию и пропал без вести под Москвой во время зимнего наступления Красной армии 1941–42 гг. Между тем, брат Раевского – Михаил, 29-ти лет, инженер авиации, в рядах французской армии дрался против немцев и находится сейчас в германском лагере для военнопленных.

Я назвал только близких родственников, проживающих *за границей, но у меня имеются и дальние родственники, находящиеся во Франции, Америке, Югославии и других странах, ибо мою семью эмиграция разметала по всему свету*.

Вопрос: А теперь покажите подробно об обстоятельствах, при которых сами вы эмигрировали за границу?

Ответ: Со слов матери, в 1919 году, когда мне исполнилось шесть лет, а двум остальным братьям три и два года, наша семья, в момент приближения Красной армии к Крыму, вместе с семьей Раевских и братом отца – Гагариным А.С. по распоряжению знакомого французского адмирала из Ялты была эвакуирована в Севастополь на французском миноносце «Ла Скарп»²¹ и далее, в Константинополь – на французской канонерской лодке «Ла Каприсиоз».

Вопрос: Следовательно, детство вы провели в Турции?

Ответ: В Турции и во Франции. До 1924 года я учился в начальной школе на Принцевых островах, затем в английском колледже для русских в Буюк-Дерэ на Босфоре²² и, наконец, в Эркенкейе²³, куда был переведен этот колледж.

В 1924 году моя семья переехала в Ниццу (Франция), и в течение трех лет я учился в средней школе, после чего поступил на бухгалтерские курсы и окончил их в 1929 году. К этому времени, ввиду материальных затруднений, мать, а вскоре и оба брата, выехали в Америку, а я – в Брюссель (Бельгия).

Вопрос: Почему вы не уехали вместе с матерью в Америку?

Ответ: В семье было решено, что я поеду к тетке – Ирине Кочубей, продолжать образование.

Мои родственники, однако, вскоре нашли, что я избрал недостойный путь, спутался с «вольномыслящими»³ молодыми людьми, и для устранения обнаружившихся «изъянов» в моем воспитании в 1929 году направили меня в белоэмигрантский³ Донской кадетский корпус²⁴, в Югославию.

В 1934 году, по окончании кадетского корпуса, я был определен в югославское военное училище²⁵, окончил его в 1937 году и в чине лейтенанта получил назначение командиром взвода 1-го Альпийского стрелкового полка²⁶. В момент нападения Германии на Югославию (апрель 1941 года) я являлся командиром минометной роты того же Альпийского полка.^иМоя служба в югославской армии закончилась лагерем для военнопленных, в который в мае 1941 года я был заключен немцами^и.

Вопрос: В показаниях от 11-го июня т.г. вы заявили о вашей кратковременной связи с югославской разведкой. Кем и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с разведывательными органами Югославии?

Ответ: Осенью 1939 года в г. Любляна, где располагался тогда первый Альпийский батальон, в «Офицерском доме» я познакомился с помощником следователя Дравской дивизии²⁷ по фамилии, насколько припоминаю, Дмитриевич.

^{ж-ж} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

³⁻³ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{и-и} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Наши отношения на первых порах не выходили за рамки обычных приятельских, но однажды с Дмитриевичем я поделился своими впечатлениями о подозрительном поведении командира батальона, майора Петра Вайович, который постоянно общался с мобилизованными в югославскую армию офицерами германского происхождения, участниками «Культурбунда»²⁸, ориентировавшегося, как известно, на фашистскую Германию.

Вопрос: Как отнесся к вашему сообщению Дмитриевич?

Ответ: Изложенным мною фактам Дмитриевич придал серьезное значение и заявил, что дружба Вайовича с немцами может плохо кончиться, поэтому мне следует присмотреться и изучить компанию, в которой проводит время командир батальона.

На мое возражение, что для того и существует разведка, а мое дело лишь воинская служба, Дмитриевич разъяснил, что долг каждого офицера – борьба с иностранным шпионажем и предотвращение возможной измены со стороны неустойчивого и враждебного государству элемента.

Дмитриевич продолжал настаивать на своем, и я согласился помочь в организации наблюдения за немцами, пытавшимися из каких-то побуждений подчинить своему влиянию Вайовича.

Вопрос: Ваше сотрудничество с разведкой было скреплено каким-либо документом?

Ответ: Обычной в этих случаях подписки (что известно мне из прочитанной литературы о методах разведок), я не давал и только согласился с предложением Дмитриевича – при очередных встречах в «Доме офицера» сообщать ему о поведении немцев, а если мне станут известными факты, заслуживавшие особого внимания, донесения представлять в письменном виде.

Вопрос: За вымышленной подписью?

Ответ: Нет. Предоставленные мною в конце 1939 года два донесения я подписал: лейтенант Гагарин.

Вопрос: О чем вы сообщали?

Ответ: Я писал о служивших в батальоне немцах – югославских подданных («Фольксдейче»), сообщая, что в случае войны с Германией они, вероятно, изменят Югославии, попытаются тайно внести дезорганизацию в армию или даже прибегнуть к открытым действиям в пользу противника.

Кроме того, в письменной форме я донес об одном ефрейторе – немце (фамилии не помню), дезертировавшем из батальона, и о втором, тоже ефрейторе, по фамилии не то Косс, не то Вульф, открыто ведущем пропаганду в пользу Германии. По моему сообщению второй ефрейтор был уволен из альпийского батальона и переведен на службу в удалении от германской границы, в Южную Сербию.

Вопрос: Связь с югославской разведкой вы поддерживали до последнего времени?

Ответ: Нет. По прошествии не более двух месяцев моего сотрудничества с разведкой связь была прервана.

Вопрос: По какой причине?

Ответ: В югославской армии существовал порядок, запрещавший офицерам без специального разрешения отлучаться из гарнизона на расстояние свыше 15-ти километров. Для того, чтобы облегчить мне наблюдение за подозреваемыми в шпионаже немцами и, в случае необходимости, иметь возможность проследовать за пределы дозволенных 15-ти километров или побывать в запрещенных для посещения офицеров ресторанах, Дмитриевич выдал мне официальную записку со штампом Дравской дивизии, в которой было сказано, что я действую по приказанию помощника следователя. Между тем, предоставленным мне разрешением я воспользовался в личных интересах, ввиду чего Дмитриевич, по-видимому, получив нахлобучку от своего начальства, отказался от связи со мной.

Вопрос: Непонятно, почему допущенный вами проступок мог послужить основанием для прекращения связи?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности. В последних числах сентября или в начале октября 1939 года на собственном мотоцикле я направился километров на пять-

десять от г. Любляны по направлению к г. Тержиг, к знакомой девушке по имени Эда, но по дороге наскочил на телегу, в связи с чем подвергся задержанию полицией, потребовавшей от меня предъявить документы.

Совершив самовольную отлучку из гарнизона, я решил воспользоваться имевшейся у меня справкой от Дмитриевича, полагая, что на том дело и кончится, но полицией был составлен соответствующий акт и направлен в дивизию.

Дмитриевич за злоупотребление предоставленным в мое распоряжение пропуском поставил мне на вид и объявил, что деловую связь со мной прекращает.

Вопрос: Вряд ли сравнительно незначительный эпизод с использованием полученного вами документа не по назначению мог послужить поводом для прекращения с вами связи по разведывательной работе. Вы что-то путаете?

Ответ: В моих словах нет вымысла. Видимо, моя работа не удовлетворяла Дмитриевича, поэтому он без сожаления пошел на разрыв нашей связи.

Вопрос: После 1939 года югославской разведкой были предприняты попытки возобновить ваше сотрудничество?

Ответ: Связь была прервана окончательно, и никто в дальнейшем не пытался ее восстановить, хотя я и продолжал служить в югославской армии, вплоть до ее капитуляции²⁹ в результате столкновения с германской армией.

Вопрос: Вы служили в одном и том же – первом Альпийском полку?

Ответ: Да, но 13-го апреля 1941 года возле местечка Мирно (Словения) солдаты и офицеры Альпийского полка, преобразованного во время войны с Германией в Триглавский горный отряд³⁰, по приказу нашего командира, генерала Люкича³¹, были распущены по домам. Я попытался на мотоцикле прорваться из окружения, в котором находилась югославская армия, но безуспешно, и тогда, переодевшись в штатскую форму, я направился в г. Лития к своей невесте, дочери железнодорожного служащего Розике Кос.

Скрываться, однако, у Розики, не имея средств к существованию, я долго не мог и, по истечении 9-ти дней пребывания в семье Кос, по просьбе опасавшегося репрессий брата моей невесты, явился в немецкую полевую комендатуру в г. Целье³² и заявил о своей службе в югославской армии.

Комендант в сопровождении немецкого капитана направил меня в эшелон военнопленных, следовавший в Германию, и 29-го апреля 1941 года я был доставлен в г. Варбург (Вестфалия), где водворен в офицерский лагерь «VI-Б»³³.

Вопрос: Каков был состав заключенных, содержащихся в лагере «VI-Б»?

Ответ: ^{й-й}В лагере находилось до четырех тысяч офицеров югославской армии и около ста генералов, причем старшим по лагерю являлся бывший югославский военный министр, генерал Трифунович^{34-й}.

23-го июня того же 1941 года я подал заявление начальнику лагеря о зачислении меня добровольцем в состав германской армии, действовавшей на Восточном фронте.

Вопрос: Стало быть, вы хотели с оружием в руках бороться против СССР?

Ответ: У меня на этот счет были свои соображения.

Вопрос: Какие?

Ответ: Разрешите для ясности изложить мотивы, побудившие меня к подаче заявления о посылке на Восточный фронт.

Вопрос: Говорите.

Ответ: С детства мне прививалась ненависть ко всему советскому. Я был воспитан в реакционно-монархическом духе, но, рано оторвавшись от семьи и будучи предоставлен самому себе, стал сомневаться – верно ли то, что мне о советской власти со злобой твердили родные и знакомые, словом, хотел самостоятельно разобраться во всем, что делалось на родине.

Должен добавить, что с детства, во Франции, Бельгии и Югославии меня не оставляло чувство изгнанника, и я мечтал вернуться в Россию.

^{й-й} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

С войной впервые представилась реальная возможность попасть на родину, и хотя бы в результате общения с советскими людьми на оккупированной территории создать живое непосредственное впечатление, что из себя представляет советский строй, что он принес России. Мысль о поездке на родину под благовидным предлогом записи добровольцем в германскую армию созрела у меня уже в первые дни объявления Германией войны СССР. Подавая заявление, я одновременно допускал мысль о переходе на сторону Красной Армии в том случае, если бы убедился во лживости антисоветской немецко-фашистской и белогвардейской пропаганды.

Вопрос: Просьба о зачислении вас в состав германской армии была удовлетворена?

Ответ: Да, но значительно позже, лишь в мае 1942 года.

Вопрос: Очевидно, по истечении 11-ти месяцев с момента подачи заявления вы сумели убедить немцев на деле, что вам можно доверить оружие для борьбы против советского государства?

Ответ: Прошу мне верить, что ничего существенного для немцев я не сделал, но на словах действительно проявлял себя их горячим сторонником; изучал немецкий язык, ознакомился с книгой Гитлера «Моя борьба» и внешне до такой степени демонстрировал свои симпатии к фашизму, что от меня, как от изменника, в скором времени отшатнулись товарищи по полку, югославские офицеры.

Вопрос: В лагере «VI-Б» вы содержались вплоть до поступления в германскую армию?

Ответ: Нет. В первых числах сентября 1941 года я, как и остальные русские эмигранты, находившиеся в лагере «VI-Б», был переведен в лагерь – «IV-Ц»³⁵, в г. Кольдиц (Саксония).

Вопрос: Для кого был предназначен лагерь – «IV-Ц»?

Ответ: За исключением нескольких французов и бельгийцев, в лагере содержались только русские белоэмигранты, бывшие офицеры французской, польской и югославской армий, общей численностью до 200 человек.

Русские размещались в привилегированных условиях, в здании бывшего ресторана «Шутцен-хауз», расположенного в городском парке. Обращение с содержащимися в «Шутцен-хаузе» было вежливое, по субботам нас водили даже в кинотеатр, на специальные сеансы для военнопленных. Желающие могли участвовать в полевых работах, чем я воспользовался, и около двух месяцев проработал в деревне Шенбах, в имении богатого крестьянина, немца Бальман.

В октябре 1941 года прибывшей в лагерь комиссии из представителей русских (казачьих), украинских и белорусских организаций, вербовавших пленных на свою сторону, я дал согласие записать себя в украинцы.

Вопрос: Разве в действительности вы – украинец?

Ответ: Хотя к украинцам меня отнести нельзя, для комиссии было достаточно того, что моя мать родилась в Киеве и близким родственником являлся Кочубей.

В декабре 1941 года вместе с украинской группой я был определен в лагерь «Вуец» под Берлином, в январе 1942 г. переведен в лагерь «Цитенхорст»³⁶ и в конце марта того же 1942 года переброшен в лагерь «Лихтенфельде-Зюд»³⁷, что в предместье Берлина.

Вопрос: Чем объяснить столь частую переброску вас из одного лагеря в другой?

Ответ: Перевод военнопленных из одного лагеря в другой немцами практикуется постоянно, очевидно, во избежание возможного побега и для более тщательной проверки и изучения настроений заключенных.

В последнем из лагерей, где я побывал, – «Лихтенфельде-Зюд» содержались: французы, 50 русских белоэмигрантов и 15 пленных индусов из английской армии, всего до тысячи человек.

В лагере также находились: англичанин в чине капитана, с которым почему-то было запрещено разговаривать, и ^кофицер советского Военно-морского флота, капитан-лейтенант Андреев (фамилия, вероятно, вымышленная), лет 32-х^к, пользовавшийся всеми удобствами и проживавший в особом помещении при карауле.

^{кк} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Вопрос: Что вам известно об Андрееве?

Ответ: Андреева я обучал французскому языку и часто с ним беседовал. По рассказам Андреева, его отец – русский адмирал был расстрелян большевиками, а сам он в СССР скрывался под чужой фамилией, окончил советскую военную ^л-академию, дважды награждался, первый орден Красного Знамени, с его слов, получил на Дальнем Востоке, а второй – в Испании^л. На гимнастерке Андреева действительно были видны следы орденов.

Андреев говорил мне, что до 1941 года он руководил школой разведчиков на черноморском побережье, а во время войны, воспользовавшись порученной ему морской десантной операцией под Ленинградом, сдался немцам в плен.

Немцы, якобы знавшие его ранее, сразу же предложили сотрудничество с ними, Андреев согласился и на самолете был доставлен в район Николаева.

Вопрос: Зачем?

Ответ: По словам Андреева, он помог немцам в разработке операции по взятию Николаева, после чего был направлен в Берлин. Описание десантной операции, неудачно проведенной под Ленинградом, Андреев – с его слов – направил в редакцию издающейся в Берлине русской белоэмигрантской газеты «Новый путь»³⁸.

Как-то Андреев поделился со мной, что хорошо знает радиотехнику, имеет в этой области свои изобретения и в свое время являлся чемпионом СССР по приему знаков по ^мрадио.

В 1937 году Андреев якобы вместе с другими представителями советского Военно-морского флота присутствовал на коронационных торжествах в Англии^м.

Вопрос: Известно ли вам, чем занимался Андреев в лагере?

Ответ: В лагерь к нему часто приезжали немцы в штатском и в форме, судя по автомобилям представители верховного командования армии и флота.

Не менее раза в неделю Андреев в штатском костюме уходил в город с сопровождающим. В одну из последних встреч со мной в первой половине 1942 года он рассказал, что разрабатывает рискованную операцию не то в Северном, не то в Средиземном море и по окончании ее, в случае успеха, приступит к созданию в Швейцарии школы разведчиков, для которой сам подберет людей и направится с ними в Южную Америку, но соответствует ли это сообщению действительности, – утверждать не берусь.

Андреев пытался и меня увлечь рассказами о приключениях разведчиков в Америке и предложил сотрудничать с ним, но я отказался, сославшись на то, что являюсь кадровым строевым командиром и не интересуюсь работой в разведке.

Вопрос: Так ли это?

Ответ: Я показываю правду. Согласия Андрееву на сотрудничество с немцами я не давал, а он мой отказ принял и только просил никому никогда не передавать содержание наших переговоров. В конце апреля 1942 года Андреев из лагеря выехал в неизвестном направлении, и больше я его не видел.

В первых числах мая того же 1942 года вместе с 50-ю русскими эмигрантами, согласившимися вступить в германскую армию, я был освобожден из лагеря «Лихтерфельде-Зюд» и доставлен в Берлин.

Вопрос: Очевидно, вас освободили после того, как немцам вы представили убедительные доказательства своей верности и готовности сражаться против СССР?

Ответ: Конечно, меня считали врагом советской власти, иначе на Восточный фронт я не был бы послан. Немцев мне удалось обмануть.

Вопрос: Не вернее ли полагать, что по прямому заданию немцев вы пытаетесь теперь ввести в заблуждение советские органы, скрывая действительные мотивы своего перехода на сторону Красной армии?

Ответ: Я хочу бороться за Россию, против немцев, – вот единственный мотив моего перехода на сторону Красной армии.

^{л-л} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{м-м} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Вопрос: Уточните, сколько времени вы находились в Берлине?

Ответ: Две недели. В Берлине все участники упомянутой группы белоэмигрантов были помещены в солдатское общежитие № 2, переодеты в форму германской армии, но без погон и знаков различия, и получили белую нарукавную повязку, на которой значилось: «На службе германских вооруженных сил».

Мне был выдан документ о том, что я направляюсь переводчиком на Восточный фронт, такими же удостоверениями личности немцы снабдили остальных русских офицеров.

При вручении документов к группе с речью обратился председатель русского белоэмигрантского комитета («Руссише-фертрауенштеллен»)³⁹, который заявил: «Мы уверены, что вы искренне согласились бороться на стороне Германии, оказывающей большое доверие посылкой вас на Восточный фронт. Во время пребывания на оккупированной территории, – предупредил далее председатель белоэмигрантского комитета, – вам ни в коем случае не следует заниматься политикой; ваша задача заключается лишь в борьбе с оружием в руках с большевизмом, “разорившим страну”. Что будет дальше, покажет будущее».

Вопрос: В органы германской разведки вы вызывались?

Ответ: Нет.

Вопрос: Маловероятно, чтобы вас, русского офицера из эмигрантов, перед посылкой на оккупированную территорию немцы не привлекали к выполнению специальных заданий по линии разведки?

Ответ: Факт, однако, таков, что перед отправкой на фронт в органы германской разведки я не вызывался и к выполнению каких-либо специальных поручений немцы меня не привлекли.

В конце мая 1942 года вся группа белоэмигрантов в 50 человек поездом была доставлена в гор. Смоленск, в распоряжение немецкого генерала Шенкендорф⁴⁰, и я получил назначение в г. Могилев, в 600-й казачий полк.

Вопрос: Действовавший против Красной армии?

Ответ: Нет, против партизан.

Вопрос: Какое назначение вы получили по прибытии в полк?

Ответ: В мае 1942 года я был назначен командиром взвода и в казачьем полку № 600 прослужил до 9-го июня т.г.

Вопрос: Какова численность и где дислоцирован этот казачий полк?

Ответ: Полк насчитывает около тысячи солдат и дислоцируется в г. Могилеве, а по окончании боевых операций отводится на отдых в окрестности м[естечко] Круглое, что в 80-ти километрах от Могилева.

Основным ядром при формировании казачьего полка явились военнопленные из 4-й кавалерийской дивизии⁴¹ Красной армии, потерпевшей поражение и частично плененной в 1941 году в районе Осиповичи–Бобруйск. 600-й полк на 70 % укомплектован донскими, кубанскими и уральскими казаками.

Вопрос: Полк из русских действует в составе германских соединений?

Ответ: Вначале казачий полк был подчинен генералу Шенкендорф, начальнику штаба тыла армии, дислоцировавшемуся в Смоленске и затем в Могилеве, а осенью 1942 года полк был включен в немецкую дивизию «Рихард»⁴².

Вопрос: Какие еще регулярные части, кроме 600-го полка, ведут борьбу с партизанами?

Ответ: В Бобруйске, куда я неоднократно с заданиями выезжал в штаб 203-й немецкой охранной дивизии⁴³, был также дислоцирован русский запасный полк, именованный «Восточный запасный полк Центрального фронта»⁴⁴. Из состава полка выделены два батальона: «Березино» и «Днепр» и в стадии формирования находится третий – «Припять». Каждый из батальонов насчитывает по тысяче солдат, имеет русский офицерский состав и немецкий штаб.

Вопрос: Чем занимается «Русский запасный полк»?

Ответ: Запасный полк обучает «добровольцев», в основном пленных советских военнослужащих, после чего из его личного состава формируются самостоятельные батальоны и направляются в немецкие дивизии.

«Добровольцы», по прибытии из лагерей, после обучения приносят присягу Гитлеру, и им выдается оружие.

Все принесшие присягу носят немецкую военную форму с орлами на груди и на пилотке, при чем рассматриваются как солдаты союзной армии, т.е. подлежат суду по германскому военному закону и не могут быть возвращены обратно в лагерь военнопленных или без суда расстреляны, в противоположность остальным, не приносившим присягу.

Вопрос: Вы назвали все известные вам русские формирования, действующие в составе германской армии?

Ответ: Нет. По моим наблюдениям, на территории Белоруссии имеются и другие русские, украинские и белорусские национальные части, ведущие борьбу с партизанским движением.

Национальные формирования сведены в самостоятельные батальоны, но во всех отношениях подчинены командованию соответствующих германских дивизий. Если отдельные батальоны признаются неблагонадежными, их немедленно расформируют, а солдат небольшими группами распределяют по немецким ротам.

«Русская освободительная армия», которую в последнее время широко рекламируют немцы, как единая армия не существует, но вокруг руководителя «РОА», генерала Власова⁴⁵, ведется шумная кампания лжи и демагогии, рассчитанная на использование советских военнопленных в борьбе с Красной армией.

Вопрос: С Власовым вы лично знакомы?

Ответ: Власова я видел только раз, в конце января т.г. в Могилеве, куда он на несколько часов приезжал в казачий полк. Я тогда командовал почетным караулом и рапортовал Власову.

Вопрос: Власов прибыл в полк один или в сопровождении немцев?

Ответ: Власов приехал в закрытой автомашине вместе с тремя или четырьмя немецкими офицерами. Одет он в советскую генеральскую форму, но без знаков различия. За ужином, на который были приглашены все офицеры полка, Власов с речью не выступал, но в завязавшейся за столом беседе повторял антисоветскую клевету из опубликованного им в свое время в печати т.н. «открытого письма»⁴⁶. Между прочим, Власов спросил – есть ли среди офицеров полка белоэмигранты? Получив утвердительный ответ, он пробурчал: «Мы всяких принимаем, только вот некоторые добиваются имений, но все равно их не получают».

Русские эмигранты из казачьего и запасного полков к Власову относятся отрицательно, а пленные бывшие командиры и бойцы Красной армии – безразлично. Фактически «Власов ничем не командует, никаких приказов не отдает и является лишь подставной фигурой руководителя, без которой немцам⁴⁷ было бы труднее подыгать шум вокруг «РОА».

Вопрос: Вернемся к казачьему полку, в котором вы служили. Командные должности в нем заняты русскими офицерами?

Ответ: Да. Однако наряду с русским командованием имеется небольшой по численности, но важный по значению немецкий штаб, который осуществляет связь с высшим германским командованием, разрабатывает планы операций и ведает также снабжением полка боеприпасами и продовольствием.

Вопрос: Кто возглавляет немецкий штаб полка?

Ответ: Обер-лейтенант граф Ритберг⁴⁷, имеющий при себе специального переводчика, зондерфюрера д-ра Блезе.

⁴⁵⁻⁴⁷ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Кроме того, в штате полка состоят немецкий старший казначей, семь или восемь немецких унтер-офицеров, отвечающих за склады и при каждом эскадроне – по одному унтер-офицеру, занимающемуся вопросами снабжения.

Вопрос: Назовите известных вам офицеров казачьего полка?

Ответ: Я лично знаком с более чем 20-ю офицерами °казачьего полка. Командует полком Кононов Иван Никитич⁴⁸, 40 лет, донской казак, подполковник немецкой службы, бывший майор Красной армии, окончил советскую военную академию, в плен попал в 1941 году. Немцами награжден медалью за зимнюю кампанию 1941–1942 гг. и двумя «бронзовыми крестами с мечами» 1-й и 2-й степени. В речах перед строем агитирует^o «за вольное казачество, освобожденное от ига России» и часто повторяет мало осмысленные фразы, вроде такой: «Мы – первые, понявшие идеи Адольфа Гитлера» или «Вся новая Европа смотрит на нас».

Помощником полка является Пуговичников Александр Николаевич⁴⁹, лет 50-ти, уроженец Киева, °майор немецкой службы, русский, белоэмигрант, бывший офицер югославской армии, гражданскую войну в России провел на стороне белых, в прошлом – известный наездник, награжденⁿ немцами «бронзовым крестом с мечами».

Белоэмигрантом является также начальник штаба полка – °Хрущев Дмитрий, 35-ти лет, донской казак, ротмистр немецкой службы, бывший офицер югославской армии, награжден^p «бронзовым крестом с мечами».

Вопрос: Знаете ли вы командиров эскадронов казачьего полка?

Ответ: Да, знаю. Первым эскадроном полка командует Сушков Дмитрий⁵⁰, 35-ти лет, белоэмигрант, ротмистр немецкой службы, бывший офицер югославской армии, в разговорах со мной высказывал презрительное отношение к немцам, мечтает по окончании войны уехать за границу.

Вторым эскадроном командует Мудров Сергей, 35-ти лет, °бывший ст[арший] лейтенант Красной армии, ротмистр немецкой службы, третьим эскадроном – Катянов, 30-ти лет, в прошлом – ст[арший] лейтенант Красной армии, парашютист, до войны служил в^c Средней Азии.

Четвертым эскадроном командует Гюнтер Георгий, 30-ти лет, белоэмигрант, лейтенант немецкой службы, и пятым (резервным) – Борисов, 40 лет, бывший майор Красной армии, явно угнетен службой у немцев, при проведении операций против партизан старается дать им возможность выйти из окружения.

Должен добавить, что одно время вторым эскадроном °командовал некий Тихонов (фамилия, очевидно, вымышленная), лет 36-ти, ротмистр немецкой службы, бывший лейтенант Красной армии. О нем разрешите показать подробнее^t.

Вопрос: Показывайте.

Ответ: Тихонов, с его слов, был арестован в связи с убийством Кирова⁵¹, находился в заключении около 6-ти лет, во время войны был освобожден и отправлен на фронт, но при первом удобном случае перешел на сторону немцев. Зимой 1941–42 гг. он участвовал в операциях против корпуса Белова⁵², возглавлял отдельный казачий взвод в тридцать^y сабель. Тихонов проявлял исключительную жестокость в порученной ему карательной экспедиции, расстреливал пленных, сжигал подряд деревни, а при штурме укрепленных позиций партизан гнал впереди цепей наступающих немцев женщин с детьми, за что награжден немцами знаком «за штурм»^y.

Вопрос: Об офицерах полка вы будете допрошены особо, а сейчас дайте характеристику проведенных с вашим участием боевых операций?

^o Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

ⁿ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^p Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^c Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^t Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^y Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Ответ: В конце 1942 года в деревне Александровка Могилевской области была проведена двухдневная операция с участием двух эскадронов казачьего полка, части СС и артиллерии, окончившаяся безрезультатно ввиду того, что партизаны из подготавливавшегося окружения сумели заблаговременно уйти.

В начале августа 1942 года была проведена значительная операция в Кличевском районе (БССР) под названием «Адлер»⁵³, в которой действовали казачий и несколько других полков общей численностью до 20 000 чел., с большим количеством приданной им артиллерии и самолетов. Операция велась на окружение партизан, причем в южной части кольца завязались ожесточенные бои, а на севере, где с 600-ым полком находился и я, происходили лишь перестрелки, однако, главные силы партизан вновь вышли из окружения, а остатки с боями прорвались сквозь части СС.

Вопрос: С какими результатами были закончены остальные операции вашего полка?

Ответ: Безуспешными оказались также операции на окружение, проведенные в сентябре-октябре 1942 года между Витебском и Полоцком, за исключением того, что в боях была захвачена партизанская радиостанция и взяты в плен несколько партизан.

В конце октября 1942 года силами казачьего полка, французского соединения⁵⁴, части СС и других (до десяти тысяч штыков) была проведена операция на окружение партизан в Круглянском районе (БССР)⁵⁵. Казачий полк занимал оборону на линии Круча–Шепелевичи, а французское соединение и части СС вели наступательные бои, но главные силы партизан вышли из окружения в образовавшийся разрыв между казачьими эскадронами, по слухам, потеряв лишь в боях командира одного из отрядов – Суворова⁵⁶.

В последних числах декабря 1942 года была начата операция в треугольнике Витебск–Полоцк–Невель, законченная в конце января т.г. и известная под названием «Винтерфельд»⁵⁷. В боевых действиях, кроме казачьего полка, участвовали крупные немецкие силы в составе нескольких дивизий с бронемашинами и танками. Наступление на партизан велось в два эшелона, казачий полк понес значительные потери и успеха не имел, если не считать поимки нескольких партизан.

Вопрос: Партизаны вышли из окружения?

Ответ: Да. Оказав сильное сопротивление, партизаны возле Невеля прорвали линию обороны и вышли из кольца.

Вопрос: Активные действия против партизан велись и до вашего прибытия в полк?

Ответ: Да. В начале 1942 года первый эскадрон казачьего полка действовал против партизан в Витебской области и с исключительной жестокостью расправился с местным населением: был сожжен ряд деревень и расстреляно много жителей, особенно евреев.

Вопрос: Вы умалчиваете о своем взводе, и можно подумать, что в боевых действиях против партизан вы не участвовали?

Ответ: Уточняю свои показания. В столкновениях с партизанами мне и взводу приходилось участвовать неоднократно во время всех операций, проведенных на протяжении почти 13-ти месяцев моего пребывания в 600-м полку.

Захваченных в стычках пленных в подразделении, которым я командовал, не расстреливали и репрессий к ним не применяли, а передавали для допросов в штаб полка. Так, в ноябре 1942 года в деревне Щиток Круглянского района моим подразделением, находившимся в разведке, в результате столкновения был убит один партизан и пленен другой, переданный в штаб полка.

В январе т.г. в деревне Заболотье, где был расположен штаб партизанской бригады, моим подразделением был захвачен в плен связной отряда партизан, возглавлявшегося Кондратенко⁵⁸. За эту операцию в феврале т.г. я был награжден «бронзовым крестом с мечами».

Вопрос: Какова судьба плененного вами партизана?

Ответ: Захваченный в плен связной партизан был передан в штаб полка и, по рассказам Николая Денисенко, состоявшего при штабе адъютантом командира полка, дал показания, но впоследствии якобы бежал.

Вопрос: Вы утверждаете, что захваченных в столкновении партизан направляли в штаб полка. Разве взятые в плен на месте в соответствующих подразделениях допросам не подвергались?

Ответ: Пленных обычно бегло допрашивают в эскадроне, который их захватил, после чего обязательно направляют в штаб полка или самостоятельного батальона, где допрос длится два-три дня. После допроса пленных передают в «гехайм фельд полицай» (тайная полевая полиция), где их расстреливают или передают в штаб дивизии, а в отдельных случаях направляют в лагерь.

Вопрос: Остановитесь на всех случаях применения вами оружия против партизан?

Ответ: Разумеется, я, как командир, участвовал во всех перестрелках, которые имел взвод при стычках с партизанами. Кроме того, в начале марта т.г. в деревне Липецки Круглянского района при неожиданном ночном столкновении лицом к лицу с партизанским дозором мною из винтовки было убито два партизана, а третий бежал. Я действовал в порядке самозащиты, так как иначе был бы убит.

Вопрос: Вы сами, видимо, ввязались в перестрелку, в результате которой уничтожили двух партизан?

Ответ: Нет, обстановка в ночном столкновении сложилась такая, что если бы я не стрелял, застрелили бы меня, так как оказавшиеся вблизи трое партизан пытались уже открыть по мне огонь из имевшихся при них винтовок и автомата.

Вопрос: Вы утверждали ранее, что вверенный вам казачий взвод мирных жителей и партизан не расстреливал. Верно ли это?

Ответ: Будучи противником расстрела пленных, я запрещал применять репрессии к ним, а также к мирным жителям, но Тихонов, командовавший некоторое время 2-ым эскадроном, в который входил второй взвод, отличался крайней жестокостью, ввиду чего, я полагаю, по его приказанию отдельными казаками взвода в мое отсутствие советские люди расстреливались.

В июле 1942 года в деревне Будовщина 2-м эскадроном было задержано три человека, заподозренных в связи с партизанами, при чем, по приказанию Тихонова, их перед расстрелом стали зверски избивать и пытать. Я потребовал прекратить издевательство, но командир эскадрона приказал не вмешиваться, заявив, что не мое дело контролировать его действия.

Когда один партизан был уже расстрелян, а второй избит до потери сознания, желая предотвратить пытки над третьим, я его застрелил из имевшегося при мне в этот момент карабина.

Вопрос: Разве не было иного выхода, чтобы предотвратить пытки над партизаном?

Ответ: Партизан был бы расстрелян позже, но после надругательств, от которых я решил его избавить.

Вопрос: Таким способом?

Ответ: Ничего другого я сделать не мог.

Вопрос: Как реагировал Тихонов на произведенный вами расстрел?

Ответ: Тихонов поднял скандал, обвинил меня чуть ли не в связи с партизанами, так как я, мол, сорвал «допрос», но тем дело и кончилось.

Признаю также, что мною было отдано приказание по взводу – пристреливать тяжело раненых партизан. Пристреливал не я лично, а казаки; таких случаев было один или два.

Вопрос: Говорите правду: в каких целях вы приказали уничтожить раненых партизан?

Ответ: Тяжело раненые партизаны все равно были бы расстреляны, но, вдобавок еще, после пыток и надругательств. Должен добавить, что я отдал распоряжение казакам пристрелить и меня в случае, если буду тяжело ранен.

Казаки моего взвода могут подтвердить, что я относился враждебно к обстановке разнузданности, произвола и жестоких репрессий, применявшихся к окружающему мирному населению и пленным, ввиду чего в донесениях Тихонова командиру полка фигурировал как «неблагонадежный элемент».

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: В октябре 1942 года командир полка Кононов в разговоре со мной сослался на Тихонова, от которого получил на меня самую отрицательную характеристику. «Не внушающая доверия личность», – отзывался обо мне командир эскадрона.

Виденные мною бесконечные насилия не только над пленными, но и над мирными советскими людьми, вызывали во мне острое недовольство и, в конечном итоге, побудили к переходу на сторону Красной армии.

Вопрос: Заявление о вашей непричастности к расправам над советскими людьми нуждается в тщательной проверке, что нами и будет сделано.

Остается неясным – почему вы, несмотря на свои антисоветские настроения, длительное пребывание в эмиграции и службу на протяжении почти 13-ти месяцев в германской армии, приняли решение о переходе на сторону Красной Армии?

Ответ: Всего, что делается в Советской России я не понимал, заявляю об этом честно, но антисоветских настроений у меня не было.

Два человека, моложе меня и с меньшим жизненным опытом, тем не менее оказали на меня значительное влияние, и я окончательно решил уйти от немцев.

Вопрос: Кто они?

Ответ: Медицинская сестра – Тамара Козак⁵⁹ и мой ординарец – Вячеслав Балакин⁶⁰.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы познакомились с Тамарой Козак?

Ответ: В конце августа 1942 года, после очередного приступа малярии я был помещен в г. Орша в лазарет и познакомился с советской военнопленной, работавшей медицинской сестрой, Тамарой Козак, 19-ти лет, в прошлом – комсомолкой.

В палате я оказался единственным говорящим по-русски, остальные раненые были немцы, и Козак в свободное время меня навещала, подсаживалась к кровати и рассказывала правду о жизни в СССР. Слышанное от нее было совсем иным, чем все, что писалось о советской действительности в немецкой и белоэмигрантской прессе.

Вопрос: Козак знала, что вы – белоэмигрант?

Ответ: Нет, не знала и, более того, упрекала меня: как я, русский человек, согласился добровольно служить немцам, носить их форму и драться со своими, причем называла меня «изменником родине».

Вопрос: Вряд ли советская военнопленная рискнула бы на столь откровенные беседы с офицером германской армии?

Ответ: Не сразу, но постепенно Тамара убедилась, что нашла во мне внимательного слушателя и человека, которому доверять можно, так как содержание наших бесед сохранялось мною в тайне. Беседуя все более откровенно, она не скрывала от меня своего крайне враждебного отношения к немцам.

Вопрос: А сами вы не опасались, что содержание ваших бесед станет известным органам, надзирающим за политическими настроениями и связями германских военнослужащих?

Ответ: Мне немцы доверяли и в том случае, если бы Козак вздумала на меня донести, я бы начисто все отрицал и представил, как попытку с ее стороны оклеветать в моем лице русского офицера, якобы преданно сражающегося за интересы Германии.

Вопрос: И все же: беседы с девятнадцатилетней медицинской сестрой привели к пересмотру взглядов, прививавшихся вам, как вы ранее заявляли, на протяжении ряда лет пребывания в эмиграции. Так ли обстояло на самом деле?

Ответ: Были на то и другие причины.

Вопрос: Расскажите и о них?

Ответ: В лазарете лежавший рядом немец, лейтенант, мечтая о конце войны, говорил: «В России по дешевке я куплю имение». Не менее циничными были высказывания других немецких офицеров о послевоенной колонизации России.

Как-то летом 1942 года, в разговоре с немецким унтер-офицером из штаба полка (фамилии не помню) я упомянул, что русский эмигрант, майор Пуговичников только

и думает, как бы обратно получить свое имение. Немецкий унтер, однако, удивился моему замечанию и спросил: «А вы разве не собираетесь получить свое имение?».

Мой отрицательный ответ вызвал также недоумение оказавшегося неподалеку от нас обер-лейтенанта, графа Ритберг.

Вопрос: Он тоже принял участие в вашей беседе?

Ответ: Да. Ритберг заявил: «Вы напрасно думаете, лейтенант, что в России не будет больших имений. Вам, да и тем из эмигрантов, кого мы еще сюда не пускаем, если они захотят с нами честно работать, имения будут возвращены. Я и сам, признаюсь, рассчитываю остаться здесь в роли помещика, а многие из моих солдат-немцев уже занесли свои фамилии в списки будущих колонизаторов России. Вас, князь, – сказал в заключение Ритберг, – в будущем ждет блестящая карьера».

Я ничего не ответил и ушел.

Вопрос: Выходит, что, в отличие от майора Пуговичникова, мечтавшего о возврате имения, и графа РИТБЕРГ, прочившего себя в помещики, вы преследовали иные цели, невзирая на службу в германской армии?

Ответ: Я не только не помышлял вернуть имение, но и не допускал мысли о возможности возврата к помещицкой России, хотя бы потому что видел просоветские настроения крестьян даже в условиях террора, существовавшего на оккупированной территории.

Напротив, беседа с обер-лейтенантом Ритберг (а он был эсесовец и знал, что думают в нацистских кругах), лишь обострила мое неприязненное отношение к немцам-колонизаторам и укрепила в мысли – бежать от них, чтобы драться затем на стороне советских войск.

К тому же немцы крайне третировали сражающихся за их страну русских офицеров.

Вопрос: Разве?

Ответ: Внешне немцы, конечно, соблюдали необходимый такт, но между собой (а я знал немецкий язык и был допущен в их среду, как белоэмигрант и бывший князь), перешедших к ним русских называли «лакеями», а советских военнопленных, вступавших в т.н. «Русскую Освободительную Армию», вдобавок «прохвостами» и «изменниками».

Так говорил мне летом 1942 года в офицерском казино, за обедом, обер-лейтенант Ритберг, утверждая одновременно, что «немцев сейчас интересует главное, чтобы эти русские дрались против большевиков».

Окончательно открыли мне глаза на все происходящее длительные беседы с моим ординарцем, советским военнопленным – Балакиным.

Вопрос: Известно ли вам прошлое Балакина?

Ответ: Балакин Вячеслав Александрович родом из гор. Горького, 1924 года рождения, окончил десятилетку, с началом войны подал заявление о зачислении его слушателем в бронетанковое военное училище, но, не дождавшись решения, поступил добровольцем в парашютно-десантные войска, в плен попал под Смоленском зимой 1942 года.

Балакин, с его слов, желая получить свободу передвижения, чтобы уйти к партизанам, вступил в ряды «Русской Освободительной Армии».

Вопрос: Когда Балакин был определен к вам в качестве ординарца?

Ответ: В сентябре 1942 года, когда я принял команду над 2-м взводом 3-го эскадрона казачьего полка. Беседы с Балакиным с первых дней нашего общения убедили меня в том, что этот человек твердо стоит на советских позициях.

Вопрос: Сомнительно, чтобы в разговорах с офицером германской армии его ординарец не опасался проявить себя советским патриотом?

Ответ: Балакин стал откровенным лишь после того, как хорошенько присмотрелся ко мне. Встретив сочувствие, Балакин стал систематически мне доказывать, что я не знаю правды о советском строе и русском народе и располагаю на этот счет тенденциозными, неправильными сведениями.

После того, как я окончательно изучил своего ординарца и установил, что он меня не провоцирует, в конце 1942 года в разговоре с Балакиным я заявил, что разделяю его взгляды и открыто высказал свое критическое отношение к пропагандируемому ведомством

Гebbельса⁶¹ «новому порядку в Европе» и подлинным делам немцев, в частности, чинимым ими зверствам над русскими и беспардонной выкачке богатств с оккупированной территории, которую немцы рассматривают как свои колониальные владения.

Балакин, воспользовавшись этим разговором, предложил уйти к партизанам, и я согласился, но заявил, что мне как офицеру следовало бы перейти вместе со своими солдатами.

Вопрос: Вы рассчитывали захватить с собой и весь взвод?

Ответ: Мне казалось тогда, что не только второй взвод, но и в целом третий эскадрон удастся склонить к переходу на советскую сторону. Все бы зависело от соответствующей договоренности с командиром эскадрона Георгием Катяновым, что представлялось мне делом вполне реальным.

Вопрос: На чем было основано ваше предположение о возможности склонить к переходу на советскую сторону командира эскадрона Катянова?

Ответ: К Георгию Катянову я присматривался давно и знал его прошлое. Он – сын сосланного кулака, родился на Урале в 1913 году, окончил Машиностроительный институт и Ташкентское военно-пехотное училище, служил в парашютных войсках и имел 130 прыжков, из них пять боевых, в плен попал из-за просчета, приземлившись в расположении германских войск. По словам Катянова, он являлся членом ВКП(б) и в разговорах со мной заявлял, что тяготится службой у немцев.

В свою очередь, я пытался внушить Катянову мысль, что с немцами нам не по пути, и доказывал неизбежность поражения Германии. Обработка Катянова двигалась успешно и как-то в конце мая т.г. на моей квартире в деревне Голынка Осиповического района Могилевской области Катянов в присутствии Балакина в состоянии опьянения заявил: «Николай, придет время, и мы прогоним немцев из России, увидишь, как я буду драться».

Однако с 1-го июня т.г. Катянов резко изменил линию своего поведения в связи с испугавшими его событиями в моем взводе.

Вопрос: Что же произошло в вашем взводе?

Ответ: В этот день девять казаков моего взвода, из которых припоминаю фамилии восьми (Бетин⁶², Ермак, Моисеев⁶³, Квасов, Полубояров⁶⁴, Иванов, Михайлюк⁶⁵ и Каширин), под влиянием моих разговоров с ними самостоятельно перешли к партизанам, захватив с собой личное оружие, 3 пулемета и миномет.

Катянов, испугавшись возможных репрессий, заявил мне, что так делать нельзя было, уходить следовало всем, так как частичный переход мог лишь поставить нас под подозрение.

Должен добавить, что переходу Катянова мешало и то обстоятельство, что незадолго до наших переговоров он женился на местной девушке Марии Федоровне (фамилии не знаю), работавшей переводчицей в немецкой комендатуре в м[естечко] Бельниччи.

Вопрос: Вы хотите этим сказать, что жена удерживала Катянова от перехода на советскую сторону?

Ответ: Не совсем так. Катянов успел крепко привязаться к жене и боялся, что после его ухода Мария Федоровна, которая в этот момент находилась в Могилеве, будет немцами расстреляна.

Отказавшись от мысли о побеге, Катянов решил применять все меры к тому, чтобы и меня удержать, полагая, что если мне удастся осуществить свое намерение, он, как командир эскадрона, будет окончательно скомпрометирован в глазах немцев.

Катянов, видимо, через специально обработанных им казаков установил за мной наблюдение, и я поэтому решил ускорить свой уход к партизанам. Это намерение я осуществил 9 июня 1943 года.

Вопрос: Из какого источника вы располагали данными, что Катянов вел за вами наблюдение?

Ответ: В первых числах июня т.г. казак Михайлов, которого я решил взять с собой, мне рассказал, что слышал, как Катянов поручил командиру третьего взвода Стрельцу Александру следить за мной.

Зная, что в районе деревни Мотовилы (что в 12 километрах от д. Голынка, где размещался 2-й взвод), действуют партизаны, я принял решение вступить с ними в переговоры в расчете на переход вместе с небольшой группой преданных мне казаков.

Вопрос: Но ведь ранее вы показывали, что предполагали перейти, если не со всем эскадронам, то хотя бы со взводом, которым командовали?

Ответ: Первоначально принятое решение было мною изменено, так как Катянов установил слежку, и я опасался провокации и даже вооруженного сопротивления моему переходу со стороны отдельных казаков. По вновь возникшему плану, побег я осуществил вместе с пятью казаками.

Вопрос: С кем именно?

Ответ: Со мной ушли из полка: Михайлов, Глухов, Шевченко⁶⁶, Бугаев и кавказец Ринго Нацхао. Имен этих казаков я не знаю, ибо в германской армии принято запоминать солдат только по фамилиям, да и те, насколько мне известно, были вымышленными.

Вопрос: Чем вы были гарантированы, что кто-либо из этих казаков вас не предаст?

Ответ: Михайлова, Глухова и Шевченко я лично знал как патриотически настроенных людей и был уверен, что если в определенный день и час спрошу их – кто хочет идти со мной к партизанам, все трое ответят согласием. В свою очередь, Глухов поручился за Бугаева и Ринго, заявив, что и они также согласятся на побег. Так оно и получилось в действительности.

Вопрос: Ваше предположение оправдалось?

Ответ: Совершенно верно. Все пятеро с охотой согласились бежать из полка. Вместе со мной также должны были уйти мой ординарец Балакин и казак Лунин⁶⁷.

Вопрос: Лунин к переходу был подготовлен вами?

Ответ: Да. Лунина, который был настроен явно патриотически, ничего определенного я не говорил, опасаясь, чтобы он не проболтался, но полунамеками я дал ему понять, что вскоре представится возможность бежать от немцев, чтобы сражаться против них на стороне Красной армии. Лунин не возражал.

Видя по поведению Лунина, что он готов к переходу, я, тем не менее, заставлял его каждый день сопровождать меня при патрулировании, чтобы постоянно за ним наблюдать и, в случае надобности, иметь под рукой еще одного верного казака.

8-го июня я вступил в переговоры с партизанами.

Вопрос: Через кого?

Ответ: Подготовленный мною к переходу казак Глухов сообщил, что имеет знакомую девушку по имени Валя, которая поддерживает связь с партизанским отрядом. Воспользовавшись этим знакомством Глухова, я поручил ему известить партизан о своем намерении перейти на их сторону. Через Валю был получен от партизан адрес явки: деревня Мотовилы, последний дом справа, пароль «Король 210».

По получении явки, я со всеми казаками взвода направился в деревню Соломенка, где в то время находился командир эскадрона Георгий Катянов.

Вопрос: Катянов вас вызвал к себе?

Ответ: Нет, я это сделал по собственной инициативе.

Перед Катяновым я прямо поставил вопрос – хотел бы ли он перейти к партизанам, если бы имелись к тому возможности: пароль и конкретное направление.

Вопрос: Непонятно, зачем потребовалось вступать в переговоры с Катяновым, если вам было известно, что он отказался от своего первоначального намерения и чинил препятствия вашему переходу на советскую сторону?

Ответ: Я все же надеялся, быть может, в последний момент Катянов согласится и поведет за собой эскадрон или хотя бы часть вверенных ему казаков.

Вопрос: Как реагировал Катянов на ваше предложение?

Ответ: Катянов заявил, что он не согласен на переход, и приказал, чтобы с 10-го июня я лично прекратил ходить в засады и патрулировать.

Стало ясно, что Катянов больше не доверит мне ручных пулеметов, с которыми я всегда патрулировал; уходить надо было не медля, в тот же день 9-го июня.

Вопрос: Что вы предприняли далее?

Ответ: По возвращении в деревню Голынка, казакам своего взвода я приказал произвести обыски в домах местных жителей, якобы связанных с партизанами, а сам с упоминавшимися ранее казаками – Михайловым, Глуховым, Шевченко, Бугаевым и Ринго Нацхао, захватив два ручных пулемета, направился для патрулирования в направлении деревни Мотовилы, что в 12 километрах от Голынок.

Выйдя из дер. Голынка и остановившись на опушке леса, я спросил у отобранной мною пятерки – кто хочет уйти со мной к партизанам, предупредив, что никого не обязываю принимать решение против своей совести.

Вопрос: Что вам ответили казаки?

Ответ: Все пять казаков заявили, что идут со мной. После этого мы направились по известному нам маршруту и в деревне Осередок были встречены партизанами.

Вскоре, к исходу дня 9-го июня, вслед за мной явились в партизанский отряд Балакин⁶⁸ и Лунин, захватившие с собой свое личное оружие.

Вопрос: Скажите, неужели Катянов, зная о ваших намерениях, не принял мер, чтобы вас задержать, подвергнув аресту или отправке в удаление от района действия партизан?

Ответ: Мой арест был бы весьма некстати и для самого Катянова.

Вопрос: Почему?

Ответ: Я мог выдать содержание наших переговоров и сообщить о его личных настроениях далеко не в пользу немцев.

Вопрос: Все-таки неясно, чем объяснить сравнительно легкий ваш переход на советскую сторону при том условии, что вы уже находились под подозрением?

Ответ: После того, как я убедился в результате переговоров с Катяновым при нашей последней встрече 9-го июня, что он решительно против моего перехода на советскую сторону, я для отвода глаз заявил, что буду действовать, как он приказывает, и патрулирование вблизи партизан прекращаю.

Должен добавить, что моему переходу помогла внезапность, так как, задержавшись еще на день, я возможно был бы удален из полка по доносу Катянова, явно опасавшегося, чтобы моими поступками не был скомпрометирован его эскадрон.

Единственное, чего я хочу сейчас, чтобы советские органы поверили моей искренности.

Я вновь заявляю, что перешел на сторону Красной армии с намерением сражаться, как офицер, с оружием в руках против немцев, и прошу предоставить мне возможность этим искупить свою вину перед Родиной.

Записано с моих слов верно и мною прочитано:

(Н. ГАГАРИН)

Допросили:

Начальник IV Управления НКГБ СССР
Комиссар Гос. Безопасности 3-го ранга
(СУДОПЛАТОВ⁶⁹)

Зам. начальника следчасти по особо важным делам НКГБ СССР
Полковник Гос. Безопасности
(ШВАРЦМАН⁷⁰)

Начальник 2 Отдела IV Управления НКГБ СССР
Подполковник Гос. Безопасности
(МАКЛЯРСКИЙ⁷¹)

Ф Верно: Шварцман Ф

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 284. Л. 3–51.

Машинопись (2-й экз.) на бумаге зеленого оттенка.

На первом листе протокола сверху слева наклеена черно-белая фотография (4×5).

Комментарии

1. 600-й казачий дивизион сформирован в октябре-ноябре 1941 г. в Могилеве в составе группы армий «Центр» как 102-й казачий полк, с ноября 1941 г. – 600-й казачий дивизион. В 1942–1943 гг. участвовал в акциях против партизан на территории Смоленской, Могилевской, Витебской, Гомельской областей и в районе Великих Лук.
2. Деревня Осередок находилась в оккупации с конца июня 1941 по 29 июня 1944 г.
3. 286-я дивизия безопасности, развернутая в тыловом районе группы армий «Центр». Сформирована 15 марта 1941 г. С 15 июня 1942 по конец октября 1943 г. командовал дивизией немецкий генерал И.-Г. Рихерт.
4. Гагарин Михаил Сергеевич (1880–1918), капитан лейб-гвардии Кавалергардского полка. Участник Первой мировой войны. Полковник 39-го Донского казачьего полка (1916). С февраля 1917 г. адъютант А.А. Брусиллова.
5. Керенский Александр Федорович (1881–1970), в марте-мае 1917 г. – министр юстиции Временного правительства, в мае-августе – военный и морской министр. С 21 июля – министр-председатель Временного правительства, в сентябре возглавлял Директорию. Также с 28 февраля 1917 г. – товарищ председателя Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С июня 1918 г. в эмиграции. Под заговором против Керенского имеется в виду Корниловское выступление в августе (сентябре) 1917 г.
6. Добровольческая армия – вооруженное формирование Белого движения в годы Гражданской войны. Сформирована 25 декабря 1917 г. в Новочеркасске из добровольцев генерала М.В. Алексеева. В январе 1919 г. вошла в состав Вооруженных сил Юга России. В марте 1920 г. эвакуирована в Крым, вошла в состав «Русской армии».
7. Гагарина Мария Александровна (1887–?), урожденная Мусина-Пушкина. «Городская» Фрейлина Высочайшего двора, не выполняла постоянных обязанностей.
8. Гагарин Александр Сергеевич (1879–1966), поручик, адъютант военного министра с зачислением по гвардейской кавалерии (1909). В эмиграции в Константинополе, с 1922 г. проживал в Каннах. Помощник председателя Франко-русского комитета, находившегося в ведении великой княгини Елены Владимировны. Ктитор и церковный староста храма св. Михаила. Последние годы жизни провел в доме для престарелых.
9. Мусин-Пушкин Николай Александрович (1892–1967), штаб-ротмистр Кавалергардского полка. В эмиграции с 1916 г., проживал в США.
10. Мусина-Пушкина Ирина Александровна (1895–?), в замужестве Кочубей.
11. Кочубей Николай Васильевич (1885–1947), офицер лейб-гвардии Конного полка. Гагарин допустил неточность в ответе, так как Н.В. Кочубею в 1943 г. было 58 лет.
12. Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. гетман Украины.
13. «Украинская Громада» – националистическая организация украинских эмигрантов. Ее участники выступали за независимую Украину с монархической формой правления. Организация действовала главным образом на территории Германии и Польши. При Берлинском центре была образована «Гетманская рада», в состав которой вошел гетман П. Скоропадский.
14. Кочубей Любовь Александровна (1885–1946), урожденная Мусина-Пушкина, супруга князя Петра Васильевича Кочубея.
15. Кочубей Петр Васильевич (1880–1918), гадячский уездный предводитель дворянства, расстрелян большевиками в Киеве 26 января 1918 г. за контрреволюционную деятельность.
16. Кочубей Василий Петрович (1909–1977), русский эмигрант, проживал в Бельгии. В 1931 г. окончил Агрономический институт в Жамблу, инженер-агроном. В 1938–1960 гг. работал в Бельгийском Конго.
17. Врангель Петр Николаевич (1878–1928), генерал-лейтенант (1918), один из лидеров Белого движения, в 1920 г. руководитель обороны Крыма. С 1927 г. проживал в Бельгии.
18. Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), генерал-лейтенант русской армии (1917), с 1939 г. верховный главнокомандующий армии Финляндии.
19. École nationale supérieure d'agriculture colonial создана в 1902 г. для подготовки технических руководителей сельского хозяйства из французских колоний.
20. Раевский Сергей Михайлович (1910–1943), французский офицер, служил «санитаром германской армии» на территории СССР, погиб в Старой Руссе Ленинградской области.

Ф-Ф Вписано чернилами синего цвета.

21. «Ла Скарп», канонерская лодка. 9 мая 1919 г. под командованием Э. Мюзеля отошла от берегов Крыма по направлению к Константинополю.
22. В 1922 г. в английскую школу в местечке Буюк-Дере близ Стамбула были переведены кадеты Донского кадетского корпуса им. Александра III. Перед эвакуацией корпуса из Крыма в феврале 1920 г. по решению его директора А.В. Черячукина и руководителя британской военной миссии на Юге России Г. Холмана он перешел в ведение английских властей.
23. Населенный пункт на Кипре.
24. После расформирования Донского кадетского корпуса им. Александра III в 1922 г. он был воссоздан в сентябре того же года на базе 2-го Донского кадетского корпуса, который размещался в бывшей австрийской крепости около г. Билече. В 1926 г. корпус переехал в г. Горажде в Боснии. В корпусе наравне с военной подготовкой осуществлялось обучение кадет в соответствии с программой средней сербской школы. В августе 1929 г. корпус был переименован во Второй Русский императора Александра III кадетский корпус. В 1929/1930 учебном году в нем проходило обучение 350 человек. Гагарин фактически продолжил обучение, начатое в 1924 г. в английской школе в Буюк-Дере. В 1933 г. Донской кадетский корпус был объединен с Первым Русским вел. кн. Константина Константиновича Кадетским Корпусом, который Гагарин закончил в 1934 г.
25. Имеется в виду Югославская военная академия.
26. Альпийские дивизии входили в состав Югославской королевской армии.
27. Дравская дивизия – подразделение Югославской королевской армии.
28. Культурбунд (Швабско-немецкая культурная ассоциация) представлял собой культурную и политическую организацию этнических немцев Югославии, действовавшую с 1920 г. Ее центр находился в г. Нови-Сад. Накануне Второй мировой войны организация занималась военной подготовкой мужчин до 35 лет, через которую прошли около 32 тыс. этнических немцев. Члены «Культурбунда» разделяли нацистскую идеологию и были оппозиционно настроены по отношению к югославскому правительству (*Буркут И.Г.* Югославские русины и украинцы во Второй мировой войне (1941–1945 гг.) // *Русин.* 2011. № 2 (24). С. 37–51).
29. Акт о капитуляции подписан 18 апреля 1941 г.
30. Триглавский горный отряд входил в состав 7-й армии Королевства Югославии, включал в себя 1-й горно-стрелковый батальон. Дислоцировался на севере Словении.
31. Лукич Михайло (1886–1961), хорватский генерал.
32. В г. Целье также находился немецкий сборный лагерь для югославских интернированных граждан.
33. Лагерь VI-B для военнопленных открыт в сентябре 1940 г. В нем находились в основном французские, британские и польские офицеры. Действовал до 3 апреля 1945 г., когда был освобожден армией США.
34. Трифунович Душан (1880–1945), югославский дивизионный генерал, во время Апрельской кампании 1941 г. командовал 7-й армией. Во время боев взят в плен и помещен в лагерь, где позднее скончался. Военным министром Югославии не был.
35. Офлаг IV-C был организован на территории замка в Колдице в ноябре 1939 г. Предназначался для офицерского состава, попавших в плен во время оккупации европейских стран.
36. Лагеря «Цитенхорст» и «Вутзен» представляли собой закрытые учебные лагеря «Восточного министерства», где военнопленные готовились для осуществления пропагандистской работы на оккупированных территориях СССР.
37. Лагерь «Лихтерфельде-Зюд» входил в комплекс лагерей Шталаг III-D и представлял собой сборно-распределительный пункт для военнопленных.
38. Вероятно, имеется в виду газета «Der Neue Weg: Russische Mitteilungsblatt», еженедельный информационный орган Управления делами Российской эмиграции в Сербии.
39. Управление делами русских беженцев в Германии (Russische Vertrauensstelle) создано в 1936 г. Руководителем Управлением был русский эмигрант В.В. Бискупский.
40. Шенкендорф Максимилиан фон (1875–1943), немецкий генерал от инфантерии, во время Второй мировой войны командующий военной областью «Митте», тылового района группы армий «Центр» на оккупированной территории СССР. В «Митте» входили Смоленская, Могилевская, Брянская, Витебская, часть Орловской и Минской областей.
41. В марте 1941 г. на основе 4-й кавалерийской дивизии была сформирована 210-я моторизованная дивизия. К началу войны она дислоцировалась в Осиповичах. В июле вела бои в районе Могилева, где попала в окружение. 11 июля 1941 г. снова переформирована в 4-ю кавалерийскую дивизию.
42. М. фон Шенкендорф, командующий войсками безопасности группы армий «Центр», в начале сентября 1941 г. содействовал созданию донского казачьего полка во главе с Кононовым. 6 октября 1941 г. создание казачьих сотен утвердило Главное командование Сухопутных Сил. Казачий 102-й эскадрон завершил формирование к 28 октября 1941 г. В августе 1942 г. переформирован в 600-й отдельный казачий дивизион. В это время он состоял из «двух кавалерийских эскадронов, двух эскадронов самокатчиков, одного артиллерийского взвода на конной тяге, одного взвода противотанковых орудий и всего насчитывал 1 043 бойца и командира» (*Александров К.М.* Русские солдаты вермахта... С. 439). Запись из дневника Шенкендорфа: «29 октября 1942 г. Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная... Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное» (*Александров К.М.* Русские солдаты

- вермахта... С. 440). К февралю 1943 г. полк состоял уже из 6 кавалерийских эскадронов. «15 апреля 1943 г. большая часть 3-го и 4-го эскадронов, а также артдивизиона, перебила немецких связистов, кононовских казачьих офицеров и ушла в лес к партизанам» (Александров К.М. Русские солдаты вермахта... С. 440).
43. 203-я охранная немецкая дивизия сформирована в июне 1942 г., дислоцировалась в тылу группы армий «Центр», участвовала в антипартизанских акциях.
 44. 1 июня 1942 г. по решению командования группы армий «Центр» в Бобруйске был сформирован 1-й Восточный добровольческий полк. В его состав входили батальоны «Березина» и «Днепр». В конце месяца также был сформирован запасной батальон с действующей офицерской школой для пополнения уже существующих батальонов. К концу 1942 г. в состав 1-го Восточного добровольческого полка был включен новый третий батальон «Припять». Батальон состояли в основном из советских военнопленных, а также из русских эмигрантов, воевавших на стороне вермахта.
 45. Власов Андрей Андреевич (1901–1946), советский генерал-лейтенант (1941–1942), сдался в плен летом 1942 г. Возглавил так называемую Русскую освободительную армию (РОА).
 46. «Открытое письмо генерал-лейтенанта А. Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом» опубликовано в марте 1943 г.
 47. Лейтенант граф Ганс фон Риттеберг курировал создание полка от Абвера.
 48. Кононов Иван Никитич (1900–1967), генерал-майор КОНР. 22 августа 1941 г. попал в плен будучи командующим 436-м полком 155-й стрелковой дивизии Красной армии Западного округа. 28 октября с санкции немецкого командования сформировал из военнопленных казаков казачью добровольческую часть № 102, которая в дальнейшем была переформирована в 600-й отдельный казачий батальон.
 49. Пуговичников Александр Николаевич (1886–1968), русский эмигрант, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1925–1941 гг. инструктор офицерской кавалерийской школы Югославской Королевской армии. В марте 1941 г. попал в плен, содержался в Офлаге VI-C, где подал рапорт об отправке на Восточный фронт. Был принят на службу в вермахт и в феврале-июне 1943 г. был заместителем командира 600-го казачьего дивизиона.
 50. Сушков Дмитрий, в эмиграции в Югославии. В 1928 г. окончил Крымский кадетский корпус и затем поступил в Югославскую военную академию, которую закончил в 1931 г.
 51. Киров Сергей Миронович (1886–1934), советский государственный деятель, член Политбюро ЦК ВУП(б) (1930–1934), Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) (1927–1934). Убит 1 декабря 1934 г. Л. Николаевым.
 52. Белов Павел Алексеевич (1897–1962), гвардии генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). С марта 1941 г. командовал 2-м кавалерийским корпусом, находившимся на Южном фронте. Во время Тульской операции путем присоединения ко 2-му корпусу дополнительных частей была создана оперативная группа под командованием Белова.
 53. Операция «Адлер» проводилась против советских партизан 20 июля 1942 г.
 54. Соединения Легиона французских добровольцев против большевизма. Существовал с 8 июля 1941 по 20 ноября 1944 г. Легион активно участвовал в антипартизанских операциях на территории БССР.
 55. Операция «Карлсбад» проводилась против партизан Круглянского, Оршанского, Толочинского и Шкловского районов с 10 по 23 октября 1942 г.
 56. Суворов Иван Николаевич (1909–1942), с июня 1942 г. командир партизанского отряда, затем бригады «Чекист».
 57. Операция «Зимний лес» против партизан проходила с 27 декабря 1942 по 25 января 1943 г. в районе железной дороги Витебск-Невель-Полоцк. Осуществлялась частями 286-й охранной дивизии «Рихерт».
 58. Кондратенко Павел Петрович (1918–?), начальник разведки партизанского отряда «За Родину».
 59. Козак Тамара Викторовна, военфельдшер, пропала без вести в июле 1942 г., упоминается в Книге памяти Саратовской области.
 60. Балакин Вячеслав Александрович (1924–?). По личному листку по учету партизанских кадров, в Красную Армию не призывался, был военнопленным, в партизанский отряд прибыл из Бобруйска 600-го казачьего полка «РОА». С 6 июня 1943 по 5 июля 1944 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 61. Геббельс Йозеф (1897–1945), с 1933 г. имперский министр народного просвещения и пропаганды Германии.
 62. Бетин Михаил Григорьевич (1922–?). По личному листку по учету партизанских кадров, в начале войны служил в 622-м стрелковом полку. Попал в плен. В партизанский отряд прибыл из РОА добровольно 30 мая 1943 г. С 30 мая по 5 ноября 1943 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, с 5 ноября 1943 по 5 июля 1944 г. командир отделения. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 63. Моисеев Виктор Ерофеевич (1921–?), партизан. По личному листку по учету кадров, во время войны служил в 9-м авиаполку, в плену не был. В партизанский отряд перешел добровольно из 600-го казачьего полка РОА 30 мая 1943 г. До 5 июля 1944 г. состоял в отряде им. Сталина рядовым, действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 64. Полубояров Михаил Филиппович (1924–?), партизан. Пришел в партизанский отряд им. Сталина из 600-го казачьего полка РОА 30 мая 1943 г. Состоял рядовым до 5 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.

65. Михайлюк Илья Тихонович (1918–?), партизан. Во время войны служил в 471-м корпусном артиллерийском полку, попал в плен. В партизанский отряд им. Сталина перешел добровольно 30 мая 1943 г. Состоял рядовым до 5 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
66. Шевченко Илья Германович (1918–?), партизан. С начала войны служил в 239-м стрелковом полку, попал в плен. В партизанский отряд им. Сталина пришел 30 мая 1943 г. из Бобруйска, 600-го казачьего полка РОА. В отряде служил рядовым до 5 июля 1944 г., действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
67. Возможно, Лунин Зиновий Алексеевич (1922–?), партизан. Перешел в партизанский отряд им. Ленина 30 мая 1943 г., где состоял до 7 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
68. По личному листку, Балакин вступил в отряд 6 июня 1943 г., а не 9 июня.
69. Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал-лейтенант МВД СССР, советский разведчик, диверсант, в период Великой Отечественной войны возглавлял 4-е управление НКВД СССР, отвечавшее за организацию агентурной работы на территории Германии и ее союзников.
70. Шварцман Лев Леонидович (1907–1956), полковник госбезопасности (1943), в 1943–1951 гг. заместитель начальника следственной части по особо важным делам НКГБ.
71. Маклярский Михаил Борисович (1909–1978), полковник госбезопасности (1945), в 1943–1945 гг. начальник Второго отдела 4-го управления НКГБ, занимавшегося диверсионной и агентурной работой на оккупированной территории СССР.

Литература

- Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 748 с.
- Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 376–399.
- Бэйда О.И. Русские эмигранты-переводчики вермахта на Восточном фронте. 1941–1943 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 183–190.
- Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: Солти, 2005. 614 с.
- Горинов-мл. М.М. Русские эмигранты в движении Сопротивления во Франции: современная российская историография // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. № 12. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 28–37.
- Дробязко С. И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2011. 832 с.
- Живанович М. Югославская научная литература об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. № 12. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 21–27.
- Между Россией и Сталиным: Русская эмиграция и Вторая Мировая Война / редкол. С.В. Карпенко, С.И. Дробязко, Е.Н. Евсеева и др. М.: РГГУ, 2004. 344 с.
- Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 479 с.
- Окороков А.В. Русская эмиграция: Политика, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 329 с.
- Сак К.В. Награждения участников движения Сопротивления в Бельгии в контексте публичной дипломатии СССР в годы холодной войны [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (дата обращения: 29.09.2024).
- Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).
- Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. 270 с.

References

Aleksandrov, K.M. (2005). *Russkie soldaty vermakhta. Geroi ili predатели* [Russian Soldiers of the Wehrmacht. Heroes or Traitors]. Moscow, Yauza, Eksmo. 748 p.

Beyda, O.I. (2014). Russkie emigranty-perevodchiki vermakhta na Vostochnom fronte. 1941–1943 gody [Russian Emigrants-Translators of the Wehrmacht on the Eastern Front. 1941–1943 Years]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 4, pp. 183–190.

Brandenberger, D. (2023). Rol' nasiliya i falsifikatsii pri podgotovke protokolov doprosov epokhi stalinizma [The Role of Violence and Falsifications in the Preparation of Interrogation Protocols of the Stalinist Era]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 13, No. 2. pp. 376–399.

Czurganov, Yu.S. (2001). *Neudavshiysya revansh. Belaya emigratsiya vo Vtoroy mirovoy voyne* [Failed Rematch. White Emigration in World War II]. Moscow, Intrada. 270 p.

Drobyasko, S.I. (Eds.). (2004). *Mezhdru Rossiei i Stalinyim: Russkaya emigratsiya i Vtoraya mirovaya vojna* [Between Russia and Stalin: Russian Emigration and World War II]. Moscow, RGGU. 344 p.

Drobyazko, S.I., Romanko, O.V., Semenov, K.K. (2011). *Inostrantsy na sluzhbe natsizma: istoriya evropeyskogo kollaboratsionizma* [Foreigners in the Service of Nazism: A History of European Collaborationism]. Moscow, AST, Astrel, Kharvest. 832 p.

Goldin, V.I. (2005). *Rokovoy vybor. Russkoe voennoe zarubezh'e v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Fateful Choice. The Russian Military Abroad during the Second World War]. Arkhangel'sk, Murmansk, Solti. 614 p.

Gorinov-ml., M.M. (2023). Russkie emigranty v dvizhenii Soprotivleniya vo Frantsii: sovremennaya rossiyskaya istoriografiya [Russian Emigrants in the Resistance Movement in France: Modern Russian Historiography]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. Moscow, Dom russkogo zarubezhya imeni A. Solzhenitsyna. No. 12, pp. 28–37.

Okorokov, A.V. (2000). *Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Anti-Soviet Military Formations during the Second World War]. Dr. hist. sci. diss. Moscow. 479 p.

Okorokov, A.V. (2003). *Russkaya emigratsiya: Politika, voenno-politicheskie i voinskie organizatsii 1920–1990* [Russian Emigration: Politics, Military-Political and Military Organizations 1920–1990]. Moscow, Avuar Konsalting, 2003. 329 p.

Sak, K.V. (2021). Uchastniki dvizheniya Soprotivleniya vo Frantsii i sovetskaya nagradnaya diplomatiya (1955–1965 gody) [Participants in the Resistance Movement in France and Soviet Awards Diplomacy (1955–1965)]. In *Istoricheskiy kurer*. No. 3 (17), pp. 135–146. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (date of access 29.09.2024).

Sak, K.V. (2022). Nagrazhdeniya uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya v Belgii v kontekste publichnoy diplomatii SSSR v gody kholodnoy vojny [Awards of Resistance Movement Participants in Belgium in the Context of USSR Public Diplomacy during the Cold War]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 13, No. 4 (114). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (date of access 29.09.2024).

Zhivanovich, M. (2023). Yugoslav'skaya nauchnaya literatura ob uchastii russkikh emigrantov v dvizhenii Soprotivleniya [Yugoslav Scientific Literature on the Participation of Russian Emigrants in the Resistance Movement]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. No. 12. Moscow, Dom russkogo zarubezhya imeni A. Solzhenitsyna, pp. 21–27.

А.В. Юров*

**ЗЕМЛЯЧЕСТВО ЖЕНЩИН-ФРОНТОВИЧЕК:
ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ГЕРОИНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1920-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-13
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Юров А.В. Землячество женщин-фронтовичек: из истории социальной адаптации героинь Гражданской войны в 1920-е годы // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 188–200. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-13.pdf>

A.V. Yurov*

**SOCIETY OF WOMEN WAR VETERANS:
FROM THE HISTORY OF SOCIAL ADAPTATION
OF CIVIL WAR HEROINES IN THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-13

How to cite:
Yurov A.V. Society of Women War Veterans: From the History of Social Adaptation of Civil War Heroines in the 1920s // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 188–200. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-13.pdf>]

Abstract. The article analyzes the social adaptation of female combatants awarded the Order of the Red Banner in Soviet society of the 1920s, with a particular focus on the activities of the veterans' organization "Society of women participants in the Civil War", established in 1929. The research is based on archival materials from the Russian State Military Archive, including transcripts of speeches and autobiographies of women who experienced the war and faced challenges reintegrating into civilian life. A key theme of the article is the role of awards as symbolic capital, which, however, could not always be effectively used for social mobility. The author emphasizes that professional connections and participation in veterans' organizations often played a more significant role in the adaptation of women, especially in a Soviet society where gender roles limited their career opportunities. The analysis of women's memoirs reveals the duality of their war experience: heroism and military achievements contrast with personal tragedies and difficulties related to returning to civilian life. Despite the official rhetoric glorifying women, their actual social adaptation was a complex and ambiguous process, intertwined with the political use of their wartime memory and the transformation of private narratives. The article highlights the distinct emotionality of these memoirs. Based on this, the author suggests the importance of the "Society of women participants in the Civil War" in shaping the collective identity of women and converting their veteran status into a potential social resource.

Keywords: society of women war veterans, social adaptation of veterans, ego-documents, women's heroism, Civil War, Order of the Red Banner.

The article has been received by the editor on 26.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья анализирует социальную адаптацию женщин-комбатанток, награжденных орденом Красного Знамени, в советском обществе 1920-х гг., уделяя особое внимание деятельности ветеранской организации «Землячество женщин – участниц Гражданской войны», созданной в 1929 г. Исследование базируется на архивных материалах Российского государственного военного архива, включая стено-

* **Антон Васильевич Юров**, магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.yurov@eu.spb.ru
Anton Vasil'evich Yurov, Master Student, European University at Saint Petersburg, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.yurov@eu.spb.ru

граммы выступлений и автобиографии женщин, прошедших через войну и столкнувшихся с проблемами реинтеграции в мирную жизнь. Ключевая тема статьи – роль наград как символического капитала, который, однако, не всегда мог быть использован для социальной мобильности. Автор подчеркивает, что служебные связи и участие в ветеранских организациях нередко играли более важную роль в адаптации женщин в условиях советского общества, где гендерные роли ограничивали их карьерные возможности. Анализ воспоминаний женщин выявляет двойственность опыта участниц войны: героизм и боевые заслуги контрастируют с личными трагедиями и трудностями, связанными с возвращением к мирной жизни. Несмотря на героизацию женщин в официальной риторике, их реальная социальная адаптация была сложным и неоднозначным процессом, связанным с политическим использованием их памяти о войне и трансформацией частных версий прошлого. В статье подчеркивается особая эмоциональность мемуарных текстов. На этом основании делается предположение о важности землячества фронтовичек для процесса формирования коллективной идентичности женщин и конвертации ветеранского статуса в потенциальный социальный ресурс.

Ключевые слова: землячество женщин-фронтовичек, социальная адаптация ветеранов, эго-документы, женский героизм, Гражданская война, орден Красного Знамени.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024 г.

Гражданская война оказала глубокое влияние на формирование раннесоветского общества. В условиях всеобщей милитаризации в боевые действия были вовлечены различные группы населения, включая тех, кто традиционно не считался комбатантами, – женщин и детей. Участие женщин в вооруженных конфликтах стало ярким примером трансформации социальных ролей в условиях войны, что позднее потребовало особого подхода к их адаптации в послевоенное время.

После завершения Гражданской войны начался процесс демобилизации и реинтеграции ветеранов в советское общество. Одной из форм их адаптации стало создание различных землячеств и ветеранских организаций, включая уникальное по своему характеру землячество женщин-фронтовичек, учрежденное в 1929 г. Эти объединения не только способствовали формированию памяти о событиях войны, но и предоставляли ветеранам, в особенности отмеченным наградами, возможность претендовать на социальную поддержку.

Особого внимания заслуживает группа женщин, награжденных орденом Красного Знамени. Их опыт социальной адаптации соединял в себе проблемы, с которыми сталкивались женщины-комбатантки, а также общественные привилегии, на которые могли рассчитывать орденосцы. По этой причине важно понять, как женщины воспринимали свое награждение, как оно влияло на их дальнейшую судьбу и как они интегрировались в советское общество в условиях, где роль ветерана канонично определялась мужским опытом войны.

Цель настоящего исследования – проанализировать процесс социальной адаптации женщин-комбатанток, награжденных орденом Красного Знамени, через призму их воспоминаний и участия в работе конкретной ветеранской организации. Мы стремимся выявить, как память о подвиге отражала влияние Гражданской войны на их личные и социальные траектории в послевоенный период.

В основу исследования легли архивные материалы Российского государственного военного архива, а именно фонда Центрального музея РККА. В нем отложились стенограммы выступлений женщин на вечерах воспоминаний, организованных в землячестве фронтовичек, существовавшем при музее в 1929–1936 гг., а также письменные автобиографии. Выбранные тексты представляют собой источник, отражающий личные переживания

и боевой путь участниц Гражданской войны, награжденных орденом Красного Знамени в 1919–1928 гг.

Важной специфической характеристикой данных материалов является их эмоциональная насыщенность. Воспоминания женщин часто выходили за рамки героического повествования, предлагая более личный и субъективный взгляд на их фронтный опыт. Они содержат моменты, связанные с потерей близких, инвалидностью и эмоциональными травмами, которые не всегда становились частью текстов, выполненных в духе официального героического нарратива. Эти аспекты позволяют проследить не только боевой путь ветеранов, но и то, как реинтеграция в общество отразилась на их женской субъектности, а также социальной мобильности.

Деятельность землячества женщин – участниц Гражданской войны¹ является малоизученной темой и практически не упоминается в литературе, однако находится на пересечении нескольких активно исследуемых сюжетов. Так, специалистами рассматриваются различные аспекты мирной жизни ветеранов. В диссертации Дж.Г. Хартзок изучено их участие в героизации Гражданской войны². В частности, затронуто использование в этих целях памяти женщин-комбатанток в рамках издательского проекта «История Гражданской войны». Примечательно, что его редакторы нашли многие воспоминания участниц войны недостаточно героическими, сентиментальными, «серыми и скучными». В целом же женский героизм ожидаемо оказался на периферии коммеморативных практик³.

Ценность для настоящего исследования представляет монография О.М. Морозовой, посвященная взаимодействию бывших красных партизан с так называемыми «партизанскими комиссиями»⁴. Выполненный историком анализ воспоминаний, с помощью которых происходило лоббирование льгот и наград, является важной историографической предпосылкой в рассмотрении воспоминаний фронтовичек. По этой же причине для нас важна и ее работа, посвященная женским текстам о Гражданской войне⁵. Автор отмечает, что эмоциональная насыщенность эго-документов 1920-х гг. может быть связана с дефицитом эмоций, который возникал вследствие нехватки чувств, ставших привычными за время войны, что накладывало отпечаток на мемуарные тексты⁶. Участие женщин в боевых действиях также посвящено несколько работ. В рамках настоящей статьи в целях фактической реконструкции мы будем опираться на монографию И.В. Алфёровой как на наиболее актуальное и информативное исследование⁷.

Социальная функция наградных практик, а также их отражение в эго-документах раскрываются в работах А.И. Савина⁸. Автор рассматривает 1920-е гг. как период «дегероизации» и непопулярности индивидуальных наградений ввиду демобилизующей атмосферы нэпа. Это приводило к ограничениям в области масштабных наградных компаний, которые окончательно были сняты только в 1930-е гг. Ссылаясь на постановление Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г., в соответствии с которым прекращались представления к награждению орденом Красного Знамени за подвиги, совершенные в период до 1 января 1923 г., А.И. Савин пишет о том, что две юбилейные наградные кампании –

¹ Заметим, что данное название ветеранской организации фигурирует в документах наравне с «землячеством фронтовичек», хотя первое использовалось в качестве основного. Во избежание повторений в тексте мы будем использовать оба варианта.

² Hartzok J.G. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa, 2009.

³ Ibid. P. 215–220.

⁴ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д., 2010.

⁵ Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // *Новейшая история России*. 2016. № 2 (16). С. 8–30.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Алфёрова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011.

⁸ Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»: советский героизм как социальный трамплин (1920 – 1930-е годы) // *ЭКО*. 2014. № 12 (486). С. 159–171; Савин А.И. Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 4 (69). С. 101–108.

к 10-летию Октябрьской революции и к 10-летию РККА, в ходе которых все же производились награждения орденом Красного Знамени ограниченного круга лиц, не могли кардинальным образом изменить ситуацию в сфере героизации общества⁹. Кажется важным проверить этот тезис, поскольку многие участницы Гражданской войны получили награды именно во время «дегероизации» – к юбилею РККА в 1928 г. С другой стороны, на этом основании резонно предположить, что героини Гражданской войны должны были бы испытывать определенные проблемы если не с признанием своих заслуг, то с конвертированием их в социальные блага.

Нарратив, посвященный участию женщин в революции и Гражданской войне, а также их героизация были неотъемлемой частью официальной риторики большевиков. Это касалось как женского политического активизма (в особенности участниц подпольного движения), так и деятельности женщин на фронте¹⁰. В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть, как происходила репрезентация женского героизма в интересующий нас период. В этом контексте специалисты отводят важную роль прессе 1920-х гг. – авторы публикаций часто акцентировали внимание на тяжелых последствиях войны, причем не только на проблемах со здоровьем¹¹. Так, в заметке губернского журнала «Работница и крестьянка» за 1922 г. описывалась «отчаянное положение» санитарки, вернувшейся с фронта в 1920 г. инвалидом: «Муж был солдат старой армии и старого закала, совершенно отказался от нее, вообще создалось отчаянное положение, но это не остановило энтузиазма революционерки работать на мирном хозяйственном фронте на общее дело революции...»¹². Подобные тексты в первую очередь были призваны показать заботу советского государства об «отдавших свое здоровье» героинях. Вместе с тем они указывали на наличие и распространность социальных проблем в послевоенной жизни комбатанток.

Неслучайно именно в это время А.Н. Толстой создает повесть «Гадюка»¹³ (опубликована в августе 1928 г.), ярко отражающую проблему социальной и психологической адаптации участниц Гражданской войны. Главная героиня Ольга Зотова прошла через суровые испытания на фронте, но по возвращении в мирную жизнь столкнулась с отчуждением и непониманием со стороны своего нового окружения. Ее военный опыт не востребован, а боевые заслуги, которые на фронте воспринимались как героизм, теперь выглядят лишними и чуждыми в мирной жизни. Это приводит к эмоциональной изоляции Зотовой, а затем и к трагическому случаю: Ольга в порыве «знакомой (здесь и далее курсив наш. – А. Ю.) дикой ненависти» убивает свою соседку по коммунальной квартире в ходе личного конфликта¹⁴.

Впрочем, далеко не всегда репрезентация комбатанток происходила в подобном экстремальном ключе. В текстах более нормативного стиля преобладало описание подвигов и энтузиазма женщин, отправляющихся на фронт или участвующих в мирном строительстве, работы женотделов и советов. В агитационном издании из книжной серии «Библиотека работницы и крестьянки» за 1927 г. в качестве примеров приводятся распространенные паттерны героического поведения на фронте: разведчица, попавшая в плен к белым, погибает, не выдав информацию о расположении войск; работница, командующая сперва взводом, а затем ротой, скрывает свое ранение, «потому что считала порученное ей дело важнее своей жизни», и ведет свой отряд в бой¹⁵. Биографические подробности и обстоятельства пребывания женщин на фронте опускаются, а подвиги интерпретированы с точки зрения политической сознательности: «бесчисленное множество <...> работниц и крестьянок

⁹ Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 100–101.

¹⁰ Алферова И.В. «Женский вопрос»... С. 226, 231.

¹¹ Минаева О.Д. Образ героини Гражданской войны в советских журналах для женщин (1920–1930 гг.) // Меди@льманах. 2013. № 3 (56). С. 24–25.

¹² Цит. по: Там же. С. 25.

¹³ Толстой А. Гадюка (Повесть об одной девушке) // Красная новь. 1928. № 8. С. 3–33.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Ратновский М.А. На баррикадах Октября. М.; Л., 1927. С. 61–62.

боролись, погибали и побеждали на фронтах гражданской войны»¹⁶. Здесь же в главе «Работница в рядах строителей социализма» рассказывается об активной общественной деятельности работниц и их стремлении вступить в партию. Послевоенные годы описываются как время тяжелых бытовых условий и голода, часто указывается на пусть преодолеваемую, но «отсталость» женщин. Однако в личных историях женщин это практически не проявляется или же не становится значимым препятствием для включения в «мирное строительство».

Тексты, посвященные женскому героизму на фронте, можно в целом охарактеризовать как редкое явление, в связи с чем трудно оценить реальные масштабы дискурсивной героизации комбатанток и ее влияния на их социальное положение. Уникальна в этом отношении работа А.П. Богат «Работница и крестьянка в Красной армии», изданная в 1928 г. не самым большим тиражом в 15 тыс. экземпляров¹⁷.

Прежде всего заслуживает внимания биография автора книги. А.П. Богат (1898–1981 гг.) родилась в Екатеринославле в семье рабочего. Присоединилась к Красной армии в 1919 г. с вступлением советских войск в Харьков. В 1920–1922 гг. проходила обучение в 1-й кавалерийской школе в Москве, после чего была направлена в Первую Конную армию, где два года служила командиром взвода. А.П. Богат была одной из немногих женщин, которые выбрали военную карьеру. В 1924 г. она поступила в Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, которую окончила в 1927 г., но ввиду болезни сердца была демобилизована, продолжив работу в Осоавиахиме и отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП(б)¹⁸, а с 1930 г. занимала пост заместителя Наркома здравоохранения СССР. Публицистикой А.П. Богат начинает заниматься в 1927 г., главной темой ее статей становится роль женщин в Гражданской войне и участие в военной подготовке в СССР. Ее тексты печатаются в журналах, а также издаются в виде брошюр.

«Работница и крестьянка в Красной армии» является одновременно небольшим исследованием о женщинах на фронте и сборником из 40 биографических очерков. Также она включает в себя несколько тематических заметок, например о краснознаменках Первой Конной, и список женщин, награжденных орденом Красного Знамени за 1919–1926 гг. Работа А.П. Богат важна не только с историографической точки зрения, она также является ярким примером героизации женщин-комбатанток. В предисловии издание названо «книжечкой, написанной наспех к десятилетию Октября», но которая «читается с захватывающим интересом»¹⁹. Действительно, основное внимание отведено героическому поведению женщин, которые добровольно отправляются на фронт и либо гибнут – в бою, в результате казни или пыток, либо продолжают свой боевой путь с новыми силами. Даже крайне серьезные ранения и близость к смерти редко становятся поводом для эмоциональной рефлексии. Так, в книге цитируются воспоминания кавалеристки Скрябиной: «“Я спряталась на поле за мертвецами. Не помню, сколько прошло времени, только я чувствовала, что сапоги полны крови и очень холодно”. В таком состоянии подобрали ее наши разведчики. “Через три месяца раны зажили и я опять пошла в бой”»²⁰.

Указание на послевоенную судьбу героинь если и присутствует в книге, то не затрагивает проблемы, которые ждали их в мирной жизни. Так, разведчица, которая с юности принимала участие в революционном движении, просто «уходит на гражданскую работу»: «Бой на реке Буй был роковым для нее. Тяжелая контузия заставила ее покинуть строй. Некоторое время работает еще она в качестве политрука. Утомленная и больная уходит Баландина на гражданскую работу. Путь непрерывной борьбы, путь полный опасностей оставила она за собой»²¹. Для А.П. Богат было важно продемонстрировать сознательное вовлечение женщин в политику и переориентацию их традиционных ролей в обществе, в связи с чем описание какого-либо трагизма становится неуместным.

¹⁶ Ратновский М.А. На баррикадах Октября... С. 62.

¹⁷ Богат А.П. Работница и крестьянка в Красной армии. М.; Л., 1928.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 30.

В тексте заметно влияние мужского военного опыта как канонического образца героизма. Автор стремится доказать способность и желание женщин участвовать в войне наравне с мужчинами: «Все так и рвались в бой за рабочую власть. Где был мужчина, там была и женщина»; «Белогвардейцы знали, что женщина-пролетарка не менее опасна, чем боец Красной армии»; «Были среди них и женщины-командиры, которых не отличишь от сотни других командиров. Грубый и властный голос, жесткая дисциплина, решимость и воля командира. Таковы были они на фронте»²² и т.д. Примечательно, что в это время еще можно было избегать поголовной демонизации противников большевиков: «В одном из боев белые захватили ее в плен. “Меня били розгами, как собаку <...> Немного я отлежалась и при помощи одного белогвардейца убежала и добралась до 30 дивизии»²³. Безусловно, это не общее свойство подобных текстов, но все же налицо различие, которое наблюдается в сравнении с дискурсом 1930-х гг.

В 1937 г. была издана книга, сыгравшая важную роль в героизации женщин-ветеранов, – «Женщина в Гражданской войне»²⁴, для которой привлекались воспоминания членов северокавказского отделения землячества фронтовичек, возникшего в первой половине 1930-х гг. Здесь мы сошлемся на более полный обзор этой публикации, осуществленный Дж.Г. Хартзок. Она показывает, как участие А.М. Горького отразилось на редакции мемуарных текстов, ставших менее сентиментальными²⁵. Для настоящей статьи важно, что в конце 1920-х гг. комбатантки только начинают полноценно включаться в героический нарратив о Гражданской войне, что свидетельствует о начале персонификации их героизма в общественном дискурсе.

Мы видим в запуске этого процесса особую роль юбилейных награждений. Так, в связи с десятилетием РККА в 1928 г. произошло массовое вручение наград за подвиги 1918–1923 гг. Орден Красного Знамени тогда получили несколько десятков женщин²⁶. В этот же год появляется книга А.П. Богат, что, должно быть, придало актуальность изданию. Показательно, что А.П. Богат не была «краснознаменной». Проявив себя в армии, она обрела необходимые социальные связи, что помогло ей после окончания Гражданской войны получить военное образование, а затем занять и государственные должности: «пропуск» в виде ордена для продвижения вверх по карьерной лестнице ей тогда не понадобился. 22 марта 1933 г. она была награждена орденом Ленина в связи с 20-летием Международного коммунистического женского дня²⁷, что ознаменует признание ее заслуг уже на более высоком уровне, чем если бы она получила ранее орден Красного Знамени²⁸. Для контекста полезно будет указать, что к этому юбилею орденом Ленина были также награждены Н.К. Крупская, К. Цеткин, А.М. Коллонтай, М.И. Ульянова и другие именитые революционерки²⁹.

Биография А.П. Богат является примером удачной социальной адаптации женщины – участницы Гражданской войны, не отмеченной орденом, но подтвердившей свой героический статус. И хотя таких случаев было немного, ее опыт не уникален. С армией свою жизнь связала, например, М.О. Булле (1892–1938 гг.). Участница Гражданской войны, она побывала заместителем заведующего политотделом 11-й армии С.М. Кирова, референтом по Персии в НКВД и сотрудником Народного комиссариата по делам национальностей, а затем окончила Военную академию. В 1928 г. М.О. Булле была награждена орденом Крас-

²² Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 11, 21, 24.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Женщины в Гражданской войне: Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе в 1917–1920 гг. М., 1938.

²⁵ Hartzok J.G. Children of Чарпаев... Р. 213–220.

²⁶ Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени: история учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006. С. 29.

²⁷ Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР // Известия. 1933. 23 марта. № 79.

²⁸ При этом необходимо учитывать, что в тексте приказа о награждении отмечалась не только общественная деятельность Булле, но и ее «активная работа на фронте», которая, вероятно, заменила в данном случае партийный стаж. О восприятии награждений в 1930-е гг. см.: Савин А.И. Сталинские герои... С. 101–108.

²⁹ Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР // Известия. 1933. 8 марта. № 66.

ного Знамени, а в 1929 г. присоединилась к землячеству фронтовичек. На момент ареста в 1937 г. она занимала должность исполняющего обязанности наркома здравоохранения Башкирии³⁰.

Вместе с тем необходимо сказать, что большинство комбатанток не выбрали (или не смогли выбрать) военную карьеру и не достигли подобного социального положения. Вероятно, это объясняется тем, что фронтовички были сравнительно немногочисленной социальной группой. Так, по оценкам историков, в 1920 г. общее число женщин, служащих в Красной армии, составляло около 66 тыс. человек, т.е. около 2 % всех военнослужащих³¹. Около 60 % женщин были задействованы на административно-хозяйственной и политической работе, 40 % – в качестве медицинского персонала, и лишь незначительная часть принимала участие в боевых действиях на постоянной основе³². Однако служба большинства женщин все же не была безопасной. Многим приходилось обучаться владению оружием и верховой езде, поскольку риск неожиданного столкновения с противником был слишком высок. Показательно, что из 28 женщин, награжденных орденом в 1919–1923 гг., 24 получили его формально, не будучи красноармейками. Большинство отличились оказанием медицинской помощи под огнем противника, хотя в приказе о награждении часто указывалось пространное «за отличие в бою»³³.

Заметим, что данные о награждениях за период Гражданской войны стоит оценивать критически. Несмотря на то, что «Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием»³⁴ на данный момент является наиболее полным и достоверным источником, необходимо учитывать имеющиеся погрешности. Показательным примером является случай Е.А. Осадчей, которая воевала под мужским именем Ивана Григорьевича Хаустова и под ним же числится в «Сборнике лиц...»³⁵. В ее анкете, составленной в землячестве фронтовичек, указано: «Осадчая Ефросиния – (она же Иван Хаустов) комвзвода, краснознаменка»³⁶. А.П. Богат описывает в своей работе сразу несколько случаев, когда женщины в армии выдавали себя за мужчин³⁷ – это могло отразиться и на наградной статистике.

Не учтены также утерянные орденские знаки и наградные документы. Так, согласно тем же анкетам членов землячества, А.П. Скрипай была награждена орденом в 1919 г., но затем он был утерян³⁸. При этом в анкете, заполненной ею лично, она указывает, что награждение могут подтвердить «тт. Гай, Ковтюх, Жлоба, Буденный, Саблин»³⁹ – известные военачальники, что, помимо прочего, указывает на вероятное сохранение служебных связей. Немаловажным эпизодом биографии могло быть и само представление к ордену, даже если оно не было утверждено⁴⁰. Данные эпизоды коренным образом не меняют представления о численности женщин, которые могли претендовать на статус героинь или ветеранов Гражданской войны, но позволяют уточнить характер статистики, на которую мы вынуждены опираться.

Итак, если учитывать случай Е.А. Осадчей, то всего за 1919–1923 гг. орденом Красного Знамени было награждено 27 женщин, две – за 1924–1926 гг.⁴¹ В приказе РВС СССР

³⁰ Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу... С. 16.

³¹ Алферова И.В. «Женский вопрос»... С. 232.

³² Там же.

³³ Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 95–100.

³⁴ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М., 1926.

³⁵ Там же. С. 262.

³⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 28361. Оп. 1. Д. 318. Л. 33.

³⁷ Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 22. С. 72–73.

³⁸ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 323. Л. 84–85.

³⁹ Там же. Д. 163. Л. 88.

⁴⁰ Там же. Д. 318. Л. 31. Такое упоминание содержит, например, анкета Елены Родионовой, хотя и без указания конкретных сведений.

⁴¹ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени... С. 296. Указанные временные рамки обусловлены тем, что хотя орден и был учрежден в сентябре 1918 г., за этот год награждения удостоились лишь четыре человека, среди которых не было ни одной женщины.

от 23 февраля 1928 г. № 101 числятся 32 женщины⁴². Нет точных сведений о количестве награжденных в 1927 г., хотя именно к юбилею революции также была приурочена наградная кампания. Например, за подвиги времен Гражданской войны по представлению кубанской партийной организации тогда получила орден Е. Алексеева, принимавшая активное участие в работе первых женотделов на Кубани⁴³. Таким образом, к моменту создания землячества в Советском Союзе было не менее 60 «краснознаменок». Хотя мы и не можем назвать точное количество награжденных, едва ли это сказывается на общей картине: всего за 1918–1923 гг. состоялось 14 639 награждений орденом Красного Знамени⁴⁴.

Несмотря на относительно небольшое количество краснознаменцев, государству периодически приходилось сталкиваться с социальными претензиями различных ветеранских групп. Самым известным и хорошо изученным примером являются красные партизаны, которым приходилось доказывать свой статус участника боевых действий, чтобы претендовать на общественные льготы. Через письма в так называемые «партизанские комиссии» нередко происходило лоббирование льгот и наград, а также коммуникация и конфликты внутри партизанских групп⁴⁵. Землячества ветеранов Гражданской войны при Центральном музее РККА отличались от подобных организаций. Так, формально у них отсутствовала утилитарная мотивация деятельности. Основное внимание уделялось культурно-просветительской работе: проведению просветительских мероприятий, сбору и хранению воспоминаний, подготовке публикаций о ветеранах. Также землячества ветеранов образовывались на основе единого места службы. Существовало землячество 1-й Конной армии, землячество «чапаевцев», Украинское землячество, Сибирское землячество участников Гражданской войны⁴⁶. Иногда критерием становился профессиональный признак – как у землячества художников или курсантов, или, как в случае землячества фронтовичек, гендер.

Важно учитывать политический контекст возникновения землячеств. С конца 1920-х гг. власти стали уделять значительно больше внимания идеологической роли музея РККА. Так, в мае 1927 г. управление организацией было передано под эгиду Политического управления РККА, ответственного за пропаганду в армии. Его сотрудники заявляли о недостаточном освещении роли партии и лично В.И. Ленина в Гражданской войне. Напомним, что музей был основан в 1919 г., а в 1923 г. прославился выставкой к пятилетнему юбилею армии, в которой видное место заняла экспозиция бронепоезда председателя РВСР Л.Д. Троцкого, однако музей не пользовался широкой популярностью среди военных. Новоиспеченное руководство сделало упор на новые политические экспозиции и привлечение широкого потока посетителей, сократив работу по историческим исследованиям. В конце 1929 г. к десятилетнему юбилею Первой Конной армии была открыта экспозиция, которую лично посетили И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов⁴⁷.

Таким образом, землячество фронтовичек возникло в переломный момент истории музея, когда менялся идеологическо-политический фон, что было критически важно для работы советской культурно-просветительской организации. Неслучайно организаторов чрезвычайно интересовали анкеты «краснознаменок»⁴⁸, а каждой вступавшей задавали уточняющие вопросы о причинах и обстоятельствах награждения орденом. Помимо понятного внимания к личностям женщин, отмеченных наградами, руководство музея было заинтересовано в сборе воспоминаний, которые можно было бы вписать в новые принципы построения

⁴² Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени... С. 29.

⁴³ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 77. При этом фамилия Алексеевой числится и в приказе № 101 от 23 февраля 1928 г., поэтому, вероятно, в наших подсчетах имеет место дублирование.

⁴⁴ Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»... С. 167.

⁴⁵ Бичлов О.А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. № 4. С. 16–18.

⁴⁶ См., например: Шишкин В.И. Сибирское землячество участников Гражданской войны (24 марта 1929 – 20 ноября 1936 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 77–86.

⁴⁷ Hartzok J.G. Children of Chapaev... P. 254–256.

⁴⁸ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 318. Л. 10–33.

экспозиций, а также использовать для издания книг, где роль женщины в войне была бы показана наиболее героически.

Формальной датой создания «Землячества женщин – участниц Гражданской войны» является 30 мая 1929 г., о чем Оргбюро организации сообщило через газету «Известия» 11 июня 1929 г.⁴⁹ В открытом письме Землячество приглашало «всех участниц гражданской войны (активных работниц в Красной армии, Красной гвардии и партизанских отрядах), проживающих в Москве, регистрироваться у секретаря оргбюро...»⁵⁰; проживающих в провинции просили сообщить адрес. Было также заявлено три основных направления деятельности: «1) выявление и сбор материалов (воспоминаний, фотоснимков, приказов и т.д.), по которым можно было бы восстановить и зафиксировать роль и участие женщин в гражданской войне; 2) использование материалов для организации при Центральном музее РККА специального раздела – “женщина в гражданской войне”; 3) издание брошюр, исторических исследований, монографий и т.д.»⁵¹.

Структура и принципы работы женского землячества мало чем отличались от других землячеств, создаваемых при Центральном музее РККА. Руководство последнего мотивировало создание организаций необходимостью собирать материалы для выставок⁵², а на страницах крупнейших газет периодически публиковались заметки, в которых ветеранов призывали участвовать в жизни землячеств с целью сохранения истории Гражданской войны⁵³. Формально руководители подобных объединений избирались. Как правило, ими становились те, кто во время войны командовал боевым соединением, на основании которого образовано землячество. Так, землячеством 1-й Конной армии закономерно руководил С.М. Будённый⁵⁴. Председателем землячества женщин-участниц Гражданской войны стала А.Н. Фурманова.

Мы не располагаем стенограммой организационного заседания или другими источниками, в которых обсуждалась бы кандидатура Фурмановой. Вместе с тем ее избрание (или фактическое назначение) вполне укладывается в логику функционирования ветеранской организации. После смерти Д.А. Фурманова в 1926 г. его жена готовила издания сочинений писателя, работала над пьесой по роману «Чапаев». Также известно о ее сотрудничестве с Центральным музеем РККА: в 1928 г. она передала музею личное оружие мужа и В.И. Чапаева⁵⁵. Вероятно, именно статус вдовы известного писателя, литературные навыки, а также личные связи выдвинули Фурманову на роль руководителя землячества, основной целью которого должна была стать подготовка литературных изданий о женщинах в Гражданской войне. Можно предположить, что А.П. Богат, уже опубликовавшая книгу на эту тему, была слишком занята своей работой в государственных органах, чтобы претендовать на место Фурмановой. На это указывает и тот факт, что после 1930 г.⁵⁶ не прослеживается следов публицистики Богат. По-видимому, она даже не состояла в ветеранской организации. С опорой на источники это подтверждается как минимум в отношении первых месяцев существования землячества, когда в нем насчитывалось несколько десятков человек⁵⁷. К середине декабря 1929 г. среди них было не менее 18 женщин, имевших орден или представленных к награждению⁵⁸.

⁴⁹ Письмо в редакцию // Известия. 1929. 23 мая. № 131.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Hartzok J.G. Children of Чапаев... Р. 255–256.

⁵³ Больше внимания истории гражданской войны. // Известия. 1929. № 270.

⁵⁴ Протоколы заседаний бюро землячеств участников Октябрьской революции и гражданской войны, список членов землячества 1 Конной армии // РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 706.

⁵⁵ Hartzok J.G. Children of Чапаев... Р. 258.

⁵⁶ Богат А.П. Женщины – бойцы Красной Армии. М.; Л., 1930.

⁵⁷ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 163. Л. 19–19 об. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют воссоздать целостную картину. Так, в цитируемом документе (датирован второй половиной 1929 г.) фигурирует число в 37 анкет. Здесь же на полях выполнены подсчеты карандашом: «82 – 37 = 45». Вероятно, могли иметься в виду женщины, подавшие заявку на вступление в землячество.

⁵⁸ Там же. Д. 323. Л. 25–189.

Воспоминания собирались руководством землячества не только посредством проведения встреч ветеранов. Коллекционировались и более ранние материалы об участницах Гражданской войны. Так, в архивном деле сохранены мемуары сослуживцев известной революционерки Е.Б. Бош, написанные в формате некрологов после ее смерти в январе 1925 г.⁵⁹ Посредством писем происходила заочная коммуникация с теми, кто не проживал в Москве, а московские члены землячества, помимо публичных выступлений, также предоставляли свои мемуары в виде автобиографий.

Хотя участницы Гражданской войны были склонны по-разному расставлять акценты в своих воспоминаниях, описание собственных, а также коллективных подвигов занимало значимое место практически в каждом тексте. Часто это выражалось в том, что женщины говорили как бы от лица некоей группы, пытаясь вслед за официальном дискурсом показать «роль женщины» в войне. С этого же начала свой рассказ одна из ветеранов: «Здесь я должна отметить роль женщин в отряде. Они все время шли в передовой цепи, наравне с мужчинами, ни на шаг не отступая, тут же на месте оказывая помощь и вынося каждого раненого с поля битвы»⁶⁰. Другая – Мария Алексеева, работавшая в подполье, – указывала, что они с подругой «проклинали природу, не усмотревшую при создании женщины ее участия в гражданской войне и обидевшую физическую силу»⁶¹.

Описание собственных подвигов было характерно в большей мере для заранее подготовленных текстов и особенно в случае заочной коммуникации мемуаристов с землячеством. Показательным здесь является автобиография партизанки Т.Ф. Васютиной. Подробно описав свой революционный и боевой путь, она заявляла: «...была представлена к награде и в ту же ночь опять ушли мы в бой. *Здесь никогда не думала о наградах*»⁶². Вместе с тем Васютина использовала особую эмоциональную риторику, чтобы подчеркнуть личные заслуги: «Все время даже не думала о своей личной жизни и своих детях <...>, посвятила свою жизнь на дело рабочего класса[за О]ктябрьскую революцию. Не щадила своей жизни и с[и]лы, боролась всем своим существом <...>. Теперь больной тяжело об этом вспоминать»⁶³. Ее старшая дочь «после пережитого» (ранее в тексте намекалось на ее изнасилование белыми офицерами) умерла в 1928 г., средняя болела туберкулезом. Как следует со слов Васютиной, она не имела «никакой помощи в лечении, ее исключили из техникума по болезни и прислали мне»⁶⁴. Младшая дочь «уже фактически инвалид», а на иждивении у бывшей партизанки был также мальчик десяти лет, оставшийся без родителей, погибших во время войны.

Примечательно, что данный печатный текст был изначально озаглавлен как «Докладная записка. В Реввоенсовет», эта часть названия перечеркнута редактором – «автобиография участницы гражданской войны красно-гвардейской партизанки Васютиной...». Вероятно, этот документ изначально был направлен в несколько инстанций, в том числе в землячество (фамилии Васютиной нет в списке анкет), где его решили сохранить. Текст имеет отчетливые контуры «письма во власть»: сообщения, рассчитанного на решение социальных проблем с помощью обращения в государственные инстанции. Если наше предположение верно, то показательным, что «властью» – инстанцией – в этом случае выступает в том числе землячество.

Аналогичная риторика прослеживается в рукописных воспоминаниях А.П. Скрипай (выше мы ссылались на случай утери ею ордена). Во время переезда у нее были украдены документы и орден: «И до сих пор я не могу восстановить его»⁶⁵. Из анкеты мы также знаем, что она была безработной с 1925 г., проживала в Сочи, а основная ее деятельность была связана с Осоавиахимом. И хотя здесь нет прямого «выпрашивания» ордена, используемая

⁵⁹ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 22–23.

⁶⁰ Там же. Л. 3–4. Автор воспоминаний неизвестен.

⁶¹ Там же. Д. 323. Л. 6.

⁶² Там же. Д. 163. Л. 230.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 84.

риторика подразумевает, что в отношении героини была допущена несправедливость. Вступая в землячество, она, должно быть, рассчитывала на помощь в восстановлении ордена и возобновлении важных социальных связей.

Еще одна формы работы землячества – вечера воспоминаний, в свою очередь вряд ли располагавшие к предъявлению подобных «претензий». Более того, некоторые женщины вовсе не рассказывали об обстоятельствах своего награждения, в связи с чем организаторам мероприятия приходилось спрашивать их об этом несколько раз⁶⁶. Содержание стенограмм в большей мере приоткрывает нам пространство частной рефлексии, где нарратор субъективно расставляет ключевые акценты. Перечисление запоминающихся событий фронтовой жизни и революционного пути было стандартной формой повествования, поэтому все так или иначе затрагивали «героическую сторону» войны. Некоторые уделяли меньше внимания идеологической составляющей, стараясь в первую очередь передать свои собственные впечатления.

Так, рассказ «краснознаменки» З.П. Патрикеевой – санитарки 65-го кавалерийского полка Первой Конной армии – наполнен подобными сюжетами: она учится стрелять из пулемета, взрывает мост, берет пленного и т.п.⁶⁷ Лишь в конце она буквально в нескольких фразах указывает на проблемы со здоровьем и тяжелое материальное положение: «Сама я ткачиха. Работала на ткацкой фабрике на 4-х станках. Теперь снята с работы, потому что стоять долго не могу и переведена на инвалидность. Работала с 12-ти лет»⁶⁸. При этом она лишь мельком упоминает, что ей был вручен орден. Рассказ также насыщен описанием «непарадной» стороны войны, особенно ранений: «В это время ко мне подошел поляк и выстрелил мне в половые части, где я и была тяжело ранена. Я была ранена в неловкое место и меня всегда дразнили <...> Когда я попала к полякам, меня избивали где только можно было, у меня на всем теле есть следы»⁶⁹. Представляется, что сама возможность обращения к подобным сюжетам требовала нахождения в особом сообществе (или в особой обстановке), допускающем эмоциональную открытость участников.

Яркой иллюстрацией этого тезиса являются воспоминания красноармейки Марии Поповой. С ее награждением был связан эпизод, «о котором не хотелось бы рассказывать»: ей пришлось расстрелять двух красноармейцев, чтобы остановить бегство вверенного ей полка. За успешное выполнение задания она получила орден. Здесь важно процитировать источник: «Для меня это очень трудный момент, что пришлось двух товарищей убить. Когда я вывела полк, <...> было приписано всем красноармейцам, <...> чтобы я осталась командиром полка. Но я никак не могла, потому что ни черта не понимала. За это я получила орден Красного Знамени»⁷⁰. Эта ситуация не стала препятствием для сохранения в памяти других событий. Ценным воспоминанием для Поповой было награждение часами лично В.И. Чапаевым, которые тот вручил ей, сняв со своей руки: «Эти часы я все время берегла»⁷¹. Вместе с тем не каждая участница войны была открыта к подобного рода рефлексии. Личные истории могли быть представлены всего несколькими предложениями: «Большой трагедией для меня в то время было еще и то, что у меня на Украине убили 2-х детей, закололи штыками и бросили в реку. Вот и вся моя фронтовая работа»⁷².

Рассмотренные воспоминания образуют фрагментированную и неоднозначную картину событий. С одной стороны, это вызвано ограниченным количеством привлеченных источников и выбором короткого хронологического промежутка. Вместе с тем данный период является особым временем, изменившим положение ветеранов в раннесоветском обществе. О.М. Морозова отмечает, что активизация процесса создания официальной истории Граж-

⁶⁶ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 113, 117.

⁶⁷ Там же. Д. 315. Л. 2.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 2–3.

⁷⁰ Там же. Д. 316. Л. 12. Нам не удалось найти документального подтверждения этого награждения – вероятно, имело место представление к ордену или же он был утерян.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Д. 308. Л. 15. Автор воспоминаний неизвестен.

данской войны серьезным образом отразилась на частных версиях прошлого. Собственный опыт либо трансформировался в процессе интериоризации главенствующего нарратива, либо подвергался маргинализации⁷³.

Следуя данной интерпретации, мы трактуем мемуарные тексты женщин – членов «Землячества женщин – участниц Гражданской войны» как свидетельство одного из важных этапов этого разлома. Женщины использовали язык описания войны, который отражал как героические нарративы, присущие официальной пропаганде, так и более личные переживания, связанные с эмоциональными травмами и потерями. Вряд ли единственным объяснением этого является разочарование в идеалах борьбы, к чему склоняется О.М. Морозова. Эти тексты зачастую балансировали между попыткой вписать свой опыт в каноническую историю войны и потребностью выразить собственное, нередко сложное послевоенное существование. Героическое прошлое женщин оказывалось недостаточным ресурсом для преодоления новых жизненных вызовов, в связи чем эмоциональная переработка этого прошлого становилась насущной потребностью, составной частью реинтеграции в общество, в котором происходило смещение привычных ориентиров.

Различные обстоятельства подталкивали бывших фронтовичек обращаться к ветеранскому сообществу, в том числе стремление подтвердить свой героический статус и привлечь внимание к собственным социальным проблемам. Вместе с тем в рассмотренных текстах отмеченные орденом женщины далеко не всегда обнаруживали стремление использовать награду в качестве особого символического капитала. Трудно проверить, насколько это объясняется характерной для нэпа атмосферой дегероизации. Как мы увидели на примерах А.П. Богат и М.О. Булле, орден играл менее важную роль, чем служебные и личные связи. Кажется, что для женщин выбор карьеры военного был более рискованной социальной стратегией, нежели для мужчин, а для кого-то и вовсе не был возможен ввиду проблем со здоровьем. В этих условиях прошлое оказывалось двойственным активом, делая награду символом, не всегда конвертируемым в реальную социальную мобильность.

Вероятно, дальнейшие исследования помогут обстоятельнее изучить историю землячества, однако имеющиеся материалы позволяют уже сейчас уточнить представления о социальной адаптации комбатанток. Использование их воспоминаний для создания официальной истории само по себе превращало их ветеранский статус в потенциальный социальный ресурс, который не только мог быть использован в будущем, но и сохранил культурную и социальную значимость в кругах, близких к власти. Не последнюю роль в этом играли гендер, личные связи и готовность к рефлексивной работе с собственным прошлым.

Литература

Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск: Курсив, 2011. 352 с.

Бичилов О.А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. № 4. С. 15–19.

Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени: история учреждения награды и эволюция орденового знака М.: Collector's Books, 2006. 223 с.

Минаева О.Д. Образ героини Гражданской войны в советских журналах для женщин (1920–1930 гг.) // Меди@льманах. 2013. № 3 (56). С. 21–28.

Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.

Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 8–30.

Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»: советский героизм как социальный трамплин (1920–1930-е годы) // ЭКО. 2014. № 12 (486). С. 159–171.

⁷³ Морозова О.М. Два акта... С. 337.

Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 100–101.

Савин А.И. Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 101–108.

Шишкин В.И. Сибирское землячество участников Гражданской войны (24 марта 1929 – 20 ноября 1936 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 77–86.

Hartzok J.G. Children of Чapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa, 2009. 312 p.

References

Alferova, I.V. (2011). “Zhenskiy vopros” v teorii i praktike bolshevizma [“The Woman Question” in Bolshevik Theory and Practice]. Bryansk, Kursiv. 352 p.

Bichilov, O.A. (2012). Sotsial’naya adaptatsiya “krasnykh partizan” Osetii posle Grazhdanskoy voyny [Social Adaptation of “Red Partisans” in Ossetia after the Civil War]. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. No. 4, pp. 15–19.

Durov, V.A., Strelkov, N.N. (2006). *Orden Krasnogo Znameni: istoriya uchrezhdeniya nagrody i evolyutsiya ordenskogo znaka* [Order of the Red Banner: History of the Award and Evolution of the Order’s Badge]. Moscow, Collector’s Books. 223 p.

Hartzok, J.G. (2009) *Children of Чapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa. 312 p.

Minaeva, O.D. (2013). Obraz geroini Grazhdanskoy voyny v sovetskikh zhurnalakh dlya zhenshchin (1920–1930 gg.) [The Image of the Civil War Heroine in Soviet Women’s Magazines (1920–1930s)]. In *Medi@l’manakh*. No. 3 (56), pp. 21–28.

Morozova, O.M. (2010). *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost’ veteranov Grazhdanskoy voyny* [Two Acts of Drama: The Wartime Past and Postwar Everyday Life of Civil War Veterans]. Rostov na Donu, YuNTs RAN. 360 p.

Morozova, O.M., Troshina, T.I. (2016). Zhenskiy vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna glazami i v sud’bah zhenshchin [Woman’s View at Men’s Work: The Revolution and the Civil War through the Eyes of Women and Through Their Fates]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 2 (16), pp. 8–30.

Savin, A.I. (2014). “Strana dolzhna znat’ svoikh geroev”: sovetskiy geroizm kak sotsial’nyy trampolin (1920–1930-e gody) [“The Country Must Know Its Heroes”: Soviet Heroism as a Social Springboard (1920–1930s)]. In *EKO*. No. 12 (486), pp. 159–171.

Savin, A.I. (2020). Stalinskie geroi v zerkale ego-dokumentov 1930-kh gg. [Stalin’s Heroes in the Reflection of the 1930s Ego-Documents]. In *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (69), pp. 101–108.

Savin, A.I. (2020). Geroizm kak ideologicheskiy kontsept stalinskoy epokhi [Heroism as an Ideological Concept of Stalin’s Era]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (55), pp. 100–101.

Shishkin, V.I. (2023). Sibirskoe zemlyachestvo uchastnikov Grazhdanskoy voyny (24 marta 1929 – 20 noyabrya 1936 g.) [Community of the Civil War Participants in Siberia (March 24, 1929 – End of 1934)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 30, No. 4, pp. 77–86.

А.Г. Тепляков*

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛЖЕГЕРОИ:
ПРАКТИКИ САМОЗВАНЧЕСТВА СРЕДИ НОМЕНКЛАТУРЫ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-Х ГОДАХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-14
УДК 94(47+57) "1920/1930"*Выходные данные для цитирования:**Тепляков А.Г. Революционные лжегерои: практики самозванчества среди номенклатуры Сибири и Дальнего Востока в 1920–1930-х годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 201–214. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-14.pdf>*

A.G. Teplyakov*

**REVOLUTIONARY FALSE HEROES:
IMPOSTOR PRACTICES AMONG THE NOMENCLATURE
OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN 1920–1930S****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-14

*How to cite:**Teplyakov A.G. Revolutionary False Heroes: Impostor Practices Among the Nomenclature of Siberia and the Far East in 1920–1930s // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 201–214. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-14.pdf>]*

Abstract. The article, based primarily on archival materials, analyzes the practices of attributing revolutionary merit to persons who made a nomenclatura career in the post-revolutionary period. In the early Soviet period, fictitious biographies saved people of “alien” origin, hiding traces of compromising episodes and forming a correct “heroic” biography, the most demanded by the era. In the east of Russia in the nomenclature there was a noticeable layer of former Red partisans, who often fought not so much against the Whites and invaders, but rather engaged in looting of the population and social cleansing. For the party-state authorities, the problem of identifying those numerous communists who, with the help of forgery, secured their initial authority and subsequent prosperous existence in the rank of honored revolutionary, underground fighter, and partisan was of great importance. A certain matrix of reactions to exposures of false heroes was formed, with a hierarchy of the severity of misdemeanors. Exposing people without a revolutionary past or who attributed their achievements and exploits to themselves was a common practice, which became especially relevant during the purges of the ruling apparatus. But even after the terror of the 1930s, the Party retained many people with fictitious biographies who remained in the rank of privileged fighters for Soviet power.

Keywords: nomenclature, imposture, false heroes, party control, revelations, VChK-OGPU, V.K. Blucher, I.P. Shevchuk.

The article has been received by the editor on 25.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Георгиевич Тепляков**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Alexey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors” (FWZM-2024-0008).

Аннотация. Статья, построенная преимущественно на архивных материалах, анализирует практики присвоения революционных заслуг лицами, сделавшими в послереволюционный период номенклатурную карьеру. В ранний советский период вымышленные биографии спасали людей «чуждого» происхождения, скрывая следы компрометирующих эпизодов и формируя правильную «героическую» биографию, наиболее востребованную эпохой. На востоке России в номенклатуре была заметна прослойка бывших красных партизан, нередко боровшихся не столько с белыми и интервентами, сколько занимавшихся грабежами населения и социальными чистками. Для партийно-государственной власти была актуальна проблема выявления тех многочисленных коммунистов, кто с помощью подлогов обеспечил себе начальный авторитет и последующее благополучное существование в ранге заслуженного революционера, подпольщика, партизана. Сложилась и определенная матрица реагирования на разоблачения лжегероев с иерархией тяжести проступков. Разоблачение людей без революционного прошлого либо приписавших себе достижения и подвиги было распространенной практикой, приобретающей особую актуальность в периоды проведения чисток правящего аппарата. Но даже после чисток 1930-х гг. в партии сохранилось немало людей с вымышленными биографиями, которые остались в ранге привилегированных борцов за советскую власть.

Ключевые слова: номенклатура, самозванчество, ложные герои, партийный контроль, разоблачения, ВЧК-ОГПУ, В.К. Блюхер, И.П. Шевчук.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.

Все социальные перевороты открывают широкие возможности перед искателями приключений и авантюристами. Давно известно, что подобные лица могут примерять на себя самые разнообразные личины. Самозванцев мирских и религиозных объединяет ложная самоидентификация, основанная на иллюзиях и химерах. Свою вымышленную биографию они подкрепляют признанием со стороны очевидцев и авторитетных лиц, поддержанием специфической социально-психологической обстановки, самоубеждением и талантливым актерством.

Феномену самозванчества в дореволюционной российской истории посвящен целый ряд работ¹. Российская революция 1917 г. и Гражданская война породили целую плеяду самозванцев. Только на Урале известны около 20 самозванцев, большей частью «Романовых», действовавших вплоть до начала 1950-х гг.² Однако самозванчество далеко не ограничивалось членами царской семьи. Подобные персонажи добавляли своеобразный колорит в картину советской повседневности³. Изучению целого коллектива самозванцев поздней сталинской эпохи посвятил свою монографию О.В. Хлевнюк⁴. И все же расцвет «советского» самозванчества пришелся на два первых советских десятилетия. В ранний советский период вымышленные биографии спасали людей «чуждого» происхождения, скрывая следы компрометирующих эпизодов и формируя правильную «героическую» биографию, наиболее востребованную эпохой. Здесь перемешивалось желание уцелеть с надеждой занять привилегированное начальственное положение.

¹ Мильников А.С. Испытание чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991; Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997; Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков: в 3 ч. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 70–73.

² Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск, 2000–2002. Ч. 1–2; Кто Вы, госпожа Чайковская? К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов. Екатеринбург, 2014. 252 с.

³ См., например: Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: Советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2008. Особенно см. главу: «Наследники Хлестакова: Самозванцы нового времени».

⁴ Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

В настоящей статье мы сосредоточимся на актуальной для партийно-государственной власти проблеме выявления тех членов РКП(б)-ВКП(б), кто с помощью подлогов обеспечил себе начальный авторитет и последующее благополучное существование в ранге заслуженного революционера, подпольщика, партизана. Разоблачение подобных самозванцев – расхожая практика, приобретающая особую актуальность в периоды проведения чисток аппарата, хотя эффективность их была относительна. Сложилась и определенная матрица реагирования на подобные разоблачения с иерархией тяжести проступков.

Ш. Фицпатрик отмечает, что «в революционных условиях всегда крайне важно разоблачать самозванцев, прикидывающихся революционерами». При этом она отмечает тонкую грань, отделяющую «самозванство от вполне похвальной практики самоформирования или перевоплощения, которого революция требует от всех граждан страны». Советские люди быстро приобрели «привычку к утаиванию и ретушированию тех или иных фактов, неразрывно связанную с общим процессом пересотворения себя, коего требовала революция». Эта привычка стала их второй натурой, «как и противоположная привычка к разоблачению и доносительству»⁵.

По мнению Ш. Фицпатрик, советскую идентичность невозможно понять без анализа вопроса о самозванстве, которое делится на политическое (обман партии относительно своего социального или политического лица) и криминальное (когда человек притворялся другим в корыстных целях). Характерно, что законодательство межвоенного периода не считало выдачу себя за официальное лицо преступлением⁶. Начало 1920-х гг. – расцвет подобного рода мошенничества, поскольку одна из традиционных форм русского самозванства – присвоение громкого имени и титула (включая и царский) – пережила революцию и адаптировалась к советским условиям. Толпы подобных жуликов были заметны, давали хлеб журналистам и подпитывали беллетристику, но главные усилия коммунистического государства были направлены на поиск мошенников в собственной партии, посмеявшихся скрыть неподобающие детали биографии. Г.Е. Зиновьев вспоминал частую ленинскую фразу: «Изменником может быть только свой»⁷.

Важнейшим элементом революционного самозванчества было конструирование героических биографий. Практически все советские люди, а в особенности партийные и советские работники, были обязаны вновь и вновь воспроизводить, в том числе письменно, свои биографии в ходе различных партийно-государственных процедур и ритуалов. Современные исследователи отмечают, что биографии революционеров писались ими по определенному канону: обычная жизнь, потом осознание революционной правды и перелом всего существования к новой жизни, одухотворенной великой целью. Причем для оступившихся или солгавших существовал патриархальный ритуал покаяния, дававший шанс сохранить членство в партии и карьеру при условии осознания проступка и желания искупить вину⁸.

Впрочем, искушение приписывать себе героическо-революционные заслуги было настолько сильным, что в конструировании героических биографий участвовали как представители высшего эшелона партийно-советской номенклатуры, так и рядовые партийцы. Особенно широко самозванчество оказалось распространено среди участников партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, традиционно полагававших, особенно в период «дегероического нэпа», что советская власть далеко не в полной мере оценила и отметила их военно-революционные заслуги⁹.

В соответствии с канонem революционной биографии авторами подчеркивались их заслуги пропагандиста, организатора, воина-полководца, приводились примеры арестов, заключения, избиений и порок, бегства из тюрьмы или концлагеря. Резко, нередко многократно преувеличивались размеры возглавляемых героем подразделений, придумывались

⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 13, 14.

⁶ Там же. С. 29–31, 309.

⁷ Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления. М., 2024. Т. 1. С. 23.

⁸ Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.

⁹ Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. № 3. С. 56–82.

эффектные боевые эпизоды, давались огромные цифры потерь врага. Невыгодные моменты скрывала фигура умолчания. Так, знаменитый партизан И.В. Громов (Мамонов) свое дезертирство из отряда Петра Сухова прикрыл словами о том, что он с несколькими товарищами отстал от отряда. Красногвардейский комиссар Ю.Г. Циркунов, бросивший в одном из сел под Каинском отряд интернационалистов, утверждал, что случайно разминулся с ним и потом не смог догнать¹⁰. Нередким явлением было постепенное добавление героических эпизодов в более поздние биографии либо, напротив, убирание каких-то особо неправдоподобных эпизодов. Подобные разночтения позволяли партийным и чекистским надсмотрщикам выявлять многих сочинителей, чему помогало обилие доносов, часто достаточно содержательных и убедительных.

Главным источником для написания статьи послужили документы партийно-государственных архивов, от местных контрольных комиссий до Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а также фонды органов ВЧК-НКВД, включая следственные дела коммунистов. Кроме того, были использованы мемуары революционеров, в том числе всевозможные заявления, жалобы и объяснения тех лиц, в отношении которых возникало подозрение в придумывании героических эпизодов собственной биографии.

Очень характерно, что героическую биографию храброго солдата Первой мировой войны и революционера-агитатора сочинил себе знаменитый красный партизан, будущий маршал РККА В.К. Блюхер. Изучение документов, предпринятое как пристрастными следователями НКВД в 1938 г., так и современными исследователями, показало, что Блюхер был совершенно обыкновенным солдатом Первой мировой войны, которых Россия миллионами посылала на фронт. Он побывал в единственном бою, в чинах не повышался, а тяжелое ранение получил не в столкновении с врагом, а при артобстреле окопов своего подразделения. Не участвовал Блюхер и в революционном подполье, а был сожителем купчихи, посылавшей ему на фронт небольшие суммы¹¹. В то же время в Блюхере была особая жилка волевого и жесткого командира-революционера, харизматичного таланта и храбреца с прагматичным нестандартным мышлением. Эти качества в полной мере были востребованы в Гражданскую войну и позволили Блюхеру стать одним из ее символов. Как активная и успешная личность, Блюхер родился именно в боях Гражданской войны, но при этом двадцать лет подряд воспроизводил выдуманную версию своей ранней биографии.

Блюхер был не одинок среди номенклатурных деятелей, которые, удлиняя свой партийный стаж и приписывая себе революционные заслуги, превращались в старых большевиков. Одним из них был А.И. Седельников (Пучкарев) (1894 – 7 октября 1938), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. Седельников родился в деревне Высокое под Оршей, жил в Сибири с 1909 г., был чернорабочим, с 1915 г. служил в армии, в 1917 г. выбран в Петропавловский совет. С ноября 1917 г. – комиссар промышленности и торговли Петропавловского уезда Тобольской губернии, заместитель продкомиссара, в июне 1918 г. записался в большевики¹². После белочешского переворота был арестован и отправлен в Омск, но вскоре освобожден. В начале августа 1918 г. нелегально пробрался в Омск, снова был арестован и отправлен в концлагерь, откуда бежал в марте следующего года. Согласно официальной биографии, Седельников организовывал в 1919 г. партизанские отряды. В конце 1919 г. он стал членом бюро Тюменского губкома РКП(б) и начальником коммунистического отряда особого назначения. Затем был комиссаром полка на польском фронте, вел партийную работу и в 1926 г. получил должность инструктора организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б).

С 1930 г. Седельников работал секретарем Тульского окружкома и горкома ВКП(б), одновременно являясь членом Московского комитета партии, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом ВЦИК и ЦИК СССР. Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)

¹⁰ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710. Л. 68–76.

¹¹ Великанов Н.Т. Блюхер. М., 2010. С. 5–19.

¹² Филиппов С.Г. Руководители центральных органов ВКП(б) в 1934–1939 гг.: Справочник. М., 2018. С. 552–553.

11 апреля 1935 г. вынесло Седельникову строгий выговор за ряд ложных сведений в автобиографии: изменив год рождения на 1890, он приписал себе революционные заслуги и стаж в большевистской партии с 1914 г. вместо 1918 г.¹³ Но в составе ЦК партии его оставили. В июне 1937 г. Седельников арестован как «враг народа» и затем расстрелян.

В начале 1930-х гг. был разоблачен еще один лжепартизан – Ф.М. Скрипко (1899–1972), который, дезертировав из армии Колчака, где служил телефонистом, долгое время скрывался, а отнюдь не партизанил. Зато сразу же после прихода красных Скрипко записался в партию и пошел работать в ЧК, сочинил себе героическую революционную биографию и дорос до постов начальника Барнаульского окротдела ОГПУ, Сибирского краевого административного отдела и краевой милиции Западной Сибири. В 1932 г. Скрипко разоблачили, он был уволен из ОГПУ с лишением наград, а два года спустя исключен из ВКП(б) за сокрытие происхождения и приписывание себе революционных заслуг. Тем не менее впоследствии Скрипко был восстановлен в партии и вернулся в номенклатуру среднего уровня¹⁴.

Поддельвала свидетельства о собственном героическом прошлом во время гражданской войны в Кузбассе и А.Н. Геласимова. Автор известных воспоминаний, она выдавала себя за подпольщицу и десятилетиями выпускала об этом мемуарные книги. В одном из мемуарных очерков Геласимова упоенно фантазировала, как в октябре 1919 г. при атаке на село Крапивино командовавший отрядом Г.Д. Шувалов-Иванов был ранен и атаку возглавила она, а когда пулеметчик убил ее вороного, упав с коня, она потеряла сознание, но сразу же очнулась и побежала на белых с криками «За Советы, товарищи! Вперед!». Разумеется, ее героический порыв увлек партизан: «За мной слышался топот массы людей»¹⁵. На деле Геласимова просто скрывалась от белых и до конца 1919 г. была сельской учительницей в кузбасской провинции. И только на пике партизанских успехов, буквально на несколько дней, заняла место комиссара в отряде В.П. Шевелева-Лубкова. В архивных документах сохранился протест рядовых партизан бывшей Томской губернии по поводу того, что Геласимова называла себя, а не Шевелева-Лубкова организатором партизанского движения в Щегловском, Кузнецком и Мариинском уездах, тогда как на деле до декабря 1919 г. и она, и ее муж П.Ф. Федорец, будущий секретарь правительства ДВР, в партизанском движении не участвовали, отчего «Федорца и Геласимову массы не знали»¹⁶.

Гораздо труднее приходилось тем партийцам, в отношении которых «всплывали» документы, позволявшие обвинять их в предательстве не только идеалов, но и конкретных людей. Известно, что в 1920-х гг. чекисты предоставили И.В. Сталину компрометирующие материалы о недостойном поведении перед царскими следователями – выдача товарищей и подача прошений о помиловании – членов Политбюро М.И. Калинина и Я.Э. Рудзутака. Эти документы остались в архиве, в ответ Сталин получил полную лояльность означенных лиц¹⁷. Зато в случае с главой Красноярского окрисполкома и членом ВЦИК В.В. Полюдовым, арестованным в июле 1929 г. после обнаружения его заявления о желании служить в особом отделе при Всероссийском правительстве Колчака, вождем санкционировал уголовное преследование. Это заявление от 29 октября 1919 г., которое председатель Павлодарского совета казачьих депутатов Полюдов написал после ареста, стоило ему приговора в 10 лет заключения в Соловецком концлагере¹⁸. Красноярская «Деревенская газета» сообщила 14 августа 1929 г. под крупным заголовком на третьей странице: «Полюдов оказался предателем», приводя решение СибКК ВКП(б) о его исключении из партии. Судя по этой статье, Полюдов с 1918 г. сидел в Омском концлагере, был белым контрразведчиком и «будет сурово наказан за обман советской власти и партии». Дальнейшая судьба Полюдова неизвестна до сих пор.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 49. Л. 25, 30–37.

¹⁴ Там же. Д. 99. Л. 2, 3; Д. 151. Л. 134; Д. 405. Л. 70; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 279. Л. 188; Оп. 7. Д. 579. Л. 759.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1121. Л. 45.

¹⁶ Там же. Д. 1350. Л. 1.

¹⁷ Советское руководство. Переписка. 1928–1941: сб. док-тов. М., 1999. С. 9–10.

¹⁸ Тепляков А. Невычищенные // Родина. 2002. № 6. С. 56.

Еще один видный член Коммунистической партии в Сибири – Кузьма Галето превратил факт своего освобождения из «белого плена» в героический побег. В 1918 г. Галето был председателем отдела почт, телеграфа и железных дорог Семипалатинского обрисполкома, затем оказался в плену у атамана Б.В. Анненкова. В итоге он был освобожден не то как безвредный штатский, не то как осведомитель. Сначала Галето утверждал, что его взяли на поруки родственники и земляки – это был распространенный способ избежать ответственности при белых, ибо проверок поручительства обычно не проводилось. В поздних анкетах он уже смело писал о своем побеге из «вагона смерти». Большой террор позволил Галето стать секретарем райкома, а затем вторым секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) и депутатом Верховного Совета РСФСР. С этой должности Галето был снят в октябре 1939 г. после доноса о неблаговидном поведении после ареста в 1918 г. Но проверка не нашла данных, подтверждавших обвинение в провокаторской работе, а бывшая жена показала, что ради освобождения мужа вступила в интимную связь сначала с адъютантом Анненкова, а затем и с самим атаманом. В итоге К.К. Галето отделался строгим выговором, но в номенклатуру уже не вернулся¹⁹.

Сомнительные факты в своей биографии активно ретушировал участник революционного движения в Сибири К.Т. Лагошный. В июне 1918 г., предвидя падение красных, заместитель председателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией Иркутского губисполкома анархист Лагошный вручил поддельное удостоверение личности поручику Фокину со словами: «Скоро Советы совсем слетят, тогда выручайте меня». Также Лагошный не дал хода откровенным показаниям арестованного заговорщика – полковника Б.П. Иванова. Пойманный белыми вместе с председателем Сибирской ЧК И.С. Постоловским, Лагошный отделался двухмесячным заключением, после чего был отправлен в ссылку, в то время как Постоловского казнили. Позднее Лагошный уверял, что бежал из тюрьмы и смог организовать партизанский отряд в Кустанайском уезде. Затем он занимал крупные должности в органах Военного контроля в Верхнеудинске и заведовал Прибайкальской областной милицией. В 1930-е гг. его неоднократно пытались разоблачить как приспособленца, но Лагошный смог удержаться на небольших должностях в Москве. Там он был арестован 24 июня 1941 г. за «пораженческую агитацию» и два года спустя умер в Омской тюрьме²⁰.

Сослуживцем Лагошного был будущий писатель И.М. Новокшенов, автор знаменитой повести «Потомок Чингисхана». Новокшенов фактически полностью сочинил себе героическую красногвардейско-партизанскую биографию. На самом деле за ним числилось и дезертирство из Красной гвардии перед боями в Иркутске с юнкерами в декабре 1917 г., и мошенничество с изъятыми наркотиками сразу после зачисления в Иркутскую ЧК, и освобождение из тюрьмы после покаянного письма белым властям, и создание партизанского отряда из дезертиров, которые не вели боевых действий, а прятались в тайге. Далее была служба в Народно-революционной армии и Госполитохране ДВР, работа членом коллегии Сибирской окружной транспортной ЧК и отдача под суд в Омске в 1921 г. за пьянство при расстреле с последующим исключением из партии²¹. Причины его ареста в 1937 г. на Урале неизвестны и поныне, поэтому вполне возможно, что эти страницы биографии Новокшенова так и остались в тайне.

Утаивание компрометирующих материалов расценивалось не только как тяжкое преступление перед партией, но и каралось в уголовном порядке. В Уголовном кодексе 1926 г. имела статья № 169, наказывавшая лагерным сроком сокрытие социального происхождения. Впрочем, далеко не все проступки нуждались в сокрытии или «перелицовке» в героические деяния. Так, в партийно-государственной номенклатуре было много личностей, чье криминальное прошлое не было секретом с революционных времен и не мешало делать карьеру. Тем более что экспроприации и вымогательство средств на пополнение

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск, 2022. С. 41–42, 120; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 403. Л. 19–20.

²¹ Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири... С. 125–128; Государственный архив Омской обл. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 61 об.

партийной кассы, равно как и убийства чиновников и военных старого режима, а также и полицейских осведомителей не считались криминалом в партийной среде. Например, фальшивомонетчик Ф.Н. Мухин, также дважды сидевший за денежные подлоги, в конце 1917 г. был официально прощен своими товарищами по революционной борьбе и возглавил Амурскую область²², проявив себя волевым лидером.

Реальные заслуги перед советской властью позволяли «обнулять» не только бытовые проступки, но и уголовные преступления. Здесь показательна судьба коменданта Петрограда В.С. Шатова, одного из видных анархистов, который сначала арестовывался за пьяный дебош, а потом за дискредитацию власти, но был освобожден по ходатайству Сталина перед Политбюро как герой обороны Петрограда от войск Юденича. Шатов был отправлен сначала в Омск, а потом в Верхнеудинск и Читу, став одной из ключевых фигур во всей системе власти Дальневосточной Республики. При этом чекисты Петрограда продолжали числить его среди лиц, проходивших по делу о разгульной жизни в голодавшем городе. Интересно, что Шатов демонстративно оставался анархистом, а впоследствии, выйдя из партии, не вступил в ВКП(б) даже будучи начальником строительства Турксиба²³.

Среди активных подпольщиков Черемховской организации в Иркутской губернии в 1919 г. был И.С. Пестун, впоследствии член штаба партизанского отряда Л. Табакова. В начале 1930-х гг. этот бывший участник штурма Зимнего дворца работал председателем районной контрольной комиссии ВКП(б) в Иркутске и обвинялся членами Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в сокрытии уголовного прошлого. Выяснилось, что в январе 1908 г. Игнатий Пестун, выдававший себя впоследствии за десятника боевой дружины в Петербурге (в конце 1905 г.), был осужден Петербургским окружным судом к смертной казни, замененной 20 годами каторги, «за разбойное нападение с целью ограбления частной квартиры» и вооруженное сопротивление при задержании и до 1917 г. находился в заключении. Также его обвиняли в подаче «прошения на высочайшее имя» о помиловании. Советские власти ограничились снятием Пестуна с ответственной работы, он также остался в партии, получив строгий выговор за сокрытие щекотливых моментов своего прошлого²⁴.

В некоторых случаях судимость за уголовные преступления, выдаваемая потом за политические, сходила с рук, вероятно, благодаря личным связям и покровителям. Отец начальника Одесского УНКВД С.И. Гапонова, таганрогский подпольщик И.Г. Гапонов, член РСДРП с 1903 г., был осужден в марте 1911 г. Временным военным судом в Новочеркасске к пожизненной каторге за групповое ограбление рудничного кассира в период военного положения в декабре 1908 г. Среди пятерых грабителей двое были членами РСДРП, обладателями партстажа с 1903 и 1905 гг. В 1930-е гг. им было достаточно заявить, что данное дело сфабриковала царская полиция, как контрольные органы ВКП(б) отказались от каких-либо претензий к этим старым революционерам²⁵.

Уголовные и революционные моменты причудливо переплелись в биографии бывшего командира партизанского отряда в Кузнецком уезде Т.Ф. Путилова-Смердина, «работавшего» там в контакте с Шевелевым-Лубковым. В 1929 г. на партийной чистке его исключили из ВКП(б) за «разложение» сельской коммуны, которой он руководил. Рассказывая о себе, Путилов счел необходимым вспомнить, что весной 1919 г. его «отрядом была сделана экспроприация крупного торговца, проживающего на заимке Черный Этап, ныне Ленинского района, Елонова Александра», причем была изъята часть имущества, «годного для отряда».

²² Шишкин В.И. Мухин Федор Никанорович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в 3 т. М., 2020. Т. 2. С. 530.

²³ Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 242; Архив управления ФСБ по СПб и Ленобласти. Д. П-9964. Т. 17. Л. 21, 22, 38, 43 об., 59–65, 135, 142–144, 204 (сведения д-ра ист. наук В.С. Измолика).

²⁴ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 939. Л. 97–97 об.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 233. Л. 1, 2.

²⁵ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей. М., 2017. С. 316–317.

Поскольку сам Елонов «куда-то скрылся», партизаны связали его жену и детей, заперли в доме и подожгли его. «Какая-то случайность дала возможность жене Елонова развязаться и развязать других и спастись от гибели», – сожалел Путилов²⁶.

В архивах сохранилось донесение управляющего Кузнецким уездом в Томск, которое подтверждает намерение Путилова сжечь купеческое семейство и приводит имена жертв. Документ описывает события в ночь на 25 мая 1919 г. – налет «банды вооруженных разбойников с красными повязками на рукавах» на заимку Черный Этап в Караканской волости – следующим образом: «Захватив здесь жителей заимки Коркина, Попугаева с женой и малолетними детьми и Елонову, разбойники связали их, положили в комнатах верхнего этажа дома Елонова, а в нижний натаскали сена, которое подожгли. Затем насильственно взяли с собой Капитона Копылова и жену вышеупомянутого Коркина, три ящика белья и граммофон <...> Обреченный на сожжение Коркин освободился <...> развязал остальных, и все благополучно выбросились из окна пылающего дома на улицу. <...> Предводитель шайки говорил, что Капитона Копылова они увозят, чтобы предать его более лютой казни, чем сожжение, а Коркину <...> как красивую молодую женщину»²⁷.

В результате отряд Путилова-Смердина из 37 человек был разоружен и распущен бойцами Шевелева-Лубкова как превратившийся в разбойничью шайку. Правда, в мемуарах Геласимовой упоминается, что Путилов-Смердин в декабре 1919 г. командовал отрядом из 30 человек, а затем и одним из полков шевелевской «армии» и в 1920 г. вступил в РКП(б)²⁸. Путилов-Смердин вскоре смог вернуть себе доверие и снова получил отряд, а его личный фонд в краеведческом музее говорит о Смердине как заметном революционном и советском деятеле. В 1930-е гг. он публиковал в районной газете мемуары, где надуманно утверждал, что руководил тремя-четырьмя сотнями бойцов, его отряд играл решающую роль в разгроме белых и был коварно обезоружен и ограблен якобы из-за отказа соединиться с шевелевцами²⁹.

В рядах небольшого отряда Шевелева-Лубкова, помимо Путилова-Смердина, числился целый ряд сомнительных персонажей, впоследствии сделавших карьеру, в том числе благодаря своим «героическим» биографиям. Член Щегловского совдепа и потомственный уголовник Григорий Мошковский, чей отец был сослан в Сибирь в возрасте 18 лет, в 1908 г. был пастухом в селе Чумай и вскоре «за попа» (избиение, ранение или ограбление священника) оказался в тюрьме, где провел три года. В 1917 г., являясь членом совдепа на Кемеровском руднике, он провернул аферу, присвоив тысячу рублей. При Колчаке скитался в тайге, воевал в отряде Шевелева-Лубкова. В 1920 г. участвовал в ликвидации белых «банд», был политруком, председателем шахткомма, начальником горной милиции, строителем, с 1930 г. занял должность управляющего коммунальным трестом Щегловска (Кемерово)³⁰.

Другой шевелевец, М.С. Федотов, старший унтер-офицер русской армии, был дважды ранен, награжден двумя крестами и медалями. С 1917 г. работал начальником угрозыска Тюменской уездно-городской милиции и являлся членом коллегии местного отдела по борьбе с контрреволюцией. В июле 1918 г. Федотов бежал из Тюмени и сначала прибил к отряду Шевелева-Лубкова, а затем, по его собственному заявлению, «утащил оружие и самостоятельно партизанил» (т.е., вероятнее всего, либо все выдумал, либо занимался грабежами) в Кузнецком и Щегловском уездах. Впоследствии Федотов дослужился до начальника отдела Якутской губЧК, за преступления в пьяном виде был уволен из ОГПУ и в 1924–1926 гг. сидел на Соловках. После освобождения его революционные заслуги помогли ему устроиться на рядовую должность в Новосибирском угрозыске³¹.

Классическим маргиналом, чья звезда взошла в лихие годы, был Никита Евдокимов – внук переселенца, сосланного в Енисейскую губернию из Поволжья за избиение исправника

²⁶ Кушникова М., Сергиенко В., Тоголев В. Страницы истории города Кемерово. Новокузнецк, 1997. Кн. 1. С. 37, 38.

²⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1523. Л. 10–10 об.

²⁸ Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М., 1967. С. 199–200; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 31.

²⁹ Путилов. Воспоминания борьбы за власть Советов // Красный Тайдон. 1934. № 129. С. 2.

³⁰ Кушникова М., Сергиенко В., Тоголев В. Страницы истории города Кемерово. 1997. Кн. 2. С. 373–374.

³¹ Ефремов М.А. 80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края, 1917–1937. Новосибирск, 2002. С. 75–76.

и священника, нарушившего тайну исповеди. Воспитывался Никита матерью (впоследствии он рассказывал: «...отца у меня совсем не было. Или, быть может, их было много»), рос деревенским «драчливым уличным мальчишкой», которого дразнили и не брали в компанию соседские ребята, презиравшие его как безотцовщину и выходца из новоселов. В 17 лет он «попал в тюрьму за избиение в своем селе блиставшего золотыми погонами <...> полицейского урядника» («<...> действием <...> и впитанной в меня ненавистью я был недоволен, стал мстить и ненавидеть»). В 1916 г., «жертвуя своим здоровьем[,] отделался от фронта <...> применяя все способы искусственной болезни», а в следующем году вместе с родственником скрылся от мобилизации Временного правительства³².

Затем Евдокимов оказался в Красной гвардии, был в подполье, арестовывался белыми, бежал осенью 1919 г. из Александровского централа, укрывался в тайге и партизанил. Знавший его по побегу партизан-тасеевец Н.П. Емельянов писал в инстанции, что Евдокимов с отрядом в 27 человек в конце 1919 г. скрывался в 25 км от села Тюхтет: «Группа эта была вооружена, но все ее геройство борьбы заключалось в том, что она частенько выезжала из тайги в ближайшия селения за изъятием продовольствия, самогона, причем это изъятие часто сопровождалось пьяным разгулом, по существу, грабежом домашних вещей вплоть до постельных подушек»³³.

Емельянов со своим отрядом разоружил эту шайку, а Евдокимова с пятью сообщниками три дня продержал под арестом. Однако уже в 1920 г. Евдокимов был назначен начальником Тюхтетской раймилиции, бывшие партизаны жаловались на его пьянство и произвол. Емельянов настоял перед боготольскими руководителями, чтобы Евдокимова выгнали из милиции. Однако тот, вероятно благодаря покровительству видных партизан, смог вернуться в правоохранительную систему: в 1924 г. он служил в угрозыске Минусинска и был арестован за злоупотребления³⁴.

Самым ярким примером конструирования героических биографий была фальсификация бывшими красными партизанами своего реального участия в боях с белыми и интервентами путем преувеличения – порой многократного – численности своих отрядов. Так, сам В.П. Шевелев-Лубков, командовавший пятью-шестью сотнями партизан, заявлял о создании под его началом 18-тысячной армии³⁵. В результате до сих пор исследователи доверяют опубликованной в 1955 г. совершенно фантастической цифре в 400 тыс. красных партизан. Но эти исторические фальсификации были совершенно безопасны для партизан, поскольку звучали в унисон с мифом о бесчисленных и героических повстанческих армиях.

Многие видные партизаны Сибири и Дальнего Востока приписывали себе истребление десятков тысяч колчаковцев, чехов и японцев, «забывая» о жертвах социальных чисток в деревне и во многих захваченных городах. В создании их героических мифов также по разным причинам принимали участие руководящие партийно-государственные органы. Так, региональные власти предпочли фактически закрыть глаза на преступления крупных отрядов И.П. Шевчука, Д.И. Бойко-Павлова и М.Е. Попко в Амурской и Приамурской областях в 1921–1922 гг., где они стали ядром красного бандитизма. Привыкшие грабить местное население партизаны фактически отказались воевать с успешно наступавшими на Хабаровск в конце 1921 г. белыми отрядами генерала В.М. Молчанова, открыто не повиновались военным властям ДВР и грабили базы снабжения Народно-Революционной армии ДВР³⁶.

Самостоятельность дальневосточных «махновцев» Бойко-Павлова, Попко и Шевчука продлилась до самого конца существования ДВР. Разрозненные группы их партизан долго

³² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 881. Л. 1–7.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ Там же. Л. 75 об. – 76 об.

³⁵ Эту цифру в 18 тыс. бойцов Шевелёв-Лубков объявил в 1930 г., вынудив мемуаристку А.Н. Геласимову отказаться от цифры в 10 тыс. в ранних мемуарах и позднее тоже писать о 18-тысячной армии «трех уездов», на деле действовавшей в границах одного района. См.: *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 442, 551; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 42; *Геласимова А.Н.* Записки подпольщицы. М., 1967.

³⁶ *Земцов В.С.* ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М., 2017. С. 210, 276; *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 13, 69, 127.

скрывались в тайге, а внушительные запасы со временем все же были частично использованы войсками ДВР: в марте-апреле 1922 г. с баз Бойко-Павлова и Шевчука вывозилось для нужд наступавшей НРА продовольствие и обмундирование, так что армия получила к 1 апреля три вагона обмундирования³⁷. В середине августа 1922 г. чекисты сообщали, что партизанские самосуды в Амурской и Приамурской областях продолжают распространяться. Общий вывод чекистов о ситуации лета 1922 г. был определенным: «Оперирующие по области остатки партизанских отрядов Бойко-Павлова, Шевчука и эсэра Руднева, при своеобразной тактической линии, занятой к ним Военсоветом, – не искоренение их, а держание, на случай использования, – поставили область перед фактом существования в области советской махновщины, как именуют себя и сами бандиты»³⁸.

Впрочем, военные и партийные покровители Шевчука не дали его в обиду. С.М. Серышев в 1923 г., сразу после скандального завершения партизанской карьеры Шевчука, уверял, что отряд последнего якобы «отличался суровой дисциплиной и спайкой», а о самом главаре сказал так: «Не совсем усвоив пути революционного движения и тактику Коммунистической партии последних двух лет, он тем не менее предан заветам Октябрьской революции и умрет на своем посту, но не покривит душой»³⁹. Бывший начальник Приамурской стрелковой дивизии А.К. Флегонтов много лет пытался донести до верхов правду о партизанских «художествах» Шевчука. В июне 1934 г. в секретариат «История Гражданской войны» поступило письмо от исполняющего обязанности начальника Центрального музея РККА П.Н. Логинова. Тот просил разобраться с заявлением Асакбаева-Якшини, бывшего партизана отряда Шевчука, на Флегонтова, так как последний написал в разные инстанции 55 рецензий якобы «демагогического, непартийного порядка» на воспоминания Шевчука. В итоге Флегонтов был обвинен в том, что называл отряд Шевчука анархистствующим и бандитским⁴⁰, а его усилия разоблачить авантюриста пошли прахом.

Что касается Д.И. Бойко-Павлова, то он настолько утратил ощущение реальности, что весной 1922 г. все-таки угодил за решетку. Пресса разъясняла точку зрения командующего войсками Восточного фронта Я.З. Покуса: «Еще недавно Бойко-Павлов за смелую, проводимую по собственной инициативе работу в тылу противника, был награжден своевременно боевыми подарками на одном из парадов. Но все заслуги Бойко-Павлова меркнут перед целым рядом преступлений, совершенных Бойко-Павловым и его помощниками, в силу чего, с болью в сердце, повинувшись законам государственности и государственного порядка, Военсовет отдал распоряжение об аресте Б.-Павлова и препровождении его в Читту, где и будет совершен над ним суд, так как он член Нарсоба⁴¹ и местному суду не подсуден. Обвинительные материалы по адресу Б.-Павлова и [М.Е.] Попко до того колоссальны, что поместить их на страницах газет не представляется возможным. Они своевременно, по окончании следствия, по частям будут опубликованы. Основные обвинения: 1. Убийства

³⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 221. Оп. 2. Д. 25. Л. 38.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 118. Л. 141.

³⁹ Серышев С. Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.; Пг., 1923. С. 84. Предсказание Серышева сбылось: в 1925 г. Шевчук был мобилизован в РККА, сделал карьеру и действительно погиб на боевом посту. В мае 1942 г. дивизия генерал-майора Шевчука приняла в составе 11-й армии участие в Демянской наступательной операции и понесла большие потери. В донесении Военного совета Северо-Западного фронта отмечалось: «Генерал-майор Шевчук <...> за преступное руководство дивизией, приведшее к невыполнению боевой задачи дивизией в течение четырех дней, по существу разваливший дивизию <...> арестован и предан суду военного трибунала». Однако трибунал, учтя революционные заслуги генерала, всего лишь понизил его в должности. Далее Шевчук был заместителем командира 241-й стрелковой дивизии 53-й армии Северо-Западного фронта. 28 октября 1942 г. отправился на рекогносцировку заминированного участка фронта у озера Селигер, подорвался на противотанковой mine и спустя два дня умер (Форум истории ВЧК ОГПУ НКВД МГБ [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.mozohin.ru/index.php/topic,2064.370.html> (дата обращения: 20.08.2024)).

⁴⁰ Быстрова О.В. «...Извините, что тревожу, но как быть?»: Переписка А.М. Горького с П.П. Постышевым // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). М., 2018. Вып. 14. С. 198, 199.

⁴¹ То есть Народногo собрания.

и грабежи с целью наживы. 2. Систематическое расхищение казенного имущества. 3. Неподчинение ни законам Пр[авительст]ва, ни приказам Военного Командования»⁴².

Но арест «авторитетов» был недолгим, а прессе не дали публиковать подробности партизанских бесчинств. Уже в мае 1922 г. на запросы военных властей Военотдел ГПО сообщал Военсовету, что содержащиеся под стражей Д.И. Бойко-Павлов и М.Е. Попко освобождены приказом директора ГПО ДВР. Судя по всему, Л.Н. Бельский постановил выслать их в РСФСР. Резолюция Блюхера от 22 мая 1922 г. на этом сообщении гласила: «Полагал бы Попко вернуть [в тюрьму] и [направить] <...> к Павлуновскому [ибо] наличие этого типа здесь нежелательно»⁴³. Мнение Блюхера было принято к исполнению, и партизан снова на какое-то время оказался за решеткой⁴⁴.

Однако аресты партизанских вождей оказались кратковременными и закончились удалением их из региона, причем партийное дело на Бойко-Павлова прекращено по инициативе Дальбюро ЦК РКП(б) «за недоказанностью». Впоследствии Бойко-Павлов и Попко были определены на учебу в престижные вузы Москвы и сделали карьеру. Так, Бойко-Павлов в 1933 г. был приглашен П.П. Постышевым в Харьков на партийную работу, а потом стал чекистом⁴⁵. В конце жизни Бойко-Павлов сам подставился под партийное взыскание, когда в 1950-х гг. попросил председателя партизанской секции Хабаровска А.А. Волошина представить его к званию Героя Советского Союза. Тот отказал, заявив, что не знает никаких героических подвигов просителя. Тогда Бойко-Павлов написал в Хабаровский крайком КПСС донос на Волошина, который якобы был белым офицером, а перейдя к красным, приписывал себе несуществующие заслуги. Крайком ограничился объявлением Бойко-Павлову и Волошину по строгому выговору⁴⁶.

Лжегерои и лжепартизаны Сибири и Дальнего Востока сыграли видную роль в номенклатуре и общественной жизни региона, оставив свой отпечаток в литературной жизни. Следует иметь в виду, что всевозможные политические авантюристы, не имевшие дореволюционного партийного стажа либо бросившиеся после ареста царскими или белыми властями каяться в большевизме и даже предлагать охранным структурам свои услуги в разоблачении революционеров, позднее могли проявлять себя в экстремальных условиях революции и Гражданской войны как храбрые активисты и дельные организаторы масс. В итоге они «обрастали» номенклатурными покровителями и получали хорошие шансы даже в случае разоблачения сохранить свои позиции, пусть и с понижением.

Безупречная биография революционного борца за светлое будущее человечества – крайне важный аргумент в карьерном соревновании. Участники Гражданской войны, особенно партизаны, остро ощущали внутриноменклатурную конкуренцию, особенно в условиях обвального сокращения в период нэпа численности вооруженных сил и служб госбезопасности, а также при ежегодных массовых чистках милиции. Пребывание в силовых структурах с их особым вниманием к прошлому сотрудников было особенно рискованно. В этих условиях безупречные или хотя бы приемлемые биографии служили залогом выживания, особенно в период партийных чисток, обменов партбилетов и репрессивных кампаний.

Героические лжебиографии строились по отработанному канону преобразования в убежденного коммуниста под воздействием старших товарищей и проникновения партийной догмой, после чего следовало описание заслуг перед революцией. Эти тексты насыщались выдуманными эпизодами агитационно-организационной и боевой деятельности, знакомствами с выдающимися историческими личностями, приписыванием себе начальных должностей. Авторы тщательно скрывали свои идейные шатания (пребывание в других политических партиях, отказ от революционной работы в период белой власти, симпатии внутрипартийной оппозиции), не говоря уже о криминальных эпизодах, таких как

⁴² Вперед [орган информотдела при штабе Восточного фронта]. 1922. 19 апр. (указано А.С. Колесниковым).

⁴³ РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 12. Л. 211.

⁴⁴ Там же. Л. 227.

⁴⁵ Там же. С. 216.

⁴⁶ Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд... С. 69.

участие в чисто грабительских акциях, выдаваемых за революционные экспроприации, расправы с мирным населением под предлогом военной целесообразности. Обычно подчищались наиболее компрометирующие моменты, однако часть биографий была вымышлена в основных деталях или даже целиком. Конструирование биографии нередко имело продолжение с целью редактирования и придания убедительности, что позволяло контролирующим инстанциям выявлять противоречия в биографических текстах. Беллетризованные биографии нередко также выдавались за мемуарные тексты и составляли значительную часть историко-революционных публикаций.

Литература

Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2002. Ч. 1. 404 с.

Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2002. Ч. 2. 558 с.

Быстрова О.В. «...Извините, что тревожу, но как быть?»: Переписка А.М. Горького с П.П. Постышевым // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). М., 2018. Вып. 14. 432 с.

Великанов Н.Т. Блюхер. М.: Молодая гвардия, 2010. 320 с.

Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. М.: Мысль, 1967. 305 с.

Ефремов М.А. 80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края, 1917–1937. Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. 348 с.

Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М.: Граница, 2017. 448 с.

Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: Советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. 188 с.

Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. 558 с.

Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / сост., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2010. 496 с.

Кто Вы, госпожа Чайковская? К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов / сост. Г.Н. Шумкин. Екатеринбург: Баско, 2014. 252 с.

Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово: в 3 кн. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997. Кн. 1, 600 с.

Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово: в 3 кн. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997. Кн. 2. 665 с.

Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. 287 с.

Мыльников А.С. Испытание чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л.: Наука, 1991. 267 с.

Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2021. Т. 2. 878 с.

Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. № 3. С. 56–82.

Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. ст. М., 2017. С. 269–367.

Серышев С. Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.; Пг., 1923. С. 83–120.

Скрынников Р.Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск: Русич, 1997. 624 с.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941: сб. док-тов / А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.

Тепляков А. Невычищенные // Родина. 2002. № 6. С. 56–57.

Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков: в 3 ч. Тверь, 1997. Ч. 3. 92 с.

Филиппов С.Г. Руководители центральных органов ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 722 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.

Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с.

Халфин И. Автобиография троцкизма: в поисках искупления. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 1. 960 с.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 314 с.

References

Alekseev, V., Nechaeva, M. (2000). *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs...? To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Iss. 1. Yekaterinburg, Chelyabinsk, Institut istorii i archeologii UrO RAN. 404 p.

Alekseev, V., Nechaeva, M. (2002). *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs...? To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Iss. 2. Yekaterinburg, Chelyabinsk, Institut istorii i archeologii UrO RAN. 558 p.

Bystrova, O. (2018). "...Izvinite, chto trevozh, no kak byt'?" : Perepiska A.M. Gor'kogo s P.P. Postyshevym ["...Sorry to Disturb You, but How to Be?": A.M. Gorky's Correspondence with P.P. Postyshev]. In *Vremya Gor'kogo i problemy istorii (materialy i issledovaniya)*. Iss. 14. Moscow. 432 p.

Velikanov, N. (2010). *Blyukher*. Moscow, Molodaya gvardiya. 320 p.

Gelasimova, A. (1967). *Zapiski podpol'shchitsy* [Underground Memoirs]. Moscow, Mysl'. 305 p.

Efremov, M. (2002). *80 let tayny. Vlast' i militsiya Sibirskogo kraja, 1917–1937* [80 Years of Secrecy. Power and Militia of the Siberian Region, 1917–1937]. Novosibirsk, Novosibirskiy poligrafkombinat. 348 p.

Zemtsov, V. (2017). *DVR i volochaevskie dni Vasiliya Blyukhera* [The DVR and the Volochayev Days of Vasily Blucher]. Moscow, Granitsa. 448 p.

Isaev, V. (2008). *Neobychnye sud'by obychnykh lyudey: Sovetskaya povsednevnost' v 1920–1930-e gg.* [Unusual Fates of Ordinary People: Soviet Everyday Life in the 1920s–1930s]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 188 p.

Kadeykin, V. (1968). *Sibir' nepokorennaya* [Siberia Undeclared]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 558 p.

Volkov, S. (2010). *Krasnyy terror v Moskve: svidetel'stva ochevidtsev* [Red Terror in Moscow: Eyewitness Testimonies]. Moscow, Ayris-press. 496 p.

Shumkin, G. (Comp.). (2014). *Kto Vy, gospozha Chaykovskaya? K voprosu o sud'be tsarskoy docheri Anastasii Romanovoy: arkhivnye dokumenty 1920-kh godov* [Who are You, Mrs. Czajkowska? On the Fate of the Tsar's Daughter Anastasia Romanova: Archival Documents of the 1920s]. Yekaterinburg, Basko. 252 p.

Kushnikova, M. (1997). *Stranitsy istorii goroda Kemerovo* [Pages of History of the City of Kemerovo]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost'. Vol. 1. 600 p.

Kushnikova, M. (1997). *Stranitsy istorii goroda Kemerovo* [Pages of History of the City of Kemerovo]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost'. Vol. 2. 665 p.

Levkin, G. (1999). *Volochaevka bez legend [Volochaevka without Legends]*. Khabarovsk, Priamurskoe geograficheskoe obchestvo. 287 p.

Myl'nikov, A. (1991). *Iskushenie chudom. "Russkiy prints" i samozvantsy [Temptation by a Miracle. The "Russian Prince" and the Impostors]*. Leningrad, Nauka. 267 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2021). *Rossiya v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922: Entsiklopediya v trekh tomakh [Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia in Three Volumes]*. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN. 878 p.

Savin, A. (2015) "My bezzavetnye geroi vse...". Fenomen sotsial'noy mobil'nosti sovetskogo obshchestva v svete ego geroizatsii (1920-e – 1930-e gody) ["We are Selfless Heroes All..." The Phenomenon of Social Mobility of Soviet Society in the Light of Its Heroization (1920s–1930s)]. In *Rossiya. XXI*. No. 3, pp. 56–82.

Savin, A., Teplyakov, A. (2017). "Chistka chistil'shchikov" kak instrument distsiplinirovaniya NKVD. Sotrudniki UNKVD po Odesskoy oblasti na skam'e podsudimyykh, 1939–1943 gg. [The "Purge of Cleaners" as an Instrument of NKVD Discipline. Employees of the UNKVD in Odessa Region in the Dock, 1939-1943]. In *Chekisty na skam'e podsudimyykh*. Moscow, pp. 269–367.

Seryshev, S. (1923). *Vooruzhennaya bor'ba za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke [Armed Struggle for Soviet Power in the Far East]*. In *Revolutsiya na Dal'nem Vostoke*. Moscow, Petrograd, pp. 83–112.

Skrynnikov, R. (1997). *Tsar' Boris i Dmitriy Samozvanets [Tsar Boris and Dmitry the Impostor]*. Smolensk, Rusich. 624 p.

Kvashonkin, A.V., Kosheleva, L.P., Rogovaya, L.A., Khlevnyk, O.V. (Comp.). (1999). *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 [Soviet Leadership. Correspondence. 1928–1941]*. Moscow, ROSSPEN. 519 p.

Teplyakov, A. (2002). *Nevychishchennye [Uncleaned]*. In *Rodina*. No. 6, pp. 56–57.

Usenko, O. (1997). *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vekov [Psychology of Social Protest in Russia of the 17th–18th Centuries]*. Tver'. Vol. 3. 92 p.

Filippov, S. (2018). *Rukovoditeli tsentral'nykh organov VKP(b) v 1934–1939 gg.: Spravochnik [Leaders of the Central Bodies of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1934–1939: Handbook]*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 722 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off the Masks! Identity and Imposture in 20th Century Russia]*. Moscow, ROSSPEN. 375 p.

Khalfin, I. (2023). *Avtobiografiya bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem [Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 848 p.

Khalfin, I. (2024). *Avtobiografiya trockizma: v poiskakh iskupleniya [Autobiography of Trotskyism: In Search of Redemption]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1. 960 p.

Khipkhenov, G. (2022). *Krushenie Tsentrosibiri [The Collapse of Centrosiberia]*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 611 p.

Khlevnyuk, O. (2023). *Korporatsiya samozvantsev. Tenevaya ehkonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR [Corporation of Impostors. Shadow Economy and Corruption in Stalin's USSR]*. Moscow, ROSSPEN. 314 p.

А.Д. Попов*

**ПРАЗДНОВАНИЕ 50-ЛЕТИЯ ВОССТАНИЯ
НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН» В 1955 ГОДУ:
МЕРОПРИЯТИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ КОММЕМОРАЦИИ
И ИХ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-15
УДК 94(47).083+94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:
Попов А.Д. Празднование 50-летия восстания на броненосце «Потемкин» в 1955 году: мероприятия официальной коммеморации и их противоречивость // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 215–227.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-15.pdf>

A.D. Popov*

**CELEBRATION OF THE 50TH ANNIVERSARY
OF THE MUTINY ON THE BATTLESHIP “POTEMKIN”
N 1955: OFFICIAL COMMEMORATION EVENTS
AND THEIR INCONSISTENCY****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-15

How to cite:
Popov A.D. Celebration of the 50th Anniversary of the Mutiny on the Battleship “Potemkin” in 1955: Official Commemoration Events and Their Inconsistency // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 215–227.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-15.pdf>]

Abstract. The article analyzed the main events related to the celebration of the 50th anniversary of the armed mutiny of the crew on the Black Sea battleship “Prince Potemkin-Tauride”, which in the Soviet historical narrative was considered as one of the most important events of the first Russian revolution of 1905–1907. The content and implementation of the main decisions of the highest authorities of the USSR related to narrative, ritual-ceremonial (event), monumental commemoration of this event. It is also shown that the most relevant measures directly for Potemkintsy related to their rewarding and material incentives were not included in the initial package of anniversary decisions and were implemented only under the influence of bottom-up initiatives. It is also concluded that half a century after the mutiny on the battleship Potemkin, despite the communicative memory of the living participants in the events, it acquired the characteristic features of a historical and cultural myth, subordinate to the logic of the glorification of the revolutionary movement and the absolutization of the role of the Bolsheviks led by V.I. Lenin.

Keywords: memory policy, commemoration, anniversary, ideology, memorial conflict, the first Russian revolution of 1905–1907, the battleship “Potemkin”, V.I. Lenin, Sevastopol, Odessa, USSR.

The article has been received by the editor on 30.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проанализированы основные мероприятия, связанные с празднованием 50-летнего юбилея вооруженного восстания экипажа на черноморском броненосце «Князь Потемкин-Таврический», которое в советском историческом нарративе рассматривалось как одно из важнейших событий первой русской рево-

* **Алексей Дмитриевич Попов**, кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru

Aleksei Dmitrievich Popov, Candidate of Historical Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: popalex79@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00812 (<https://rscf.ru/project/23-28-00812/>).

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00812 (<https://rscf.ru/project/23-28-00812/>).

люции 1905–1907 гг. Охарактеризовано содержание и выполнение основных решений высших органов власти СССР, связанных с нарративной, ритуально-церемониальной (событийной), монументальной коммеморацией данного события. Показано, что наиболее актуальные непосредственно для потемкинцев меры, связанные с их награждением и материальным поощрением, не входили в первоначальный пакет юбилейных решений и были реализованы только под влиянием инициатив «снизу». Также делается вывод о том, что спустя полвека после восстания на броненосце «Потемкин», несмотря на наличие коммуникативной памяти живых участников событий, оно приобрело характерные черты историко-культурного мифа, подчиненного логике героизации революционного движения и абсолютизации роли большевиков во главе с В.И. Лениным.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, юбилей, идеология, мемориальный конфликт, первая русская революция 1905–1907 гг., броненосец «Потемкин», В.И. Ленин, Севастополь, Одесса, СССР.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Массовое неповиновение командованию, проявленное частью флотского экипажа на входившем в состав Черноморского флота эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический», и переход судна на 11 суток под контроль восставших являются одним из наиболее резонансных и сохранившихся в коллективной памяти событий первой русской революции 1905–1907 гг. Известности восстания (в негативных трактовках – бунта, мятежа) на броненосце «Потемкин»¹ способствовало то, что в советский период данное событие стало важным «местом памяти» и нашло широкое отражение в нарративной, образно-творческой, монументальной топонимической коммеморации.

Особое значение для медиатизации события имела культовая киноэпопея режиссера С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925) – один из самых известных фильмов советской эпохи, имевший также беспрецедентную популярность за рубежом². Топоним «Потемкинская лестница» получил широкое распространение относительно одной из главных архитектурных достопримечательностей Одессы, запечатленной и в фильме Эйзенштейна. 27 июня 1965 г. в непосредственной близости от Потемкинской лестницы на том месте, где ранее в разное время уже находились два памятника (сначала Екатерине II и ее сподвижникам – основателям Одессы, а затем Карлу Марксу), был торжественно открыт новый многофигурный монумент с надписью-эпитафией: «Потемкинцам – потомки».

Менее известно, что во второй половине 1930-х гг. на сцене самых известных театров Советского Союза ставилась опера О.С. Чишко «Броненосец “Потемкин”». Тема восстания на ставшем легендарном броненосце также нашла свое отражение в советской художественной литературе, драматургии, изобразительном, вокальном и даже балетном искусстве. В 1955 г. на страницах газеты «Советская культура» констатировалось, что «о подвиге потемкинцев снова и снова поэты слагают стихи, снова и снова вдохновляет он наших художников. На заре советской кинематографии гордому подвигу был посвящен фильм,

¹ Полное название военного судна – «Князь Потемкин-Таврический» – в текстах советского периода практически не использовалось, заменяясь сокращенным названием «Потемкин». После поражения восстания броненосец был переименован и получил новое название «Пантелеймон». После Февральской революции 1917 г. ему было на короткий срок было возвращено прежнее название. Затем, по требованию команды, он получил революционное название «Борец за свободу», но уже в 1924–1925 гг. из-за неудовлетворительного технического состояния был выведен из состава Черноморского флота и утилизирован.

² Первоначально фильм должен был называться «1905» и охватывать намного более широкий круг революционных событий, но под влиянием различных обстоятельств Эйзенштейн переработал сценарный план и сконцентрировался именно на сюжете восстания потемкинцев.

которому суждено было стать знаменем нашего кино, вдохновенной эпопеей, и сейчас волнующей сердца»³.

Ретроспективная картина восстания потемкинцев⁴ с исторической точки зрения подробно описана в трудах отечественных историков советского⁵ и постсоветского⁶ периодов, а также в книгах западных авторов⁷. Среди имеющихся работ своей фактографичностью и отказом от советских идеологических штампов в пользу принципов научности и документальности выделяется книга Ю.П. Кардашева «Восстание. Броненосец “Потемкин” и его команда» (2008). Однако тема коммеморации восстания на «Потемкине» в советский период до сих пор не стала объектом отдельного внимания исследователей. В данной статье планируется частично заполнить эту лауну. На примере организованного в 1955 г. празднования 50-летнего юбилея рассматриваемых событий будут охарактеризованы некоторые особенности официальной политики памяти советского периода, в том числе определенные противоречия, латентно присутствовавшие в мемориальной культуре, но не приводившие к открытым конфликтам.

Категории, связанные с цикличностью времени, играют очень важную роль в мемориальной культуре и политике памяти. Темпоральный ритм коммеморации задает официально утвержденный **мемориальный календарь**, включающий ежегодные памятные даты, кратные 5-ти и 10-ти годовщины, юбилеи различного статуса, уровня и содержания. Для мемориальной культуры они являются тем, что американский социолог Эвиатар Зерубавель (Eviatar Zerubavel) называл «сакральным временем» – в отличие от обыденного «профанного времени»⁸. Календарность проявляется в том, что основные коммеморативные практики всегда очень явно коррелируют с памятными датами. Безусловно, такая закономерность присуща не только советскому периоду, но очень характерна именно для него. Поэтому неслучайно, например, что фильм С.М. Эйзенштейна был целенаправленно приурочен к 20-летней годовщине отраженных в нем событий. Издание книг об истории восстания на броненосце «Потемкин» и мемуаров его участников в Советском Союзе также часто было приурочено к «пятикратным» годовщинам события⁹.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический», как и все основные суда Черноморского военно-морского флота в дореволюционный период, был приписан к порту Севастополь. Однако восстание на нем началось 14 июня (27 июня по новому стилю) 1905 г. во время учебного плавания в северо-западной части Черного моря у Тендровской косы, в непосредственной близости от портов Одесса и Очаков. Затем судно несколько дней находилось на рейде одесского порта, пока восставшие пытались определиться с дальнейшей стратегией и организовать взаимодействие с участниками рабочих выступлений и антиправительственно настроенными военными местными воинских частей. В эти дни в Одессе был похоронен один из инициаторов мятежа потемкинцев – унтер-офицер Г.Н. Вакуленчук, погибший в ходе противостояния на борту судна. Затем неподконтрольный военному командованию броненосец совершил морской переход по маршруту Констанца – Феодосия –

³ Найда С. Великий подвиг // Советская культура. 1955. 25 июня.

⁴ Здесь и далее в статье определение «потемкинцы» применяется для обозначения той части экипажа, которая примкнула к восстанию в июне 1905 г., а не всех матросов, когда-либо проходивших службу на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

⁵ Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М., 1987; Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.). Симферополь, 1950. С. 17–50; Столяренко М.А. Непобежденная территория революции: (Восстание на броненосце «Потемкин»). М., 1974; и др.

⁶ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. Киров, 2008; Шугин В.В. Мятежный броненосец «Потемкин»: в истории и в кино. М., 2016; и др.

⁷ Vascob N. Red mutiny: eleven fateful days on the battleship Potemkin. Boston; New York, 2007; Hough R. The Potemkin mutiny. London, 1960.

⁸ См.: Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Berkeley, 1985. P. 101–137.

⁹ Генкин И.И. Восстание на броненосце «Потемкин Таврический»: Кк двадцатилетию восстания. М.; Л., 1925; Лычев И.А. Потемкинцы. Хабаровск, 1935; Платонов А.В. Броненосец «Потемкин» (к 25-тилетию революции 1905 года и восстания матросов на Черном море). Симферополь, 1930; и др.

Констанца, после чего 25 июня (8 июля по новому стилю) 1905 г. судно и его экипаж оказались под контролем румынских властей. Именно эти перемещения «Потемкина» впоследствии во многом определили географию коммеморации восстания.

В марте 1935 г., за несколько месяцев до 30-летней годовщины восстания, группа потемкинцев обратилась непосредственно к И.В. Сталину с просьбой отметить государственным актом приближающуюся «круглую дату», а также оказать государственную поддержку тем из них, кто по состоянию здоровья потерял трудоспособность. Сделать это предлагалось «не на общих основаниях собеса, а более *повышенно*¹⁰, как [для] людей, принимавших активное участие в восстании Черноморского флота в 1905 году»¹¹. Сталин формально поддержал предложение, в частности есть сведения о том, что в 1935 г. группа из 17 потемкинцев была награждена почетными грамотами ЦИК СССР¹². Но каких-то масштабных торжеств в связи с этой годовщиной тогда не проводилось. Однако это не означало, что данное событие вышло за рамки актуального политического дискурса. Так, в «Кратком курсе» истории ВКП(б) 1938 г. оно называлось «*первым* массовым революционным выступлением в армии и флоте, *первым* переходом крупной части царских войск на сторону революции»¹³. Но более универсальной и актуальной на протяжении всего советского периода оказалась характеристика В.И. Ленина, который называл мятежный броненосец «непобежденной территорией революции», а само восстание «попыткой образования ядра революционной армии»¹⁴.

Календарная логика коммеморации конкретных событий и персоналий обычно усиливается пропорционально увеличению хронологической дистанции и проявляется на новом уровне во время празднования «круглых» «больших» дат, вследствие чего отдельные исследователи даже используют понятия «диктатура юбилеев» или «юбилеемания». Примечательно, что именно во второй половине 1950-х гг. в советском нормативно-правовом поле было четко закреплено положение, согласно которому понятие «юбилей» могло применяться к событиям, произошедшим не менее чем 50 лет назад¹⁵. По всей видимости, это было связано с личной позицией Н.С. Хрущева и свойственным для него «коммунистическим пуризмом», проявляющимся в стремлении сократить официальные празднования и награждения, в том числе с целью минимизации связанных с ними расходов¹⁶. Однако сам советский проект, включая Великую Октябрьскую социалистическую революцию, ставшую «мифом основания», имел к тому времени всего лишь 40-летний исторический горизонт. Поэтому для поддержания его значимости с учетом календарности мемориальной культуры стратегическим решением стало искусственное «удревнение», достигавшееся путем юбилейной коммеморации важных событий истории революционного (шире – рабочего, народно-демократического, антимоноархического) движения до 1917 г. Помимо этого, в СССР достаточно широко отмечался 50-летний юбилей русско-японской войны 1904–1905 гг.¹⁷ Это достаточно противоречивое событие отечественной истории не только вписывалось в традиционный канон чествования общенациональной воинской доблести (главным образом благодаря сюжету с крейсером «Варяг»), но и историографически было интерпрети-

¹⁰ Здесь и далее в цитатах выделение курсивом сделано автором статьи.

¹¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1056. Л. 123–127.

¹² Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 195, 206.

¹³ Цит. по: Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте... С. 3.

¹⁴ См., например: Мусьяков П. «Непобежденная территория революции» // Литературная газета. 1955. 25 июня; Пятьдесят лет первой русской революции (Тезисы) // Правда. 1955. 22 января.

¹⁵ 12 декабря 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление, разрешавшее официально праздновать в статусе юбилейных даты не ранее 50-летия (О наведении порядка в праздновании юбилеев... // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М., 1987. С. 219).

¹⁶ Подробнее см.: Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. № 4. С. 55–63.

¹⁷ См.: Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.

ровано как один из мощных катализаторов революционных выступлений 1905–1907 гг. в Российской империи.

17 июня 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС в связи с предстоящим 50-летним юбилеем восстания на броненосце «Потемкин» были утверждены следующие поручения органам исполнительной власти:

1. Закончить проектирование и в 1956 г. установить в Одессе памятник в честь вооруженного восстания на броненосце «Потемкин».

2. Установить бюст руководителя социал-демократической организации броненосца «Потемкин» Г.Н. Вакуленчука на его могиле в Одессе и на его родине в селе Великие Коровинцы Житомирской области Украинской ССР.

3. Обязать Министерство морского флота СССР присвоить одному из кораблей Черноморского государственного морского пароходства наименование «Григорий Вакуленчук».

4. Провести 27 июня 1955 г. в городах Москве, Севастополе и Одессе торжественные собрания трудящихся с представителями Советской Армии и Военно-морского флота.

5. Опубликовать в журналах, центральных и военных газетах статьи, посвященные восстанию на броненосце «Потемкин», а также организовать тематические передачи по радио и телевидению¹⁸.

Также высшая партийная инстанция одобрила ряд инициатив, предложенных Министерством обороны СССР, которое в то время возглавлял Г.К. Жуков. Одна из них касалась приглашения за счет военного ведомства в Москву для участия в праздничных мероприятиях группы бывших участников восстания из Румынии. По состоянию на июнь-июль 1955 г. в Советском Союзе проживало около 90–95 потемкинцев, т.е. немногим более 10 % от списочного состава экипажа¹⁹, а в социалистической Румынии еще 16 человек²⁰. В июле 1955 г. 13 из них действительно смогли приехать в Москву, где их ожидала интересная экскурсионная программа и встреча с проживающими в СССР потемкинцами, заслуженными деятелями революционного движения и представителями советской общест-венности в Центральном Доме Советской Армии²¹. Во многом сходные сценарии приглашения гостей из-за рубежа использовались в том же 1955 г. в связи с празднованием 10-летия Великой Победы²².

Как видно из текста решения Президиума ЦК КПСС, первоначально речь шла о мероприятиях ритуально-церемониальной, нарративной, монументальной коммеморации, т.е. в большей степени рассчитанных на публично-медийный эффект. **Нарративная коммеморация** восстания на броненосце «Потемкин» вписывала этот сюжет в общую героическую картину истории революционного движения. Как метафорично написал в своих воспоминаниях потемкинец И.А. Лычев: «Гром пушек “Потемкина” на Одесском рейде <...> слился в единый залп с выстрелами “Авроры” на Неве»²³. Реальные исторические события схематизировались и выстраивались в логике историко-культурного мифа, формирующей матрицей которого выступала коммунистическая идеология. По свидетельству очевидцев, когда

¹⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 21–22.

¹⁹ Изучив значительный массив документов, в том числе 36 различных вариантов списков потемкинцев, историк Ю.П. Кардашев оценивает численность экипажа броненосца на момент восстания в 799 человек, из них 781 – матросов и нижних чинов (Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... Указ. соч. С. 204–206, 429).

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 58.

²¹ Вечер встречи с моряками броненосца «Потемкин» // Слава Севастополя. 1955. 27 июля; Пономарев И.И. Судьбы героев: записки журналиста о поисках матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потемкин». Мурманск, 1961. С. 144–146.

²² См.: Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 107–109; Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 137–138.

²³ Лычев И.А. Потемкинцы: Воспоминания участника восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». 2-е изд., испр. М., 1954. С. 133.

во время юбилейных мероприятий 1955 г. в Москве группе потемкинцев был в очередной раз показан снятый за 30 лет до этого киношедевр Эйзенштейна, они начали публично предъявлять претензии к содержанию художественного фильма: «Почему не показана в фильме социал-демократическая организация корабля?», «В фильме следовало показать трудности, вставшие перед большевиками броненосца, подрывную работу во время восстания эсеров, анархистов, меньшевиков...!», «Почему главным героем выведен в фильме Афанасий Матюшенко, а не Григорий Вакуленчук, любимец матросов, вожак революционной команды?», «Почему не показано отношение партийного руководства [и Владимира Ильича Ленина] к восстанию?»²⁴.

Озвучивание такого рода идеологических штампов непосредственными очевидцами событий свидетельствует о том, что из-за активного использования истории восстания в советской пропаганде образ этого события из сферы «живой» коммуникативной памяти переходил в разряд культурной памяти с ее очевидной нарративизацией и схематизацией²⁵. Например, в текстах публичного дискурса всегда упоминалось о поднятии на броненосце революционного красного флага. В состоящей всего из пяти куплетов песне «Броненосец “Потемкин”» (слова И.Л. Френкеля, музыка М.Е. Табачникова) это событие упоминалось дважды – в начальном («Черное море шумело, / Билось о берег прибоем седым. / Шел броненосец “Потемкин”, / И знамя свободы горело над ним») и финальном куплетах («Черное море шумело. / Вспыхнуло утро зарей штормовой. / Флаг революции гордо вздымая, / Он шел, броненосец-герой»)²⁶. Однако в действительности, если опираться на материалы опубликованного уже в постсоветский период исследования Ю.П. Кардашева, эпизодическое поднятие сигнального красного флага на броненосце «Потемкин» имело совершенно иное значение. В соответствии с военно-морским уставом того времени это означало готовность к артиллерийской стрельбе и являлось актом внешнего устрашения, а не демонстрацией революционных взглядов экипажа.

Одному из инициаторов восстания, артиллерийскому квартирмейстеру Г.Н. Вакуленчуку²⁷, приписывались членство в большевистском крыле Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), хотя прямых документальных подтверждений этого историкам так и не удалось обнаружить – данный факт реконструировался на основе личных свидетельств. Подчеркивалось, что его случайная гибель на начальном этапе восстания в итоге стала едва ли не основной причиной, предопределившей последующее поражение восставших, поскольку «на корабле не осталось больше человека, *равного Вакуленчуку по политическому кругозору*»²⁸. Утверждалось, что выдвинувшийся затем в лидеры «политически незрелый», «находящийся под влиянием анархистов» А.Н. Матюшенко не мог действовать стратегически²⁹. Постоянно повторялась информация о вовлеченности в черноморские события находящегося в то время в зарубежной эмиграции В.И. Ленина, который экстренно направил для идейной помощи потемкинцам опытного революционера, большевика М.И. Васильева-Южина, однако тот не успел своевременно прибыть в Одессу. Также заявлялось о революционном единстве солдат и матросов, большой вероятности их успешного совместного восстания при проявлении потемкинцами большей революционной решительности. Однако на самом деле и в Одессе, и в Феодосии находившиеся на берегу воинские подразделения несколько раз встречали потемкинцев ружейным огнем, ставшим причиной гибели нескольких членов экипажа.

По утверждению Ю.П. Кардашева, не подтверждается источниками и сцена накрытия группы зачинщиков мятежа брезентом для последующего расстрела, присутствующая

²⁴ Цит. по: Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 141–142.

²⁵ Подробнее о различиях между коммуникативной и культурной памятью см.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50–59.

²⁶ Броненосец «Потемкин» [нотная запись и текст песни] // Огонек. 1955. № 10. С. 13.

²⁷ В ряде текстов ошибочно называется Вакулиенчуком.

²⁸ Пащенко П. Героическая страница истории. К 50-летию восстания на броненосце «Потемкин» // Гудок. 1955. 26 июня.

²⁹ Мусьяков П. «Непобежденная территория революции»...

в фильме Эйзенштейна и затем постоянно упоминаемая как исторически достоверная³⁰. В 1965 г. при создании многофигурной композиции самого известного памятника матросам-потемкинцам в Одессе они были изображены решительно скидывающими с себя брезент, что соответствовало вымышленной сцене из фильма³¹.

Примечательно, что в июне 1955 г. воспоминания потемкинцев активно публиковались на страницах советских периодических изданий, однако знакомство с этими текстами не оставляет сомнений в том, что к ним применялась существенная литературная обработка³². Также в прессе появилось много биографических публикаций о судьбах потемкинцев. Значительное внимание акцентировалось на том, что после добровольного возвращения на Родину они активно включились в дело защиты революции и мирное созидание. Описывались конкретные примеры их участия в Гражданской войне, а для некоторых и в Великой Отечественной войне. Также освещалась их трудовая биография, поскольку большинство из них имело многолетний трудовой стаж на различных предприятиях³³. В таком виде эти тексты не только должны были формировать у читателей гражданственность и патриотизм, но и в определенной степени способствовать трудовой мобилизации советских граждан.

Характеризуя **ритуально-церемониальную (событийную) коммеморацию**, следует отметить, что 25 июня 1955 г. в московском Центральном Доме Советской Армии состоялся торжественный вечер, посвященный 50-летию юбилею восстания на броненосце «Потемкин». Для участия в нем были приглашены потемкинцы из разных городов страны, а также делегация колхозников из Житомирской области с малой родины Г.Н. Вакуленчука, включавшая его родного брата. Помимо торжественных речей и поздравлений, в программу мероприятия был включен просмотр фильма Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”». 26 июня 1955 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялось уже более масштабное и официальное торжественное собрание, в котором приняли участие руководители государственных и партийных органов столицы, командование армии и флота, представители офицерского состава³⁴.

В Севастополе (21 июня) и Одессе (26 июня) также состоялись торжественные собрания, посвященные праздничной дате. Они были специально назначены на разные даты, чтобы некоторые потемкинцы смогли принять участие в праздничных мероприятиях в нескольких городах. Помимо прочего, в Севастополе была организована встреча потемкинцев А.М. Лебеда, И.А. Лычева, М.П. Панфилова, И.П. Шестидесятого и А.Ф. Царева с членами Научного Совета Музея Черноморского флота для того, чтобы они фактографически уточнили некоторые детали восстания. Судя по газетному репортажу, описывающему данное событие, его непосредственные участники в основном озвучили достаточно стереотипные воспоминания о трусливом поведении офицеров броненосца, «кознях» меньшевиков, торжественной встрече потемкинцев простыми румынскими рабочими в Констанце и т.д.³⁵ Среди менее официальных юбилейных событий следует назвать республиканский пионерский слет, в ходе которого более тысячи юных участников на теплоходе «Россия» прошли по маршруту от Севастополя до Одессы, по которому 50 лет до этого следовал легендарный

³⁰ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 468–469.

³¹ На основе анализа комплекса источников Ю.П. Кардашевым было установлено, что впоследствии убитый старший офицер броненосца, капитан 2-го ранга И.И. Гиляровский действительно приказал с какой-то целью принести брезент во время инцидента с группой недовольных матросов, но этот приказ не был исполнен (Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 212, 468–469, 479).

³² Барковский В.П. Полвека спустя. Из воспоминаний участника восстания на броненосце «Потемкин» // Коммунист. 1955. 24 июня; Зиновьев А.С. Это запомнилось на всю жизнь // Знамя коммунизма. 1960. 26 июня; Пазюк П.К. Первый революционный корабль. Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин» // Запорожская правда. 1955. 26 июня; Поликов П.Е. Знамя на броненосце. Рассказ участника восстания // Московский комсомолец. 1955. 26 июня; Фишков З.И. Незабываемые дни // Защитник Родины. 1955. 25 июня; и др.

³³ Пономарев И. Герои «Потемкина» среди нас // Огонек. 1955. № 10. С. 12–13.

³⁴ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 139–142.

³⁵ Круглов А. Юбилейное заседание // Слава Севастополя. 1955. 22 июня.

броненосец³⁶. Различные памятные мероприятия состоялись также в Киеве, Кронштадте, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Таллине, Харькове и других населенных пунктах страны, а также в Бухаресте – столице Румынской Народной Республики³⁷.

Отдельно следует рассмотреть мероприятия **монументальной коммеморации**, которые из-за своей специфики всегда имеют самый длительный период исполнения. Первое решение о сооружении масштабного монумента потемкинцам в Одессе было принято ВКП(б) и ЦИК СССР еще в июне 1935 г. в связи с 30-летием восстания³⁸. Но затем его реализация многократно откладывалась, в том числе с учетом реалий Великой Отечественной войны и трудностей послевоенного восстановления. Однако и новое юбилейное решение 1955 г. не придало достаточной динамики процессу. Вместо 1956 г., указанного в решении Президиума ЦК КПСС, уже упоминавшийся памятник «Потемкинцам – потомки» в центре Одессы был открыт только 27 июня 1965 г., т.е. уже в ходе празднования 60-летия восстания. Персональный памятник-бюст Г.Н. Вакуленчука возле входа в Одесский порт был открыт значительно раньше – в 1958 г., а памятник-бюст в его родном селе Великие Коровинцы – только в 1971 г. Также различные мемориальные сооружения, посвященные восстанию на «Потемкине» и его участникам, в разное время появились в Севастополе, Феодосии и у Тендровской косы.

Наиболее географически отдаленный от Черноморского региона «потемкинский» монумент находится в Камышлове Свердловской области, однако его история очень неоднозначна. В 1951 г. по инициативе руководства одного из местных предприятий на городском кладбище Камышлова был установлен памятник-обелиск на месте группового погребения убитых в дореволюционный период во время попытки побега ссыльных заключенных. Надпись на памятнике и городские предания свидетельствуют, что похороненные здесь якобы являлись осужденными участниками восстания на броненосце «Потемкин», однако их имена не установлены. Версия возникла в 1930-е гг. на основе показаний местных жителей. Авторы отдельных современных исследований после изучения документальных источников достаточно аргументированно утверждают, что убитые заключенные не были моряками и не имели никакого отношения к броненосцу «Потемкин»³⁹.

В целом, если проанализировать географию мемориализации памяти о броненосце «Потемкин», очевидно, что в советский период местом наиболее активных коммеморативных практик, связанных с восстанием, являлась Одесса. Что же касается Севастополя, который как порт приписки и главная база Черноморского флота имел не меньшее отношение к истории броненосца «Потемкин», то здесь доминирующим стал другой сюжет – ноябрьское восстание на Черноморском флоте под руководством «красного лейтенанта» П.П. Шмидта⁴⁰.

О значительной популярности потемкинского сюжета в советский период свидетельствует и его **топонимическая коммеморация**. В разное время решениями местных властей в честь потемкинцев были названы площадь в Одессе и улицы в различных населенных пунктах. Именем Григория Вакуленчука названо не только несколько морских судов⁴¹, но и поселок городского типа в Житомирской области, площадь в Одессе, улицы в Киеве, Кривом Роге, Ленинграде, Мелитополе, Севастополе. Память об Афанасии Матюшенко сохранилась не только в названии нескольких морских и речных судов, но и в назва-

³⁶ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 142.

³⁷ Там же. С. 139, 143.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 25.

³⁹ См.: Морева Е.В. Потемкинцы в Камышлове: Рождение и крушение одной легенды // Климат и природа. 2019. № 2 (31). С. 30–39.

⁴⁰ Подробнее о мемориальном культе лейтенанта П.П. Шмидта в советский период см.: Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.И. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск, 2021. С. 185–209.

⁴¹ Название «Григорий Вакуленчук» получил один из танкеров Черноморского пароходства, в 1955–1981 гг. приписанный к порту Новороссийск, а с 1968 г. также минный тральщик Черноморского военно-морского флота.

ниях улиц Астрахани, Донецка, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сум, Харькова. В честь потемкинца Алексея Царева названы улицы в Одессе и Тирасполе.

Юбилейные мероприятия, проводившиеся с участием потемкинцев, активно освещались в советской прессе, при этом неизменно констатировалось, что «герои “Потемкина”, где бы они ни жили, *окружены заботой и вниманием*»⁴². Однако самые важные персонально для потемкинцев решения, включавшие **наградную коммеморацию** и **меры материальной поддержки**, были приняты с некоторой задержкой относительно юбилейной даты. Показательно, что эти вопросы не входили в число первоначального «пакета» юбилейных мероприятий, утвержденного 17 июня 1955 г., и стали обсуждаться только после того, как 24 июня 1955 г. в секретариат ЦК КПСС для рассмотрения синхронно поступило два инициативных письма. Одно из них было адресовано Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову и написано известным историком флота, полковником И.И. Пономаревым. Второе письмо один из лидеров потемкинцев И.А. Лычев направил в трех копиях всему высшему государственно-партийному руководству СССР – Н.С. Хрущеву, К.Е. Ворошилову и Н.А. Булганину. В своих письмах Лычев и Пономарев, с одной стороны, благодарили власти за идею празднования юбилея, с другой – просили оказать большее внимание самим потемкинцам, часть из которых получали небольшие пенсии и не были отмечены государственными наградами. И.И. Пономарев также ссылался на имевший в недавнем прошлом прецедент награждения экипажа крейсера «Варяг»⁴³. Действительно, в феврале 1954 г. в рамках празднования 50-летия подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» дожившие до этого времени члены экипажей двух судов были награждены медалями «За отвагу» и получили пожизненную пенсию в размере 600 руб. в месяц⁴⁴.

В итоге решение о награждении потемкинцев было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1955 г. Всего наградной список включал 91 человека. И.А. Лычев и Л.П. Шестидесятый, которые входили в созданный на броненосце во время восстания «судовой комитет», были награждены орденом Красного Знамени, а еще 89 потемкинцев – орденом Красной Звезды. На этапе подготовки данный список несколько раз корректировался. Буквально за месяц, пока документы находились на согласовании, выяснилось, что несколько потемкинцев недавно умерли, а посмертное награждение в данном случае не предполагалось. Участие в восстании проживавшего в Ленинграде И.Т. Чубука на тот момент не было признано документально подтвержденным, поэтому его исключили из наградного списка. В то же время на основе представлений местных органов власти в список включили несколько вновь выявленных потемкинцев, в частности проживавшего в деревне Рябчичи Брянской области Ф.М. Антонова и жителя г. Фрунзе Л.М. Ежкова⁴⁵.

Тогда же постановлением Совета Министров СССР для 83 потемкинцев были назначены пожизненные персональные пенсии в размере 600 руб. в месяц⁴⁶. Расхождение в меньшую сторону со списком награжденных было обусловлено тем, что несколько матросов с «Потемкина» на тот момент уже получали персональные пенсии по другим основаниям. Прежде всего, это И.А. Лычев и А.Ф. Царев – самые успешные и общественно активные из числа оставшихся к тому времени в живых потемкинцев. Иван Акимович Лычев (1881–1972) служил на броненосце минно-машинным квартирмейстером 2-й статьи, а во время восстания являлся членом «судового комитета». В советский период он сделал очень успешную карьеру, в том числе в 1929–1932 гг. являлся Генеральным консулом СССР в Великобритании, позже возглавлял рабоче-крестьянскую инспекцию Белорусской ССР, а в 1935–1938 гг. занимал должность управляющего делами ЦК ВКП(б). Именно за эти заслуги перед советским государством он с 1948 г. получал персональную пенсию. Также успешную карьеру в качестве руководителя ряда крупных предприятий в Молдавской ССР

⁴² Пономарев И. Герои «Потемкина» среди нас // Огонек. 1955. № 10. С. 13.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 57, 59.

⁴⁴ Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР... С. 81.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 38.

⁴⁶ Там же. Л. 34–36.

сделал ученик машиниста с «Потемкина» Алексей Федорович Царев (1883–1970). Десять лет спустя, 28 июня 1965 г., потемкинцы И.А. Лычев, А.Ф. Царев и И.П. Шестидесятый стали Почетными гражданами города-героя Одессы.

Нескольких бывших членов экипажа легендарного броненосца (А.Д. Войцеховского, П.Е. Поликова и др.) исключили из списка претендентов на назначение «потемкинской» пенсии по другой причине – ранее они служили на крейсере «Варяг» и с 1954 г. получали за это пенсию также в размере 600 руб. Идея о суммировании героических заслуг и назначении им «двойной» повышенной пенсии в переписке не обсуждалась, видимо сумма месячной пенсии в 1 200 руб. казалась избыточной или же препятствием служили финансово-бюрократические формальности. В отличие от списка награжденных, пенсионный список потемкинцев публично не обнародован.

Впрочем, эта история имела свое продолжение. 23 марта 1956 г. на основе вновь выявленных обстоятельств принят еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Красной Звезды уже упоминавшегося И.Т. Чубука, а также еще двух ранее не отмеченных наградами потемкинцев – И.Н. Гусельникова из г. Горький и Г.К. Ракитина из с. Кизил-Тепе Бухарской области⁴⁷. Судя по материалам монографии Ю.П. Кардашева, где помещены биографические справки обо всех (!) членах экипажа «Потемкина» на момент восстания, решение о дополнительном награждении в 1956 г. является неоднозначным. И.Т. Чубука он фактически считает лжепотемкинцем. И.Н. Гусельников действительно был членом экипажа и участвовал в траурном эскорте во время похорон Вакуленчука. Однако на берегу он был арестован, после чего, по данным Ю.П. Кардашева, сотрудничал со следственными органами, письменно засвидетельствовав, что «остается верным государю императору». Комендор Г.К. Ракитин тайно сбежал с «Потемкина» во время его первого захода в порт Констанца, впоследствии не участвовал в революционной деятельности и зарубежных землячествах потемкинцев, вернулся в СССР в 1927 г.⁴⁸ Следует отметить, что награждение экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», также по причине выявления новых персональных сведений и различных бюрократических формальностей, потребовало принятия целой серии Указов Президиума Верховного Совета СССР: 8 февраля 1954 г., 24 августа 1954 г., 10 марта 1955 г. и 9 августа 1955 г.⁴⁹

Также при подготовке данной статьи в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) был обнаружен интересный документ, озаглавленный «Список не вошедших в Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении в связи с 50-летием первой русской революции». В этом списке названы сотни лиц, связанных с различными революционными событиями 1905–1907 гг. Среди прочих в нем указываются три человека, в биографических сведениях о которых они называются потемкинцами – Иван Егорович Бугай (1882 г.р.), Тихон Андреевич Клочков (1883 г.р.) и Федор Андреевич Чугунов (1877 г.р.)⁵⁰. Однако ни один из них не входил во второй список награжденных от 23 марта 1956 г. и не упоминается в персональном биографическом указателе членов экипажа броненосца «Потемкин», помещенном в монографии Ю.П. Кардашева. Биография этих лиц требует отдельной реконструкции.

Сопоставление произошедших с небольшим временным интервалом юбилейных награждений государственными наградами экипажей «Варяга» (1954–1955) и «Потемкина» (1955–1956) демонстрирует несколько парадоксальную картину, когда по идеологическим причинам было практически «уравнено» следование воинской присяге и нарушение присяги. При этом, несмотря на равные суммы пенсионного обеспечения, в наградных вопросах с формальной точки зрения выше были оценены все же бунтари с «Потемкина» (получившие ордена), а не оставшиеся верными воинской присяге герои «Варяга» (получившие медали).

⁴⁷ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 159.

⁴⁸ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 196, 260–261, 362.

⁴⁹ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 155–156.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 93. Л. 3, 14, 31.

Таким образом, пример празднования 50-летнего юбилея революционных выступлений на черноморском броненосце «Князь Потемкин-Таврический» в 1955 г. позволяет зафиксировать несколько содержательных характеристик, типичных для советской политики памяти: календарность (юбилейность), идеологическую ангажированность и схематизм интерпретаций исторических событий, отождествление революционной героики и героики боевого подвига. Очевидно также, что основные коммеморативные практики носили публичный характер и были рассчитаны скорее на демонстрационный медийный эффект. В связи с этим непосредственные участники исторических событий использовались не столько для получения достоверной информации о прошлом, сколько для подтверждения «авторитетом очевидца» сложившихся идеологических нарративов. В этом контексте очень показательно, что в юбилейную программу прежде всего оказались включены мероприятия нарративной, ритуально-церемониальной (событийной), монументальной коммеморации, а наиболее актуальные непосредственно для ветеранов меры, связанные с их награждением и материальным поощрением, первоначально не планировались и были реализованы лишь после инициатив «снизу».

Литература

- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.И. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 499 с.
- Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М.: Мысль, 1987. 222 с.
- Генкин И.И. Восстание на броненосце «Потемкин Таврический»: К двадцатилетию восстания. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 80 с.
- Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. Киров: Вятка, 2008. 544 с.
- Лычев И.А. Потемкинцы. Хабаровск: Дальгиз, 1935. 148 с.
- Лычев И.А. Потемкинцы: Воспоминания участника восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 1954. 136 с.
- Морева Е.В. Потемкинцы в Камышлове: Рождение и крушение одной легенды // Климат и природа. 2019. № 2 (31). С. 30–39.
- Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.). Симферополь: Крымиздат, 1950. 112 с.
- Платонов А.В. Броненосец «Потемкин» (к 25-тилетию революции 1905 года и восстания матросов на Черном море). Симферополь: Крымгосиздат, 1930. 28 с.
- Пономарев И.И. Герой «Потемкина». М.: Воениздат, 1955. 176 с.
- Пономарев И.И. Судьбы героев: записки журналиста о поисках матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потемкин». Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1961. 160 с.
- Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114.
- Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 55–63.
- Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
- Столяренко М.А. Непобежденная территория революции (Восстание на броненосце «Потемкин»). М.: Воениздат, 1974. 126 с.

Шугин В.В. Мятёжный броненосец «Потемкин»: в истории и в кино. М.: Вече, 2016. 381 с.

Bascomb N. *Red Mutiny: Eleven Fateful Days on the Battleship Potemkin*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin C°, 2007. XIII, 386 p.

Hough R. *The Potemkin Mutiny*. London: Hamilton, 1960. 176 p.

Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Berkeley: University of California Press, 1985. 224 p.

References

Antipin, N.A. (2012). 50-letie Russko-yaponskoy voyny v SSSR: kommemorativnye praktiki 1954–1955 [50th Anniversary of the Russian-Japanese War in the USSR: Commemorative Practices 1954–1955]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 40, pp. 79–93.

Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p.

Bascomb, N. (2007). *Red mutiny: Eleven Fateful Days on the Battleship Potemkin*. Boston, New York, Houghton Mifflin C°. XIII, 386 p.

Gavrilov, B.I. (1987). *V bor'be za svobodu: Vosstanie na bronenosce "Potemkin"* [In the Struggle for Freedom: Uprising on the Battleship "Potemkin"]. Moscow, Mysl'. 222 p.

Genkin, I.I. (1925). *Vosstanie na bronenosce "Potemkin Tavricheskiy": K dvadtsatiletiyu vosstaniya* [Uprising on the Battleship "Potemkin Tauride": On the 20th Anniversary of the Mutiny]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya. 80 p.

Hough, R. (1960). *The Potemkin Mutiny*. London, Hamilton. 176 p.

Kardashev, Yu.P. (2008). *Vosstanie. Bronenosets "Potemkin" i ego komanda* [Mutiny. Battleship "Potemkin" and His Team]. Kirov, Vyatka. 544 p.

Lychev, I.A. (1935). *Potemkintsy* [Potemkintsy]. Khabarovsk, Dal'giz. 148 p.

Lychev, I.A. (1954). *Potemkintsy: Vospominaniya uchastnika vosstaniya na bronenosce "Knyaz' Potemkin-Tavricheskiy"* [Potemkintsy: Memoirs of a Participant in the Rebellion on the Battleship "Prince Potemkin-Tauride"]. Moscow, Molodaya gvardiya. 136 p.

Moreva, E.V. (2019). Potemkintsy v Kamyshlove: Rozhdenie i krushenie odnoy legendy [Potemkin Residents in Kamyshlov: The Birth and Collapse of One Legend]. In *Klimat i priroda*. No 2 (31), pp. 30–39.

Nayda, S.F. (1950). *Revolyutsionnoe dvizhenie v Chernomorskom flote v gody Pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907 gg.)* [Revolutionary Movement in the Black Sea Fleet during the First Russian Revolution (1905–1907)]. Simferopol', Krymizdat. 112 p.

Platonov, A.V. (1930). *Bronenosets "Potemkin" (k 25-tiletiyu revolyutsii 1905 goda i vosstaniya matrosov na Chernom more)* [Battleship "Potemkin" (On the 25th Anniversary of the 1905 Revolution and the Uprising of Sailors on the Black Sea)]. Simferopol', Krymgosizdat. 28 p.

Ponomarev, I.I. (1955). *Geroy "Potemkina"* [Heroes of "Potemkin"]. Moscow, Voenizdat. 176 p.

Ponomarev, I.I. (1961). *Sud'by geroev: zapiski zhurnalista o poiskakh matrosov kreisera "Varyag" i bronenosca "Potemkin"* [The Fate of the Heroes: The Journalist's Notes on the Search for the Sailors of the Cruiser "Varyag" and the Battleship "Potemkin"]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.

Popov, A.D., Pivovarov, N.Yu., Sak, K.V. (2023). Ritmy proshlogo: pervye godovshhiny Velikoy Otechestvennoy voyny v sovetskoy politike pamyati 1945–1965 gg. [Rhythms of the past: The First Anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet Memory Politics (1945–1965)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 95–114.

Sak, K.V. (2021). Uchastniki dvizheniya Soprotivleniya vo Frantsii i sovetskaya nagradnaya diplomatiya (1955–1965 gody) [Participants of the Resistance Movement in France and the Soviet Award Diplomacy (1955–1965)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 3 (17), pp. 135–146. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (date of accessed 01.08.2024).

Savin, A.I. (2022). *Kommunisticheskiy purizm N.S. Khrushcheva i gosudarstvennaya nagradnaya politika "slavnogo desyatiletia"* [Communist Purism of N.S. Khrushchev and the State Award Policy of the "Glorious Decade"]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, No. 4, pp. 55–63.

Shigin, V.V. (2016). *Myatezhnyy bronenosets "Potemkin": v istorii i v kino* [The Mutiny Battleship "Potemkin": In History and in Films]. Moscow, Veche. 381 p.

Stolyarenko, M.A. (1974). *Nepobezhdennaya territoriya revolyutsii (Vosstanie na bronenostse "Potemkin")* [Undefeated Territory of the Revolution: (Mutiny on the Battleship "Potemkin")]. Moscow, Voenizdat. 126 p.

Volkov, E.V., Zhuravleva, N.S., Sibiryakov, I.I. (2021). *"Leningrada chernomorskiy brat" Sevastopol' v sovetskoy kul'turnoy pamyati* ["Leningrad Black Sea Brother": Sevastopol in Soviet Cultural Memory]. Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU. 499 p.

Zerubavel, E. (1985). *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Berkeley, University of California Press. 224 p.

К.Л. Захарова*

**ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНОВ
В СИБИРИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г.:
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-16
УДК 352.07(571)"1917"*Выходные данные для цитирования:
Захарова К.Л. Военнослужащие тыловых гарнизонов в Сибири в марте –
октябре 1917 г.: опыт политического участия // Исторический курьер. 2024.
№ 6 (38). С. 228–249. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-16.pdf>*

K.L. Zakharova*

**MILITARY PERSONNEL OF REAR GARRISONS
OF SIBERIA IN MARCH – OCTOBER 1917:
EXPERIENCE OF POLITICAL PARTICIPATION****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-16

*How to cite:
Zakharova K.L. Military Personnel of Rear Garrisons of Siberia in March – October
1917: Experience of Political Participation // Historical Courier, 2024, No. 6 (38),
pp. 228–249. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-16.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the problem of military personnel participation in the struggle for democratic changes in the garrisons of the Omsk and Irkutsk Military Districts after the February Revolution victory. The study examines the main activity areas of the Soviets as representative bodies of soldiers and officers in the field of resolving a set of problems united by the concept of “military issue”, and also identifies mechanisms for involving the contingent of rear garrisons in the socio-political movement. The phenomenon of the army of revolutionary times is characterized and the socio-psychological transformation of military personnel during the period under study is shown. Conclusions are drawn that the struggle of military personnel with the assistance of the Soviets for democratization of the army degenerated into a struggle against the army itself as an institution. Due to the absence of a unified system of Soviets in Siberia and, as a consequence, a unified strategy for revolutionary changes within the garrisons, the decisions taken by the Soviets were often inconsistent and contradictory. The destruction of command unity as the basic principle of the troops internal structure contributed to the loss of controllability of the armed forces contingent and led to a decline in the combat effectiveness of the army and its disintegration. Evaluating the place and role of military personnel of rear garrisons in the revolutionary process development in the provinces, we can say that the soldiers’ route to peace after February 1917 lay through the collapse of military discipline and the spread of destructive forms of behavior, which contributed to the country’s descent into chaos and anarchy.

Keywords: February Revolution of 1917, Omsk Military District, Irkutsk Military District, Soviets of Workers’ and Soldiers’ Deputies, “military question”; democratization of the army.

*The article has been received by the editor on 23.09.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

* **Ксения Леонидовна Захарова**, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kleo_zakharova@mail.ru

Kseniya Leonidovna Zakharova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kleo_zakharova@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Actor Identity” (FWZM-2024-0008).

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия военнослужащих в борьбе за демократические преобразования в гарнизонах Омского и Иркутского военных округов после победы Февральской революции. В исследовании рассмотрены основные направления деятельности Советов как представительных органов солдат и офицеров в области разрешения комплекса проблем, объединяемых понятием «военный вопрос», а также выявлены механизмы вовлечения контингента тыловых гарнизонов в общественно-политическое движение. Дана характеристика феномена армии революционного времени и показана социально-психологическая трансформация военнослужащих в течение изучаемого периода. Сделаны выводы о том, что борьба военнослужащих при помощи Советов за демократизацию армии выродилась в борьбу с самой армией как институтом. Ввиду отсутствия в Сибири единой системы Советов и, как следствие, единой стратегии по вопросам революционных преобразований внутри гарнизонов принимаемые Советами решения часто были непоследовательными и противоречивыми. Разрушение единоначалия как базового принципа внутреннего устройства войск способствовало потере управляемости контингентом вооруженных сил и вело к падению боеспособности армии и ее разложению. Давая оценку месту и роли военнослужащих тыловых гарнизонов в развитии революционного процесса в провинции, можно говорить о том, что путь солдат к миру после Февраля 1917 г. лежал через развал воинской дисциплины и распространение деструктивных форм поведения, что способствовало погружению страны в хаос и анархию.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Омский военный округ, Иркутский военный округ, Советы рабочих и солдатских депутатов, «военный вопрос», демократизация армии.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024 г.

Февральская революция 1917 г. и вызванные ею трансформации в социально-политической системе России происходили в контексте продолжавшейся Первой мировой войны, когда резко возросла численность армии, а вместе с тем и роль военнослужащих в государственной жизни. Успех революции во многом зависел от того, на чьей стороне окажутся вооруженные силы. Поэтому весьма закономерно, что одной из приоритетных задач ведущих политических акторов стала борьба за лояльность солдатских масс и офицерства. Как следствие, в первые же дни Февральской революции актуализировался вопрос об изменении правового положения военнослужащих с целью допустить их к участию в политике на равных основаниях со всеми гражданами обновленной России. Советы рабочих и военных депутатов осознавали необходимость демократических преобразований, призванных изменить уклад внутренней жизни в казармах и расширить права солдат за их пределами.

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, формально распространявшийся лишь на гарнизон Петроградского округа, на деле повсеместно был воспринят как прямое руководство к действию в рамках процесса демократизации армии. Приказ определял новое правовое положение солдат, регламентировал отношения между офицерами и солдатами и вводил коллегиальное управление в войсках путем создания комитетов из выборных представителей нижних чинов, отменив тем самым единоначалие как основной принцип внутреннего устройства армии. «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане», – говорилось в приказе¹. Следующим шагом на пути расширения гражданских прав солдат стал изданный 5 марта 1917 г. военным министром А.И. Гучковым приказ по военному ведомству № 114. Суть приказа

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

сводилась к требованию вежливого обращения с солдатами, к отмене титулования и ряда ограничений устава внутренней службы, в том числе запрещавшего солдатам посещать клубы и собрания, а также (и это было особенно важно) участвовать в качестве членов в союзах и обществах, образуемых с политической целью². Фактически с этого момента военнослужащие на законных основаниях становились полноправными участниками революционного процесса.

Демократизация войск, охватившая русскую армию, не обошла стороной и расположенные в Сибири тыловые гарнизоны, где большим влиянием пользовались мобилизованные политические ссыльные – революционный авангард провинции. Однако, несмотря на научный интерес к проблеме борьбы за солдатские массы, обусловленный признанием важной роли армии в развитии революционного процесса, этот сюжет не получил глубокой проработки в рамках советской историографии. Тем не менее отечественные историки создали хороший задел в контексте изучения проблемы взаимоотношений армии и Советов³. Современным авторам удалось значительно расширить проблемное поле, поставить и решить новые исследовательские задачи, связанные с различными аспектами «военного вопроса» в 1917 г.⁴ Значимым научным вкладом стала диссертация И.А. Попова, посвященная участию военнослужащих Западной Сибири в революционном процессе через свои представительные органы и остающаяся наиболее полным специальным исследованием по данной теме⁵.

Обзор историографической ситуации показывает, что основной фокус внимания ученых был направлен на анализ участия в революционном процессе солдат и офицеров Западной и Средней Сибири. Данная статья ставит своей целью расширить территориальные

² Вестник Временного правительства (Петроград). 1917. 7 (20) марта. С. 1.

³ *Самойлов Л., Циркунов Г.* Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. С. 64–66; *Фабричный А.В.* Борьба за Советы: Омск, 1917–1918. Омск, 1942; *Сафронов В.П.* Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск, 1962; *Соловьева В.А.* Советы Томской губернии в период двоевластия (март – июль 1917 г.) // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 3–25; *Соловьева В.А.* Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 137–152; *Чижев И.Г.* Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 39–80; *Чижев И.Г.* Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. V. С. 125–158; *Иванов Ю.В.* Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях (1905–1907; март – октябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал. [А.А. Таубе]. Новосибирск, 1972; *Баталов А.И.* Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918 г.). Новосибирск, 1978; *Бабикина Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980; и др.

⁴ *Чернова И.В.* Самоуправление в армии в период революции 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск, 1994. С. 33–34; *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.; *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996; *Кожевин В.Л.* Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 91–103; *Кожевин В.Л., Попов И.А.* К вопросу о возникновении Омского союза солдат-крестьян // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. 1. Омск, 2002. С. 54–156; *Шекшеев А.П.* Русское офицерство тыловых гарнизонов Енисейской губернии в 1917 г. // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. Вып. 11. Омск, 2015. С. 94–102; *Шекшеев А.П.* Солдатская революция в Красноярском гарнизоне в последний год Великой войны // Война и личность: роль и место личности в истории войн: мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию Брусиловского прорыва (Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.). Новосибирск, 2016. С. 113–119; *Еремин И.А.* Подготовка людских резервов для действующей русской армии в Западной Сибири в условиях хаоса 1917 г. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (30). С. 47–51; *Еремин И.А.* Сознательный развал русской армии как неизбежное следствие государственного переворота в феврале 1917 г. (на примере Омского военного округа) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 35–39; *Никулин Д.О.* Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. Новосибирск, 2022.

⁵ *Попов И.А.* Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

рамки исследования темы и продолжить изучение опыта борьбы военнослужащих сибирских гарнизонов за демократизацию Омского и Иркутского военных округов.

Важным шагом в череде революционных преобразований стали кадровые и структурные изменения внутри военных округов. Аресты и смещение с должностей военнослужащими «враждебных», на их взгляд, чинов из числа командного состава стали обычной практикой в гарнизонах, что потребовало вмешательства комитетов общественной безопасности (КОБов) и Советов с целью взять этот процесс под свой контроль. С одной стороны, чтобы не допустить анархии и самосудов, а с другой – чтобы обеспечить наиболее выгодную для себя расстановку сил в руководстве гарнизонов. Так, Совет солдатских депутатов Томского гарнизона на заседании 6 марта признал «вполне понятным» стремление солдат сместить своих командиров, «сумевших за время своего бесконтрольного хозяйничества вызвать в большинстве товарищей враждебные к себе отношения»⁶. В то же время члены Совета призывали «не обострять слишком отношений» и в случае необходимости поручить им дело замены командиров, «не предпринимая в этом направлении самостоятельно ничего»⁷. Так же и Совет военных депутатов Иркутска первоочередной своей задачей декларировал «внести успокоение среди солдат и произвести необходимые перемещения в командном составе» и арестовать особо неугодных лиц⁸.

Замена командиров хоть и стала практически повсеместным явлением, но не происходила лишь по первому требованию солдат. Этот процесс растянулся на многие месяцы. Так, в августе Окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири рассматривало заявление «о несоответствии переживаемому моменту» командира 609-й пешей Акмолинской дружины государственного ополчения⁹ полковника А.-Ф.В. Ивашкевича. Выяснилось, что отношение полковника к солдатам до революции было «невыносимым»: он до полусмерти избивал их. «Поразительно изменивший свои взгляды после переворота», со временем Ивашкевич снова стал менее лояльным и менее восприимчивым к запросам солдат. После Февраля 1917 г. весь гарнизон просил убрать «нежелательного» командира из Читы, но вопрос о переводе откладывался, «где-то придерживался», и в результате полковник Ивашкевич остался на своем месте¹⁰. Окружное бюро постановило передать дело Ивашкевича на рассмотрение Читинскому Совету солдатских депутатов, после чего возвратить его в Бюро для назначения в случае необходимости смешанной комиссии для расследования. Совет и Бюро не могли лишь своим решением сместить полковника с занимаемой должности (хотя в марте 1917 г. в условиях революционного хаоса это еще было возможным), но смогли поспособствовать его уходу, обратившись от имени солдат к вышестоящему начальству.

Параллельно с процессом смещения с должностей военнослужащие инициировали выборы своих командиров, что ранее казалось немыслимым. Так, 4 марта было назначено общее собрание офицеров Омского гарнизона, которое в составе более тысячи человек единогласно избрало на должность командующего войсками Омского военного округа генерал-майора Г.В. Григорьева и начальником штаба – генерала В.Г. Владимирова¹¹. Григорьев, фактически приступивший к исполнению своих обязанностей с момента избрания, был утвержден в должности сначала Коалиционным комитетом, а позднее и военным министром А.И. Гучковым. 5 марта заседание офицеров Томского гарнизона вместо смещенного полковника В.А. Бирона избрало начальником гарнизона (а также 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады) полковника Калину, уважаемого в войсках¹². Инициатива избрания, шедшая снизу, стала огромным шагом на пути демократизации армии. Вскоре уже сам Г.В. Григорьев «ввиду крайней необходимости поддержания полного спокойствия

⁶ Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 21 марта.

⁷ Там же.

⁸ Единение (Иркутск). 1917. 30 апр.

⁹ Расквартирована в Чите, Забайкальская область, Иркутский военный округ.

¹⁰ Единение (Иркутск). 1917. 12 авг.

¹¹ Омский вестник. Приложение к № 52. 1917. 7 (20) марта.

¹² Омский вестник. Приложение к № 60. 1917. 17 (30) марта.

и порядка» утвердил в должности начальника Тобольского гарнизона полковника Строганова (вместо смещенного полковника Захарова). При этом Григорьев, опасаясь, вероятно, нарушения субординации и анархии, обратился к гарнизону с просьбой «на будущее время не допускать подобного способа назначения начальствующих лиц»¹³.

«Генералом от Революции» называли командующего войсками Иркутского военного округа П.Г. Фелицына, выдвинутого на этот пост Комитетом общественных организаций и Иркутским революционным гарнизоном, как сообщала газета «Армия и народ»¹⁴. В марте полковник Фелицын сначала был назначен временно командующим войсками округа, а в апреле, после того как ему было присвоено звание генерал-майора, он уже был назначен командующим. 4 апреля 1917 г., в день пятилетней годовщины расстрела рабочих на Лене, Иркутский объединенный Совет рабочих и военных депутатов «от имени Революции» в торжественной обстановке преподнес П.Г. Фелицыну генеральские погоны¹⁵. Этот эпизод, красочно описанный в прессе, бесспорно, повлиял на формирование образа командующего как лояльного военачальника и товарища солдат, готового к тому же сотрудничать с их представительными органами.

Тенденция к введению выборного начала и коллегиального управления в войсках выразилась в том, что в сибирских гарнизонах были организованы войсковые комитеты разных уровней. Это было поддержано и в отдельных случаях инициировано местными Советами. Так, Иркутский Совет военных депутатов взял на себя разработку Устава комитетов войсковых частей гарнизонов Иркутского военного округа, который был утвержден 8 марта¹⁶. В уставе подробно регламентировалась процедура выборов и нормы представительства в комитетах, объединивших офицеров, военных чиновников и солдат, а также описывался механизм взаимоотношений по делам гарнизона между разными инстанциями¹⁷. Некоторым, однако, этот документ показался недостаточно прогрессивным. На этой почве возник конфликт Верхнеудинского Совета рабочих и солдатских депутатов с Иркутском, поскольку полученный проект военных организаций оказался менее демократичным, чем устав, выработанный здесь. В Верхнеудинском гарнизоне решения местных комитетов только сообщались командирам частей для сведения, но не для утверждения. При этом для согласования действий войсковых комитетов была организована объединенная комиссия, в которую вошли представители как Совета рабочих и солдатских депутатов, так и местного КОБа¹⁸.

Советы Западной Сибири также постепенно решали задачи как разграничения полномочий в сфере «военного вопроса», так и введения коллегиального управления в войсках. Так, 5 марта на общем собрании офицеры Томского гарнизона постановили принять на себя «безусловное руководство в устройении внутреннего быта и распорядка во всех частях, входящих в состав Томского гарнизона», а также «разрешение всех военно-технических и военно-административных вопросов»¹⁹. В этот же день собрание Томского Совета солдатских депутатов постановило избрать своего представителя для контроля деятельности начальника гарнизона. Единогласно при одном воздержавшемся был избран член Совета Н.Н. Яковлев²⁰. В дальнейшем также закрепилась практика, согласно которой ни один приказ по гарнизону не мог быть обнародован без визы членов Гарнизонного Совета – одного солдата и одного офицера²¹.

¹³ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 12 марта.

¹⁴ Армия и народ (Иркутск). 1917. 7 апр.

¹⁵ Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 7 апр.

¹⁶ Единение (Иркутск). 1917. 30 апр.

¹⁷ Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988. С. 26–27.

¹⁸ Единение (Иркутск). 1917. 7 мая. С. 4; Армия и народ (Иркутск). 1917. 11 мая.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 7 марта. С. 3.

²⁰ Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 г.: сб. док-тов и мат-лов. Томск, 1976. С. 18.

²¹ Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 25 марта. С. 4; Чернова И.В. Самоуправление в армии в период революций 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск, 1994. С. 33.

В приказе начальника гарнизона полковника Калины от 13 марта 1917 г. разъяснялось, что полковые комитеты, действовавшие на началах паритетного представительства, как и Гарнизонный Совет, ведают вопросами быта и внутреннего распорядка, а их постановления обязательны для всех чинов отдельной части или гарнизона при условии согласия с ними начальника части или гарнизона соответственно. «Солдаты, слушайте своих офицеров, заявляйте свои недовольства в комитеты, которые по совести разберут каждый случай и вынесут свое решение», – говорилось в приказе²². Также утверждался механизм соподчинения и взаимодействия, согласно которому при возникновении разногласий между командованием полков и комитетами дело разбиралось в Гарнизонном Совете, а в случае разногласий между начальником гарнизона и Гарнизонным Советом дело следовало передавать на рассмотрение в офицерский и солдатский Совет²³.

Из Томска в города Западной Сибири для пропаганды коллегиальных форм управления в гарнизонах и для ходатайства перед командующим войсками округа об официальном утверждении этой практики были командированы член Совета солдатских депутатов В.М. Косарев и представитель КОБа прапорщик М.П. Рудаков. На заседании исполкома Новониколаевского Совета докладчики сообщили, что в воинских частях Томска введено коллегиальное управление, а приказы командиров без утверждения их войсковыми комитетами «считаются недействительными»²⁴. При этом сами комитеты, решающие «чисто технические вопросы военной жизни», подчинены Советам солдатских и офицерских депутатов, ответственным за «вопросы общегосударственной жизни»²⁵.

Однако сами Советы не до конца понимали свою функцию в контексте решения «военного вопроса» и ее границы. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившее в Петрограде с 28 марта по 3 апреля 1917 г., смогло более четко разграничить компетенции войсковых комитетов и Советов. Совещание признало, что большинство прав солдат фактически во многих местах было осуществлено, но явочным, т.е. захватным порядком. Из-за чего «получилась большая пестрота»²⁶. Единственно законной нормой в области солдатских прав оставался приказ № 114, который, по мнению участников Совещания, регулировал лишь «пустячные и мелочные права из области воинского чиновничества»²⁷. В связи с этим Совещание ставило своей задачей «организовать солдатскую массу как часть всей общереволюционной демократии» и предлагало реформировать профессиональную организацию военных, чтобы приспособить ее «к тем новым задачам и настроениям, к тому новому духу, который теперь у нас благодаря свободе воцарился»²⁸.

Совещание квалифицировало войсковые (полковые, ротные и т.д.) комитеты как профессиональные солдатские организации, которые должны были стать органами солдатского самоуправления, чья главная цель – «обслуживание социально-общественных нужд» солдат соответствующей части (роты, эскадрона, батареи и пр.)²⁹. Но цель эта понималась достаточно широко. Войсковые комитеты должны были стать такими органами солдатского самоуправления, которые бы имели право издавать приказы, обязательные для всей воинской части, поскольку только в этом случае они «будут авторитетны, только тогда армия будет боеспособна, когда не будет двоевластия»³⁰. Но фактически это и означало создание условий для возникновения двоевластия в управлении армией.

²² Цит. по: *Кожевин В.Л.* Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 94.

²³ Там же.

²⁴ *Голос Сибири (Новониколаевск)*. 1917. 17 марта.

²⁵ Там же.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 2. Стенограммы заседаний Всероссийского совещания делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов за время с 28 марта по 3 апреля 1917 г. Л. 265.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 277.

²⁹ Там же. Л. 279.

³⁰ Там же. Л. 281.

Советы рабочих и солдатских депутатов в свою очередь должны были стать «высшими выразителями и руководителями политической воли и политического действия солдатской массы»³¹. Задача Советов – «организовать армию как часть демократии для защиты свободы страны от контрреволюции, откуда бы она не шла»³². Согласно замыслу участников Совещания, революционно-демократические солдатские организации, т.е. Советы, не являются «органами солдатского самоуправления в смысле правительственных органов»: они не издают приказы, обязательные для воинских частей, но «издают постановления для всякого солдата, поскольку он является членом демократии»³³. При этом Советы могли выступать с инициативами реформирования армии в целом, поскольку армия объединяла революционную демократию в лице солдат.

Войсковые комитеты, выражая волю своих частей и оставаясь «совершенно самостоятельными в пределах своих полномочий», в отношении политическом должны были находиться «в тесном единении» с Советами рабочих и солдатских депутатов и подчиняться их решениям в отношении политических действий³⁴. При этом участники совещания допускали оговорку, значительно расширявшую пределы полномочий Советов, смешивая их функции и функции комитетов: «...в нынешнее революционное время нет ни одного вопроса чисто профессионального, и всякий вопрос может стать политическим...»³⁵.

Резолюция Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов фактически подчинила войсковые комитеты Советам. Опиравшийся на решения этого Совещания приказ военного министра А.И. Гучкова № 213 от 16 апреля 1917 г. узаконил существование в армии системы войсковых комитетов (ротных, полковых, армейских) и предусматривал возможность их взаимодействия с Советами³⁶. По сути, этот приказ уточнил и юридически закрепил практику, уже сложившуюся на местах. Так, например, еще до публикации этого документа попытка унифицировать произошедшие изменения в управлении гарнизонами была предпринята в рамках областного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири.

12 апреля 1917 г. военной секцией съезда было разработано и принято Положение о ротных и полковых комитетах. Согласно этому положению, на ротные и полковые комитеты, организованные «для сплочения всей русской армии в единую организацию», возлагались следующие практические задачи: решение различных вопросов, касающихся внутреннего быта части; контроль за хозяйственной деятельностью чинов частей; выяснение недопониманий между солдатами и офицерами; принятие мер против злоупотребления и превышения власти со стороны должностных лиц части; подготовка к выборам в Учредительное собрание³⁷. Отдельно был разработан вопрос о связи комитетов с местными Советами рабочих и солдатских депутатов и Петроградским Советом. Предполагалось, что комитеты должны иметь возможность поддерживать Советы «в нужную минуту и не дать вернуться к старому порядку»³⁸.

Командующий войсками Иркутского военного округа генерал Фелицын в своей деятельности, касающейся всего округа или отдельных гарнизонов, должен был находиться «в самой тесной связи» с созданным на съезде Бюро Советов Восточной Сибири. Приказы командующего по округу издавались в полном согласии с Бюро, «всякая мера, предпринятая им с целью изменения условий жизни войск округа», осуществлялась лишь при одобрении Бюро и должна была быть «безусловно выполнена и проведена в жизнь всеми военными

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 2. Л. 281–282.

³² Там же. Л. 282.

³³ Там же. Л. 279.

³⁴ Там же. Л. 282.

³⁵ Там же. Л. 283–284.

³⁶ Приказ № 213 по военному ведомству о введении в действие Положения о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах // Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 78–92.

³⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 21 апр. Приложение к № 5. С. 1.

³⁸ Там же.

организациями, каждым товарищем солдатом и офицером». Бюро Советов Восточной Сибири настаивало, что «во имя великих задач, стоящих перед страной, необходима крепкая дисциплина, необходимо полное единство действия всех частей революционной армии, всех ее органов»³⁹.

В мае 1917 г. на первом Западно-Сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов также было разработано Положение о коллегиальном управлении в войсках. Участники съезда пришли к соглашению, что «оставление организации армии в дореволюционном виде, противоречащем основным демократическим принципам, невозможно и даже небезопасно, как для дела революции, так и для состояния боевой мощи армии». Съезд постановил создать органы коллегиального управления, тесно связанные с Советами рабочих и солдатских депутатов, а именно: ротные, полковые, гарнизонные, военно-окружные комитеты. Все вопросы, выходящие из сферы компетенции единоличной власти начальника, должны были поступать на разрешение соответствующих комитетов и приводиться в исполнение начальником в обычном порядке. На заседаниях комитетов начальник мог присутствовать с правом совещательного голоса. В совместных действиях войсковые начальники и соответствующие комитеты должны были руководствоваться «основами взаимного осведомления и совещания по всем вопросам», при этом войсковые начальники сохраняли за собой власть в вопросах хозяйственных и вопросах военно-технических и боевой подготовки⁴⁰.

Также съезд постановил учредить при командующем войсками округа коллегиальный орган – Военно-окружной комитет (ВОКом). В его состав вошли 15 человек под председательством солдата И.П. Азарова (меньшевик-интернационалист). Теперь приказы командующего округом считались законными только после подписания их членами ВОКома. Участники съезда планировали масштабные трансформации и считали, что коллегиальное управление должно быть завершено образованием Центрального военного комитета, выделенного из состава Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴¹.

Под воздействием решений Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов командующий войсками Омского военного округа генерал-майор Григорьев издал 15 мая 1917 г. приказ № 286, в котором объявлялось о переходе «от единоличного к коллективному управлению» в воинских частях. Новые органы управления при этом должны были быть тесно связаны с Советами рабочих и солдатских депутатов. Созданные солдатские комитеты «при соответствующих начальниках» объявлялись «органами всестороннего контроля». Кроме того, упразднялась «единоличная дисциплинарная власть» воинских начальников, которая теперь переходила «к соответствующим комитетам»⁴². Также ВОКом совместно с командующим округом выработал «Положение о гарнизонных комитетах» (приказ по округу № 308 от 27 мая 1917 г.), которое значительно расширило официальное «Положение о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах». Согласно Положению, гарнизонные комитеты в своей политической деятельности должны были подчиняться непосредственно Советам рабочих и солдатских депутатов и принимать меры борьбы с контрреволюционными течениями среди воинских чинов и поддерживать основы самоуправления в войсках⁴³.

Хотя ВОКом к этому времени уже являлся действующим звеном в системе Советов, «Положение об Омском военно-окружном комитете» было объявлено приказом командующего округом лишь спустя несколько дней – 5 июня 1917 г. ВОКом официально получил статус высшего контрольного органа в округе и возможность влиять на все сферы армейской жизни. В своей совместной деятельности ВОКом и командующий войсками должны были

³⁹ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая.

⁴⁰ Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 июня (26 мая).

⁴¹ Там же.

⁴² Революционное движение в военных округах... С. 103.

⁴³ Приказы по войскам Омского военного округа. 1917. № 1–893. (Репродуцирован в 2012 году). Омск, 2012. С. 421–423.

руководствоваться «основами взаимного осведомления и совещания»⁴⁴. При этом ВОКом «в порядке спешности в случае разногласий с командующим войсками» получил право самостоятельно издавать приказы и приказания, внося их на предварительное рассмотрение Областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири и доводя об этом до сведения военного министра⁴⁵.

Фактическая ликвидация принципа единоначалия как основы эффективного управления войсками привела к разрушению воинской дисциплины, поскольку «авторитет и возможности офицеров влиять на солдатскую массу при таком порядке вещей резко снижались»⁴⁶. При этом попытки офицеров этот принцип отстоять могли стоить им занимаемой должности. Советы и войсковые комитеты, принимая на себя обязанности разрешения конфликтов между военнослужащими, руководствовались при этом «расплывчатым представлением о революционной справедливости»⁴⁷. Так, 25 июля губисполком Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад о деятельности командира 14-го полка подполковника Панченко и резолюцию об устранении его от должности. Совет согласился с доводами полкового комитета о том, что подполковник Панченко «вопреки принципам демократии армии, установленным волей органов революционной власти», отказался признать полномочия полкового комитета, чинил препятствия его деятельности, «противопоставляя ему свою единоличную власть», а также «обнаружил небрежное и недопустимое отношение к своим обязанностям». Исполком постановил устранить подполковника Панченко от командования полком. Также Панченко был обвинен в контрреволюционной деятельности и агитации против Советов рабочих и солдатских депутатов⁴⁸.

Падение авторитета командиров и потеря ими единоличного права на применение дисциплинарных взысканий неизбежно вели к тому, что солдаты превращались в деструктивный элемент, способный дестабилизировать хрупкий порядок, который так непросто было поддерживать после Февраля. Проблема дисциплины и вольного трактования полученных свобод остро встала в первые же дни после победы революции. В журнале «Армия и народ» еще в марте 1917 г. на злобу дня была опубликована статья «Солдатские думы», в которой автор рассуждал о переменах в армейском укладе. «В стране бесправия и произвола, в стране, где все было задушено в судорожно сжавшемся кулаке умиравшего самодержавия, в этой стране нам – солдатам – казалось за великое счастье быть “вольным человеком”, т.е. ходить в штатском платье», – писал автор⁴⁹. В то время все начальство, начиная с ефрейтора и заканчивая генералом, могло безнаказанно издеваться над личностью солдата, «заставляя до изнеможения бегать и делать упоры лежа». Тогда солдат «били, обворывали, кормили впроголодь, водили босиком, на поле битвы оставляли без винтовок и патронов, и нигде нельзя было правды найти: начальник (особенно офицер) был всегда прав». Теперь же, получив права, солдаты забыли о своих обязанностях: «Наша воля, что хотим, то и делаем»⁵⁰. Раньше солдат по приказу начальника делал все – и служебное, и неслужебное, теперь многие и «службу несут спустя рукава, делают самовольные отлучки, пьянствуют», чувствуя безнаказанность. Сейчас все должны служить «одному великому делу, делу спасания свободной родины», а потому приказания начальства должны «исполняться еще добросовестней и аккуратней, чем делалось это раньше»⁵¹. Автор статьи также напоминал, что «требования службы, требования закона и порядка должны быть святы одинаково как для солдат, так и для офицеров»⁵².

⁴⁴ Приказы по войскам Омского военного округа... С. 474.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Попов И.А. Советы военных депутатов Западной Сибири... С. 65.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов): сборник документов. Красноярск, 1960. С. 153–154.

⁴⁹ Армия и народ (Иркутск). 1917. 28 марта. С. 14.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 14–15.

⁵² Там же. С. 14.

Однако военнoслужашчие оказались не очень восприимчивы к подобным призывам. И со временем ситуация не только не изменилась, но и ухудшилась. Уставные требования к поведению, равно как и к соблюдению правил внутреннего распорядка в частях, систематически нарушались. «Мрачная картина упадка порядка и дисциплины в войсках» стала одной из самых обсуждаемых тем в общественной повестке⁵³. Так, в донесении от 12 мая 1917 г. Енисейский губернский комиссар В.М. Крутовский сообщал, что исполком Красноярского Совета «действует по своему усмотрению, ни у кого не спрашивает разрешения», опираясь на «дезорганизованную солдатскую массу». Против произвола, чинимого солдатами, «нет сил бороться». При этом «командный состав растерян, напуган и, в свою очередь, беспрекословно подчиняется» исполнительному комитету Совета. Согласно донесению комиссара, «уходя в отпуск в деревню, солдаты подражают порядкам города и бесчинствуют на местах, внося анархию, произвол и насилие», что также сопровождается «присвоением имущества и грабежами». Крутовский был уверен, что «смута в умы темных масс вносится безответственными деятелями Совета рабочих и солдатских депутатов»⁵⁴.

С проблемами солдатской дисциплины столкнулись не только наиболее революционные Томский и Красноярский гарнизоны, где активную пропаганду вели большевики. Исполнительная военная комиссия Совета рабочих и военных депутатов Иркутска, именовавшая себя «выборным руководителем армии», в мае делала доклад о положении в гарнизоне. Комиссия настаивала, что «обывательские разговоры о дезорганизации армии, о чуть ли не царящей в военной среде анархии и пр., в большей степени объясняются тем, что широкие круги населения не знают о той планомерной работе по созданию крепкой организации, которая ведется как в местном гарнизоне, так и повсеместно по России»⁵⁵. 12 мая члены исполнительной военной комиссии поверяли 10-й Сибирский стрелковый запасной полк и удостоверились, что занятия в двух ротах учебной команды «ведутся правильно, при полном составе солдат и офицеров», отлично налажена деятельность полкового комитета, организован полковой клуб, библиотека, устраиваются спектакли и лекции на политические темы, издается полковая газета⁵⁶. Обстановку в полку можно было назвать образцовой, что следует, скорее, считать явлением исключительным или, во всяком случае, редким.

При этом все же нужно отдать должное работе исполнительной военной комиссии, регулярно проводившей проверки Иркутского гарнизона. Однако результат этих проверок не всегда можно было назвать удовлетворительным. Комиссия была вынуждена признать, что в гарнизоне не налажена караульная служба: караулы сменялись с большим опозданием, часовые сидели на постах, солдаты были одеты небрежно – бывали без погон, поясов и подсумков. Полковые комитеты также докладывали, что нередко караульные спали прямо на посту, при этом камеры арестантов были открыты, а арестованные свободно разгуливали, где им вздумается⁵⁷. В июне на основании осмотра частей гарнизона исполнительная военная комиссия Иркутского Совета вынесла заключение. В частности комиссия просила солдат «прекратить совершенно ношение смешанной одежды», а также требовала, чтобы «солдаты на службе были всегда одеты по форме, то есть подпоясаны, имели погоны и кокарды»⁵⁸. Исполнительная военная комиссия требовала от выборных органов военного самоуправления «непрерывной самодеятельности и полной энергии в проведении мероприятий, направленных к укреплению нашей революционной армии»⁵⁹. Также комиссия обратила внимание на «отсутствие офицерской работы», заключив, что «только меньшая часть

⁵³ Армия и народ (Иркутск). 1917. Там же. 11 мая. С. 5.

⁵⁴ За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 гг.). Красноярск, 1957. С. 87.

⁵⁵ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая.

⁵⁶ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая; Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая. Прибавление к № 12. Подробнее о деятельности полкового комитета 10-го сибирского стрелкового запасного полка см.: Армия и народ (Иркутск). 1917. 12 апр.

⁵⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая. Прибавление к № 12.

⁵⁸ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 10 июня.

⁵⁹ Единение (Иркутск). 1917. 6 июня. С. 2.

офицерства отдается делу боевой и культурно-просветительной подготовки солдат с полным напряжением сил»⁶⁰. Как следствие – во многих частях гарнизона распространилась карточная игра и орлянка.

Описанные проблемы были типичны для сибирских гарнизонов в целом. Поездка представителя Окружного бюро тов. Гноева по Советам и гарнизонам Забайкальской области также выявила множество характерных нарушений. В Сретенске занятия в ротах не велись, а присланные молодые солдаты двухнедельного обучения не знали даже основ гарнизонной службы и строя. При этом заниматься они отказывались, мотивируя это тем, что им скоро на позиции. Караульная служба также была поставлена плохо: «часовые наделили себе на вышках лавочки, на которых днем сидят, а по ночам дремлют»⁶¹. По словам докладчика, «солдаты шляются в самом неприличном виде и даже больше: играют в центре города на улице в орлянку, а милиция ничего не предпринимает»⁶². Гноев отметил недостаток ответственных работников и низкий авторитет Совета, не способного подчинить себе политическое воспитание солдат: «часто в роте нет грамотного человека, но зато есть демагоги, которые выводят гарнизон на улицу помимо желания Совета»⁶³.

В Чите, согласно докладу Гноева, занятия велись «только в некоторых ротах и то с грехом пополам», было мало библиотек, газеты не выписывались. Караульная служба была налажена плохо: «те же лавочки, что и в Сретенске». При посещении делегацией частей гарнизона караульный начальник спал, а в одной из дружин на гауптвахте арестованные открыто и свободно гуляли с посетителями. Солдаты выглядели небрежно: «ходят здесь, как и в других местах, неприлично, в растерзанном виде» и «даже в строю одеты часто так, как Бог на душу положит». По словам докладчика, у него создалось впечатление, что «это не армия, а толпа, недостойная свободного народа». «Когда я задавал вопрос о том, что устав гарнизонной службы пока ведь не отменен, и почему же позволяют нарушать то, что, вероятно, будет признано и новым уставом <...> начальство в ответ разводило руками, что оно еще не освоилось с новым положением и растерялось», – сообщал Гноев⁶⁴.

На заседании Окружного бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири 30 июня тов. Калашниковым был сделан доклад о положении дел в Енисейской губернии. По словам докладчика, «в Красноярске чувствуется чрезвычайная разрозненность и неорганизованность»⁶⁵. Культурно-просветительной работы в гарнизоне не было, только митинговая. Строевые занятия не велись: «солдаты лежат целые дни или бродят по городу»⁶⁶. Из сообщения красноярского офицера (остался неназванным) на совещании демократических организаций города 9 августа можно заключить, что спустя полтора месяца ситуация не изменилась. Падение дисциплины в гарнизоне сказалось на несении караульной службы, были даже случаи отказа рот вступить в караул. Нередко оказывались виноваты сами офицеры, запаздывающие на развод караулов: солдаты при разводе могли ждать караульного офицера по два-три часа. Досуг в гарнизоне не был организован, что вело к различным злоупотреблениям. Многие проводили время в играх в карты, в орлянку. Среди солдат были те, кто занимался торговлей казенными вещами. Иногда частные лица пользовались солдатской формой, чтобы творить произвол, оставаясь безнаказанными. «Солдаты дебоширят в публичных местах. Появляются с гармошкой в гор[одском] саду. На днях двое вынудили извозчика въехать в городской сад для общего скандала». «В уездах такой же развал, еще менее сдерживаемый. Солдаты в деревнях творят свою волю и часто сбивают население на насилья», – докладывал собранию офицер⁶⁷. Похожую картину положения дел в Красноярске обрисовал в своем докладе поручик Краковецкий на собрании Иркутского

⁶⁰ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 10 июня.

⁶¹ Единение (Иркутск). 1917. 22 июля.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. 4 июля.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 11 авг.

Совета военных депутатов 28 августа. По словам Краковецкого, в Красноярске «давно было неблагополучно»: занятия в гарнизоне не велись, солдаты «бродили со скучающими лицами по улицам, играли в орлянку, занимались торговлей, казенные вещи продавали и ходили оборванцами...»⁶⁸.

Мер морального воздействия оказывалось недостаточно, чтобы предотвратить подобные явления, ставшие повсеместными. По войскам Омского гарнизона был объявлен приказ о строжайшем надзоре за тем, чтобы особо наряжаемые патрули задерживали солдат, играющих в азартные игры. Предписывалось также задерживать солдат, бродящих в часы учебных занятий по городу⁶⁹. Газета «Омский вестник» сообщала, что среди солдат, живущих в казармах, развилась лотерейная эпидемия: разыгрывались всевозможные вещи, например гармоники, балалайки, сапоги, гимнастерки, револьверы и прочее. Причем вещи разыгрывались по двойной и более высокой цене. Но вместе с тем в заметке отмечалось, что после издания приказа о запрете азартных игр увлечение игрой в орлянку пошло на убыль⁷⁰.

В газете «Сибирская жизнь» была опубликована большая статья, посвященная состоянию Томского гарнизона. Автор статьи под псевдонимом «прапорщик И. Б.» описывал, «как солдаты занимаются бесцельным хождением по базарам, улицам, луцением семечек, слушанием малограмотных митинговых ораторов да ухаживанием за кухарками»⁷¹. По словам автора, жители города, наблюдая такое поведение, высказывали оправданные замечания: «Все перезабыли. Даже в ногу ходить не умеют. На солдат даже не похожи»⁷². Проверка личного состава в частях Томского гарнизона в августе обнаружила массовые самовольные отлучки: «солдаты оставили свои посты и самовольно разошлись по домам»⁷³. Многие солдаты в часы занятий занимались частными работами, службой и даже торговлей, а некоторые «бесцельно слонялись по городу». Из немногочисленных оставшихся в казармах солдат было невозможно сформировать наряд в караулы.

Приказ по гарнизону № 178 от 7 августа 1917 г. предписывал всем солдатам, «проживающим в городе Томске на частных квартирах, работающим в частных предприятиях, на поденных работах и т.п. без законных на то разрешений», явиться в течение 24 часов в свои роты и команды и впредь прекратить всякие отлучки во время занятий без служебных надобностей. Все не явившиеся в указанный срок в казармы подлежали исключению из списков полков как самовольно отлучившиеся⁷⁴. 9 августа 1917 г. местные Советы солдатских и офицерских депутатов опубликовали воззвание к военнослужащим гарнизона. «Помните, что в эти исторические дни, переживаемые Россией, вы стоите на страже революции и защиты ее от врагов народа», – говорилось в документе. Советы, понимая желание солдат «поддержать свои расшатанные хозяйства», настаивали на том, что сейчас необходимо забыть о личных интересах и отдать все силы исключительно службе общему делу защиты революции и Родины⁷⁵. Советы обязались принять в отношении самовольно отлучившихся самые решительные меры, вплоть до принудительного водворения в казармы⁷⁶.

Обеспечить дисциплину в казармах было непросто, но еще труднее оказалось контролировать солдат за их пределами. Как выяснилось, участники грабежей, разбойных нападений и иных преступлений нередко использовали солдатскую форму. Советы публично заявляли, что именно амнистированные уголовные, зачисленные в ряды войск, уничтожили в казармах «всякую спокойную жизнь»⁷⁷. Так, исполком объединенного Совета рабочих и военных депутатов Иркутска обратился к населению с воззванием, в котором призывал

⁶⁸ Единение (Иркутск). 1917. 3 сент.

⁶⁹ Омский вестник. 1917. 2 авг.

⁷⁰ Там же. 4 авг.

⁷¹ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 11 авг.

⁷² Там же.

⁷³ Знамя революции (Томск). 1917. 9 авг.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

бороться с «разбойниками и грабителями в солдатских шинелях», которые «были призваны в ряды революционной армии, чтобы служить революции и свободе, чтобы кровью смыть позор былых своих преступлений», но предали свою клятву⁷⁸. Чтобы положить конец этому явлению, Совет военных депутатов Иркутска 20 марта утвердил ряд правил. В частности, каждый солдат, увольняемый со двора, должен был снабжаться удостоверением личности (карточкой), а при увольнении в часы занятий ротный командир должен был выдать особое письменное разрешение (увольнительные записки)⁷⁹.

Позднее исполнительная военная комиссия Иркутского Совета военных депутатов поручила коменданту города подпоручику Моисееву совместно с комендантскими комиссарами, выбранными от частей гарнизона, принять дополнительные меры для поддержания порядка среди военнослужащих. Солдаты, замеченные на улицах в часы занятий без увольнительных записок ротных командиров, а во внеслужебное время без удостоверений личности, подлежали задержанию и передаче в распоряжение командира части. Это же правило относилось и к офицерам. У солдат и офицеров, одетых не по форме (офицеры без оружия, солдаты «в растерзанном виде», без погон, кокард и поясов), следовало изымать удостоверение личности, лишая их тем самым возможности покидать казармы на законных основаниях. Обо всех случаях нарушений комендант города должен был доносить исполнительной военной комиссии, а та ставить это на вид войсковым комитетам⁸⁰. Стоит отметить, что полковые и ротные комитеты (во всяком случае часть из них) старались следить за исполнением этих правил⁸¹.

В августе на объединенном заседании членов ротных и полковых комитетов 13-го и 31-го Сибирских стрелковых запасных полков при участии ротных, батальонных и полковых командиров обсуждался вопрос о водворении порядка в Ачинском гарнизоне⁸². Собравшиеся постановили выразить полное доверие комиссии, избранной военным отделом Ачинского Совета, на которую было возложено установление революционной дисциплины в гарнизоне. Комиссия должна была контролировать беспрекословное исполнение всеми начальствующими лицами и солдатами приказов начальника гарнизона и командиров полков, подписанных председателем военного отдела Совета и председателями полковых комитетов. Ротным и командным комитетам вменялось в обязанность оказывать всевозможное содействие работе комиссии. Виновные в неисполнении приказаний, как начальника гарнизона, так и полковых командиров, должны были привлекаться к ответственности как подрывающие авторитет войсковых комитетов и «способствующие внесению дезорганизации». Особое внимание Собрание уделило вопросу организации разумного досуга в гарнизоне, запретив игру в карты в пределах военного городка. Также собрание поручило ротным и командным комитетам заняться распространением литературы и проведением бесед на политические темы, что противоречило постановлению Всероссийского совещания Советов, согласно которому войсковые комитеты как организации профессиональные не должны были заниматься политическими вопросами. Вместе с этим было запрещено устраивать митинги в пределах городка без разрешения президиума военного отдела Совета. Собрание постановило обратиться с воззванием к военнослужащим, требуя вне военного городка «вести себя прилично, как подобает гражданину свободной России», и обязало снабдить всех солдат и офицеров удостоверениями личности за подписью командиров полков и председателей полковых и ротных комитетов.

Немало проблем доставили Советам солдаты-отпускники, превращавшиеся порой в дезорганизованную неуправляемую массу. Так, приказ по Омскому военному округу от 18 марта позволял будущим маршевикам, прошедшим полный курс обучения, получить

⁷⁸ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

⁷⁹ Сибирь (Иркутск). 1917. 18 мая; Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

⁸⁰ Единение (Иркутск). 1917. 6 июня.

⁸¹ См., например, повестку объединенного заседания ротных и полкового комитетов 9-го Сибирского стрелкового полка 21 июля 1917 года: Единение (Иркутск). 1917. 29 июля.

⁸² Единение (Иркутск). 1917. 13 авг.

увольнительные в отпуск сроком на семь дней⁸³. Следствием этого решения стал наплыв солдат-отпускников на железнодорожные станции и высокая загрузка поездов, что нарушило нормальное функционирование железных дорог. Участились случаи неявки маршевиков в срок из отпуска, что препятствовало своевременной отправке рот на фронт. В целях восстановления дисциплины на железной дороге и пресечения дезертирства при участии ВОКома было разработано положение об эшелонных комитетах, утвержденное командующим Омским военным округом 24 мая. В задачу эшелонных комитетов входило соблюдение строгого внутреннего порядка в вагонах на всем пути следования и обеспечение прибытия маршевиков в полном составе к месту назначения⁸⁴. Вскоре с согласия ВОКома был издан приказ по войскам округа № 320 от 3 июня 1917 г. В приказе оговаривалось, что «если подобные запаздывания из отпусков впредь будут наблюдаться, то отпуска маршевым ротам будут прекращены; не явившиеся же в срок будут объявляться дезертирами», из которых будут формироваться особые маршевые роты, отправляемые на фронт вне очереди⁸⁵.

Исполнительная военная комиссия Иркутского Совета военных депутатов совместно с полковыми комитетами и командирами полков также разработала правила об отпусках, утвердив их постановлением от 14 июня 1917 г. Отпуска разрешались по пути следования поезда лишь лицам, проживавшим не далее 30 верст от станции железной дороги: маршевики должны были присоединиться к эшелону при прохождении его через станцию. Для контроля положено было составить списки отпускников с указанием станций, на которых должна производиться посадка. Посадкой в поезда должны были заведовать военные железнодорожные комиссары, в помощь которым командировались по два представителя от полкового комитета. Все увольняемые в отпуск должны получить от командира роты отпускные билеты за его подписью, печатью и подписью председателя ротного комитета. Нарушившие данное постановление признавались дезертирами⁸⁶. Военный комиссариат на железных дорогах находился в непосредственном подчинении у Окружного бюро Советов Восточной Сибири. Бюро старалось ввести институт железнодорожного комиссариата повсеместно и постепенно увеличило состав команд, а также расширило их полномочия и позволило предпринимать необходимые меры для предотвращения беспорядков на дороге⁸⁷.

Похожая ситуация сложилась и на речном транспорте. Очень остро стоял вопрос о судоходстве по Енисею. Ввиду того, что «громадные партии солдат», возвращаясь из отпусков, захватывали силой пароходы, не было никакой возможности подвозить припасы в Красноярск, чем в значительной степени объяснялся продовольственный кризис в городе. Тов. Калашников в своем докладе Окружному бюро Советов Восточной Сибири сообщал, что пароходы «запуганы так, что не останавливаются ни на одной пристани, зная, что там их ждут сотни солдат»⁸⁸.

Вопрос поддержания дисциплины встал особенно остро в связи с подготовкой «летнего наступления» русских войск, назначенного на вторую половину июня. 8 июня 1917 г. Военный министр Керенский издал приказ «всем солдатам частей, учреждений и заведений, входящих в состав внутренних округов, отпущенным на полевые работы без указания срока отпуска», до 15 июня явиться к ближайшему воинскому начальнику с последующим возвращением в строй⁸⁹. Отправка пополнений в составе маршевых рот и прежде была сопряжена с рядом трудностей⁹⁰. В первую очередь – ввиду массовых опозданий солдат из отпус-

⁸³ Приказы по войскам Омского военного округа... С. 217.

⁸⁴ Там же. С. 409–410.

⁸⁵ Там же. С. 447.

⁸⁶ Единение (Иркутск). 1917. 20 июня.

⁸⁷ Там же. 14 октября..

⁸⁸ Там же. 4 июля.

⁸⁹ Революционное движение в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 251.

⁹⁰ См., например: *Никулин Д.О.* Отправка маршевых рот в действующую армию из Омского военного округа в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 134–138.

ков, а также из-за побегов маршевиков из эшелонов во время длительного пути на позиции. Теперь же правительство потребовало отправки на фронт контингента тыловых гарнизонов полками. Однако, судя по отчетам с мест, гарнизоны, несмотря на данное распоряжение, продолжали отправлять пополнения ротами⁹¹. Ситуация осложнялась тем, что исполнять требование властей приходилось в разгар сельскохозяйственного сезона, когда солдаты находились в деревне на полевых работах.

Примечательный эпизод произошел на Енисейском губернском съезде Советов крестьянских депутатов. Товарищ председателя исполкома Ачинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Е.К. Зверев произнес «горячую речь» в защиту тактики Советов по вопросу об отпусках. «Зачем мы будем держать тов[арищей] солдат в душных и грязных казармах, в то время когда они могут работать! Мы дали им отпуска, и солдаты, когда потребуются, тотчас же возвратятся на место», – уверял оратор⁹². Как выяснилось в ходе дискуссии, Зверев дал солдатам отпуска, и когда в тот же день был издан приказ о немедленном наступлении, то товарищ председателя «побежал на станцию уговаривать солдат вернуться обратно». Однако отпускники выполнить это требование отказались: «...солдаты не дураки, они показали тов. Звереву им же подписанные отпуска и уехали»⁹³.

Некоторые Советы заняли выжидательную позицию и старались не спешить с принятием конкретных решений, наблюдая за ситуацией со стороны. Так, в Томске лишь 21 июня состоялось собрание местного гарнизона – «чрезвычайно многолюдное и напряженное»⁹⁴. Обсуждалась предстоящая отправка всего Томского гарнизона на фронт, а также вопрос об отпущенных весной на полевые работы военнослужащих и вопрос о кратковременных отпусках. Собрание признало, что солдаты добросовестно выполнили взятые на себя обязанности по засеву полей: площадь посева в текущем году увеличилась почти вдвое. Однако также собрание выразило опасение, что при отправке на фронт солдат-отпускников засеянные поля останутся необработанными и весь урожай сгниет, вследствие чего Томская губерния может остаться без хлеба⁹⁵. В ходе обсуждения была предложена резолюция – отказаться выполнить приказ Керенского о возвращении в части военнослужащих-хлебопашцев. С изданием приказа № 370 конфликт был исчерпан.

Обострение продовольственной проблемы все же выявило необходимость направить трудовые резервы в деревню. Правительство признавало, что «интересы России, армии и всего народа требуют, чтобы весь урожай был собран без малейших потерь»⁹⁶. Согласно приказу № 370 по Военному ведомству от 21 июня 1917 г., во всех гарнизонах надлежало сформировать особые воинские команды для отправки на полевые работы. Число и состав этих команд определялись начальниками гарнизонов совместно с Советами солдатских и крестьянских депутатов (либо войсковыми комитетами), продовольственными и земельными комитетами.

Опираясь на этот приказ, Военно-окружной комитет выработал порядок проведения означенных мероприятий, обговорив дополнительные условия, действовавшие в пределах Омского военного округа⁹⁷. Однако налагаемые приказом ограничения на деле не могли сдержать поток солдат, устремившихся в деревню. При этом отпускники, вопреки предписаниям командиров, не торопились возвращаться в строй, фактически становясь дезертирами. Решения Советов на местах также провоцировали развал дисциплины. Так, Томский Совет солдатских депутатов, дабы не терять влияние в гарнизоне, пошел против приказа, вступив в конфликт с Военно-окружным комитетом и командующим войсками округа. Члены Совета настаивали на необходимости распустить на сельскохозяйственные работы необученных

⁹¹ Единение (Иркутск). 1917. 4 июля.

⁹² Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 7 июля.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Знамя революции (Томск). 1917. 23 июня.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Россия. Военное министерство. Приказы по Военному ведомству [по годам]. СПб., 1853–1917. 1917: № 1–645. С. 458.

⁹⁷ См. подробнее: Приказы по войскам Омского военного округа... С. 551–552.

белобилетников для того, чтобы не дать погибнуть хлебу⁹⁸. Совет заявил, что «снимает с себя всякую ответственность за то, что распоряжение Омского окружного комитета оставит хлеб необрунным»⁹⁹. Нарушались и другие условия приказа Керенского: солдаты уходили одиночным порядком, уходили и те, кто еще не достиг 40-летнего возраста¹⁰⁰. Создавался прецедент, дававший солдатам соседних гарнизонов основание требовать от начальства и своих выборных органов пойти против официальных распоряжений.

В Новониколаевске требование дать отпуска чуть не обернулось расправой над членами местного Совета. Здесь «огромная толпа солдат» до 4 тыс. человек из разных частей местного гарнизона осадила Совет рабочих и солдатских депутатов. «Никакие увещания, никакие просьбы к толпе» со стороны членов исполкома не подействовали. В результате «часть толпы заняла помещение Совета и насадила на исполнительный комитет», требуя подписать приказ об отпуске на полевые работы, причем на условиях, выдвигаемых самими солдатами, а фактически – сделать как в Томске. «Осада» продолжалась 14 часов, при этом настроение толпы принимало угрожающее состояние¹⁰¹. «Несмотря на все доводы, весь здравый смысл, все ссылки на материалы и приказы, толпа не унималась», в результате чего Совет вынужден был «пойти навстречу толпе»¹⁰². Осознавая, что совершает преступление, Совет вынес компромиссное постановление, которое, однако, не удовлетворило солдат. Солдаты мотивировали свои требования тем, что «сейчас поля не убраны, здесь же они два месяца лежат, ничего не делают», и разумно было бы или отправить их на фронт, или отправить убирать хлеба¹⁰³. Чтобы поставить точку в вопросе, было собрано коалиционное заседание демократических организаций Новониколаевска. После продолжительных дискуссий собрание признало требования солдат преступными и большинством голосов приняло резолюцию, в которой поддержало приказ Керенского и строгое его исполнение. Вместе с тем собрание, понимая желание солдат ехать на уборку полей именно в свои волости, просило по возможности учитывать это обстоятельство при формировании дружин¹⁰⁴.

Окончательно вопрос об отпусках не был разрешен, и Советы в провинции принимали решения, исходя из местных потребностей и собственных интересов. Военное министерство разрешило давать отпуска определенным категориям военнослужащих на определенных условиях. Областное военное бюро в согласии со Штабом Иркутского военного округа дало свои указания по этому вопросу¹⁰⁵. Красноярский Совет вошел местный гарнизонный комитет с представлением об удовлетворении всех солдат отпусками независимо от расстояния. Это ходатайство не было удовлетворено. Тогда Совет самовольно выдал отпуска, не считаясь с распоряжениями министерства и Военного бюро. Вместо законных 300 верст по железной дороге Совет выдал отпуска на 3000 верст, вместо 25 верст по радиусу выдал отпуска в Минусинский и Енисейский уезды. При этом отпуска получили даже белобилетники, которым категорически воспрещалось их выдавать, а также нестроевые маршевых рот, назначенные к немедленной отправке на фронт.

Из Иркутска поступило распоряжение командующего войсками, поддержанное Окружным бюро, задержать солдат с незаконными отпусками. Начальник Красноярского гарнизона принял военные меры в отношении отпускных солдат, приказав задерживать их на станциях и пристанях. Гарнизонный комитет в ночь на 15 августа выставил патрули, снимал с поезда уезжавших солдат и возвращал их в казармы¹⁰⁶. Пароход, нагруженный солдатами,

⁹⁸ Знамя революции (Томск). 1917. 8 авг.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Известия Новониколаевских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 9 авг.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Единение (Иркутск). 1917. 6 июля.

¹⁰⁶ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 17 авг.; 18 авг.

также был задержан¹⁰⁷. В свою очередь исполком Красноярского Совета посчитал принятые меры нецелесообразными, поскольку они вызывали лишь «озлобление возвращенных»¹⁰⁸. В газете «Свободная Сибирь» было опубликовано обращение к солдатам-отпускникам. Солдатам вменялось в вину, что они забыли о долге и, вопреки распоряжениям Бюро Советов Восточной Сибири и командующего Иркутским военным округом, разъезжаются по домам, воспользовавшись незаконными отпускными билетами. Начальник Красноярского гарнизона полковник Толстов называл солдат, покинувших свои части, преступниками и предателями. «Пора всем понять, что свободу мы получили не для того, чтобы водворять в стране анархию, продавать Родину и губить <...> завоевания революции», – говорилось в воззвании¹⁰⁹. Окружное бюро выступило с обращением к Красноярскому Совету, заявив, что в настоящий момент, когда организация и единообразие деятельности Советов диктуются необходимостью, оно считает недопустимым «такие несогласованные и единоличные выступления», с какими уже неоднократно выступали красноярцы¹¹⁰.

В целом много недоразумений и злоупотреблений наблюдалось с отпусками солдат. Солдаты по окончании отпуска оставались на местах и продолжали заниматься своими делами. Получив отпуск на полевые работы, солдаты шли трудиться на заводы и т.д. Также было выявлено использование подложных отпускных документов, нарушение сроков отпуска и пр.¹¹¹ В июле специально созданная в Иркутске комиссия выяснила, что из 26 тыс. военнослужащих, отпущенных на полевые работы еще весной, вернулось не более 7 тыс. человек¹¹². Один из членов Томского гарнизонного Совета в августе 1917 г. сообщал, что по списку численность Томского гарнизона достигала 23 тыс. человек, налицо же имелось лишь около 2,5 тыс. солдат, 7,5 тыс. солдат находились в отпусках на полевых работах, а 13 тыс. человек «куда-то безнадежно потерялись»¹¹³.

Подобное поведение солдат – фактически дезертирство – можно расценивать как стихийную форму протеста против войны. Проблема дезертирства приобретала характер явно политический. И позиция Советов в этом вопросе довольно четко коррелировалась с их отношением к официальной власти. Так, разделявший общедемократическую платформу Иркутск в лице Окружного бюро Советов Восточной Сибири, объединенного исполкома Иркутских Советов рабочих и военных депутатов, исполкома Совета крестьянских депутатов и Комитета общественных организаций довольно однозначно высказался по этому вопросу. «Поставленная перед тяжелой необходимостью принимать участие в войне демократия, хотя и несет в ней наибольшие и острейшие потери, принуждена ее вести и поддерживать раз начавшееся наступление в целях защиты завоеваний и позиций революции. Поэтому уклонение от участия в боевых действиях, дезертирство и массовое бегство должны быть рассматриваемы как явления контрреволюционные», – заявили иркутяне¹¹⁴. В то же время пробольшевистски настроенные Советы, как можно было убедиться, весьма халатно относились к официальным распоряжениям, касавшимся обеспечения боеспособности армии.

Советы в целом не отрицали необходимость подготовки и отправки пополнений в действующую армию и прямо не призывали солдат отказываться идти на фронт. Но это не мешало отдельным лицам – представителям Советов – выступать с антиправительственными лозунгами, провоцируя солдат на нарушение приказов командования. Так, член Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов тов. Хабаров, командированный в Нерчинск для проверки отсрочек военнообязанных, выступая на митингах, требовал «не давать на фронт ни одного солдата для поражения нашего врага Вильгельма»¹¹⁵. На засе-

¹⁰⁷ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. Там же. 19 авг.

¹⁰⁸ Красноярский Совет... С. 165.

¹⁰⁹ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 17 авг.

¹¹⁰ Там же. 18 авг.

¹¹¹ Там же. 17 авг.

¹¹² Единение (Иркутск). 1917. 6 июля.

¹¹³ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 11 авг.

¹¹⁴ Единение (Иркутск). 1917. 15 июля.

¹¹⁵ Там же. 22 июля.

дании Иркутского Совета военных депутатов в конце августа был заслушан доклад делегата-фронтовика 6-й Сибирской стрелковой дивизии поручика Морозова. Оратор обрисовал «тягостную картину дезорганизации дивизии»: вместо исполнения приказов в условиях боевой обстановки – бесконечные митинги, самовольный уход с участков. Морозов сообщал: «Бывали случаи, когда в атаку шли только офицеры да старые солдаты, а „большевистское” пополнение отходило в тыл. 14 июля вышел приказ об аресте подобных „большевиков” и предании их революционному суду. И здесь нам пришлось наблюдать самую печальную картину. Вчерашние непримиримые „большевики” оказались просто несчастными темными солдатами, наслушавшимися лозунгов о братании и проч., а в сущности не сознающих всех последствий своих слов и поступков. Все их оправдание сводилось к тому, что они в сущности не виноваты, а их научили всему этому в Красноярске и т.д.»¹¹⁶. Моральный дух и патриотический настрой маршевиков, прибывавших на фронт, как и остававшихся в тылу солдат, постепенно угасали.

Подводя итог, отметим, что на начальном этапе демократизации армии инициативы Советов по утверждению гражданских прав солдат можно расценивать как весьма достойную попытку сделать их полноценными членами общества обновленной и свободной России. Советы уповали на то, что «сознательная дисциплина будет более крепкой, чем та, которая держалась на страхе наказания», и армия «станет боеспособной революционной силой, способной отстоять республику и свободу страны от всех посягательств»¹¹⁷. Однако расчет на «здоровое ядро», на добросовестность и сознательность солдатской массы, в большинстве своем малограмотной и политически невежественной, не оправдался. Вместо этого в армейской среде распространились деструктивная активность, расхлябанность, привычка к насилию и безнравственность, а «понятия демократической республики, правопорядка, равенства и парламентаризма в большинстве случаев оказались недоступны пониманию солдат – вчерашних крестьян»¹¹⁸. Пропаганда свободы и коллегиального управления в войсках спровоцировала стремление военнослужащих к вседозволенности и привела к слову авторитетов: «два с половиной года держала нас в порядке самовластная палка, а теперь... теперь мы не хотим признавать ничего. Мы очень своеобразно истолковали свои обязанности и права, что относится в равной степени как к солдатам, так и к офицерам»¹¹⁹.

Политическая активность военнослужащих по демократизации армии выродилась в борьбу с самой армией как институтом. Разрушение единоначалия как базового принципа внутреннего устройства войск вело к потере управляемости контингентом вооруженных сил и, как следствие, к падению боеспособности армии и ее развалу. Перенявшие значительную часть функций военного командования войсковые комитеты, фактически находившиеся под влиянием Советов, если и могли справиться с обеспечением хозяйственно-бытовых нужд и на первых порах поддерживать хотя бы видимость дисциплины, то задача подготовки пополнений для фронта (основная задача тыловых гарнизонов как стратегического ресурса русской армии!) оказалась для них исключительно сложной. В погоне за сохранением своего влияния в гарнизонах Советы разрывались между необходимостью поддержать июньское наступление и потребностью удовлетворить требования солдат и отправить их на уборку урожая. В результате принимаемые Советами решения часто были непоследовательными и противоречивыми, что вело к потере лояльности к ним со стороны армейской массы.

Путь солдат к миру после Февраля 1917 г. лежал через развал воинской дисциплины, анархию в казармах и хаос за их пределами, распространение деструктивных форм поведения и рост дезертирства. Если после победы революции армия являлась гарантом ее завоеваний, то с течением времени, когда эйфория мартовских дней сменилась апатией и разочарованием, озлобленная солдатская масса стала угрозой для хрупкого постфевральского порядка и сохранения сложившейся демократической коалиции. Этим и не преминули

¹¹⁶ Единение (Иркутск). 1917. 3 сент.

¹¹⁷ Там же. 21 сент.

¹¹⁸ Ямщиков С.В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 173.

¹¹⁹ Единение (Иркутск). 1917. 22 июля.

воспользоваться леворадикальные элементы, постепенно укреплявшие свои позиции в Советах рабочих и военных депутатов: простые и понятные лозунги большевиков с требованием мира и земли все явственнее находили отклик среди солдат, уставших от затянувшейся войны и пустых обещаний действующей власти.

Литература

Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 156 с.

Баталов А.И. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918 г.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 285 с.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов / отв. ред. Л.М. Гаврилов. М.: Наука, 1982. 610 с.

Еремин И.А. Подготовка людских резервов для действующей русской армии в Западной Сибири в условиях хаоса 1917 г. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (30). С. 47–51.

Еремин И.А. Сознательный развал русской армии как неизбежное следствие государственного переворота в феврале 1917 г. (на примере Омского военного округа) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 35–39.

За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 гг.) / под ред. В. Логвинова. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1957. 332 с.

Иванов Ю.В. Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях (1905– 1907; март – октябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 301 с.

Кожевин В.Л. Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 91–103.

Кожевин В.Л., Попов И.А. К вопросу о возникновении Омского союза солдат-крестьян // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во Омск. гос. аграрного ун-та, 2002. Ч. 1. С. 154–156.

Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов): сборник документов / гл. ред. М.Б. Шейнфельд. Красноярск, 1960. 582 с.

Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.

Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. 575 с.

Никулин Д.О. Отправка маршевых рот в действующую армию из Омского военного округа в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 134–138.

Никулин Д.О. Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. Новосибирск: Параллель, 2022. 292 с.

Познанский В.С. Сибирский красный генерал. [А.А. Таубе]. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1972. 270 с.

Попов И.А. Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 209 с.

Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов и материалов / отв. ред. Ю.И. Кораблев. М.: Наука, 1988. 486 с.

Революционное движение в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация / ред. коллегия: Д.А. Чугаев (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 662 с.

Самойлов Л., Циркунов Г. Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. Т. 2. С. 64–66.

Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1962. 723 с.

Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 г.: Сборник документов и материалов / под ред. И.М. Разгона. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Томское отд-ние, 1976. 218 с.

Соловьева В.А. Советы Томской губернии в период двоевластия (март – июль 1917 г.) // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 3–25.

Соловьева В.А. Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 137–152.

Фабричный А.В. Борьба за Советы: Омск, 1917–1918. Омск: Омск. обл. гос. изд-во, 1942. 89 с.

Чернова И.В. Самоуправление в армии в период революции 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 33–34.

Чижов И.Г. Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. С. 39–80.

Чижов И.Г. Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. V. С. 125–158.

Шекшеев А.П. Русское офицерство тыловых гарнизонов Енисейской губернии в 1917 г. // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. Вып. 11. Омск, 2015. С. 94–102.

Шекшеев А.П. Солдатская революция в Красноярском гарнизоне в последний год Великой войны // Война и личность: роль и место личности в истории войн: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию Брусиловского прорыва (Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.) / под ред. В.И. Баяндина и А.В. Запороженко. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 113–119.

Ямщиков С.В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 163–179.

References

Babikova, E.N. (1980). *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual Power in Siberia]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 156 p.

Batalov, A.I. (1978). *Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri (1916 – fevral' 1918 g.)* [The Struggle of the Bolsheviks for the Army in Siberia. 1916 – February 1918]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 285 p.

Chernova, I.V. (1994). *Samoupravlenie v armii v period revolyutsii 1917 goda (na materialakh Tomskogo garnizona)* [Self-Government in the Army during the Revolution of 1917 (Based on Materials from the Tomsk Garrison)]. In *Grazhdanskoe obshchestvo i regional'noe razvitiye: materialy naucho-prakticheskoy konferentsii (Tomsk, 22 aprelya 1994 g.)*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 33–34.

Chizhov, I.G. (1968). *Soldaty Omskogo garnizona v Oktyabr'skoy revolyutsii* [Soldiers of the Omsk Garrison in the October Revolution]. In *Bor'ba za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 39–80.

Chizhov, I.G. (1970). *Omskiy garnizon v period mirnogo razvitiya revolyutsii* [Omsk Garrison during the Period of Peaceful Development of the Revolution]. In *Revolyutsionnoe dvizhenie v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. V, pp. 125–158.

Chugaev, D.A. (Ed.). (1959). *Revolyutsionnoe dvizhenie v mae – iyune 1917 g. Iyun'skaya demonstratsiya* [Revolutionary Movement in May – June 1917. The June Demonstration]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 662 p.

Eremin, I.A. (2017). *Podgotovka lyudskikh rezervov dlya deystvuyushchey russkoy armii v Zapadnoy Sibiri v usloviyakh khaosa 1917 g.* [The Preparation of Human Reserves for Russian

Army in the Field in Conditions of Chaos in West Siberia in 1917]. In *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1 (30), pp. 47–51.

Eremin, I.A. (2018). Soznatel'nyy razval Russkoy armii kak neizbezhnoe sledstvie gosudarstvennogo perevorota v fevrale 1917 g. (na primere Omskogo voennogo okruga) [Conscious Collapse of the Russian Army as an Inevitable Result of the Revolution in February 1917 (On the Example of the Omsk Military District)]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. No. 1 (14), pp. 35–39.

Fabrichnyy, A.V. (1942). *Bor'ba za Sovety: Omsk, 1917–1918* [The Fight for the Soviets: Omsk, 1917–1918]. Omsk, Omskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 89 p.

Gavrilov, L.M. (Ed.). (1982). *Voyskovye komitety deystvuyushchey armii. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: sbornik dokumentov* [Military Committees of the Field Army. March 1917 – March 1918: Collection of Documents]. Moscow, Nauka. 610 p.

Ivanov, Yu.V. (1969). *Sovety Sredney Sibiri v dvukh burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiyakh (1905–1907; mart – oktyabr' 1917 gg.)* [Soviets of Central Siberia in Two Bourgeois-Democratic Revolutions (1905–1907; March – October 1917)], Cand. jur. sci. diss. Moscow. 301 p.

Korablev, Yu.I. (1988). *Revolyutsionnoe dvizhenie v voennykh okrugakh. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: Sb. dokumentov i materialov* [Revolutionary Movement in Military Districts. March 1917 – March 1918: Collect. of Documents and Materials]. Moscow, Nauka. 486 p.

Kozhevina, V.L. (1997). *Sovet ofitserskikh deputatov Tomskogo garnizona (mart – dekabr' 1917 g.)* [Soviet of Officers' Deputies of the Tomsk Garrison (March – December 1917)]. In *Istoricheskiy ezhegodnik [Omskogo gosudarstvennogo universiteta]. Spetsial'nyy vypusk: Obshchestvennoe dvizhenie Sibiri v nachale XX veka*. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, pp. 91–103.

Kozhevina, V.L., Popov, I.A. (2002). K voprosu o vozniknovenii Omskogo soyuza soldat-krest'yan [On the Issue of the Emergence of the Omsk Union of Soldiers-Peasants]. In *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Part 1, pp. 154–156.

Lar'kov, N.S. (1995). *Nachalo grazhdanskoy voyny v Sibiri: armiya i bor'ba za vlast'* [The Beginning of the Civil War in Siberia: The Army and the Struggle for Power]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 252 p.

Lar'kov, N.S. (1996). *Armiya i bor'ba za vlast' v Sibiri v kontse 1917–1918 g.* [The Army and the Struggle for Power in Siberia at the End of 1917–1918], Dr. hist. sci. diss. Tomsk. 575 p.

Logvinov, V. (Ed.). (1957). *Za vlast' Sovetov. Sbornik dokumentov o bor'be za vlast' Sovetov v Eniseyskoy gubernii (mart 1917 – iyun' 1918 gg.)* [For the Power of the Soviets. A Collection of Documents on the Struggle for the Power of the Soviets in Yeniseysk Governorate (March 1917 – June 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 332 p.

Nikulin, D.O. (2017). *Opravka marshevyykh rot v deystvuyushchuyu armiyu iz Omskogo voennogo okruga v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [The Dispatch of the Marching Companies to the Army in the Field from the Omsk Military District during the Years of the First World War (1914–1917)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 423, pp. 134–138.

Nikulin, D.O. (2022). *Podgotovka popolneniya dlya deystvuyushchey armii v zapasnykh chastyakh Omskogo voennogo okruga v 1914–1917 gg.* [Preparation of Reinforcements for the Field Army in Reserve Units of the Omsk Military District in 1914–1917]. Novosibirsk, Parallel'. 292 p.

Popov, I.A. (2005). *Sovety voennykh deputatov Zapadnoy Sibiri (mart 1917 – vesna 1918 gg.)* [Soviets of Militaries' Deputies of Western Siberia (March 1917 – Spring 1918)], Cand. hist. sci. diss. Omsk. 209 p.

Poznanskiy, V.S. (1972). *Sibirskiy krasnyy general [A.A. Taube]* [Siberian Red General [A.A. Taube]]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 270 p.

Razgon, I.M. (1976). *Sovety Tomskoy gubernii. Mart 1917 – may 1918 g.: Sbornik dokumentov i materialov* [Soviets of the Tomsk Province. March 1917 – May 1918: Collection of Documents and Materials]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tomskoe otdelenie. 218 p.

Safronov, V.P. (1962). *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' 1917 – mart 1918 g.)*. [October in Siberia. The Bolsheviks of Siberia in the Struggle for the Victory of the Great October Socialist Revolution (February 1917 – March 1919)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 723 p.

Samoylov, L., Tsirkunov, G. (1931). Zapadno-Sibirskiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet Sovetov [West-Siberian Regional Executive Committee of Soviets]. In *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ. Vol. 2, pp. 64–66.

Sheinfel'd, M.B. (Ed.). (1960). *Krasnoyarskiy Sovet. Mart 1917 g. – iyun' 1918 g. (Protokoly i postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov): sbornik dokumentov* [Krasnoyarsk Soviet. March 1917 – June 1918 (Protocols and Resolutions of Soviet Congresses, Plenums, Executive Committee and Departments). Collect. of Documents]. Krasnoyarsk. 582 p.

Sheksheev, A.P. (2015). Russkoe ofitserstvo tylovykh garnizonov Eniseyskoy gubernii v 1917 g. [Russian Officers of the Rear Garrisons of the Yenisei Province in 1917]. In *Voprosy istorii Sibiri: sbornik nauchnykh statey*. Omsk. Iss. 11, pp. 94–102.

Sheksheev, A.P. (2016). Soldatskaya revolyutsiya v Krasnoyarskom garnizone v posledniy god Velikoy voyny [The Soldiers' Revolution. Krasnoyarsk Garrison in the Last Year of the Great War]. In *Voyna i lichnost': rol' i mesto lichnosti v istorii voyn: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Brusilovskogo proryva, Novosibirsk, 12–13 maya 2016 goda*. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 113–119.

Solov'eva, V.A. (1964). Sovety Tomskoy gubernii v period dvoevlastiya (mart – iyul' 1917 g.) [Tomsk Province Soviets during the Period of Dual Power (March – July 1917)]. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk. Vol. 167, pp. 3–25.

Solov'eva, V.A. (1979). Tomskiy Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu [Tomsk Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917]. In *Tomsku 375 let*. Tomsk, pp. 137–152.

Yamshchikov, S.V. (2008). Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty “soldatskoy revolyutsii” 1917 goda v Rossii [Socio-Psychological Determinants of the “Soldiers' Revolution” of 1917 in Russia]. In *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. No. 2, pp. 163–179.

М.А. Кокорев*

«ПАРОЛЬ ОДИН – АФГАН»:
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ И ЕГО РОЛЬ
В СУДЬБЕ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-17
УДК 329.75:355.48

Выходные данные для цитирования:
Кокорев М.А. «Пароль один – Афган»: общественное движение воинов-интернационалистов и его роль в судьбе ветеранов войны в Афганистане // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 250–266.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-17.pdf>

М.А. Kokorev*

“THE PASSWORD IS ONE – AFGHANISTAN”:
THE SOCIAL MOVEMENT OF INTERNATIONALIST SOLDIERS
AND ITS ROLE IN THE FATE OF VETERANS
OF THE WAR IN AFGHANISTAN

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-17

How to cite:
Kokorev M.A. “The Password is One – Afghanistan”: The Social Movement of Internationalist Soldiers and Its Role in the Fate of Veterans of the War in Afghanistan // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 250–266.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-17.pdf>]

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the importance of the social movement of internationalist soldiers in the fate of veterans of the war in Afghanistan. In contrast to the military and political aspects of the war in Afghanistan, the issue of the post-war fate of veterans of the Afghan war and the activities of public associations “shuravi” has not been practically studied. However, it was the social movement of internationalist soldiers in the conditions of socio-economic and political instability, the collapse of the united Union state at the turn of the 1980s–1990s that took on the state tasks of social security for veterans, war invalids, and families of the dead. In this, the “Shuravi” saw a moral duty to their comrades-in-arms, from whom the war had forever separated, to their loved ones and relatives. Many of the associations of “afghans” actively help veterans, including other wars, and in our time. The purpose of the article is to fill in this issue, which allows for a more representative understanding of the legacy of the Afghan war and its consequences. The study, based on an objective and systematic study of various groups of sources (archival materials, complexes of normative, departmental, party sources, periodical press materials, sources of personal origin), highlights: the socio-political and social context of the emergence of the movement of veterans of the Afghan war, historical memory and public attitude to the military presence of the Soviet troops in Afghanistan (December 25, 1979 – February 15, 1989), perception of the image of war and man in war, formation and development of the social movement of internationalist soldiers – veterans of the war in Afghanistan. The article introduces previously unknown and unpublished sources, collected and studied during the research.

Keywords: War in Afghanistan, USSR, soldiers-internationalists, “shuravi”, “afgantsy”, public associations, memory of the war.

The article has been received by the editor on 25.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Максим Андреевич Кокорев**, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: kokorevma@my.msu.ru
Maxim Andreyevich Kokorev, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kokorevma@my.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию значения общественного движения воинов-интернационалистов в судьбе ветеранов войны в Афганистане. В отличие от военно-политических аспектов войны в Афганистане, вопрос послевоенной судьбы ветеранов афганской войны и деятельности общественных объединений «шурави» практически не изучен. Однако, именно общественное движение воинов-интернационалистов в условиях социально-экономической и политической нестабильности, распада единого союзного государства на рубеже 1980–1990-х гг. взяло на себя государственные задачи социального обеспечения ветеранов, инвалидов войны, семей погибших. В этом «шурави» видели моральный долг перед боевыми товарищами, с которыми навечно разлучила война, перед их близкими и родными. Многие из объединений «афганцев» активно помогают ветеранам, в том числе и других войн, и в наше время. Целью статьи является восполнение этого вопроса, что позволяет более репрезентативно осмыслить наследие афганской войны и ее последствий. В исследовании на основе объективного и системного изучения различных групп источников (архивные материалы, комплексы нормативных, ведомственных, партийных источников, материалы периодической печати, источники личного происхождения) выделяются: общественно-политический и социальный контекст зарождения движения ветеранов афганской войны, историческая память и общественное отношение к военному присутствию советских войск в Афганистане (25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.), восприятие образа войны и человека на войне, формирование и развитие общественного движения воинов-интернационалистов – ветеранов войны в Афганистане. В статье вводятся в научный оборот ранее неизвестные и неопубликованные источники, собранные и изученные в ходе исследования.

Ключевые слова: Война в Афганистане, СССР, воины-интернационалисты, «шурави», «афганцы», общественные объединения, память о войне.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.

Ю.А. Слатов «Пароль один – Афган»: «Но мне не так уж важно, откуда этот парень, мне важно, что оттуда, мне важно, что был там, и не пройду я мимо, а лишь скажу тихонько единственное слово, пароль один: “Афган”...». Эти строчки из песни Ю.А. Слатова впервые прозвучали в 1988 г. на всесоюзном фестивале «Когда поют солдаты», и слова «пароль – Афган» выразили особый символ боевого братства «шурави» – тех, кто был на необъявленной войне «за речкой», символ кровного единения воинов-интернационалистов – ветеранов афганской войны.

Советские войска были введены в Афганистан 25 декабря 1979 г. по решению Политбюро ЦК КПСС 12 декабря 1979 г.¹ в логике действий «холодной войны», в условиях обострения общественно-политической обстановки в приграничном регионе. В то время никто даже и не предполагал, что военное присутствие советских войск станет самой длительной войной в истории СССР, одним из этапов по-прежнему незавершенного многолетнего военного конфликта в Афганистане.

Непосредственное участие Советского Союза в военном конфликте в Афганистане, получившее название «афганская война», длилось с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. – 9 лет и почти 2 месяца, или 3 341 день. Для СССР «афган» стал крупнейшей локальной войной по своим масштабам и потерям, включая политические последствия, экономические расходы и человеческие жертвы. Для солдат и офицеров Ограниченного контингента советских войск в Афганистане ни на день не прекращались боевые действия, и в среднем в каждый из 3 341 дней девятилетней войны в боевых операциях, засадах,

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 14. Д. 31; Оп. 42. Д. 7.

рейдах, боестолкновениях с душманами погибали до 5 и получали ранения 16 советских воинов.

Пламя необъявленной войны «за речкой» оставило глубокий след в жизни более 620 тыс. «шурави» – советских солдат и офицеров, гражданских специалистов. Большинство из них служили в Афганистане по приказу советского государства, солдатами срочной службы в возрасте 18–20 лет. 15 130 «шурави» не вернулись живыми на Родину, более 53,7 тыс. воинов-интернационалистов были ранены, контужены или получили травмы. По-прежнему неизвестна судьба 273 пропавших без вести в Афганистане советских воинов. Приводим статистику не для сравнения, которые неуместно на войне: за каждой скупой и безликой цифрой военных сводок стоят судьбы людей, опаленных пламенем афганской войны².

Уже более трех десятков лет прошло с памятного дня возвращения последней колонны Ограниченного контингента советских войск из Афганистана – 15 февраля 1989 г. Но для «шурави» необъявленная война никогда не уйдет в забвение. Вспоминает военный журналист А.М. Олийник: «Прошедшие годы, десятилетия не стирают в памяти пережитого на земле Афганистана. Нередко ночами вновь и вновь память возвращает к последнему переходу через перевал Саланг»³.

Свидетельством памяти стало общественное движение воинов-интернационалистов, главной задачей которого стала социальная защита ветеранов, инвалидов войны, семей погибших. В этом «шурави» видели сохранение памяти о подвиге советского воина на земле Афганистана, и таким целям служили общественные объединения «афганцев», создававшиеся с 1985 г. во всех республиках Советского Союза. Особенно важна была такая помощь в крайне сложных условиях системного кризиса и структурных процессов распада Советского Союза, все возраставшей социально-экономической и политической нестабильности в стране на рубеже 1980–1990-х гг., нередко в условиях государственного отчуждения в виде апофеоза брошенной чиновником фразы «Мы вас туда не посылали». Многие из объединений воинов-интернационалистов активно помогают ветеранам, в том числе и других локальных войн, и в наше время.

Научная статья посвящена исследованию социально-политических последствий войны в Афганистане и ее значению в истории России, в судьбах воинов-интернационалистов, опаленных ее пламенем. Особое внимание посвящено истории развития и общественно-патриотической деятельности общественного движения воинов-интернационалистов.

Историческое изучение войны в Афганистане является одним из важнейших направлений работы историков и исследователей, что обусловлено значимостью и масштабом этого военного конфликта в ряду множества региональных и локальных войн второй половины XX в.

И если для первых исследований определяющим был идеологический контекст, характерный для эпохи «холодной войны»⁴, то уже в начале 1990-х гг. появляются первые научные работы, представляющие более объективный взгляд (отказ от идеологических марксистских догм афганских событий и прекращение романтической героизации радикальной исламской оппозиции)⁵.

Вскоре история афганской войны начинает изучаться самими воинами-интернационалистами, примером является актуальная и в наше время монография А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»⁶.

² Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. М., 2019; Архив Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL.: <http://komitet92.su/> (дата обращения: 12.12.2024)

³ Олийник А.М. Долгое эхо Афгана // Афган – моя судьба. Журналисты о войне в Афганистане (1979–1989). М., 2019. С. 194–198.

⁴ Арунова М.Р., Басов В.В., Коргун В.Г., Пластун В.Н. Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984; Amstutz J.B. Afghanistan. The First Five Years of Soviet Occupation. Washington, 1986.

⁵ Пиков Н.И., Никитенко Е.Г., Тегин Ю.Л., Шведов Ю.Н. Война в Афганистане. М., 1991; Urban M. War in Afghanistan. London, 1990.

⁶ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.

Операция Союзной коалиции в Афганистане (7 октября 2001 г. – 30 августа 2021 г.) вызвала интерес иностранной историографии к опыту СССР в урегулировании военного противостояния в аспекте борьбы с терроризмом⁷.

В современных научных работах (2020-е гг.) выделяются следующие ведущие направления исследований: политическая история развития Афганистана⁸, особенности планирования и проведения военных операций⁹, влияние военного конфликта в Афганистане на развитие локальных войн на постсоветском пространстве¹⁰, анализ влияния кланово-племенного и этнического фактора на ход вооруженного противостояния¹¹.

Историография войны в Афганистане, особенно в военно-политическом аспекте, обширна.

Однако, важно отметить, что вопрос послевоенной судьбы ветеранов войны в Афганистане и деятельности общественных объединений «шурави» остается практически не изученным. Выделяются следующие работы, посвященные этому вопросу: М.К. Титов¹², Е.С. Сенявская¹³, А.Г. Чепурной¹⁴, А.В. Щепетин¹⁵, М.А. Кокорев¹⁶. На наш взгляд, недостаточное внимание исследователей к этому вопросу связано с непопулярностью изучения наследия локальных войн второй половины XX – нач. XXI в. в отечественной историографии, что справедливо отмечают С.В. Червонопиский и А.А. Костыря: «Для большинства афганская война была, да и остается, далекой, чужой и неизвестной»¹⁷.

Целью нашей научной статьи является восполнение указанного аспекта по изучению событий войны в Афганистане. Исследование вопроса позволит более глубоко и репрезентативно осмыслить наследие войны, а также сформировать объективное понимание развития и деятельности общественных объединений ветеранов-интернационалистов.

Источники исследования. Для объективного и системного изучения исторического опыта войны в Афганистане были использованы различные группы источников.

Архивные материалы РГАСПИ, РГАНИ и ГАРФ, документы архивов ветеранских организаций воинов-интернационалистов содержат ведомственные документы служебного и публично-правового характера органов власти СССР и РФ, характеризуют содержание и направленность реализации государственной политики в отношении воинов-интернационалистов. В частности, фонды М-1 и М-3 РГАСПИ содержат документы ЦК ВЛКСМ, которые позволяют выделить роль ВЛКСМ в создании общественных объединений «шурави». Архивы ветеранских организаций воинов-интернационалистов представлены прежде всего внутренними решениями и текущим документооборотом, что характеризует их общественно-патриотическую деятельность.

Публичную политику государственно-партийных структур и политических движений в отношении ветеранов афганской войны раскрывают также комплексы нормативных, ведомственных, партийных источников.

⁷ Braithwaite R. *Afgantsy: The Russians in Afghanistan 1979-89*. USA, 2011; *Understanding the U.S. Wars in Iraq and Afghanistan*. New York, 2015.

⁸ Пляйс Я.А. *Трагедия Афганистана. От истоков до наших дней*. М., 2023.

⁹ Никитенко Е.Г., Немытин Ю.В., Киселёв Н.В., Музенко А.П. *Правда об Афганской войне: историко-архивный очерк*. М., 2021; Прямыцын В.Н. «Проблема номер один». *Перевал Саланг в истории афганской войны (1979–1989)*. М., 2022.

¹⁰ Гуров В.А. *Чтобы знали и помнили: роль России в разрешении вооруженных конфликтов (1988–2020 гг.)*. М.; Берлин, 2021.

¹¹ Рубин Б. *Афганистан. Что о нем нужно знать каждому*. СПб., 2022.

¹² Титов М.К. *Социальная адаптация ветеранов войны в Афганистане*. М., 1993.

¹³ Сенявская Е.С. *Психология войны в XX веке: исторический опыт России*. М., 1999.

¹⁴ Чепурной А.Г. *Конституционно-правовое регулирование государственной политики Российской Федерации в сфере социальной защиты инвалидов боевых действий*. М., 2006.

¹⁵ Щепетин А.В. *Деятельность общественных организаций военных ветеранов в современном политическом процессе Российской Федерации*. Орел, 2011.

¹⁶ Кокорев М.А. *Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана*. Тольятти; Саратов, 2022.

¹⁷ Червонопиский С.В., Костыря А.А. *Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.)*. Киев, 2005. С. 6.

Материалы периодической печати характеризуют как официальную государственную позицию по вопросу войны в Афганистане, так и характер государственного освещения событий. Отдельно выделяются печатные издания организаций воинов-интернационалистов (в частности «Побратим» – печатный орган Союза ветеранов Афганистана СССР).

Отдельную группу источников составляют воспоминания воинов-интернационалистов: они позволяют выделить социально-политические аспекты необъявленной войны, отразить особые взгляды «шурави», исследовать вопрос развития и деятельности организаций ветеранов афганской войны, что является исключительно важным. В статье вводятся в научный оборот ранее неизвестные и неопубликованные источники личного происхождения, собранные и изученные в ходе научного исследования.

Особая группа источников ставит вопрос наследия войны в Афганистане. Он поднимается в публицистических работах прежде всего на рубеже 1980–1990-х гг., когда солдаты и офицеры возвращались с необъявленной войны и задачи их интеграции в мирную жизнь, реабилитации были крайне актуальны. Публиковались как воспоминания воинов-интернационалистов¹⁸, так и авторские исследования¹⁹. На наш взгляд, наиболее значимыми и репрезентативными работами этого периода являются исследования «Никто не создан для войны»²⁰, «Неоконченная война»²¹, «Возвращение из Афганистана»²² и сборник воспоминаний «Москвичи из клуба “Долг”»²³. Среди современных работ выделяется сборник воспоминаний «Прощай, шурави. 30 лет спустя»²⁴.

Общественно-политический и социальный контекст зарождения движения ветеранов афганской войны. Возвращаясь с войны в Афганистане на Родину, советские воины нередко сталкивались с непониманием, а иногда даже и отчуждением общества – возвращение домой к мирной жизни было тяжелее, чем сама война. «Радость возвращения с войны. И проходит радости волна, первых встреч объятья остывают. Видишь, как растет вокруг стена! Там, за ней, тебя не понимают», – записал В. П. Куценко²⁵.

Особенно сложно было тем, кто служил в Афганистане в первые годы ввода ограниченного контингента, в 1979–1981 гг. Об этом вспоминает ветеран афганской войны Н.М. Шуба: «Никто ничего не знал об этой секретной войне, о том, что мы воюем в Афганистане. Мы вернулись с этой войны в Союз совсем другими, с совершенно другим отношением к жизни, и в мирной обстановке часто не встречали понимания»²⁶.

Важные причины такого отношения состояли в особенностях идеологического освещения войны в Афганистане, которое всегда находилось под контролем цензурных органов. Информационно-пропагандистская государственная политика СССР выражалась в курсе на сокрытие участия советских войск в военных действиях и в ложном информировании о якобы небоевом характере службы в Афганистане, что было закреплено постановлением Пленума 23 июня 1980 г. и решениями XXVI съезда КПСС²⁷.

В частности, в газете «Красная Звезда» (Центральный печатный орган Министерства обороны СССР) за 1982 г. сообщалось, что советские войска якобы ведут учения по борьбе

¹⁸ Альманах «Подвиг». М., 1989; Звезда над городом Кабулом. М., 1990; Верстаков В.Г. Афганский дневник. М., 1991; Мы еще не вернулись...: дневники, воспоминания, письма, стихи, проза. Челябинск, 1992.

¹⁹ Боровик А.Г. Афганистан. Еще раз про войну. М., 1990.

²⁰ Никто не создан для войны: О воинах-афганцах. М., 1990.

²¹ Котенев А.А. Неоконченная война. М., 1994.

²² Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана. М., 1990.

²³ Москвичи из клуба «Долг». М., 1988.

²⁴ Прощай, шурави. 30 лет спустя. Тольятти; Саратов, 2022.

²⁵ Куценко В.П. Военный романс. М., 2009.

²⁶ Серия интервью с Николаем Михайловичем Шубой – руководителем Совета воинов-интернационалистов Алтайского края в 1988–1991 гг., с 2021 г. – председателем Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств – участников Содружества Независимых Государств, за период 2022–2024 гг. // Личный архив автора.

²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 582. Оп. 4. Д. 2; Оп. 5. Д. 1; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1987. Т. 13. С. 470–473; XXVI съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 23 февраля – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. М., 1981. Т. 1. С. 30.

с условным «противником»²⁸, оказывают мирную помощь афганским трудящимся в строительстве новой жизни²⁹ и в «обработке посевов афганских крестьян»³⁰, совершенствуют политическую сознательность³¹ и отдыхают³² – и ни одного слова о кровавых боях с моджахедами на жестокой войне «за речкой».

Но суровая правда войны расставляла всё по своим местам, разрушая цензурные иллюзии: «Поездка в Афганистан сильно встряхнула меня. Я был поражен огромной пропастью между тем, что увидел и услышал на месте, и тем, что читал в официальных телеграммах, отчетах о положении в этой стране. Всякие иллюзии окончательно покинули меня», – вспоминал генерал-лейтенант КГБ СССР Н. С. Леонов³³.

Ложная идеологическая картина вела к искаженному восприятию войны советским обществом. Об этом вспоминает воин-интернационалист С. Миронов: «Очень трудно было. Никто ведь ничего не знал, где мы были, что делали. Единственный, кто, наверное, верил моим рассказам, был отец. А друзья, даже близкие, говорили: да брось, не болтай, там афганцы воюют, а вы деревья сажаете. Очень тяжело было это слушать»³⁴.

Примером иного восприятия необъявленной войны является письмо в ЦК КПСС матери погибшего советского воина в Афганистане, май 1988 г.: «Обидно что сынов наших забывают. Мой сын погиб в 1983 году. Вот уже пятый год, а я всё плачу. Многие удивляются, что пора бросить плакать, для них это боком прошло, для них это – мирное счастливое время, а я этого мирного времени не вижу. Я вижу тысячи погибших и искалеченных... Вообще кругом формализм. А ведь об этой ужасной войне вообще молчат, скрывают. Наверное, можно и погибшим в Афганистане сделать памятник»³⁵.

Государственная цензура была установлена сразу же при вводе советских войск в Афганистане, 27 декабря 1979 г., протоколом № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» и внутренними служебными инструкциями для СМИ СССР: «Подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана»³⁶. «До 1983 г. официально считалось, что 40-я армия находится на учениях», – вспоминал заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1980-х гг. В.Н. Севрук³⁷.

О боевом подвиге советских воинов-интернационалистов в советской печати можно было узнать лишь между строк, в отличие от «героических подвигов» афганской армии: «Воины Вооруженных сил Демократической Республики Афганистан твердо стоят на страже завоеваний апрельской революции, дают отпор вылазкам ее врагов»³⁸. И первые редкие сообщения о реалиях войны начинают появляться лишь через 1,5 года после начала боевых действий, в конце 1982 г. Первым – о подвиге Героя Советского Союза А.И. Стовбы³⁹. Тем временем за 1979–1982 гг. погибли 4 816 солдат и офицеров Ограниченного контингента⁴⁰.

О проблемах неудовлетворительной государственной социальной защиты ветеранов афганской войны впервые публично было сообщено только в феврале 1984 г.⁴¹

²⁸ На земле Афганистана // Красная Звезда (Центральный печатный орган Министерства обороны СССР). 1982. 4 мая; Глезденев В. Десант в горах: На земле Афганистана // Красная Звезда. 1982. 16 июня.

²⁹ Сбигнев А. Мы – интернационалисты // Красная Звезда. 1982. 23 февр.; Полтавский А., Сырталов М. Дорога в горах: На земле Афганистана // Красная Звезда. 1982. 25 дек.

³⁰ Гейдеко А. Письмо из Афганистана // Красная Звезда. 1982. 9 июня.

³¹ Сбигнев А. Товарищи политработники: Из афганского блокнота // Красная Звезда. 1982. 15 апр.

³² На земле Афганистана // Красная Звезда. 1982. 24 марта.

³³ Леонов Н.С. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 253.

³⁴ Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана... С. 6–7.

³⁵ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 858. Л. 62–65.

³⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 14. Д. 33. Л. 15–16; Оп. 42. Д. 8. Л. 14–15.

³⁷ Севрук В. Я не был боссом... // Побратим (газета Союза ветеранов Афганистана СССР). 1991. № 11.

³⁸ На страже революции // Красная Звезда. 1982. 29 авг.

³⁹ Повесть о сыне // Красная Звезда. 1982. 24 окт.

⁴⁰ Изгаршев В. Афганская боль // Правда. 1989. 17 авг.

⁴¹ Руденко И. Долг: письмо позвало в дорогу // Комсомольская правда. 1984. 26 февр.; По закону долга: после наших выступлений // Комсомольская правда. 1984. 13 марта; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 70.

Идеологические установки государственной пропаганды смягчались в связи с политической гласности в ходе перестройки и обновления советского общества. Тем не менее 2 августа 1985 г. Политбюро ЦК КПСС повторно принимает решение, запрещающее публиковать «в открытых изданиях информацию, раскрывающую участие советских войск в боевых действиях на территории ДРА – от роты и выше», а также подтверждает запрет на «публикацию материалов об увековечении памяти погибших»⁴².

Но постепенно живая правда о неизвестной войне в Афганистане неизбежно пробивалась сквозь цензурные преграды, и тогда суровая реальность войны сталкивалась с идеологическим обманом и лицемерием государственной пропаганды, разрушая все цензурные иллюзии о якобы исключительно мирной интернациональной помощи афганскому народу со стороны «шурави»⁴³.

В частности, в анонимном письме в ЦК КПСС на имя М.С. Горбачева за июль 1987 г. говорится: «Когда наконец кончится эта бойня? Зачем калечите судьбы людей? Почему ваши дети не в Афганистане? Назовите сына или дочь хоть одного члена ЦК, которые там служат или погибли. Одумайтесь, что Вы делаете. Естественно, это письмо не дойдет до Вас, несмотря на шумиху в газетах о перестройке и демократии. Но ничего, хоть кто-то прочтет его <...> И еще меньше мечтаю найти ответы в газете “Правда”. Где же она, эта правда? Подписываться не буду – перестройка пока не победила. Боюсь»⁴⁴.

Одним из первых горечь от обиды и непонимания выразил воин-интернационалист Ю.А. Слатов в 1987 г. на Всесоюзном фестивале «Когда поют солдаты» в строчках песни «Ордена не покупаются»: «Ордена, как у нас, на базаре не встретишь, не купишь». Об этом же – в строчках песни Г.А. Костюка: «По афганской земле за последнее время немало разложила по скалам Россия своих сыновей, почему же на их обелисках так мало слов о том, что ребята погибли за наших друзей?»⁴⁵.

«Погиб при исполнении служебных обязанностей» на могилах воинов-интернационалистов – такова была позорная формула государственного лицемерия, которая достигала людей в мирной жизни после возвращения с войны. И только 2 июня 1988 г. Постановлением СМ РСФСР № 217 будет предоставлено право «Советам Министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, Московскому и Ленинградскому горисполкомам принимать решения о сооружении мемориальных комплексов, памятников и надгробий защитникам Родины и воинам-интернационалистам»⁴⁶.

Многие советские люди наивно верили в абсолютную правдивость официальных сообщений газет, радио, телевидения, и отчасти потому не понимали тех, кто прошел пламя афганской войны – в этом выражалась обратная сторона государственной пропаганды. Однако снятие идеологических ограничений в связи с политикой гласности привело не к объективному, а к субъективно-критическому переосмыслению событий афганской войны, что затрагивало и сам боевой подвиг, героизм и мужество «шурави»⁴⁷.

Государственная власть, первоначально стремившаяся скрыть военные действия, затем предпочла дистанцироваться от воинов-интернационалистов, переложив всю ответственность за эту войну и за судьбы советских воинов, опаленных ее пламенем, на своих предшественников – «Брежневское» Политбюро, что и было отражено в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 982-1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.»⁴⁸: но ведь за оценкой необъявленной афганской войны как «ошибки» стояли не абстрактные политические события, а живые люди и память о погибших на этой войне.

⁴² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 103. Л. 1–9.

⁴³ Там же. Ф. 100. Оп. 5. Д. 853–858.

⁴⁴ Там же. Д. 855. Л. 20–22.

⁴⁵ Костюк Г. Я иду по земле... // Автомат и гитара [Электронный ресурс]. URL: <http://avtomat2000.com/tv.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5129.

⁴⁷ Честь и совесть: На Саланге герои – А в Союзе?... // Побратим. 1990. № 3. Февраль.

⁴⁸ Второй Съезд народных депутатов СССР: 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 4. С. 616.

Преступность такой политики предельно точно обозначил в своем выступлении на I Съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 г. воин-интернационалист С.В. Червонопиский: «До слез обидно, что тем, кто вне всякой очереди шел под душманские нули, на итальянские мины, под американские “стингеры”, приходится порой слышать из уст бюрократов от партии, советских, комсомольских и других органов уже ставшую почти крылатой фразу: “Я вас в Афганистан не посылал”»⁴⁹.

Об этом же на II Съезде народных депутатов СССР 24 декабря 1989 г. весьма ясно сказал воин-интернационалист П.В. Шетько: «Война еще не закончилась. И не только там, в Афганистане. Она еще не закончилась для нас здесь. Она не закончится до тех пор, пока остается хоть один неосвобожденный советский военнопленный, пока хоть одна могила не ухожена, не увековечена память о погибших, пока хоть один инвалид или участник войны не нашел своего места в обществе или живет на грани бедности, пока не привлечены к ответственности те, кто виновен в гибели наших людей на чужой земле, пока все не узнают правду об афганской войне»⁵⁰.

Показателен и красноречив сам завершающий день вывода советских войск, 15 февраля 1989 г., о котором вспоминает последний командующий 40-й армией генерал-полковник Б.В. Громов: «Из Москвы никого не было на выводе войск <...> Я тогда готов открыто был сказать на мосту, еле удержался – “почему из Москвы-то никого нет?!”. Нас же государство направило туда воевать. Ну хорошо, вы не хотите встречать командующего армией, тогда до этого почти год выходили войска. Можно было какой-то день определить, приехать. Но ведь кто-то должен был из Политбюро приехать. Никого не было. Как будто так, мы сами придумали всё <...> Депутаты фактически опорочили всё, что мы, участники афганской войны, там делали. Мальчишки на своих плечах вынесли честь государства, которое даже не сказало им “спасибо” громко и внятно»⁵¹.

Память пройденной войны. Мы условно выделяем три ключевые линии по отношению к военному присутствию советских войск в Афганистане (25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) в восприятии образа войны и человека на войне:

1) Государственная власть, первоначально скрывавшая военные действия в Афганистане, а затем дистанцировавшаяся от участия в судьбе «афганцев»;

2) Общество, для которого во многом и сегодня эта необъявленная война «за речкой» была и остается далекой, чужой и неизвестной, как и многие другие локальные войны СССР и России в XX и XXI вв.⁵²;

3) «Шурави» – советские солдаты и офицеры, гражданские специалисты, с честью и мужеством прошедшие через пламя этой необъявленной войны, их родные и близкие. Для них эта война – не пустые слова, а боль памяти и сердца, поскольку прошла «острым ножом Гиндукуша»⁵³ прямо через сердце, оставив незаживающие душевные раны. Что отразил в строчках легендарной песни «Прощайте горы» И.Н. Морозов: «Прощайте, горы, вам видней, что мы имели, что отдали. Надежды наши и печали как уживутся среди людей?»⁵⁴.

⁴⁹ Первый Съезд народных депутатов СССР: 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 2. С. 339–344.

⁵⁰ Второй Съезд народных депутатов СССР: 12–24 декабря 1989 г. ... С. 443–444.

⁵¹ Интервью с Борисом Всеволодовичем Громовым – генерал-полковником, Героем Советского Союза, командующим 40-й армией в Афганистане (июнь 1987 г. – февраль 1989 г.), председателем Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», от 16 мая 2023 г. // Личный архив автора.

⁵² Аналитический обзор ВЦИОМ «Вывод войск из Афганистана: 30 лет спустя» (15 февраля 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vyvod-vojsk-iz-afganistana-30-let-spustya> (дата обращения: 12.12.2024); Червонопиский С.В., Костыря А.А. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). Киев, 2005. С. 6.

⁵³ «Афганистан. Я помню». Документальный фильм / Киностудия «Беларусьфильм»; режиссер Х. Хасанова. 2013.

⁵⁴ Фестиваль солдатской песни «Когда поют солдаты». 1 тур (1989) // Гостелерадиофонд: Советское телевидение; Морозов И.Н. Автомат и гитара. М., 2018.

«Там, в Афганистане, я оставил часть своего сердца. Вот этого почему-то многие не хотят понять»⁵⁵, «Есть люди, для которых Афганистан – боль памяти и сердца. А есть и такие, для которых он – пустой звук, которые не знают и не хотят про него знать»⁵⁶, – вспоминает воин-интернационалист С.Н. Князев.

Сотни тысяч молодых ребят, опаленных пламенем Афганистана, оказались в стране, которая их не ждала, один на один со своими бедами, ранами, травмами – всем наследием войны. Они надеялись, что дома их встретят как героев, но вместо этого сходили с покоренных вершин Гиндукуша «под прицельные залпы наветов и лжи»⁵⁷, и на Родине «шурави» часто сталкивались с бездушием и стеной непонимания.

«Мы стали совестью бессовестной страны, честью страны, болью страны, нервом оборванным... эхом, расколотым разрывами войны», – справедливо отмечает воин-интернационалист В. Куприенко⁵⁸. Разрывами войны вскоре будут расколоты республики прежде единого Советского Союза, и «шурави» окажутся уже по разные стороны баррикад.

«Там было все честнее и настоящей. Там цена твоему поступку, слову – жизнь, и ты чувствуешь на себе эту ответственность... Некоторые говорят: “афганцы” несчастны, потому что их не понимает общество. А я считаю общество несчастным, если оно не понимает нас, не хочет понять того, что поняли мы, воюя в Афганистане ... Я хочу, чтобы люди, не прикасаясь к войне, через мои песни, мои стихи, поняли то же, что поняли мы, хоть раз взглянули вокруг нашими глазами»⁵⁹, – подчеркивает воин-интернационалист И. Медведев.

Сталкиваясь с непониманием и отчуждением общества в обстановке критического переосмысления событий афганской войны, героизма и мужества «шурави», герои афганской войны искали боевых товарищей, искренние и честные отношения, которые сложились на войне. Именно тогда появляется термин «афганское братство», означающий особую связь людей, побывавших там, «за речкой», в Афганистане, помощь и взаимовыручку: «афганец» всегда поможет «афганцу». «Дружба, братство – это самое ценное из того, что мы принесли из Афганистана»⁶⁰, – вспоминает воин-интернационалист С.Н. Князев.

В крайне сложных условиях все возраставшей социально-экономической и политической нестабильности в Советском Союзе на рубеже 1980–1990-х гг. для многих «афганцев» и их семей остро встал вопрос нехватки государственной социальной поддержки: «Но где же государство сейчас? Где система государственной помощи? Нам много говорили о долге. Когда же государство выполнит свой долг?..», – обращались к государству «шурави»⁶¹.

Об этом же вспоминает один из организаторов объединения воинов-интернационалистов г. Тольятти А.В. Кокорев: «Когда мы приходили из Афганистана, нам хотелось общения, которое мы оставили там, “за речкой”. Потому что сами отношения были честнее и чище: ты с утра с ним покурил, а вечером его хоронишь. Было понятно, где свои, а где чужие, – а здесь тебе могли в глаза улыбаться, а в душе думать об обратном. А потом, безусловно, задавали себе вопрос: для чего мы просто так сидим? – есть матери, у которых сыновья погибли; есть ребята, ставшие инвалидами. Ничего тогда не делалось без нашей инициативы. Мы всегда приходили и требовали у чиновников – мы считали, что они должны нам это сделать»⁶².

Общественное движение воинов-интернационалистов взяло на себя государственные задачи социального обеспечения ветеранов, инвалидов войны, семей погибших. В этом

⁵⁵ Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана... С. 117.

⁵⁶ Москвичи из клуба «Долг»... С. 97.

⁵⁷ Морозов И.Н. Автомат и гитара. М., 2018.

⁵⁸ Куприенко В. Эх, пацаны! // Автомат и гитара [Электронный ресурс]. URL: <http://avtomat2000.com/slava.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵⁹ Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана... С. 163–164.

⁶⁰ Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана... С. 120.

⁶¹ Совет городского клуба воинов-интернационалистов г. Тольятти. Сколько в Афгане стоит смерть... // Молодежный акцент (орган Тольяттинского горкома ВЛКСМ). 1989. № 14. Декабрь.

⁶² Серия интервью с Андреем Викторовичем Кокоревым – председателем Тольяттинского общества воинов-интернационалистов в 1987–1993 гг., в настоящее время – заместителем руководителя Тольяттинского отделения РСВА, за период 2016–2024 гг. // Личный архив автора.

«шурави» видели моральный долг перед боевыми товарищами, с которыми навечно разлучила война, перед их близкими и родными, перед отцами и матерями, которые потеряли сыновей в Афганистане, что отмечает первый председатель Перовского клуба инвалидов и ветеранов войны в Афганистане «Долг» С.В. Локтионов: «Мы выполнили свой интернациональный долг. Но у нас – у ныне живущих – остался моральный долг перед не вернувшимися с войны, перед семьями, которые потеряли сыновей в Афганистане, перед их матерями, молодыми женами, перед теми, кто стал инвалидами войны. Есть долг перед молодежью, перед сегодняшними школьниками, которые должны вырасти настоящими мужчинами»⁶³.

Формирование и развитие общественного движения воинов-интернационалистов – ветеранов войны в Афганистане. С 1985 г. повсеместно, во всех республиках Советского Союза, создаются местные общественные объединения воинов-интернационалистов, инициатива их создания исходила прежде всего от самих «шурави». В частности, в 1985–1987 гг. при поддержке районных комитетов ВЛКСМ создаются Тольяттинское городское объединение воинов-интернационалистов и Перовский клуб инвалидов и ветеранов войны в Афганистане «Долг» (р-н Перово, г. Москва)⁶⁴. «Нас жизнь связала общую судьбою, и никогда нам это не забыть. И дружба наша спаяна войною, и многое пришлось нам пережить», – записано в гимне «шурави»⁶⁵.

ВЛКСМ первым из государственно-партийных структур обратил внимание на общественное движение воинов-интернационалистов, помощь комсомола была значима в ходе формирования организационной структуры и первоначального развития ветеранских организаций «шурави»⁶⁶.

Важнейшим направлением работы ЦК ВЛКСМ было привлечение ветеранов афганской войны к военно-патриотическому воспитанию молодежи по примеру ДОСААФ СССР, что отражено в документах отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ⁶⁷. Этому способствовало закрепление положения о военно-патриотическом воспитании на XXVII съезде КПСС, 1 марта 1986 г.⁶⁸ Для этой цели ЦК ВЛКСМ организует единые всесоюзные слеты военно-патриотических объединений⁶⁹. Первый всесоюзный слет представителей военно-патриотических объединений состоялся 10–26 декабря 1986 г. в Минске⁷⁰, а самый масштабный – в Ашхабаде, с 11 по 18 ноября 1987 г.⁷¹, там же был проведен и первый фестиваль «афганской» песни «Время выбрало нас»⁷².

При ЦК ВЛКСМ 23 февраля 1989 г. была создана и первая всесоюзная организация воинов-интернационалистов – Всесоюзная ассоциация советов воинов запаса и воинов-интернационалистов, оборонно-патриотических объединений. С.Н. Морозов, ее организатор и сопредседатель, вспоминает: «Без реальной поддержки ЦК комсомола выйти на союзный уровень было бы абсолютно невозможно»⁷³. Одной из причин усиления партийно-государ-

⁶³ Рублева Е. Возвращение // Московская правда. 1987. 22 дек.

⁶⁴ Москвичи из клуба «Долг»...; Прощай, шурави. 30 лет спустя...; Кокорев М.А. Высота мужества...; Текущий архив Региональной общественной организации «Перовский клуб инвалидов и ветеранов войны в Афганистане Долг» (1986–2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://afgan-dolg.ru/> (дата обращения: 12.12.2024); Текущий архив Тольяттинского отделения Российского Союза ветеранов Афганистана (1986–2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://rsva63.ru/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁶⁵ Миронов С. Гимн Перовского клуба инвалидов и ветеранов войны в Афганистане «Долг».

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 63. Д. 29.; Оп. 145. Д. 185.

⁶⁷ Там же. Д. 9, 14, 16, 17, 22, 23, 29, 30, 33; Оп. 145. Д. 8, 11, 180, 181, 185, 200, 217, 225, 226, 227, 228.

⁶⁸ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 554–623.

⁶⁹ РГАСПИ: Ф. М-1. Оп. 145. Д. 227. Л. 86–105; Д. 226. Л. 47–104.

⁷⁰ Там же. Д. 185. Л. 13–47.

⁷¹ Там же. Д. 217, 228.

⁷² Там же. Д. 228. Л. 2.

⁷³ Серия интервью с Сергеем Николаевичем Морозовым – депутатом Верховного Совета СССР 11 созыва (в 1984–1989 гг.), организатором и сопредседателем Всесоюзной ассоциации советов воинов запаса и воинов-интернационалистов, оборонно-патриотических объединений в 1989–1997 гг., в настоящее время – заместителем председателя Российской общественной организации инвалидов силовых структур, за период 2021–2024 гг. // Личный архив автора.

ственной работы с молодыми воинами запаса была все возрастающая независимость формировавшегося общественного движения ветеранов афганской войны: «собрания носят стихийный характер, не согласованы» – отмечалось в докладах в ЦК КПСС⁷⁴.

И всё же необходимые цели деятельности общественных объединений «шурави» были намного масштабнее, чем предлагаемая ЦК ВЛКСМ военно-патриотическая работа. Потому исключительно на этой основе долго держаться ветеранское движение «афганцев» не могло, что отмечал первый и единственный руководитель Союза ветеранов Афганистана СССР (в 1989–1995 гг.) А.А. Котенёв: «У ветеранов была масса своих проблем. При этом как бы меньше всего думалось о них самих. Вместо того чтобы повиниться перед ними, оказать им помощь, такие идеи предусматривали лишь очередное их использование»⁷⁵.

Потому 13 марта 1989 г. начинается создание единой всесоюзной организации воинов-интернационалистов – Союза ветеранов Афганистана СССР⁷⁶. В феврале 1990 г. в ЦДСА им. М.В. Фрунзе состоялся учредительный съезд, было принято обращение с призывом к объединению «для того, чтобы координировать наши усилия, согласованно, одним фронтом действовать»⁷⁷.

СВА СССР был зарегистрирован Постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1990 г. как юридическое лицо с правом ведения хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности с освобождением от уплаты в государственный бюджет налогов и таможенной пошлины при условии «перечисления дохода Союзу и его отделениям на благотворительные цели»⁷⁸.

Процессы общесоюзного кризиса и распада государственности в 1989–1991 гг. неизбежно отразились на Союзе ветеранов Афганистана СССР. На основе вновь образованных государств в условиях «парада суверенитетов» по образцу СВА СССР были созданы независимые республиканские организации ветеранов войны в Афганистане. В частности, 25 июня 1990 г. был создан Союз воинов-интернационалистов Украины (руководитель С.В. Червонопиский)⁷⁹, 17–18 ноября 1990 г. – Союз ветеранов Афганистана РСФСР (руководитель Е.И. Ляпин)⁸⁰.

«Мы должны бороться за себя, за свои права. Афганистан – наша судьба и общая боль. Афганское движение не должно иметь границ, мы будем рядом всегда», – было отмечено на съезде российских ветеранов Афганистана⁸¹. Е.И. Ляпин вспоминает: «Перед нами прежде всего стояли вопросы медицинской, психологической и социальной помощи, реабилитации ветеранов войны в Афганистане, поддержки семей погибших»⁸².

СВА России был зарегистрирован согласно Постановлению Совета Министров РСФСР от 20 ноября 1990 г. «как составная части Союза ветеранов Афганистана»⁸³. Подобно СВА СССР, СВА России также были предоставлены налоговые и таможенные льготы на ведение хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности⁸⁴.

⁷⁴ РГАСПИ: Ф. М-1. Оп. 145. Д. 227. Л. 1–7.

⁷⁵ Котенев А.А. Неоконченная война... С. 79 – 80.

⁷⁶ Побратим. 1989. № 1. Декабрь.

⁷⁷ Котенев А.А. Пора объединения сил // Побратим. 1990. № 3. Февраль.

⁷⁸ Постановление Совета Министров СССР от 06.06.1990 № 564 «Некоторые вопросы деятельности Союза ветеранов Афганистана».

⁷⁹ Червонопиский С.В., Костыря А.А. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). Киев, 2005. С. 46.

⁸⁰ Российский союз ветеранов Афганистана. Материалы Учредительного съезда ветеранов Афганистана России 17–18 ноября 1990 // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9402/> (дата обращения: 12.12.2024); Программа Российского союза ветеранов Афганистана // Побратим. 1990. № 8.

⁸¹ Создан Российский союз ветеранов Афганистана // Побратим. 1990. № 9.

⁸² Серия интервью за период 2021–2024 гг. с Евгением Ивановичем Ляпиным – председателем Российского союза ветеранов Афганистана в 1990–1991 гг., в настоящее время – заместителем председателя Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» // Личный архив автора.

⁸³ Постановление Совета Министров РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 532 «О деятельности Российского союза ветеранов Афганистана».

⁸⁴ ГАРФ: Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5255.; Оп. 49. Д. 2970.

Практически одновременно на учредительной конференции 18 мая 1991 г. был создан Российский фонд инвалидов войны в Афганистане (руководитель В.Г. Радчиков)⁸⁵. Главной задачей РФИВА была определена социальная защита инвалидов войны, для чего фонду были предоставлены существенные налоговые и таможенные льготы и был передан Центр медицинской реабилитации воинов-интернационалистов «Русь»⁸⁶. «Ребята, ставшие инвалидами на афганской войне, были самыми незащищенными, помочь им – в этом был наш моральный долг», – вспоминает воин-интернационалист М.Е. Яшин⁸⁷.

Задачи координации движения «афганцев» в рамках Советского Союза были поручены Комитету по делам воинов-интернационалистов (руководитель Р.С. Аушев). Комитет был создан при Президенте СССР согласно Постановлению Кабинета Министров СССР от 25 июля 1991 г.⁸⁸, на основе Комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов (создан 21 апреля 1990 г.)⁸⁹. Одним из главных направлений деятельности Комитета стал поиск пропавших без вести в Афганистане советских воинов⁹⁰.

Таким образом, в 1989–1991 гг. были созданы следующие ветеранские объединения «шурави», каждое из которых претендовало на главенство в России:

- Союз ветеранов Афганистана РСФСР (17–18 ноября 1990 г.);
- Фонд инвалидов войны в Афганистане (18 мая 1991 г.);
- Комитет по делам воинов-интернационалистов (25 июля 1991 г.).

Также де-факто и де-юре еще оставался действующим Союз ветеранов Афганистана СССР, но уже вне Советского Союза. Действовала и Всесоюзная ассоциация советов воинов запаса и воинов-интернационалистов, оборонно-патриотических объединений при ЦК ВЛКСМ. Ветеранские объединения «шурави», решающие схожие по компетенции задачи, получили в общих чертах одинаковые льготы при ведении внешнеэкономической деятельности. Сложившаяся обстановка неизбежно порождает массу противоречий⁹¹.

В условиях распада единого союзного государства в декабре 1991 г. СВА СССР предпринимал действия по сохранению единой структуры ветеранских организаций, но все попытки обновить единую союзную организацию воинов-интернационалистов в рамках СНГ наталкивались на центробежные тенденции и субъективный фактор противоречий и личных амбиций⁹². «Всесоюзные общественные организации, некогда мощные и уверенные, стали дробиться по признаку вновь образованных государств <...> На фоне развала всесоюзных структур стали образовываться аналогичные по роду и предмету деятельности организации,

⁸⁵ Куценко В.П. Военный романс... С. 5–20, 241–245.

⁸⁶ ГАРФ: Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5157; Оп. 49. Д. 3081; Указ Президента РСФСР от 30.11.1991 г. № 248 «О Российском фонде инвалидов войны в Афганистане»; Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2254 «О мерах государственной поддержки деятельности общероссийских общественных объединений инвалидов»; ЛОО Администрации Президента РСФСР (Вакулин). О Центре медицинской реабилитации воинов-интернационалистов Русь 11 декабря 1991 // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина).

⁸⁷ Серия интервью с Михаилом Евгеньевичем Яшиным – руководителем Красноярской краевой общественной организации инвалидов афганской войны в 1991–2001 гг., в настоящее время – руководителем «Московского дома солдатского сердца», за 2024 г. // Личный архив автора.

⁸⁸ ГАРФ: Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1093; Постановление Кабинета Министров СССР от 25.07.1991 № 516 «Об образовании Комитета СССР по делам воинов-интернационалистов».

⁸⁹ Постановление Верховного Совета СССР от 21 апреля 1990 г. № 1441-I «Об образовании Комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов».

⁹⁰ ГАРФ: Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1595; Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 1314; Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1052; Архив Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet92.su/> (дата обращения: 12.12.2024); Снегирев В.Н. Руслан. История жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями. М., 2019; Лаврентьев А.В. Афган, без вести пропавшие. М., 2021.

⁹¹ Телеграмма Свердловского областного отделения РФИВА с возмущением по поводу работы Координационного комитета по делам инвалидов при Президенте РФ, 31 марта 1992 г. // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/49408/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁹² Котенев А.А. Неоконченная война... С. 54, 59–60.; Мы будем всегда вместе! // Побратим. 1991. № 11; Опять игры за нашей спиной // Побратим. 1991. № 12.

претендовавшие на “самостийность и новый курс”», – вспоминает председатель правления Союза ветеранов Афганистана СССР А. А. Котенёв⁹³.

Единая сеть общественных объединений воинов-интернационалистов оказалась разорвана новыми границами постсоветского пространства, и в условиях независимой и суверенной России СВА РСФСР был преобразован в РСВА, и к 1995 г. СВА СССР прекратил свое существование⁹⁴.

В свою очередь, Комитет по делам воинов-интернационалистов после декабрьских событий 1991 г. решением Советом глав правительств государств СНГ от 13 марта 1992 г. был преобразован «на переходный период» в подчинение Содружества Независимых Государств⁹⁵. Переходный период стал постоянным.

Особо следует отметить вопрос государственной политики по социальной защите ветеранов войны в Афганистане. Напомним, что в 1980–1991 гг. государством были установлены личные социальные льготы для воинов-интернационалистов: Постановления ЦК КПСС (№ 184 от 19.02.1980 г., № 59-27 от 17.01.1983 г., № 812 от 26.07.1984 г.), Совета Министров СССР (№ 989 от 09.08.1988 г., № 588 от 09.08.1991 г.), Президиума Верховного Совета СССР (№ 1959-1 от 14.02.1991 г.) и Президента СССР (№ УП-1847 от 25.04.1991 г.).

Однако в условиях распада Советского Союза и связанной с этим процессом социально-экономической и политической нестабильности, государственные льготы в своем большинстве не были реализованы и остались лишь на бумаге. В условиях отсутствия государственной социальной поддержки властные структуры перекладывали задачи социального обеспечения ветеранов афганской войны на их общественные организации. «Воспользоваться льготами “афганцы” сразу не смогли, потому что не было денег. И они вынуждены были пользоваться какими-то другими деньгами коммерческих структур. Они продавали льготы, по большому счету, и другого выхода у них не было», – отмечает руководитель Российского Союза ветеранов Афганистана Ф.А. Клинецевич⁹⁶.

Выводы. Создание ветеранских организаций «шурави» было во многом предопределено масштабом и ценой участия Советского Союза в военном конфликте в Афганистане: 25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.: более 620 тыс. участников, 15 130 погибших, более 53,7 тыс. раненых.

С 1985 г. в республиках Советского Союза начали создаваться общественные организации, объединяющие ветеранов войны в Афганистане. Первоначальной задачей объединения воинов-интернационалистов был поиск боевых товарищей, искренних и честных отношений, которые сложились на войне «за речкой». Однако в условиях социально-экономической и политической нестабильности, а также распада СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., на первый план вышли социальные задачи: помощь раненым, инвалидам войны и семьям погибших, увековечение памяти павших боевых товарищей.

В своей деятельности «шурави» видели моральный долг памяти боевых друзей, не вернувшихся с необъявленной войны, долг памяти подвига советского воина-интернационалиста на земле Афганистана.

Об этом предельно ясно сказали сами «афганцы» в обращении более 30 лет назад: «Клуб – это не только мы – те, кто вернулся, но и они – ребята с этих фотографий. Тольяттинцы, погибшие в Афгане. Мы не были знакомы, и только их смерть на этой войне соединила нас. И еще – то, что мы оказались крайними... И не надо нас хлопать по плечу и бодро

⁹³ Котенев А.А. Неоконченная война... С. 123.

⁹⁴ Указ Президента от 4 апреля 1992 г. № 362 «О деятельности Союза ветеранов Афганистана» // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/34202/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁹⁵ Протокол об образовании Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств – участников Содружества от 13 марта 1992 г. Положение о Комитете по делам воинов-интернационалистов [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=46> (дата обращения: 12.12.2024).

⁹⁶ Документальный фильм «Независимое расследование. Взрыв на Котляковском кладбище» (23 февраля 2000 г.).

говорить: “Ребята, вы должны. Вы “афганцы”, вы должны”. Мы никому не должны. Никому, кроме тех, кто на этих фотографиях, их матерей, детей и вдов. Мы должны помочь им выжить, дать силы жить. Мы должны построить памятник. Мы должны сохранить наше братство, рожденное на земле Афгана. Нам трудно, но мы прорвемся. Совет городского клуба воинов-интернационалистов, декабрь 1989 г.»⁹⁷.

Несмотря на достаточно продолжительный опыт действия ветеранских организаций ветеранов Великой Отечественной войны и военной службы СССР, инкорпорация «афганцев» в сложившуюся государственно-партийную систему ветеранских организаций СССР оказалась невозможной как в силу политических и экономических причин, так и по причине создания независимого общественного движения по инициативе самих воинов-интернационалистов. Государственные органы не смогли в должной мере возглавить ветеранское движение «афганцев», и тогда в июне 1990 г. пришлось признать независимые ветеранские организации «шурави» уже как реальность.

«Мы хотели изменить в лучшую сторону и нашу страну, и весь мир. Всё прежнее рассыпалось и уходило в прошлое. Возможно, мы были наивны. Но в какой-то степени у нас получилось», – вспоминает И.Г. Ерин⁹⁸. Многие из общественных объединений «шурави» активно помогают ветеранам, в том числе и других войн, и в наше время.

Ежегодно на памятные дни 25 декабря и 15 февраля во всех республиках бывшего Советского Союза у памятных мест собираются воины-интернационалисты, чтобы почтить память боевых друзей, с которыми навечно разлучила война, возложить цветы на могилы советских воинов в знак уважения и благодарности землякам, ценой жизни исполнивших свой воинский долг.

Для «шурави» необъявленная война в Афганистане – это боль памяти необъявленной войны «за речкой», прошедшая сквозь сердце «острым ножом Гиндукуша», и память никогда не уйдет в забвение.

«С годами, конечно, что-то забывается, но с войны вернуться невозможно. Война с последним выстрелом не заканчивается, она надолго застревает в душах тех, кто проходит сквозь нее. Я до сих пор иногда воюю во сне, вижу в снах своих ребят, кто не вернулся с войны. И когда не хватает сил, всегда в мыслях возвращаюсь туда, “за речку”. Война сама по себе отвратительна, и она показывает, насколько хрупка наша жизнь, и ты понимаешь, как много значит плечо товарища. Поэтому я сейчас рад тому, что жив и могу каждое утро видеть рассвет», – вспоминает воин-интернационалист А.В. Кокорев⁹⁹.

Наш долг – сохранить память о подвиге воинов-интернационалистов, выполнивших поставленную Родиной задачу, помнить отдавших свою жизнь при выполнении воинского и интернационального долга.

Вечная память и слава Героям Отечества!

Пока мы их помним, они среди нас...

Литература

Альманах «Подвиг». Выпуск тридцать четвертый / ред. О.М. Поповцев, Б. Гурнов. М.: Молодая гвардия, 1989. 256 с.

Арунова М.Р., Басов В.В., Коргун В.Г., Пластун В.Н. Актуальные проблемы афганской революции / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1984. 660 с.

Афган – моя судьба. Журналисты о войне в Афганистане (1979–1989) / ред. В. Радишевская. М.: VegaПринт, 2019. 256 с.

⁹⁷ Совет городского клуба воинов-интернационалистов г. Тольятти. Сколько в Афгане стоит смерть... // Молодежный акцент. 1989. № 14. Декабрь.

⁹⁸ Серия интервью с Игорем Григорьевичем Ериным – организатором и в настоящее время заместителем председателя Перовского клуба инвалидов и ветеранов войны в Афганистане «Долг», руководителем Государственного выставочного зала истории войны в Афганистане, за период 2021–2024 гг. // Личный архив автора.

⁹⁹ Серия интервью за период 2016–2024 гг. с Андреем Викторовичем Кокоревым – председателем Тольяттинского общества воинов-интернационалистов в 1987–1993 гг., в настоящее время – заместителем руководителя Тольяттинского отделения РСВА // Личный архив автора.

Боровик А.Г. «Афганистан. Еще раз про войну». М.: Международные отношения, 1990. 256 с.

Верстаков В.Г. Афганский дневник. М.: Воениздат, 1991. 399 с.

Гуров В.А. Чтобы знали и помнили: роль России в разрешении вооруженных конфликтов (1988–2020 гг.). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 464 с.

Звезда над городом Кабулом / сост. А.П. Житнухин, С.А. Лыкошин. М.: Молодая гвардия, 1990. 267 с.

Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане / Министерство обороны Российской Федерации: в 2 т. / К.В. Шамаров, С.А. Калитюк, Р.Я. Мевлюдов. М.: Первый том, 2019.

Кокорев М.А. Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана. Тольятти; Саратов: КУБиК, 2022. 420 с.

Котенев А.А. Неоконченная война. М.: Союз ветеранов Афганистана, 1994. 157 с.

Куценко В.П. Военный романс / Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане (ОООИВА). М.: Демиург-Арт. 2009. 256 с.

Лаврентьев А.В. Афган, без вести пропавшие. М.: МинАкультуры, 2021. 336 с.

Леонов Н.С. Лихолетье. Последние годы СССР. Москва: Родина, 2020. 368 с.

Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ Искона, 1995. 650 с.

Морозов И.Н. Автомат и гитара. М.: Перо, 2018. 256 с.

Москвичи из клуба «Долг»: сб. / сост. А.А. Тарасов. М.: Московский рабочий, 1988. 110 с.

Мы еще не вернулись...: дневники, воспоминания, письма, стихи, проза / сост. А.Б. Кердан. Челябинск: АТОКСО, 1992. 229 с.

Никитенко Е.Г., Немьтин Ю.В., Киселёв Н.В., Музенко А.П. Правда об Афганской войне: историко-архивный очерк. М.: Институт Ближнего Востока, 2021. 410 с.

Никто не создан для войны: О воинах-афганцах / авт.-сост. О. Смирнов. М.: Молодая гвардия, 1990. 254 с.

Пиков Н.И., Никитенко Е.Г., Тегин Ю.Л., Шведов Ю.Н. Война в Афганистане. М.: Воениздат, 1991. 367 с.

Пляйс Я.А. Трагедия Афганистана. От истоков до наших дней. М.: Международные отношения, 2023. 584 с.

Прощай, шурави. 30 лет спустя: в 2 т. // Тольяттинский краеведческий музей; сост. А.С. Лямин, С.В. Ралдугин, О.С. Симанова. Тольятти; Саратов: КУБиК, 2022.

Прямыцын В.Н. «Проблема номер один». перевал Саланг в истории афганской войны (1979–1989). М.: Вече, 2022. 336 с.

Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Рубин Б., Мэнсфилд Д., Бижан Н., Джустоцци А. [Afghanistan: What Everyone Needs to Know, Oxford University Press, 2020. 240 p.; пер. с англ. М. Тарасов]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 391 с.

Сеняевская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 347 с.

Снегирев В.Н. Руслан. История жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями. М.: Этерна, 2019. 248 с.

Стрельцова Н.И. Возвращение из Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1990. 222 с.

Титов М.К. Социальная адаптация ветеранов войны в Афганистане: дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. 165 с.

Чепурной А.Г. Конституционно-правовое регулирование государственной политики Российской Федерации в сфере социальной защиты инвалидов боевых действий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 512 с.

Червонопиский С.В., Костыря А.А. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). Киев: Мединформ, 2005. 96 с.

Щепетин А.В. Деятельность общественных организаций военных ветеранов в современном политическом процессе Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011. 171 с.

Amstutz J.B. Afghanistan. The First Five Years of Soviet Occupation. Washington D.C.: National Defense University, 1986. 545 p.

Braithwaite R. Afgantsy: The Russians in Afghanistan 1979–89. USA: Oxford University Press, 2011. 432 p.

Understanding the U.S. Wars in Iraq and Afghanistan / Eds. B. Bailey, R.H. Immerman. N.Y.: New York University Press, 2015. 368 p.

Urban M. War in Afghanistan. London: Palgrave Macmillan UK, 1990, 337 p.

References

Amstutz, J.B. (1986). *Afghanistan. The First Five Years of Soviet Occupation*. Washington D.C., National Defense University. 545 p.

Bayley, B., Immerman, R.H. (Eds.). (2015). *Understanding the U.S. Wars in Iraq and Afghanistan*. New York, New York University Press. 368 p.

Braithwaite, R. (2011). *Afgantsy: The Russians in Afghanistan 1979–89*. USA, Oxford University Press, 2011. 432 p.

Urban, M. (1990). *War in Afghanistan*. London, Palgrave Macmillan UK. 337 p.

Popovtsev, O.M., Gorunov, B. (Eds.) (1989). *Al'manakh "Podvig" Vypusk tridtsat' chetvertyy* [Almanac the Feat]. Moscow, Molodaya gvardiya. 256 p.

Arunova, M.R., Basov, V.V., Korgun, V.G., Plastun, V.N. (1984). *Aktual'nye problemy afganskoy revolyutsii* [Actual Problems of the Afghan Revolution]. IV AN SSSR. Moscow, Nauka. 660 p.

Radishevskaya, V. (Ed.). (2019). *Afgan – moye sud'ba. Zhurnalisty o voyne v Afganistane* [Afghanistan is My Destiny. Journalists about the War in Afghanistan] (1979–1989). Moscow, VegAPrint. 256 p.

Borovik, A.G. (1990). *"Afghanistan. Eshche raz pro voynu"* [Afghanistan. Once Again about the War]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 256 p.

Verstakov, V.G. (1991). *Afganskiy dnevnik* [Afghan Diary]. Moscow, Voenizdat. 399 p.

Gurov, V.A. (2021). *Chetoby znali i pomnili: rol' Rossii v razreshenii vooruzhennykh konfliktov (1988–2020 gg.)* [To Be Known and Remembered: The Role of Russia in the Resolution of Armed Conflicts (1988–2020s)]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 464 p.

Zhitnukhin, A.P., Lykoshin, S.A. (Comp.). (1990). *Zvezda nad gorodom Kabulom* [A Star over the City of Kabul]. Moscow, Molodaya gvardiya. 267 p.

Shamarov, K.V., Kalityuk, S.A., Mevlyudov, R.Ya. (2019). *Kniga pamyati o sovetskikh voynakh, pogibshikh v Afganistane. V 2-kh tomakh* [Book of Memory of the Soviet Soldiers, Who Died in Afghanistan. In 2 Vol.]. Ministerstvo oborony Rossiyskoy Federatsii. Moscow, Pervyy tom.

Kokorev, M.A. (2022). *Vysota muzhestva: podvig sovetskogo voina-internatsionalista na zemle Afganistana* [The Height of Courage: The Feat of the Soviet Internationalist Soldier in the Land of Afghanistan]. Tolyatti, Saratov, KUBIK. 420 p.

Kotenev, A.A. (1994). *Neokonchennaya vojna* [The Unfinished War]. Moscow, Soyuz veter-anov Afganistana. 157 p.

Kutsenko, V.P. (2002). *Voenny romans* [A Military Romance]. Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya invalidov voyny v Afganistane (OOOIVA). Moscow, Demiurg-ART. 256 p.

Lavrent'ev, A.V. (2021). *Afgan, bez vesti propavshie* [Missing Persons during the War in Afghanistan]. Moscow, MiNAkul'tury. 336 p.

Lyakhovskiy, A.A. (1995). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, GPI Iskona. 650 p.

Morozov, I.N. (2018). *Avtomat i gitara* [Rifles and Guitar]. Moscow, PerO. 256 p.

Tarasov, A.A. (1988). *Moskvichi iz kluba "Dolg": Sbornik* [Muscovites from the club "Debt" ("Dolg"): Collection]. Moscow, Moskovskiy rabochiy. 110 p.

Kerdan, A.B. (Comp.). (1992). *My eshche ne vernulis'...: dnevniki, vospominaniya, pis'ma, stikhi, proza* [We Have Not Returned Yet...: Diaries, Memoirs, Letters, Poems, Prose]. Chelyabinsk, ATOKSO. 229 p.

Nikitenko, E.G., Nemytin, Yu.V., Kiselev, N.V., Muzenko, A.P. (2021). *Pravda ob Afgan-skoy voyne: istoriko-arkhivnyy ocherk* [The Truth about the Afghan War: Historical and Archival Essay]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka. 410 p.

Smirniv, O. (Comp.). (1990). *Nikto ne sozdan dlya voyny: O voynakh-afgantsakh* [No One is Made for war: About Afghan Soldiers]. Moscow, Molodaya gvardiya. 254 p.

Pikov, N.I., Nikitenko, E.G., Tegin, Yu.L., Shvedov, Yu.N. (1991). *Voyna v Afganistane* [The War in Afghanistan]. Moscow, Voenizdat. 367 p.

Plyays, Ya.A. (2023). *Tragediya Afganistana. Ot istokov do nashikh dney* [The Tragedy of Afghanistan. From the Origins to the Present Day]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 584 p.

Lyamin, A.S., Raldugin, S.V., Simanova, O.S. (Comp.). (2022). *Proshchay, shuravi. 30 let spustya. V 2-kh tomakh* [Goodbye, Shuravi. 30 Years Later. In 2 Vol.]. Tol'yattinskiy kraevedcheskiy muzey. Tolyatti, Saratov, KUBIK.

Pryamitsyn, V.N. (2022). "Problema nomer odin". *Pereval Salang v istorii afganskoy voyny (1979–1989)* [Problem Number One. Salang Pass in the History of the Afghan War (1979–1989)]. Moscow, Veche. 336 p.

Rubin, B., Mehnsfeld, D., Bizhan, N., Dzhustotstsi, A. (2022). *Afganistan. Chto o nem nuzhno znat' kazhdomu* [(2020). Afghanistan: What Everyone Needs to Know, Oxford University Press, 240 p.]. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika. 391 p.

Senyavskaya, E.S. (1999). *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 347 p.

Snegirev, V.N. (2019). *Ruslan. Istoriya zhizni pervogo prezidenta Ingushetii, rasskazannaya im samim i ego druz'yami* [Ruslan. Life Story of the First President of Ingushetia, Told by Himself and His Friends]. Moscow, Ehterna. 248 p.

Strel'tsova, N.I. (1990). *Vozvrashchenie iz Afganistana* [Return from Afghanistan]. Moscow, Molodaya gvardiya. 222 p.

Titov, M.K. (1993). *Sotsial'naya adaptatsiya veteranov voyny v Afganistane* [Social Adaptation of Veterans of the War in Afghanistan], Cand. sots. sci. diss. Moscow. 165 p.

Chepurnoy, A.G. (2006). *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere sotsial'noy zashhity invalidov boevykh deystviy* [Constitutional and Legal Regulation of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Social Protection of Combat Invalids], Dr. yurid. sci. diss. Moscow. 512 p.

Chervonopiskiy, S.V., Kostyrya, A.A. (2005). *Istoriografiya voyny v Afganistane (25 dekabrya 1979 – 15 fevralya 1989 gg.)* [Historiography of the War in Afghanistan (December 25, 1979 – February 15, 1989)]. Kiev, Medinform. 96 p.

Shchepetin, A.V. (2011). *Deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsiy voennykh veteranov v sovremennom politicheskom protsesse Rossiiskoy Federatsii* [The Activity of Public Organizations of Military Veterans in the Modern Political Process of the Russian Federation], Cand. polit. sci. diss. Orel. 171 p.

Т.Ю. Толстикова*

ОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ОСАЖДЕННОГО И ВОЗРОЖДАЮЩЕГОСЯ ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВИЗИТОВ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В ЛЕНИНГРАД В 1943–1944 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2024-6-18
УДК 94(47).084.8

Выходные данные для цитирования:
Толстикова Т.Ю. Конструирование образов осажденного и возрождающегося города: особенности организации визитов иностранных корреспондентов в Ленинград в 1943–1944 годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 267–274. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-18.pdf>

T.Yu. Tolstikova*

CONSTRUCTING IMAGES OF A BESIEGED AND RESURGENT CITY: FEATURES OF THE ORGANIZATION OF VISITS OF FOREIGN CORRESPONDENTS TO LENINGRAD IN 1943–1944

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-18

How to cite:
Tolstikova T.Yu. *Constructing Images of a Besieged and Resurgent City: Features of the Organization of Visits of Foreign Correspondents to Leningrad in 1943–1944 // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 267–274.*
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-18.pdf>]

Abstract. During the Great Patriotic War, besieged Leningrad was not only under military and economic blockade, but also under information blockade. The city was completely closed to foreigners and the international community was unable to obtain detailed information about the situation from eyewitnesses. Foreign correspondents applied to the Soviet government several times for permission to visit Leningrad in 1941–1942, but were always refused. The first visits by G. Shapiro and A. Werth occurred only in the second half of 1943 when the situation had somewhat normalized. After these visits, the journalists published their essays of the siege in books and articles abroad, which became an important source of information for understanding the position of besieged city in Allied countries. The article analyzes propaganda and restrictive practices used by government officials to create and re-present the image of the blockade. Important sources on this issue are plans for organizing visits, according to which correspondents visited city attractions, businesses, cultural institutions, and military facilities in Smolny. Through the analysis of archival documents from party and state agencies, articles, essays, and memoirs by foreigners, the author concludes that the representation policy pursued by the leadership in Leningrad was successful. They were able to create and present images of a beleaguered and resurgent Soviet city to correspondents that were advantageous to the USSR. Leningrad, in the publications of foreign journalists, was presented as a heroic fortress city, a large industrial base and cultural center led by hardworking and popular leaders.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, the USSR and the Allies, foreign correspondents, the politics of representation, P.S. Popkov, A.A. Zhdanov, V.M. Molotov.

The article has been received by the editor on 21.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Тимофей Юрьевич Толстикова, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: timofey.tolstikov@mail.ru
Timofey Yurievich Tolstikov, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: timofey.tolstikov@mail.ru

Аннотация. В период Великой Отечественной войны осажденный Ленинград находился в состоянии не только военной и экономической, но и информационной блокады. Он был полностью закрыт для посещения иностранцами, поэтому у международного сообщества не было возможности получить подробные сведения о положении в городе от очевидцев. Зарубежные корреспонденты, аккредитованные в СССР, неоднократно обращались в Наркомат иностранных дел в 1941–1942 гг. с просьбами посетить Ленинград, но всякий раз получали отказ. Первые визиты Г. Шапиро и А. Верта состоялись лишь во второй половине 1943 г., когда ситуация в городе относительно нормализовалась. После поездок журналисты одними из первых опубликовали за рубежом ряд статей и книг о блокадном Ленинграде. Эти тексты стали основой для восприятия блокированного города в общественном мнении стран-союзников. В статье анализируются пропагандистские и ограничительные практики, использованные представителями власти для конструирования и ретрансляции соответствующего образа блокады на Западе. Важными источниками для написания статьи послужили документы РГАСПИ и АВП РФ, в частности планы организации визитов, согласно которым иностранные корреспонденты посещали городские достопримечательности, предприятия, учреждения культуры, военные объекты, а также Смольный. В результате анализа архивных документов партийных и государственных органов, статей, очерков и воспоминаний иностранцев автор приходит к выводу о том, что проводимая ленинградским руководством политика репрезентации была успешной. Им удалось сформировать и преподнести корреспондентам выгодные для СССР образы осажденного советского города и его жителей, возвращающихся к мирной жизни. В публикациях зарубежных журналистов Ленинград представлялся как героический город-крепость, крупный промышленный и культурный центр, который возглавляют способные, трудолюбивые и популярные среди населения лидеры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, СССР и союзники, иностранные корреспонденты, политика репрезентации, П.С. Попков, А.А. Жданов, В.М. Молотов.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

Специфика восприятия Советского Союза в 1930–1940-е гг. иностранцами – важный, но малоизученный вопрос. Этой проблеме посвящена монография американского историка М. Дэвида-Фокса, в которой комплексно рассмотрен феномен советской культурной дипломатии в межвоенный период¹. Аналогичные сюжеты, относящиеся к военному времени, проанализированы в работах отечественных исследователей. В статье И.В. Быстровой описаны особенности организации визита первой леди Великобритании К. Черчилль в СССР весной 1945 г. и место этого события в информационном пространстве². Общие вопросы посещения Ленинграда иностранными корреспондентами в годы войны проанализированы в публикациях О.А. Баландиной³. Специфика восприятия обороны и блокады Ленинграда в Австралии освещена в работах Д.Ю. Асташкина⁴. Вместе с тем данная тема практически

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.

² Быстрова И.В. «Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 77–95.

³ Баландина О.А. Иностранные корреспонденты в Ленинграде, 1943–1944 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб., 2019. С. 176–184; Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020. С. 133–153.

⁴ Асташкин Д.Ю. Шостакович и австралийское восприятие блокады Ленинграда во время Второй мировой войны // «Ленинградская симфония»: история, география, рефлексия: сб. докл. Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 9 августа 2022 г.). СПб., 2023. С. 142–150; Асташкин Д.Ю. Битва за Ленинград в оценках австралийских медиа (1941–1944 гг.) // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2023. № 1. С. 51–79.

не изучена в контексте феномена политики репрезентации образа осажденного и возрождающегося города, проводимой центральным и ленинградским руководством.

Для формирования и распространения в мировом информационном пространстве соответствующих образов осажденного и возрождающегося Ленинграда представители центральной власти и местного руководства использовали различные формы пропаганды и ограничительных практик. Основным способом влияния на зарубежную публику, с начала войны практически не получавшую подробной информации о положении в городе, стало тесное взаимодействие с иностранными корреспондентами. Организация их поездок в Ленинград оказала значительное влияние на восприятие ситуации за рубежом. Исследование практик конструирования и ретрансляции образа блокады позволяет глубже изучить информационную политику советского руководства и особенности осмысления событий на советско-германском фронте за рубежом.

Визиты зарубежных журналистов Генри Шапиро и Александра Верта в Ленинград были организованы во второй половине 1943 г. Шапиро посетил Ленинград 19–21 июня 1943 г. и подготовил очерки, на основе которых в американских газетах появились первые публикации очевидца об осажденном городе⁵. Верт пробыл в городе пять дней, с 25 по 29 сентября 1943 г., и написал несколько статей и книгу «Leningrad», изданную в Лондоне летом 1944 г.⁶ 8–11 февраля 1944 г. состоялась коллективная поездка 22 иностранных корреспондентов, включая А. Верта и Г. Солсбери. Последний впоследствии стал одним из крупнейших зарубежных исследователей блокады.

Чтобы посетить осажденный город, зарубежным журналистам необходимо было получить разрешение представителей Наркомата иностранных дел и ленинградского руководства. Просьбы об организации подобных визитов неоднократно поступали сотрудникам НКВД в 1941–1943 гг.⁷, однако по разным причинам они отвечали отказом. В частности, в ноябре 1942 г., обсуждая желание А. Верта посетить Ленинград, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил послу Великобритании А.К. Керру: «...пока мы воздерживались от описаний трудностей, пережитых Ленинградом. Только в очень ограниченном размере эти трудности были показаны в кино и печати»⁸. Представители центрального и местного руководства долгое время опасались того, что журналисты могут детально описать подробности гуманитарной катастрофы населения Ленинграда, о которой по политическим причинам умалчивалось в советской прессе.

Первые поездки зарубежных журналистов в город были организованы лишь во второй половине 1943 г., когда после прорыва блокады ситуация в Ленинграде относительно нормализовалась, а союзнические отношения СССР с США и Великобританией укрепились. Для организации визита в Ленинград руководство Наркомата иностранных дел тщательно отбирало лояльных и проверенных иностранных журналистов. В составленной сотрудниками НКВД характеристике первого зарубежного репортера в Ленинграде Г. Шапиро значилось: «Находится в Советском Союзе около 9 лет. В совершенстве владеет русским языком. Учился в Московском университете <...> Шапиро – журналист не крупного масштаба. Настойчиво подчеркивает в беседах с советскими людьми свои дружественные чувства к СССР»⁹. Второй посетивший Ленинград иностранный корреспондент А. Верт был охарактеризован следующим образом: «Блестящий журналист, пользующийся широкой известностью в Англии. Известен также и в США <...> Весьма благожелательно относится к Советскому Союзу. Отстаивает скорейшее открытие второго фронта в Европе»¹⁰. Из этого следует,

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.

⁶ Werth A. Leningrad. London, 1944. Некоторые англоязычные книги, рассматриваемые в статье, впоследствии были переведены на русский язык. Для того чтобы избежать возможных неточностей, здесь и далее мы будем ссылаться на первоначальные издания на английском языке.

⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 33; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 67–68; Там же. П. 12. Д. 110. Л. 136–140; Там же. Оп. 5. П. 13. Д. 119. Л. 18; Там же. Л. 31.

⁸ Там же. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 64.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8581. Оп. 2. Д. 24. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 38–39.

что методы политического контроля применялись уже на первых этапах проведения поездки. В Ленинград специально отправляли симпатизирующих советскому государству репортеров, действия которых было легче координировать.

Характерно, что после принятия решения об организации визита Г. Шапиро в конце июня 1943 г. в НКВД поступило несколько обращений с протестами от корреспондентов информационных агентств Associated Press, Reuters и газеты The Sunday Times. Они считали предоставление Шапиро исключительного права посетить Ленинград «дискриминацией по отношению ко всем иностранным корреспондентам», которые также отправляли в НКВД подобные запросы¹¹. Этот факт отражает острую конкуренцию в среде зарубежных журналистов, видевших в поездке в осажденный Ленинград значительные возможности для создания сенсационных материалов.

Все поездки зарубежных репортеров в Ленинград проходили в строгом соответствии с программами визитов. На сегодняшний момент известны планы организации поездок А. Верта в сентябре 1943 г. и коллектива корреспондентов в феврале 1944 г.¹², основные пункты программы визита Г. Шапиро в июле 1943 г. можно установить на основе его очерков¹³. Планы поездок разрабатывались сотрудниками Отдела пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б) и Политического управления Ленинградского фронта, а затем утверждались первым секретарем горкома и обкома ВКП(б) А.А. Ждановым. Программы были рассчитаны на 3–4 дня и включали в себя осмотр городских достопримечательностей, посещение промышленных предприятий, культурных учреждений, военных объектов, Смольного, а также встречи с политическими и военными руководителями города и фронта, представителями интеллигенции.

Представители власти стремились сформировать особые образы осажденного и возвращающегося к мирной жизни города. Цели организации визитов описывались в вводных частях планов: «необходимо показать Ленинград как неприступную для врага крепость, как город-воин», «целью работы с иностранными корреспондентами является показ им напряженности боев при прорыве обороны немцев <...> [необходимо] показать также злодеяния гитлеровских варваров <...> восстановление города и возрождение его экономики и культурной жизни»¹⁴.

В то же время руководители стремились не привлекать внимание журналистов к «политически неправильным» вопросам, связанным с массовой смертностью и голодом зимы 1941–1942 гг., преступностью, нелегальной торговлей, оппозиционными настроениями. Плотность графика существенно ограничивала общение иностранцев с ленинградцами, знакомство с условиями их жизни и повседневными практиками. Характерно, что американский корреспондент Г. Шапиро во время встречи с первым секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ В.Н. Ивановым просил его рассказать про «жертвы Ленинграда, потери, страдания людей», чтобы подчеркнуть военные преступления нацистов. Однако Иванов ответил, что «трудности» были в достаточной степени отражены в фильме «Ленинград в борьбе» и в целом «пока об этом говорить еще рано, пока несвоевременно»¹⁵. Заметим, что первоначальный вариант этого фильма был значительно переработан, так как в апреле 1942 г. он подвергся жесткой критике со стороны ленинградских партийных руководителей. В частности, А.А. Жданов отмечал: «В картине переборщен упадок <...> Правда заключается не в том, что люди жили, а в том, что они не теряли веру»¹⁶.

Тем самым в образе, создаваемом руководителями города, содержалось внутреннее противоречие. Организаторы старались отгородить иностранцев от информации о катастрофических реалиях блокадных будней и масштабах смертности среди гражданского насе-

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 13. Д. 119. Л. 18, 22, 23; Там же. Ф. 162. Оп. 17г. П. 113. Д. 206. Л. 1.

¹² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 173. Л. 5–9; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6726. Л. 72–74.

¹³ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 32–74.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 173. Л. 5; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6726. Л. 72.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 17.

¹⁶ Кино на войне. Документы и свидетельства. М., 2005. С. 213.

ления. В первую очередь они хотели подчеркнуть положительные тенденции в жизни возрождающегося Ленинграда, достигнутые усилиями рабочих, военных и партийных деятелей. Но в то же время представителям власти нужно было показать преступления нацистов, обстрелы зданий и гибель ленинградцев, «чтобы не было сусального представления о городе, в котором внешне все хорошо и все в порядке»¹⁷.

Действия зарубежных корреспондентов находились под постоянным контролем сопровождающих их сотрудников НКВД, НКГБ, Политуправления Ленинградского фронта. Они следили за графиком и отвечали за передвижение иностранцев по городу. Попытки самостоятельного осмотра города вместо мероприятий, предусмотренных программой, пресекались, в том числе взятие интервью у граждан на улице¹⁸. Кроме того, работники госбезопасности пытались использовать корреспондентов в качестве информаторов по ряду вопросов об общественном мнении в странах-союзниках¹⁹. В ходе визитов инициатива журналистов подавлялась, все встречи и посещения различных мест в городе проходили по заранее подготовленному сценарию.

Основную информацию о положении Ленинграда журналисты получали от городских руководителей: председателя Ленгорисполкома П.С. Попкова, первого секретаря обкома комсомола В.Н. Иванова, начальника МПВО Е.С. Лагуткина, главного архитектора города Н.В. Баранова, директора Кировского завода Н.Д. Пузырева, а также писателей Н.С. Тихонова и В.В. Вишневского. Наиболее важной и проработанной частью всех визитов было посещение иностранными журналистами Смольного.

Многие корреспонденты обращались к представителям власти с просьбами попасть на прием к первому секретарю Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) А.А. Жданову²⁰. Но подобных встреч не состоялось, со всеми журналистами беседовал председатель Ленгорисполкома П.С. Попков – официальный руководитель города, который представлялся иностранцам как «мэр Ленинграда»²¹. Характерно, что организаторы поездки стремились представить иностранцам Попкова как одного из наиболее молодых и энергичных руководителей, который пользуется популярностью у горожан, что мало соответствовало действительности²². Во время приема Г. Шапиро в Смольном при обсуждении положительных тенденций в жизни ленинградцев местные руководители «в один голос заявили, что это дело рук Попкова»²³. В результате в публикациях большинства иностранных корреспондентов молодому «мэру» уделялось особое внимание. Он описывался как привлекательный и приятный во всех отношениях человек, «преданный своему делу, трудолюбивый ветеран блокады», «правая рука Жданова», «один из спасителей Ленинграда»²⁴.

Однако ведущую роль в организации подобных визитов играл не Попков, а Жданов. Именно он утверждал окончательное содержание программ поездок²⁵. Помимо этого, в сентябре 1943 г. Жданов написал рекомендации к беседе П.С. Попкова с А. Вертом, отметив, что именно следует рассказать корреспонденту о положении в городе и какие дать оценки²⁶. Приведенные в очерке журналиста слова Попкова дословно совпадают с запиской

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 173. Л. 7.

¹⁸ Werth A. Leningrad... P. 169–172; Баландина О.А. Иностранные корреспонденты в Ленинграде... С. 182–183.

¹⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). Ф. 21/12. Оп. 2. Д. 47. Л. 84.

²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 67; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 2–3; Salisbury H. A journey for our times: A memoir. N.Y., 1983. P. 227.

²¹ Werth A. Leningrad... P. 155. Скорее всего, именно П.С. Попков как глава гражданской власти принимал иностранцев, поскольку западная публика скорее всего не смогла бы понять значимость партийного руководства в СССР.

²² Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. СПб.; М., 2002. Кн. 1. С. 110; Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014 С. 89–90.

²³ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 37.

²⁴ Lauterbach R. These are the Russians. N.Y., P. 69; Salisbury H. A journey for our times... P. 228; Werth A. Leningrad... P. 155–156.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 173. Л. 5–9.

²⁶ Там же. Л. 2–4.

Жданова²⁷. По просьбе «мэра Ленинграда» перед визитом в Смольный журналисты направляли ему предполагаемый список вопросов²⁸. Перед каждым приемом иностранцев – 20 июня, 28 сентября 1943 г. и 11 февраля 1944 г. – П.С. Попков в течение часа был в кабинете Жданова и, вероятно, обсуждал с ним детали предстоящих встреч²⁹.

Больше всего корреспондентов интересовали сведения о количестве умерших от голода ленинградцев и условиях жизни населения. Но председатель Ленгорисполкома всякий раз уклонялся от ответа на эти вопросы и утверждал, что количество погибших исчисляется в 5–6-значных цифрах³⁰. Когда в феврале 1944 г. один из журналистов спросил, правда ли, что в городе умерло более 500 000 человек, «мэр Ленинграда» ответил, что «эта цифра во много раз завышена и является сплошной газетной уткой»³¹. На остальные вопросы Попков отвечал более свободно – он рассказывал журналистам об обстановке в городе и на фронте, отмечая успехи РККА под Ленинградом, отсутствие агентов противника и оппозиционно настроенных граждан. Политик указывал на положительные тенденции практически во всех сферах жизни города, хотя и говорил, что ситуация продолжает оставаться тяжелой³².

В некоторых ответах председателя Ленгорисполкома заметны попытки выдать желаемое за действительное. Историк и литератор В.М. Глинка, сопровождавший группу иностранных корреспондентов в феврале 1944 г. в качестве переводчика, в воспоминаниях отмечал ряд недостоверностей в рассказах Попкова и лицемерный характер встречи как таковой³³. Журналисты воспользовались уникальной возможностью взять интервью у одного из руководителей Ленинграда, однако содержание их диалогов было тщательно predeterminedо заранее; сам рассказ Попкова можно назвать излишне оптимистическим.

Представители власти оказали прямое влияние на восприятие журналистами жизни города. Разработанные программы визитов позволили им побывать в различных учреждениях, встретиться с известными политическими и культурными деятелями. Но в то же время из-за плотности графика общение с жителями города было существенно ограничено. Власти старались показать город с разных сторон, но не акцентировали внимание на проблемных вопросах, понимая, что публикации журналистов окажут значимое влияние на общественное мнение за рубежом. Поэтому организаторы поездки старались отгородить иностранцев от «политически неправильной» информации. Акцент переносился с тематики страданий горожан на их причину – военные преступления нацистов.

В целом политику репрезентации образов блокированного и возрождающегося города, проводимую ленинградским руководством, можно считать успешной. В телеграмме начальника Политуправления Ленинградского фронта Д.И. Холостова о промежуточных итогах коллективной поездки иностранных журналистов от 10 февраля 1944 г. значилось: «Настроение корреспондентов <...> очень хорошее. За прошлую ночь 15 корреспондентов отправили 71 телеграмму в различные газеты и журналы. Все телеграммы положительные. Из всех телеграмм вычеркнуто [всего] 10–12 слов»³⁴. Заинтересованность журналистов фиксировал в своем спецдонесении и начальник Управления НКГБ по Ленинградской области П.Н. Кубаткин³⁵.

В результате основной темой статей, написанных журналистами после поездки в Ленинград, стал героизм советских солдат и горожан, подвиг города-крепости, который не покорился врагу. Какой-либо критики власти или сведений, которые могли бы повлиять

²⁷ Werth A. Leningrad... P. 158–160.

²⁸ Ibid. P. 157; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 4–6.

²⁹ Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб., 2014. С. 242, 255, 271.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 47.

³¹ Баландина О.А. Иностранные корреспонденты в Ленинграде... С. 181.

³² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 57–61; Werth A. Leningrad... P. 158–165; Salisbury H. A journey for our times... P. 227.

³³ Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2015. С. 217–218.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в–5. Д. 6726. Л. 81 об.

³⁵ От войны к миру. Ленинград, 1944–1945. СПб., 2013. С. 20–21.

на конструируемый образ, в них не содержалось. Тексты иностранцев выходили в свет лишь после их рассмотрения советскими цензорами, которые вычеркивали различные «искажения». Публикации корреспондентов вызвали большой интерес в общественной среде. Более 50 газет США перепечатали сообщения Г. Шапиро о посещении осажденного города в июне-июле 1943 г.³⁶ Тематический «ленинградский» выпуск радиопередачи ВВС «Русские комментарии», подготовленной А. Вертом, прослушали не менее 20 млн британцев³⁷. Первое издание его очерка «Leningrad», опубликованное в июле 1944 г. тиражом 15 тыс. экземпляров, получило высокие оценки критиков и было раскуплено за несколько дней³⁸. Стоит отметить, что эта книга и другие работы автора оказали значительное влияние на развитие англоязычной историографии обороны и блокады Ленинграда. В условиях, когда зарубежные исследователи были вынуждены опираться на узкий круг опубликованных документов, публикации иностранных корреспондентов на долгое время стали одним из главных источников информации о блокаде³⁹.

Таким образом, руководители города смогли сформировать «ретушированное» представление о блокаде Ленинграда и шире – сконструировать как таковые образы осажденного и возвращающегося к мирной жизни советского города. Содержание и основные тезисы публикаций иностранных корреспондентов мало чем отличались от статей о Ленинграде в советской прессе. Указанные образы были ретранслированы на англоязычную публику и стали основой для восприятия роли Ленинграда в годы войны за рубежом.

Литература

Асташкин Д.Ю. Битва за Ленинград в оценках австралийских медиа (1941–1944 гг.) // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2023. № 1. С. 51–79.

Асташкин Д.Ю. Шостакович и австралийское восприятие блокады Ленинграда во время Второй мировой войны // «Ленинградская симфония»: история, география, рефлексия: сборник докладов Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 9 августа 2022 г.). СПб.: ИПП Ладога, 2023. С. 142–150.

Баландина О.А. Иностранные корреспонденты в Ленинграде, 1943–1944 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 176–184.

Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб.: Евразия, 2020. 317 с.

Быстрова И.В. «Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 77–95.

Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. СПб.: Лимбус-Пресс, Издательство К. Тублина, 2015. 416 с.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с. (Сер.: HISTORICA ROSSICA).

Журнал посещения А.А. Жданова. 1941–1944 гг. / отв. ред. К.А. Болдовский. СПб.: Национальный центр социальной помощи, 2014. 396 с.

Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В.И. Фомин. М.: Материк, 2005. 944 с.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002.

От войны к миру. Ленинград, 1944–1945 / отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб.: Лики России, 2013. 254 с.

³⁶ Количество статей определено в результате поиска на интернет-портале Newspapers.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newspaper.com> (дата обращения: 21.05.2024).

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 13. Д. 119. Л. 63.

³⁸ Там же. Оп. 6. П. 10. Д. 112. Л. 76.

³⁹ *Goure L.* The Siege of Leningrad. London, 1962. P. 312–348; *Salisbury H.* The 900 Days. N.Y., 1969. P. 68, 292, 467.

Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 479 с.

Goure L. *The Siege of Leningrad*. Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1962. 363 p.

Lauterbach R. *These are the Russians*. N.Y., London: Harper & Brothers Publishers, 1945. 369 p.

Salisbury H. *A journey for our times: A memoir*. N.Y.: Harper & Row, 1983. 546 p.

Salisbury H. *The 900 days*. N.Y., Evanston: Harper & Row, 1969. 635 p.

Werth A. *Leningrad*. London: Hamish Hamilton, 1944. 189 p.

References

Astashkin, D.Yu. (2023). *Bitva za Leningrad v otsenkah avstraliyskikh media (1941–1944 gg.)* [The Battle of Leningrad in the Estimates of the Australian Media (1941–1944)]. In *Trudy Instituta istorii oborony i blokady Leningrada*. No. 1, pp. 51–79.

Astashkin, D.Yu. (2023). *Shostakovich i avstraliyskoe vospriyatие blokady Leningrada vo vremya Vtoroy mirovoy voyny* [Shostakovich and the Australian Perception of the Siege of Leningrad during World War II]. In “*Leningradskaya simfoniya*”: *istoriya, geografiya, refleksiya: Sbornik dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 9 avgusta 2022 goda*. St. Petersburg, IPP Ladoga, pp. 142–150.

Balandina, O.A. (2019). *Inostrannye korrespondenty v Leningrade, 1943–1944 gg.* [Foreign Correspondents in Leningrad, 1943–1944]. In *Bitva za Leningrad 1941–1944 gg.: podvig gorodageroya v Velikoy Otechestvennoy voyne*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 176–184.

Balandina, O.A., Davydov, A.Yu. (2020). *Vlast', informatsiya i obshchestvo: ikh vzaimosvyazi v deyatelnosti Sovetskogo informbyuro v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Power, Information and Society: Their Interrelationships in the Activities of the Soviet Information Bureau in the Conditions of the Great Patriotic War]. St. Petersburg, Evraziya. 317 p.

Boldovskiy, K.A. (Ed.). (2014). *Zhurnal poseshcheniy A.A. Zhdanova. 1941–1944 gg.* [The Journal of Visits by A.A. Zhdanov. 1941–1944]. St. Petersburg, Natsional'nyy Tsentr Sotsial'noy pomoshchi. 396 p.

Bystrova, I.V. (2020). *Moya poezdka v Rossiyu: vizit Klementiny Cherrchill' v SSSR vesnoy 1945 g.* [“My Visit to Russia”: Clementine Churchill’s Visit to the USSR in the Spring of 1945]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 77–95.

Cherepenina, N.Yu. (Ed.). (2013). *Ot voyny k miru. Leningrad, 1944–1945* [From War to Peace. Leningrad, 1944–1945]. St. Petersburg, Liki Rossii. 254 p.

David-Fox, M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuzha i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcases of the Great Experiment. Cultural Diplomacy of the Soviet Union and Western Visitors, 1921–1941]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.

Fomin, V.I. (Ed.). (2005). *Kino na voyne. Dokumenty i svidetel'stva* [Cinema at War. Documents and Certificates]. Moscow, Materik. 944 p.

Glinka, V.M. (2015). *Vospominaniya o blokade* [Memories of the Blockade]. St. Petersburg, Limbus-Press, Izdatel'stvo K. Tublina. 416 p.

Goure, L. (1962). *The Siege of Leningrad*. Stanford, Stanford University Press, London, Oxford University Press. 363 p.

Lauterbach, R. (1945). *These are the Russians*. New York, London, Harper & Brothers Publishers. 369 p.

Lomagin, N.A. (2002). *Neizvestnaya blokada* [Unknown Blockade]. In 2 books. St. Petersburg, Neva, Moscow, OLMA-Press.

Pyankevich, V.L. (2014). “*Lyudi zhili slukhami*”: *Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [“People Lived by Rumors”: The Informal Communication Space of Besieged Leningrad]. St. Petersburg, Vladimir Dal'. 479 p.

Salisbury, H. (1969). *The 900 Days*. New York, Evanston, Harper & Row. 635 p.

Salisbury, H. (1983). *A Journey for Our Times: A Memoir*. New York, Harper & Row. 546 p.

Werth, A. (1944). *Leningrad*. London, Hamish Hamilton. 189 p.

А.А. Хорошев*

РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ
ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СССР 1944–1953 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2024-6-2
УДК 94.47*Выходные данные для цитирования:**Хорошев А.А. Репатриация советских перемещенных лиц из Финляндии в СССР 1944–1953 годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 275–287.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>*

A.A. Khoroshev*

REPATRIATION OF SOVIET DISPLACED PERSONS
FROM FINLAND TO THE USSR 1944–1953

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2

*How to cite:**Khoroshev A.A. Repatriation of Soviet Displaced Persons from Finland to the USSR 1944–1953 // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 275–287.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]*

Abstract. The article examines a little-studied problem of post-war history – the repatriation of the Soviet citizens from the territory of Finland to the USSR in 1944–1953. The research is based on materials from the State Archives of the Russian Federation (GARF) and other sources. This process consisted of two stages: First, from October 1944 to January 1945, when the main part of the citizens were transported; The second one is from January 1945 to 1953, associated with the residual process of repatriation of internees. The first part of article examines the problems that influenced the repatriation process, such as: identification of the Soviet civilian population in Finland; ideological work with repatriates; organization of work and interaction between repatriation bodies and the Union Control Commission (UCC). The main criteria for repatriation and the return or exchange of prisoners of war and internees were the Moscow Armistice of September 19, 1944, as well as various interpretations of this agreement made by the UCC after 1944 until the adoption of the Paris Peace Treaty of 1947. The benefits and procedure for the return of Soviet citizens from the territory of Finland were established by the State Defense Committee Resolution No. 6973 of November 19, 1944. At first, the internees were taken to Vyborg, and then taken to the Pskov, Yaroslavl, Kalinin, Novgorod and Velikoluksk regions. There they were distributed to collective farms and moved in with local residents. Despite the benefits, many internees were dissatisfied with their placement in the regions, since they wanted to return to their homes in the Leningrad region and the territory of the Karelo-Finnish USSR. During the second stage of repatriation, the voluntary departure of Soviet resettled citizens from Finland to the USSR decreased every month. The Soviet authorities took a number of measures to improve the indicators, but this failed for the following reasons: many remaining Soviet citizens feared reprisals upon returning to the USSR; some citizens lost their property in the USSR (in the Leningrad region, etc.); there was also the problem of the citizenship of the relatives of those repatriated (husband/wife have citizenship of another state); most settled their lives in Finland.

Keywords: Finland, USSR, repatriation, internees, displaced persons, Union Control Commission (UCC), World War II, Great Patriotic War.

*The article has been received by the editor on 07.05.2024
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

* **Анатолий Алексеевич Хорошев**, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: anatliij-khrshev@rambler.ru
Anatoliy Alekseevich Khoroshev, Postgraduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: anatliij-khrshev@rambler.ru

Аннотация. В статье на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и других источников исследуется малоизученная проблема послевоенной истории – репатриация советского гражданского населения с территории Финляндии в СССР в 1944–1953 гг. Данный процесс проходил в два этапа: с октября 1944 по январь 1945 г., когда перевезли основную часть граждан; с января 1945 по 1953 г., связанный с остаточным процессом репатриации интернированных. В рамках изучения темы выделены проблемы, повлиявшие на ход репатриации, такие как выявление советского гражданского населения на территории Финляндии, идеологическая работа с репатриантами, организация работы органов репатриации и Союзной Контрольной Комиссии (СКК). Единственными четкими критериями репатриации, возврата или обмена военнопленными и интернированными было Московское перемирие, подписанное обеими странами 19 сентября 1944 г., а также различные интерпретации этого соглашения, сделанные СКК после 1944 г. до принятия Парижского мирного договора 1947 г. Большое значение для советских граждан имело Постановление ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г., устанавливающее льготы и порядок их возвращения с территории Финляндии. Главным сборно-пересыльным пунктом в СССР стал г. Выборг, откуда репатриантов везли в Псковскую, Ярославскую, Калининскую, Новгородскую и Великолукскую области, где распределяли по колхозам, расселяя поначалу в порядке уплотнения. Несмотря на предоставленные льготы, многие интернированные были недовольны своим размещением в регионах, поскольку желали вернуться в свои дома в Ленинградскую область и на территорию Карело-Финской ССР. Во время второго этапа репатриации добровольный выезд советских переселенных граждан из Финляндии в СССР с каждым месяцем уменьшался. Советское руководство предприняло ряд мер для улучшения показателей, однако это не удалось по следующим причинам: многие оставшиеся советские граждане боялись репрессий по возвращении в СССР; часть граждан утратила свое имущество в СССР (в Ленинградской области и т.д.); существовала и проблема гражданства родственников репатрируемых (муж/жена имеют гражданство другого государства); большинство устроило свою жизнь в Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, репатриация, интернированные, перемещенные лица, Союзная Контрольная Комиссия (СКК), Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024 г.

Война между Финляндией и Советским Союзом завершилась заключением Московского перемирия 19 сентября 1944 г. Союзническая контрольная комиссия (СКК), возглавляемая представителями Советского Союза, прибыла в Финляндию и потребовала возвращения советских граждан в СССР. Требование основывалось на 10-й статье «Соглашения о перемирии», согласно которому Финляндия принимала на себя обязательство передать всех насильственно интернированных советскому командованию для их возвращения на Родину. Термин «насильственно» вызвал у властей Финляндии проблемы с толкованием, поскольку там считалось, что ингерманландцы¹ приехали в Финляндию по собственной воле, а по прибытии подтверждали это своими подписями.

На период репатриации советских военнопленных и интернированных оба государства практически не придерживались существующих международных соглашений. 9 июня 1922 г. Финляндия ратифицировала конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, согласованную на Второй Гаагской мирной конференции 18 октября 1907 г., которая содержала положения об обращении с военнопленными. Ранее Россия тоже подписала Гаагскую конвенцию, но уже новое государство, Советский Союз, отказалось присоединиться

¹ Прибалтийско-финское население Северо-Запада России, относящееся к исторической Ингрии или Ингерманландии, финнам-ингерманландцам, ижоре и води (Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX века. СПб., 2003. С. 3).

к Третьей Женевской конвенции 1929 г., не ратифицировала ее и Финляндия. В этой ситуации единственными четкими критериями репатриации, возврата или обмена военнопленными было Московское перемирие, подписанное обеими странами, а также различные интерпретации этого соглашения, сделанные Союзной контрольной комиссией после 1944 г. до принятия Парижского мирного договора 1947 г.²

С момента подписания Соглашения о перемирии и впредь до окончания репатриации финская сторона обеспечивала за свой счет всех военнопленных, а также интернированных граждан питанием, одеждой, медицинским обслуживанием в соответствии с санитарными требованиями, равно как и средствами транспорта для их возвращения в СССР. Одновременно с этим Финляндии были переданы финские военнопленные и интернированные, находившиеся на территории союзных государств³.

В соответствии со ст. 22 Соглашения о перемирии в Финляндии создавалась Союзная Контрольная Комиссия, призванная следить за точным выполнением условий перемирия, изложенных в Соглашении от 19 сентября 1944 г. Комиссия находилась в ведении Управления СНК СССР по делам репатриации. Поначалу ее возглавил член Военного Совета Ленинградского фронта А.А. Жданов. Согласно п. 5 инструкции о деятельности СКК в Финляндии, она должна была «выявить имеющиеся лагеря для советских и союзных военнопленных и интернированных, а также места нахождения для насильственно уведенных в Финляндию советских и союзных граждан. Установить государственную принадлежность указанных лиц, а также определить порядок и сроки их репатриации. В отношении союзных военнопленных и интернированных руководствоваться тем, что каждое Союзное Правительство решает, какие из его граждан будут и какие не будут репатрированы. Кроме того, следовало «проверить выполнение Финским Правительством обязательства по передаче Союзному (Советскому) Главнокомандованию всех находящихся в Финляндии советских и других союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно уведенных советских и союзных граждан. Проверить также обеспечение этих лиц впредь до их репатриации питанием, одеждой, медицинским обслуживанием в соответствии с санитарными требованиями, а также средствами транспорта для возвращения их на родину»⁴.

Процесс репатриации советских военнопленных и интернированных из Финляндии проходил в два этапа. Первый этап – с октября 1944 по январь 1945 г., когда перевезли основную часть граждан; второй этап – с января 1945 по 1955 г., связанный с остаточным процессом репатриации военнопленных и интернированных. Всего более 100 000 советских граждан были репатрированы из Финляндии в Советский Союз в период с 1944 по 1955 г.⁵ Однако некоторые из них по разным причинам отказались возвращаться в СССР.

До сих пор данная тема не получила должного освещения в литературе. Специально ей в отечественной историографии посвящено лишь три статьи В.И. Мусаева⁶, Г.И. Большаковой⁷ и А.В. Филимонова⁸, опубликованные после 2006 г. Как следует из самих названий статей, в них нашли отражение лишь некоторые аспекты начального этапа репатриации.

Более подробно проблема интернированных изучалась за рубежом, в первую очередь в Финляндии. Одним из первых к вопросу о переселении ингерманландцев в годы Второй мировой войны обратился К. Кулха, опубликовав в 1967 г. статью на эту тему⁹. Более

² *Pohjonen J.* Soviet Demands for Repatriations from Finland between 1944 and 1955. Helsinki, 2008. P. 181.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 06 «Секретариат Наркома т. В.М. Молотова 1944 г.» Оп. 6. Д. 719. П. 53. Л. 36.

⁴ АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат Наркома т. В.М. Молотова 1944 г.» Оп. 6. Д. 730. П. 53. Л. 20–21.

⁵ *Kauppalä P.* Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate. Helsinki, 2008. P. 213.

⁶ *Мусаев В.И.* Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944–1945 гг.). СПб., 2006.

⁷ *Большакова Г.И.* Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.). Тамбов, 2018.

⁸ *Филимонов А.В.* Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949). Псков, 2017.

⁹ *Kulha K.* Inkeriläisten siirtäminen Suomen II maailmansodan aikana // *Studia Historica Jyväskylälänsia.* V.V. Jyväskylän yliopisto, Pieksämäki, 1967.

детально проблему перемещенных ингерманландцев осветил в специальной монографии П. Невалайнен¹⁰.

В 2007 г. в Финляндии был поддержан исследовательский проект «Домой в изгнание» (Kotiin karkotettavaksi), в рамках которого были собраны материалы, касающиеся перемещенных во время войны в Финляндию ингерманландских финнов, ижорцев и води, а также исследованы обстоятельства их возвращения в СССР. В рамках этого проекта вскоре были опубликованы переведенные на русский язык монографии Тойво Флинка «Домой в ссылку...»¹¹, а также Юсси Пеккаринена и Юхи Похьонена «Пощады не будет...»¹². Процессу репатриации военнопленных и интернированных посвящено исследование Рейо Раутайоки, описывающее пребывание советских переселенных граждан в приемных и карантинных лагерях Финляндии¹³.

Целью данной статьи автор ставит исследование процесса репатриации советского гражданского населения из Финляндии в СССР с 1944 по 1953 г., а также сопровождавших ее проблем, таких как выявление советского гражданского населения на территории Финляндии, идеологическая работа с репатриантами, организация работы органов репатриации и СКК. Кроме того, малоизученным остается вопрос, связанный с частью советского населения, которое отказалось от возвращения в СССР.

Характер советско-финских отношений в период с 1944 до 1953 г. определялся тем, насколько хорошо финны выполняли требования статей Соглашения о перемирии, а затем и мирного договора. 14 ноября 1944 г. в Финляндию была направлена группа из 14 офицеров под руководством полковника Н.А. Филатова, позднее усиленная 75 офицерами, выделенными Ленинградским военным округом¹⁴. За время работы им удалось выявить 108 746 граждан СССР, включая как военнопленных, так и интернированных¹⁵.

К декабрю 1944 г. большая часть советских военнопленных, а это порядка 42 тыс. человек, были возвращены в СССР¹⁶. В дальнейшем репатриация продолжалась небольшими группами. Многие бывшие военнопленные, пользуясь возможностями, сбежали в Швецию, опасаясь попасть в концентрационные лагеря на территории Советского Союза. Поиск и возвращение советских военнопленных, бежавших из Финляндии в Швецию, были осложнены несколькими обстоятельствами. Некоторым военнослужащим удалось сменить имя или даже получить финский паспорт, что увеличило время на их идентификацию; часть военнопленных прибегала к помощи различных организаций и национальных группировок, которые помогали им скрываться; несколько человек смогли устроиться в Швеции на работу или попасть в тюрьму, что затягивало процесс их репатриации. По объединенным данным, в период с 1944 по 1955 г. в СССР было репатрировано 42 140 советских военнопленных.

С октября по ноябрь 1944 г. проходил подготовительный этап репатриации. В ее основе лежало Постановление ГКО от 19 ноября 1944 г. № 6973, устанавливающее льготы и порядок возвращения интернированных. Прибывающих размещали в свободных домах либо в порядке уплотнения в домах колхозников, также содействовали в приобретении и ремонте новых домов и имущества¹⁷. В соответствии с п. 1 этого Постановления для переселяемых предлагалось¹⁸: а) освободить на 1945–1946 гг. от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и на 1945 г. от поставок государству сельскохозяйственных продуктов; б) принять на счет государства стоимость проезда, перевозки скота и имущества переселя-

¹⁰ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1989.

¹¹ Флинка Т. Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944–1955 гг. СПб., 2011.

¹² Пеккаринен Ю., Похьонен Ю. Пощады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944–1981. М., 2010.

¹³ Rautajoki R. Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944. Turku, 2020.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 10. Л. 81.

¹⁵ Мусаев В.И. Советско-финляндское перемирие... С. 416–424

¹⁶ В их числе 1 генерал-майор, 1 346 офицеров, 194 женщины-военнослужащие и 40 188 рядовых. Всего – 41 729 человек. Кроме того, СКК передано 1 812 граждан Советского Союза (ГАРФ. Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 10. Л. 76).

¹⁷ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 1. Л. 9–10

¹⁸ Там же. Л. 11.

емых, а также их медицинское обслуживание с пограничных пунктов до места вселения. Всего с 1944 по 1952 г. было принято свыше 60 постановлений¹⁹, регламентировавших процесс репатриации.

Руководствуясь указаниями из Москвы, группа полковника Н.А. Филатова составила план работы на ноябрь 1944 – январь 1945 гг., согласно которому предполагалось вывезти максимальное количество. За данный период необходимо было перевести большое количество людей.

В ноябре 1944 г. большая часть работы была сосредоточена на регистрации советских граждан, насильно увезенных в Финляндию. По предварительным подсчетам СКК предполагалось, что в стране должно быть около 62 тыс. советских граждан, преимущественно ингерманландцев. По данным СССР, все люди были увезены насильно под угрозой расстрела, а по прибытии в Финляндию им были выданы бланки с требованием заполнить с указанием того, что они с территории Советского Союза выехали добровольно. Финское правительство отрицало насильственный вывоз, что оно никого не принуждало, все переселенцы добровольно принимали решение переехать в Финляндию. Так с самого начала репатриации между советской и финской сторонами начали возникать разногласия²⁰.

К 3 ноября 1944 г. финляндское правительство предоставило СКК списки всех граждан СССР, проживающих на территории Финляндии по губерниям и уездам, и предварительные данные о желающих вернуться на Родину, а также тех, кто был отправлен в другие страны или умерших. И здесь возникли некоторые разногласия. Выверяя предоставленные финской стороной цифры, СКК и представители Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации периодически проводили проверку регистрации интернированных лиц по губерниям или уездам. Так выяснилось, например, что по финским данным в Куопиоской губернии значилось 4 569 советских граждан, а после проверки оказалось их 5 051 чел. В Вазаской губернии числилось 3 500 чел., после проверки оказалось 7 088 чел.²¹

Впоследствии СКК и представители Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации решили с 5 ноября провести регистрацию советских граждан самостоятельно, о чем было заранее сообщено по радио и в печати. В каждую губернию были направлены 5–7 специалистов СКК. Возвращение большинства интернированных проходило добровольно, кроме детей-сирот в возрасте до 16 лет. Для них репатриация была обязательной²².

Регистрация для переезда в СССР проводилась во всех губернских центрах, а также в столичном отеле «Тапиола»²³. Перевозка личных вещей и имущества, в независимости от их количества, обеспечивалась транспортными средствами бесплатно. СКК запросила помощи у НКВД организовать с 3 ноября по 8 ноября 1944 г. информационную кампанию по радио с призывом на русском и финском языках зарегистрироваться для переезда в СССР. Кроме того, объявление о начале репатриации было размещено на финском языке в газетах «Ууси Суоми», «Хельсингин Саномат», «Суомен социалидемократти»²⁴.

6 ноября 1944 г. началась регистрация граждан СССР, подлежащих возвращению на Родину. С 10 ноября 1944 г. представители СКК и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации провели контрольный объезд губернских и уездных центров для проверки хода регистрации и организации сборных пунктов и баз обеспечения²⁵. Спустя сутки 20 025 советских граждан зарегистрировались на выезд в СССР²⁶. С ними предполагалось вывезти 1 630 т груза²⁷. С такими темпами СКК планировала завершить регистрацию к 20 ноября.

¹⁹ Большакова Г.И. Начальный период массовой репатриации... С. 14–19.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 10. Л. 76.

²¹ Там же. Л. 76–77.

²² Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии... С. 313.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 283.

²⁴ Там же. Л. 284.

²⁵ Там же. Л. 290.

²⁶ В их числе 4 413 мужчин, 9 242 женщины, 6 370 детей (ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д.10. Л. 77).

²⁷ Там же. Л. 77.

Между тем далеко не все граждане желали возвращаться в СССР. Преимущественно это были финны, ранее проживающие в Ленинградской области, карелы, а также раскулаченные украинцы, высланные в Карелию в 1932 г. Сказалась и работа финской пропаганды. На территории Финляндии распространялась русскоязычная газета «Северное слово», в которой утверждалось, что всех репатриированных в СССР ожидают репрессии: «...большевики по своему новому закону считают всех своих граждан, попавших в период войны в Финляндию, как изменников Родины»²⁸. Для контрпропагандистской работы из Ленинграда в Финляндию была командирована группа из 10 политработников, которые были закреплены за губернскими пунктами регистрации.

В СКК отмечали факты, когда с началом репатриации советских граждан финны увольняли с работы, выселяли с квартир, не отоваривали продуктовые и промышленные карточки. Потребовалось вмешательство МВД Финляндии. Его представитель выступил 12 ноября 1944 г. по радио с требованием прекратить дискриминацию репатриантов.

Многие советские граждане, преимущественно женщины с детьми, не желая возвращаться на Родину, тайно перебирались в Швецию. Сотрудники СКК знали об этих фактах и неоднократно обращались в МВД Финляндии расследовать эти случаи. Так, СКК сообщали финской стороне, что семь ингерманландцев из группы отъезжавших из Раума 12 декабря 1944 г. отстали от эшелона и с разрешения финских властей перешли в районе Або границу со Швецией²⁹. 16 декабря 1944 г. начальник отдела государственной полиции Або докладывал, что по данному факту следствие произвел комиссар Лейнонен, но не нашел никаких подтверждений. Представители СКК продолжали настаивать. В ходе переписки выяснилось, что многие ингерманландцы при заявлении финским властям зарегистрировались под финской фамилией, а при заявлении СКК использовали русские имена. Более того, начальник сборного пункта Раума заявил, что все 489 чел. были доставлены на границу. Ни один ингерманландец не уехал в Швецию легально. Сейчас сложно было выяснить, переходил ли кто тайным путем через острова Варсинайо-Суоми или через Ботнический залив³⁰.

По одному из таких дел 19 декабря 1944 г. государственная полиция Хельсинки произвела следствие в г. Вааса. Однако ей не удалось обнаружить подтверждений об организованной отправке советских граждан в Швецию. В ходе следствия выяснилось лишь, что гражданка Мария Антропова с тремя детьми тайно выехала в Швецию через Нэрпиё. Кроме того, полиция не смогла найти двух ингерманландцев в Каухаюоки³¹.

Тогда СКК 12 января 1945 г. передал финским властям список ингерманландцев, прибывших в Швецию вместе с финскими гражданами, получившими разрешение эвакуироваться в Швецию – всего 197 человек³². Кроме того, НКВД сообщил, что, по сведениям миссии в Стокгольме, в Швеции находилось около 700 советских граждан, преимущественно женщин и детей, вывезенных финнами из Ленинградской области. Большинство из них были эвакуированы в Швецию в ходе так называемой Лапландской войны во время изгнания немецких войск с территории Финляндии. Кроме того, в июне 1945 г. Наркомат госбезопасности предоставил информацию о том, что в Финляндии скрывались от репатриации 17 советских граждан, имевших на руках фиктивные документы, будто бы выданные им финскими властями³³. В заявлениях по этому поводу заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К.Д. Голубева и заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышева говорилось, что эти советские граждане подлежали возврату в Советский Союз и размещению по областям в соответствии с планом расселения возвращающихся из Финляндии ингерманландцев³⁴.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д.10. Л. 77.

²⁹ Там же. Д. 1207. Л. 65.

³⁰ Там же. Л. 65.

³¹ Там же. Л. 64.

³² Там же. Л. 108.

³³ Там же. Д. 64. Л. 169.

³⁴ Там же. Д. 63. Л. 44.

25 ноября 1944 г. началась отправка первых эшелонов с интернированными. В докладе на имя Председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина и заместителя Председателя СНК СССР В.М. Молотова от 1 декабря 1944 г. сообщалось, что до 25 ноября 1944 г. представителями Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Финляндии и СКК проведен сбор заявлений от переселенцев, составлены учетные карточки и именные списки. Разработан план железнодорожных перевозок. Во всех 21 сборных пунктах были созданы продфуражные базы на 14 суток путевого запаса для всех переселенцев³⁵. Согласно спискам на 1 декабря 1944 г. было зарегистрировано 51 920 чел., подлежащих отправке на Родину. В их числе мужчин – 10 722, женщин – 22 885, детей – 18 313. Учтено для отправки: груза – 6 256 т, коров – 888 шт., лошадей – 22 и мелкого скота – 262 головы³⁶.

Наряду с проведением регистрации СКК и представители уполномоченного СНК по делам репатриации занимались разбором жалоб советских граждан за отобранный у них на финской территории скот, зерно, деньги, включая реквизиции произведенные германскими войсками. Для рассмотрения заявлений советских граждан на возмещение убытков 28 ноября 1944 г. правительство Финляндии создало специальную комиссию во главе с Карлом Торстен Тиканваара³⁷. Эта комиссия решала вопросы по возмещению убытков в каждом отдельном случае. Если жалобщика не устраивало решение комиссии, он мог в 30-дневный срок обратиться с апелляцией к финскому правительству. Если гражданин принимал определенное ему возмещение и расписывался в его получении, то он терял право на апелляцию. Тем советским гражданам, которые съехали с места проживания в финской глубинке, платеж производился по заявлениям в сборных пунктах. Всего на 1 декабря 1944 г. советским гражданам было выплачено 316,4 млн финских марок. Еще 29 млн марок выплатили к 5 декабря. Все эти суммы не входили в счет репарации³⁸. До 15 января 1945 г. Финляндия возместила советским гражданам 349 645 814 финских марок³⁹.

На сборных пунктах за 5–7 суток до отправки был предусмотрен врачебный осмотр всех переселенцев с выдачей соответствующих медицинских справок. Там же производилась замена обветшалой одежды, обуви и выдача продфуража. Для больных был предусмотрен карантин. Скот также подвергли ветеринарному осмотру.

Большая работа по подготовке к репатриации советских граждан проводилась и на территории СССР⁴⁰. Для проверки готовности приемно-пересыльного пункта в Выборге была командирована группа офицеров под командованием помощника Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майора Ф.Я. Семенова. В эту группу входило 40 начальников эшелонов с таким же количеством помощников по политической, просветительской и санитарной части. В каждой области были созданы комиссии, распределявшие прибывавших по районам и колхозам. Определены пункты выгрузки, порядок приема и расселения, а также обеспечение репатрируемых питанием, теплой одеждой, медицинским уходом и транспортом⁴¹.

В ходе репатриации была обнаружена проблема, связанная с теми советскими гражданами, которые в ходе пребывания на территории Финляндии вступили в брак с финнами. Таких семей в советском ведомстве насчитали 137. Из них лишь 14 пар пожелали вернуться на Родину⁴². Позднее полковнику Н.А. Филатову доложили, что количество советских граждан, вступивших в брак за период нахождения их в Финляндии, превышало 500⁴³.

По финским законам предусматривалось, что если финн женится на гражданке другой национальности, то она автоматически вступала в финское подданство, и наоборот, если финка выходила замуж за гражданина другой национальности, то она получала гражданство

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 9.

³⁶ Там же. Д. 10. Л. 82.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 189. Л. 204–205.

³⁸ Там же. Оп. 6. Д. 10. Л. 83.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 189. Л. 326.

⁴⁰ Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 10–13.

⁴¹ Там же. Л. 10.

⁴² Там же. Д. 1207. Л. 65.

⁴³ Там же. Д. 63. Л. 42.

страны своего мужа. Сложность была в том, что большинство подобных браков, заключенных в Финляндии, приходилось на женщин, вышедших замуж за финнов. Таким образом, они, согласно финским законам, являлись финскими подданными. Заявления о возвращении в СССР продолжали поступать как со стороны той, так и другой группы семей, а вопрос же об их возвращении был неясен, поскольку указанные случаи носили не единичный характер⁴⁴.

Разъяснения по данной проблеме были получены только весной 1945 г., когда в марте 1945 г. помощник Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майор Я.Д. Басилов сообщил, что для репатриации советских граждан, вступивших в брак с иностранными подданными на основании разъяснения зам. НКВД А. Я. Вышинского от 8 января 1945 г., необходимо руководствоваться следующим⁴⁵:

1. Разрешить возвращение в СССР только тем советским гражданам, которые до начала войны проживали на территории СССР и оказались за границей в качестве интернированных или военнопленных.

2. Въезд в СССР членов семей таких советских граждан, являющихся подданными иностранных государств, может иметь место только после принятия их в гражданство СССР, за исключением случаев, когда советский гражданин или гражданка, будучи иностранными подданными, проявили себя открытыми сторонниками СССР. В этих случаях вопрос о въезде может быть рассмотрен НКВД до принятия лица в гражданство СССР и оформить его подданство с прибытием в СССР.

3. Не препятствовать советским гражданам из числа интернированных или военнопленных оставаться в данной стране до решения вопроса о принятии в советское подданство и въезде в СССР членов его семьи, а также оставаться в данной стране на более длительное время в случае, если ходатайство о гражданстве и въезде в СССР членов семьи будет отклонено, однако при условии, если такие сов. граждане не совершили перед государством преступлений, в этих случаях они должны быть возвращены в СССР принудительно.

Еще одной проблемой в работе Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации стало возвращение детей-сирот. 8 декабря 1944 г. заместитель председателя СКК в Финляндии Г.М. Савоненков сообщил в НКВД, что по данным ведомства в Финляндии находился 331 ребенок советского гражданства, принятый на попечение финнами. Наибольшее число среди них (158 чел.) составляли дети в возрасте от 11 до 15 лет, 103 ребенка – от 6 до 10 лет⁴⁶. По мнению представителей СССР, каждого из них следовало вернуть в Советский Союз. В январе 1945 г. представителю Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Финляндии полковнику Н.А. Филатову было дано указание в срок с 13 по 14 января вывезти всех детей из Финляндии. 261 ребенка в возрасте 5 до 15 лет надлежало доставить в Ярославль, Вологду и Калинин. 15- и 16-летних подростков направляли в Калинин (38 чел.). 32 ребенка в возрасте от года до 5 – в Ленинград⁴⁷. В общем списке репатриантов оказалось 325 детей, из них в январе 1945 г. выехало из Хельсинки – 210 (согласно спискам – 161); из других губерний – 65; со сборного пункта в Ойтти – 85; 5 детей-сирот находились в Швеции; 2 ребенка не достигли 1 года; 7 детей остались с родителями и родственниками, не пожелавшими выехать в Советский Союз⁴⁸.

Большое значение при проведении подготовительного этапа репатриации имела политико-просветительская работа с населением. Политическая работа среди военнопленных и интернированных должна была решить следующие задачи: во-первых, усилить стремление большинства репатриантов скорее вернуться на Родину; во-вторых, выявить среди репатрируемых антисоветские элементы.

Политорганы в ноябре 1944 г. разработали и утвердили план политико-пропагандистской работы с репатриантами. Он предусматривал проведение бесед о героической

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 42–43.

⁴⁵ Там же. Л. 193.

⁴⁶ Там же. Л. 18.

⁴⁷ Там же. Л. 34.

⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 189. Л. 331.

борьбе Красной армии и самоотверженном труде советского народа в тылу (с иллюстрацией примерами из жизни отдельных людей из конкретных регионов) под руководством партии и лично товарища Сталина как «гениального полководца и творца новой стратегии, которая вдребезги разбила врага». Управлением по репатриации в помощь политработникам было выпущено более миллиона брошюр, листовок, несколько сотен тысяч плакатов соответствующей тематики.

В период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. было перевезено на сборно-пересыльный пункт в Выборге 56 030 чел., из них: мужчин – 11 450, женщин – 25 029, детей – 19 551. По национальному составу большая часть из них были ингерманландцами (47 384 чел.)⁴⁹. В принудительном порядке было организовано возвращение детей-сирот, а также некоторых граждан, перебравшихся из Финляндии в Швецию и вступивших в брак с финнами. Из Выборга репатриантов везли в Псковскую, Ярославскую, Калининскую, Новгородскую и Великолукскую области, где распределяли по колхозам, расселяя поначалу в порядке уплотнения. Несмотря на обещанные льготы, многие интернированные высказывали недовольство по поводу переезда в чуждые им регионы, а не в районы прежнего проживания в Ленинградской области и Карелии.

Начиная с февраля 1945 г. репатриация советских граждан из Финляндии представляла собой возвращение небольших групп. В докладе группы СКК в Финляндии с 22 января по 1 июля 1945 г. указывалось, что в этот период было зарегистрировано и отправлено на родину 503 человека. В Финляндии на 1 июля 1945 г. оставалось 8 630 советских граждан. Кроме того, за это время из Швеции было отправлено 786 чел., включая 411 бывших военнопленных⁵⁰.

По официальным данным, полученным от финских властей, в Финляндии на 1 октября 1946 г. проживало 7 029 советских граждан, которые во время войны оказались в Финляндии и не хотели возвращаться в СССР⁵¹. Большая часть из них являлась ингерманландцами (5 819 чел.) и карелами (600 чел.). В подавляющем большинстве (около 80 %) это были женщины и дети⁵². Финская сторона, выполняя свои обязательства по репатриации, сообщала о местах проживания не желавших вернуться. В Вазаской губернии в это время проживало 1 158 советских граждан, в Улеборгской – 178 чел., в Лапландской губернии – 58 чел., в Турун-Поринской – 2 101 чел., в Тавастгустской – 1 367 чел., Ньюландской губернии – 1 094 чел., в Куопиосской – 442 чел., в губернии Миккели – 385 чел., в Кюми – 246 чел.⁵³ Эти данные были предоставлены финской стороной на основании списков Консульского отдела Миссии СССР и журнала учета выехавших на Родину из Финляндии на 1 октября 1946 г. В течение следующего года дополнительно было репатрировано еще до ста человек⁵⁴. После 1947 г. работа по возвращению интернированных лиц на родину почти прекратилась. Всего с 1948 по 1953 гг. в Советский Союз вернулись 99 чел. Из них 26 переехали в 1948 г., 15 – в 1949 г., пятеро – в 1950 г. 19 чел. – в 1951 г. и 34 – в 1952 г.⁵⁵

В период с 1950 по 1953 г. в работу активно вступает МИД СССР. 16 ноября 1950 г. на посланника СССР в Финляндии Г.М. Савоненкова пришло поручение об улучшении работы с репатриантами⁵⁶. В донесении от 13 марта 1951 г. на заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан тов. Н.А. Филатова обозначались ключевые мероприятия Миссии на 1951 г.: публикация объявлений в местной печати, выезды консульских работников в пункты, где имеется большое количество советских переме-

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 332.

⁵⁰ Там же. Оп. 6. Д. 65. Л. 182.

⁵¹ Там же. Д. 901. Л. 79.

⁵² Там же. Л. 80.

⁵³ Там же. Л. 81.

⁵⁴ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии... С. 314; Большакова Г.И. Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и военнопленных из Финляндии в послевоенный период (1944–1953 гг.). Выборг, 2014. С. 27.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 901. Л. 79–81.

⁵⁶ Там же. Д. 736. Л. 376–379.

ценных лиц для бесед с этими лицами, распространение соответствующей литературы, показ фильмов и др. В документе также было отмечено, что наличие в Финляндии постоянных работников Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации намного облегчило бы проблему репатриации советских граждан на Родину⁵⁷.

15 апреля 1951 г. в бюллетене Миссии «Советский Союз» было опубликовано объявление о проведении репатриации. Этот номер бюллетеня разослали в количестве 2400 экз. по имеющимся у них адресам советских перемещенных граждан. 138 экз. этого номера бюллетеня возвратилось обратно с пометками «уехал в Швецию» или «выбыл». Некоторые из них вернулись обратно, так как адресаты отказались их брать⁵⁸.

Все вышеперечисленные мероприятия, однако, не приносили ощутимых результатов. Судя по обращениям отдельных перемещенных советских граждан, последовавших за публикацией объявления и рассылкой литературы, некоторые из находящихся в Финляндии перемещенных лиц не были осведомлены о том, что имеется возможность выехать на Родину⁵⁹:

1. 20 апреля 1951 г. Консульский Отдел Миссии получил письмо от перемещенной советской гражданки Катри Корикинен. Корикинен благодарила за присланную ей литературу и просила разъяснить ряд вопросов, связанных с отъездом в СССР, так как она раньше вообще не знала о такой возможности.

2. 19 июня 1951 г. в Консульский Отдел Миссии явился советский гражданин Фоуды Осип Осипович, род. в 1929 г. в Ленинградской области. Он просил отправить его в СССР в этот же день, а также рассказал, в каких тяжелых условиях жила их семья (отец, мать и он). На вопрос, почему же он раньше не выехал в СССР, Фоуда ответил, что узнал о том, что это возможно, лишь тогда, когда случайно прочитал в бюллетене «Советский Союз» объявление о репатриации. Его отец и мать остались в Финляндии и также собирались выехать в СССР, когда устроится их сын.

Эти факты говорят о том, что не все перемещенные советские граждане вплоть до 1950-х гг. знали о возможности выехать в СССР. В результате было решено проводить систематическую публикацию объявлений о репатриации. Подобные объявления стали размещать и в провинциальной печати.

В третьем квартале 1951 г. ситуация сильно не изменилась. В СССР желал выехать только Медияйнен со своей семьей, всего шесть человек, но была задержка из-за решения МИДа о въезде его жены – финской гражданки.

На 1 декабря 1951 г. П.П. Атташе – Пузанов провел беседы с 15-ю семьями, из них две семьи выехали и 13 под тем или иным предлогом откладывали свой выезд в СССР до весны. Основная причина задержки в репатриации этих людей заключалась в том, что они не знали истинного положения в Советском Союзе и опасались за свою безопасность. В МИД СССР предполагали, что граждане находились под влиянием буржуазной пропаганды. Однако в адрес этих людей продолжили высылать советские газеты и журналы⁶⁰.

В 1952 г. было решено расширить работу на всю территорию Финляндии. Для этого решили выделить 1–2 сотрудников в помощь Атташе т. Пузанову. Кроме того, в Управлении возобновили демонстрацию советских кинофильмов в сельской местности, в пунктах, где проживает даже незначительное количество перемещенных граждан. В этом активное участие принимали члены общества «Финляндия-СССР»⁶¹.

В результате проведенных мероприятий 27 апреля в кинотеатре «Рояль» состоялся бесплатный киносеанс для интернированных, проживающих в г. Хельсинки. Предварительно разослали 150 пригласительных билетов, но многие адреса с 1946 г. устарели. Советским переселенным гражданам демонстрировали фильм «У них есть Родина» с финскими и шведскими субтитрами. Присутствовало 32 человека. Отмечалось, что кинофильм прошел

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 837. Л. 117.

⁵⁸ Там же. Л. 334.

⁵⁹ Там же. Л. 335–336.

⁶⁰ Там же. Л. 524–530.

⁶¹ Там же. Л. 93–111.

хорошо, некоторые женщины плакали и выразили желание посмотреть новый советский фильм. Установлено, что все присутствующие были знакомы. Многие отказались приезжать на Родину, так как не верили, что им разрешат поселиться в домах, в которых они проживали до войны⁶².

Значительное количество перемещенных лиц осело в Финляндии окончательно. У многих уже были семьи, земля, имущество и т.д. В управлении Совета Министров СССР считали, что главным препятствием к возвращению на Родину было незнание условий жизни в Советском Союзе и боязнь репрессий. В связи с этим Миссия в Финляндии и Петрозаводске издавала брошюру на финском языке с рассказами лиц, возвратившихся из Финляндии, публиковала их письма к знакомым, освещала условия репатриации с помощью выступлений на радио и демонстрации фильмов на встрече с перемещенными гражданами. Выдвигались также предложения устроить массовую рассылку писем от репатриантов своим родным и знакомым в Финляндии, а также командировать проверенных людей с целью склонить своих знакомых к возвращению в СССР⁶³.

Кроме того, в мае 1952 г. было решено подготовить короткометражный фильм о жизни репатриантов на Родине, чтобы показывать его перед полнометражными фильмами. Необходима была и автомашина с шофером-киномехаником. Тем не менее в мае 1952 г. было репатрировано только три человека⁶⁴.

Во втором квартале 1952 г. было установлено, что в Финляндии находились ингерманландцы, проживавшие до 1942–1943 гг. в Красносельском, Красногвардейском, Волосовском районах Ленинградской области. Они были против возвращения в СССР. Многие считали, что в СССР им не давали спокойно жить там, где они хотели бы. Финские власти не притесняли перемещенных граждан СССР, но все они находились на строгом полицейском учете.

В рамках борьбы против финской пропаганды был организован поиск антирепатриационных организаций. Однако таковых обнаружено не было. Большинство принятых Миссией мер не получили желаемого результата и до конца 1952 г. было репатрировано всего 20 человек.

Работа по выявлению и репатриации всех советских граждан, находящихся на территории иностранных государств, продолжалась до конца 1952 г. На основании Постановления Совета Министров СССР от 29 декабря 1952 г. № 5305-2071/с Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации подлежало упразднению к 1 марта 1953 г.⁶⁵

С окончанием Великой Отечественной войны репатриация приобрела большие масштабы. В основном законченной она считалась с территории Финляндии, Греции, Албании и Польши, заканчивалась в Румынии, Италии, Англии, США, Норвегии, Бельгии, Болгарии и Югославии, где производился учет и отправка на Родину отдельных групп и одиночек. Второй этап репатриации советских граждан из Финляндии в СССР проходил в период с 1945 по 1953 г. По учетным данным в Финляндии на 1 июля 1945 г. оставалось 8 630 советских граждан. Их добровольный выезд на родину с каждым месяцем уменьшался. Советское руководство предприняло ряд мер для улучшения показателей, однако это не удалось по следующим причинам: многие оставшиеся советские граждане боялись репрессий по возвращении в СССР; часть граждан утратила свое имущество в СССР (в Ленинградской области и т.д.); существовала и проблема гражданства родственников репатрируемых (муж/жена имеют гражданство другого государства); устроенная жизнь в Финляндии.

Проблема переселения ингерманландцев продолжала существовать еще долгое время после расселения их по пяти областям. Большинство стремились вернуться в Ленинградскую область и Карело-Финскую ССР. Так, СНК Карело-Финской ССР и местные исполкомы в период с 1945 по 1953 г. получали от этих граждан письма-заявления о желании возврати-

⁶² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 901. Л. 113.

⁶³ Там же. Л. 142–144.

⁶⁴ Там же. Л. 153.

⁶⁵ *Большакова Г.И.* Деятельность органов репатриации... С. 27.

ться к прежнему месту жительства. У значительной части этого населения здесь на месте сохранилось домашнее имущество, жилые постройки и члены семьи. Руководствуясь постановлением Совнаркома СССР от 6 января 1945 г. № 30-12а «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» СНК Карело-Финской ССР неоднократно обращалась к советским властям с просьбой разрешить вопрос об их возврате в Республику⁶⁶.

Ответом на просьбы репатриированных в большинстве случаев было то, что решение ГОКО о размещении возвращенных граждан СССР из Финляндии проведено в жизнь и изменить его не представлялось возможным⁶⁷.

Таким образом, репатриация советских военнопленных и интернированных лиц продолжалась до марта 1955 г., когда был возвращен последний военнопленный⁶⁸. Всего в указанный период в Советский Союз прибыло 101 026 чел., из которых военнопленных – 42 140, переселенных граждан – 58 886.

Литература

Большакова Г.И. Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и военнопленных из Финляндии в послевоенный период (1944–1953 гг.). Выборг: Наука и современность, 2014. № 34. С. 24–29.

Большакова Г.И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3 (89). С. 14–19.

Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб.: Изд-во СПб ИИ РАН; Нестор-История, 2003. 450 с.

Мусаев В.И. Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944–1945 гг.) // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944. Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 416–424.

Невалайнен П. Исход: финская эмиграция из России 1917–1939 гг. / авт. пер. с финск. М. Леппя. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: сб. ст. / под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Городецкой и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 452 с.

Пеккаринен Ю., Похьонен Ю. Пощады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944–1981 / пер. с фин. А.А. Воронковой. М.: РОССПЭН, 2010. 302 с.

Филимонов А. В. Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) // Метаморфозы истории: научный альманах. Вып. 9. Псков, 2017. С. 234–257.

Флинк Т. Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944–1955 гг. / пер. с фин. Я. Лапатка. СПб., 2011. 390 с.

Kauppalä P. Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 212–237.

Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomen II maailmansodan aikana // Studia Historica Jyväskyläensia., Pieksämäki: V. Jyväskylän yliopisto. 1967. S. 224–260.

Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki: Otava, 1989. 445 S.

Pohjonen J. Soviet Demands for Repatriations from Finland between 1944 and 1955 // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 180–212.

Rautajoki R. Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2020. 206 S.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 116. Л. 83.

⁶⁷ Там же. Л. 84.

⁶⁸ *Невалайнен П.* Исход: финская эмиграция из России 1917–1939 гг. СПб., 2005. С. 382; *Pohjonen J.* Soviet Demands for Repatriations from Finland... P. 186.

References

Baryshnikov, V.N., Gorodetskaya, T.N. (Eds.). (2006). *Ot voyny k miru: SSSR i Finlyandiya 1939–1944 gg.* [From War to Peace: USSR and Finland 1939–1944]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU. 452 p.

Bol'shakova, G.I. (2014). *Deyatel'nost' organov repatriatsii po vozvrashcheniyu na roдинu sovetskikh grazhdan i voennoplennykh iz Finlyandii v poslevoenny period (1944–1953 gg.)* [Activities of Repatriation Authorities to Return Home Soviet Citizens and Prisoners of War from Finland in the Post-War Period (1944–1953)]. In *Nauka i sovremennost'*. No. 34, pp. 24–29.

Bol'shakova, G.I. (2018). *Nachalnyy period massovoy repatriatsii grazhdanskogo naseleniya i voennoplennykh iz Finlyandii (1944–1946 gg.)* [The Initial Period of Mass Repatriation of Civilians and Prisoners of War from Finland (1944–1946)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota*. No. 3 (89), pp. 14–19.

Fillimonov, A.V. (2017). *Repatrianty v Pskovskoy oblasti v pervye poslevoennye gody (1944–1949)* [Repatriates in the Pskov Region in the First Post-War Years (1944–1949)]. In *Metamorfozy istorii: nauchyy al'manakh*. Pskov, Vol. 9, pp. 234–257.

Kauppalä, P. (2008). *Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate*. In *Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*. Helsinki, Kansallisarkisto, pp. 212–237.

Kulha, K. (1967). *Inkeriläisten siirtäminen Suomen II maailmansodan aikana*. Studia Historica Jyväskyläensia., Pieksämäki, V. Jyväskylän yliopisto. Ss. 224–260.

Lapatka, Ya. (Trans.), Fink, T. (2011). *Domoy v ssylku: deportatsiya ingerlmanlandskikh pereselentsev iz Finlyandii v Sovetskiy Soyuz 1944–1955 gg.* [Kotiin Karkotettavaksi: Inkeriläisen Siirtoväen Palautukset Suomesta Neuvostoliittoon 1944–1955]. St. Petersburg. 390 p.

Leppya, M. (Trans.), Nevalainen, P. (2005). *Iskhod: Finskaya Emigratsiya iz Rossii 1917–1939 gg.* [Punaisen rnyrskyn suornalaiset: Suornalaisten paot ja paluurnuutot idiitii 1917–1939]. St. Petersburg. 446 S.

Musaev, V.I. (2003). *Politicheskaya istoriya Ingerlmanlandii v kontse XIX – XX veke* [Political History of Ingria at the End of the 19th–20th Centuries]. Vtoroe izdanie, ispravlennoe b dopolnennoe. St. Petersburg, Izdatel'stvo Spb II RAN, Nestor-Istoriya. 450 p.

Musaev, V.I. (2006). *Sovetsko-finlyandskoe peremirie i sud'ba sovetskikh peremeshchennykh lits* [The Soviet-Finnish Truce and the Fate of Soviet Displaced Persons (1944–1945)]. In *Ot voyny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939–1944. Sbornik statey*. Izdatel'stvo SpbGU, pp. 416–424.

Nevalainen, P. (1989). *Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla*. Helsinki, Otava. 445 S.

Pohjonen, J. (2008). *Soviet Demands for Repatriations from Finland between 1944 and 1955*. In *Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*. Helsinki, Kansallisarkisto, pp. 180–212.

Rautajoki, R. (2020). *Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944*. Turku, Siirtolaisuusinstituutti. 206 S.

Voronkova, A.A. (Trans.), Pekkarinen, Yu., Pohjonen, Yu. (2010). *Poshchady ne budet: peredacha voennoplennykh i bezhentshev iz Finlyandii v SSSR, 1944–1981* [Ei armoa Suomen selkänahasta: ihmisluovutukset Neuvostoliittoon 1944–1981]. Moscow. 302 S.